Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
(ИСл РАН)

На правах рукописи

Янь Лэй

Югославский кризис (1991–2001): позиция Китая в отношении российской внешней политики

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история
(исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Едемский Андрей Борисович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. Китайское видение глобальных трансформаций и распада Югославии 103

1.1. Советско-китайско-югославский треугольник: идеология и стратегия (1940-е–1980-е гг.) ... 103

1.2. Внешнеполитические концепции Китая и Балканы после окончания холодной войны 134

1.3. Эксперты КНР о причинах распада второй Югославии 154

ГЛАВА 2. Усилия СССР/РФ в югославском кризисе в первой половине 1990-х гг. в китайском зеркале 183

2.1. Оценки политики Москвы официальными лицами и СМИ КНР 188

2.2. Отражение политики Москвы в китайских наблюдениях за Балканами 235

2.3. Политика Москвы в оценках экспертов Китая после 1995 г. 251

ГЛАВА 3. Югославский кризис в 1996–2001 гг.: китайские оценки действий России 278

3.1. Восприятие политики России официальными лицами и СМИ КНР (1996–1999 гг.) 283

3.2. Взгляды китайских экспертов на политику России в 1996–1999 гг. 331

3.3. Восприятие в Китае политики России в 2000–2001 гг. 363

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 380

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ 389

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 392

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вопросы распада социалистической Югославии, югославский кризис и пофрагментарное урегулирование на постъюгославском пространстве в сочетании с его переустройством в контексте геополитических трансформаций в Юго-Восточной Европе продолжают оставаться актуальной темой, привлекая к себе заинтересованное внимание во всех сегментах публичного пространства. Противоречивые, а часто и полярные оценки роли России в этих событиях, при ее пульсирующем и не всегда стабильном внимании к Балканам и рост значения Балкан для КНР в контексте резко возросшего внимания Пекина к странам Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) в целом (инициатива «16+1» и проект «Один пояс – один путь») подтверждают актуальность темы. Процессы, события и действия внешних акторов, происходившие в регионе, становятся причиной появления различных интерпретаций, идей, выдвижения многочисленных гипотез, среди которых в настоящее время встречаются и идеи о желательности и даже необходимости координации действий РФ и КНР в регионе и о распределении ролей, когда Китаю «достаются» Балканы, а России – влияние в республиках бывшего Советского Союза[1]. Во избежание подобных сенсационных прожектов представляется существенным кратко обратиться к истокам восприятия в Китае роли Югославии в балканском регионе и в мире до ее дезинтеграции и отношениям Москвы и Белграда в китайской интерпретации. Пристальное внимание также следует уделить демонстрации динамики постепенного усиления позитивного интереса Китая сначала к югославскому опыту в 1970–1980-е гг., как предыстории, а затем и к событиям на постъюгославском пространстве, включая внимание к разнообразным внешним воздействиям на регион со стороны основных мировых акторов. Бесспорно, что за достаточно краткий (особенно для китайской истории) период всего в несколько десятилетий Китай прошел, или даже «пробежал», достаточно сложный путь в восприятии Балкан и центральной роли Югославии в них. Начав с заинтересованного внимания к внешним успехам титовской Югославии и отстраненных опасений последствий ее кризисного состояния и вялотекущей дезинтеграции в 1980-е гг. и последующего резкого распада в начале десятилетия 1990-х гг., он перешел от неодобрительного, но сдержанно осторожного отношения к происходившему в регионе

[1] Подробнее на эту тему, но без налета сенсационности см.: *Nouwens V., Ferris E.* Sino–Russian Interests in Serbia: Competitive, Coordinated or Complementary? // RUSI Occasional Paper. London: Royal United Services Institute, 2020. URL: https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/occasional-papers/sino-russian-interests-serbia-competitive-coordinated-or-complementary (дата обращения: 04.06.2026); *Šćepanović J.* The Sheriff and the Banker? Russia and China in Central Asia // War on the Rocks. 2022. 13 June. URL: https://warontherocks.com/the-sheriff-and-the-banker-russia-and-china-in-central-asia/ (дата обращения: 04.06.2026).

кризису и переустройству пространства, занимавшегося странами социализма, к твердому стремлению блокировать агрессивные намерения внешних акторов. Начиная с первого десятилетия 2000-х гг. Китай проявлял возрастающую вовлеченность в содержательный поиск существующих и создания новых деловых возможностей и сфер приложения китайских трудовых ресурсов и капитала, что привело к созданию механизма сотрудничества КНР и стран ЦЮВЕ в начале второго десятилетия XXI столетия, при существенной опоре на Сербию. Вместе с тем устойчивое и до недавних пор успешное развитие данного сотрудничества, все же находится в тени мирового внимания в сравнении с широко рекламируемым проектом «Один пояс – один путь».

Начиная с 1999 г., конфликты на Балканах в конце XX в., а особенно военные действия Североатлантического альянса (НАТО) против Союзной Республики Югославии (СРЮ) и бомбардировка посольства Китая в Белграде, всколыхнувшее власти КНР и общественное мнение в стране, традиционно рассматриваются как типичный пример того, как США, используя НАТО, нарушают международное право и бесцеремонно проводят политику гегемонизма и силы. В этом контексте изучение политики России в югокризисе и ее восприятия в Китае позволяет не только выявить конкретно-исторические условия и углубиться в корни сближения Москвы и Пекина, обусловленного общей позицией противостояния однополярному миру, неспровоцированному интервенционизму и менталитету новой холодной войны, но и проследить, каким образом они стали важной основой совместного продвижения Пекином и Москвой концепции «Новой безопасности»[2].

Изучение политики России в югославском вопросе и на постъюгославском пространстве в целом в 1991–2001 гг. и ее восприятия в Китае способствует не только более глубокому пониманию трансформации современной международной системы, начавшейся в 1989 г., но и выявлению эволюции логики в позиции Китая в региональных конфликтах на нашей планете, а также вклад исторической памяти в механизмы формирования его дипломатического дискурса, что придает исследованию теоретическое и практическое значение.

---

[2] Концепция «Новой безопасности», предложенная председателем КНР Цзян Цзэминем 26 марта 1999 г. в выступлении на конференции по разоружению в Женеве, стала важным элементом внешнеполитического курса Пекина в период, последовавший за окончанием холодной войны, и была направлена на переосмысление традиционных подходов к международной безопасности в условиях трансформации мирового порядка. Ее основное содержание заключается в отказе от классической модели безопасности, основанной на военных союзах и гонке вооружений, и в переходе к модели, ориентированной на диалог, сотрудничество и укрепление взаимного доверия между государствами. Ключевыми принципами новой концепции безопасности являются: взаимное доверие, взаимная выгода, равенство и сотрудничество, а также отказ от менталитета холодной войны.

Дополнительную актуальность придает рассматриваемой теме и конфликт на Украине. Понимание позиции Китая в российско-украинском конфликте является важным. Стратегическое сближение Москвы и Пекина не следует рассматривать как «ось зла», как это нередко делают некоторые западные СМИ[3]. Оно является результатом эволюции представлений России и Китая о международной безопасности, основанной на международном праве и исторических фактах, послуживших катализатором конфликта: расширение НАТО на Восток, использование Вашингтоном военной силы в обход Совета Безопасности ООН, двойные стандарты Запада в отношении сторон конфликтов и другие. В его фундаменте не только общая историческая память десятилетия 1990-х гг., но и приверженность базовым принципам международного права.

Постановка проблемы. Балканский регион, являясь ключевой зоной пересечения цивилизаций, издавна был полем конкуренции великих держав Запада и Востока. Трансформации, начатые в регионе в 1989 г. в Румынии и Болгарии, в течение всего периода 1990-х гг. были продолжены на югославянских землях, дав импульс к распаду второй титовской Югославии[4] и краха ее системы социалистического самоуправления.

Распад Югославии и последующие за ним события привели к крупным изменениям внутри Балканского региона, и стали ярким отражением трансформации мирового порядка, перестройки международных отношений и глубокой корректировки баланса международных сил. Этот процесс не только спровоцировал жестокие этнические конфликты, серьезно нарушив мир и стабильность в регионе, но и вызвал цепную реакцию геополитических преобразований. Это привело к фундаментальным изменениям в соотношении сил и стратегических расчетах великих держав, а также оказало глубокое влияние на темпы и содержание перемен в мировом масштабе.

С изменением глобальной конфигурации влияние Германии, США и Европейского экономического сообщества (ЕЭС, впоследствии трансформировавшегося в Европейский союз) в европейских делах значительно усилилось, в то время как влияние России

---

[3] China’s Olympics Are at the Center of a New Axis of Evil // National Review. 12.02.2022. URL: https://www.aei.org/op-eds/chinas-olympics-are-at-the-center-of-a-new-axis-of-evil/ (дата обращения: 21.04.2026); Former NATO Chief Warns Against "Axis of Autocracies" // Voice of America. 19.01.2024. URL: https://www.voanews.com/a/former-nato-chief-warns-against-axis-of-autocracies-/7447098.html (дата обращения: 21.04.2026); Kuenssberg L. West facing "authoritarian" alliance, says NATO chief // BBC News. 06.04.2024. URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-68743805 (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Вторая титовская Югославия – социалистическое югославское государство, существовавшее с 1945 по 1992 г. До 1963 г. оно называлось Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ), после – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Бессменным руководителем государства до своей смерти в 1980 г. был Й. Броз-Тито. Вторая Югославия противопоставляется Первой Югославии – Королевству Югославия, существовавшему с 1841 по 1918 гг. Здесь и далее при упоминании Югославии без уточнения понимается вторая Югославия.

относительно уменьшилось. В этом контексте волна либерализации в Восточной Европе и идеологические трансформации побудили бывшие восточноевропейские страны, включая Россию, пересмотреть и сформулировать свою внешнюю политику, четко определив национальные интересы и направления развития. Кризис и распад Югославии в 1990-х гг. предоставили новую арену для политического маневрирования таким международным силам, как Россия, США, ЕС и НАТО. Особенно для России процесс распада и дифференциации Югославии в определенной степени стал также процессом формирования, развития и совершенствования российской внешней политики. Действия и эволюция позиции Москвы в Балканском регионе стали важным индикатором, отражавшим динамику отношений России с Западом и внешнюю оценку российской внешней политики.

Китайская позиция в отношении внешней политики России в югославском кризисе представляет собой многогранную и комплексную проблему, которая не только отражает взгляды Китая на конкретные события на Балканах, но и демонстрирует глубокое понимание Китаем глобального геополитического устройства мира, роли США и НАТО, а также многополярного мирового порядка. Это восприятие затрагивает множество аспектов, включая отношения между великими державами, международные правила и условия, важность безопасности и стабильности региона, экономическое и энергетическое сотрудничество и взаимодействие с внешним миром. Исследование данной темы позволяет также лучше понять текущее состояние и тенденции развития китайско-российских отношений, проникнуть в суть оценки Китаем международной ситуации, а также дать достаточно определенную оценку различным интерпретациям и предположениям внешнего мира относительно участия Китая и России в сотрудничестве в Балканском регионе. Это не только имеет решающее значение для понимания текущей динамики международных отношений, но и предоставляет уникальную и ценную перспективу для прогнозирования эволюции Балкан и будущего глобального порядка в целом.

Объект исследования составляют заключительные фазы югославского кризиса, проявившегося после смерти Й. Броза-Тито: распад СФРЮ, последовавшие за этим межнациональные конфликты и гражданские войны (прежде всего война в Боснии и Герцеговине, гражданская война в Хорватии до августа 1995 г. и нарастание кризисных моментов в Косове с апогеем в 1999 г., а также конфликт в Македонии в 2000–2001 гг.) в период 1990-х – начала 2000-х гг. на постъюгославском пространстве, а также усилия ведущих мировых сил по стабилизации положения в регионе.

Предметом исследования является эволюция восприятия в Китае политики и

конкретных действий Советского Союза и России в отношении процесса распада второй, социалистической Югославии, а также образованию новых постъюгославских государств-наследниц СФРЮ, с учетом трактовки основных исторических событий в регионе и усилий всех акторов, больших и малых, принимавших участие в исторических процессах 1990-х гг. Основное внимание уделяется России и в меньшей мере – Советскому Союзу до 1991 г.

Хронологические рамки исследования определены – по нижней границе – окончанием холодной войны в октябре–декабре 1989 г., ключевыми событиями которого стали крах режимов советского типа в Восточной Европе и мальтийская встреча президентов США и Советского Союза, а верхним временным пределом – 2001 г. Вместе с тем для описания эволюции китайской научной мысли в отношении событий 1990-х гг. изучены и учтены находящиеся в открытом доступе материалы, опубликованные в период с 2001 до мая 2026 гг.

Цель исследования заключается в выявлении специфики восприятия в Китае событий и оценки процессов геополитического переустройства, происходивших на постъюгославском пространстве, их турбулентности и динамизма, и действий России в регионе, с особым вниманием на отражении ее внутри- и внешнеполитического контекста реакции Китая.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Показать предысторию сложившейся к 1990 г. в СФРЮ ситуации, сделав акцент на отношении КНР к кризисным моментам в Югославии в 1980-е гг. и ранее, а также к противоречивому развитию советско-югославских отношений после 1948 г. и до конца 1980-х гг.;

2. Охарактеризовать причины распада второй Югославии и раскрыть содержание основных концепций Китая о международных отношениях и мировом порядке, определивших китайский подход к оценке югославского кризиса;

3. Описать позиции руководства Китая и китайской дипломатии, отраженные в выступлениях и заявлениях по поводу военных действий на Балканах, геополитического переустройства региона и становления новых государств на пространствах бывшей СФРЮ;

4. Раскрыть отраженные в СМИ особенности позиции и восприятия балканского кризиса китайской общественностью, а также проанализировать оценки экспертного сообщества в отношении политики и практических действий России на Балканах в рассматриваемый период;

5. Охарактеризовать основные этапы формирования и развития представлений в

Китае о процессах дезинтеграции бывшей Югославии, этнических конфликтах и гражданских войнах на постъюгославском пространстве в исследуемый период, а также об эволюции действий России в регионе.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности, историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы, а также общенаучные методы анализа и синтеза, описания, измерения, объяснения и специальные методы анализа источников – дискурс-анализ, контент-анализ, ивент-анализ.

В работе был использован и историко-генетический метод, позволяющий последовательно проследить политику России в отношении постъюгославских государств и динамику ее восприятия и оценки в Китае прежде всего в период с 1991 г. по 2001 г., выявить ключевые этапы и определить поворотные моменты оказавших влияние на корректировку собственной стратегии Китая и его конкретных дипломатических действий, и охарактеризовать становление и постепенное развитие китайско-российского взаимодействия как отражения геополитических трансформаций на международной арене, а также развития и укрепления экономических связей и общего сотрудничества Китая с государствами Юго-Восточной Европы. В работе был также использован сравнительно-исторический метод, позволяющий выделить сходства и различия в интерпретации Китаем политики России на территории бывшей Югославии в рассматриваемый период. Сопоставление взглядов китайских ученых позволило рассмотреть, как различаются их оценки одного и того же исторического события в рассматриваемый период, а также проследить эволюцию их мнений по отношению к этому событию в последующем. Сравнительный анализ также позволяет обнаружить сходства и различия в восприятии одного и того же события Китаем и Россией, а также выявить и объяснить факторы, которые оказали влияние на возникновение подобных различий. Историко-типологический метод применялся для классификации и обобщения различных подходов китайских экспертов к оценке российской политики на Балканах и выделения основных типов ее интерпретации.

Особое внимание как при сборе материала, так и его изучении было уделено дискурс-анализу, позволившему выделить и описать ключевые внешнеполитические нарративы, которые находят свое отражение в публицистике, дипломатической риторике, академических сочинениях и материалах СМИ, и формируют устойчивое представление об оценке Китаем политики России на Балканах. Кроме того, в исследовании также использовались общенаучные методы теоретического исследования, в том числе анализ, синтез. Контент-анализ применялся при исследовании российских и китайских научных

публикаций, официальных документов, материалов СМИ и дипломатических источников с целью выявления основных подходов к оценке политики России на Балканах и особенностей ее восприятия в Китае. Ивент-анализ использовался для реконструкции последовательности ключевых событий югославского кризиса и анализа их влияния на эволюцию российской политики на Балканах, а также на формирование китайского восприятия данной политики.

Источниковая база исследования состоит из широкого круга документов и материалов, определенных и выявленных преимущественно на первых стадиях исследования, собранных и изученных во время работы над диссертацией. Современная архивная ситуация в КНР не допускает использовать документов по истории международных отношений и внешней политики КНР, созданных в 1990-е гг. Такого рода документы доступны для исследователей только до середины 1960 гг. Тем не менее в исследовании использован широкий круг документов и материалов, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. Основную массу источников составляют документы, размещенные на соответствующих электронных ресурсах, что в определенной мере упростило действия по поиску необходимых материалов, но вынуждало проводить их жесткую селекцию, так как объем информации, представленной в доступных ресурсах значителен, особенно с учетом хронологических рамок протекания югославского кризиса.

Выявленные, собранные и изученные во время исследования источники можно разделить на шесть групп в соответствии с их формой, происхождением и содержанием и иными видовыми характеристиками.

1. К первой группе относятся официальные документы и материалы, которые, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы

1.1. Первую из них составили официальные партийно-государственные тексты КНР и Коммунистической партии Китая (КПК) (преимущественно на китайском языке): материалы съездов КПК [5] (резолюции, отчеты, доклады), выступления, интервью, заявления политических лидеров КНР, дипломатических работников высшего звена и официальных представителей МИД КНР, а также выступления и заявления представителей КНР в международных организациях. Среди них: «Дэн Сяопин. Избранное»[6], «Цзян Цзэмин. Избранное»[7], «Бюллетень Государственного совета КНР»[8],

[5] Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // Кит. информационный интернет-центр. 2002. 19 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm (дата обращения: 11.01.2025).

[6] *Дэн Сяопин.* Избранное. Т. III (1982–1992). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 537 с.

[7] *Цзян Цзэминь.* Избранное. Т. I–II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2010; 2012. 769 с.; 691 с.; 江泽民论有中国特色社会主义（专题摘编）. 北京: 中央文献出版社, 2002.

«Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей»[9], «Обзор внешней политики Китая» [10], а также (менее официальный) «Сборник выступлений китайской делегации на конференциях ООН»[11]. Эти материалы не только разъясняют внешнеполитический курс, позиции и принципы китайского государства, но и демонстрируют нормы поведения и стандарты действий КНР в мировом сообществе.

1.2. Ко второй подгруппе этой группы относятся привлеченные для использования в исследовании российские официальные документы, среди которых: нормативно-законодательные документы[12], указы президента РФ и информационные сообщения от его имени, постановления и иные материалы российского правительства, официальная документация МИД РФ, материалы последних лет работы Верховного Совета РСФСР и Государственной Думы РФ.

Наиболее значимыми и серьезно изученными во время работы над темой данного исследования стали ежемесячные выпуски за соответствующие годы официального издания МИД РФ «Дипломатический вестник», в которых, помимо традиционных материалов его постоянных рубрик, были обнаружены вопросы, которые задавали аккредитованные при пресс-центре МИД РФ корреспонденты ведущих СМИ Китая по поводу ключевых событий югославского кризиса и действий России, что позволило определить круг тем, представлявших наибольший интерес для потребителей их информации в Китае.

К этой же подгруппе российских документальных материалов относятся и сборники соответствующих документов и материалов, посвященных распаду Югославии [13], протеканию югославского кризиса и действиям РФ как на официальном уровне, так и

---

753 с. [О социализме с китайской спецификой: Сб. высказываний по темам Цзян Цзэминя. Пекин: Центральное литературное издательство].

[8] 中华人民共和国国务院公报 // 中华人民共和国中央人民政府. [Бюллетень Государственного совета КНР // Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn/gongbao (дата обращения: 11.01.2025).

[9] 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报. 北京: 中国法制出版社. [Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Пекин: Китайское юридическое издательство].

[10] 中国外交概览 / 中华人民共和国外交部外交史研究室. 北京: 世界知识出版社. [Обзор внешней политики Китая / Отдел истории дипломатии МИД КНР. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[11] 中国代表团出席联合国有关会议发言汇编 （1999 年） / 中国联合国协会编. 北京: 世界知识出版社, 2000. 322 с. [Сборник выступлений китайской делегации на конференциях ООН 1999 г. / Сост. Китайская ассоциация ООН. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[12] Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (январь 1993 г.). 23 с.

[13] Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 39–247; В Политбюро ЦК КПСС: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Горбачев-Фонд, 2008. 800 с.

реакции российского общества, агрессии НАТО против СРЮ[14]. Значительное место среди них занимают материалы, собиравшиеся в Центре документации балканского кризиса (в первой половине 1990-х гг. в Институте научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН), а с 1996 г. – при Институте славяноведения РАН), под руководством Е.Ю. Гуськовой[15].

1.3. Официальные документы США из трех архивохранилищ (коллекций документов)

1.3.1. Материалы слушаний в комитетах американского Конгресса[16], посвященные событиям на Балканах, прежде всего в связи с военными действиями в Боснии и в Косове. Во время этих слушаний обсуждались не только подходы и действия США и НАТО, но и затрагивались позиции России и Китая[17]. Данные материалы позволили проследить эволюцию американской внешнеполитической стратегии, а также выявить реакцию и аргументацию законодателей по вопросам внешнего, международного вмешательства под лозунгом «гуманитарных интервенций» и рассмотреть их последствия для баланса сил в Балканском регионе.

1.3.2. Документы виртуального исследовательского центра и публичного архива Цифровой библиотеки имени Клинтона (Clinton Digital Library)[18], содержащего ценные оцифрованные рассекреченные записи, аудио и видеоматериалы. Для диссертации были

---

[14] В огне Балканской войны: Сб. документов и материалов о «воздушной войне» НАТО против Югославии с 24 марта по 10 июня 1999 г. / Под ред. Ю.П. Савельева. СПб.: Сев. звезда, 2002. 512 с.

[15] Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Экспертинформ, 1992. 372 с.; Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2. / Сост., отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Славянская летопись, 1993. 503 с.; Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2, 3. М.: Индрик, 2000. 496 с.; 288 с.; Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М.: Индрик, 2006. Т. 1. (1878–1997). М., 2006; Т. 2. (1998–1999). М., 2007; Т. 3. (2000–2005). М., 2008; Т. 4 (2006–2010). М., 2011. 312 с.; 384 с.; 376 с.; 512 с.

[16] ProQuest Congressional. URL: https://congressional.proquest.com/congressional (дата обращения: 05.01.2026).

[17] Например: Declaring State of War Between United States and Government of Federal Republic of Yugoslavia // library of Congress. April 28, 1999. Vol. 145. № 59. URL: https://www.congress.gov/congressional-record/volume-145/issue-59/house-section/article/H2427-1(дата обращения:19.09.2025); S. Hrg. 106–265. The War in Kosovo and a Postwar Analysis: Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Sixth Congress, First Session, April 20, September 28 and October 6, 1999. Washington: U.S. Government Printing Office, 2000. URL: https://www.congress.gov/106/chrg/CHRG-106shrg57452/CHRG-106shrg57452.pdf (дата обращения: 19.09.2025); H.J. Res. 44 «Declaring a State of War Between the United States and the Government of the Federal Republic of Yugoslavia» Vol. 145. No. 59 (April 28, 1999). P. H2427 // Library of Congress. URL: https://www.congress.gov/106/crec/1999/04/28/145/59/CREC-1999-04-28-pt1-PgH2427.pdf (дата обращения: 19.09.2025); Developments in the Balkans: Hearings before the Committee on International Relations, House of Representatives, One Hundred Sixth Congress, Second Session, April 11 and July 19, 2000. Serial No. 106–169. Washington: U.S. Government Printing Office, 2000 // library of Congress. URL: https://www.congress.gov/106/chrg/CHRG-106hhrg68286/CHRG-106hhrg68286.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

[18] Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us (дата обращения: 05.01.2026).

использованы документы, среди которых почти тысяча страниц расшифрованных стенограмм телефонных разговоров и личных встреч президентов России и США[19]. Эти документы позволили пролить дополнительный свет на формирование и эволюцию позиции России по югославскому кризису.

1.3.3. Документы и материалы, хранящиеся в Архиве национальной безопасности (National Security Archive)[20], неправительственным научно-исследовательским центром и крупнейшим в США негосударственным архивным учреждением, расположенным на территории кампуса Университета Джорджа Вашингтона в Вашингтоне (округ Колумбия), созданным в 1985 г. с целью борьбы с политикой разраставшейся секретности в американском архивном деле, добивающимся рассекречивания документов на основе Федерального закона США о свободе информации и за полвека со времени его основания в 1985 г. ставшим крупнейшим неправительственным центром сбора и хранения рассекреченных американских документов и материалов специализированных тематических коллекций зарубежных рассекреченных документов, размещающим их на соответствующих интернет-ресурсах. Нами были использованы хранящиеся в нем материалы[21], касающиеся двусторонних контактов Китая, России и США в 1990-е гг.

2. Важность использованной в нашем исследовании документации ООН позволяет выделить их в отдельную (вторую) группу источников диссертации, содержащихся в Системе официальной документации ООН (СОД / ODS) – базы данных в которой хранятся полные тексты всех резолюций и официальные отчеты (стенограммы заседания на всех языках ООН). Системное их использование в диссертации, позволившее выявить сходства и различия в позициях представителей КНР и РФ в СБ ООН при голосовании проектов резолюций по югославским вопросам, позволяет полагать, что в мировой историографии таким образом эти документы использованы впервые.

3. Важнее значение для диссертации имело изучение и использование третьей группы источников – материалов ведущих китайских СМИ. В ходе работы были

---

[19] Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57569 (дата обращения: 05.01.2026).

[20] National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/ (дата обращения: 08.06.2026).

[21] Например: Cable, Amembassy Beijing 010155 to RUECH / Secretary of State, October 29, 1999. Subject: U/S Pickering's October 28 Lunch with Chinese Vice Foreign Minister Yang Jiechi: International Issues and More on Taiwan // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/18250-national-security-archive-doc-26-cable-amembassy (дата обращения: 19.09.2025); Memorandum to Sec. Albright, APNSA Berger, OVP Fuerth from Strobe Talbott, "Trip Report No. 2 (from Moscow) // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/32240-document-17-memorandum-sec-albright-apnsa-berger-ovp-fuerth-strobe-talbott-trip (дата обращения: 19.09.2025); Memorandum of Conversation between Secretary Christopher and Foreign Minister Kozyrev. Apr 26, 1995 // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/27171-doc-17-memorandum-conversation-between-secretary-christopher-and-foreign-minister (дата обращения: 19.09.2025).

проанализированы наиболее значимые ежедневные издания Китая: ежедневная газета «Жэньминь жибао» (ЖМЖБ), «Справочные новости»[22], «Гуанмин жибао» (ГМЖБ)[23], «Хуаньцю шибао» (ХЦШБ)[24]. Помимо этого также были привлечены еженедельные издания – прежде всего журнал «Ляован»[25] информационного агентства Синьхуа. Анализ этих материалов позволил составить более подробное представление о действиях и заявлениях китайской дипломатии; а также выявить основные тенденции информационных потоков и оценки, оказавшие существенное влияние на формирование общественного мнения в Китае в отношении событий на постъюгославском пространстве и позиции России. В качестве дополнительных источников этой подгруппы также были изучены специальные сборники материалов китайских СМИ[26], опубликованные в КНР в период агрессии НАТО против Югославии, в которых не только оперативно освещались события весны-начала лета 1999 г., но и давался их предварительный экспресс-анализ, включая и оценку роли России.

4. К четвертой группе источников относится мемуарная литература, которая

---

[22] Газета «参考消息» («Cankao Xiaoxi», «справочные новости»), основана в 1931 г. и издается агентством Синьхуа. Она является одним из ключевых китайских изданий, специализирующихся на переводе и перепечатке материалов зарубежных СМИ. Обладая правом прямой републикации иностранных источников, она ориентирована преимущественно на внутреннюю аудиторию и отражает международную повестку через призму китайского медиадискурса.

[23] Газета «光明日报» («Guangming Daily», «Гуанмин жибао») – китайское ежедневное издание, основанное в 1949 г. и выпускаемое под эгидой Коммунистической партии Китая. Традиционно ориентирована на интеллектуальные круги и академическое сообщество, публикует материалы по вопросам образования, науки, культуры и идеологии, а также освещает общественно-политическую повестку.

[24] Газета «环球时报» («Global Times» / «Хуаньцю шибао») – китайское общественно-политическое издание, основанное в 1993 г. как дочерний проект «Жэньминь жибао», специализирующееся на международной тематике и внешнеполитических вопросах, известна более выраженным публицистическим стилем и активным освещением международных конфликтов и глобальной повесткой.

[25] Журнал «瞭望周刊» (Еженедельник «Ляован»), являясь важным информационным изданием, принадлежащим агентству Синьхуа, представляет собой старейший и наиболее влиятельный новостной еженедельник в Китае. Опираясь на глобальную сеть корреспондентов агентства Синьхуа, издание создало систему сбора новостей и распространения информации. В период югославского кризиса «Ляован» в специализированных рубриках «Международное обозрение», «Мир сегодня» и «Специальные репортажи», опубликовал значительное количество глубоких аналитических материалов о ситуации на Балканах.

[26] 聚焦科索沃（上、下）/ 郑刚主编. 北京: 当代世界出版社, 1999. 612 с. [Фокус на Косове в двух томах // Под ред. Чжэн Гана. Пекин: Изд-во «Современный мир»]; 中国人民不可侮 / 人民日报出版社编, 北京: 人民日报出版社, 1999. 141 с. [Недопустимо унижать народ Китая / Сост. Издательство «Жэньминь жибао». Пекин: Изд-во «Жэньминь жибао»]; 中国愤怒了 — 中国驻南使馆被炸之后 / 高秋福主编. 北京: 新华出版社, 1999. 167 с. [Китай разгневался: после бомбардировки посольства КНР в Югославии / Под ред. Гао Цюфу. Пекин: Издательство «Синьхуа»]; 科索沃战火特快传真 / 新华社国际部编著. 北京: 改革出版社, 1999. 259 с. [Экспресс-сообщения о войне в Косове / Международный отдел агентства Синьхуа. Пекин: Издательство «Реформа»].

подразделяется на две подгруппы по ее происхождению (китайская и российская).

4.1. Среди источников этой подгруппы на китайском языке, помимо мемуаров известных партийно-государственных деятелей Китая, включая и полные автобиографии, хронологии жизни и служебной деятельности, а также другие подобные материалы личного характера, такие как интервью, записанные по прошествии многих лет после происходивших событий. Среди использованных в работе источников этой группы следует выделить также и подгруппу мемуаров китайских дипломатов из книг министра иностранных дел Тан Цзясюаня [27], посла КНР в Белграде Пань Чжаньлиня [28], высокопоставленного дипломата, долгие годы проработавшего на балканском направлении, Ли Маньчана[29] и постоянного представителя КНР при ООН Цинь Хуасуня[30]. К этой же подгруппе данной группы источников также следует отнести книгу «Трансформация: интервью с бывшими послами Китая в восьми странах Восточной Европы» [31]. Большое значение имело знакомство с воспоминаниями работавших в Югославии журналистов китайских СМИ: книги сотрудников корпункта ЖМЖБ в Белграде Ху Сицзиня [32] (1993–1996), Люй Яньсуна [33] (1996–2000) и приехавшего в Белград в 1994 г. сотрудника агентства «Синьхуа» Ван Япина[34], а также корреспондентов ГМЖБ Хань Сяньяна[35] и Центрального телевидения Китая в Брюсселе (с февраля до июля 1999 г.) Гу Юйлуна [36]. В дополнение к ним были использованы: сборник

---

[27] *唐家璇.* 劲雨熙风唐家璇外交回忆录. 北京: 世界知识出版社, 2009. 462 с. [*Тан Цзясюань.* Дипломатические мемуары Тан Цзясюаня. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[28] *潘占林.* 战火中的外交官: 亲历北约炸馆和南联盟战火. 北京: 当代中国出版社, 2006. 261 с. [*Пань Чжаньлинь.* Дипломат в огне войны: личный опыт свидетеля бомбардировки НАТО китайского посольства и войны в СРЮ. Пекин: Издательство современного Китая].

[29] *李满长.* 多党制与南斯拉夫分裂. 北京: 人民出版社, 2013. 329 с. [*Ли Маньчан.* Многопартийная система и распад Югославии. Пекин: Народное издательство].

[30] *秦华孙.* 出使联合国. 北京: 新华出版社, 2010. 265 с. [*Цинь Хуасунь*. Работа в ООН. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

[31] *徐鹏堂.* 嬗变: 访谈中国前驻东欧八国大使. 北京: 中共党史出版社, 2010. 228 с. [*Сюй Пэнтан*. Трансформация: интервью с бывшими китайскими послами в восьми странах Восточной Европы. Пекин: Издательство партийной истории КПК].

[32] *胡锡进.* 波黑战地采访手记. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1997. 294 с. [*Ху Сицзинь.* Заметки о войне в БиГ. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство].

[33] *吕岩松.* 我亲历中国使馆被炸: 来自南斯拉夫的战地报告. 北京: 人民日报出版社, 1999. 227 с. [*Люй Яньсун.* Я своими глазами видел взрыв китайского посольства: военный репортаж с места событий из Югославии. Пекин: Издательство «Жэньминь жибао»].

[34] *汪亚平.* 一位中国记者眼里的波黑悲剧. 北京: 时事出版社, 1997. 314 с. [*Ван Япин.* Трагедия Боснии и Герцеговины глазами китайского журналиста. Пекин: Издательство текущих событий].

[35] *韩显阳.* 阴影里的逐杀: 美英情报机构是如何颠覆南斯拉夫的. 北京: 当代世界出版社, 2003. 450 с. [*Хань Сяньян.* Убийство в тени: как разведывательные службы США и Великобритании проводили подрывную работу против Югославии. Пекин: Издательство «Современный мир»].

[36] *顾玉龙.* 我在北约机翼下追逐巡航导弹. 合肥: 安徽文艺出版社, 2002. С. 403. [*Гу Юйлун.* В погоне за крылатыми ракетами под крылом самолета НАТО. Хэфэй: Аньхойское издательство литературы и искусства].

«Незавершенные военные репортажи»[37], составленный в 1999 г. редакцией ГМЖБ в память о погибших в Белграде в мае 1999 г. журналистах Сюй Синху и Чжу И; и сборники «Интервью в огне войны: будни и ночи корреспондентов Синьхуа в Югославии»[38] и «На поле боя в крови и огне»[39].

4.2. Мемуары российских государственно-политических деятелей и высокопоставленных дипломатов. Книги А.В. Козырева [40], Б.Н. Ельцина [41], В.С. Черномырдина[42], Е.М. Примакова[43], Е.Т. Гайдара[44], И.С. Иванова[45] в значительной мере помогли знакомству с политической ситуацией в исследуемый период. В дальнейшем были использованы книги значимых фигур российской дипломатии этого периода: В.И. Чуркина, А.Л. Адамишина, В.В. Костикова, Ю.М. Воронцова, Ю.М. Котова[46], и составленные в мае 1999 г. для журнала «Международная жизнь»[47] впечатления С.В. Лаврова о деятельности немногочисленной группы российских наблюдателей, находившихся в Косове в июле–августе 1998 г.[48] К этой плеяде источников принадлежит написанная в 2024 г. статья П.Р. Палажченко[49], переводчика президента СССР М.С. Горбачева. Знакомство с этой группой источников позволило

---

[37] *徐晓, 田苗, 高迟.* 未写完的战地日记. 北京: 光明日报出版社, 1999. 368 с. [*Сюй Сяо, Тянь Мяо, Гао Чи*. Незавершенные военные репортажи. Пекин: Издательство «Гуанмин Жибао»].

[38] 战火中采访: 新华社驻南记者的日日夜夜 / 夏林编著. 北京: 新华出版社, 1999. 232 с. [Интервью в огне войны: дни и ночи корреспондентов Агентства Синьхуа в Югославии / Ред.-сост. Ся Линь. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

[39] 在血与火的战场上 / 高秋福、薛群主编. 北京: 新华出版社, 1999. С. 237–257. [На поле боя в крови и огне / Под ред. Гао Цюфу, Сюэ Цюня. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

[40] *Kozyrev A.* The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy. Pennsylvania: The University of Pittsburgh Press. 2019. 368 с.; *Козырев А.* Преображение. М.: Международные отношения, 1995. 333 р.

[41] *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2000. 428 с.; *Он же*. Записки президента. М.: Огонек, 1994. 425 с.

[42] *Черномырдин В.С.* Время выбрало нас. М.: Художественная литература, 2011. 250 с.

[43] *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. 448 с.; *Он же.* Восемь месяцев плюс. 2-е изд. М.: Мысль, 2001. 238 с.; *Он же.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Центрполиграф, 2016. 250 с.; *Он же.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2024. 360 с.

[44] *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1997. 366 с.

[45] *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.

[46] *Адамишин А.Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир, 2016. 460 с.; Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / Ред.-сост. В.Н. Казимиров. М.: Международные отношения, 2009. 262 с.; *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: ВАГРИУС, 350 с.; *Котов Ю.* На манжетах мелом. О дипломатических буднях без прикрас. М.: Человек, 2021. 485 с.; *Чуркин В.И.* Трудности перевода. Воспоминания. М.: ОЛМА, 2020. 440 с.

[47] Номер был подписан к печати 5 июня 1999 г.

[48] *Лавров С.* Косово глазами очевидца из группы дипломатических наблюдателей // Международная жизнь. 1999. №. 6. С. 59–67.

[49] *Палажченко П.Р.* Взгляд участника переговоров: Югославия в Ново-Огарево и в Кремле летом и осенью 1991 г. // Распад Югославии: тридцать слет спустя: коллективная монография / Отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М., 2024. С. 109–118.

понять, каким образом в России воспринимались балканские кризисы во время президентства Ельцина и какие шаги предпринимались в Москве для их урегулирования.

5. К пятой группе источников диссертации относится солидный корпус справочно-информационных изданий КНР по международным проблемам, среди которых особое значение имели ежегодники, составленные ведущими научно-исследовательскими институтами Китая и издательствами, специализирующимися на выпуске литературы по международным проблемам. Их изучение было особо необходимым не только потому, что публиковавшиеся в них материалы странового характера позволяют проследить динамику эволюции отношения и оценок в Китае в отношении значимых событий и процессов на постъюгославском пространстве от распада СФРЮ на ряд новых государств до укрепления их государственности за эти годы. В диссертационном исследовании были использованы три таких издания за одиннадцать лет: «Ежегодник знаний о мире» (Издательство «Знания о мире», 1991–2002)[50], «Ежегодник международной обстановки»[51] (Шанхайской академией международных проблем, 1991–2002) и «Ежегодник России, Восточной Европы и Центральной Азии»[52] (Институт Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, 1994–2001). В написании соответствующих текстов этих ежегодников принимали участие высокопоставленные сотрудники системы МИД КНР и опытные эксперты-международники ведущих научно-исследовательских институтов, предоставляющих аналитические материалы соответствующим инстанциям в КНР.

6. К шестой группе источников данного диссертационного исследования следует отнести сборники опубликованных исторических документов, использованных прежде всего при написании истории развития взаимопреплетавшихся отношений Югославии, СССР / России и Китая после Второй мировой войны до начала второй фазы югославского кризиса в начале 1990-х гг. Собранные и опубликованные в них архивные материалы также являются важными источниками для изучения отношения Китая к событиям в балканском регионе, политике Москвы и действиям российской дипломатии на постъюгославском пространстве. Их привлечение позволило проследить эволюцию отношения Китая к действиям Советского союза (до декабря 1991 г.), оттенив историческую дистанцию действий России на Балканах в 1990-е гг. В этой группе

---

[50] 世界知识年鉴. 北京: 世界知识出版社, 1991–2002. [Ежегодник «Знания о мире». Пекин: Издательство «Знания о мире». 1991–2002].

[51] 国际形势年鉴 /上海国际问题研究所. 上海: 上海教育出版社, 1991–2002. [Ежегодник Международное положение / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай: Шанхайское издательство образования, 1991–2002].

[52] 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 北京: 当代世界出版社, 1994–2001. [Ежегодник стран России, Восточной Европы и Центральной Азии. Пекин: Издательство «Знания о мире», 1994–2001].

следует выделить опубликованные[53] документы на китайском и русском языках, большая часть которых была использована для того, чтобы восстановить ключевые события после Второй мировой войны. Опубликованные документы и материалы в соответствующих сборниках[54], среди которых следует особо отметить издания, вышедшие в результате усилий известного китайского историка холодной войны и издателя в переводе на китайский язык значительного количества рассекреченных советских документов и китайских документов до середины 1960-х гг., Шэн Чжихуа, а также не только других известных китайских историков, но и переводы на китайский язык классических сборников документов на английском языке об отношениях Белграда и Москвы[55]. Использование документальных источников этой группы позволило проследить развитие представлений Китая об образе СССР / России на Балканах, а также определить место Советского Союза / России и Югославии в приоритетах внешней политики Китая в прошлом.

Научная новизна. Китай, как в рассматриваемый период, так и ранее, осуществлял углубленный анализ динамики региональных конфликтов на Балканах, проявляя значительный интерес к происходившему в регионе. Однако в китайской и российской историографии комплексные исследования внешнеполитических курсов Москвы в отношении постъюгославских государств с точки зрения Китая до нашего времени не проводились.

При анализе политики России в этом регионе в Китае особое внимание уделялось изучению позиции России в ключевых событиях, официальным заявлениям, выступлениям и высказываниям Б.Н. Ельцина, А.В. Козырева, Е.М. Примакова, В.С. Черномырдина и их отдельным шагам. Китайские исследователи не ограничиваются

---

[53] Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1 (1946–1964); Т. 2 (1964–1980). М., 2014; 2017. 880 с.; 944 с.; Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноября 1957 г.): документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина; сост.: Л.А. Величанская (отв. сост.), А.С. Стыкалин // Документы и материалы встречи и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М.: РОССПЭН, 2013. 621 с.

[54] 解密外交文献: 中华人民共和国建交档案（1949–1955）/ 廉正保, 王景堂编著. 北京: 人民画报出版社, 2006. 669 с. [Рассекреченные дипломатические документы: архив установления дипломатических отношений КНР (1949–1955) / Сост. Лян Чжэнбао, Ван Цзиньтан. Пекин: Издательство «Жэньминь хуабао»]; 冷战国际史研究（7）/ 李丹慧主编. 北京: 世界知识出版社, 2008. 437 с. [Изучение истории холодной войны. Т. VII / Под ред. Ли Даньхуй. Пекин: Издательство «Знания о мире»]; 俄罗斯解密档案选编: 中苏关系. 第一卷 / 沈志华主编. 上海: 东方出版中心, 2015. 461 с. [Избранные рассекреченные документы России по китайско-советским отношениям. Т. I / Под ред. Шэнь Чжихуа. Шанхай: Восточный издательский центр].

[55] 南苏关系(1939–1973):文件与批注 / 斯芬劳·克利蒙德. 北京: 人民出版社, 1980. 574 с. [Югославско-советские отношения (1939–1973 гг.): документы и комментарии / *Стивен Клиссолд (Stephen Clissold)*. Пекин: Народное издательство].

исключительно российскими материалами, а привлекают документы по истории российско-американских отношений, детально рассматривая периоды конфронтации и взаимодействия между Россией, США, ЕС (и его ведущими государствами) по вопросам деэскалации югославского кризиса. Такой комплексный подход позволяет ученым КНР реконструировать системную эволюцию балканской политики РФ, выявив ее конструктивные аспекты и тактические просчеты.

Представленное исследование позволяет проследить формирование и эволюцию внешнеполитического курса России на бывшем югославском пространстве в рассматриваемый период через призму восприятии Китая. До настоящего времени данный аспект остается достаточно нетрадиционным фокусом и для российской политической науки, и особенно для науки исторической. В научный оборот вводится значительный ряд китайских источников.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений об истории динамики югославского кризиса 1991–2001 гг., особенностей его эскалации и деэскалации как наиболее серьезного регионального кризиса и его влияния на переформатирование мирового порядка после окончания холодной войны. Обобщенный в ходе исследования материал позволяет также выдвинуть гипотезу о дополнительном влиянии действий России на Балканах в этот период на стабилизацию российско-китайских отношений и углубить понимание исторических основ формирования российско-китайского стратегического взаимодействия в первые десятилетия XXI в.

Комплексный анализ китайских нарративов с оценкой советской и российской политики в ходе югославского кризиса 1991–2001 гг., при опоре на сочетание широкого круга источников, включая не только значительный массив материалов китайской периодической печати, официальные документы и привлечение экспертных публикаций, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот и в России при дополнении их данными американских архивных коллекций и документации дискуссий в СБ ООН позволяет существенно расширить до этого практически отсутствовавшие представления о формировании и незначительной динамике китайских оценок роли России в постбиполярный период при существенном влиянии как ключевых представлений об ее участии в урегулировании данного регионального кризиса и ее амбивалентно успешных попытках посредничества между сербской стороной и коллективным Западом.

Выводы исследования могут служить теоретической основой и фактологическим фундаментом для дальнейшего изучения действия доминант российско-китайских

отношений и истории динамики международных процессов на Балканах в условиях их геополитической реструктуризация, а также практических вопросов перехода от биполярного международного устройства десятилетий холодной войны через период однополярного доминирования США в конце XX в. к формированию многополярного миропорядка в первых десятилетиях XXI в. в условиях гибридной «холодной войны 2.0».

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при изучении истории российско-китайских отношений, внешней политики России и Китая, международных отношений на Балканах, а также в преподавании курсов по всеобщей истории, истории международных отношений и дипломатии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Китайское восприятие российской политики в ходе югославского кризиса претерпело заметную эволюцию под воздействием изменений международной обстановки и самой российской политики.

2. Официальные китайские оценки российской позиции основывались прежде всего на принципах пяти принципов мирного сосуществования.

3. Россия и Китай по-разному подходили к урегулированию югославского кризиса, однако их позиции сближались в вопросах многополярности, противодействия гегемонизму и роли ООН.

4. В китайском экспертном сообществе преобладала положительная оценка российской политики, хотя одновременно отмечались ее ограничения и противоречия.

5. Россия являлась одним из ключевых участников урегулирования югославского кризиса. Ее политика и действия в регионе находились в центре внимания китайских исследователей и средств массовой информации.

Степень изученности темы. Представления о России в Китае – тема постоянного интереса российских синологов. Вместе с тем, российское китаеведение не имеет опубликованных работ о восприятии в КНР действий Москвы в югославском кризисе в 1990-е гг. Более того, дополнительным подтверждением актуальности темы, как выяснилось во время работы с источниками, служит факт, что ведущие академические журналы по китаеведению до настоящего времени не проявляют интереса к вопросам становления и развития в Китае современной балканистики. Несмотря на это, важное значение при работе над диссертацией имело знакомство с книгами и статьями известного российского ученого-китаеведа, одного из основателей современной науки о Китае в РФ, Ю.М. Галеновича. Ознакомление с его научными сочинениями, особенно с той их частью, в которых им рассматривалась проблематика взгляда в Китае на современную Россию,

имело определенное значение для нашего диссертационного исследования. Чаще всего в сочинениях Галеновича речь шла о взглядах китайских публицистов и исследователей из гуманитарной области знаний, прежде всего россиеведения. Среди опубликованного обширного научного наследия Галеновича особое внимание было уделено сочинениям, созданным на рубеже XX–XXI вв., в которых он положил начало изучению образа России в Китае. Почти во всех из них он затрагивал и то, как китайские авторы смотрели на Россию периода 1990-х гг.[56] Однако внешнеполитические сюжеты, а тем более действия российской дипломатии в отдельных регионах мира, не были предметом изучения этого опытнейшего исследователя-китаеведа. Среди его работ следует остановиться на монографии «Россия в китайском зеркале». В ней автор отметил, что в начале XXI в. изучение России приобрело в КНР новое, еще более важное, чем раньше, значение. Исчезновение СССР и появление РФ потребовали осмысления того, что это означает для Китая и двусторонних связей Пекина и Москвы. Галенович констатировал, что современное россиеведение в КНР обслуживает нужды внешней политики китайского государства и идеологии правящей в Китае КПК. Ученый отметил, что в начале текущего столетия в КНР сформировался новый подход к истории двусторонних отношений России и Китая. В этот же период китайскими россиеведами была выработана и новая трактовка истории России и происходившего в ней на рубеже двух столетий. Вопросы российской внешней политики в указанной монографии не отражены, да и центр внимания исследователя – на рассмотрении «китайского зеркала» первого десятилетия XXI в. Для нашего исследования оптика известного китаеведа помогла лучше понять, в какой обстановке ретроспективно писали о югославском кризисе 1990-х гг. и действиях в нем России. В этом труде наиболее близки к теме нашей диссертации оказались главы: «Эпоха Ельцина» и «Россия, Восточная Европа и Центральная Азия». В первой из них Галенович основное внимание уделил критическому разбору книги «Вестернизационные реформы Б.Н. Ельцина и социальная катастрофа России», вышедшей в известной серии «Библиотека исследований мирового социализма» под № 32. Серия издавалась Центром исследования мирового социализма КАОН по специальному решению Государственного фонда по общественным наукам и при руководстве Отдела пропаганды Центрального комитета КПК. В следующей главе Галенович анализировал доклады 2008-2009 гг. сотрудников этого Центра в книжной серии под общим названием «Книги о России,

[56] *Галенович Ю.М.* О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. 85 с.; *Он же.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактате китайских ученых. М.: Время, 2010. 304 с.; *Он же.* Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010. 480 с.; *Он же.* Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 411 с.

Восточной Европе и Центральной Азии», публикуемой издательством КАОН[57].

Среди исследований небольшого формата, выполненных Галеновичем, для работы над диссертацией была полезна статья 1999 г. «США и Россия в зеркале китайской публицистики»[58], позже доработанная им до небольшой брошюры «О чем пишут авторы сборника "Китай недоволен"», а затем переросшая в объемную монографию «Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай». В этой статье опытный китаевед, процитировав несколько пропагандистских научно-популярных работ второй половины 1990-х гг. под броскими названиями – «Китай, отказывающийся повиноваться», «Китай, прорывающий окружение», «Китай может сказать "нет"» и «Все-таки Китай способен сказать свое "нет"», опубликованных тиражами в сотни тысяч экземпляров и написанных авторами поколения, «возмужавшего после смерти Мао Цзэдуна», охарактеризовал их как «голос по крайней мере части китайцев, которые будут активно действовать в XXI в», считая, что они не оставили равнодушными читателей как в самом Китае, так и «имели шумный резонанс и за рубежом», так как «содержание работ свидетельствует о том, что авторы выступают от имени того Китая, который недоволен политикой США и Японии в отношении их страны». Одним из выводов опытнейшего российского исследователя, сделанным на основе анализа этих текстов стало заключение, что «авторы призывают Китай защищать свои позиции, отбиваться от тех, в ком он видит противников, оспаривать их действия, направленные против интересов страны в любой точке земного шара»[59], что, как представляется, имеет сходство, хотя и отдаленное, с позицией части китайских авторов и общества в отношении событий в ходе югославского кризиса, особенно в 1999 г.

В мировой историографии тема нашей диссертации также остается практически не разработанной. Известны лишь несколько работ, которые, с определенными натяжками, могут быть отнесены к числу пионерских. В них авторы лишь предварительно, косвенно затрагивают тему настоящего диссертационного исследования, и тем более, не переходили к глубокому комплексному ее изучению. Интерес к теме «треугольника» Москва – Белград – Пекин у исследователей был разбужен событиями в советско-китайских отношениях первой половины 1960-х гг., когда впервые было высказано предположение, что идеологическая критика «югославского ревизионизма» в Пекине была косвенной критикой китайским руководством советского политического

---

[57] *Галенович Ю.М.* Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. С. 246–298.

[58] *Галенович Ю.М.* США и Россия в зеркале китайской публицистики // США–Канада: ЭПИ. 1999. № 9. С. 91–96.

[59] Там же. С. 91–92.

курса. В начале 1970-х гг. этот интерес значительно вырос на фоне резкого осложнения отношений между Москвой и Пекином, вызванного пограничным вооруженным конфликтом в марте 1969 г., и восстановления дипломатических отношений между КНР и СФРЮ в том же году в октябре. В числе первых таких работ следует назвать обзорную статью А. Росс Джонсона «Югославия и советско-китайский конфликт: меняющийся треугольник, 1948–1974». Автор описал в ней динамику этих отношений с учетом нараставшего с начала 1960-х гг. советско-китайского конфликта[60].

Несколькими десятилетиями позже изучение этой темы было продолжено усилиями российского исследователя А.Г. Дорожкина, уделившего соответствующее внимание китайскому фактору в советско-югославских отношениях 1960–1970-х гг. Историк, использовав ранее не всегда доступные исследователям материалы ТАСС, напомнил, что начиная со второй половины 1970-х гг. политика Белграда все более ориентировалась на Пекин, что вызывало нарастающее недовольство Москвы[61].

Помимо уже охарактеризованных работ, следует также назвать исследования Ли Цзинъюя, Пэн Юйчао, Сюй Гана[62], Сяо Цзунчжи[63], Сян Цзотао, Сян Канци[64], Фэн Шаолэя[65], Цзя Вэньхуа[66] и Цай Кана[67]. В их работах, посвященных внешней политике Югославии, демонстрируется как характер отношений между Китаем и

---

[60] *Johnson A.R.* Yugoslavia and the Sino-Soviet Conflict: The Shifting Triangle, 1948–1974 // Studies in Comparative Communism. 1974. Vol. 7, No. 1/2. P. 184–215.

[61] *Дорожкин А.Г.* Китайский фактор на советско-югославских переговорах конца 1960-х – 1970-х гг. // Сборник научных трудов по материалам междисциплинарной конференции (форума) «Научные исследования и разработки: проблемы развития и приоритетные направления». М., 2020. С. 10–16; *Он же*. Китайский фактор на переговорах Л.И. Брежнева с И.Б. Тито в 1970-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. № 4 (3). С. 26–33.

[62] *彭裕超, 徐刚.* 中南关系遗产及其对中国与南斯拉夫继承国关系的影响 // 俄罗斯学刊. 2025. № 4. С. 85–107. [*Пэн Юйчао, Сюй Гана*. Наследие китайско-югославских отношений и его влияние на отношения между Китаем и государствами-преемниками Югославии // Академический журнал исследований России].

[63] *肖宗志.* 试论中国与南斯拉夫关系的演变及成因 // 党史研究与教学. 1999. № 3. С. 31–35. [*Сяо Цзунчжи.* Эволюция китайско-югославских отношений и причины этих изменений // Исследования истории партии и преподавание].

[64] *项佐涛, 向康祺.* 中南关系正常化的过程 — 基于南斯拉夫解密档案的分析 // 国际政治研究. 2021. № 2. С. 118–134, 8. [*Сян Цзотао, Сян Канци.* Процесс нормализации китайско-югославских отношений: анализ на основе рассекреченных югославских архивов // Исследования международной политики].

[65] *冯绍雷.* 六十年代以来南斯拉夫对外政策的若干特点 // 今日苏联东欧. 1985. № 6. С. 15–19. [*Фэн Шаолэй.* Некоторые особенности внешней политики Югославии с 1960-х гг. // Сегодняшний СССР и Восточная Европа].

[66] *李靖宇, 贾文华, 李景峰.* 试析南斯拉夫党和国家对外政策 // 东北师大学报. 1987. № 6. С. 20–25. [*Ли Цзинъюй, Цзя Вэньхуа, Ли Цзиньфэн.* Попытка анализа внешней политики югославской партии и государства // Вестник Северо-Восточного педагогического университета].

[67] *蔡抗.* 战后南斯拉夫外交政策的演变和不结盟 // 世界经济与政治内参. 1987. № 4. С. 39–45. [*Цай Кан*. Эволюция послевоенной внешней политики Югославии и движение неприсоединения // Мировая экономика и политика: материалы для внутреннего пользования].

Югославией выступал значимым детерминантом, оказывавшим влияние на эволюцию советско-югославских отношений.

В академических кругах комплексные исследования внешнеполитического курса Москвы в отношении постъюгославских государств с точки зрения Китая до нашего времени не проводились. Однако китайские, российские и зарубежные авторы неоднократно интересовались тем, как в Китае смотрели на Югославию, взаимоотношения Белграда и Москвы, советскую политику в отношении ФНРЮ / СФРЮ, а также китайско-югославские отношения, начиная от конфликта И.В. Сталина и Й. Броза-Тито в 1948 г. до распада обоих федераций в начале 1990-х гг.

Обязательно следует отметить важность для выбранной темы обзора, выполненного в 2017 г., хорватским исследователем З. Стопичем «Описание отношения с КНР: что, как и когда китайцы писали о Югославии и Хорватии», в котором предпринята классификация и обобщение китайских исследований Югославии, начиная с 1949 г. и, в основном, до начала 1970-х гг.[68].

Среди профильных коллективных трудов особого внимания заслуживает научный сборник, увидевший свет в 2023 г., часть статей которого может рассматриваться как историография, близкая к теме нашего диссертационного исследования. В состав международного коллектива редакторов сборника входили трое исследователей из государств-наследников СФРЮ и профессор Института истории Столичного педагогического университета Лян Чжанцзюнь. Из текстов этого сборника следует выделить написанное ими введение, а также статьи Й. Пирьевеца «От товарищей к ревизионистам и обратно: превратности судьбы в китайско-югославских отношениях от 1930-х до 1980-х гг.»[69], Ли Юнсяо «Между интернационализмом и патриотизмом: реакция КПК и ответ на раскол Тито-Сталин» [70], И. Бакоты «Между Мао и Дэном: китайско-югославское сближение произошло слишком поздно?»[71].

Определенное значение имеет и вышедшая в 2024 г. коллективная монография (среди ее авторов также были З. Стопич и И. Бакота) «Становление современной

---

[68] *Stopić Z.* Pisani odnosi s NR Kinom: Što su, kako i kada Kinezi pisali o Jugoslaviji i Hrvatskoj // Historijski zbornik God. 2017. №. 1. P. 137–158.

[69] *Pirjevec J.* From Comrades to Revisionists and Back: The Vicissitudes of Sino-Yugoslav Relations from the 1930 s to the 1980s // China, Yugoslavia, and Socialist Worldmaking: Convergences and Divergences / Edited by Zvonimir Stopić, Jure Ramšak, Zhanjun Liang, and Jože Pirjevec. ZRS Koper, 2023. P. 21–78.

[70] *Li Y.* Between Internationalism and Patriotism: The CPC's Reactions and Responses to the Tito-Stalin Split // Ibid. P. 93–116.

[71] *Bakota I.* Between Mao and Deng: Did Sino-Yugoslav Rapprochement Come Too late? // Ibid. P. 163–192.

китайской внешнеполитической мысли: великое возвращение» [72], в серии книг издательства Palgrave «Politics and Development of Contemporary China». В ней рассматривается эволюция китайских представлений о внешнем мире и международных отношениях с начала XX в. до наших дней. Для работы над диссертацией значение имели последние разделы этой книги, посвященные анализу внешнеполитических концепций КНР последних десятилетий: «Классицизм Дэна», «Неоклассическая реакция: мирное развитие», «"Романтический" этап формирования внешнеполитической мысли»» и «Реализм Си», авторами которых выступили: З. Стопич, И. Бакота, и М. Нявро[73].

Определенное значение для формирования историографической базы исследования имели также и статьи, посвященные непосредственно периоду конца 1980-х гг. и десятилетию 1990-х гг. Данные публикации неоднородны по своей теоретической значимости и характеризуются наличием диаметрально противоположных авторских оценок.

Роль некоторого импульса при работе над темой выполнила статья Ф. Брусаделли о китайской общественно-политической и научной литературе, умело политизированная этим опытным итальянским экспертом-китаистом[74].

Необходимо отметить, что кроме весьма поверхностного освещения темы Брусаделли реакция Китая на югославский кризис и деятельность великих держав по его урегулированию в начала и середины десятилетия 1990-х гг. не была отражена учеными в академической литературе. Внимание экспертов привлекли лишь только событиях конца этого десятилетия. Среди работ, наиболее близких к теме нашего исследования, следует назвать несколько статей, авторы которых замыкаются на анализе достаточно узкого, хотя и стратегически важного для Китая круга событий: их внимание сосредоточено исключительно на реакции в Пекине на действия НАТО в Югославии в 1999 г. В них есть ссылки на репортажи ведущих СМИ Китая, часто в сопоставлении с репортажами ведущих американских медиа, а также приводятся мнения китайских ученых. Наибольше значение для выполненного диссертационного исследования имели статьи, авторы которых сконцентрировали усилия на описании и анализе реакции в Китае на трагический исход бомбардировки посольства КНР в Белграде 7 мая (8 мая по пекинскому времени) 1999 г. Это работы А. Кукая[75], Дж. Перри, Х.П. Грис[76], Чжоу Югуана, Ян Цзиня, а также

---

[72] *Bakota I., Stopić Z., Njavro M.* Development of Modern Chinese Foreign Policy Thought: The Great Return. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 374 p.

[73] Ibid. P. 121–296.

[74] *Brusadelli F.* A Federal Nightmare: The People's Republic of China and the Breakup of Yugoslavia // Global Perspectives. 2023. Vol. 4. № 1. P. 1–11.

[75] *Kukaj A.* The Implications of the 1999 U.S. Bombing of the Chinese Embassy in Belgrade on Contemporary Sino-American Relations: A Theoretical Analysis. 2019. 92 p.

исследование, проведенное Й. Сакагучи и К. Майямы.

Существенное значение среди них имеет исследование американского военного историка Дж. Перри «Операция "Союзная сила": взгляд из Пекина», опубликованное в начале 2000 г. в специализированном профессиональном ежеквартальном журнале Военно-воздушных сил США (ВВС США). Дж. Перри отметил, что после начала «бомбардировки НАТО Югославии китайская пресса отреагировала бурной волной резкой критики, достигшей своего апогея после удара по посольству Китая в Белграде 7 мая 1999 г.». По мнению автора, «хотя со временем тон публикаций несколько смягчился, китайская позиция по отношению к операции "Союзная сила" оставалась явно критической, а освещение событий в СМИ в значительной степени отражало югославскую точку зрения». Перри понимал ограниченность доступной для исследований источниковой базы, считая, что «китайские открытые источники обладают определенными ограничениями и требуют критического подхода при их использовании». Он также особо оговорил, что «значительная часть ведущих китайских стратегов не имеет возможности публиковаться в открытой печати». И тем не менее, на основе доступных материалов Перри произвел подробный анализ позиции КНР по ряду ключевых вопросов, связанных с действиями натовских в ходе операции «Союзная сила» и ее последствиями: политические цели США при начале авиаударов; информационные операции США и других стран НАТО до начала военных действий и во время кампании; ошибки и слабые стороны действий НАТО, выявленные в ходе операции; реакция Пекина на бомбардировку посольства КНР в СРЮ и уроки операции «Союзная сила» для Китая. Заслуживает внимания одно из заключений, сделанных Дж. Перри: «Китайцы считали, что обоснование применения союзных войск включает в себя устранение препятствий для расширения НАТО на восток, сокращение сферы влияния России и использование НАТО в качестве инструмента глобальной гегемонии»[77].

В 2003 г. китайская аспирантка факультета массовых коммуникаций и медиаискусств Университета Южного Иллинойса в Карбондейле (штат Иллинойс, США) Ян Цзинь сравнила публикации об авиаударах НАТО по территории СРЮ в китайской и американской прессе, обратив внимание на то, что газеты этих двух государств использовали две разных медийных схемы при описании масштабной военной операции НАТО. В то время как китайская печать представляла воздушные удары западного альянса как вмешательство во внутренние дела и нарушение суверенитета Югославии,

---

[76] *Gries H.P.* Tears of Rage: Chinese Nationalist Reactions to the Belgrade Embassy Bombing // The China Journal. 2001. №. 46. P. 25–43.

[77] *Perry J.D.* Operation Allied Force: The View from Beijing // Aerospace Power Journal. 2000. Vol. 14. № 2. P. 79–91.

американские издания представляли их как «гуманитарную помощь албанцам с целью остановить этнические чистки, инициированные сербами». Ян отметила, что, «газеты Китая чаще освещали события с сербской точки зрения, а американские – с албанской <...>. Основными источниками для китайских газет были китайцы и россияне, для американских – американцы и НАТО»[78].

Похожую точку зрения о реакции Китая изложил в 2021 г. Чжоу Югуан в статье «"Солидарность с жертвами": освещение бомбардировок Югославии силами НАТО на страницах китайской газеты «Жэньминь жибао» в 1999 г.». По его мнению, китайские СМИ «проявили явную симпатию к Югославии и югославскому народу», а образ Югославии / Сербии был в Китае в целом положительным[79].

Специального упоминания заслуживает также и статья 2023 г. А. Вангели «Глобальный Китай, (бывшая) Югославия и социализм», в которой автором рассмотрены взаимодействия Китая и Югославии в разные исторические периоды. По мнению Вангели, китайская модель частично опиралась на опыт и уроки югославского социалистического строительства, тогда как «предостерегающий урок распада югославской федерации сыграл важную роль в формировании [в Китае] достаточно твердого подхода к вопросам этнического разнообразия. Геополитическая интерпретация распада Югославии значительным образом повлияла на взгляд Китая на мир после 1991 г.»[80].

Исключительно важное место в историографии темы заняло исследование японских экспертов Й. Сакагучи и К. Майямы, результаты которого были ими изложены в статье «Значение войны в Косове для Китая и России». Авторы сделали особый упор на изучении восприятия в Пекине и Москве характера военных действий НАТО, а также ходу процесса пересмотра оборонных стратегий КНР и РФ, так как, по их мнению, действия НАТО послужили мощным стимулом к укреплению стратегического партнерства между Пекином и Москвой[81].

Использованная историография внешнеполитических и оборонных концепций Китая.

Специфика и объем основных исследовательских задач позволили вынести за рамки углубленной разработки отдельный анализ официальных внешнеполитических и

---

[78] *Yang J.* Framing the NATO Air Strikes on Kosovo Across Countries: Comparison of Chinese and US Newspaper Coverage // International Communication Gazette. 2003. Vol 65. № 3. P. 245.

[79] *Zhou Y.* Shared Victimhood: The Reporting by the Chinese Newspaper the People's Daily on the 1999 NATO Bombing of Yugoslavia // Comparative Southeast Studies. 2021. № 70 (2). P. 202–223.

[80] *Vangeli A.* Global China, (former) Yugoslavia, and socialism // Filozofija i drustvo. 2023. № 34 (4). P. 613–636.

[81] *Sakaguchi Y., Mayama K*. Significance of the War in Kosovo for China and Russia // NIDS Security Reports. 2002. P. 1–23.

оборонных концепций руководства КНР в 1990-е гг., составивших основу «эпохи Цзян Цзэмина» (1989–2003). Помощь в написании соответствующего раздела диссертации оказало использование двух вышедших в России фундаментальных монографий А.В. Бояркиной[82] и Ю.М. Галеновича[83] и рад наиболее значимых публикаций других российских исследователей – А.А. Свешникова, В.Я. Портякова, Е.В. Гулиной, К.А. Евтюшина, М.В. Мамонова, С.Г. Лузянина [84] . Помимо этого, в информационно-теоретической базе исследования были также учтены несколько наиболее важных работ по теории международных отношений и политической мысли о современном мире известных китайских авторов[85].

Обзор китайской историографии процессов на постъюгославском пространстве и политики России в югославском кризисе.

Несмотря на устойчивый интерес в научной среде Китая к политике России и Югославии, выраженный в многочисленных публикациях, системный анализ и научное осмысление российской политики в отношении постъюгославских государств в первое десятилетие после распада СФРЮ остаются недостаточно разработанными. Сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН Сюй Ган считает, что исследования китайских ученых по Югославии почти все сосредоточены на второй Югославии, тогда как Третья Югославия (или СРЮ) привлекла внимание исследователей

---

[82] Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация / А.В. Бояркина, науч. ред. В.Ф. Печерица. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. С. 113–157.

[83] *Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 303 с.

[84] *Гулина Е.В.* Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 5. С. 22–31; *Евтюшин К.А.* Внешняя политика КНР в политической риторике китайских лидеров // Вестник РГГУ. Серия: политология. история. международные отношения. зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 81–91; *Лузянин С.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 29.11.2011. URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=111788&ysclid=moaa0ewxqx97324770 (дата обращения: 22.04.2026); *Мамонов М.В.* «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 28–43; *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века очерки. М., 2006. 246 с; *Свешников А.А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 93–143.

[85] *秦亚青*. 国际政治的关系理论 // 世界经济与政治. 2015. № 2. С. 4–10. [*Цинь Яцин.* Теория отношений в международной политике // Мировая экономика и политика]; *Qin Yaqing*. A Relational Theory of World Politics. Cambridge University Press. 2018. 414 p.; 新时期国际关系理论研究 / 鲁毅, 顾关福等主编. 北京: 时事出版社, 1999. 422 с. [Исследования теории международных отношений в новый период / Под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий]; *阎学通.* 中国国家利益分析. 天津: 天津人民出版社, 1996. 328 с. [*Янь Сюэтун.* Анализ национальных интересов Китая. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство]; *Yan Xuetong.* Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton University Press. 2019. 280 p.; *Yan Xuetong, Daniel A.* Bell (Editor). Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power. Princeton University Press. 2013. 320 p.; *Zhao Tingyang.* Redefining A Philosophy for World Governance. Palgrave Pivot. 2019. 88 p.

лишь на короткое время из-за военных действий НАТО в 1999 г., особенно в связи с бомбардировкой посольства КНР в Белграде. Проведенный им поиск по ключевому слову «СРЮ» (南联盟) в базе данных платформы CNKI[86] выявил 372 публикации, включая статьи в научных изданиях и в периодической печати. Среди них 169 было опубликовано в 1999 г. и 90 материалов – в 2000 г., что составляет 70% от общего количества материалов, опубликованных по состоянию на 10 марта 2018 г. Анализ показал, что эти материалы почти все связаны с войной НАТО против СРЮ или бомбардировкой китайского посольства[87].

Основные же исследования по данной тематике в китайской историографии преимущественно представлены в трудах по истории международных отношений и дипломатии. Спектр исследовательских подходов характеризуется разнообразием и охватывает такие аспекты, как:

– Общая внешняя политика Российской Федерации;

– Взаимоотношения России с США, Европейским союзом, НАТО и государствами Центральной и Восточной Европы;

– Специализированная история Югославии и постъюгославских государств в историческом контексте;

– Отношения Россий со странами Балканского региона.

Основные научные центры, в которых исследователи заняты данной проблематикой, функционируют на базе научно-исследовательских учреждений по изучению международных отношений и сопутствующих проблем в рамках системы КАОН. Особого внимания заслуживают серии монографий и статей, опубликованные Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА)[88], Институтом мировой экономики и политики, Институтом США и Институтом этнологии и антропологии (современное название – с 2002 г.) Результаты проводимых в них исследований характеризуются определенной фрагментарностью, однако сами исследовательские подходы и научные

---

[86] CNKI (中国知网), China National Knowledge Infrastructure (Китайская национальная инфраструктура знаний) – единая полнотекстовая и библиографическая платформа периодических изданий и научных трудов КНР по важнейшим фундаментальным исследованиям и инновационным разработкам в области науки и техники, экономики, международных отношений.

[87] *徐刚.* 从第一南斯拉夫的兴亡看南部斯拉夫人的分与合: 写在第一南斯拉夫建立 100 周年之际 // 中东欧研究. 2018. № 4. С. 130. [*Сюй Ган.* Разделение и интеграция южных славян с точки зрения расцвета и падения первой Югославии: написано по случаю 100-летия образования первой Югославии // Исследования Центральной и Восточной Европы].

[88] Институт был основан в 1965 г. в Пекине. В разные периоды институт носил следующие наименования: Институт Советского Союза; Институт Советского Союза и Восточной Европы; Институт Восточной Европы и Центральной Азии (ИВЕЦА). В октябре 2002 г. было утверждено его современное название. Это крупнейшее академического учреждение, специализирующегося на изучении России и других стран регионов, фигурирующих в его названии.

перспективы отличаются широтой охвата. Подобная методологическая гетерогенность обуславливает заметные различия в понимании и оценках авторами рассматриваемого вопроса, несмотря на наличие у них некоторых общих теоретических ориентиров.

В трудах китайских авторов, посвященных деятельности российской дипломатии, дана систематизация истории международных отношений и дипломатии, анализируются особенности и традиции российской дипломатической культуры, а также исследуются связи России с различными государствами, ее политика в отношении отдельных регионов и взаимодействие с международными организациями. Однако действия России на Балканах в 1990-е гг. рассмотрены китайскими учеными лишь мозаично – в десятках научных статей, в разделах или главах целого ряда изданий обобщающего характера по истории международных отношений. Однако, до сих пор в Китае результаты комплексного исследования этой темы не были представлены ни в рамках диссертации, ни формате отдельной самостоятельной монографии.

В китайской историографии традиция рассмотрения балканских процессов в категориях соперничества великих держав восходит еще к 1980-м гг. В рамках макроисторической и геополитической перспективы глубокое исследование политики России в отношении Югославии представляет собой сложную и многоаспектную задачу. Одним из первых китайских академических трудов, сосредоточенных на балканском вопросе, является коллективная монография «Борьба великих держав за Балканы» (1980), написанная сотрудниками кафедры истории международной политики Фуданьского университета. Исходя из положения о стратегической важности Балканского региона в международной политике, исследователи детально описали историческую картину агрессии и соперничества великих держав в этом регионе. В пятой главе («Агрессивная экспансия советской социалистической империи на Балканах») авторы охарактеризовали курс СССР как «экспансионистскую политику советского социал-империализма на Балканах»[89], видя в ней источник нестабильности в регионе. Исследователи подробно описывают развитие борьбы балканских стран и народов против гегемонизма, основываясь на определении стратегических намерений Москвы и Вашингтона.

Одним из наиболее значимых трудов в области истории дипломатии и международных отношений в Китае является подготовленный в издательстве «Знания о мире» фундаментальный 12-томный труд «История международных отношений» под редакцией основоположника китайской школы истории международных отношений,

---

[89] *褚绍唐*等. 列强争夺巴尔干. 上海: 复旦大学政治系、历史系, 1980. С. 125–160. [*Чу Шаотан* [и др.]. Борьба великих держав за Балканы. Шанхай: Факультеты политологии и истории Фуданьского университета].

профессора Нанкинского университета Ван Шэнцзу, который был редактором первых 10 томов, увидевших свет в 1995 г. Два последних тома вышли в 2006 г. В издании значительное внимание уделено дипломатии России на всех этапах ее истории – «от Русского царства до Российской Федерации», – что предоставляет китайским исследователям обширный исторический материал для более глубокого понимания эволюции российской политики в отношении Балканского региона, позволяя учитывать исторический контекст при изучении современных связей Москвы с государствами бывшей Югославии. В XII томе (1990–1999 гг.), под редакцией Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи, анализируются балканские кризисы конца XX века. В главе IV, в раздел 2 – «Боснийская война», в разделе 4 – «Косовская война»[90], анализируются предпосылки, ход и последствия этих конфликтов[91].

Важно место занимает и «История международных отношений», изданная в 2006 г. Пекинским университетом. Ее авторы, Фан Ляньцин, Ван Биньюань и Лю Цзиньчжи, в последней части, озаглавленной «Россия и косовская война» дали оценку действий России в 1999 г., отметив, что Москва занимала «уникально сложную позицию», суть которой сводилась к следующему: «вопрос Косова является внутренним делом СРЮ; его следует решать путем мирного политического урегулирования, а любые другие меры требуют обязательной санкции СБ ООН»[92].

Наиболее существенный массив китайских исследований по внешней политике России был создан сотрудниками ИРВЕЦА КАОН. Институт проводит глубокие и системные исследования политики экономики и внешнеполитических действий России, а также процессов трансформации в странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Им был подготовлен целый ряд публикаций по истории внешней политики РФ. Одной из первых и самых значительных из них стала работа «Новая Россия: политика, экономика, дипломатия» (1997) под редакцией известного историка Сюэ Цзюньду[93] и

---

[90] В Китае под «косовской войной» понимается военная агрессия НАТО против СРЮ в период с марта по июнь 1999 г., то есть массированные воздушные удары по территории СРЮ.

[91] 国际关系史第十二卷（1990–1999）/ 方连庆、刘金质主编. 北京: 世界知识出版社, 2006. С. 239–273, 288–311. [История международных отношений. Т. 12: 1990–1999 гг. / Под ред. Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

[92] 国际关系史（战后卷）/ 方连庆、王炳元、刘金质主编. 北京: 北京大学出版社, 2006. С. 805. [История международных отношений (том послевоенного периода) / Под ред. Фан Ляньцина, Ван Биньюаня, Лю Цзиньчжи. Пекин: Изд-во. Пекинского университета].

[93] 薛君度 (Сюэ Цзюньду) (1922–2016), историк, председатель правления Фонда Хуан Сина в США. Ранее занимал должности профессора в Университете Мэриленда, Оксфордском университете, Гарвардском университете, Университете штата Нью-Йорк и Западном Берлине (Германия).

сотрудника этого же института Лу Наньцюаня[94]. В книге были подробно рассмотрены внутренние политические и экономические преобразования в России после распада СССР, а также эволюция ее внешней политики[95]. Вопросы, касавшиеся российской политики в отношении бывшей Югославии, рассматривались в контексте изменений (по сравнению с традиционными действиями СССР) внешнеполитической стратегии Москвы и ее отношений с Вашингтоном, но при этом авторы не стали выделять действия России в югославском кризисе в качестве самостоятельной темы и не обращались к югославской проблематике даже при анализе российской политики в отношении Восточной Европы.

Сходного подхода придерживались и авторы коллективной монографии «Россия и современный мир»[96] (1998) под редакцией директора ИВЕЦА КАОН Ли Цзинцзе и Чжэн Юя, в которой политика России в отношении югославского кризиса была рассмотрена в главах «Внешняя политика России: дискуссии и эволюция», «Россия и США», «Россия и Западная Европа», «Россия и Восточная Европа». Авторы полагали, что дипломатическая активность России на пространстве бывшей Югославии «отражает как эволюцию внешнеполитического курса России после обретения независимости, так и изменения в соотношении внутренних политических сил, а также демонстрирует основные направления ее политики в отношении данного региона», отметив, что «отношения между Западом и Россией по своей значимости неизбежно превосходят отношения Запада со странами Восточной Европы». В книге был сделан прогноз, согласно которому «сроки и степень интеграции восточноевропейских государств в западные структуры будут определяться не только уровнем их внутренней готовности, но в существенной мере зависеть от динамики отношений между Западом и Россией, а также от эволюции внутриполитической ситуации в России»[97].

В апреле 1999 г. была опубликована коллективная монография «Перемены в Югославии», подготовленная под руководством Чжао Найбиня, эксперта-балканиста ИВЕЦА КАОН. Основная задача выполненного ими исследования заключалась в подведении итогов событий и процессов, происходивших после развала СФРЮ в 1990-е

---

[94] 陆南泉 (Лу Наньцюань) (1933–), профессор и главный научный сотрудник Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН. В 1960 г. окончил Московский финансово-экономический институт, доктор экономических наук. Занимал должность приглашенного профессора в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо и Японском институте международных проблем (1986–1987, 1993–1994).

[95] 新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社, 1997. 432 с. [Новая Россия: политика, экономика, дипломатия / Под ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюаня. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук].

[96] 俄罗斯与当代世界 / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998. 454 с. [Россия и современный мир / Под ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юй. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

[97] Там же. С. 372.

гг. Авторский коллектив начал экспертную работу еще в начале десятилетия, однако она была приостановлена 1993 г. без публикации ее результатов. Начало военной операция НАТО против Югославии 24 марта 1999 г. ускорила подготовку книги: после внесения необходимых дополнений она вышла из печати уже в апреле 1999 г. В 2002 г. вышло повторное, дополненное издание коллективного труда «Перемены в Югославии». Однако авторы не добавили ничего нового в объяснение действий России в начале 1990-х гг., как и ранее полагая, что: в их основе лежали «иллюзии относительно Запада во главе с США, под влиянием которых она охотно выступала в качестве партнера Запада на Балканах и не стремилась к поиску собственных интересов»[98].

Новый этап в изучении в КНР внешней политики России был связан с публикациями, вышедшими после завершения ельцинского периода российской истории, что было обусловлено как изменением политического курса Москвы, так и появлением возможности ретроспективного осмысления событий 1990-х гг. В 2000 г. по инициативе руководства КАОН была создана исследовательская группа «по югославскому вопросу». Сферой ее специализации стало изучение президентских выборов в СРЮ в сентябре 2000 г., завершившихся сменой режима С. Милошевича. В 2004 г. на основе собранных группой материалов была опубликована коллективная монография «Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича»[99]. В главе XII – «Югославия во внешнеполитической стратегии России» политолог Сюй Чжисинь систематизировал стратегические факторы и особенности внешнеполитического поведения России[100].

Переосмыслению событий российской истории 1990-х гг. посвящена и коллективная монография «Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия» (2003) под редакцией Пань Дэли, одна из глав которой была отведена изложению политики России в отношении Югославии. Авторы отметили, что российская политика на этом направлении носила противоречивый характер, а ее ключевой особенностью стали значительные уступки Западу, что в то время отражало специфику большой геополитической игры, в которой малые государства выступали объектом манипуляций крупных держав[101]. К числу других значимых исследований этого института следует упомянуть совместную

---

[98] 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. С. 388. [Перемены в Югославии / Под ред. Чжао Найбиня, Ван Лиминь. Гуанчжон: Гуандунское народное издательство].

[99] 强人弱势: 米洛舍维奇的下台和入狱 / 邢广程主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2004. 345 с. [Сильный человек в слабой позиции: падение и заключение Милошевича / Ред. Син Гуанчэн. Пенкин: Издательство литературы по общественным наукам].

[100] Там же. С. 269–284.

[101] 俄罗斯十年: 政治、经济、外交（下卷） / 潘德礼, 许志新主编. 北京: 世界知识出版社, 2003. С. 665–721. [Россия за десять лет: политика, экономика, внешняя политика. Т. 2 / Под ред. Пань Дэли, Сюй Чжисиня. Пекин: Изд-во «Знание о мире»].

монографию Хай Юня и Ли Цзинцзе «Россия в эпоху Ельцина»[102] (2001), а также вышедшую в 2001 г. книгу Лу Цихуа «Россия и европейская безопасность»[103].

С точки зрения данной диссертационной работы особого внимания заслуживает исследование Лю Фэнхуа «После исчезновения железного занавеса: западная среда безопасности России и ее стратегия безопасности», опубликованное в 2005 г. югославский кризис и балканская политика России анализируются в этой монографии в двух разделах: «Боснийский кризис» и «Косовская война и отношения России с НАТО», в которых автор стремился глубже раскрыть специфику российского внешнеполитического курса в регионе, рассматривая сербов как «единственного партнера» России на Балканах и указывая при этом на «противоречивость» и «непоследовательность» российской политики в отношении Югославии через алгоритм «сначала протест – затем уступки». По его мнению, балканская политика России в контексте взаимодействия с НАТО находилась в невыгодном положении, играя лишь «вспомогательную роль». Это обусловило закрепление неблагоприятной для России позиции в формирующейся системе европейской безопасности[104].

Упомянуть также необходимо и опубликованную в 2006 г. монографию «Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР (1991–2005)» под редакцией Чжэн Юя, в которой было отмечено, что в региональных конфликтах, несмотря на сокращение влияния России по сравнению с СССР, она по-прежнему остается великой державой с глобальным влиянием и собственными уникальными интересами, а ее участие в разрешении региональных конфликтов продолжало увеличиваться по мере восстановления ее экономической и политической мощи[105].

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН не был единственным научным учреждением, в котором проводились исследования внешней политики России. Специалисты отдельных университетов и исследовательских центров КНР также придавали серьезное значение данной проблематике. Обязательного

---

[102] 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）/ 学刚、蒋毅主编. 北京: 人民出版社, 2001. 375 с. [Россия в эпоху Ельцина. Т. Дипломатия / Ред. Сюэ Ган, Цзян И. Пекин: Народное издательство].

[103] *陆齐华.* 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. С. 179–200. [*Лу Цихуа*. Россия и европейская безопасность. Пекин: Центральное издательство компиляции и перевода].

[104] *柳丰华.*“铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社, 2005. С. 68–70, 81–85. [*Лю Фэнхуа*. «После исчезновения железного занавеса»: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин: Издательство Хуалин].

[105] 既非盟友, 也非敌人. 下卷: 苏联解体后的俄美关系: 1991–2005 / 郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 2006. С. 720–768. [Ни союзники, ни враги. Т. 2.: Российско-американские отношения после распада СССР (1991–2005) / Под ред. Чжэн Юя. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

упоминания достойна монография 1997 г. профессора Фэн Шаолэя[106] «Системные изменения и внешние связи: Россия с 1992 г.», представляющее значимое исследование, в котором автор характеризовал роль России в боснийском конфликте как «тонкую». Фэн считал, что дипломатические достижения России в боснийском вопросе заложили основу для всестороннего поворота ее внешнеполитической стратегии к более жесткой позиции, также отметив, что трения между США и Россией во время боснийского кризиса являлись логическим следствием изменения баланса сил между великими державами после окончания холодной войны[107].

Монография «Очерк истории российской дипломатии» (2002) специалиста по истории международных отношений, профессора Дипломатической академии МИД КНР Линь Цзюня[108], стала первым в Китае обобщающим трудом, целиком посвященным истории внешней политики России. В главе XII – «Внешняя политика Ельцина» – автором были рассмотрены как геополитические и идеологические ориентации, влиявшие на формирование внешней политики России (атлантизм, неоевразийство и радикальный национализм), так и эволюция российского внешнеполитического курса в 1990-е гг. По его мнению, общая тенденция развития внешней политики России в этот период заключалась в «переходе от иллюзий к реальности, от идеологических акцентов к приоритетному вниманию к национальным интересам»[109]. При этом политика России в отношении Югославии рассматривалась линем как подтверждение данного тезиса.

Дальнейшее развитие данная тема получила в 2005 г. в коллективной монографии «Россия и ее отношения с великими державами и соседними странами» под редакцией Фэн Шаолэя и Сян Ланьсиня. Авторы этого труда при анализе отношений России со странами Юго-Восточной Европы выделили два ключевых фактора: традиционные исторические связи России с Сербией и экономическая зависимость России от Запада, которые, по их мнению, «обусловили непоследовательность и колебания позиции России по югославскому вопросу, а также спровоцировали противостояние и разногласия между общественным мнением и структурами, принимающими решения внутри страны». В

---

[106] Нынешний директор Института международных отношений и регионального развития Восточно-Китайского педагогического университета, заведующий Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета и член Международного дискуссионного клуба "Валдай".

[107] *冯绍雷*. 制度变迁与对外关系: 1992 年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. С. 510–513. [*Фэн Шаолэй*. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай: Шанхайское народное издательство].

[108] В 1990-е гг. профессор Линь Цзюнь в рамках исследовательских грантов правительства КНР занимался исследованиями в Москве и Киеве. Позже – служил 1-м секретарем посольства КНР в Минске.

[109] *林军*. 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. С. 455–517. [*Линь Цзюнь*. Очерки истории российской дипломатии. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

отношении позиции Москвы во время косовского кризиса исследователи пришли к выводу, что, несмотря на определенное сопротивление Западу, Россия, ввиду ограниченности ее государственной мощи, выполняла преимущественно посредническую функцию[110].

Определенный научный интерес также представляют вышедшие в 2012–2013 гг. книги профессора Чэня Синьмина из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайского народного университета (Пекин) «Внешняя политика России с XVIII века» (Том II)[111] и директора Института международных отношений Пекинского педагогического университета Ли Сина «Евразийская центральная зона: игры между Россией, США, Европой и изучение стратегии Китая»[112].

Значительный вклад в изучение политики России в отношении Югославии также внес китайский ученый Хао Шиюань, член-корреспондент КАОН, авторитетный специалист по межэтническим противоречиям в бывшей Югославии, в работах которого представлены результаты всестороннего глубокого анализа национального вопроса в Югославии. Его опубликованная в 1999 г. книга «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб» стала первым в Китае комплексным исследованием балканского вопроса, в котором проблема Косова была показана в широком контексте соперничества в балканском регионе имперских амбиций великих держав. Хао Шиюань с опорой на достижения мировой политологии, этнологии и истории подверг анализу факторы международного вмешательства в процесс распада Югославии, затронув политику и действия России в период боснийской войны и косовского кризиса. По его мнению, поддержка Россией Югославии была обусловлена не только стремлением Москвы сохранить там у власти местные политические элиты, но и итогом ее более продуманной прагматичной стратегией, направленной на сдерживание расширения НАТО на восток и закрепление за Югославией единственного восточно-европейского партнера места, не ориентированного на Запад[113].

---

[110] 俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社. 2005. С. 256–263. [Отношения России с крупными державами и соседями / Ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай: Издательство Шанхайского народного университета].

[111] *陈新明.* 十八世纪以来俄罗斯对外政策（下卷）. 北京: 中共中央党校出版社, 2012. С. 695–887. [*Чэнь Синьмин.* Внешняя политика России с XVIII века. Т. 2. Пекин. Издательство Партийной школы ЦК КПК].

[112] *李兴.* 亚欧中心地带: 俄美欧博弈与中国战略研究. 北京: 北京师范大学出版社, 2013. С. 151–167. [*Ли Си.* Евразийская центральная зона: игры между Россией, США, Европой и изучение стратегии Китая. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета].

[113] *郝时远.* 帝国霸权与巴尔干“火药桶”: 从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. 499 с. [*Хао Шиюань.* Имперская гегемония и балканский «пороховой погреб»: интерпретация реальности Косова на основе истории Югославии. Пенкин: Издательство литературы по общественным наукам].

Значительный вклад в изучение региона Юго-Восточной Европы внес эксперт-балканист, профессор Ма Сипу. В вышедшей в 1999 г. книге «Балканские раздоры», написанной в разгар кризиса в Косове, он подробно изложил этнокультурные и религиозные причины конфликта, а также действия внешних сил как участие в борьбе за влияние на Балканах. Используя для объяснения стратегических интересов и методов действий внерегиональных держав геополитический подход, Ма пришел к выводу, что косовский кризис был обусловлен как вмешательством западных стран, так и внутренними проблемами Югославии, среди которых он особо выделил политику великосербского национализма и фактическое упразднение косовской автономии[114]. Его следующие работы[115] еще больше обогатили исследования в Китае истории Балкан. В частности, в монографии «Подъем и падение Югославии» он отметили, что активное участие России в разрешении кризисов на территории бывшей Югославии было частью ее дипломатической стратегии по возвращению на международную арену и восстановлению статуса великой державы, а также отражением соперничества с западными державами в этом регионе[116].

В контексте анализа российской политики на Балканах заслуживает внимания оценка, предложенная в 2002 г. известным историком, профессором Фуданьского университета Цзинь Чжунъюанем в монографии «Столетие бурных событий на Балканах». В нее Цзинь изложил более позитивную интерпретацию роли России в балканском регионе, акцентируя внимание на политических и экономических факторах в самой России, как ключевых детерминантах ее внешней политики в советский и постсоветский периоды. По его мнению, Россия сыграла существенную роль в процессе мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине (БиГ), сумев при этом достичь собственных стратегических целей. Рассмотрев политику Москвы во время косовского конфликта, автор отметил ее устойчивость к внешним вызовам, а также способность России в целом сохранить ее международный статус и влияние. Особо следует отметить прогностический аспект исследования Цзинь Чжунъюаня, выразившего уверенность, что Россия не намерена с легкостью уступать свои позиции на Балканах и будет продолжать играть там

---

114 *马细谱*. 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. 465 с. [*Ма Сипу*. Балканские раздоры. Пекин: Издательство Пекинского университета].

115 *马细谱, 余志和*. 巴尔干百年简史. 北京: 中国青年出版社, 2018. 573 с. [*Ма Сипу, Юй Чжихэ*. Краткая история столетия Балкан. Пекин: Китайское молодежное издательство]; *马细谱*. 巴尔干近现代史: 全两卷. 北京: 中国社会科学出版社, 2021. 1114 с. [*Ма Сипу*. Новая и новейшая история Балкан: в 2 т. Пекин: Китайское издательство общественных наук]; *马细谱*. 南斯拉夫通史. 上海: 上海社会科学院出版社, 2020. 404 с. [*Ма Сипу*. Общая история Югославии. Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук].

116 *马细谱*. 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社, 2009. С. 398–400. [Ма Сипу. Подъем и падение Югославии. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].

значимую роль[117].

К настоящему времени наиболее значимым трудом, отражающим эволюцию взглядов научного сообщества Китая на динамику политики России на Балканах, является изданная в 2018 г. монография «Россия и Балканы: исторический анализ с геополитической точки зрения» преподавателя Университета КАОН Ли Ти. Данная работа является комплексным исследованием эволюции, специфики и детерминанта балканской политики России на протяжении трех исторических периодов: царской России, Советского Союза и современной России. Для нашего диссертационного исследования особое значение имела третья глава этой монографии, посвященная балканскому направлению внешней политики России в период президентства Б.Н. Ельцина. Автором дан в ней детальный анализ курса Москвы на протяжении кризиса на территории бывшей Югославии, с особым вниманием к войне в Боснии и косовскому кризису. В книге Ли Ти показано влияние интервенции НАТО в югославский кризис на формирование балканской политики России, а также выявлена динамика взаимодействия между Россией и НАТО. По мнению автора приоритетной задачей России в ельцинский период являлось восстановление экономики, в то время как внешняя политика была инструментом поддержки внутренних политических и экономических реформ. Ли Ти отметила эволюцию балканской политики России от «однобокой» прозападной ориентации к «избирательным» действиям, которые, хотя и проводилась по-прежнему в рамках прозападного курса, отражали стремление Москвы к максимальному возможному сохранению статуса великой державы[118].

Обзор китайской историографии действий России на Балканах был бы неполным без упоминания результатов исследований Чжу Сяочжуна, сотрудника ИРВЕЦА КАОН, в работах которого рассмотрен набор инструментов российского влияния на Балканах, а также изучены экономические интересы России в регионе и сделана попытка объяснение трансформации ее политики с учетом геополитических теорий[119].

Распад Югославии как феномен и связанные с ним межэтнические конфликты продолжают оставаться одной из ключевых тем исследований в китайской научной мысли.

---

[117] *金重远*. 百年风云巴尔干. 上海: 复旦大学出版社, 2010. С. 148–159. [*Цзинь Чжунъюань*. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай: Издательство Фуданьского университета].

[118] *李提*. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探析. 230 с. [*Ли Ти*. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики].

[119] *朱晓中*. 从巴尔干到东南欧 — 冷战后巴尔干地缘政治变迁 // 东欧中亚研究. 1998. № 3. С. 49–58. [Чжу Сяочжун. Геополитические изменения на Балканах после холодной войны от Балкан до Юго-Восточной Европы // Исследование Восточной Европы и Центральной Азии]; *朱晓中*. 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. 2016. № 6 (04). С. 5–12. [*Чжу Сяочжун*. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России].

Китайские балканисты, как правило, сосредотачиваются на двух ключевых событиях – войне в БиГ и косовском кризисе, анализируя их исторические корни, непосредственные причины возникновения и актуальное состояние. Особое внимание исследователи также уделяют оценке усилий международного сообщества по урегулированию конфликтов, и действиям и позициям ведущих мировых держав.

Важный этап в работе экспертного сообщества балканистов Китая представляет собой под эгидой редакции новостей Евразии Международного отдела агентства «Синьхуа» вышедшая в августе 1993 г. монография «Гражданская война и распад Югославии» [120] . Ее автор, эксперт-югославист Сюй Куньмин [121] , дал точные характеристики процесса распада СФРЮ и эволюции конфликтов в ее бывших республиках в период до мая 1992 г. Он включил также в исследование сюжеты, связанные с признанием независимости новых государств – бывших югославских республик со стороны ЕС, России и США. Дополнительное значение этой монографии оказалось в том, что она сыграла роль содержательной основы для формирования научного консенсуса в понимании событий югославского кризиса.

Такое же значение имели в экспертном сообществе вышедшие чуть позже в Институте этнологии КАОН две коллективные монографии, редактором которых выступил заместитель директора института Хао Шиюань. Первая из них – «Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ»[122], опубликованная в 1993 г., содержит анализ исторических корней и современного состояния национально-этнических противоречий в СФРЮ, ставших, по мнению авторов, причиной югославского кризиса. Во второй коллективной монографии – «Затянувшаяся гражданская война в Боснии», вышедшей в 1995 г. также под редакцией Хао Шиюаня, в основу которой, легли материалы специализированного семинара, проведенного Китайской ассоциацией этнологии в первой половине 1994 г., и посвященного вопросам ситуации в БиГ. Книга готовилась к публикации в разгар конфликта, и авторы не имели возможности дать окончательную оценку всем аспектам современных им событий. В главе V раздела 3 монографии, под названием «Россия и Сербия» была рассмотрена политика Москвы в югославском кризисе как важная составляющая ее внешнеполитической стратегии.

---

[120] *徐坤明.* 南斯拉夫内战和解体. 北京: 新华出版社, 1993. 109 с. [*Сюй Куньмин.* Гражданская война и распад Югославии. Пекин. Издательство «Синьхуа»].

[121] Сюй Куньмин – в 1955–1965 гг. обучался в Белградском университете, а в 1971–1979 гг. работал корреспондентом Агентства Синьхуа в Югославии, одновременно являясь сотрудником Центра по изучению мировых проблем Агентства Синьхуа.

[122] 南斯拉夫联邦解体中的民族危机 / 郝时远主编. 成都: 四川人民出版社, 1993. 261 с. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ / Под ред. Хао Шиюаня. Чэнду: Сычуаньское народное издательство].

Авторы проследили ее трансформацию от следования в фарватере Запада к восстановлению статуса великой державы. Данный сдвиг, по их мнению, был обусловлен не только исторически сложившимися глубокими связями между Россией и Сербией, но и отражал стратегическое соперничество России с западными странами на Балканах[123].

Косовский кризис также привлек широкое внимание китайского академического сообщества и быстро стал темой множества публикаций. После начала кризиса известный китайский политолог, заместитель директора Института мировой экономики и политики КАОН Ван Ичжоу по предложению коллег оперативно сформировал исследовательскую группу, которая за две недели подготовила монографию «Туман однополярного мира: предупреждение о косовском кризисе». В главе VI, написанной заместителем заведующего отделом международных стратегических исследований этого института Тан Жэньмо, были рассмотрены действия и политика России в ходе косовского кризиса. В частности, была отмечена жесткая позиция Москвы на начальном этапе конфликта, но затем, оказавшись в сложном положении, Россия выступила в роли активного посредника в дипломатическом урегулировании конфликта между Белградом и альянсом НАТО. Профессор Ван Ичжоу также отметил непоследовательность внешнеполитических действий Москвы, отметив, что глубокие внутренние противоречия в ее подходах и идеях обусловлены геополитическими стратегическими неудачами российского государства на международной арене и системным кризисом идентичности в 1990-е гг. («временной утратой национальной уверенности»)[124] .

В 1999 г. косовский кризис стал предметом анализа профессора Института международных отношений Пекинского университета Кун Ханьбиня в его монографии «Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав». В шестой главе книги «Внешняя политика России и косовская война» Кун Ханьбинь рассмотрел политику России в отношении СРЮ в контексте ее общего внешнеполитического курса и конкретных исторических условий, в том числе и отношений России с США и НАТО, в которой, помимо прочего, дана высокая оценка действиям России. Вместе с тем Кун не считал Югославию традиционного союзника России, а также полагал, что союз России, Белоруссии и Югославии не отвечал национальным интересам РФ. Более того, по его мнению, внешнеполитический потенциал России в ходе кризиса не был реализована в

---

[123] 旷日持久的波黑内战 / 郝时远主编. 北京: 中央民族大学出版社, 1995. 233 с. [Затянувшаяся гражданская война в БиГ / Под ред. Хао Шиюаня. Пекин: Издательство китайского университета Минзу].

[124] 单极世界的阴霾: 科索沃危机的警示 / 王逸舟主编. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. 424 с. [Туман однополярного мира: предупреждение о косовском кризисе / Под ред. Ван Ичжоу. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].

полной мере, что, по его мнению, во многом объяснялось внутриполитической нестабильностью в России из-за давления общественного мнения и нехваткой у России реальной силы для действий на международной арене[125]. Эти взгляды получили развитие в книге Кун Ханьбиня, подготовленной им в 2000 г. совместно с Гуанем Гуйхаем, – «Борис Ельцин и его эпоха»[126].

Среди других работ китайских историков и политологов по темам боснийской войны и косовского кризиса должны быть обязательно упомянуты Вэй Кунь, Ван Сюйхэ, Лю Хунчао, Ма Шэнжун, Пэн Синьлян, Сунь Юнь, Тай Жань, Ху Фань, Хэ Чуньцяо, Цю Бинь, Чэн Хунбинь, Чжу Цзиньпин, Чи Линцзюнь, Ли Дагуан, Ши Фэнцзюнь[127].

---

[125] *孔寒冰.* 科索沃危机的历史根源及大国背景. 成都: 四川人民出版社, 1999. 273 с. [*Кун Ханбин*. Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав. Чэнду: Сычуаньское Народное издательство].

[126] *孔寒冰, 关贵海.* 叶利钦执政年代. 郑州: 河南文艺出版社, 2000. С. 464–477. [*Кун Ханьбин, Гуань Гуйхай*. Борис Ельцин и его эпоха].

[127] *魏坤.* 喋血巴尔干: 南斯拉夫解体与波黑冲突. 北京: 世界知识出版社, 1997. 191 с. [*Вэй Кунь.* Балканы в крови: распад Югославии и боснийский конфликт. Пекин: Издательство «Знания о мире»]; *汪徐和.* 复燃的巴尔干火药桶. 郑州: 中原农民出版社, 2000. 324 с. [*Ван Сюйхэ*. На Балканах вновь подожгли бочку с порохом. Чжэнчжоу: Издательство крестьян Чжунюань]; *汪徐和.* 血洗伊甸园: 南斯拉夫内战大曝光. 北京: 时事出版社, 1994. 231 с. [*Ван Сюйхэ*. Кровавая бойня в Эдеме: полное разоблачение гражданской войны в Югославии. Пекин: Издательство текущих событий]; *刘洪潮.* 波黑战争风云. 北京: 大众文艺出版社, 1998. 125 с. [*Лю Хунчао.* Вихрь войны в БиГ. Издательство массовой литературы и искусства]; *马胜荣.* 科索沃: 点燃的火药桶. 北京: 新华出版社, 1999. 174 с. [*Ма Шэнжун*. Косово: подожженная бочка пороха. Пекин: Издательство «Синьхуа»]; *彭新良.* 火镜头聚焦科索沃. 北京: 当代世界出版社, 1999. 180 с. [*Пэн Синьлян*. Горячие кадры фокусируются на Косово. Пекин: Издательство «Современный мир»]; *孙云.* 世界末热战. 聚焦科索沃. 北京: 当代世界出版社, 1999. 305 с. [*Сунь Юнь*. Горячая война на исходе века: фокус на Косово. Пекин: Издательство «Современный мир»]; *泰然.* 米洛舍维奇. 北京: 世界知识出版社, 1999. 247 с. [*Тай Жань*. Милошевич. Пекин: Издательство «Знания о мире»]; *胡凡.* 兔鹰之争: 国防大学军事教官评南联盟战争. 北京: 专利文献出版社, 1999. 262 с. [*Ху Фань*. Битва орла и кролика: военные инструкторы оборонного университета о войне в СРЮ. Пекин: Издательство патентной литературы]; *何春桥, 兰文萱.* 军事专家眼中的科索沃战争. 北京: 中国社会科学出版社, 1999. 199 с. [Хэ Чуньцяо, Лань Вэньсюань. Косовская война глазами военных экспертов. Пекин: Китайское Издательство общественных наук]; *邱斌.* 美国阴谋: 北约激怒中、俄内幕. 长春: 吉林摄影出版社, 1999. 390 с. [*Цю Бинь*. Заговор США: Внутренние тайны конфликта НАТО с Китаем и Россией. Чанчунь: Издательство фотографии провинции Цзилинь]; *程鸿彬.* 聚焦科索沃. 武汉: 长江文艺出版社, 1999. 203 с. [*Чэн Хунбинь.* Фокус на Косово. Ухань: Издательство литературы и искусства «Янцзы»]; *朱金平.* 科索沃战争风云. 北京: 解放军出版社, 2001. 290 с. [*Чжу Цзиньпин*. Бурхь косовской войны. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии]; *迟令军, 周荣国, 傅大刚, 赵磊.* 科索沃启示录. 北京: 中国致公出版社, 1999. 239 с. [*Чи Линцзюнь, Чжоу Ронго, Фу Даган, Чжао Лэй*. Апокалипсис Косова. Пекин: Изд-во «Чжигун»]; *李大光, 李莉, 赵广辉, 黄锦明.* 散不尽的硝烟: 科索沃战争回顾与评析. 北京: 国防大学出版社, 1999. 325 с. [*Ли Дагуан, Ли Ли, Чжао Гуанхуэй, Хуан Цзиньмини*. Нескончаемый дым пороха: обзор и анализ косовской войны. Пекин: Издательство Университета национальной обороны]; *石凤军, 柴永忠.* 新世纪的阴云: 科索沃危机透视. 北京: 世界知识出版社, 1999. 179 с. [*Ши Фэнцзюнь, Чай Юнчжун*. Тучи нового века: анализ косовского кризиса. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

Обзор российской историографии

В начале 1990-х гг. в российских академических кругах сформировались два достаточно выраженных подхода к оценке причин распада Югославии, роли балканских народов, прежде всего сербов, в этом процессе и последовавших за ним ожесточенных гражданских войн на постъюгославском пространстве, а также по отношению к российской дипломатической стратегии в данный период. Сторонники первого, ориентированной на либеральный прагматизм и политико-экономические интересы, считали, что Балканский регион в целом и территории, населенные сербами, не имеют существенного значения в глобальной дипломатической стратегии России. Приверженцы второго подхода, ярким представителем которого является Е.Ю. Гуськова, исходили из принципов традиционных связей, геополитических перспектив и концепции «жесткой силы». Они были уверены, что Сербия является важной опорой для реализации Россией ее геополитических интересов и выступает стратегическим плацдармом Москвы на Балканах для противодействия экспансии в регионе Запада, а несколько позже – расширению НАТО на восток. Сторонники этого направления настаивали на уникальном положении Сербии для России не только с точки зрения культурных и исторических связей, полагая, что Белград играет роль стратегического буфера в геополитическом переустройстве мира, развивающемся после окончания холодной войны. С учетом последующего постоянства этих двух подходов возможно выделить четыре этапа развития российской историографии, выстроенных в хронологической последовательности, в основе которых – события на постъюгославском пространстве.

- Первый период (1991–1995): хронологически охватывает события до подписания Дейтонских соглашений в конце 1995 г., протекавший на фоне Боснийской войны и общерегиональной нестабильности.
- Второй период (1996–1999): продолжался от середины 1990-х гг. до интервенции НАТО в Югославии.
- Третий период (1999–2008): охватывает почти десятилетие до одностороннего провозглашения независимости Косова.
- Четвертый период (с 2008 г. по настоящее время): начался после одностороннего провозглашения независимости Косова, сопровождался новыми глубокими изменениями в региональной обстановке. На данном этапе развиваются новые тенденции в российской историографии, при которых балканские события 1990-х гг. преимущественно рассматриваются авторами как отдаленный исторический контекст, но в то же время появляются конкретно-исторические исследования событий югославского кризиса 1990-х гг.

Первый период совпадает со временем деятельности А.В. Козырева (1991–1995) на посту главы МИД России. Его характерной особенностью являлось обсуждение в печатных СМИ политики и действий Москвы в отношении югославского кризиса и его важнейшей боснийской составляющей, в котором активное участие принимали российские ученые-балканисты. Как правило, их мнения в СМИ звучали в связи с важными событиями в регионе. В 1992–1993 гг. российские ученые, среди которых А.А. Язькова, В. Каменецкий[128], А.Б. Едемский[129], В.К. Волков[130], Е.В. Елисеева[131], Е.Ю. Гуськова[132], Л. Тягуненко, П. Волобуев[133], П.Е. Кандель[134] и др., активно обсуждали и комментировали политику России в отношении югославского кризиса, особенно в контексте событий в Боснии. Дискуссии преимущественно велись на страницах общественно-политических еженедельников и других СМИ. В центре внимания находились вопросы санкциям ООН против СРЮ 30 мая 1992 г. и возможность исключения СРЮ из международных организаций. Эти вопросы вызвали острые дебаты, в которых столкнулись различные политические, идеологические течения. Вместе с тем эксперты не стремились перенести на страницы СМИ весь накал общественно-политических дискуссий в обществе того времени, и не позволяли себе переходить на личности и/или наклеивать на оппонентов популярные тогда ярлыки («предатели», «антипатриоты», «национал-большевики», «национал-демократы» и «национал-патриоты»). И если общественные дискуссии того времени зачастую сводились к спору о том, кто кого поддерживает, оценки экспертов позволяли подойти к проблемам более фундаментально.

Осмысление ситуации на Балканах в научных журналах появилось лишь во второй половине 1993 г. Одним из первых примеров комплексного взгляда на события и рефлексии на тему политического курса России в югославском кризисе стала статья руководителя Центра европейских исследований Института США и Канады (ИСК РАН)

---

[128] *Язькова А., Каменецкий В.* Санкции были правомерны // Московские новости. 1992. 12 июля. № 28. С. 12; *Язькова А.* Балканский кризис: подвластно ли будущее историческому прошлому // Независимая газета. 1992. 14 октябрь. С. 4.

[129] *Едемский А.Б.* Почему сербы говорят «нет» // Московские новости. 1993. 16 мая. № 20. С. 7.

[130] *Волков В.К.* Югославия: искать не «врага», а решение // Московские новости. 1993. 21 февраля. № 8. С. 7.

[131] *Елисеева Е.В.* Югославия наказана. Кто следующий? // Учительская газета. 1992. 4 авг. С. 19.

[132] *Гуськова Е.* Югокризис: сербский выбор // Россия. 1992. 30 декабря. С. 5; *Она же.* СССР–Югославия. Этого могло не случиться // Правда. 1992. 20 июня. С. 5; *Она же.* Почему Верховный Совет не поддержал санкции // Известия. 1992. 16 июля. С. 6.

[133] *Волобуев П., Тягуненко Л.* Старых друзей не бросают. Не ужесточать, а отменять санкции против Югославии // Правда. 1992. 16 сентября. С. 3; *Они же.* России небезразлично принесет ли долгожданный мир на югославскую землю план Вэнса – Оуэна // Правда. 1993. 27 февраля. С. 1, 3.

[134] *Кандель П.Е.* Что нам Балканы? Ссора с Европой из-за Югославии как способ свалить правительство России // Новое время. 1992. № 25. С. 32–33.

Ю.П. Давыдова и его соавторов [135]. В ней анализировались внешнеполитические альтернативы, стоявшие перед Москвой, а также подчеркивалась необходимость учитывать четыре ключевых обстоятельства (потребность в дружбе с Западом, статус в ООН, страх перед сепаратизмом внутри СНГ и ограниченность собственных ресурсов) при принятии решений. Авторы аргументированно подчеркивали необходимость для России прагматического курса дистанцирования как от прозападной, так и от просербской позиции, важность объективной и нейтральной позиции посредника в урегулировании конфликта.

Важное значение в это время имела деятельность Е.Ю. Гуськовой по сбору материалов о текущих событиях, результатом обобщения которых стал сборник «Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии» [136], дающий развернутое описание политики Москвы в балканском регионе. В нем нашла отражение позиция высших структур российской власти: президента, правительства, Верховного Совета, МИДа, а также показана роль СМИ и российских ученых в осмыслении событий в Югославии. Особого внимания заслуживает включенная в сборник статья Е.Ю. Гуськовой «Кризис на Балканах и позиция России»[137], которая стала первой научной работой, анализирующей политику Москвы на Балканах в целом в период кризиса.

В 1994–1995 гг. количество научных публикаций заметно возросло: статьи публиковали как российские балканисты, так и некоторые эксперты, специализирующиеся на изучении политики великих западных держав. В числе авторов были: А.А. Язькова, А.В. Карасев, А.В. Вахрамеев [138], А.Г. Арбатов [139], Б.А. Шмелев, Е.Ю. Гуськова, С.А. Романенко и др. В анализе политики России на Балканах исследователи в этих работах уже опирались на базовые категории международно-политической науки: национальные интересы, безопасность, теории международных кризисов, цивилизационный подход, а также многогранные исторические связи и опыт (как позитивный, так и негативный). Одной из важнейших работ, посвященных истории конфликтов на Балканах и позиции России в вопросах их урегулирования стала

---

[135] *Давыдов Ю.П., Приходько О.В., Смирнов П.Е., Устинова Е.В*. Югославский кризис: интернационализация или интервенция? // США – ЭПИ. 1993. № 8. С. 50–60.

[136] Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Славянская летопись, 1993. 505 с.

[137] *Гуськова Е.Ю.* Кризис на Балканах и позиция России // Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии (1990–1993). С. 40–54.

[138] *Вахрамеев А.* Международные организации и югославский кризис // Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Язькова и др. М: Апрель-85, 1995. С. 91–104.

[139] *Арбатов А.* Россия: национальная безопасность в 90-х гг. XX века // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7. С. 5–15; *Он же.* Россия: национальная безопасность в 90-х гг. XX века (продолжение) // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8–9. С. 5–18.

коллективная монография «Очаги тревоги в Восточной Европе», изданная Институтом славяноведения и балканистики РАН[140]. В ней была представлена совместная статья Е.Ю. Гуськовой и А.В. Карасева[141], подробно анализирующая процесс распада Югославии, деятельность международных организаций и эволюцию позиции России в 1991–1993 гг.

Важной вехой в осмыслении событий на Балканах стала статья директора Института славяноведения и балканистики РАН В.К. Волкова «Трагедия Югославии», опубликованная в 1994 г. Демонстрируя основательный научный подход, опытный балканист рассмотрел кризисные события сквозь призму эволюции Югославии на протяжении десятилетий, показав причины и итоги ее внутренних межэтнических противоречий, начиная с 1970-х гг., а также подробно проанализировал сам процесс распада СФРЮ. Особое внимание было уделено изучению политики и действии внешних акторов, их влиянию на события в гражданских войнах и национальных конфликтах в Югославии. По его мнению, «крупной ошибкой российской дипломатии явилось ее участие в экономических санкциях против СРЮ»[142].

Как важный с точки зрения целей настоящей работы следует отметить небольшое сравнительное исследование о кризисах в Молдове и Югославии и политике России эксперта-американиста С.М. Самуйлова[143], вышедшее осенью 1994 г. как доклад в рамках московского отделения Российского научного фонда (РНФ). Его вторая глава «Гражданская война в Боснии и Герцеговине: истоки, противники, роль Запада и политика России», была написанная по материалам российской печати и представляет интерес как первое рассмотрение событий российскими экспертами-международниками, не принадлежащими кругу профессиональных балканистов. В этой публикации следует выделить параграф «Гражданская война в Боснии в 1992 г. и политика России»: Самуйлов негативно оценил деятельность главы российского МИДа А.В. Козырева, в частности, обратив внимание на его попытку предложить «план урегулирования до введения санкций ООН» против Белграда, так как, по мнению эксперта-американиста, эта инициатива отвечала интересам Запада и представлениям Козырева о том, как должно проходить урегулирование «в цивилизованном мире», однако она совсем не соответствовала действительности. Самуйлов подчеркнул, что данный план, как и ранее с Молдовой, был

---

[140] В 1991 г. в связи с распадом СССР аббревиатура АН СССР в названии сменилась на РАН. В 1997 г. Институту вернули его первоначальную суть, убрав упоминание балканистики, и он стал называться «Институт славяноведения Российской академии наук» (ИСл РАН).

[141] *Гуськова Е.Ю. Карасев А.В.* Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 292–315.

[142] *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и Новейшая история. 1994. № 4–5. С. 24.

[143] *Самуйлов С.М.* Межнациональные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и политика России. М., 1994. 91 с.

«обречен на неудачу». И тем не менее эксперт признал, что «политика Москвы не могла быть однозначно прозападной хотя бы из-за давления консервативных и патриотических сил», напомнив, как Москва заблокировала в СБСЕ решение об исключении СРЮ из членства в этой общеевропейской организации, ибо российская дипломатия считала основной задачей «смягчение антисербского накала»[144].

В 1995 г. вышел в свет сборник статей «Балканы между прошлым и будущим», подготовленный в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН). Отдельного внимания в нем заслуживают статьи А.А. Языковой «На пороге третьего тысячелетия» и Б.А. Шмелева «Югославский кризис и Россия». В первой из них анализировались позиции внешних акторов, соотношение приоритетов их внешней политики и регионального сотрудничества в условиях югославского кризиса, а также было изложено видение автором российской политики на Балканах[145]. Вторая статья была непосредственно посвящена анализу позиции и действий России (и ранее СССР) в контексте югославского кризиса, а также исследованию факторов, повлиявших на принятие политических решений. Как подчеркивал Шмелев (опытный эксперт был в то время также помощником депутата Государственной думы и директора ИМЭПИ РАН О.Т. Богомолова), изменения геополитической и геостратегической обстановки в Европе и на Балканах стали важным фактором переосмысления Москвой статуса Балкан в системе российских внешнеполитических приоритетов[146].

В это время в российской историографии югославского кризиса еще яснее консолидировались два четко обозначенных подхода. Представители первого – А.А. Язькова, С.А. Романенко[147], П.Е Кандель, В.М. Каменецкий, Н.Д. Смирнова фактически солидаризировались с официальным курсом на постъюгославском пространстве, разработанным МИД России во главе с А.В. Козыревым. Эти исследователи возлагали вину за возникновение межнациональных конфликтов и войн на территории бывшей Югославии на Белград, считая позицию и политику России в югославском вопросе взвешенной, свободной от прежних идеологических догм и исторических

---

[144] Там же. С. 66–67.

[145] *Языкова А*. На пороге третьего тысячелетия // Балканы между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Языкова и др. М.: Апрель-85, 1995. С. 7–17.

[146] *Шмелев Б.А.* Югославский кризис и Россия // Там же. С. 79–91.

[147] *Романенко С.А.* Югославия: от братства и единства к войне и распаду // Очаги ревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 248–291; *Он же*. Нужен новый козырь. Что в этой связи могла бы предложить Россия и чего ждут от нее подлинные друзья в Белграде, Загребе, Сараеве? // Там же. 1995. № 29. С. 24–25.

стереотипов. К примеру, П.Е. Кандель[148] утверждал, что стратегической целью Москвы должно быть утверждение стабильности на Балканах, характеризовал ее дипломатию как «разумную» и «логичную», несмотря на внешнюю «противоречивость, непоследовательность, импульсивность и негибкость». По его мнению, у России не было стратегических интересов в регионе, в связи с чем опытный эксперт-югославист бескомпромиссно критиковал славянофильские и русофильские настроения в Сербии. В свою очередь А.А. Язькова и В.М. Каменецкий[149] оценивали политику России на постъюгославском пространстве как непредвзятую, разумную и самостоятельную, одобряя признание независимости новых югославских государств и согласие с введением санкции против Белграда без оглядки на статус «исторических друзей» и союзников. А.А. Язькова, к тому же еще и подчеркивала, что в этом «проявилась самостоятельность внешней политики российского руководства, действовавшего без оглядки на возможную национал-патриотическую критику изнутри и извне»[150].

Второй подход российской историографии представлен трудами почти всех остальных российских исследователей, историков и экономистов, признанных знатоков региона – Е.Ю. Гуськовой, Л.В. Тягуненко, П.В. Волобуева, В.К. Волкова, Б.А. Шмелева, Е.В. Елисеевой, С.М. Самуйлова, А.Г. Арбатова и др. Исследования данного направления объединяет критическая оценка внешнеполитического курса МИД РФ: они указывали на его несамостоятельный (прозападный, а в наиболее резкой интерпретации – даже и антироссийский) характер, и критиковали за отказ от защиты геополитических интересов России на Балканах вопреки историческим традициям.

Другое крыло экспертов-балканистов придерживалось противоположных взглядов. В статьях Гуськовой бескомпромиссно критиковались действия российской дипломатии на постъюгославском пространстве, выражалось сожаление, что Балканы не стали для России ни приоритетным направлением внешней политики, ни ключевой зоной защиты ее национальных интересов. Так как МИД под руководством Козырева не имел определенного и последовательного курса, проводил несамостоятельную, ошибочную, недальновидную и, в целом, антинациональную политику, что привело к утрате Россией ее прежних союзников и друзей[151]. Директор Института славяноведения и балканистики В.К. Волков полагал, что Россия «не выработала самостоятельной линии поведения и

---

[148] *Кандель П.Е.* Что нам Балканы? … С. 32–33 .

[149] *Язькова А*, *Каменецкий В.* Санкции были правомерны… С. 12.

[150] *Язькова А*. На пороге третьего тысячелетия // Балканы между прошлым и будущим. С. 15.

[151] *Гуськова Е.Ю.* Кризис на Балканах и позиция России. С. 40–54; *Гуськова Е.Ю, Карасев А.В*. Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе.... С. 292–315; *Гуськова Е.Ю.* Балканский кризис и позиция России // Обозреватель. 1995. № 13. С. 33–37.

допустила перекосы в оценках и ошибки в практических шагах»[152]. В свою очередь Б.А. Шмелев, долгое время колебавшийся между двумя подходами, предложил более нейтральную и осторожную оценку российской политики в регионе, указав, что она в постсоветский период исходила из новой геополитической реальности, в рамках которой Балканы утратили статус приоритетного направления, но сохранили свое стратегическое значение. По его мнению, несмотря на то что стабильность на Балканском полуострове отвечала интересам России, политика Москвы строилась не на просербских предпочтениях, а на поиске баланса в отношениях с Западом, что позволяло сохранить дипломатическую гибкость. «В целом же российская политика по отношению к югославскому и, в частности, боснийскому кризису, – полагал аналитик, – была подчинена решению более общих задач упрочения сотрудничества РФ с Западом, налаживанию с европейскими странами и с США партнерских отношений и смогла удержаться на принципе сбалансированности дистанцирования от всех противостоящих друг другу сторон, что позволило Москве сохранить свободу маневра»[153].

В целом же для данного периода очевидно глубокое расхождение во взглядах российских экспертов на национальные интересы обновленного российского государства. Следствием этого стали почти противоположные оценки происходивших перемен на Балканах и характера реагирования на них в Москве. Данная проблематика послужила важным предметом дискуссий в российском научном сообществе как тогда, так и впоследствии. Основные расхождения в спорах между учеными касались вопроса о том, что является первичным – традиционные этнические связи России с регионом или прагматичные соображения политического реализма.

Второй период в развитии российской историографии о политике России на Балканах охватывает период 1996–1997 гг., – от момента заключения дейтонских соглашений (ноябрь-декабрь 1995 г.) до начала косовского кризиса (1998–1999 гг.). Завершение боснийской войны, введение внешнего управления в БиГ, а также замена Е.М. Примаковым Козырева на должности министра иностранных дел России стали хронологической вехой, отталкиваясь от которой российские исследователи получили возможность предложить более системный анализ политики России на Балканах. Для данного периода характерно как сохранение устойчивого научного интереса к актуальным процессам на постъюгославском пространстве в 1996–1997 гг., так и более обстоятельное осмысление событий в регионе в первой половине 1990-х гг.

В этот период, хотя публикации в печатных СМИ по-прежнему имели место, прежде

---

[152] *Волков В.К.* Трагедия Югославии (1991–1995) // Новая и Новейшая история. 1994. № 4–5. С. 24.
[153] *Шмелев Б.А.* Югославский кризис и Россия. С. 87–88.

всего в приложениях к «Независимой газете»[154], дискуссия между приверженцами обоих направлений в российской историографии изучения событий на Балканах перешла преимущественно из поля публицистических статей в экспертные рамки академической науки. В таких публикациях системно и всесторонне в контексте разнообразных аналитических подходов была проанализирована трансформации политики России на Балканах с приходом Примакова, ее достижения и просчеты.

Во второй половине 1990-х гг., после прохождения югославским кризисом нескольких этапов и кризисных процессов внутри самой России, у большей части российского экспертного сообщества сформировался консенсус относительно наличия у России базовых стратегических интересов в балканском регионе. Исследователи сошлись во мнении, что политику России на Балканах в первой половине 1990-х гг. отличали непоследовательность и несбалансированность, хотя причины и последствия этого трактовались по-разному. Разногласия по-прежнему были обусловлены различным пониманием российских национально-государственных интересов, расхождениями в определении приоритетных направлений ее внешней политики, а также политическими убеждениями самих исследователей. В центре дискуссии находились такие вопросы, как: следовало ли (и следует ли) Москве из-за югославского кризиса идти на обострение отношений с Западом и располагает ли она для этого необходимыми ресурсами и инструментарием; имеет ли Россия жизненно важные интересы на Балканах; в какой мере традиционные связи с сербским народом соотносятся с национально-государственными интересами страны; каково соотношение роли и места исполнительной власти и парламента на протяжении данного кризиса. При этом выявившиеся ранее подходы в среде полностью сохранились и даже обозначились более четко.

Первый из них по-прежнему был ярко представлен статьями П.Е. Канделя[155], Н.Д. Смирновой и А.А. Языковой. Авторы единодушно утверждали, что внешнеполитический интерес России заключается прежде всего в обеспечении стабильности на Балканах. Кандель жестко и беспристрастно обращал внимание на неготовность, легковесность и зигзагообразность российской политики на Балканах, считая чрезмерную «югославизацию» политики России в регионе «непродуктивной». Воздерживаясь от эмоциональных оценок, опытный аналитик полагал, что постъюгославское пространство не должно восприниматься как приоритетное во

---

[154] См., к примеру: *Фролов В.* Что мы делаем в Боснии? // Независимое военное обозрение. 1997. 22–28 февраля. С. 2.

[155] *Кандель П.Е.* Балканские интересы: подлинные и мнимые // Россия на Балканах. Московский Центр Карнеги. М., 1996. С. 9–30; *Он же.* Россия, Балканы и постсоветское пространство // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1998. С. 67–79.

внешнеполитических действиях России, считая ее «важным фактором», но, тем не менее, находящимся «на периферии ее интересов» в период переосмысления и переформулирования ее внешней политики и национально-государственных приоритетов. «При любом исходе войны за передел территорий бывшей СФРЮ, – писал Кандель, – не затрагивались ни безопасность России, ни ее важнейшие экономические потребности»[156]. Сходную точку зрения излагали и другие опытные российские балканисты этого направления, считавшие, что «действительный внешнеполитический интерес России лежит прежде всего в утверждении стабильности на Балканах <...>, при всех претензиях на самостоятельную роль в балканском регионе российская сторона не имеет действенных рычагов для ее реализации»[157]. Неотъемлемой частью этой экспертной позиции являлась резкая критика как идеи славянского и православного единства, так и взглядов национал-патриотических кругов.

Противоположная позиция значительно большего числа экспертов-балканистов для данного периода была выражена в статьях А.Б. Едемского[158], В.К. Волкова, В.И. Котова[159], В.С. Милованова, Е.Ю. Гуськовой, Н.В. Куликовой и др., в которых подробно рассматривались эволюция политики России на Балканах. Эти авторы сходились во мнении, что политика Москвы в этом регионе в первой половине десятилетия 1990-х гг. в значительной степени не соответствовала ее национально-государственным интересам и способствовала утрате ее влияния на традиционно важном направлении, а также была довольно скромной.

Е.Ю. Гуськова[160], продолжая редактировать на события на Балканах, в 1996 г., представила подробный анализ российской политики в регионе, уделив особое внимание отдельным эпизодам и деталям распада СФРЮ. Проследив эволюцию внешней политики России, эксперт уверенно доказывала, что политика Москвы на этом этапе отличалась «пассивностью, непоследовательностью, несамостоятельностью, непрофессионализмом, невниманием к национальным интересам России»[161]. Она отмечала наличие серьезных

---

[156] *Кандель П.Е.* Россия, Балканы и постсоветское пространство. С. 73.

[157] *Смирнова Н., Язькова А.* Балканы в российской политике XIX-XX вв. // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1998. С. 65.

[158] *Edemskiy A*. Russian policy towards the War of dissolution in ex-Yugoslavia: (Russian Perspectives) // International Perspectives on the Yugoslav Conflict London-New York, 1996. P. 29–51.

[159] *Котов В.* Что может ждать Россию на Балканах // Россия XXI в. 1996. № 3–4. С. 186–190.

[160] Всплеск аналитических публикаций по теме в 1995 г. привел руководство Института славяноведения РАН, директором которого на тот момент был В.К. Волков, к осознанию необходимости создания самостоятельного научного Центра по изучению современного балканского кризиса, руководителем которого была назначена Е.Ю. Гуськова.

[161] *Гуськова Е.Ю.* Балканский кризис и политика России // Посткоммунистическая Восточная Европа: новые международные отношения и внешнеполитические ориентиры. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 92.

«просчетов» и фактический «провал» российской политики на балканском направлении. По мнению Е.Ю. Гуськовой, основная ошибка российской дипломатии заключалась в отсутствии «собственной концепции разрешения конфликта» на Балканах: Москва не сумела занять место «арбитра и посредника», а играла только отводившуюся ей Западом «второстепенную роль», выполняя указания партеров[162].

После начала реализации дейтонских соглашений российские исследователи продолжили осмысление событий первой половины 1990-х гг. директор Института славяноведения РАН, крупнейший специалист по истории Балкан, член-корреспондент РАН В.К. Волков в статье «Трагедия Югославии», продолжил развивать идеи, изложенные им в 1994 г., стремясь к максимальной точности формулировок. Характеризуя действия МИД РФ, он отметил, что участие России в экономических санкциях против СРЮ следует расценивать не просто как «крупную ошибку российской дипломатии», а как ее «самую крупную ошибку»[163].

Путь к Дейтону и итоги достигнутых там соглашений, быстро стали предметом научного интереса и глубокого осмысления российских исследователей. Представители обоих направлений сходились во мнении, что их заключение установило в Боснии лишь непрочный мир. Вместе с тем сторонники критического отношения к деятельности Козырева отрицательно оценивало действия и роль России в данном процессе, указывая на ее несамостоятельность и неспособность отстаивать собственные интересы на Балканах. По мнению большинства исследователе[164], историков В.К. Волкова, Е.Ю. Гуськовой, Г.Н. Энгельгардта, П.В. Волобуева, экономистов В.С. Милованова, Л.В. Тягуненко, Н.В. Куликовой, политологов-международников Г.В. Корнилова, Н.К. Арбатовой и др., данные соглашения ослабили позиции России не только на Балканах, но и в Европе в

---

[162] Там же. С. 110.

[163] *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Осмысление истории / Под. общ. ред. Г.Н. Севостьяновой. М., 1996. С. 240.

[164] *Арбатова Н.К.* Мир или перемирие? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 78–85; *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Осмысление истории. С. 214–254; *Он же.* Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения // Обозреватель. 1997. № 5–6. С. 39–44; *Гуськова Е.Ю.* Балканский кризис, дейтонское соглашение и роль НАТО в Европе // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / Ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИМЭПИ, 1998. С. 220–228; *Кандель П.Е.* Сможет ли БиГ существовать в «дейтонском формате»? // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1996. № 3–4. С. 24–29; *Корнилов Г.В.* США и югославский кризис (1991–1997 гг.) // США: ЭПИ. 1998. № 4. С. 67–77; *Куликова Н.В. Милованов В.С.* Дейтонские соглашения – путь к миру? // Федерализм. 1996. № 3. С. 155–176; *Милованов В., Куликова Н.* Дейтонское соглашение: достижения просчеты, перспективы // Вестник научной информации. 1997. № 3. С. 56–68; *Тягуненко Л.В.* Распад федерации – причины и последствия // Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке XIX-XX вв. М. ИВИ РАН, 1996. С. 172–184; *Она же.* Причины и последствия распада Югославской и Советской федераций // Вестник научной информации. М., 1996. С. 633–640; *Тягуненко Л.В., Волобуев П.В.* Уроки дейтонских соглашений // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 84–91; *Энгельгардт Г.Н.* Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. 1997. № 3. С. 76–84.

целом, одновременно способствуя расширению позиций и усилению влияния НАТО и США в регионе. Так, Н.В. Куликова и В.С. Милованов подчеркивали, что действия западных стран во главе с США положили начало «оттеснению России на второй план в системе международных отношений в целом и в европейской политике в частности»[165]. Анализируя уроки дейтонских соглашений, Л.В. Тягуненко и П.В. Волобуев писали о «позорной роли»[166] внешней политики России в отношении СРЮ и боснийских сербов в период руководства А.В. Козырева. Также негативно, хотя более сдержанно, оценила «дейтонский мир» Н.К. Арбатова, которая считала, что значение дейтонских соглашений и опыт сотрудничества с Западом «нельзя отнести к числу дипломатических побед России и не только потому, что это мир, подписанный на условиях США, интересы которых не во всем совпадают с российскими интересами на Балканах»[167].

Третий период российской историографии югославского кризиса и политики России на постъюгославском пространстве в 1990-х и начале 2000-х гг. включает статьи и книги, написанные российскими исследователями с 1999 по 2008 г. Он совпадает с событиями на постъюгославском пространстве за эти годы. С начала 1999 г. по 2008 г. за его начало следует взять обострение ситуации в Косове, первую волну расширения НАТО и агрессию этого военно-политического союза против СРЮ. Среди ключевых событий, поддерживавших интерес российских ученых к региону, следует также назвать и волнения в Македонии, завершение правления С. Милошевича, кончину Ф. Туджмана и начало демократизации выстроенного им режима в Хорватии, значительную активизацию МТБЮ в Гааге, успешный теракт в отношении главы правительства Сербии З. Джинджича, мирное разделение СРЮ на Сербию и Черногорию в 2006 г. Особое место в этом ряду занял вывод российских миротворцев из Косова (июнь–июль 2003 г.)[168]. Верхней хронологической границей третьего периода и началом следующего стало одностороннее провозглашение независимости Косова от Сербии в 2008 г.

Начало третьего периода ознаменовалось реакцией российских экспертов на обострение ситуации в Косове и агрессию НАТО против СРЮ. Импульсивная и часто непоследовательная политика российских властей, колебавшаяся от резких критических оценок действий государств-членов НАТО до попыток оперативно вернуться в режим

---

[165] *Куликова Н.В. Милованов В.С.* Дейтонские соглашения – путь к миру? С. 176.
[166] *Тягуненко Л.В., Волобуев П.В.* Уроки дейтонских соглашений. С. 85.
[167] *Арбатова Н.К.* Мир или перемирие. С. 84.
[168] Данный шаг по-разному оценивался российскими экспертами и трактовался, в зависимости от их политических позиций, и как отказ Москвы признать итоги косовского конфликта 1999 г., и как оставление сербского населения на произвол НАТО и албанских вооруженных формирований, и как прагматичное желание Москвы сократить валютные расходы на содержание воинского контингента в этом сербском крае югославского государства.

взаимодействия с Западом, спровоцировала всплеск публикаций авторитетных российских специалистов-международников широкого профиля, а не только ученых-балканистов. В начале этого периода все ведущие журналы по темам международных отношений и безопасности считали обязательным размещать материалы по теме югославского кризиса – от кратких, но емких эссе до пространных аналитических статей. Их авторы, не являясь экспертами по региону, зачастую и не старались вникнуть в балканскую специфику и причины конфликта, а сводили события югославского кризиса 1990-х гг., особенно косовский кризис, к контексту стратегического курса России на международной арене и ее политических амбиций.

Среди значимых публикаций 1999–2001 гг. находятся как небольшие материалы, так и полноценные статьи крупных экспертов-международников того времени, прежде всего М.В. Ильина, Ю.В. Морозова, В.Б. Пастухова и многих других[169]. Начало авиаударов НАТО по Югославии спровоцировало достаточно острую дискуссию в российском научном сообществе. В историографии этого периода следует особо отметить материалы, опубликованные в № 2 журнала «Полис. Политические исследования» за 1999 г., в то время самого авторитетного политологических изданием в России. Редакция журнала успела включить в практически отправленный в печать номер несколько материалов, написанных по горячим следам первых авиаударов (статьи В.Б. Пастухова «Балканский синдром: история болезни», М.В. Ильина «Война в Югославии: от жертвоприношения Сербии к самоубийству Запада?», А.М. Салмина «Россия, Европа и новый мировой порядок»). Данные публикации не только открыли дискуссию, поддержанную широким кругом научного сообщества, и задали ее уникальный фокус, направленный на глубокое политико-философское осмысление ситуации, но и вновь зафиксировали раскол мнений среди российской интеллектуальной элиты сразу после начала натовской агрессии против режима С. Милошевича.

В.Б. Пастухов[170] сосредоточился на внутренних причинах краха Югославии, полагая,

---

[169] *Уткин А.И.* За кулисами югославской трагедии окончательность границ и самоопределение // Свободная мысль. 1999. № 2. С. 47–59; *Барановский В.* Косово. Российские интересы слишком значительны // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 34–46; *Baranovsky V.* Russia: a part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs. 2000. Vol. 76. № 3. P. 443–458; *Морозов Ю.В.* Балканы в стратегии России // Современная Европа. 2000. № 3 (3). С. 52–62; *Арбатова Н.К.* Отношения России и Запада после косовского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 6. С. 14–24; *Кременюк В.А.* Россия – США: первые уроки балканского кризиса 1999 г. // США – Канада: ЭПИ. 2000. № 1. С. 5–15; *Самуйлов С.М.* После югославской войны: размышления о России, США, Запада в целом // Там же. С. 65–83.

[170] Пастухов в 1995–1999 гг. являлся ведущим научным сотрудником Института Латинской Америки РАН. В 1999–2008 гг. был научным директором АНО «Институт права и публичной политики», а также профессором права в ВШЭ до эмиграции в 2009 г. в Великобританию. 05.05.2023 был внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

что «России нужно отказаться от латентной поддержки этнических чисток в Косове и перестать покрывать преступления Милошевича», который вел страну по пути к национальной катастрофе. В случае если это не будет сделано, предупреждал Пастухов, Россия «не будет способна претендовать на роль международного посредника, поскольку в настоящий момент уже является одной из сторон конфликта»[171]. Автор раскритиковал представление о полном культурно-политическом единстве России и Сербии, и показал, насколько глубоко сербское общество интегрировано в европейские процессы. М.В. Ильин, в отличие от Пастухова, сосредоточился на анализе геополитического аспекта. Назвав действия НАТО агрессией и отметив удар по механизмам ООН, все же предпочел не фокусироваться на роли России в югославских событиях[172]. Близким к позиции Пастухова оказалось в этом номере журнала взгляд А.М. Салмина, считавшего, что ни Сербия, ни Россия не имеют ресурсов для полной изоляции от Запада. По его мнению, при всей несправедливости атаки на Югославию, обе страны в будущем все равно будут тесно связаны с Европой, так как этот прозападный экономический вектор диктуется законами географии и рынка, а не симпатиями к НАТО. Политолог призвал к анализу новых правил международного права, где военная сила и экономическая консолидация становятся определяющим фактором, с которым приходится считаться странам транзитного типа ради собственного выживания[173].

Подавляющее большинство статьей в экспертном сообществе России было посвящено критике Запада. В.Г. Барановский дал высокую оценку первоначальной реакции России на военные действия НАТО, отметив, что, внешнеполитические шаги Москвы во время косовского кризиса находились под влиянием внутриполитических факторов (прежде всего ее электоральных циклов) и носили ярко выраженный характер политической борьбы. По его мнению, миссия Черномырдина оказалась скорее «пиаровской акцией», а не настоящим «посредничеством»[174]. Слабость позиции Кремля отмечал и А. Сентябрев (А.А. Орлов), полагая, что кризис вокруг Косова показал, что Россия продолжает быстро терять возможность оказывать эффективное воздействие на процессы на Балканах из-за того, что на предвоенном этапе ей не удалось предотвратить агрессию НАТО, а после окончания военных действий она не получила своего сектора при

---

[171] *Пастухов В.Б.* Балканский синдром: история болезни // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 183.
[172] *Ильин М.В.* Война в Югославии: от жертвоприношения Сербии к самоубийству Запада // Там же. С. 110–113.
[173] *Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок // Там же. С. 10–31.
[174] *Барановский В.* Косово. Российские интересы слишком значительны. С. 43.

распределении секторов ответственности миротворческих сил в Косове[175].

На обострение положения в Косове и агрессию НАТО против СРЮ оперативно отреагировало и научное сообщество российских профессиональных экспертов-балканистов, и ученых-международников, изучающих действия Запада, часть из них (А.А. Улунян, А. Сентябрев, А.А. Коновалов, В.А. Кременюк, В. Пастухов, С.А. Романенко, С.М. Рогов, Т. Замятина, Ю.Е. Федоров, Ю.П. Давыдов и др.)[176] критически отнеслась к действиям Примакова в первые надели агрессии НАТО против СРЮ и политике России в косовском вопросе в целом, что вызвало ответную реакцию другой части спектра этого экспертного сообщества[177], а также специалистов по вопросам политики западных держав[178] и других направлений[179]. В их статьях прослеживается более прозападная позиция. Так, Ю.П. Давыдов, критикуя чрезмерно возобладавшее в РФ консервативное внешнеполитическое мышление и, в определенной мере, было отражено понимание западной концепции «прав человека, стоящей выше государственного суверенитета». По его словам, «внешнеполитическое мышление нынешней России остановилось где-то на уровне XIX в., оно не учитывает те изменения, которые происходят

---

[175] *Сентябрев А.* Итоги балканской войны и внешняя политика России // Обозреватель. 1999. № 8. С. 34–41.

[176] *Замятина Т.* Косовские албанцы взрывают Сербию // Новое время. 1998. № 11. С. 7–9; *Кандель П.* Влияние косовского кризиса на политическую ситуацию в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 37–40; *Коновалов А.А.* Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 3–14; *Кременюк В.А*. Россия – США: первые уроки балканского кризиса 1999 г. // США – Канада: ЭПИ. 2000. № 1. С. 5–15; *Пастухов В.* Балканский синдром. История болезни // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 114–121; *Романенко С., Улунян А.* Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Pro et Contra. 2001. № 4. С. 46–58; *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис, Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М.: МОНФ, 2000. С. 441–461; *Он же.* Государства Юго-Восточной Европы и Россия // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под ред. А.А. Языковой. М., 2007. С. 315–323; *Он же.* Югославия, Россия и славянская идея: Вторая половина XIX – начало XXI века. М.: Институт права и публичной политики, 2002. С. 510–586.

[177] *Гуськова Е.Ю.* Динамика косовского кризиса и позиция России // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Мос. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 32–66; *Она же.* Продолжающийся балканский кризис и политика России // Обозреватель. 1999. № 12. С. 35–39; *Она же.* Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 26–51; *Никифоров К.В.* Отношение России к Сербии в конце XX века // Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Белград. 1999. С. 157–167; *Тягуненко Л.В.* Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 28–45; *Волков В.К.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.

[178] *Анисимов А.* Дефолт-2 // Обозреватель. 1999. № 12. С. 53–56; *Барановский В.* Косово. Российские интересы слишком значительны. С. 34–46.

[179] *Воронов К.* Европа и Россия после балканской войны 1999 года: драматичные уроки // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 27–35; *Кувалдин. В.Б.* Югославский кризис и внешнеполитическая стратегия России // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 21–25; *Федоров А.* Новый прагматизм внешней политики России // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 19–24.

в современном мире, и те направления, в которых они развиваются»[180].

Сформировавшиеся ранее подходы нашли в этот период дальнейшее развитие, став отражением более широкой дискуссии о целях и средствах российской внешней политики на балканском направлении. Количество сторонников комплиментарного отношения к действиям Запада в регионе не увеличилось, тогда как в российском экспертном сообществе значительно возросло число тех, кто резко осудил военную операцию НАТО, одновременно одобряя действия и взгляды Примакова. Они, также как правило, оправдывали курс Примакова и приветствовали радикальные шаги, включая операцию по скрытой переброске из Боснии в аэропорт Слатина (Косово) российских десантников, подвергая критике миссию Черномырдина. Противоположная группа, напротив, критиковала Примакова за деструктивную конфронтацию с Западом и одобряла дипломатические действия Черномырдина.

Первая академическая попытка комплексной экспресс-оценки итогов военной кампании НАТО против СРЮ была предпринята уже 21 июня 1999 г. на организованном в ИСК РАН семинаре (ситуационном анализе) «Балканский кризис и российско-американские отношения». В рамках дискуссии нашел отражение весь спектр оценок и прогнозов ведущих исследователей-американистов относительно военной операции НАТО в Югославии, российской реакции на нее и интересов РФ на Балканах. В ходе обсуждения эксперты высказывали противоположные оценки действий Е.М. Примакова в начале военной операции НАТО и участия В.С. Черномырдина на заключительном этапе урегулирования, а также операция по переброске части российских десантников-миротворцев из Боснии в Косово. Отдельное внимание уделялось анализу взаимосвязи событий в Югославии и предстоящего нового политического цикла в России. В.А. Кременюк подверг резкой критике внешнюю политику России в период косовского кризиса и агрессии НАТО (при этом избежав этой дефиниции), указав, что действия Запада на Балканах продемонстрировали «слабость России, ее ненадежность как союзника, ее неспособность оказать реальную поддержку стране, которая имела все основания рассчитывать на помощь Москвы». Политика Примакова, основанная на принципе «равноценного, равноправного» диалога с Западом в ходе переговоров по Косову, – по мнению этого опытного эксперта, – потерпела поражение, тогда как В.С. Черномырдин на переговорах по Косову фактически от этой модели отказался[181]. В выступлении

[180] Балканский кризис и российско-американские отношения (ситуационный анализ) // США – Канада: ЭПИ. 1999. № 10. С. 46.
[181] Балканский кризис и российско-американские отношения (ситуационный анализ). С. 45.

Ю.Е. Федорова[182] был сделан акцент на том, что во время этих событий произошло поражение «первой линии» российского внешнеполитического поведения: реакция Москвы на военные действия НАТО отличалась непоследовательностью и противоречивостью[183]. С.М. Рогов, директор ИСК РАН, полагал, что события в Косове «не затрагивают жизненно важные интересы» России, поскольку не несут угрозы ее территориальной целостности. Вместе с тем известный американист считал, что для России балканский кризис не является «третьеразрядной» проблемой, он отнес ее ко «второму уровню интересов»[184]. Ю.А. Иванов полностью отверг значимость событий в Косове для российских интересов, считая, что они представляют собой скорее случайный эпизод. По его мнению, «События в Косове – это не веха, а эпизод в развитии международных отношений, который еще не завершился, и российские интересы в нем не затронуты»[185]. Схожую оценку, но с акцентом на более широкий исторический контекст, высказал А.И. Уткин, отметив, что на протяжении 1990-х гг., «кроме периода Е. Примакова, Россия только и делает, что предает интересы своих союзников. В случае с Югославией последовал рецидив политики А. Козырева»[186].

Интерес среди ведущих российских ученых-международников, специализирующихся на изучении Запада и проблем международной безопасности к военным действиям НАТО в СРЮ без решения СБ ООН вызвал в 1999 г. всплеск количества публикаций в ведущих российских научных журналах, однако уже к концу того же года, по мере стабилизации в регионе, этот научно-экспертный интерес заметно снизился. Устойчивое внимание к теме в начале 2000-х гг. сохранилось, в основном, лишь в академических изданиях ИСК РАН и ИМЭМО. Авторы публиковавшихся там статей стремились встроить события 1999 г. в контекст предшествовавших балканских кризисов 1990-х гг., а также осмыслить их влияние на отношения России с ведущими станами Запада. Так, А.А. Коновалов отмечал, что политика России в ходе войны в Боснии и силовой акции НАТО в Косове имела четко выраженный принципиальный характер и опиралась на защиту международного права и государственного суверенитета. Однако в условиях общего ослабления российской мощи в 1990-е гг. она носила преимущественно реактивный характер, не позволила оказывать существенное влияние на развитие событий и не смогла воспрепятствовать действиям НАТО. Это, по мнению опытного эксперта, привело к долговременному ухудшению российско-американских отношений и негативно

---

[182] В 2023 г. внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.
[183] Балканский кризис и российско-американские отношения (ситуационный анализ). С. 43.
[184] Там же. С. 44.
[185] Там же. С. 47.
[186] Там же. С. 49.

сказалось на архитектуре европейской безопасности[187].

Отличительной чертой третьего периода в российской историографии событий югославского кризиса стало появление значительного количества работ (как статей, так и монографий), подготовленных российскими исследователями, изначально не являющимися специалистами по Балканскому региону. Их обращение к данной тематике было обусловлено ее междисциплинарной значимостью, актуальностью и масштабным влиянием на систему международных отношений. Результаты такого интереса были различны, но некоторые оказались весьма удачны. Несомненно, упоминания достойна фундаментальная объемная книга заведующего кафедрой внешней политики и международных отношений Дипломатической академии МИД РФ А.Г. Задохина, написанная в соавторстве с А.Ю. Низовским. Исследователи в научно-популярной манере изложили весь спектр вопросов, связанных с развитием региона во второй половине XX в., включив в текст такие главы, как «Балканы второй половины XX столетия»; «Войны национальной памяти и проблема этнических "меньшинств" на Балканах»; «Территориальный вопрос на Балканах»; «Югославия после Второй мировой войны: построение социализма или этапы распада государства?»; «Распад Югославии: война всех против всех»; «История сербско-албанского конфликта, или битвы на косовом поле»; «Истоки албанского национализма»; «"Албанский вопрос" в региональном контексте»; «Республика Албания и "албанский вопрос"»; «Албанский вопрос в Македонии»; «Проблема Косово в международной политике»; «Война в Косово»; «Поддержание мира международными силами ООН или принуждение к миру силами НАТО?»; «Балканский конфликт и НАТО»; «Организация жизни в Косово: сценарии и реальности». Авторы завершили книгу двумя главами о России: «Балканская политика России» и «Некоторые уроки Косово для России»[188].

Тема Балкан, российской дипломатии и безопасности РФ получила отражение и в диссертационных исследованиях. Так, в 2001 на философском факультете МГУ состоялась защита диссертации Г.И. Моро «Дезинтеграционные процессы в Балканском регионе в контексте обеспечения безопасности России»[189]. На балканских вопросах автор сфокусировался в первом и третьем разделах: «Теоретико-методологические аспекты и различные научные подходы в изучении балканской и югославской тематики» и

---

[187] *Коновалов А.А.* Как Россия и США «потеряли» друг друга. С. 3–14.
[188] *Задохин А.Г. Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 416 с.
[189] *Моро Г.И.* Дезинтеграционные процессы в Балканском регионе в контексте обеспечения безопасности России.: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 174 с.

«Дезинтеграция СФРЮ и балканское направление обеспечения безопасности России»[190].

Следует также отметить научно-квалификационную работу Г.А. Ильиной, посвященную политике России в югославском кризисе в 1990-е гг. [191] Данное исследование было выполнено в 2002 г. и успешно защищено в диссертационном совете Института всеобщей истории (ИВИ РАН) в 2003 г.

События, связанные с агрессией НАТО против Югославии, противоречивая реакция на них Москвы, устойчивое разочарование в возможности равноправного взаимодействия с Западом в годы правления Ельцина, вынудили внимательно проанализировать влияние событий на Балканах 1990-х гг. на дальнейшую политику России и исследователей из США. С этой целью московский Центр Карнеги (представительство американского Фонда Карнеги за международный мир) организовал в 1999 г. круглый стол, посвященный проблеме Косова. Стремясь к достижению как можно большей объективности и политкорректности, организаторы пригласили экспертов, представлявших различные точки зрения и подходы. Результатом стал оперативно изданный сборник[192], в котором удалось достичь оптимального баланса его авторов. Среди них были и представители обоих направлений экспертов-балканистов, и специалисты по странам Запада и их внешней политике, а также исследователи российско-американских отношений и проблем международной безопасности. Включение в число участников Е.Ю. Гуськовой позволило организаторам продемонстрировать академический плюрализм и в полной мере выявить логику рассуждений наиболее ярких представителей российских экспертов-сербофилов. По ее мнению, на начальном этапе попыток урегулирования косовской проблемы Россия демонстрировала позитивные дипломатические усилия, особенно в лице Е.М. Примакова и И.С. Иванова. Однако вследствие внутриполитической нестабильности и отсутствия политической воли позиция Москвы многократно менялась, став сначала непоследовательной, а затем – неуверенной. Гуськова напомнила, что «с начала 90-х годов внешняя политика России прошла сложный путь – от полного бездействия к сосредоточению и активному отстаиванию национальных интересов, в том числе и на

---

[190] Диссертация во многом стала развитием идей, изложенных Моро ранее при подготовке брошюры «Балканская война: локальный инцидент или глобальное геополитическое противостояние?», написанной в соавторстве с В.В. Жириновским. (*Жириновский В., Моро Г.* Балканская война: локальный инцидент или глобальное геополитическое противостояние? М., 1998. 64 с.).

[191] *Ильина Г.А.* Политика России в югославском кризисе, 1991–1999 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 202 с.

[192] Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Мос. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. 303 с.

Балканах»[193]. Ю.П. Давыдово выделял два идейно-политических течения в российском политическом спектре по вопросу Косова: российские изоляционисты, представленные антизападниками и национал-либералы. По его мнению, внешняя политика Москвы в отношении косовской проблемы служит не для «обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками российской политической элиты своих интересов внутри страны»[194]. Взгляды остальных ученых-балканистов и экспертов-международников, принявших участие в обсуждении и опубликованном сборнике не вышли за рамки аргументации, отработанной в течение двух предыдущих периодов развития российской историографии югославского кризиса.

Еще одним проектом московского Центра Карнеги тех лет, направленным на анализ стратегических позиций и перспектив развития России на международной арене с учетом итогов прошедшего десятилетия, стала подготовка специального тематического выпуска журнала «Pro et Contra». К участию в сборнике были привлечены авторы, известные составителям своими либеральными оценками проблем национальной безопасности России и целей ее внешней политики. На страницах выпуска Ю.Е. Федоров, профессор кафедры политических процессов и научный сотрудник Центра международных исследований МГИМО, получил возможность в полной мере выразить свои концептуальные соображения. Главным проявлением кризиса внешней политики автор назвал «ее перманентную неспособность решить задачи, которые ставит перед ней правящая элита страны», прежде всего, провал попыток остановить расширение НАТО, предотвратить проведение военных операций в бывшей Югославии и как следствие падение влияния на Балканах, кризис в СНГ[195].

Среди размещенных в этом выпуске статей существенное место заняли материалы, в которых обсуждалась ограниченность у России ресурсов для влияния на международные процессы. Было показано, что «Расширение НАТО и война в Югославии с очевидностью продемонстрировали нехватку у России ресурсов и инструментов влияния на международные события военно-политического характера». Неблагоприятно оценивалось и влияние общественного мнения: «Тяжесть внутреннего положения не способствует росту интереса граждан к международным проблемам. Активизация внешнеполитических эмоций происходит, как правило, с появлением "горячих" тем (например, война в

---

[193] *Гуськова Е.Ю.* Динамика косовского кризиса и позиция России // Косово: международные аспекты кризиса. С. 73.
[194] *Давыдов Ю.П.* Проблема Косово в российском внутриполитическом контексте // Там же. С. 252.
[195] *Федоров Ю.Е.* Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2. С. 31–49.

Югославии). Российская общественность и элита плохо еще ориентируются в современных международных отношениях. Это – следствие как длительной закрытости нашего общества, так и его зацикленности на внутренних проблемах, характерной для 90-х»[196] . Примером подобного подхода в данном сборнике может служить статья П.Е. Канделя «Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы», в которой автор не стал упоминать «югославский кризис», а в дискуссию с оппонентами о национальных интересах России на Балканах вступил лишь однажды, используя иронию и уничижительные метафоры: «традиционный инструмент объективизации внешней политики превратился в орудие крайне субъективного целеполагания, не стесняющего себя ни рамками возможного, ни пределами необходимого. Императивный по самой технологии выбор приоритетов превращался в составление списка пожеланий. "Сферу традиционных интересов", или "историческую зону особых интересов" (скажем, Балканы), начинали воспринимать как области жизненно важных интересов; при этом игнорировали такие "малости", как время, отделяющее нас от той поры, когда этот регион был для российской внешней политики действительно приоритетным, или же изменившееся геополитическое и геоэкономическое пространство, сильно сократившиеся возможности государства и др. Как ни парадоксально, но концептуальный подход, призванный "заземлить" внешнеполитическое теоретизирование, напротив, усилил его наклонность "витать в эмпиреях"». Кандель назвал «для России это парадокс вполне рутинным, поскольку в русском языке, вопреки семантике, "эмпиреи" представляют собой не воплощение практицизма, а неземное царство отвлеченного умствования»[197].

Несколько статей в выпуске было посвящено балканской политике России и югославскому кризису в 1990-е гг. (Ю.Е. Федоров, А.В. Фененко, С.А. Романенко и А.А. Улунян). Рассмотрение получилось обстоятельным. А.В. Фененко выделил три этапа эволюции российской дипломатии в 1990-е гг., в ходе которых она прошла путь «от стремления интегрироваться в западный мир к политическому реализму», в практическом плане вылившийся в процесс пересмотра приоритетов внешней политики России. Первый этап – отказ от активных внешнеполитических действий в 1991–1993 гг. Второй – пересмотр концепции и «отказ видеть в США стратегического партнера» в 1994–1995 гг. Третий этап, охватывающий отрезок с 1996 по 2000 гг., автор охарактеризовал как осознание российской дипломатией первостепенного значения для нее Балканского

---

[196] *Мальгин А.В.* Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Там же. С. 103.
[197] *Кандель П.Е.* Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Там же. С. 11.

кризиса, что привело к «похолоданию» отношений с НАТО и признанию приоритета «силового фактора». Как считал Фененко, «несмотря на жесткую полемику с США и другими странами НАТО Москва фактически потерпела поражение в боснийском и косовском кризисах 90-х»[198].

Более радикальную и критическую позицию заняли профессиональные историки-балканисты С.А. Романенко и А.А. Улунян, констатировав, что в 1990-е гг. политика России на Балканах так и не обрела смысла: «общий итог балканской политики России в 1990-е гг. настолько неудовлетворителен, что можно с полным основанием говорить об утрате ею рычагов влияния на полуострове к концу десятилетия»[199].

Если интерес политологов-международников к Балканам и событиям югославского кризиса оказался сравнительно кратковременным, то исследования российских экспертов-балканистов обоих направлений, в этот (третий) период получили дальнейшее развитие. Сохранение академического характера дискуссии способствовало тому, что и внутри обоих направлений не возникло «монолитно-забетонированных» позиций: авторы демонстрировали индивидуальные особенности в подходах при сохранении последовательности в оценках.

Характерно, что события 1999 г. на Балканах – за исключением упомянутого семинара московского Центра Карнеги – не стали темой обособленного внимания исследователей обоих направлений. События 1999 г. были поставлены в контекст всего длительного кризиса, последовавшего за распадом СФРЮ. Это позволило исследователям сопоставить обе половины десятилетия и дать комплексную оценку политики Москвы на Балканах в ее динамике.[200] Актуальность событий 1999 г. и беспрецедентное их значение и воздействие на последующие мировые трансформации и многочисленные статьи «на злобу дня», не помешали продолжению осмысления российской гуманитарной наукой политики Москвы в регионе в первой половине 1990-х гг. Ярким явлением в этот период стала первая в российской историографии написанная на соответствующих документах эпохи книга К.В. Никифорова о действиях дипломатии России в треугольнике Москва – Белград и столица непокорных боснийских сербов Пале[201]. Автор особенно подробно остановился на событиях двух последних лет, предшествовавших договоренностям в Дейтоне, в ходе которых вокруг боснийского урегулирования развернулось ожесточенное политико-дипломатическое соперничество с участием внешних сил и различных

---

[198] *Фененко А.* Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // Там же. С. 59–73.

[199] *Романенко С., Улунян А*. Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла // Там же. С. 56.

[200] *Гуськова Е.Ю.* Продолжающийся балканский кризис и политика России. С. 35–39.

[201] *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999. 262 с.

внутренних акторов. Ценной особенностью книги стал взгляд автора на события как профессионального историка-специалиста по истории Югославии, служившего во время отраженных им событий в группе спичрайтеров президента РФ Б.Н. Ельцина. Никифоров в годы боснийской войны многократно бывал в эпицентре событий, принимал непосредственное участие в разработке альтернативной позиции российского руководства в урегулировании на постъюгославском пространстве. Все это предопределило достаточно необычный жанр монографии, выгодно сочетающий три подхода ее автора: мемуарный, научно-исторический и источниковедческий.

Направление историков-сербофилов в этот период было представлено как именами заслуженных экспертов, активно публиковавших материалы на балканские темы в СМИ и научных журналах еще в предыдущие периоды (В.К. Волков, Е.Ю. Гуськова, Л.В. Тягуненко и др.), так и авторами следующей волны публикаций профессиональных экспертов-балканистов с разнообразными предыдущими научными карьерами (Г.Н. Энгельгардт[202], Е.В. Пономарева, К.В. Никифоров[203] и др.), которые, хотя и начали специализированно заниматься современными балканскими сюжетами еще с середины 1990-х гг.[204], но содержательно и полноценно сформировались как исследователи процессов югославского кризиса именно в этот период.

В.К. Волков, продолжая осмысление событий 1990-х гг., нюансировал данные им прежде оценки. В его вышедшей в 2000 г. книге «Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы» (ее выход совпал с избранием ученого членом-корреспондентом РАН) несколько статей («Трагедия Югославии», «Балканы в системе геополитических интересов России» и «Балканская западня и проблема столкновения цивилизации») были непосредственно связаны с событиями югославского кризиса[205]. Писать на эти темы известный ученый продолжил и в дальнейшем[206].

Вместе с тем, было бы упрощением считать взгляды профессиональных экспертов-балканистов этого направления в историографии в отношении оценки событий, развернувшихся после распада СФРЮ, и оценки ими российской политики в регионе,

---

[202] *Энгельгардт Г.Н.* Россия и боснийский кризис, 1992 год: формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.

[203] После отставки в 1998 г. и возвращения к научной деятельности в Институт славяноведения РАН К.В. Никифоров в 1999 г. выступил в Белграде на международной конференции с докладом о новом качестве традиционных связей России и Сербии в конце XX в. (*Никифоров К.* Отношение России к Сербии в конце XX века // Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Белград. 1999. С. 157–167.).

[204] *Энгельгардт Г.Н.* Республика Сербская по Дейтонским соглашениям. С. 76–84*; Пономарева Е.Г.* Распад югославской модели федерализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1995. 27 с.

[205] *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 223–271; 315–328: 337–357.

[206] *Волков В.К.* Многострадальный регион // Современная Европа. 2004. № 4. С. 75–93.

особенно деятельности министра Козырева, монолитными. Они по-разному оценивали соотношение действия внутренних и внешних факторов, приведших к распаду второй Югославии. При всей жесткости критики Волковым действий Козырева, видный эксперт считал, что «задача российской дипломатии – избежать усиления и добиться ослабления международной изоляции страны, не теряя при этом лица и сохраняя свободу рук для будущего»[207].

Неоднозначным было у экспертов отношение к действиям официального Белграда. К.В. Никифоров, в отличие от комплиментарных оценок деятельности С. Милошевича Е.Ю. Гуськовой, подходил более сдержанно к анализу политики этого сербского лидера, порой проявляя значительные симпатии к позиции боснийских сербов, тогда как В.К. Волков подходил к действиям режима Милошевича в рамках разрабатываемой ученым концепции трансформации ранее правящих коммунистических бюрократических режимов.

Интегральная оценка действий России в косовской кризисе, данная Е.Ю. Гуськовой на круглом столе (и в сборнике статей) московского Центра Карнеги, была дополнена еще двумя своевременными и актуальными статьями, в которых подробно рассматривалась эволюция косовского кризиса и действий России[208]. Одна из них получила весомое признание в результате включения в подготовленную в МГИМО-У МИД РФ четырехтомную хрестоматию по вопросам внешней политики и безопасности РФ[209].

В целом в этот период наметился значительный прогресс в исследованиях югославского кризиса и политики России в 1990-е гг. Вслед за новаторской монографией «Между Кремлем и Республикой Сербской», во многом по настоянию директора Института славяноведения В.К. Волкова, К.В. Никифоровым была подготовлена докторская диссертация на тему «Боснийский кризис и позиция России (1992–1995)»[210]. В ходе проделанной научно-исследовательской работы автор сумел провести детальный анализ событий в Боснии и позиции России, опираясь на широкий круг источников, включая личный архив материалов, собранный им в период работы в Кремле с 1992 по

---

[207] *Волков В.К.* Узловые проблемы... С. 327–328.

[208] *Гуськова Е.Ю.* Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 26–51; *Она же.* Продолжающийся балканский кризис и политика России. С. 35–39.

[209] *Гуськова Е.Ю.* Кризис в Косове. история и современность // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. III / Сост. Т.А. Шаклеина. М., 2002. С. 140–169.

[210] *Никифоров К.* Боснийский кризис и позиция России (1992–1995): дис. на соиск. степени докт. ист. наук. М., 2000. 316 с.

1998 г.[211]

Принципиально важное значение имел выход в 2001 г. многостраничной монографии Е.Ю. Гуськовой «История югославского кризиса (1990–2000)», основанной на обширных материалах, частично собранных автором во время работы в штабе миротворческих сил ООН в Хорватии в 1994 г., а также копившихся в рамках деятельности Центра по изучению современного балканского кризиса при ИСл РАН. В ней впервые были подробно рассмотрены генезис и этапы балканского кризиса от распада СФРЮ до событий 2000 г., описана роль международных организаций и внешних сил, даны политические портреты ключевых деятелей событий. В главе VI «Россия и балканский кризис: новая концепция безопасности или слабость стратегии?» Гуськова подробно проанализировала эволюцию российской политики на балканском направлении, отметив ее позитивную динамику от первоначального бездействия через «сосредоточение» к попытке обозначения национальных интересов и активному участию в событиях. Исследователь также выделила одиннадцать основных ошибок, допущенных российской дипломатией на Балканах в рассмотренный период[212].

Менее масштабным по объему, чем у его наставников, но научно значимым событием в тот же период стало появление статьи Г.Н. Энгельгардта «Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию». В этой работе автор наглядно продолжил практику отказа от порой эмоциональных суждений в пользу взвешенных рассудительно-аналитических оценок при изучении кризиса на Балканах, появившуюся у его старших коллег. Скрупулезно исследуя формирование позиции России в 1992 г., автор отметил, что изначально ее внешняя политика была ориентирована на содействие успеху проводившихся внутренних реформ. Однако рост социального недовольства внутри российского общества вынудил руководство страны вносить коррективы в балканский курс[213]. Развернувшуюся на том этапе дискуссию о действиях Кремля и правительства на внешней арене, по мнению Энгельгардта, стимулировало обращение в середине июня 1992 г. к Верховному Совету РФ группы балканистов. Автор также отметил, что наметившееся в 1992 г. разделение экспертного сообщества ученых-балканистов на сторонников и противников введения санкций против СРЮ, в последствии оформилось в два ключевых историографических подхода к изучению

---

[211] *Никифоров К.В.* Боснийский кризис и позиция России (1992–1995).: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 44 с.; *Nikiforov K.* Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990s // Balcanica. № 38. 2007. P. 231–241.

[212] *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.

[213] *Энгельгардт Г.Н.* Россия и боснийский кризис, 1992 год… С. 27–41.

югославского кризиса в 1990-е гг.[214]

И в дальнейшем импульсом для новых публикаций становились либо существенные события, происходившие в регионе, как, например, «мирный развод» СРЮ в 2006 г., по которому стало принято проводить верхнюю хронологическую границу югославского кризиса[215], или выход в свет воспоминаний ключевых фигур, участвовавших в урегулировании, в частности В.С. Черномырдина[216], либо публикации, готовившиеся соискателями в рамках диссертационной деятельности.

События в Косове и Метохии, агрессия НАТО против СРЮ стали импульсом к появлению в открытой печати ряда работ военных экспертов, а также публикация масштабных исследований российских военных историков и специалистов. Так, в 2000 и 2005 гг. историографию балканского кризиса пополнили две совместные книги Н.В. Васильевой и В.А. Гаврилова: «Балканский тупик» и «Балканский узел»[217]. В тот же период стали доступны в открытых источниках часть работ сотрудников Центра военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ. Кроме уже упоминавшейся статьи Ю.В. Морозова в журнале «Современная Европа», самостоятельный интерес представляет и предложенная им проекция событий в Косове на пространства СНГ[218]. Достойна упоминания и подготовленная им с соавторами монография, раскрывавшая один из аспектов обеспечения военной безопасности России, полностью посвященная участию российских военных контингентов в миротворческой операции на территориях бывшей Югославии в 1996–2000 гг. Первая часть книги охватывает предысторию конфликта и содержит анализ ситуации, сложившейся к началу 1999 г. Во второй части авторы проанализировали попытки международных организаций разрешить косовский кризис мирным путем, исследовали планирование и применение вооруженных сил противоборствующих сторон, вынесли оценки эффективности их действий. Авторы также дали международно-правовую оценку агрессии НАТО и ее последствий для стабильности и безопасности в Европе, дали анализ действий участников процесса по урегулированию военного конфликта и проведению миротворческой операции в Косове и Метохии.

---

[214] Там же. С. 35.

[215] *Гуськова Е.Ю.* Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации // Международная жизнь. 2006. № 5. С. 73–85.

[216] *Пономарева Е.* Трагический юбилей: роль России в косовском кризисе (В.С. Черномырдин. Вызов. М., 2003.) // Современное право. 2004. № 5. С. 47–51.

[217] *Васильева Н.В., Гаврилов В.А.* Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке). М.: Гея итэрум, 2000. 476 с.; *Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А.* Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М.: Звонница-МГ. 2005. 429 с. Именно Гавриловым, специалистом по новейшей истории балканских стран, и была написана, последняя часть, которая была посвящена событиям 1990-х гг.

[218] *Морозов Ю.В.* Югославский сценарий на постсоветском пространстве // Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России. М., 1999. С. 37–38.

Помимо этого, авторы выявили влияние Балканского кризиса на военную политику России, а также провели параллели между событиями на территории бывшей Югославии и на постсоветском пространстве[219].

Отличительной особенностью этого периода стала также публикация целого ряда разнообразных статей, и даже книг, написанных авторами из личного интереса к теме, ее общественной значимости или в расчете на ее популярность у читательской аудитории. Из авторов значимых статей этой группы можно назвать статью С.А. Насонова[220] .

Существенной особенностью данного (третьего) периода развития российской историографии истории югославского кризиса стал выход справочных изданий, сборников материалов и изучения общественного мнения российских граждан в отношении кризиса на Балканах. В 2002 г. в Санкт-Петербурге был подготовлен сборник материалов о «воздушной войне» НАТО против Югославии в первой половине 1999 г. [221] Последовательную работу по сбору и публикации документальных материалов продолжила Е.Ю. Гуськова в рамках деятельности возглавляемого ею Центра по изучению современного балканского кризиса ИСл РАН. Под ее руководством увидела свет серия сборников о развитии и влиянии «албанского фактора»[222] в югославских событиях. Это фундаментальная публикация источников, включающая переводы ранее опубликованных в СФРЮ и Сербии материалов, а также неопубликованные документы из фондов АВП РФ и АВПРИ, выполненная при содействии Историко-дипломатического департамента МИД РФ. Ценность сборников заключается не только в предоставлении исследователям обширной базы первоисточников по проблеме, но и то, что их публикация отразила стремление российской науки к разностороннему осмыслению албанского фактора и его роли в югославском кризисе.

И в этот период в историографии балканского кризиса продолжают сохраняться два направления в подходах к оценке его событий и путях выхода, выявившихся в первой половине 1990-х гг. При этом большинство российских историков-балканистов, специализировавшихся на истории балканских стран с вузовских времен и владевших языками народов этого региона продолжали придерживаться сербоцентричной

---

[219] *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: международные аспекты миротворчества. М., 2001. 375 с.

[220] *Насонова С.А.* Балканский кризис и политика России (1991–1995 гг.) / Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: Сборник научных трудов, вып. 6. М.: МГОУ, 2008. С.74–91.

[221] В огне балканской войны. Сборник документов и материалов о «воздушной войне» НАТО против Югославии с 24 марта по 10 июня 1999 г. / Под ред. Ю.П. Савельева. СПб.: Сев. звезда, 2002. 512 с.

[222] Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М.: Индрик, 2006. Т. 1. (1878–1997). М., 2006; Т. 2. (1998–1999). М., 2007; Т. 3. (2000–2005). М., 2008; Т. 4 (2006–2010). М., 2011. 312 с.; 384 с.; 376 с.; 512 с.

ориентации, тогда как либерально-критический подход в наибольшей мере был отражен в работах С.А. Романенко, издавшего в 2000 г. монографию «Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв.)»[223]. Данная монография стала первой российской исследовательской работой, охватившей основные события на Балканах с середины XIX до конца XX в. Автор опирался на традиции и наработки Института славяноведения и балканистики АН СССР в изучении национально-освободительной борьбы славянских народов в Габсбургской империи XIX-начала XX в., а также на собственные работы о событиях начала XX в., синтезировав их с достижениями хорватской национальной историографии второй половины XX в., а также на трафаретные схемы западной политологии 1990-х гг. В книге прозвучали критические акценты относительно действий России на Балканах в 1990-е гг., так как, по мысли автора, «имеющиеся совпадения и схожие черты развития России и Сербии обусловлены отнюдь не православным единением или славянским братством; они не могут служить причиной и обоснованием союза этих двух государств». По его мнению, сближение с Сербией «никогда не приносило ей [России] никаких особых долговременных выгод и лавров победителя. Так же как не устраняло противоречий между югославянскими и балканскими народами»[224].

Тот же автор в статье, опубликованной в сборнике под редакцией А.А. Языковой, исходил из того, что «Балканы выступали не в роли самостоятельного объекта российского национального интереса, а как вспомогательная часть российско-западных отношений (включая американскую составляющую) и отношений России с постсоветскими государствами»[225].

В этот период продолжила научную деятельность и А.А. Язькова, которая, помимо редакторской работы и подготовки коллективных научных сборников, продолжала готовить собственные статьи по теме развития ключевых процессов в балканском регионе, анализируя деятельность НАТО в кризисных событиях в регионе[226].

---

[223] В тот же период С.А. Романенко выступил в качестве редактора монографии «История Хорватии», написанной старейшим к тому времени сотрудником Института славяноведения В.И. Фрейдзоном. В заключительной главе этой книги, автор, по оценке редактора, высказал важную мысль: хорватские «югослависты видели конечную цель национального движения в федерации (или конфедерации) равноправных государств, праваши – в независимом государстве». Однако, как подчеркивается в работе, «ни югослависты, ни праваши, ни коммунисты не могли предугадать такого пути Хорватии – через федерацию к независимости».

[224] *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения… С. 491.

[225] *Романенко С.А.* Государства Юго-Восточной Европы и Россия. С. 311.

[226] *Язькова А.А.* Процессы трансформации НАТО и балканские кризисы // Актуальные проблемы Европы 2004. № 4. С. 135–150.

Продолжилась в этот период и дискуссия по поводу оценки политики В.С. Черномырдина. Критическое направление традиционно было представлено в исследованиях Е.Ю. Гуськовой, В.К. Волкова[227], Л.В. Тягуненко, Н.К. Арбатовой[228], А. Анисимова[229], В. Барановского и др. Так, Л.В. Тягуненко, отрицательно отнесясь к роли Черномырдина, дала положительную оценку политике Москвы в Косове, особо отметив, что марш-бросок вынудил НАТО «пересмотреть сценарий относительно участия и неучастия России в мирном урегулировании в Косово»[230].

В 2002–2008 гг. в российской историографии наблюдается некоторое снижение интереса к изучению балканской политики России 1990-х гг. Тем не менее осмысление событий на постъюгославском пространстве в 1990-е гг. продолжилось: исследователи предлагали новые интерпретации и аналитические подходы. В ряду таких работ может быть названа статья Е.Ю. Гуськовой «Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации». Фокусируя внимание на роли внешних факторов, автор была уверена в том, что эскалация конфликта стала результатом влияния стран Запада и действий международных организаций. По ее мнению, именно «при поддержке международных организаций произошел распад многонациональной федерации, и ее дробление продолжается и сейчас»[231].

Четвертый период развития российской историографии югославского кризиса и действий России в его урегулировании охватывает работы историков, вышедшие с начала 2009 г. по настоящее время. Интерес как историков, так и политологов-международников к этим событиям подогревался последующими геополитическими сдвигами в регионе: односторонним провозглашением независимости Косова, процессом и приговорами МТБЮ, а также публикацией его архивных материалов. Среди других факторов – постепенное углубление российско-сербских отношений, включая упрочение экономических связей, а в последние годы, твердая реакция Москвы на регулярные попытки антисербских сил навязать сербскому народу роль инициатора геноцида боснийских мусульман, в том числе и документально через соответствующие резолюции ООН, а также особая позиция официального Белграда, занятая им в отношении действий Москвы по проведению СВО и затянувшихся военных действий на Украине.

Интерес российского экспертного сообщества проявился как в продолжении

---

[227] *Волков В.К.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.
[228] *Арбатова Н.К.* Отношения России и запада после косовского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 6. С. 14–24.
[229] *Анисимов А.* Дефолт-2 // Обозреватель. 1999. № 12. С. 53–56.
[230] *Тягуненко Л.В.* Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. С. 37.
[231] *Гуськова Е.Ю.* Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации. С. 78.

изучения событий 1990-х гг. на постъюгославском пространстве, так и в переиздании фундаментальных трудов прошлых лет с внесением в них дополнений и актуальных исправлений. Вместе с тем количество новых профильных публикаций о 1990-х гг. в сравнении с предыдущими периодами значительно сократилось. В работах экспертов, посвященных процессам на Балканах после 2001 г., события 1990-х гг. зачастую рассматриваются как один из факторов влияния на современные процессы, или как исторический фон. В некоторых работах события на Балканах рассматривались в контексте анализа отношений великих держав или эволюции внешнеполитической доктрины России.

Анализ развития историографии политики России на Балканах в 1990-х гг. показывает, что в этот период резко изменились тональность и содержание публикаций по данной проблеме. За этот период в российской науке постепенно сокращается число исследований, напрямую посвященных балканской политике России, при этом усиливается внимание к углубленному изучению истории югославского кризиса, его эволюции и причин возникновения. В центре внимания остаются роль и конкретные действия в этих событиях России, международное вмешательство, процессы мирного урегулирования, а также геополитическое противостояние и отношения ведущих держав. Методологические подходы и исследовательские перспективы становятся более разноплановыми, а источниковая база расширяется: она включает в себя не только официальные документы и периодическую печать, но и мемуарную литературу, а также ставшие, до некоторой степени, доступными архивные документы.

К важным материалам этого периода в развитии историографии стало появление разнообразных материалов справочного характера, позволяющих представить восприятие российским обществом событий, происходивших на территории, распавшейся в начале 1990-х гг. Югославии. Важное место среди работ такого типа занимает основательная монография доцента кафедры всеобщей истории Благовещенского университета Д.В. Кузнецова[232].

Важное значение в исследовании событий десятилетия 1990-х гг. в этот период имели выполненные в 2010 г. научные работы Е.Г. Пономаревой: защита докторской диссертации в области политологии по теме «Формирование государственности на постъюгославском пространстве: внутренние и внешние факторы»[233], а также изданная

---

[232] *Кузнецов Д.В.* Югославский кризис. Взгляд сквозь призму общественного мнения. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 344 с.

[233] *Пономарева Е.Г.* Формирование государственности на постъюгославском пространстве: внутренние и внешние факторы.: дис. … докт. ист. наук. М., 2010. 373 с.

монография «Новые государства на Балканах»[234].

Существенное значение имело появление в 2011 г. подготовленного в Институте славяноведения РАН (начат по инициативе В.К. Волкова и завершен под редакцией К.В. Никифорова) обобщающего научного труда «Югославия в XX веке: очерки политической истории» – первой в российской историографии обобщающей работы по новейшей истории народов Югославии, основанной на современной литературе и доступной источниковедческой базе. В пятой части книги рассматривается процесс распада Югославии в 1990-е гг. и дается оценка политики России в ходе этих событий. Среди проблем, поднятых в этой части «Очерков…» был и поставленный Е.Ю. Гуськовой ключевой для распада СФРЮ и его последствий вопрос: «Кто имеет право на самоопределение, предполагающее и отделение – республика или народ? Если первое, то республики лишь уточняют свои границы и определяют условия сецессии. Если второе, то есть отдельный народ в рамках многонационального государства, – то каков статус внутренних межреспубликанских границ и каким образом их изменять?»[235].

Существенным событием в историографии югославского кризиса стал выход в 2013 г. монографии Е.Ю. Гуськовой «Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. и процесс мирного урегулирования». В ней Е.Ю. Гуськова отказалась от формулировок «косовский кризис» или «косовский конфликт». Основываясь на имевшемся в ее распоряжении массивном объеме источников, Гуськова квалифицировала действия Североатлантического союза как «агрессию НАТО», подробно раскрывая содержание этого понятия, закрепившегося в российском дискурсе после 24 марта 1999 г. Появление этой монографии отразило смену акцента в российской научной литературе и усиление критической оценки действий Североатлантического альянса. В книге подробно анализируются позиции европейских стран и России, детально осмысляется ход переговорного процесса в апреле–июле 1999 г., который вела «тройка посредников» в лице М. Ахтисаари, С. Тэлботта и В.С. Черномырдина. По мнению автора, «с началом ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии казалось, что Россия заняла активную позицию, но выдержать последовательный и твердый курс ей так и не удалось». Отдельное внимание автор уделила и действиям В.С. Черномырдина, который, по ее мнению, «два месяца, с середины апреля до середины июня <…> осуществлял свою самолетно-переговорную миссию, увязывая позиции, согласовывая планы, усиливая давление на Белград. Он делал вид, что исполняет указания Б.Н. Ельцина и осуществляет

---

[234] *Пономарева Е.Г.* Новые государства на Балканах. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2010. 252 с.

[235] *Гуськова Е.Ю., Никифоров К.В.* Распад Югославии (90-е годы XX в.) // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Под ред. К.В. Никифорова. М.: Индрик, 2011. С. 775.

русский план урегулирования, а на самом деле подводил С. Милошевича к принятию ультиматума Вашингтона. <...> играл на руку НАТО и США»[236].

Помимо книги об агрессии НАТО в этот период также появилось несколько книг, статей и докладов Е.Ю. Гуськовой, посвященных югославскому кризису и политике России в 1990-е гг. В них проявлен диаметрально противоположные подходы к оценке деятельности руководителей МИД РФ в 1990-е гг. Если деятельность А.В. Козырева, занимавшего этот пост до конца 1995 г., она оценивает критически, то внешнеполитический курс сменившего его в начале 1996 г. Е.М. Примакова получает у исследователя высокую оценку, поскольку, с его приходом, по ее мнению, Балканы вновь стали приоритетным направлением для Смоленской площади, а политика России в регионе приобрела черты самостоятельности, активности и инициативности. В другой своей статье[237] Е.Ю. Гуськова, опираясь на достаточно широкий круг источников – документы и мемуары, – подробно анализирует дипломатическую деятельность России в апреле–июне 1999 г. Исследователь отметила, что богатый и разнообразный опыт переговорного процесса в охваченной войной БиГ (это 1992–1995 гг., т.е. раньше указанной дипдеятельности) имеет большое значение как для науки, так и для международной практики. В 2016 и 2017 гг. исследовательница предприняла попытку концептуализации этого опыта. Опираясь на принцип диалогичности М.М. Бахтина (1895–1975) и идеи (1982) голландских политологов Й. Бордвийка и Б. ван Каама по типологии информационных потоков, Гуськова адаптировала термин «диалоговая модель» для анализа подходов международного сообщества к урегулированию конфликта в период боснийской войны[238]. В этот же период увидели свет публикации об участии российских миротворческих батальонов в Хорватии, Боснии и Герцеговине, а также в Косове[239]. К этой теме Е.Ю. Гуськова обращалась неоднократно, исследуя ее параллельно с рассмотрением событий 1997–1998 гг. [240] и 1991–1995 гг.[241]

---

[236] *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. С. 125, 199, 201.

[237] *Гуськова Е.Ю.* Трудное урегулирование: как останавливали бомбежки в Югославии в 1999 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 76–92.

[238] *Гуськова Е.Ю.* Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1 // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83–100; *Она же.* Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть 2. // Там же. 2017. № 1. С. 84–101.

[239] *Гуськова Е.Ю.* Русские батальоны в Хорватии, БиГ и Косове как фактор объективности в деятельности миротворческих сил на территории бывшей Югославии // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Редколлегия: К.В. Никифоров (отв. редактор). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 364–382.

[240] *Гуськова Ј.* Нова спирала кризе на Косову и позиција Русије (1997–1998) // Глас САНУ. Одељење историјских наука. Књ. 17. CDXXV. Београд, 2015. С. 285–301.

В 2020 г. вышла в свет еще одна монография Е.Ю. Гуськовой «Югославия: необъявленная война»[242], в которой комплексно проанализирована картина событий на Балканах в конце XX века, указаны их причины и последствия. В то же время ею рассмотрена история возникновения «албанского вопроса» на Балканах, а также дан анализ очередного витка кризиса в Косове, имевшего место в 1997–1998 гг. Именно он рассматривается как предвестник агрессии НАТО против СРЮ. Автор, опираясь на собственную статью, опубликованную в 2015 г. в Белграде, проанализировала политические события, последовавшие за агрессией НАТО.

В этот период Е.Ю. Гуськова вновь обратилась к анализу политики России во время югославского кризиса и деятельности министра А.В. Козырева во главе МИД. В 2021 г. вышла в свет статья «Андрей Козырев – очень нужная Западу фигура»[243]. Она стала первой в российской историографии попыткой анализа роли Козырева в формировании балканской политики России на посту министра и стала прологом последующих исследований и публикаций. Итогом стала подготовленная по заказу издательства Матицы Сербской (г. Нови-Сад) книга «Внешняя политика России в годы югославского кризиса», вышедшая в 2021 г. на сербском языке[244]. Перед изданием рукопись была утверждена к публикации Ученым советом Института славяноведения РАН. В 2022 г. русская версия книги с уточнением в названии хронологических рамок исследования была издана уже в России[245]. В 2023 г. сербская версия была переиздана в БиГ, в Баня-Луке, как дополненное издание, но с тем же указанием хронологических рамок в названии, как и в российской версии[246]. Важное значение этой монографии в ее источниковой базе: в уже опубликованных документах и привлечении югославских и российских архивных материалов, что ставит ее на особое место в российской историографии. Книга позволяет

---

[241] *Гуськова Е. Ю.* Что ждали от России на Балканах в начале 90-х годов? // Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологеме, религиозные, исторические и культурные связи. М.: Инслав. 2011. С. 22–28; *Она же.* История предательства. К 30-летию антисербских санкций ООН. Записки очевидца. // К единству. 2022. № 2. С. 35–37; *Она же*. Противостояние Думы и МИД России по Югославии (1994 г.) // Обозреватель – Observer. 2022. № 2. С. 111–120; *Она же.* Соперничество Запада и России на Балканах в 90-е годы: победило подобострастие // Сербско-российский научный журнал. 2024. № 1–2. С. 15–33.

[242] *Гуськова Е.Ю.* Югославия: необъявленная война. СПб.: Владимир Даль, 2020. 511 с.

[243] *Гуськова Е.Ю*. Андрей Козырев – очень нужная Западу фигура. Роль главы МИД РФ в судьбе России и Югославии // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 161–174.

[244] *Гускова Ј.* Спољна политика Русије у годинама Југословенске кризе. Нови Сад: Матица Српска, 2021. 394 с.

[245] *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). М.: Владимир даль, 2022. 461 с.

[246] *Гускова Ј.* Спољна политика Русије у годинама југословенске кризе: (1985–1995) / Јелена Гускова; [превод са руског Сузана Стојковић]. Допуњено изд. на срп. језику. Бања Лука: Центар за друштвено-политичка истраживања; Пале: Институт историјских наука Универзитета у Источном Сарајеву: Бања Лука: Графид, 2023. 398 с.

проследить позиции СССР / России на Балканах и их эволюцию, а также выявить факторы, оказавшие влияние на формирование внешнеполитического курса. Е.Ю. Гуськова провела сравнительный анализ внутриполитических факторов и той внешнеполитической среды, в которой работала дипломатия России. Особое внимание было уделено сопоставлению официальных заявлений и практического политического курса российского руководства, анализу внешнеполитических действий профильных ведомств РФ, а также реакции Москвы на ключевые события югославского кризиса. Появление этой книги стало закономерным результатом развития российской историографии изучения югославского кризиса и политики Москвы. Ее появлению способствовала как возросшая временная дистанция от рассматриваемых событий, так и введение в научный оборот некоторого количества архивных документов. Публикация этой монографии не только заполнило долгое время существовавшую в российской историографии по этой теме лакуну, но и заложило основу для дальнейших исследований темы с еще большим привлечением документов архивов, как углубленного изучения событий первой половины 1990-х гг., так последующих этнополитических процессов второй половины этого десятилетия.

Результаты работы над монографией позволили исследователю аргументированно обосновать свой ключевой тезис, озвученный историком на юбилейной конференции посвященной Первой мировой войне. В своих докладах она сопоставила ситуацию на Балканах в начале XX века и в 1990-е гг., вновь подвергнув критике мягкость и излишнюю уступчивость России в югославском кризисе в первой половине 1990-х гг. По мнению автора, потеря Россией самостоятельной дипломатической инициативы стала отходом от традиций российской балканской политики[247].

Можно предположить, что Гуськова в целом остается автором одной тему, которую она исследует со всех сторон, не избегает и некоторых неизбежных в этих условиях повторов.

Значительного внимания заслуживает вышедшая в 2024 г. монография В.И. Безрученко «Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.»[248]. В ней подробно рассматриваются вооруженные силы воевавших сторон, их боевые действия в течение четырех лет, а также политика ведущих держав по урегулированию конфликта. Источниковую базу исследования составили документы МТБЮ и архивов Центра

---

[247] *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России на Балканах. Исторические параллели // Великая война и начало нового мира: актуальная повестка для человечества: Материалы Международной научно-общественной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. М., 2015. С. 93–99; *Она же*. Россия в годы югославского кризиса не могла поддержать сербов или не хотела? // История. Историки. Источники. 2025. № 3. С. 80–90.

[248] *Безрученко В.И.* Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Политическая, военная и дипломатическая история. СПб.: Нестор-История, 2024. 928 с.

Республики Сербской по исследованию войны, расследования военных преступлений и поиску пропавших без вести (РЦИРЗ) в Баня-Луке, а также материалов Международной независимой комиссии по расследованию страданий сербов в Сараеве и Международной независимой комиссии по расследованию страданий всех народов в районе Сребреницы. В последней главе книги «Дипломатия ведущих мировых держав» автор уделяет особое внимание анализу деятельности великих держав, включая ЕС, Великобританию, Германию, РФ и США, в югославском кризисе 1992–1995 гг. По мнению автора, роль российской дипломатии в урегулировании конфликта в БиГ «была объективно ограничена рамками политических возможностей», а сама Россия «являлась вспомогательным участником процесса урегулирования». Она не смогла «предотвратить силовое вмешательство НАТО» и добиться мирного урегулирования исключительно дипломатическими средствами. Вместе с тем автор подчеркивает, что подобная ситуация объясняется не только действиями дипломатического корпуса, но и особенностями принятия внешнеполитических решений в России. Ключевая роль принадлежала президенту Б.Н. Ельцину, при этом «отсутствие полноценной доктрины внешней политики и механизма межведомственной координации» ограничивало гибкость и оперативность российской дипломатии. Оценивая деятельность А.В. Козырева, автор отметил ее противоречивый характер: с одной стороны, он обладал значительным авторитетом и выступал символом прозападной ориентации российской внешней политики, с другой – «не в полной мере учитывал» изменения международной среды, включая усиление давления со стороны Запада и трансформацию механизмов международного регулирования. В то же время Безрученко не разделяет крайние оценки Е.Ю. Гуськовой, согласно которым действия российской дипломатии «граничили с преступлением», подчеркивая, что такая интерпретация является «явным преувеличением». Безрученко резюмирует, что Россия в рассматриваемый период занимала ограниченную и во многом зависимую позицию в системе международного урегулирования, что отражало как внешние, так и внутренние ограничения ее внешней политики.

Бесспорную ценность для понимания югославского кризиса и политики России в его отношении имеют сборник о Косове[249] и многочисленные статьи Е.Г. Пономаревой, Е.Г. Энтиной, П.П. Тимифеева[250] и др.

Контекстом подготовки к публикации сборника «Косово: прошлое, настоящее,

---

[249] Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелева. СПб.: Алетейя, 2012. 241 с.

[250] *Тимофеев П.П.* Россия и Франция на Балканах в 1990-1995 годах // Славяноведение. 2013. № 3. С. 44–59.

будущее» послужило одностороннее провозглашение независимости Косова и консультативное заключение Международного суда ООН от 22 июля 2010 г., подтвердившее, что данное провозглашение не противоречит международному праву. В нем рассматриваются внутренние этнополитические процессы и современная в то время ситуация в Сербии и крае Косово, международные аспекты конфликта, а также его возможные последствия для России и ее политики. Открывает этот сборник статья С.А. Романенко «Косово: история, характер и динамика конфликта», в которой автор развил подход, сформированный еще в 1990-е гг. Анализируя истоки косовского кризиса, он критически оценил интерпретации, сводящие его причины исключительно к внешним факторам, отнеся подобные взгляды к «конспирологическому» методу, в рамках которого события в Косове трактуются как «продолжение извечного конфликта Запада и Востока, еще одно проявление холодной войны». Автор полагал, что сторонники этих взглядов «рассматривают сербский народ как единое в политическом отношении целое, как жертву "всемирного католического и/или мусульманского заговора" против православия, а сербское государство – как вечного "имманентного" союзника славянской православной России (в действительности – полиэтничного и поликонфессионального государства), который "по-братски" должен следовать в фарватере ее внешней политики, которая одна только-де и может обезопасить Сербию от происков враждебного окружения»[251]. Последняя статья сборника «Политика России в урегулировании косовского кризиса», написанная Б.А. Шмелевым, посвящена анализу эволюции действий России в югославском кризисе и факторов, их определявших, – в частности, ситуации в Чечне и зависимости России от займов МВФ. Основной вывод Б.А. Шмелева состоит в том, что российская дипломатия «не располагала реальными возможностями» добиться от конфликтующих сторон признания своих принципиальных установок в качестве основы переговоров. После начала агрессии НАТО против Югославии у российского руководства не оказалось «продуманной программы ответных действий» – вся его политика носила характер «импровизации». Шмелев также напомнил, что Москва пыталась одновременно решить две взаимоисключающие задачи: не допустить ухудшения отношений с Западом и сохранить принципы ялтинско-потсдамского миропорядка, закреплявшего за Россией статус великой державы, что явно превышало ее реальные возможности. Оценивая проводимую политику, автор назвал линию МИД в тех конкретных условиях в целом «наиболее разумной», однако указал на колебания в ее реализации. По его мнению, назначение В.С. Черномырдина спецпредставителем президента не усилило влияния

[251] *Романенко С.А.* Косово: история, характер и динамика конфликта // Косово: прошлое, настоящее, будущее. С. 33.

России и не повысило ее авторитет. Напротив, Москва оказалась втянута в бесплодный дипломатический процесс, в рамках которого ее роль постепенно сводилась не к посредничеству, а к обеспечению политического прикрытия натовских бомбардировок[252].

Заметным явлением в этот период стали научные труды Е.Г. Пономаревой. Ряд ее публикаций (помимо совместных статей с аспирантами и научных текстов по теме ее докторского исследования) отличает публицистичность и резкость в оценках действий российской дипломатии в период Б.Н. Ельцина. В 2013 г. в статье «Балканы как зона (дез)интеграции» Пономарева обратила на себя внимание отходом от традиционной академической экспертизы в сторону яркой публицистики. Особенностью ее подхода является и негативная оценка политики Б. Ельцина, что можно рассматривать как новое явление в российской историографии постъюгославского кризиса, поскольку ранее критика адресовалась преимущественно Козыреву. По ее словам, Россия «в результате политики Бориса Ельцина, Андрея Козырева, Виктора Черномырдина фактически без сопротивления сдала все свои интересы в регионе, открыв тем самым дорогу евро-атлантической интеграции»[253].

Идея «мягкой силы», популярная до февраля 2022 г. в творчестве российских политологов и исследователей–международников, активно в этот период разрабатывались и российскими политологами-балканистами. Эта концепция часто использовалась в статьях Е.Г. Пономаревой, рассматривавшей ее как важный комплексный ресурс влияния России на Балканах. В историографическом контексте актуализация этой темы была обусловлена стремлением скомпенсировать постепенное ослабление политического влияния России в регионе. Е. Пономарева в своих работах[254], опираясь на современные теории политической науки (политический реализм, структурный реализм, неореализм), а также на теорию межсекторного взаимодействия, выделяет два основных фактора активизации внешней политики России на Балканах – экономический и гуманитарный. По ее мнению, вернуть на Балканах «потерянное время» российская дипломатия сможет лишь при условии комплексного использования экономических и гуманитарных ресурсов, методов и технологий.

Представительница современной российской школы балканистики Е.Г. Энтина в

---

[252] *Шмелев Б.А.* Политика России по урегулированию косовского кризиса // Там же. С. 207–228.

[253] *Пономарева Е.Г.* Балканы как зона (дез)интеграции // Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 87–88.

[254] *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59–73; *Пономарева Е.Г.* Балканская политика Российской Федерации: в поисках потерянного времени? // «25 лет внешней политики России»: сб. материалов X Конвента РАМИ. В 5 т. Т. 1. Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 486–501; *Она же.* Балканский рубеж России. Время собирать камни. М.: Книжный мир, 2018. 121 с.

статье «Балканы вчера и завтра: пороха хватит на всех!» провела глубокий анализ геополитической истории и современности Балкан и характера междержавного соперничества, отметив, что после распада биполярного мирового порядка интерес к Югославии значительно снизился, а югославский кризис не был воспринят ни Россией, ни США с должной серьезностью. По ее мнению, югославский кризис и распад СФРЮ не ограничился рамками региона, а ознаменовал начало упадка идеи единого мира[255].

В докладе «Международный контекст евроинтеграции западных Балкан» Е.Г. Энтина отметила, что Россия является «традиционным и перспективным посредником на западнобалканском пространстве». При этом автор подчеркнула, что в 1990-е гг. Россия не имела конкретных политических целей и определенной стратегии на Балканском полуострове, а поддержка преимущественно сербских интересов носила скорее инструментальный характер: балканский трек использовался Москвой как средство для участия в международных инициативах и сохранения присутствия на мировой арене[256]. Данный тезис также подробно раскрывается в докладе «Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России», подготовленном Е. Энтиной, А. Пивоваренко и Д. Новаковичем, анализирующем политик России в 1990-х гг. Авторы отметили, что в этот период Россия, «отказавшись от системного двустороннего взаимодействия с республиками бывшей Югославии, сделала ставку на сиюминутные комбинации с ведущими европейскими державами и США. Ошибочность такой стратегии проявилась наглядно во время 78-дневной несанкционированной бомбардировки Югославии силами НАТО в марте–июне 1999 г.»[257].

Новейшим значимым трудом в российской историографии последнего периода является сборник «Распад Югославии: тридцать лет спустя». Его составителю и редактору С.А. Романенко, удалось собрать под эгидой ИНИОН РАН внушительный коллектив[258]

---

[255] *Энтина Е.Г.* Балканы вчера и завтра: пороха хватит на всех! // Современная Европа. 2015. № 1. С. 39.

[256] *Энтина Е.Г.* Международный контекст Евроинтеграции западных Балкан. Доклады Института Европы / Е.Г. Энтина. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 12–13.

[257] *Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д.* Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России. М.: Валдайский клуб, 2018. С. 20.

[258] Среди российских участников, помимо сотрудников самого института, были представлены такие исследователи как известный универсальный историк и профессиональный балканист А.А. Улунян (ИВИ РАН), опытный этнолог-югославист М.Ю. Мартынова, известный политолог-международник А.В. Рябов (ИМЭМО РАН), переводчик президента СССР П.П. Палажченко (Горбачев-Фонд). Особый интерес представляло участие С.П. Грызунова, опытного журналиста и публициста, возглавлявшего в начале 1990-х гг. в Белграде Балканское бюро РИА, а в 1994–1995 гг. занимавшего пост главы Госкомитета по печати РФ в правительстве В.В. Черномырдина. Столь же представительным был и состав иностранных авторов: председатель Евроатлантического совета Словении А. Беблер, сербский историк М. Зечевич, профессор Сараевского университета (БиГ) Х. Камберович, хорватский историк и бывший посол

авторов, подготовивших материалы историко-документального, мемуарно-аналитического и научно-исследовательского характера, с использованием которых составителю удалось представить междисциплинарный анализ дезинтеграционных процессов тридцатилетней давности с точки зрения как итогов внутреннего развития второй Югославии как многонационального государства, так и в контексте международных отношений. В собранных статьях показана динамика развития межнациональных и межгосударственных отношений после 1945 г. и на постъюгославском пространстве, ход и итоги трансформации бывших республик СФРЮ в независимые государства, а также последствия югославского кризиса для формирования новых противоречий в постбиполярной системе между Россией и странами Западной Европы и США (НАТО и ЕС). Сам составитель в статье «Взгляд историка: советско-югославские отношения и контакты на высшем уровне, 1985–1991»[259] кратко обобщил высказанные им ранее тезисы. «Одним из парадоксов развития Югославии после нормализации отношений с СССР на государственном и партийном уровнях в 1955–1956 гг. стало то, что устранение военной угрозы со стороны СССР и его союзников повлекло за собой размораживание процессов национального самоопределения в СФРЮ. Перестройка в СССР и начало окончания холодной войны в еще большей степени активизировали эти процессы, которые наложились на рост оппозиционных – антикоммунистических – настроений во всех республиках СФРЮ, образованных в свое время по этнополитическому признаку <…> югославская проблематика постепенно стала рассматриваться в Кремле в новых ипостасях – уже не только как проблема взаимоотношений между социалистическими странами и двумя коммунистическими партиями, но и как негативный опыт развития, как предостережение КПСС и СССР, а также как международная проблема на переговорах руководства СССР с руководителями США и стран Западной Европы. Актуальность проблемы подтверждают и внутриаппаратные – на уровне партии и органов государственной безопасности – югославские документы тех лет»[260]. Значительную часть статьи Романенко представляет ценный анализ записи беседы 1 августа 1991 г. президента СССР и премьер-министра Югославии А. Марковича, хранящейся в Фонде Горбачева. Несмотря на то, что в целом статьи российских авторов в сборнике в основном сосредоточены на проблематике

Хорватии во Франции И. Гольдштейн. В издание вошла и посмертно опубликованная статья известного сербского историка и общественного деятеля, духовного лидера "Другой Сербии" Латинки Перович (1938–2022).

[259] *Романенко С.А.* Взгляд историка: советско-югославские отношения и контакты на высшем уровне, 1985–1991 гг. // Распад Югославии: тридцать слет спустя: коллективная монография / Отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М., 2024. С. 66–108.

[260] Там же. С. 74–75.

распада СФРЮ и внутренних процессов дезинтеграции, а вопрос политики России в югославском кризисе после 1991 г. либо не рассматривается, либо затрагивается лишь косвенно, материалы сборника были также в определенной степени приняты во внимание при работе над нашим диссертационным исследованием.

Представленный обзор, как представляется, свидетельствует, что в оценках балканского курса России в 1990-х гг. среди российских исследователей данного периода единство по-прежнему отсутствует. Большинство авторов склонны рассматривать политику Москвы как неудачную, подчеркивая, что Россия была вытеснена из региона под давлением Вашингтона и его союзников по НАТО. Так, Е.Г. Энтина считает, что Россия на Балканах не смогла «ни воспрепятствовать подъему национализма в регионе, ни выступить в роли внешней силы, способной урегулировать региональные конфликты». Среди причин исследователь называет отсутствие в российской политике на Балканах в 1990-е гг. четкой стратегии; ее действия в основном носили реактивный характер и были продиктованы стремлением сохранить свое присутствие в международных делах[261]. В более поздней своей работе Е.Г. Энтина развивает тезис об отсутствии у России четких стратегических ориентиров и долгосрочного видения на Балканах в 1990-е гг., связывая критическую оценку российской политике в регионе с последовательным ослаблением российского влияния на Балканах. Автор считает, что несмотря на переход к более прагматичной внешней политике в 2000-е г., Россия так и не преодолела структурные недостатки своей балканской стратегии – такие как избирательность, узость охвата и реактивный характер действий[262].

М.А. Максакова также оценивает политику России на Балканах в 1990-е гг. как неудачную. По ее мнению, она привела к «значительной утрате российского влияния в регионе» по сравнению с предыдущими периодами. Кроме того, события конца 1990-х – начала 2000-х гг. (натовские бомбардировки и усиление блока в регионе) оказали существенное влияние на «изменение расстановки и баланса сил на Балканах»[263]. В.И. Батюк также критически оценивая политику России на Балканах в 1990-е гг., отмечает ее неспособность эффективно урегулировать региональные конфликты, особенно в ходе косовского кризиса, и предотвратить вмешательство НАТО. По его мнению, это свидетельствует об ограниченном влиянии России и ее неспособности

---

[261] *Энтина Е.Г.* Международный контекст Евроинтеграции западных Балкан. С. 12–13.

[262] *Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д.* Куда идут Балканы? С. 20.

[263] *Максакова М.А.* Балканский вектор внешнеэкономических связей России. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 6.

защищать свои интересы и противодействовать расширению НАТО[264].

В то же время российской историографии балканского кризиса четвертого периода присутствует и альтернативный подход, представители которого положительно оценивают внешнюю политику России на Балканах в 1990-е гг. Так, К.П. Курылев и В.С. Шабловский положительно оценивают действия России при урегулировании косовской проблемы, отмечая ее «последовательность и предсказуемость в позитивном смысле»[265].

В наши дни в российской экспертной и академической среде доминирует представление о Балканах как о регионе, обладающем существенным стратегическим значением для России. Так, Е. Энтина считает, что «с точки зрения геополитики – это замыкающее звено в системе европейской безопасности, которое сегодня стало одним из важнейших направлений системной конфронтации Запада и России. В геоэкономическом плане постъюгославское пространство – перекресток основных торговых путей в Европу и из нее»[266]. Е. Пономарева отмечает, что «геополитическое, геостратегическое и геоэкономическое значение Балкан не только для России, но для мировой системы в целом переоценить сложно»[267]

Обзор сербской историографии

В сербской историографии сохраняется устойчивый интерес к внешней политике России на Балканах в 1990-е гг. Этот интерес и его результаты также, как и у российской историографии, развивался на протяжении нескольких этапов.

На первом этапе (1992–2001 гг.) результаты сербских исследований балканской политики Москвы были довольно скромные. Прежде всего сказывалось отсутствие необходимой исторической дистанции, а также комплекс ряда объективных причин и субъективных факторов: межэтнические конфликты, военные столкновения, санкционный режим против СРЮ, нехватка финансовых ресурсов и др. В Сербии, как и в России, оценки российской позиции и действий в регионе первоначально публиковались на страницах периодической печати, чаще всего это были авторские комментарии экспертов в ежедневных газетах и еженедельных изданиях, и только спустя некоторое время они постепенно переместились в профильные научные издания. В сербской историографии, как и в российской, сформировались два ярко выраженных подхода к оценке роли России

---

[264] *Батюк В.И.* НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений // Вестник МГУ. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 1. С. 3–31.

[265] *Курылев К.П., Шабловский В.С.* Косовский конфликт (1999–2020): текущее состояние и пути его разрешения // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 119.

[266] *Энтина Е.Г.* Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 193.

[267] *Пономарева Е.* Балканы как зона (дез)интеграции. С. 94.

на Балканах, ключевым различием между которыми стало отношение к внешнеполитической линии Москвы.

Одним из первых маркеров для сербского экспертного сообщества стало согласие Москвы с введением в 1992 г. санкций СБ ООН против СРЮ. Позиция России вызвала широкий резонанс среди сербских ученых, отреагировавших серией публикаций на страницах периодической печати. Ярким событием того времени стало проведение столичным еженедельником «Эпоха» 15 июля 1992 г. в Доме молодежи (в Белграде) круглого стола по теме «Россия и сербский вопрос» с участием известных сербских ученых – Веселина Джуретича, Драгоша Калаича, Александра Берчека, Ростислава Петровича, Михаило Войводича, Михаило Марковича, Васы Казимировича, Михаило Шарановича, Владимира Илича, Александра Пушкаревича, а также Любивое Првуловича и Виктора Бондарева, представлявших, соответственно МИД Сербии и Посольство РФ в СРЮ. Результаты обсуждений были отражены в двух номерах еженедельника «Эпоха» [268] . Особо следует отметить деятельность известного югославского политолога Савы Живанова, который был не только одним из организаторов этого обсуждения и автором вводного доклада, а до этого опубликовал статью «Сербия – тест для России?»[269].

Сава Живанов продолжал активно комментировать события в России и внешнеполитический курс ее руководства в 1990-е г., на страницах таких изданий, как еженедельники «Эпоха» (1992–1993) и «Недельна Борба» (1994–1999). Позднее он посвятил анализу откликов в Сербии на политику России на Балканах до 1998 г. целый ряд работ[270].

Материалы еженедельника «Эпоха», особенно в 1992 г., оказались ценными для работы над диссертацией. Со всей очевидностью они свидетельствовали о непрерывавшейся связи между учеными России и Сербии. Издание информировало читателей о письме 15-ти московских ученых с осуждением участия России в санкциях против Югославии, подписанном П.В. Волобуевым, Ю.А. Писаревым, В.К. Волковым и другими[271]. В самом конце 1992 г. в рубрике «Документы» в еженедельнике «Эпоха» под заголовком «Односторонние представления» было опубликовано интервью с Е.Ю. Гуськовой в связи с выходом в Москве подготовленного ею сборника документов и

---

[268] Епоха. № 40. 14 июля 1992. С. 12–17; Эпоха. № 41. 21 июля 1992 г. С. 22–24.
[269] Епоха. Број 37. 30 јун 1992. С. 12–15.
[270] *Живанов С.* Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990–1998 гг.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб.: Алетейя, 2010. С. 285–308.
[271] Епоха. 30 јун 1992. С. 14.

материалов «Югославия в огне»[272].

Большинство сербских исследователей, за исключением П. Симича, Е. Курьяк и некоторых др., негативно оценивали позицию и роль России как на последнем этапе распада СФРЮ, так и в последующих за этим конфликтах. Действия Москвы в первые годы кризиса подвергались наиболее резкой критике, поскольку Россия, по их мнению, не отстаивала свои традиционные позиции влияния на Балканах и не оказала достаточной поддержки сербам. В этом ряду следует также выделить исследования С. Живанова, П. Павловича, П. Петковича, Р. Радиновича, Р. Стаича[273], Б. Бабича[274], В. Пандуревича и др.

Научные статьи о российской политике на Балканах в сербской историографии начали появляться с 1993 г. В первую очередь следует отметить статью П. Симича «Гражданская война в Югославии», опубликованную в официальном журнале МИД РФ. В ней автор утверждал, что ответственность за возникновение конфликтов несут народы Югославии, а не внешние факторы. По его мнению, единственным надежным решением балканских проблем является «европеизация» Балкан, а не «балканизация» Европы, что означало «интеграцию балканского пространства в состав Европы»[275].

Серьезного внимания заслуживают оценки, представленные в 1994 г. в статье «Россия и США в югославском кризисе»[276] главного редактор журнала «Международная политика» П. Петковича. Опытный эксперт по вопросам международных отношений детально описал факторы, побуждавшие Россию стремиться к партнерским отношениям с США. В вышедшей в том же году еще одной его статье – «Роль России в югославском кризисе» – он подробно проанализировал три группы факторов – исторические, внутренние и международные, – которые подтолкнули Россию действовать в урегулировании югославского кризиса совместно с западными партнерами. По его мнению, «в силу существования исторической и цивилизационной миссии России на Балканах ее нынешнее участие в решении югославского кризиса представляется естественным»[277]. Также Петкович, проанализировав отношение народов бывшей Югославии – к России, пришел к выводу, что «официальные круги всех трех нынешних

---

[272] Епоха. број 63–64. 26 децембра 1992. С. 49.

[273] *Stajić D.P*. Ruska politika na Balkanu // Međunarodni problemi. 1999. №. 3/4. С. 415–417.

[274] *Бабић Б.* Место економске сарадање на Балкану у европској политици Југославии // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд. 1999. С. 173–185.

[275] *Симич П.* Гражданская война в Югославии. Причины и следствия // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 74–83.

[276] *Petković P.* Русија и САД у југословенској кризи // Међунарона политика. 1994. № 1024. 1 марта 1994. С. 16–17.

[277] *Petković P.* Улога Русије у југословенској кризи // Међунарона политика. 1994. № 1027. 1 августа 1994. С. 2.

признанных и непризнанных сербских государств установили более тесные и продуктивные контакты с российской оппозицией, нежели с официальными властями в Москве»[278].

В 1996 г., после окончания войны в Боснии, С. Живанов подготовил для российских читателей статью «Россия и югославский кризис», использовав прочитанный им доклад на международной научной конференции «Десятилетие перестройки», проведенной в Москве Фондом Горбачева под председательством М.С. Горбачева. В статье содержалась серьезная критика раннего внешнеполитического курса российских «западников». Живанов[279] также отметил, что позиция Москвы в отношении событий на территории бывшей Югославии претерпела значительную эволюцию: Россия не «лучшим образом подключилась к этой проблеме – не как самостоятельная сила со своим позициям и интересам, а по сути как инструмент политики Запада». Политолог охарактеризовал деятельность России в первые годы кризиса на постъюгославском пространстве как контрпродуктивную. По его мнению, только с 1993 г. Россия начала выступать как самостоятельный фактор в урегулировании кризиса, однако ее возможности оказались ограничены теми рамками, которые для нее определил Запад. Тем не менее благодаря предпринятым дипломатическим усилиям России удалось предотвратить расширение конфликта, а военное участие сил НАТО было ограничено. Вместе с тем, как считал Живанов, балканский курс России в значительной мере зависел от идеологических установок и личных качеств тех, кто формулировал и осуществлял ее внешнюю политику.

Не меньшего внимания чем взгляды Живанова заслуживает опубликованная в 1998 г. монография П. Петковича «Югославия и мир в постбиполярную эпоху»[280], в которой этот опытнейший эксперт рассмотрел эволюцию российско-сербских отношений на протяжении нескольких столетий. В главе «Россия на Балканах», подготовленной на основе его уже упомянутой выше статьи «Роль России в югославском кризисе», Петкович пришел к выводу, что общность политических и геостратегических интересов Балкан и России преимущественно проявляется именно в периоды кризисов. И именно югославский конфликт, по его мнению, предоставил Москве возможность вернуться на мировую политическую арену в качестве довольно влиятельного игрока, что, в свою очередь, предопределило необходимость ее постоянного присутствия в регионе. Вместе с тем Петкович обратил внимание на очевидное противоречие: уменьшившаяся в размерах и ослабленная России была вынуждена одновременно укреплять партнерские отношения с

---

[278] Ibid. C. 4.
[279] *Живанов С.* Россия и югославский кризис // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 37–46.
[280] *Petković P.* Jugoslavia i svet u postbipolarnoj eri. Beograd. 1998. 398 s.

США и другими западными державами.

Тезисы Петковича развили С. Степанович[281] и С. Аврамов[282], которые значительно усилили акцент на общности интересов и взглядов России и Сербии в условиях угроз со стороны Запада. В свою очередь Р. Радинович [283] и П. Павлович [284] доказывали необходимость активного участия России в событиях на Балканах. Оба автора полагали, что Россия должна выступать гарантом безопасности и независимости Сербии от потенциальной военной угрозы со стороны НАТО. Данный тезис появился после завершения войны в Боснии, и зазвучал особенно активно после падения режима Милошевича.

Особое место в сербской историографии этого периода занимают труды Е. Курьяк[285], считавшей, что «стратегия России в отношении Балкан и особенно СРЮ не выработана и не входит в приоритетные направления ее внешнеполитической и дипломатической деятельности». Она обратила внимание на парадоксальную ситуацию: «из-за внутренних экономических трудностей Россия вынуждена все активнее сотрудничать с балканскими странами и таким образом сохранять связь с регионом – возможно, даже в большей степени, чем того требуют ее нынешние интересы». Из этого Курьяк считала закономерным вывод, что «в стратегическом плане Югославия по-прежнему остается частью Европы в рамках внешнеполитической активности России, и ее политика в отношении СРЮ будет служить реализации европейских интересов Москвы»[286].

Второй период охватывает время от свержения С. Милошевича до 2008 г. После прихода к власти в Белграде прозападных политических сил интерес сербской исторической науки к изучению российской политики на Балканах и российско-сербских отношений практически снизился до минимума. При этом в незначительном количестве научных публикаций восприятие и оценки российской политики 1990-х гг. во многом определялись политическими ориентациями исследователей. Научная дискуссия этого периода в основном сводится к вопросу о том, действительно ли Россия оказала реальную помощь сербам в ходе югославского кризиса.

В этот период достаточно важной вехой в историографии балканского кризиса стала статья 2001 г. П. Симича (1954–2015) «Россия и конфликты на территории бывшей

---

[281] *Стојановић С.* Нека питања руске политике на Балкану // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 169–172.
[282] *Аврамов С.* Руско-српски односи на прагу трећег миленијума // Там же. С. 133–157.
[283] *Радиновић Р.* Војностратешки аспекти руске политике на Балкану // Там же. С. 205–219.
[284] *Павловић П.* Србија у међународним односима. Београд. 1997. 228 с.
[285] *Курјак Ј.* Стратешке позиције Русије, Балкан и југословенска криза // Међународни проблеми. 1997. № 1. С. 73–85; *Курјак Ј.* Русија и Балкан између прошлости и реалности // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 79–93.
[286] *Курјак Ј.* Стратешке позиције Русије, Балкан и југословенска криза. С. 85, 91.

Югославии», публикация которой совпала с назначением ее автора директором Дипломатической академии МИД РС. В статье были обобщены выводы, которые были сформулированы Симичем в работах предыдущего десятилетия. Симич системно проанализировал динамику политики России в период дезинтеграции СФРЮ и в ходе боснийского и косовского кризисов, убедительно показав, что действия РФ в балканском регионе после окончания холодной войны определялись не только историческими геополитическими и культурными связями, но и внутриполитическими преобразованиями в самой России и ее отношениями с Западом. Эксперт выделил четыре ключевых этапа политики России на Балканах: первый этап – первоначальное следование Кремля за Западом; второй – оказание Москвой ограниченной поддержки Сербии под давлением внутриполитических обстоятельств; третий – период «разочарования и маргинализации» Москвы после дейтонских соглашений; четвертый период – активное, но неудачное посредничество во время косовского кризиса. Важный вывод Симича заключался в том, что основной мотивацией России на Балканах было сохранение статуса великой державы и ее позиций в таких международных механизмах, как ООН и ОБСЕ, а не получение реального влияния на события в регионе. По его мнению, «усилия Москвы по переосмыслению ее национальных интересов и отношений с Западом в эпоху после завершения холодной войны определяли ее позицию по отношению к конфликтам в бывшей Югославии»[287].

В 2005 г. известность получила прозападная точка зрения, отраженная в публикациях М. Михайлова[288] и Н. Самарджича[289]. Оба считали, что во взаимоотношения с Сербией Россия в состоянии привнести в сербское общество исключительно религиозную и политическую реакцию, тогда как сербам необходимо избавиться от исторических русско-сербских мифов. Более того, оба автора утверждали, что в десятилетие 1990-х гг. Россия Сербию бросила ради собственных интересов.

В том же году сербский историк В. Джуретич опубликовал на русском языке книгу «Развал Югославии: основные течения 1918–2003 гг.», в которой подробно описал процесс формирования и распада югославского государства, а также изложил причины этих событий. Автор представил исторический опыт Югославии как предупреждение для России, указав на возможность повторения аналогичных деструктивных сценариев на постсоветском пространстве. Эта книга, как и большинство предыдущих работ Джуретича, оказалась в центре острой дискуссии, поскольку часть экспертов увидела в ней

---

[287] *Simić P.* Russia and the conflicts in the former Yugoslavia // Southeast European and Black Sea Studies, 2001. Vol. 1. № 3. P. 102–103.

[288] *Михајлов М.* Србија призива мрачњачку Русију // Лимес плус. 2005. № 1. С. 67–80.

[289] *Самарџић Н.* Руски мит у српској историји // Лимес плус. 2005. № 1. С. 171–180.

пропаганду автором концепции Великой Сербии[290].

Третий период сербской историографии охватывает время с 2008 г. по настоящее время. После активного участия России в урегулировании кризиса вокруг Косова и Метохии интерес и внимание сербского научного сообщества к роли России на современных Балканах (а вместе с этим и к событиям 1990-х гг. как их предыстории) заметно выросли. Хотя данная проблематика и не заняла центральное место в дискуссиях, она прочно закрепилась в исследовательской повестке. Однако в этот период фокус внимания части исследователей сместился на анализ глубинных международных процессов, вопросов геополитики и безопасности России в связи с ситуацией на Балканах. Из появившихся в этот период сочинений экспертов заслуживают внимания работы Д. Рельича[291], Ж. Чулибрика[292], В. Пандуревича[293] и др. Большинство исследователей рассматривали внешнеполитический курс Москвы в рамках изучения российско-сербских отношений с различных точек зрения (например, С. Янкович[294], Д. Пророкович[295] и др.), в то время как ряд авторов занялся непосредственно действиям России на Балканах и их последствиям (например, Д. Рельич[296], С. Живанов[297] и др.). И в этот период в гуманитарной науке Сербии по-прежнему просматриваются две основные точки зрения: представители первой критикуют политику России на Балканах в 1990-е гг., второй – проявляют к ней более понимающее, оправдывающее отношение.

Важное значение для развития сербской историографии имели результаты организованного в 2008 г. в Белградском институте политических исследований круглого стола «Россия и Балканы: вопросы сотрудничества и безопасности», на котором были заслушаны доклады Л. Ритича, М. Кнежевича и М. Суботича[298], в которых были подробно

---

[290] *Джуретич В.* Развал Югославии. Основные течение 1918–2003 гг. М.: Кристи инженеринг, 2003. 656 с.

[291] *Reljić D.* Rusija i Zapadni Balkan. Beograd: ISAC fond, 2009. 41 s.

[292] *Ћулибрик Ж.* Безбједност Русије у постхладноратвском периоду – улога првог руског предсједника Бориса Јељцина // Србија и стратешка раскршћа: зборник радова научног скупа, Београд, 30. септембар 2016 / Главни уредник Д. Марковић. Београд, 2016. С. 311–322.

[293] *Пандуревић В.* Балкан и Руска Федерација: геополитички и безбедносни аспекти // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 15–48.

[294] *Janković S.* Osnove za oslanjanje na Rusiju u spoljnoj politici Srbije // Savremeni međunarodni izazovi: Globalna i regionalna perspektiva. Belgrade: Faculty of Political Sciences University of Belgrade, 2008. S. 183–208.

[295] *Пророковић Д.* Геополитика Србије. Положај и перспективе на почетку 21. века. Београд: Гласник, 2012. 796 с.

[296] *Reljić D.* Rusija i Zapadni Balkan. Beograd: ISAC fond. (Beograd: Colorgrafx), 2009. 41 с.

[297] *Живанов С.* Русија и агресија НАТО на Србију // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века : примљено на IV скупу Одељења историјских наука од 27. априла 2011. године. Београд, 2011. С. 355–377.

[298] *Ритић Л.* Сарадња Русије и Балкан као отпор глобализације насиља; *Кнежевић М.* Српско-руски односи и могућност промене спољнополитичке оријентације Србије; *Суботић М.* Русија и савремено српско питање, с посебним будућности. Подробнее см. *Живанов С.* Сербская

рассмотрены вопросы политики России на Балканах.

В 2010 г. Фонд ISAC при поддержке МИД Королевства Норвегия опубликовал сборник докладов «Отношения России и Сербии в начале XXI века». Политика России на Балканах в 1990-е гг. была затронута в нем в текстах М. Йовановича, А. Тимофеева и Н. Петрова. По мнению профессора философского факультета Белградского университета Йовановича, президент Ельцин стремился сохранить статус России как великой державы, в то время как Милошевич возлагал надежды на «матушку-Россию», тогда как она, несмотря на участие в урегулировании кризиса в бывшей Югославии, не смогла удовлетворить нереалистичные политические амбиции сербского руководства. Кроме того, Йованович считал, что частые контакты сербского руководства с российскими политическими маргиналами, с оказанием им финансовой поддержки со стороны Сербии неизменно приводили к новым дипломатическим разочарованиям [299]. В докладе, написанном Тимофеевым (в то время аспирант Института новейшей истории Сербии), было произведено сопоставление взаимовлияния распространения, по мнению автора, в сербском обществе мифов о России с развитием российской политики на Балканах, в частности концепций «вечного защитника» и «теории угроз». Он пришел к выводу, что в 1990-е гг., за исключением позиции России по косовскому вопросу, Россия не имела явных и четко сформулированных политических целей на Балканах. По мнению автора доклада, ее основное очевидное стремление заключалось не в достижении конкретных результатов в регионе, а в трансляции определенного «внешнеполитического послания» партнерам на более пространной и удаленной от Балкан политической арене. Исходя из данного тезиса Тимофеев подвел итог, отметив, что у Москвы не существует «какой-либо постоянной и непрерывной» политики на Балканах[300].

Особо следует отметить вышедшую в 2011 г. обзорную монографию М. Йовановича «Сербы о России и русских: от Елизаветы Петровны до Владимира Путина (1750–2010)». Ее автор, проанализировав в ней обширный массив архивных материалов и воспоминаний, выполнил диахронический анализ отношений России и Сербии. В главе «На перепутье распада и трансформации: политические отношения Сербии и России» Йованович с опорой на статьи российских исследователей (в основном П.Е. Канделя, а также К.В. Никифоров, Е.Ю. Гуськовой и В.К. Волкова) и воспоминания политиков

историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990–1998 гг.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб: Алетейя, 2010. С. 283–308.

[299] *Jovanović M.* Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka / Žarko N. Petrović. Beograd, 2010. S. 16.

[300] *Timofejev A.* Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopolitičkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Ibid. S. 22, 23.

реконструировал политический курс Москвы на Балканах в 1990-е гг. Он пришел к выводу, что балканская политика России в этот период была «колеблющейся», «непоследовательной» и «маргинальной»[301].

Проблема отношений России и Сербии в постъюгославский период была рассмотрена в 2015 г. в статье С. Джукича. Как один из фундаментальных недостатков этих отношений автор выделил отсутствие системно выработанной концепции двустороннего сотрудничества. По его мнению, «в течении первого постсоветского и постъюгославского десятилетия Москва и Белград двигались в противоположных направлениях. Россия взяла прозападный курс как во внутренней, так и во внешней политике, что к концу десятилетия лишь усилило расхождения с официальным Белградом. В критические моменты Сербия оказывалась без жизненно важной поддержки со стороны России»[302].

Схожей позиции придерживались А. Гаич, Б.П. Крга. Политолог А. Гаич в статье «Российская внешняя политика и ее геополитические интересы на Балканах» отметил, что влияние России на Балканах в последнем десятилетии XX века опустилось до минимума[303]. Опытнейший военный эксперт нашел этому факту особое подтверждение в событиях, имевших место во время военных действий НАТО весной и в начале лета 1999 г., в частности в миссии Черномырдина. По мнению Крги, переговоры с участием этого российского политика оказались одной из наиболее темных страниц российской внешней политики 1990-х гг.[304]

Согласие Москвы с введением санкций против СРЮ и присоединение к ним в 1992 г. продолжает привлекать внимание исследователей из учреждений науки в БиГ. Ж. Чулибрик (Факультет безопасности и обороны Независимого университета в Баня-Луке) констатирует, что в 1992 г. Россия не наложила вето на резолюции СБ ООН о санкциях против СРЮ, хотя было очевидно, что подобная позиция была неблагоприятной для Югославии и всего сербского народа. Автор заметил, что в тот момент Россия действовала в соответствии со своими национальными интересами, находясь в условиях внутреннего экономического кризиса и усиления центробежных тенденций (война в Чечне). В отношении действий Москвы в 1999 г. во время обострения кризиса в Косове и

---

[301] *Јовановић М.* Срби о Русији и Русима: Од Елизабете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Београд: Православни богословски факултет Универзитета, Институт за теолошка истраживања : Институт за новију историју Србије, 2011. С. 230–232.

[302] *Đukić S.* Odnosi Srbije sa Rusijom – osvrt na postjugoslovenski (postsovjetski) period // Izazovi spoljne politike Srbije: Zbornik radova / Jelica Minić. Beograd: Fondacija Fridrih Ebert, 2015. S. 33.

[303] *Гајић А.* Руска спољна политика и њени геополитички интереси на Балкану // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 136–137.

[304] *Крга Б.П.* Безбедност Балкана и Русија // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 165.

агрессив НАТО, по его мнению, она, хотя и обладала определенными возможностями для блокирования неблагоприятного сценария развития событий, не располагала достаточным политико-военным потенциалом, чтобы напрямую противостоять США и НАТО или оказать СРЮ военную поддержку. Автор приходит к выводу, что «характерная черта великих держав заключается в том, что независимо от того, кто находится у власти и каким образом он ее получил, такие страны всегда стремятся занять подобающее им место [в мировой иерархии]»[305].

З. Тодорович, занимающий подчеркнуто критическую позицию в отношении внешнеполитического курса Москвы, отметил склонность России к избирательному применению общепризнанных норм современного международного права, исходя из собственных конъюнктурных интересов. По его мнению, несмотря на поддержку Россией санкций СБ ООН против СРЮ и создания Международного трибунала по бывшей Югославии, а также многолетнее отстаивание территориальной целостности Сербии в вопросе Косова, после присоединения Крыма позиция России по косовскому вопросу претерпела заметный и принципиальный разворот[306].

Следует также обратить внимание на вышедшую в 2018 г. книгу «Сербия и Россия: Аргументы в пользу новой политики» В. Кршлянина, в которой собраны его статьи и выступления за период с 2008 по 2018 гг., отразившие мнение автора о российско-сербских отношениях в указанный период. Будучи убежденным сторонником славянофильских идей, автор считает, что Россия является ключевой опорой для освобождения Сербии от атлантистского давления, и, по его мнению, неизменно демонстрирует ее поддержку Сербии за счет конкретных действий, а не только словесными обещаниями. В предисловии этого издания автор дал принципиальную оценку российской политики на Балканах в 1990-е гг.: Россия не по собственной воле отказалась от своих традиционных интересов в регионе, а была объективно скована глубоким внутренним кризисом и находилась в таком состоянии, в котором не могла оказывать действенную помощь. Сербия, полагал Кршлянин, «на протяжении целых десяти лет, без действенной поддержки со стороны России, стоявшей в то время на коленях, самостоятельно противостояла всем формам подрывной деятельности, специальной войны и вооруженной агрессии». Автор также отметил, что в начале 1999 г. СРЮ инициировала процедуру вступления в парламент Союза России и Белоруссии, стремясь тем самым обрести институциональную опору в лице России, однако «этот шаг не встретил горячего отклика у тогдашнего российского руководства и не смог

---

[305] *Ђулибрик Ж.* Безбједност Русије у постхладноратвском периоду. С. 319–320.
[306] *Тодоровић З.* Нова – стара Русија: безбедносни дискурс // Civitas. 2015. № 9. С. 69.

предотвратить агрессию НАТО»[307].

В статье В. Пандуревича[308], члена Клуба генералов и адмиралов Сербии, рассмотрена эволюция геополитического присутствия России на Балканах – от советского периода до эпохи Путина. Позицию России в отношении югославского кризиса автор назвал «осторожной». По мнению В. Пандуревича, Сербия, исходя из определенных идеологических установок и стратегических расчетов, ожидала от России более активной поддержки, тогда как Россия действовала, прежде всего, исходя из собственных национальных интересов, и Балканы – особенно Сербия – не занимали приоритетного места во внешнеполитической повестке Москвы. В 1990-е гг. Россия во многих случаях фактически координировала свою позицию с западноевропейскими партнерами. Что касается реакции на косовский кризис, автор полагает, что она в значительной степени была обусловлена внутренними опасениями, связанными с ситуацией в Чечне и в других сепаратистских регионах России.

Также среди работ этого периода заслуживает внимания монография М. Стояновича «История сербско-русских политических отношений от XVIII века до наших дней». В последней главе «Сербия и Россия с 1991 года до наших дней» историк, опираясь на опубликованные документы, охарактеризовал позицию и действия России на Балканах в 1990-е гг. Он критически оценил политику Ельцина и Козырева в этом регионе, отмечая, что главной задачей Козырева было продемонстрировать «верность» США, а не защищать интересы России и Сербии. При этом автор считает, что «разворот над Атлантикой» Примакова стал началом пробуждения Москвы к проведению независимой политики. Одновременно с этим Стоянович критикует взгляды сербских «западников», считающих, что Россия в 1990-е гг. не оказывала помощь СРЮ. По мнению исследователя, «истина заключается в том, что Россия не помогла в той мере, в какой этого ожидал сербский народ, однако сознательно забывается, что сама Россия на протяжении всего последнего десятилетия XX века испытывала огромные экономические и политические трудности, и потому не могла оказать более существенную помощь»[309].

Важные упоминания о внешнеполитическом курсе России в исследуемый период содержатся также в книгах сербских исследователей истории. К ним относятся фундаментальные исследования последних лет К. Николича (Институт современной истории, Белград) и опубликованная М. Гуличем (Институт новейшей истории Сербии в

---

[307] *Кршљанин В.* Србија и Русија. Аргументи за нову политику. Шабац: Центар академске речи; Београд: Информатика; Москва: Међународна словенска академија наука, образовања, уметности и културе, 2018. С. 440, 8, 11.

[308] *Пандуревић В.* Балкан и Руска Федерација: геополитички и безбедносни аспекти. С. 28–43.

[309] *Стојановић М.* Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Нови Сад: Архив Војводине, 2022. С. 386, 383.

Белграде) в 2023 г. объемная монография «Югославское государство 1918–2006»[310].

Заметным явлением в сербской историографии балканского кризиса оказалась недавняя монография К. Николича «Краина 1991–1995», опубликованная в Загребе (Хорватия) в 2023 г. Автор привлек для анализа обширную источниковую базу, включая документацию МТБЮ, рассекреченные документы из Библиотеки президента США Б. Клинтона, а также сербские и хорватские архивные материалы, на основе которой подробно описал причины конфликта, рост межэтнической напряженности, деятельность ООН и первые шаги по созданию Республики Сербской Краины (РСК). Особый акцент К. Николич сделал на международных дипломатических инициативах и изменениях в геополитическом позиционировании Хорватии. В монографии детально рассмотрены военные операции Загреба в 1995 г. «Молния» и «Буря», приведшие к ликвидации РСК и массовому исходу сербского населения, а также анализируются последствия конфликта, судьба Восточной Славонии, судебные процессы в Гааге и современные интерпретации событий первой половины 1990-х гг. Некоторое внимание опытный исследователь уделил действиям российской дипломатии и ее взаимодействию с Западом в урегулировании конфликтов. В частности, описан эпизод, имевший место в мае 1993 г., когда заместитель министра иностранных дел РФ В.И. Чуркин, назначенный специальным представителем президента Б.Н. Ельцина на мирных переговорах по бывшей Югославии, передал премьер-министру РСК Д. Бьеговичу предложение президента Хорватии Ф. Туджмана о предоставлении автономии сербам. Как отмечает исследователь, российский дипломат был крайне недоволен категоричной позицией руководства РСК, которое отвергло предложение об автономии и требовало от Загреба признания независимости своего государства[311]. К. Николич также подробно описал малоизвестный эпизод о деятельности дипломатии Германии по поиску путей урегулирования в Восточной Славонии, оставшийся без должного внимания из-за увлеченности наблюдателей последующим масштабным вмешательством США. Германия стремилась избежать эскалации военных действий на этой территории, для чего канцлер Г. Коль лично пытался заручиться поддержкой Б.Н. Ельцина, заверив его, что в ответ на поддержку Москвы Вашингтон и Берлин закроют глаза на действия России в отношении Грузии.[312]

Важным этапом в развитии современной сербской историографии боснийского кризиса стал фундаментальный многотомный труд К. Николича «Босния и Герцеговина:

---

[310] *Gulić M.* Jugoslovenska država 1918-2006. od Prvodecembarskog akta do Majskog referenduma. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2023. 1032 s.

[311] *Nikolić K.* Krajina 1991–1995. Zaprešić: Nakladnici Fraktura; Zagreb: Srpsko narodno vijeće, 2023. S. 118.

[312] Ibid. S. 525.

война, которую многие хотели (1992–1995)», первые две книги которого были выпущены, соответственно, в 2024 и 2025 гг. Научная значимость исследования обусловлена его широкой и репрезентативной источниковой базой. Сформированная автором система доказательств монографии на основе критического анализа документов, среди которых центральное место занимают материалы и судебные архивы МТБЮ. Корпус этих источников Николич дополнил уникальными материалами рассекреченных фондов, размещенных в цифровых библиотеках президента США Б. Клинтона и канцлера ФРГ Г. Коля. Использование стенограмм закрытых заседаний руководства СРЮ и Республики Сербской в сочетании с архивными военными дневниками (в частности, генерала Р. Младича) позволило исследователю детально реконструировать как военную составляющую, так и скрытые дипломатические механизмы боснийской войны.

В первом томе – «Во имя смерти (1992)» [313] опытнейший исследователь сделал скрупулезный анализ институционального коллапса социалистической Югославии, стремительный рост межэтнической напряженности и процесс формирования параллельных национальных центров силы в ее бывших республиках – новых государствах. Особое внимание в этом томе уделено генезису первых вооруженных столкновений 1992 г., специфике формирования Армии Республики Сербской (АРС) и начальному этапу осады Сараева.

Второй том монографии[314], названной автором – «В поисках мира (1993–1994)» – посвящен детальному разбору международных дипломатических инициатив, включая планы мирного урегулирования Вэнса – Оуэна и Оуэна – Столтенберга. Николич детально изучил и подробно изложил мотивацию ключевых внешних акторов (США, ФРГ) и вскрыл внутренние противоречия в сербском лагере на линии Белград – Баня-Лука. Для контекста данного исследования принципиальное значение имеет то, как автор трактует балканский курс Москвы. Николич доказывает, что в период 1992–1994 гг. внешнеполитическая стратегия России на боснийском направлении была лишена концептуальной самостоятельности. По мысли историка, Кремль рассматривал балканский кризис не как самоценный узел геополитических интересов, а как инструмент тактического маневрирования и разменную монету в рамках построения глобального диалога с Вашингтоном и Берлином.

Обзор англоязычной историографии

В англоязычной научной литературе внешняя политика России на Балканах в 1990-е

---

[313] *Nikolić K.* Bosna i Hercegovina: rat koji su mnogi želeli (1992–1995). Knj. 1: U ime smrti (1992). Novi Sad: Akademska knjiga, 2024. 750 s.

[314] *Nikolić K.* Bosna i Hercegovina: rat koji su mnogi želeli (1992–1995). Knj. 2: Potraga za mirom (1993–1994). Novi Sad: Akademska knjiga, 2025. 654 s.

гг. рассматривается как важное проявление ее трансформации как великой державы и пересмотра отношений с Западом – от уступок к формированию новой, более независимой и жесткой внешнеполитической доктрины.

В англоязычной историографии балканского внешнеполитического курса России также можно выделить четыре периода:

Первый период в англоязычной историографии югославского кризиса – это стадия его становления как самостоятельного научного направления. В отличие от аналогичного периода в российской и сербской науки здесь почти отсутствовала полемика ученых в СМИ. Публикации в виде «письма в редакцию», и мнение, выраженное в виде «комментария», конечно, встречались, но такие тексты не являются предметом специального внимания в данной обзоре. Западные исследователи преимущественно выражали свои позиции по югославскому кризису в научных публикациях в журналах и докладах, и в соответствующих разделах научных монографий, которые задумывались и готовились, еще до распада СФРЮ или в самом его начале. В этих работах в той или иной степени рассматривалась проблематика как самого кризиса, так и роль России на протяжении его развития (С. Вудворд, Р. Ремингтон, С. Коэн[315] и другие[316]).

Значительного внимания среди них заслуживает монография старшего научного сотрудника Программы внешнеполитических исследований Брукингского института С.Л. Вудворд «Балканская трагедия: хаос и распад после холодной войны»[317]. В ней подробно рассмотрены глубинные причины югославского конфликта, а также восприятие кризиса и реакция на него основных внешних акторов. Автор полагает, что главной причиной кризиса стал крах политических и институциональных преобразований в СФРЮ, обусловленный последствиями несбалансированности рыночных реформ и деструктивной политикой международного сообщества. В книге Вудворд затронута и балканская политику России: с позиций опытного эксперта-югослависта, владеющего сербско-хорватским языком, автор отметила, что на раннем этапе боснийского

---

[315] *Kohen S.* American Policy and Russia's Future; Illusion and Realities // The Nation. 1993. Vol. 256. № 13. P. 54–98.

[316] *Ramet S.P.* War in the Balkans // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 4. P. 79–98; *MacFarlane S.N.* Russia, the West and European security // Survival. 1993. Vol. 35. № 3. P. 3–25; *Cohen L.J.* Russia and the Balkans: pan-Slavism, partnership and power // International Journal. 1994. Vol. 49. № 4. P. 814-845; *Glenny M.* The Macedonian Question: Still no Answers // Social Research. 1995. Vol 62. № 1. P. 143–160; *Baev P.* The Impact on Relations between Russia and Western Europe // The Implications of the Yugoslav Crisis for Western Europe's Foreign Relations. Chaillot Paper. 1994. № 17. P. 35–49; *Malcolm N.* Bosnia and the West: A Study in Failure // The National Interest. 1995. № 39. P. 12–22; *Khan M.* Bosnia-Herzegovina and the Crisis of the Post-Cold War International System // East European Politics and Societies. 1995. № 9 (3). P. 459–498; *Eribo F.* Russian Newspaper Coverage of Somalia and the Former Yugoslavia // A journal of Opinion. 1994. Vol. 22. № 1. P. 30–34.

[317] *Woodward S.* Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1995. 536 p.

конфликта США стремились продвигать мирный процесс через дипломатические меры, избегая прямого военного вмешательства, и рассчитывали использовать влияние России для убеждения сербов пойти на уступки. Однако Россия, под давлением внутренних национально-патриотических сил и парламента, а также руководствуясь собственными национальными интересами, проявила лишь ограниченную готовность к сотрудничеству. Москва придерживалась сдержанной позиции в отношении инициатив, предпринятых под руководством США. По мнению Вудворд, в западном научно-политическом дискурсе обычно было принято объяснять позицию России историческими, этническими или религиозными факторами, в то время как ее реальные стратегические и внутреннеполитические соображения игнорировались. Подобная асимметрия в восприятии, по ее мнению, существенно усилила противоречия между США и Россией по боснийскому вопросу, поставив под угрозу улучшение двусторонних отношений и сотрудничество Вашингтона и Москвы в СБ ООН после окончания холодной войны.

Отдельного упоминания заслуживает статья Р.Э. Ремингтона «Балканский треугольник: Вашингтон, Москва и Белград», в которой была рассмотрена динамика изменений американо-российских отношений, проведен анализ роли России в югославском кризисе к моменту написания статьи в 1994 г. Исследователь отметил, что сотрудничество России и США в период вооруженных столкновений в республиках бывшей Югославии не привело к окончательному урегулированию конфликтов, хотя по отдельным позициям сторонам удавалось действовать согласованно (в частности, при признании Боснии и Герцеговины и введении санкций против СРЮ). Автор считал, что в первые годы администрации президента Б. Клинтона основным итогом стало сохранение декларативного партнерства, тогда как реальное влияние Москвы на ход событий оставалось ограниченным. Автор считал, что «реальные возможности для американо-российского сотрудничества с целью успокоить или сдержать войну, продолжающую опустошать Боснию и грозящую вновь разгореться в самопровозглашенной Республике Сербская Краина в Хорватии, должны основываться на взаимной выгоде и будут сохраняться лишь до тех пор, пока эта выгода воспринимается обеими сторонами»[318].

Второй период охватывает 1996–1998 гг. С окончанием войны в БиГ в англоязычной историографии наметилось снижение количества работ, посвященных исключительно политике России на Балканах в первой половине 1990-х гг. В этот период

---

[318] *Remington R.A.* Balkan Triangle: Washington, Moscow, and Belgrade // The New Chapter in United States-Russian Relations: Opportunities and Challenges / ed. by Sharyl Cross, Marina A. Oborotova. London: Bloomsbury Academic, 1994. P. 154.

внимание исследователей сместилось в сторону балканской проблематики, рассматриваемой сквозь призму расширения НАТО на восток и вызовов, которые данный процесс создавал для национальных интересов России. Методологически новым направлением исследований стало рассмотрение балканского кризиса как эмпирического поля для анализа моделей сотрудничества и соперничества между Россией и государствами Запада в рамках ООН, в деятельности КГ и по линии взаимоотношений с НАТО. Среди авторов, внесших значительный вклад в разработку данного направления, следует выделить исследования А. Брауна, У.Э. Одома, М. Боукера, Д. Аверра[319].

Профессор Университета Торонто А. Браун в работе «Политика России в отношении Центральной Европы и Балкан»[320] дал глубокий анализ отношений России со странами обоих регионов и факторов, влияющих на них. Браун полагает, что долгосрочная нестабильность этих отношений главным образом обусловлена сохранением в России гегемонистских установок: «гегемонистские привычки и отсутствие сочувствия к независимости стран Центральной и Восточной Европы наиболее распространены среди российских военных, чем в любом другом сегменте российского общества, за исключением ультранационалистических политиков»[321]. Исследователь пришел к выводу, что позиция России по вопросам событий в бывшей Югославии формировалась под сильным влиянием ее внутренней политической конъюнктуры, давления со стороны национально-патриотической оппозиции и геополитических, великодержавных амбиций. Такая внешнеполитическая линия вступала в противоречие с интересами безопасности стран Центральной и Восточной Европы, а дефицит эффективных каналов коммуникации и взаимного доверия приводил к продолжительной напряженности и нестабильности отношений Москвы со странами региона.

В данный период в англоязычной историографии расширение НАТО стало рассматриваться в качестве одного из важнейших факторов, побудивших Кремль к ужесточению его балканской политики. Широкая дискуссия среди западных экспертов получила отражение и в научных публикациях. В частности, на страницах британского журнала Королевского общества международных отношений «International Affairs» в первой половине 1998 г. развернулась полемика по проблеме расширения НАТО между профессором истории международных отношений Кэмбриджского университета Дж. Хасламом и директором программ по исследованию национальной безопасности

---

319 *Averre D.* NATO expansion and Russian national interests // European Security. 1998. Vol. 7. № 1. P 10–54.

320 *Broun A.* Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans // The Foreign Policy of the Russian Federation / Roger E. Kanet and Alexander Kozhemiakin (eds.). New York. St. Martin's Press, Inc., 1997. P. 49–77.

321 Ibid. P. 73.

Гудзоновского института, генерал-лейтенантом ВС США в отставке У.Э. Одомом. Если Дж. Хаслам [322] полагал необходимым найти способ реинтегрировать Россию в обновленную систему международных отношений в Европе, из которой, по его мнению, Россия оказалась исключена, то У. Одом утверждал, что не следует переоценивать значение, возможности и геополитический потенциал России, являвшейся, по его мнению, «слабым государством», к тому же потворствующим проведению С. Милошевичем этнических чисток[323].

Заметным событием в историографии этого периода стала статья британского историка и советолога М. Боукера «Войны в Югославии: Россия и международное сообщество». Автор исходил из того, что распад Югославии стал результатом действия совокупности факторов, но основную ответственность он возлагает на сербов под руководством Милошевича. Хотя Россия, по мнению Боуэра, подвергалась критике за просербскую позицию, которую она занимала на определенных этапах боснийской войны, тем не менее, этот эксперт считал, что она, как правило, действовала в рамках «международного консенсуса» и играла активную роль в урегулировании конфликта и обеспечении европейской безопасности, а расхождения между Россией и Западом в значительной степени были вызваны стремлением Москвы защитить ее национальное достоинство[324].

Третий период охватывает десятилетие от начала косовского кризиса до провозглашения в одностороннем порядке независимости Косова. В отличие от второго периода, характеризовавшегося фокусом на дискуссии вокруг первой волны расширения НАТО на восток, в рамках третьего периода в западной историографии наметилось возвращение к комплексному ретроспективному анализу ключевых событий всего предшествующего десятилетия. В фокус исследовательского внимания вошли проблемы системной трансформации балканского конфликта в середине 1990-х гг. и ее долгосрочные геополитические последствия, при этом евроатлантическая интеграция и эволюция роли НАТО продолжали рассматриваться в качестве сквозных факторов региональной безопасности.

Изучение действий российской дипломатии в регионе в западной литературе, в основном проходило по трем направлениям: во-первых, рассмотрение отношений России с акторами постъюгославского пространства, называемого «бывшей Югославия»

---

322 *Haslam J.* Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? // International Affairs. 1998. Vol. 74. № 1. P. 119–130.

323 *Odom W.E.* Russia's Several Seats at the Table // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 1998. Vol. 74. № 4. P. 809–822.

324 *Bowker M.* The Wars in Yugoslavia: Russia and the International Community // Europe–Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 7. P. 1245–1261.

(М. Андерсен[325], Д. Линч[326], В. Бровкин[327], О. Левитин[328], А.М. Бруденелл[329], Дж. Хедли[330] и др.); во-вторых, анализ взаимодействия России и Запада в ходе косовского кризиса (М. Мандельбаум[331], Э. Йессон[332], Дж. Никол[333], Дж. Норрис[334], Д. Аверр[335] и др.); в-третьих, исследование общей внешнеполитической линии России (П. Кубичек[336], М. Макфол[337], М. Бакли[338], А.С. Линч[339], Д. Менделофф[340] и др.). В целом, количество статей и монографий, специально посвященных политике России в отношении кризиса в Косове или на Балканах в целом, остается относительно значительным. Следует особо отметить, что ряде исследований к анализу стали активно привлекаться архивные источники.

Важное место в историографии занимает монография Дж. Норриса «Курс на столкновение: НАТО, Россия и Косово». Во время косовского кризиса и агрессии НАТО против СРЮ Дж. Норрис занимал должность руководителя пресс-службы заместителя государственного секретаря США С. Талботта, и был одним из хорошо информированных очевидцев процесса урегулирования конфликта. Норрис оценивает российскую политику, опираясь на архивные материалы, и возлагает ответственность за все произошедшее на С. Милошевича. По его утверждению, «хотя война началась при энергичных возражениях со стороны России, ее завершение во многом стало возможным благодаря тому, что президент Ельцин и его специальный представитель В. Черномырдин поддержали

---

[325] *Andersen M.* Russia and the former Yugoslavia // Russia and Europe: Conflict or Cooperation? / Mark Webber (eds.). London: Palgrave Macmillan UK. 2000. P. 179–209.
[326] *Lynch D.* "Walking the tightrope": the Kosovo conflict and Russia in European security, 1998–August 1999 // European Security. 1999. Vol 8. № 4. P. 57–83.
[327] *Brovkin V.* Discourse on NATO in Russia during the Kosovo War // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 1999. Vol. 7. № 4. P. 544–560.
[328] *Levitin O.* Inside Moscow's Kosovo muddle // Survival. 2000. Vol. 42. № 1. P. 130–140.
[329] *Brudenell A.M.* Russia's Role in the Kosovo Conflict of 1999 // RUIS. 2008. Vol. 153. № 1. P. 30–34.
[330] *Headley J.* Russia and the Balkans: foreign policy from Yeltsin to Putin. London: Hurst, 2008. 552 p.
[331] *Mandelbaum M.* A Perfect Failure-NATO's War Against Yugoslavia // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 5. P. 2–8.
[332] *Yesson E.* NATO and Russia in Kosovo // The RUSI Journal. 1999. Vol. 144. № 4. P. 20–26.
[333] *Nichol J.* Kosovo Conflict: Russian Responses and Implications for the United States. CRS Report RL30130. Washington, D.C.: Congressional Research Service, Library of Congress, 1999. URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs943/ (дата обращения: 21.07.2026).
[334] *Norris J.* Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo. Westport, Conn.; London: Praeger Publishers, 2005. 360 p.
[335] *Averre D.* From Pristina to Tskhinvali: The Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with West // International Affairs. 2009. Vol. 85. № 3. P. 575–591.
[336] *Kubicek P.* Russian foreign policy and the West // Political Science Quarterly. 1999. № 114 (4). P. 547–568.
[337] *McFaul M.* Russia's Many Foreign Policies // Demokratizatsiya. 1999. № 7. P. 393–393.
[338] *Buckley M.* Russian Foreign Policy and Its Critics // European Security. 2002. Vol. 11. № 4. P. 29–46.
[339] *Lynch A.C.* The realism of Russia's foreign policy // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 1. P. 7–31.
[340] *Mendeloff D.* "Pernicious history" as a cause of national misperceptions: Russia and the 1999 Kosovo war // Cooperation and Conflict. 2008. Vol. 43. № 1. P. 31–56.

фактически американские условия прекращения бомбардировок. В этом отношении война стала одновременно самым серьезным кризисом в первом десятилетии американо-российских отношений после холодной войны и самым ярким примером американо-российского дипломатического сотрудничества в тот период»[341].

Существенное значение для развития англоязычной историографии этой темы имела фундаментальная монография «Россия и Балканы: внешняя политика от Ельцина до Путина» Дж. Хэдли, британского исследователя, специализирующегося на изучении балканской политики России. Монография является развитием идей, изложенных в его диссертационной работе[342] и по праву является одним из важнейших западных трудов по истории политики России на Балканах в 1990-е гг. Автор системно и последовательно рассмотрел внешнюю политику России в балканском регионе от самого начала правления Ельцина до первых лет первого президентского срока В.В. Путина, уделив специальное внимание реакциям Москвы на распад СФРЮ, боснийскую войну, а также косовский кризис. Автор опирался на обширный массив документальных источников: официальные документы, интервью с дипломатами и экспертами, материалы российской печати, стремясь воссоздать геополитический контекст эпохи и используя метод исторической реконструкции, старался представить и описать события на Балканах сквозь призму самой России, что позволило ему эксплицировать логику принимавшихся в Москве внешнеполитических решений. Эксперт выделил пять фаз российской внешней политики во время югославского кризиса первой половины 1990-х гг.:

- Фаза либерального интернационализма (январь – осень 1992 г.);
- Переходная фаза (осень 1992 г. – конец 1993 г.);
- Сараевский кризис, февраль 1994 г.; российский неореализм в действии;
- Концерт великих держав (март 1994 г. – май 1995 г.);
- Крах концерта великих держав и окончание боснийского конфликта (май – декабрь 1995 г.).

По мнению исследователя балканский курс России в начале 1990-х гг. отражал смену концептуальных парадигм – переход от либерального интернационализма к политическому реализму. Дж. Хэдли показал процесс формирования геополитической легитимности постсоветской России через последовательную критику «двойных стандартов Запада», считая, что транзит власти в МИД РФ (приход Е.М. Примакова на смену А.В. Козыреву) первоначально не повлек за собой сколько-нибудь значимых

---

[341] *Norris J.* Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo. Westport, Conn.; London: Praeger Publishers, 2005. P. X.

[342] *Headley J.* The Russian Federation and the Conflicts in Former Yugoslavia, 1992-1995. School of Slavonic and East European Studies, University of London, 2008. 334 p.

изменений во внешнеполитическом курсе Москвы. Тем не менее в монографии акцентируется внимание на том, что именно в период руководства Примакова в МИД РФ Сербия/СРЮ все в большей мере стала рассматриваться как потенциальный стратегически важный союзник России на Балканах. Данная эволюция была неразрывно связана с ускорением реалистического подхода и с более выраженным в сравнении с козыревским периодом стремлением Примакова к сохранению традиционных геополитических позиций России.

Отдельное внимание Хэдли уделил трансформации курса Москвы после 1995 г., считая, что завершение боснийской войны не снизило градус геополитического соперничества в регионе, а лишь перевело его в латентную фазу. Анализируя постдейтонский период, исследователь подчеркнул, что эскалация косовского кризиса в конце 1990-х гг. заставила Кремль окончательно отказаться от компромиссных либеральных иллюзий. В монографии Дж. Хэдли также продемонстрировал, как к моменту транзита верховной власти в России на рубеже 1999–2000 гг. балканское направление превратилось для Москвы в главный инструмент демонстрации возврата к прагматичному политическому реализму и отстаиванию статуса великой державы в многополярном мире[343].

Четвертый период (с 2009 г. по настоящее время) характеризуется ростом исследовательского интереса к политике России на Балканах, который становится особенно заметным после начала украинского кризиса. В рамках данного периода особое внимание западные исследователи уделяют проблематике статуса Косова, расширения НАТО на восток и общегеополитического значения Балкан; политика и роль России на Балканах в 1990-х гг. рассматриваются сквозь призму указанных проблем. Среди фундаментальных работ данного периода можно выделить монографию Д. Гиббса, а также ряд статей К. Мартена[344], Д. Гибас-Кшак[345], Э. Смачи[346] и Дж. Макбрайда[347].

Даже в тех случаях, когда исследования не посвящены непосредственно действиям России, их анализ представляется методологически значимым, так как более внимательно изучение авторами политики западных стран и их действий на Балканах позволяет

---

[343] *Headley J.* Russia and the Balkans: foreign policy from Yeltsin to Putin. London: Hurst, 2008. 552 p.
[344] *Marten K.* Reconsidering NATO expansion: a counterfactual analysis of Russia and the West in the 1990s // European Journal of International Security. 2017. Vol. 3. № 2. P. 135–161.
[345] *Gibas-Krzak D.* The geopolitical importance of the Balkans: A general overview // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. Vol. 33. № 3. P. 460–479.
[346] *Smaçi E.* A historical approach to Russian foreign policy in the Balkans (1945–2022) // 7th International Conference on Research in HUMANITIES & SOCIAL SCIENCES. Milan, Italy. 19-21 May 2023. P. 1–11.
[347] *McBride J.* Russia's Influence in the Balkans // Council on Foreign Relations. November 21, 2023. URL: https://www.cfr.org/backgrounders/russias-influence-balkans (дата обращения: 06.09.2025).

реконструировать геополитический контекст и объективно оценить роль России в регионе. Именно поэтому не будет лишним обратить внимание на опубликованную в 2009 г. монографию известного американского историка и политолога Д. Гиббса «Не навреди: гуманитарная интервенция и разрушение Югославии» [348]. В ней автор предложил критический пересмотр общепринятых интерпретаций причин и характера вмешательства США и их европейских союзников в конфликты на постъюгославском пространстве. Основной тезис исследователя заключается в утверждении, что гуманитарная риторика, сопровождавшая западные интервенции, служила легитимизирующим прикрытием для реализации прагматичных стратегических интересов США после окончания холодной войны. Гиббс утверждает, что Вашингтон на первых порах придерживался позиции сохранения Югославии, однако изменил курс после того, как Германия и ЕС начали демонстрировать намерение самостоятельно управлять европейской безопасностью, что воспринималось Белым домом как угроза американскому влиянию на этом континенте. Действия США, по мнению автора, были направлены не столько на решение балканского кризиса, сколько на сдерживание политической и военной самостоятельности Европы, а также на сохранение доминирующей роли НАТО, тогда как Китай и Россия рассматриваются в качестве главных внешних акторов, критически настроенных по отношению к военной операции НАТО. Автор также обратил особое внимание, что одной из причин согласия Белграда на завершение военной фазы событий косовского кризиса стало прекращение Россией дипломатической поддержки СРЮ и последующее давление на сербское руководство с целью побуждения его к принятию условий прекращения огня[349]. Книга Гиббса представляет собой ценный вклад в критическое осмысление американской внешней политики в 1990-х гг. и является важной альтернативой гуманитарно-интервенционистским нарративам. Близкие концептуальные подходы к оценке деструктивного характера вмешательства США отражена также в работах Д. Гибас-Кшак[350], В. Самохвалова[351] и Э. Смачи[352].

Также следует отметить и исследование под названием «Влияние России на Балканах» было подготовлено аналитиком Совета по международным отношениям США Дж. Макбрайдом. Автор, рассматривает ситуацию на Балканах сквозь призму современного российско-украинского конфликта, обращаясь к ретроспективному анализу

---

[348] *Gibbs D.N.* First Do No Harm: Humanitarian Intervention and the Destruction of Yugoslavia. Nashville: Vanderbilt University Press, 2009. 327 p.
[349] Ibid. P. 200.
[350] *Gibas-Krzak D.* The geopolitical importance of the Balkans. P. 460–479.
[351] *Samokhvalov V.* Russia in the Balkans: Great Power Politics and Local Response // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. № 2. P. 189–210.
[352] *Smaçi E.* A Historical Approach to Russian Foreign Policy in the Balkans (1945–2022). P. 1–11.

влияния России в регионе в 1990-е гг., констатируя, что Балканы на протяжении всей их истории оставались ареной соперничества великих держав, и Россия традиционно занимала в регионе прочные геополитические позиции. Военная операция НАТО в Югославии в 1999 г. стала, по его мнению, переломным моментом и символом утраты Россией прежнего влияния в регионе[353].

В изданной в 2017 г. монографии «Соперничающая держава: Россия в Юго-Восточной Европе» болгарско-британский исследователь Д. Бечев весьма подробно анализирует эволюцию политики России в период балканского кризиса 1990-х гг. В первой главе под названием «Балканы заново открыты: Россия и распад Югославии» эксперт рассмотрел внутриполитическую борьбу в РФ в связи с югославским кризисом, проявляя в целом благосклонность к прозападному крылу российской дипломатии: Бечев отметил прагматичный курс таких деятелей, как министр иностранных дел Козырев и председателя правительства РФ Черномырдин, тогда как их оппонентов из числа коммунистов и националистов Бечев характеризует как «красно-коричневую коалицию», считая, что их нападки на МИД РФ серьезно препятствовали рациональному проведению российской внешней политики. Давая оценку балканской политики Москвы в 1990-е гг., эксперт особо оговорил, что, несмотря на неудачи в Боснии и Косове и провал попыток установить равноправный «кондоминиум» с США и ЕС, Россия все же сумела закрепиться в регионе и добиться частичного признания своего статуса великой державы. Вместе с тем исследователь констатирует, что балканские события вовлекли российское руководство в череду неконтролируемых кризисов, сделав его уязвимым для манипуляций со стороны региональных лидеров, в первую очередь С. Милошевича. При этом мифология «сербско-российского братства» нередко использовалась Белградом в ущерб стратегическим интересам Москвы[354].

При оценке событий конца десятилетия 1990-х гг. особо негативно автор оценил итоги косовского кризиса, считая, что Россия оказалась на грани геополитического фиаско и пережила «унизительное поражение». С учетом изложенных до этого положений, в более широком теоретическом плане Бечев пришел к выводу, что балканские кризисы 1990-х гг. выявили пределы возможностей российской дипломатии в этот период: в условиях отсутствия военного и институционального паритета с НАТО Москва не могла выступать равноправного регулятора, а глубокое противоречия между Кремлем и

---

[353] *McBride J.* Russia's Influence in the Balkans. URL: https://www.cfr.org/backgrounders/russias-influence-balkans (дата обращения: 06.09.2025).

[354] *Bechev D.* Rival Power: Russia in Southeast Europe. New Haven: Yale University Press, 2017. P. 24–25.

оппозицией в Госдуме, дополнительно ослабляли ее внешнеполитическую линию[355].

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей ВАК. Исследование выполнено в рамках научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история. Области исследования: 6. Новейшая история (XX – XXI вв.); 10. Сравнительно-исторические исследования; 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов структур, динамика исторической социальности; 16. Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление и развитие системы цивилизаций. 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история.

Степень достоверности. Научные выводы диссертации базируются на репрезентативной источниковой базе, учете достижений китайской, российской и английской историографии, применении общенаучных и исторических методов исследования.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертационного исследования обсуждены и рекомендованы к защите на заседании Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. По теме исследования автором опубликованы 5 статей в научных изданиях, входящих в перечень ВАК, и другие работы. Результаты исследования были представлены автором в рамках научных конференций и круглых столов:

– Ежегодная международная научная конференция «Социализм в XX в.: государственные модели и социальные практики» (Институт всеобщей истории РАН, Музей-заповедник «Горки Ленинские», 11 июля 2025 г.);

– Международная научная конференция «Југословенско-совјетски односи у време детанта 1968–1980» (Балканолошки институт Српска академија наука и уметности, Институт балканистики Сербская академия наук и искусств, 5 июня 2025 г.);

– Международная конференция «День славянской письменности и культуры: духовные, исторические, политические и цивилизационные аспекты». (Москва, Штаб-квартира Императорского православного палестинского общества, 26 мая 2025 г.);

– XI Международная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». (Институт Китая и современной Азии РАН, 23 ноября 2023 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

---

[355] Ibid. P. 49–50.

ГЛАВА 1. Китайское видение глобальных трансформаций и распада Югославии

Позиция Китая в отношении югославского кризиса 1990-х гг. формировалась не изолированно, а под воздействием целого комплекса исторических факторов, уходящих своими корнями в эпоху холодной войны. Особенности китайского восприятия югославской проблематики были тесно связаны как с опытом развития китайско-югославских и китайско-советских отношений, так и с накопленными в китайской политической мысли представлениями о национальном суверенитете, территориальной целостности, межгосударственных отношениях и международном порядке.

Не менее важное значение имели процессы, связанные с завершением холодной войны, распадом социалистической системы в Восточной Европе и развалом Советского Союза. Эти события не только радикально изменили международную обстановку, но и способствовали переосмыслению в Китае характера современной системы международных отношений, перспектив ее дальнейшего развития и места страны в формирующемся мировом порядке. В китайском политическом и академическом дискурсе постепенно сложились фундаментальные подходы к оценке проблем суверенитета, национального самоопределения, международного вмешательства и урегулирования региональных конфликтов.

Поэтому для понимания позиции КНР в отношении событий на постъюгославском пространстве представляется необходимым обратиться к историческим предпосылкам формирования китайских представлений о югославском вопросе, а также проследить эволюцию взглядов китайского руководства и экспертного сообщества на изменения международной системы в конце XX в. и причины распада Югославии.

1.1. Советско-китайско-югославский треугольник: идеология и стратегия (1940-е–1980-е гг.)

Восприятие в Китае отношений между СССР и Югославией определялось эволюцией внешнеполитического курса КПК и состоянием отношений между Пекином, Москвой и Белградом, перегруженных на всех этапах значительным идеологическим наполнением. Научная литература по этим вопросам незначительна, а то, что опубликовано, является результатом усилий исследователей, добывавших эти знания изучением доступных лишь фрагментарно архивных материалов МИД КНР (до 1966 г.), публикаций китайских СМИ (прежде всего печатных изданий ЦК КПК – газеты «Жэньминь жибао» и теоретического журнала «Хунци»), а также справочных материалов ЦК КПК, имевших ранее гриф ограниченного доступа, и незначительного количества

опубликованных мемуаров дипломатов и переводчиков, работавших в те годы на югославском и советском направлениях внешней политики Китая.

1.1.1. Первые контакты нового Китая и новой Югославии

Первые двусторонние контакты будущего нового Китая и новой Югославии имели место на учредительной конференции ООН в 1945 г. в Сан-Франциско356, а первое известное историкам посещение Югославии китайскими представителями состоялось в июле 1947 г., когда в Белград на съезд югославских профсоюзов приехала китайская делегация от профсоюзов освобожденных войсками КПК территорий Китая. 7 июля делегация была принята Й. Брозом-Тито. Помимо высказываний протокольного характера во время встречи речь зашла и о необходимости учреждения в Белграде корпункта информационного агентства «Синьхуа»357.

До начала советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. руководство КПК в целом положительно оценивало действия КПЮ в годы Второй мировой войны и рассматривало их как важный ориентир. Мао Цзэдун неоднократно выражал намерение изучать успешный опыт югославской революции и социалистического строительства под руководством Й. Броза-Тито, считая, что «после полной победы революции в Китае, все партии, как это было в Советском Союзе и в Югославии, кроме КПК, должны будут покинуть политическую арену», и подчеркивал «необходимость изучать югославский опыт единого фронта»[358]. Этот подход нашел отражение в практической деятельности КПК, которая в те годы активно формировала в Китае положительное общественное мнение о югославской революции и социалистических преобразованиях: за период с 1946 г. до июля 1948 г. только в ЖМЖБ об этом было опубликовано свыше 200 материалов.

1.1.2. Советско-югославский конфликт глазами победившей КПК (1948 – 1953 гг.)

К началу конфликта между югославским руководством во главе с Й. Брозом-Тито и партиями Коминформа во главе с ВКП(б) КПК не была членом этой организации и не

---

356 *Dedijer V.* Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina. Rijeka. 1982. S. 14–20.

357 *Čavoški J.* Југославија и Азија (1947–1953) // у спољна политика Југославије 1945–1960: *зборник радова* / ур. Слободан Селинић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2007. С. 526–543; *Cavoski J.* Overstepping the Balkan boundaries: The lesser known history of Yugoslavia's early relations with Asian countries (new evidence from Yugoslav / Serbian archives) // Cold War History. 2011. Vol. 11. № 4. P. 558–561; 564–565; *约万·查沃什基.* 失去的联系: 1947 年中南间一段不为人知的互动历史 // 冷战国际史. 6 / 华东师范大学国际冷战史研究中心编. 北京: 世界知识出版社, 2008. С. 266–277. [*Йован Чавошки.* Утраченные связи: один малоизвестный эпизод взаимодействия между Китаем и Югославией в 1947 г. // Международная история холодной войны. Т. VI / Сост. Центр по изучению международной истории холодной войны Восточно-Китайского педагогического университета. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

358 *付闪.* 建国前夕毛泽东对民主党派的联合争取政策论析 // 中共中央党史和文献研究院. [*Фу Шань.* Анализ политики Мао Цзэдуна по объединению и привлечению демократических партий накануне основания КНР // Институт истории партии и литературы при ЦК КПК]. 2017. 12 декабря. URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423725-30948261.html (дата обращения: 21.08.2025).

имела представителя при ЦК СКЮ в Белграде. В разгоревшемся конфликте китайское руководство решительно встало на сторону И.В. Сталина. Несмотря на значительную географическую удаленность и занятость руководства КПК борьбой за освобождение Китая, Мао Цзэдун полностью поддержал курс Москвы на осуждение югославского руководства, не вдаваясь особо в причины конфликта[359]. После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. Пекин встал на позицию «односторонней ориентации» в международных делах, следуя за Москвой[360].

Представители КПК не принимали участия в работе первого совещания Коминформа в Польше в 1947 г. и второго, проходившего в июне 1948 г. в Румынии, но руководство КПК согласилось с принятой первой резолюцией Коминформа по югославскому вопросу «О положении в КПЮ», сразу опубликовав ее в партийной печати[361]. В начале июля ЦК КПК принял собственный документ, назвав его «Резолюция ЦК КПК по вопросу о Компартии Югославии», заявив «об осуждении антимарксистских, антипартийных и антисоветских взглядов руководящей группы КПЮ» во главе с Тито, Карделем, Джиласом и Ранковичем[362]. 18 сентября в ЖМЖБ вышел материал[363] по статье, опубликованной в газете ЦК ВКП(б) «Правда» под заголовком «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии»[364], а 7 ноября там же вышла статья Лю Шаоци «Об интернационализме и национализме», утверждавшей, что «антисоветская позиция группы Тито приведет к тому, что Югославия станет жертвой обмана и агрессии американского империализма, утратит независимость и превратится в колонию империализма»[365]. Несколько позже этот же текст Лю Шаоци появился в виде брошюры под тем же заголовком[366], в которую также были включены несколько статей из газеты «Правда» и

---

359 *王叶伟.* 1948 年苏南冲突对中国政局的折射与影响 // 广东党史与文献研究. 2021. № 4. С. 72–73. [*Ван Евэй.* Отражение и влияние югославско-советского конфликта 1948 г. на политическую ситуацию в Китае // Исследования партийной истории и документации в провинции Гуандун].

360 30 июня 1949 г. Мао Цзэдун в своей статье «О демократической диктатуре народа» указал, что опыт, накопленный за 40 лет и за 28 лет, показывает, что китайцы держатся либо стороны империализма, либо стороны социализма, и тут не может быть никакого исключения. Сидеть между двух стульев невозможно, третьего пути не дано. См.: *毛泽东.* 论人民民主专政: 纪念中国共产党二十八周年 // 人民日报. 01.07.1949. С. 1. [*Мао Цзэдун.* О демократической диктатуре народа. К 28-й годовщине основания КПК // Жэньминь Жибао].

361 情报局关于南共的决议 // 人民日报. 13.07.1948. С. 1. [Резолюция Информбюро по вопросу о Компартии Югославии // Жэньминь Жибао].

362 中共中央委员会关于南斯拉夫问题的决议 // 人民日报. 14.07.1948. С. 1. [Резолюция ЦК КПК по вопросу о Компартии Югославии // Жэньминь Жибао].

363 真理报等发表评论: 铁托集团日趋孤立 // 人民日报. 18.09.1948. С. 2. [«Правда» и другие комментировали: Группа Тито становится все более изолированной // Жэньминь Жибао].

364 Куда ведет национализм группы Тито в Югославии // Правда. 8 сентября 1948. С. 2.

365 *刘少奇.* 论国际主义与民族主义 // 人民日报. 07.11.1948. С. 1. [*Лю Шаоци*. Об интернационализме и национализме // Жэньминь Жибао].

366 *刘少奇.* 论国际主义与民族主义. 1948. 75 с. [*Лю Шаоци*. Об интернационализме и национализме].

печатного органа Коминформа «За прочный мир, за народную демократию»[367]. Материалы с осуждением руководства КПЮ были использованы в системе партийной учебы КПК и массовой пропаганде. Их содержание полностью совпадало с позицией ВКП(б). ЖМЖБ постоянно публиковала антиюгославские материалы из советских СМИ и других стран советского лагеря. Пропаганда КПК проводила параллели между руководством КПЮ и «антипартийными элементами» в истории КПК (Чэнь Дусю (陈独秀) и Чжан Готао (张国焘). В начале февраля 1949 г. югославский вопрос был одной из тем в беседах Мао Цзедуна и А.И. Микояна: 3 февраля Мао Цзэдун заявил, что «Тито подобен Чжан Готао, который был членом Политбюро ЦК КПК и оказался предателем»[368]. 5 февраля Мао снова упомянул Югославию, отметив, что указания Сталина с критикой главы МИД ФНРЮ С. Симича оказались для него «особенно ценными»[369].

Летом 1949 г. в Пекине внимательно следили за советско-югославской полемикой, отражая ее существенные моменты в собственной пропаганде. В июле-августе 1949 г. в СМИ Китая был отражен нотный обмен Москвы и Белграда в связи с территориальными требованиями ФНРЮ к Австрии. В начале августа ЖМЖБ опубликовала советскую ноту[370] и передовую статью «Правды» «Маска сорвана»[371]. В редакционной статье ЖМЖБ от 27 августа было заявлено, что «выступать против Советского Союза, значит неизбежно встать на сторону империализма и стать врагом собственного народа. <...> Мы горячо поддерживаем ноты советского правительства по вопросу требований Югославии в отношении Австрии, а также по вопросу притеснения югославским правительством русских эмигрантов с советском гражданством»[372]. 28 августа 1949 г. Мао Цзэдун подверг критике «правительство Тито в Югославии», назвав его «пособником правительства американской буржуазии»[373]. Вслед за этим различные общественные организации в Пекине, Шанхае и других городах Китая выступили с заявлениями, осуждающими

---

[367] «Отход руководства компартии Югославии от марксистско-ленинской теории классов». См. Выход очередного номера газеты «За прочный мир, за народную демократию!» // Правда. 1948. 16 июня. С. 4.

[368] 米高扬与毛泽东等人会谈纪要：中共历史问题 // 俄罗斯解密档案选编：中苏关系．第一卷．С. 410. [Протокол переговоров Микояна с Мао Цзэдуном и другими: История КПК // Избранные рассекреченные документы России по китайско-советским отношениям. Т. I].

[369] 米高扬与毛泽东会谈纪要：中共历史和目前任务 // 俄罗斯解密档案选编：中苏关系．第一卷. С. 435–436. [Протокол переговоров Микояна с Мао Цзэдуном: история КПК и ее нынешние задачи / Избранные рассекреченные документы России по китайско-советским отношениям. Т. I].

[370] 关于南斯拉夫对奥要求问题，苏联政府再复照会揭发铁托集团假面具 // 人民日报．17.08.1949. С. 3. [О югославском требовании к Австрии. Советское правительство вновь обличает лицемерие группы Тито в ответной ноте // Жэньминь Жибао].

[371] Маска сорвана // Правда. 13.08.1949. С. 1.; 假面具被扯下来了！// 人民日报．17.08.1949. С. 3. [Маска сорвана // Жэньминь Жибао].

[372] 铁托反革命集团的假面具撕掉了 // 人民日报．27.08.1949. С. 1. [Сорвана маска с контрреволюционной клики Тито // Жэньминь Жибао].

[373] 毛泽东选集（第四卷）．北京：人民出版社, 1991. С. 1503. [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. IV. Пекин: Народное издательство].

действия Югославии и Тито и в поддержку СССР[374].

Белград, несмотря на резкие выпады из Китая, не отвечал на критику, продолжал заявлять «о поддержке китайской революции»[375], но воздержался от установления дипломатических отношений с гоминьдановским правительством. Заявление о признании КНР Белград сделал 6 октября 1949 г., в переданном Чжоу Эньлаю от имени заместителя главы МИД ФНРЮ В. Поповича[376]. Руководство нового Китая не ответило на этот шаг Белграда, так как учет позиции Москвы был для него определяющим[377]. Вместе с тем позиция Пекина осенью 1949 г. имела некоторые особенности. В отличие от «первой резолюции по югославскому вопросу», ЦК КПК осенью 1949 г. не выразил своей позиции в печати. Лишь 3 декабря ЖМЖБ перепечатала передовую статью советской газеты «Правда» под заголовком «За мир, демократию и национальную независимость народов»[378], а на следующий день на первой полосе ЖМЖБ была опубликована статья «Поддерживаем резолюцию Информбюро»[379], а на второй полосе – полный текст резолюции «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»[380], принятая на третьем совещании Коминформа в Будапеште.

Во время длительного визита Мао Цзедуна в СССР на рубеже 1949/1950 гг. состоялись две его встречи со И.В. Сталиным, однако историкам до сих пор неизвестно, обсуждался ли на них югославский вопрос. Вместе с тем сам факт подписания во время пребывания Мао в Москве «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» в тех условиях означал поддержку Пекином советской критики югославского руководства.

---

374 北平各界拥护苏联对南照会斥铁托反动罪行，指出“第三条路”就是法西斯道路 // 人民日报. 28.08.1949. С. 1. [Все слои общества Пекина поддерживают советскую ноту Югославии, разоблачают реакционные преступления Тито и указывают, что "третий путь" ведет к фашизму // Жэньминь Жибао]; 上海各界座谈白皮书揭露美帝阴谋轨迹 // 人民日报. 30.08.1949. С. 1. [Шанхайские круги на собрании по белой книге разоблачают заговоры американского империализма // Жэньминь Жибао]; 上海解放日报著称，斥责铁托反动集团背叛人民卖国投降 // 人民日报. 31.08.1949. С. 1. [Шанхайская газета «Цзефан жибао» осуждает реакционную группу Тито за предательство народа и капитулянтство // Жэньминь Жибао].

375 *张勉励.* 中国与南斯拉夫建交始末 // 当代中国史研究. 2006. № 3. С. 95. [*Чжан Мяньли*. Начало и установление дипломатических отношений между Китаем и Югославией // Исследования по новейшей истории Китая].

376 波波瓦克致周恩来的电报（译文）（1949 年 10 月 6 日）// 解密外交文献：中华人民共和国建交档案（1949–1955）/ 廉正保，王景堂编著. 北京: 人民画报出版社. 2006. С. 571. [Телеграмма Поповича Чжоу Эньлаю (перевод) (6 октября 1949 г.) // Рассекреченные дипломатические документы: архив установления дипломатических отношений КНР (1949–1955) / Сост. Лян Чжэнбао, Ван Цзиньтан. Пекин: Издательство «Жэньминь хуа бао»].

377 *伍修权*. 回忆与怀念. 北京：中共中央党校出版社，1991. С. 293. [*У Сюцюань.* Воспоминания и размышления. Пекин: Издательство Партийной школы ЦК КПК].

378 争取和平、民主和各国人民的民族独立 // 人民日报. 3.12.1949. С. 4. [За мир, демократию и национальную независимость народов // Жэньминь Жибао].

379 拥护共产党情报局决议 // 人民日报. 04.12.1949. С. 1. [Поддерживаем резолюцию Информбюро // Жэньминь Жибао].

380 在杀人犯与间谍掌握中的南斯拉夫共产党情报局决议 // 人民日报. 04.12.1949. С. 2. [Югославская компартия во власти убийц и шпионов, резолюция Коминформа // Жэньминь Жибао].

По более поздним воспоминаниям Ши Чжэ, в то время руководителя Бюро переводов ЦК КПК, после подписания договора И.В. Сталин присутствовал на прощальном банкете в посольстве КНР и удивил собравшихся неожиданным упоминанием Югославии, заявив, что «социалистическая семья должна быть более полной и гармоничной, как говорил Чжоу Эньлай, но, к сожалению, югославские товарищи не смогли присутствовать, потому что их не пригласили. Ответственность лежит на них, поскольку они сами отделились от нашей семьи, желая идти своим особым путем»[381].

1.1.3. Югославия и советско-югославские отношения глазами Китая (1953 – 1960 гг.)

Потепление советско-югославских отношений после смерти Сталина (март 1953 г.) отразилось на отношениях между КНР и ФНРЮ. С весны 1953 г. Пекин понизил уровень критики Югославии, а начиная с июля 1954 г. КПК практически прекратила публичную критику СКЮ. ЖМЖБ также в основном воздерживалась от критических публикаций о ситуации в Югославии. С лета 1953 г. в Пекине начали изучать возможность установления отношений с Белградом[382].

В июне 1954 г. советское руководство сообщило Пекину о первом письме в адрес ЦК СКЮ и в дальнейшем регулярно информировало о продолжавшейся переписке. В ноябре того же года на торжественном банкете в Москве в честь годовщины Октябрьской революции посол КНР в Советском Союзе Чжан Вэньтянь, сидевший за одним столом с высшим советским руководством, оказался свидетелем разговора Хрущева и Маленкова с послом ФНРЮ Д. Видичем[383], однако историкам до сих пор неизвестно, что он сообщил об этом в Пекин.

На фоне развития советско-югославских связей Белград по различным каналам неоднократно демонстрировал Пекину желание установить дипломатические отношения

---

[381] Согласно воспоминаниям Ши Чжэ, в то время между Китаем и Югославией не были установлены дипломатические отношения, поэтому Китай не пригласил на прощальный банкет представителей ФНРЮ. Присутствующие были удивлены, когда Сталин внезапно упомянул Югославию в этом контексте. *师哲.* 在历史巨人旁边. 北京: 九州出版社, 2015. С. 335. [*Ши Чжэ*. Рядом с гигантом истории. Пекин: Издательств Цзючжоу].

[382] В июне 1953 г., когда посол Китая в Венгрии получил вербальную ноту о назначении югославского посла, он запросил инструкции у Министерства иностранных дел Китая о том, как реагировать. МИД выразил «согласие оставить ноту югославского посольства без внимания», однако начальник отдела СССР и Восточной Европы МИД КНР Сюй Ишинь (徐以新) наложил на эту телеграмму резолюцию: «В связи с изменением советско-югославских отношений, необходимо в ближайшее время всесторонне изучить отношения с Югославией». Впоследствии послы Китая в Индии и Болгарии последовательно запрашивали указания у центрального руководства по вопросу китайско-югославских отношений. Подробнее см. *张勉励.* 中国与南斯拉夫建交始末. С. 96–97. [*Чжан Мяньли.* Начало и установление дипломатических отношений между Китаем и Югославией].

[383] *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. С. 420–421.

между КНР и ФНРЮ. Желание Белграда совпало с планами руководства Китая и встретило положительный отклик у Мао Цзэдуна[384]. На этом фоне важную роль в подготовке Пекина и Белграда к установлению дипломатических отношений сыграли контакты в Москве китайских дипломатов с югославским послом Видичем, согласованные послом КНР Чжан Вэнтянем с В.М. Молотовым. Посол также регулярно информировал Пекин о развитии советско-югославских связей осенью 1954 г.[385] 23 октября он сообщил Видичу о решении правительства КНР установить дипломатические отношения с ФНРЮ[386]. Официально они были оформлены 2 января 1955 г., а 26 мая к своим обязанностям в Белграде приступил первый посол КНР в Югославии У Сюцюань, после чего между двумя странами развернулся интенсивный обмен делегациями.

Причины столь длительной задержки в налаживании китайско-югославских связей неоднократно обсуждались после января 1955 г., но разъяснения лидера Китая были противоречивы. 30 июня 1955 г. в беседе с В. Поповичем, назначенным послом ФНРЮ в КНР, Мао Цзэдун упомянул о желании руководства Китая вслед за СССР «наладить отношения» с югославами: «Мы считали, что будет лучше, если мы установим хорошие отношения с вами после того, как это сделает Советский Союз»[387]. В сентябре 1956 г. Мао Цзэдун вновь вернулся к этой теме, вспоминая октябрь 1949 г., заявил Й. Веселинову, руководителю делегации СКЮ на VIII съезде КПК: «Вы признали нас, но мы не ответили, хотя и не выступили против. Разумеется, мы не могли и не должны были выступать против, да и не было причин. <...> Была и другая причина: советские товарищи не желали, чтобы мы установили с вами дипломатические отношения. <...> Когда Советский Союз выразил такое мнение, нам было сложно с ним не согласиться. В то время некоторые

---

[384] 中华人民共和国外交史 1949–1956 / 裴坚章主编. 北京: 世界知识出版社, 1994. С. 74. [История внешней политики КНР (1949–1956 гг.) / Под ред. Пэй Цзяньчжана. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

[385] Согласно воспоминаниям У Сюцюаня ЦК КПСС направил в Китай специального представителя Международного отдела ЦК. Мао Цзэдун лично принял его, а У Сюцюань выступал в качестве переводчика. Представитель КПСС изложил КПК позицию Москвы по вопросу восстановления и улучшения отношений между СССР и Югославией, а также объяснили уже предпринятые действия. По его словам, ЦК КПСС признал, что резолюция Информбюро 1948 г. в отношении Югославии была несправедливой и ошибочной, и что сохранение напряженных отношений с Югославией не служит интересам социалистического лагеря. Мы рекомендовали всем братским странам восстановить нормальные отношения с Югославией и, в целях координации действий между братскими партиями, предложили Китаю предпринять аналогичные шаги. После встречи Мао Цзэдун обсудил предложение КПСС с Чжоу Эньлаем и другими товарищами, сочтя его разумным. После обсуждения и одобрения Политбюро, правительство Китая приняло решение об установлении дипломатических отношений с Югославией. Подробнее см. *伍修权*. 回忆与怀念. С. 294. [У Сюцюань. Воспоминания и размышления].

[386] 1954年10月27日张闻天关于会见莫洛托夫及南斯拉夫大使情况致外交部并报周恩来和中央的电报 // 解密外交文献. С. 574–575. [27 октября 1954 г. Телеграмма Чжан Вэньтяня в МИД о переговорах по установлению китайско-югославских дипломатических отношений с В. Молотовым и послом Югославии; копия направлена премьеру Чжоу Эньлаю и ЦК КПК // Рассекреченные дипломатические документы].

[387] 毛泽东外交文选 / 中华人民共和国外交部、中共中央文献教研室. 北京: 中央文献出版社、世界知识出版社, 1994. С. 214–215. [Сборник материалов о дипломатической деятельности Мао Цзэдуна / Министерство иностранных дел КНР, Отдел документации ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство, Издательство «Знания о мире»].

говорили, что в мире есть два Тито – один в Югославии, другой – в Китае»[388].

Пекин поддержал и планы Хрущева по дальнейшей нормализации отношений с Белградом. Китайская печать без задержек сообщила о предстоящем визите в Югославию советской делегации на высшем уровне. 18-го[389] и 19-го[390] мая ЖМЖБ перепечатала выдержки из статей югославских газет «Политика» и «Борба», а также советской газеты «Правда», содержавших оценку важности встречи лидеров СССР и ФНРЮ. Аналогичную оценку о встрече высказал Мао Цзэдун, назвав ее «значительным вкладом в дело мира во всем мире и прогресса человечества»[391]. 4 июня ЖМЖБ перепечатала выдержки[392] из передовой статьи в «Правде» с высокой оценкой правительственной декларации между СССР и Югославией. В редакционной статье ЖМЖБ от 5 июня «Важное событие в международных отношениях» советский визит и прошедшие переговоры были названы «крупным достижением политики Советского Союза» и «конкретным проявлением настойчивых стараний правительства Югославии содействовать миру и международному сотрудничеству»[393]. В дальнейшем ЖМЖБ регулярно освещала важные двусторонние мероприятия и сотрудничества между СССР и Югославией в областях политики, экономики, культуры.

20 августа 1955 г. ЦК КПК в ответ на послание Хрущева об итогах советско-югославских переговоров[394] сообщил о «согласии с точкой зрения, изложенной в письме ЦК КПСС к ЦК СКЮ», и «всецелой поддержке терпеливой политики привлечения, принятую ЦК КПСС в отношении СКЮ». Он также заверило, что «КПК вместе со всеми братскими партиями, также будет использовать все возможности для осуществления этой работы, имеющей огромное значение для международного коммунистического движения»[395].

В мае 1956 г. заместитель главы МИД КНР Чжан Вэньтянь на совещании в Пекине послов КНР в странах советского блока, оговорившись, что высказывает свою личную

---

388 Там же. С. 252.

389 南外交秘书发言人谈苏南会谈问题 // 人民日报. 18.05.1955. С. 4. [Пресс-секретарь МИД Югославии рассказал о советско-югославских переговорах // Жэньминь Жибао].

390 “真理报”发表社论评苏南会谈问题 // 人民日报. 19.05.1955. С. 4. [«Правда» опубликовала передовую статью с оценкой советско-югославских переговоров // Жэньминь Жибао].

391 *伍修权.* 回忆与怀念. С. 299. [*У Сюцюань*. Воспоминания и размышления].

392 “真理报”发表社论评论苏南两国政府宣言 // 人民日报. 04.06.1955. С. 4. [«Правда» опубликовала передовую статью с комментарием к совместной декларации правительств СССР и Югославии» // Жэньминь жибао].

393 国际关系中的一个重大事件 // 人民日报. 05.06.1955. С. 1. [Важное событие в международных отношениях // Жэньминь жибао].

394 7 июля 1955 г. ЦК КПСС направил письмо в ЦК КПК, приложив к нему письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС, а также ответное письмо ЦК КПСС для ЦК СКЮ.

395 毛泽东年谱（第五卷）/ 中共中央党史和文献研究院编. 北京: 中央文献出版社, 2023. С. 420. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. V / Сост. Институт по изучению партийной истории и документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].

точку зрения о международной обстановке и проблемах в отношениях СССР со странами Восточной Европы, предложил новое толкование вопроса о советско-югославских связях, назвав их нормализацию «смелым и дальновидным» шагом, подчеркнув целесообразность использования контактов СКЮ с социал-демократическими партиями. «Если некоторые социалистические государства пригласят Югославию на свои совещания, нам не следует придавать этому чрезмерное значение и можно принять в них участие»[396], – уточнил он.

В 1956 г. Китай и Югославия продолжили успешное развитие двусторонних связей, обменявшись 31 официальной делегацией (19 – китайских и 12 – югославских). В рамках «Протокола о культурном сотрудничестве между Китаем и Югославией в 1956 г.» было проведено 23 культурных мероприятия с участием 158 исполнителей[397]. По оценке составителей доклада «Некоторые особенности внешних связей Югославии и наши предложения» Консульского управления МИД КНР от 23 февраля 1957 г. «за время чуть более года после установления дипломатических отношений дружественное сотрудничество между двумя странами быстро развивалось в политической, экономической и культурной областях»[398]. Важной его особенностью стало направление в Югославию китайских студентов, аспирантов и стажеров, многие из которых (Мао Шаоин, Ян Дачжоу, Ван Лиминь и У Шикан и др.) стали впоследствии крупными экспертами в КНР по различным сферам жизни в Югославии.

Осложнение отношений между КПК и КПСС, произошедшее после доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», в последний день XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. на первых порах не сказалось на отношениях Пекина и Белграда. В статье, подготовленной по поручению Мао Цзэдуна его секретарем Чэнь Бода с целью разъяснения позиции КПК «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», с одной стороны, признавалась важная историческая роль руководителей Советского Союза, а с другой, – указывалось на серьезные ошибки, допущенные Сталиным по ряду вопросов, «в особенности ошибочного решения по югославскому вопросу»[399]. Однако к осени 1956 г. ситуация изменилась. 15 ноября 1956 г. Мао Цзэдун на II пленуме ЦК КПК 8-го созыва высказал знаменитую метафору о «двух ножах» (или о «двух мечах») применительно к докладу Хрущева «О культе личности и его последствиях», ставшую в дельнейшем основой советско-китайского раскола. Лидер Китая считал, что один из этих двух ножей

---

[396] 张闻天年谱（下） / 张培森主编. 北京: 中共党史出版社, 2010. С. 717–718. [Биографическая хроника Чжан Вэньтяня. Т. II / Под ред. Чжан Пэйсэня. Пекин: Издательство партийной истории КПК].

[397] Данные из отчета «Основные факты о положении в Югославии и китайско-югославские отношения в 1956 году», цитируемые в книге «воспоминания У Сюцюаня».

[398] 伍修权传 / «伍修权传»编写组著. 北京: 当代中国出版社, 2016. С. 186. [Биография У Сюцюаня / Группа авторов «Биографии У Сюцюаня». Пекин: Издательство «Современный Китай»].

[399] 人民日报编辑部. 关于无产阶级专政的历史及经验 // 人民日报. 05.04.1956. С. 1. [Редакция газеты «Жэньминь жибао». О истории и опыте диктатуры пролетариата // Жэньминь жибао].

принадлежал Ленину, другой – Сталину. «Теперь нож Сталина Хрущев выбросил», а Тито подобрал его, чтобы нанести удар и развернуть масштабную критику Сталина. Мао заметил, что Китай «не выбросил этот нож и наша позиция заключается в следующем: во-первых, защищать Сталина; во-вторых, критиковать Сталина»[400].

Несмотря на проявившиеся разногласия по поводу роли Сталина, оценка в Китае советской политики в отношении Югославии оставалась в целом положительной. Как в печатных СМИ, так и в официальных выступлениях китайское руководство неизменно положительно оценивало восстановление советско-югославских связей в рамках укрепления единства социалистического лагеря.

В китайских СМИ был отражен ответный визит Й. Броза-Тито в Советский Союз. ЖМЖБ перепечатала полный текст совместных заявлений и деклараций[401], подписанных правительствами и партиями двух стран, а 22 июня разместила редакционную статью, в которой отношения между югославским и советским народами характеризовались как «братские». Редакция считала, что их дальнейшее развитие «не только внесет значительный вклад в дело мира, но и будет способствовать укреплению сплоченности международного рабочего движения»[402]. 28 июня в докладе премьер-министра КНР Чжоу Эньлая на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) первого созыва было указано на важность нормализации советско-югославских отношений, имеющих «огромное значение не только для всего социалистического дела, но и для дела мира»[403].

События в Польше и Венгрии в 1956 г. привели к возобновлению полемики между Москвой и Белградом, что способствовало углублению разногласий между Пекином и Москвой. СКЮ считал, что причиной событий в Польше и Венгрии был «сталинизм» и «социальный режим», сложившийся при участии Советского Союза. В Пекине внимательно следили за этой критикой сталинизма и ситуации в социалистическом лагере. 2 ноября правительство КНР выступило с заявлением относительно Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г., признав, что этот документ является «правильным» и имеет «важное значение для исправления ошибок во взаимоотношениях

---

400 毛泽东选集（第五卷）. 北京: 人民出版社, 1977. С. 321–322. [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. V. Пекин: Народное издательство].

401 苏联和南斯拉夫两国政府发表联合声明 // 人民日报. 21.06.1956. С. 1. [СССР и Югославия опубликовали совместную декларацию // Жэньминь жибао]; 关于南斯拉夫共产主义者联盟和苏联共产党之间的关系的宣言 // 人民日报. 22.06.1956. С. 1. [Декларация о взаимоотношениях между СКЮ и КПСС // Жэньминь жибао].

402 苏南会谈的巨大成果 // 人民日报. 22.06.1956. С. 1. [Великие достижения советско-югославских переговоров // Жэньминь жибао].

403 周恩来总理兼外交部长关于目前国际形势、我国外交政策和解放台湾问题的发言 // 人民日报. 29.06.1956. С. 1. [Выступление премьер-министра и министра иностранных дел Чжоу Эньлая о текущей международной ситуации, внешней политике Китая и вопросе освобождения Тайваня // Жэньминь жибао].

между социалистическими странами и для укрепления их единства». Вместе с тем в заявлении подчеркивалось, что взаимоотношения между социалистическими странами должны строиться на основе пяти принципов мирного сосуществования, при одновременном противодействии буржуазному и великодержавному шовинизму. События в Югославии 1948–1949 гг. и в Польше интерпретировались в документе как следствие разногласий, недопонимания и ошибок во взаимоотношениях между социалистическими государствами[404].

Выступление Тито в Пуле 11 ноября 1956 г. и его последующая публичная критика в газете «Правда» от 19 ноября[405] привлекли внимание Пекина и побудили Мао Цзэдуна 24 ноября созвать расширенное заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК специально для обсуждения этого выступления[406]. 30 ноября, во время встречи Мао Цзэдуна с советским послом П.Ф. Юдиным, посвященной позиции Тито и предстоящему визиту Чжоу Эньлая в Советский Союз, китайский лидер определенно заявил, что «основные положения выступления» Тито «не способствуют укреплению единства социалистических стран, а наоборот, подрывают это единство и не служат интересам социализма, а выгодны империализму <…>»[407].

В отличие от Москвы, только критиковавшей выступление Тито в Пуле в советской печати, не опубликовав его, в Китае, хотя и с задержкой, текст выступления был опубликован: 11 декабря 1956 г. ЖМЖБ опубликовала выдержки из него и реакцию компартий различных стран[408], а на следующий день – уже полный текст[409]. 13 декабря ЖМЖБ перепечатала опубликованную в «Правде» 23 ноября 1956 г. редакционную статью «За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов», как ответ на выступление Тито в Пуле[410]. 24 декабря в ЖМЖБ была перепечатана первая часть выступления Э. Карделя в Скупщине, в котором югославский теоретик подверг критике политическую систему Венгрии и вооруженное вмешательство

---

404 中华人民共和国政府关于苏联政府1956十月三十日宣言的声明 // 人民日报. 02.11.1956. С. 1. [Заявление правительства КНР по поводу декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г. // Жэньминь жибао].

405 Выступление Иосипа Броз Тито в Пуле // Правда. 1956. 19 ноября. № 324 (13987). С. 3.

406 毛泽东年谱（第六卷）/ 中共中央党史和文献研究院编. 北京: 中央文献出版社, 2023. С. 36. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VI / Институт по изучению партийной истории и документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].

407 Там же. С. 39.

408 铁托同志在普拉发表的演说和各国共产党的反应 // 人民日报. 11.12.1956. С. 5. [Выступление Тито в Пуле и соответствующие комментарии коммунистических партий разных стран // Жэньминь жибао].

409 铁托同志在普拉发表的演说全文 // 人民日报. 12.12.1956. С. 6, 7. [Полный текст выступления товарища Тито в Пуле // Жэньминь жибао].

410 争取社会主义力量在马克思主义原则基础上进一步团结起来 // 人民日报. 13.12.1956. С. 6. [За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов // Жэньминь жибао].

Советского Союза в эту страну[411]. 25-го декабря 1956 г. ЖМЖБ перепечатала опубликованную в «Правде» от 18 декабря статью Ю. Павлова с комментариями к выступлению Карделя[412]. Ситуация в Польше и Венгрии, а также позиция руководства Югославии в течение нескольких недель оставались темой заседаний Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, созванных Мао Цзэдуном. Их итогом стала публикация 29 декабря в ЖМЖБ статьи «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». В ней отмечалось, что Китай, понимая и признавая правильность югославских взглядов по ряду международных вопросов, вместе с тем критиковал Белград за чрезмерные нападки на другие социалистические страны, за использование терминов «сталинизм» и «сталинисты», а также за неправильную позицию по венгерскому вопросу. Такой подход, по мнению авторов статьи, нарушал принципы товарищеской дискуссии и мог привести к расколу коммунистического движения. В целом же оценка статьи была неконфронтационной: «Товарищ Тито и другие руководящие товарищи СКЮ в своих последних выступлениях заняли, на наш взгляд, не всестороннюю и не объективную позицию в отношении ошибок Сталина и связанных с ними других вопросов. <...> В интересах единства международного коммунистического движения, и чтобы не создавать условий для врагов, стремящихся внести раскол в наши ряды, мы вынуждены обратиться к югославским товарищам с братским советом»[413]. Таким образом, отношение КПК к СКЮ, хотя и содержало критику, было в рамках готовности к дальнейшему взаимодействию и консультациям.

В январе 1957 г. Чжоу Эньлай совершил серию визитов в Советский Союз (7–10 января, 17–19 января), Польшу и Венгрию, чтобы помочь ослабить противоречия внутри социалистического лагеря. Согласно архивным документам, опубликованным в Польше, 11 января 1957 г. во время первой встречи с В. Гомулкой Чжоу дал характеристику советско-югославским отношениям: «несмотря на многие ошибки КПСС, мы должны видеть необходимость совместной борьбы против империализма и фашизма. Сталин совершил много ошибок, например, в отношении роспуска компартии Польши, а также в отношении Югославии <...>»[414].

---

411 卡德尔同志谈匈牙利问题 — 十二月七日在南斯拉夫联邦国民议会上的演说的第一部分 // 人民日报. 24.12.1956. С. 6. [Товарищ Кардель о Венгерском вопросе – первая часть речи 7 декабря в Народном собрании югославской федерации // Жэньминь жибао].

412 这对谁有利? // 人民日报. 25.12.1956. С. 6. [Кому это выгодно? // Жэньминь жибао].

413 人民日报编辑部. 再论无产阶级专政的历史经验 // 人民日报. 29.12.1956. С. 1. [Редакция газеты «Жэньминь жибао». Снова о историческом опыте диктатуры пролетариата // Жэньминь жибао].

414 关于 1957 年 1 月周恩来出访苏、波、匈三国的档案文献 // 冷战国际史研究. 7 / 李丹慧主编. 北京: 世界知识出版社, 2008. С. 359–360. [Избранное документы о поездке Чжоу Эньлая в СССР, Польшу и Венгрию в январе 1957 г. // Изучение истории холодной войны. Т. VII / Под ред. Ли Даньхуй. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

В начале 1957 г. Югославию посетила делегация ВСНП и горсовета Пекина во главе с мэром столицы и одним из высших политических руководителей КПК Пэн Чжэнем. 18 января, воспользовавшись ее пребыванием в Белграде и после консультаций в Москве с советской стороной, Чжоу Эньлай[415] направил в Белград (из посольства КНР в СССР) телеграмму Пэн Чжэню. Ему поручалось передать Тито предложение Пекина о совместной инициативе КПК и СКЮ по созыву конференции представителей компартий разных стран для обсуждения и координации деятельности мирового коммунистического движения[416]. Расчет Пекина строился на том, что подобный шаг окажется более эффективным, чем усилия Москвы по сплочению коммунистического движения на фоне понесенных КПСС репутационных потерь[417].

В 1957 г. по случаю празднования 40-летия Октябрьской революции в Москве было проведено совещание коммунистических и рабочих партий со всех континентов мира. По его завершении представители СКЮ подписали «Манифест мира», однако отказались от участия в совещании лидеров социалистических стран и подписания принятой на нем Декларации. Еще на этапе подготовки форум, руководство СКЮ выразило несогласие с тезисами будущего документа о разделении мира на два лагеря – империалистический и социалистический, – и с идеей о том, что социалистический лагерь должен возглавляться руководством СССР и КПСС. В одном из выступлений в Москве Мао Цзэдун выразил понимание позиции СКЮ, заметив, что «мы же не можем навязывать людям, если югославская сторона не желает подписывать документ, пусть не подписывает. Я думаю, что через ряд лет югославские товарищи подпишутся под новой Декларацией»[418]. Вечером 19 ноября Мао Цзэдун в беседе с руководителем югославской делегации Э. Карделем выразил удовлетворение тем, что они, как и делегаты 64-х коммунистических партий, подписали «Манифест мира», повторив сказанное им ранее на совещании в

---

[415] 费德林与周恩来谈话备忘录: 中共将与铁托商谈召开兄弟党会议 (1957 年 1 月 19 日) // 俄罗斯解密档案选编: 中苏关系. 第七卷 / 沈志华主编. 上海: 东方出版中心, 2015. С. 153. [Протокол разговора Федерлина с Чжоу Эньлаем: КПК обсудит с Тито созыв совещания братских партий (19 января 1957 г.) // Избранные рассекреченные российские документы по китайско-советским отношениям. Т. VII / Под ред. Шэнь Чжихуа. Шанхай: Восточный издательский центр].

[416] 周恩来年谱 1949–1976（中卷）/ 中共中央文献研究室编. 北京: 中央文献出版社, 1997. С. 13. [Биографическая хроник Чжоу Эньлая (1949–1976 гг.) Т. II / Сост. Центр по изучению документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].

[417] Впоследствии очевидец событий У прокомментировал это так: «репутация КПСС в то время была очень плохой, и мало какие партии прислушивались к ее словам, поэтому лучшим вариантом была бы инициатива, исходящая от КПК и югославской партии» См.: *伍修权*. 回忆与怀念. С. 310. [*У Сюцюань*. Воспоминания и размышления].

[418] 毛泽东文集（第七卷）/ 中共中央文献研究室编. 北京: 中央文献出版社, 1997. С. 330 [Произведения Мао Цзэдуна. Т. VII / Центр по изучению документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство]; Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноября 1957 г.): документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина; сост.: Л.А. Величанская (отв. сост.), А.С. Стыкалин // Документы и материалы встречи и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М.: РОССПЭН, 2013. С. 571.

отношении югославов[419].

На состоявшейся после завершения конференции встрече Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева была достигнута устная договоренность и в дальнейшем воздерживаться от публичной критики других партий. Мао Цзэдун предложил разрешать все возникающие между партиями разногласия путем консультаций между ними. Лидер Китая подчеркнул, что публичная критика одной партией другой не дает положительных результатов, и предложил не придавать гласности внутренние разногласия, не критиковать публично другую партию в печатных изданиях. Хрущев выразил свое согласие с этим предложением[420].

После отказа югославской делегации подписать «Московскую декларацию» правящих партий советского блока произошло постепенное ухудшение отношений между СССР и Югославией, и развернулась новая волна политической критики СКЮ. Руководство Китая продолжило напоминать о значимости классовой борьбы внутри страны и развернуло бескомпромиссную борьбу против ревизионизма на международной арене[421].

В апреле 1958 г. перед началом VII съезда СКЮ Москва, ознакомившись с проектом новой программы СКЮ, оценила ее отрицательно, после чего поделилась своим мнением об этом с руководством правящих партий в странах советского лагеря. Советская оценка проекта новой программы СКЮ была письменно доведена до Пекина. 4, 5, 9, 12, 15, 17 апреля посол СССР в Пекине П.Ф. Юдин во время встреч с китайскими руководителями довел до их сведения мнение Москвы, что многие положения югославского проекта являются немарксистскими. Во время его приема Мао Цзедуном 5 апреля китайский лидер заявил о согласии с позицией Москвы, пообещав, что «Политбюро ЦК КПК, несомненно, поддержит решение ЦК КПСС не направлять делегацию в Югославию и согласится с оценкой проекта программы СКЮ, данной советскими товарищами». 8 апреля ЦК КПК направил ответное послание ЦК КПСС, в котором отмечалось, что проект

---

419 毛泽东年谱（第六卷）. С. 255. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VI]. В опубликованных в 2014 г. мемуарах У Лэнси дополнил картину, добавив, что Мао объяснил причину отказа СКЮ подписать документ памятью о давлении Коминформа и потребностью Югославии в западной экономической помощи. «Поскольку Коминформ, организованный Сталиным, подверг критике КПЮ, включая товарища Тито, им пришлось обратиться к Западу за займами и помощью США для осуществления внутреннего строительства. Экономическая и военная помощь Запада составляла значительную долю в Югославии, поэтому их партия не могла подписать декларацию, осуждающую американский империализм». *吴冷西.* 十年论战 1956–1966: 中苏关系回忆录. 北京: 中央文献出版社, 2014. С. 79. [*У Лэнси.* Десять лет полемики (1956–1966 гг.): воспоминания о китайско-советских отношениях. Пекин: Центральное литературное издательство].

420 *阎明复.* 亲历中苏关系: 中央办公厅翻译组的十年: 1957–1966. 北京: 北京人民大学出版社, 2015. С. 100–101. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений: десять лет в работе группы переводчиков Канцелярии ЦК КПК. 1957–1966 гг. Пекин: Издательство Пекинского народного университета].

421 *伍修权.* 回忆与怀念. С. 316. [*У Сюцюань.* Воспоминания и размышления].

программы «противоречит многим основным принципам марксизма-ленинизма» и направлен на «распространение их ревизионистской теории во всем мире». В документе подтверждалось, что, согласившись с мнением советских коллег, КПК «приняла решение о согласованных действиях, скорректировала свои планы и решила отказаться направить делегацию на VII съезд СКЮ, а ограничиться присутствием наблюдателей»[422]. Позже во время бесед с Лю Шаоци, Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем посол П.Ф. Юдин напоминал, что проект программы СКЮ противоречит «Московской декларации». Согласившись с советским подходом, китайское руководство и ЦК КПК тем самым заняли единую с КПСС позицию[423]. Это продемонстрировала и публикация в газете ЖМЖБ 22 апреля, в день открытия VII съезда СКЮ, полного текста статьи «О проекте программы СКЮ»[424], вышедшей за несколько дней до этого в Москве в журнале «Коммунист». Во время съезда, когда в выступлении А. Ранковича прозвучали тезисы, воспринятые как вмешательство во внутрипартийные дела социалистических стран, послы Китая и СССР синхронно покинули зал заседаний в знак протеста[425].

28 апреля посол КНР в Югославии У Сюцюань получил телеграмму, подписанную Пэн Чжэнем, требующую его немедленного возвращения в Китай. В Пекине он подвергся критике за значительное расхождения во взглядах с позицией ЦК КПК в отношении проекта программы СКЮ и получил предложение выступить с самокритикой на второй сессии VIII съезда КПК. Можно согласиться с высказанным в мемуарах У Сюцюаня мнением, что его отзыв ознаменовал поворот в китайско-югославских отношениях, начатый с понижения уровня дипломатических отношений до поверенного в делах[426].

Критика Китаем программы СКЮ была продолжена и после окончания работы съезда югославских коммунистов[427]. 4 мая 1958 г. во время выступления на митинге, посвященном 140-й годовщине со дня рождения К. Маркса, ректор ВПШ при ЦК КПК Ян Сяньчжэнь заявил, что «программа СКЮ является откровенно ревизионистской и полностью противоречит марксизму-ленинизму, идет вразрез с Московской декларацией»[428]. 5 мая ЖМЖБ, также отмечая юбилей Маркса, опубликовала передовую

---

422 *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 104–106. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

423 Подробнее см. 俄罗斯解密档案选编: 中苏关系. 第八卷 / 沈志华主编. 上海: 东方出版中心. 2015. С. 13–40. [Избранные рассекреченные документы России по китайско-советским отношениям. Т. VIII / Под ред. Шэнь Чжихуа. Шанхай: Восточный издательский центр]; *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 97–114. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

424 评南斯拉夫共产主义者联盟纲领草案 // 人民日报. 22.04.1958. С. 5, 6. [О проекта Программы СКЮ // Жэньминь жибао].

425 *伍修权.* 回忆与怀念. С. 314. [*У Сюцюань.* Воспоминания и размышления].

426 Там же. С. 317.

427 *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 110–113. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

428 捍卫马列主义，粉碎现代修正主义 // 人民日报. 05.05.1958. С. 1. [Защищать марксизм-ленинизм, разгромить современный ревизионизм // Жэньминь жибао].

статью «Необходимость критики современного ревизионизма», назвав новый главный документ СКЮ «антимарксистско-антиленинской, насквозь ревизионистской программой»[429]. Доклад Ян Сяньчжэня и редакционная статья в ЖМЖБ официально ознаменовали начало собственной самостоятельной критики КПК югославского ревизионизма. Вслед за этим, на второй сессии VIII всекитайского съезда КПК емкая оценка советско-югославских отношений была дана в докладе Дэн Сяопина: «В 1948 г. критика в резолюции Информбюро в отношении отхода КПЮ от принципов марксизма-ленинизма и перехода на ошибочный путь буржуазного национализма была в основном правильной и необходимой, однако в методах решения этого вопроса в то время были недостатки и ошибки. Наша партия тогда согласилась и поддержала эту критику. Вторая резолюция Информбюро, принятая в 1949 г., была ошибочной, и коммунистические партии, участвовавшие в заседании Информбюро, впоследствии отменили эту резолюцию». В оценке развития отношений Москвы и Белграда в середине 1950-х гг. было записано: «С 1954 г. ЦК КПСС во главе с товарищем Хрущевым инициировал улучшение отношений с Югославией и принял для этого ряд мер, что было совершенно необходимо и правильно». В отношении руководителей СКЮ подчеркивалось, что они «никогда не осознавали своих ошибок и не проводили никакой самокритики». В заключении съезд КПК согласился с решением своего ЦК не направлять делегацию на съезд СКЮ, ограничившись участием наблюдателей. Съезд также признал «необходимость решительной борьбы с современным ревизионизмом, появившимся в международном коммунистическом движении», призвав «вместе с братскими партиями других стран политически и теоретически полностью разгромить современный ревизионизм, защитить марксизм-ленинизм и единство международного коммунистического движения на идеологической основе марксизма-ленинизма»[430]. В докладе Лю Шаоци от имени ЦК КПК также была подвергнута критике внешнеполитическая линия югославского руководства, охарактеризованная как «антимарксистская и антиленинская, ревизионистская деятельность Тито»[431].

В Пекине положительно оценивали подход советских руководителей к критике Белграда. 15 мая в директиве Дэн Сяопину относительно письма ЦК КПСС к ЦК СКЮ от 9 мая Мао Цзэдун назвал его «хорошим документом, полностью соответствующим

---

[429] 现代修正主义必须批判 // 人民日报. 05.05.1958. С. 1. [Необходимость критики современного ревизионизма // Жэньминь жибао].

[430] 中共八大关于莫斯科举行的各国共产党和工人党代表会议决议 // CNTV. [Резолюция VIII съезда КПК о совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве // CNTV]. 12.08.2012. URL: https://news.cntv.cn/china/20120831/105245.shtml (дата обращения. 28.04.2026).

[431] *刘少奇*. 中国共产党中央委员会向第八届全国代表大会第二次会议的工作报告. 北京: 人民出版社, 1958. С. 6. [*Лю Шаоци.* Отчетный доклад о работе ЦК КПК 2-й сессии VIII всекитайского съезда партии. Пекин: Народное издательство].

нашему подходу. Они прозрели и заняли твердую позицию»[432]. Эти слова указывали на то, что формулировку Москвы начала апреля (письмо ЦК КПСС от 3 апреля в адрес ЦК КПК), оценивавшую проект программы СКЮ как документ «близкий к современному ревизионизму и мелкобуржуазному национализму», Мао посчитал слишком мягкой, а более жесткую критику из письма Н.С. Хрущева от 9 мая к ЦК СКЮ воспринял с удовлетворением[433]. Такая позиция КПК нашла отражение в статье кандидата в члены Политбюро ЦК КПК Чэнь Бода в журнале «Хунци»[434] (№ 1 за 1958 г.), в которой югославский ревизионизм был назван «порождением империалистической политики», а Й. Броз-Тито – «продуктом политики современных империалистов». Реанимируя антиюгославскую риторику конца 1940-х гг., Чэнь Бода заявил, что «ревизионизм клики Тито – это не случайность, а продукт американского империализма – чрезвычайно злейшего врага народов всего мира»[435].

В начале июня Отделом международных связей ЦК КПК была подготовлена и направлена в ЦК КПК докладная записка «Об отношениях Китая с Югославией» (переслана из Пекина посольству КНР в СФРЮ и получена 10 июня). Состояние отношений с Югославией в документе было определено как «имеющая чрезвычайно важное значение для международного коммунистического движения политическая и теоретическая борьба КПК с югославским руководством». «Для поддержки этой борьбы, – указывалось в документе, – мы должны проводить политику ограниченного взаимодействия (冷淡的方针) с Югославией в международных делах». В документе предлагалось «придерживаться в отношении Югославии тех же принципов, как и в отношениях с капиталистическими странами»: «лишить югославское посольство в Китае привилегий, которыми пользуются посольства братских стран», «в отношении обмена визитами между двумя странами придерживаться принципа принимать, но не отправлять», «при контактах с югославскими представителями не использовать обращение товарищ»[436].

Югославская тема была одним из четырех вопросов в беседе Мао Цзедуна и посла СССР в КНР П.Ф. Юдина 21 июля 1958 г., запрошенной послом по поручению Президиума ЦК КПСС. Юдин, транслируя мнение советского руководства, отметил, что: «критика югославского ревизионизма должна продолжаться и не может быть прекращена». В ответ Мао высказал мнение о необходимости «придерживаться курса,

---

[432] 毛泽东年谱（第六卷）. С. 350. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VI].

[433] *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 111. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

[434] Решение об учреждении теоретического журнала КПК «Хунци» было принято 25 мая 1958 г. по инициативе Мао Цзэдуна, на пятом пленуму КПК.

[435] *陈伯达.* 南斯拉夫修正主义是帝国主义政策的产物 // 红旗. 1958. № 1. С. 11–18. [*Чэнь Бода.* Югославский ревизионизм – порождение империалистической политики // Хунци].

[436] 伍修权传. С. 192. [Биография У Сюцюаня].

сочетающего борьбу и сохранение единства. В идеологическом плане мы критикуем их ошибки, но в межгосударственных отношениях мы все же должны сохранять дипломатические отношения, не следует их разрывать. В настоящее время отношения могут быть прохладными, но это не может продолжаться долго, нам все равно нужно искать способы постепенного их улучшения»[437].

В совместном коммюнике по итогам визита Н.С. Хрущева в Китай (31 июля – 3 августа 1958 г.) стороны вновь подвергли критике ревизионистские действия СКЮ, заявив, что «КПК и КПСС будут, не щадя сил бороться за это священное единство, за чистоту марксизма-ленинизма, за принципы «Московской декларации» коммунистических и рабочих партий, против главной опасности в коммунистическом движении – ревизионизма, ярко проявляющегося в программе СКЮ»[438]. В подготовленном в октябре 1958 г. посольством КНР в Москве аналитическом докладе о положении в Советском Союзе было признано, что Советский Союз продолжает борьбу с ревизионистским курсом СКЮ, однако делает это в рамках политики, направленной на недопущение эскалации существующего конфликта и ухудшения двусторонних отношений[439]. На сдержанность Москвы по сравнению с Пекином в критике югославов указывали и другие китайские очевидцы событий этого года. Так, Янь Минфу, отметил, что с мая по август 1958 г. КПК организовала публикацию ряда комментариев и статей за подписью различных авторов с критикой программы СКЮ. Эти материалы не только превосходили по количеству аналогичные публикации в Советском Союзе, но и были более резкими по формулировкам[440]. Расхождение в подходах Пекина и Москвы вскоре было отмечено югославским руководством и нашло отражение в выступлении Й. Броза-Тито 23 ноября 1958 г., в замечании, что «стрелы, выпущенные китайцами против югославских ревизионистов, все больше целились в русских»[441].

1.1.4. Югославия в контексте китайско-советской полемики (1960–1968 гг.)

Разногласия между Китаем и СССР по вопросам оценки роли Сталина и дефиниции «истинный социализм», выявившиеся к концу 1950-х гг., сохранились и даже усилились в первые годы следующего десятилетия. Пекин воздерживался от полемики с Москвой, используя критику Югославии в качестве завуалированной формы полемики с СССР. В воспоминаниях главного редактора ЖМЖБ и генерального директора информационного

---

[437] *吴冷西.* 十年论战 1956–1966. С. 102. [*У Лэнси.* Десять лет полемики (1956–1966 гг.)]; *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 112. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

[438] 毛泽东和赫鲁晓夫会谈公报 // 人民日报. 04.08.1958. С. 1. [Коммюнике о встрече Н.С. Хрущева и Мао Цзэдуна // Жэньминь жибао].

[439] 毛泽东年谱（第六卷）. С. 484. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VI].

[440] *阎明复.* 亲历中苏关系. С. 111. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений].

[441] 南苏关系(1939–1973). С. 157, 226. [Югославско-советские отношения (1939–1973 гг.)].

агентства «Синьхуа» У Лэнси имеется фрагмент о прошедшем с 7 по 17 января 1960 г. в Шанхае расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, участники которого уделили значительное внимание серьезному анализу и оценке личности Н.С. Хрущева. В целях укрепления единства МКД и противостояния угрозе раскола, участники заседания посчитали необходимой «всестороннюю критику югославского ревизионизма». Высшее руководство КПК полагало, что такой подход может «помочь КПСС и Хрущеву осознать их ошибки». Суть определенного для этого метода действий заключалась в сочетании «нанесения ударов» (打), под которыми подразумевалась «периодическая критика», так как нельзя критиковать постоянно, и «притяжения» (拉), то есть необходимости «проведения работы с Югославией»[442].

Весной 1960 г. в Китае окончательно оформилась тактика завуалированного обличения советского ревизионизма через критику югославской модели. Пример подобного подхода можно найти в трех публикациях по случаю 90-летия со дня рождения В.И. Ленина в журнале «Хунци» и газете ЖМЖБ: «Да здравствует ленинизм», «Вперед по великому пути Ленина» и «Сплотимся под революционным знаменем Ленина». Среди функционеров КПК эта политика получила метафорическое название «бить по мешку, чтобы попасть в осла» (打麻袋，赶驴子). «Мешком» являлся СКЮ, а «ослом» – КПСС[443].

В Пекине сознавали необходимость освоения фундаментальных знаний о всех видах ревизионизма, от его исторических форм до современных модификаций. В конце 1960 г. для обеспечения информационно-идеологических потребностей полемики по решению высшего руководства КПК Бюро переводов ЦК КПК получило поручение «подбирать и переводить материалы, имеющие отношение к оппортунизму и ревизионизму с целью критики современного ревизионизма»[444]. Для исполнения поручения бюро переводов развернуло мониторинг и сбор необходимых материалов. Одним из первых результатов этой деятельности стало издание закрытой серии публикаций под условным названием «Серые книги» (灰皮书). Реализация тактики «мешка и осла», предполагавшей «использование в качестве мишени Югославии для критики Хрущева»[445], требовала создания системы подбора и перевода большого числа югославских материалов. Для этой цели в Бюро переводов был учрежден отдел (или «кабинет») по переводу и редактированию документации по истории международного коммунистического движения (国际共运史编译室), в котором было создано четыре рабочие группы, одна из

---

442 *吴冷西.* 十年论战 1956–1966. С. 159. [*У Лэнси.* Десять лет полемики1956–1966].

443 灰皮书: 回忆与研究 / 郑异凡主编. 桂林: 漓江出版社, 2015. С. 76. [Серые книги: воспоминания и исследования / Под ред. Чжэн Ифаня. Гуйлинь: Лицзянское издательство].

444 Там же. С. 3.

445 Там же. С. 10.

которых, а именно четвертая, в ходе работы названная «югославская группа», занималась текстами, получаемыми из Белграда. В докладе, направленном из Бюро переводов в Отдел пропаганды ЦК и Секретариат ЦК КПК 16 августа 1961 г., одной из приоритетных задач деятельности Бюро определялся «перевод и систематизация материалов по экономике, политике, идеологии ФНРЮ, а также высказываний Тито, Карделя и других лидеров»[446].

Неизбежно возникшая в таких условиях нехватка специалистов, владеющих сербскохорватским языком, была решена привлечением к работе в Бюро сотрудников-русистов из различных учреждений КНР после дополнительной языковой подготовки, организованной в ВПШ при ЦК КПК в Пекине[447]. Среди первых югославских брошюр, изданных в самом начале 1960-х гг. в переводе на китайский были «Исторический материализм» И. Косановича (1960), «Политическая экономия» М. Беловича (1960–1961, в 3-х томах), «История марксизма» и «Диалектический материализм и исторический материализм» П. Враницкого (1961), «Социализм и война» Э. Карделя (1960). По воспоминаниям Чжан Хуэйцин[448], работа группы была успешной и в 1963–1964 гг. было издано более двадцати книг, среди которых «Новый класс» и «Беседы со Сталиным» М. Джиласа (1963)[449].

Одной из задач «югославской группы» Бюро был поиск необходимых материалов

---

446 Там же. С. 5.

447 Ху Вэньцзянь (胡文建) и Чжун Юньцзюань (钟韵娟) из Бюро переводов ЦК КПК; Лю Хэвэнь (刘赫文), Ли Цзяэнь (李嘉恩), Ли Гуанму (李光谟), Цяо Цзэнжуй (乔增锐), Хань Цзунхэн (韩宗翃), Цзян Вэньжо (江文若) и Хуан Ляпин (黄良平) из Китайского народного университета; Мао Шаоин (毛少英) и Ян Юанькэ (杨元恪) из Отдела международных связей ЦК КПК; Ян Дачжоу (扬达洲), Ли Дайцзюнь (李黛军) и Сюй Чжицзин (徐致敬) из агентства Синьхуа; Ся Шихуа (夏士华) из аппарата Центрального телевидения Китая; Чжан Жуйсян (张瑞祥) из Отдела информационных исследований ЦК КПК; Чэнь Чанъюань (陈长源), Линь Наньцин (林南庆), Ли Синьнань (李鑫南), У Шикан (吴仕康), Чжан Дэсю (张德修), Ван Лиминь (汪丽敏), Сюй Шуньцзюань (徐顺娟) из Института экономики и Института философии АОН Китая; Ю Кайюань (尤开元) из Народного издательства и другие. Подробнее см. 灰皮书: 回忆与研究. С. 76. [Серые книги: воспоминания и исследования].

448 灰皮书: 回忆与研究. С. 27. [Серые книги: воспоминания и исследования].

449 «Реакционные высказывания группы Тито в Югославии по вопросам войны и мира» («南斯拉夫铁托集团关于战争与和平问题的反动言论», 1964), «Реакционные высказывания группы Тито в Югославии о национально-освободительном движении» («南斯拉夫铁托集团关于民族解放运动的反动言论», 1964), «Реакционные высказывания группы Тито о диктатуре пролетариата и классовой борьбе переходного периода» («铁托集团关于无产阶级专政和过渡时期阶级斗争的反动言论», 1964), «Ревизионистские взгляды группы Тито на пролетарскую революцию» («铁托集团关于无产阶级革命的修正主义观点», 1964), «Высказывания о гумманизме группы Тито в Югославии, ревизионистов Второго Интернационала и социалистов» («南斯拉夫铁托集团、第二国际修正主义者和社会党人有关人道主义的言论», 1964), «Избранные высказывания Тито» («铁托言论选», 1963), «Тито в Югославии» («南斯拉夫的铁托», 1963), «Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия» («南斯拉夫社会主义联邦共和国宪法», 1963), «Государственная и социальная структура Югославии» («南斯拉夫国家结构和社会结构», 1963), «Общественное самоуправление в Югославии» («南斯拉夫的社会自治», 1963), «Десятилетие рабочих комитетов» («工人委员会的十年», 1963), «В югославских тюрьмах и концентрационных лагерях» («在南斯拉夫的监狱和集中营里», 1963), «Экономическая политика Югославии» («南斯拉夫的经济政策», 1963), «Коллективная экономика Югославии» («南斯拉夫的集体经济», 1963), «Программа Союза коммунистов Югославии и "обострение" идеологической борьбы» («南共联盟纲领和思想斗争“尖锐化”», 1964).

для подготовки актуальных статей в центральных СМИ Китая. Так, при ее непосредственном участии [450] была написана статья «Является ли Югославия социалистическим государством? – Третий комментарий к открытому письму ЦК КПСС»[451], в котором резко критиковалась позиция Н.С. Хрущева, пересмотревшего отношение к СКЮ, выразившееся в признании Югославии «социалистическим государством», а СКЮ – «братской партией»[452]. В числе успешно выполненных заданий группы значились участие в отборе материалов для книги «Избранные высказывания Тито», составление «Хронологии важнейших событий в Югославии», а также осуществленные в 1964 г. перевод и редактирование отчетного доклада VIII съезду СКЮ «Борьба СКЮ за социалистическую демократию» (1964) и ряд других книг и материалов.

Синхронное ухудшение советско-китайских связей и нормализация отношений СССР и Югославии привели к тому, что в глазах китайского руководства КПСС из лидера социалистического лагеря превратилась «в попутчика югославского ревизионизма». 19 января 1963 г. У Сюйцюань, заместитель заведующего Отделом международных связей ЦК КПК и глава делегации КПК на VI-м съезде Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в Берлине назвал «группировку Тито отрядом диверсантов (别动队) американского империализма, задействованным в проведении контрреволюционной глобальной стратегии»[453]. 27 января ЖМЖБ опубликовала статью «Сплотиться на основе Московской декларации и Московского заявления», в которой, цитируя критические высказывания Н.С. Хрущева 1957 г. о Тито и СКЮ, критиковала поддержку КПСС Югославии на съезде СЕПГ в Берлине. В статье прозвучал призыв к КПСС «придержать коня на самом краю пропасти»[454]. В ответ Тито включил в текст своего выступления на V пленуме ЦК СКЮ обвинения в адрес КПК в догматизме. Ответом Пекина на выпад Тито стала статья обозревателя ЖМЖБ, который отверг претензии Тито и, явно апеллируя к советскому руководству, указал на то, что «некоторые люди без стеснения отказались от общепринятого вывода Декларации 1960 г. о югославском ревизионизме, усердно

---

[450] 灰皮书: 回忆与研究. С. 80. [Серые книги: воспоминания и исследования].

[451] 人民日报编辑部，红旗杂志编辑部. 南斯拉夫是社会主义国家吗？三评苏共中央的公开信 // 人民日报. 26.09.1963. С. 1. [Редакция газеты «Жэньминь жибао» и редакция журнала «Хунци». Является ли Югославия социалистическим государством? Третья комментария открытого письма ЦК КПСС // Жэньминь жибао].

[452] Термин «братские партии» впервые появился в ЖМЖБ 21 июля 1948 г. в статье «Телеграммы соболезнования братских партий Тольятти». После нормализации советско-югославских отношений в газете многократно использовался этот термин для подчеркивания дружбы между народами Югославии и Советского Союза.

[453] 再一次呼吁兄弟党平等协商消除分歧加强团结 // 人民日报. 19.01.1963. С. 1. [Очередной призыв к братским партиям к равноправным консультациям, устранению разногласий и укреплению единства // Жэньминь жибао].

[454] 在莫斯科宣言和莫斯科声明的基础上团结起来 // 人民日报. 27.01.1963. С. 1. [Сплотиться на основе Московской декларации и Московского заявления // Жэньминь жибао].

подкрашивая и обеляя группировку Тито, пытаются втянуть ее в ряды международного коммунистического движения»[455]. Упоминание в статье визита Тито в СССР определенно указывало, что под эвфемизмом «некоторые люди» подразумевался Н.С. Хрущев и другие советские лидеры.

Проведение в начале сентября 1961 г. в Белграде учредительной конференции движения неприсоединения не осталось без внимания Пекина. В день ее открытия Чжоу Эньлай направил «от имени правительства и народа Китая» поздравительную телеграмму ее участникам, выразив надежду, что «конференция внесет вклад в дело борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки за обретение и сохранение национальной независимости, против империалистической агрессии и вмешательства, против нового и старого колониализма, за защиту мира во всем мире»[456]. ЖМЖБ вела подробное освещение хода конференции. В целом же в вопросах участия в международных мероприятиях в Пекине даже, в определенной мере, завидовали успешности усилий Белграда. В стремлении обеспечить Китаю более весомое присутствие на мировой арене Мао Цзэдун заметил: «Впредь на всех международных конференциях, если приглашают Югославию, мы также будем присутствовать и не покинем заседание»[457].

Во время визита в СССР Й. Броза-Тито в конце декабря 1962 г. ЖМЖБ опубликовала несколько материалов (6, 8, 10 и 12 декабря), в которых перепечатала статьи Центрального телеграфного агентства Кореи с критикой ревизионизма Тито и его политики в области сельского хозяйства, экономических реформ и культуры. Примечательно, что 15 декабря в ответ на нападки с обвинениями в адрес КПК в «авантюризме», «сектантстве», «догматизме» и «национализме»[458], прозвучавшие в ходе XII съезда КП Чехословакии, ЖМЖБ ответила публикацией передовой статьи под заголовком «Пролетарии всех стран, соединяйтесь против нашего общего врага» с критикой ревизионистского поведения КПСС: «Московское заявление также призывает коммунистов всех стран активно бороться против влияния антиленинской идеологии югославских современных ревизионистов. Однако некоторые коммунисты превозносят предателя коммунизма Тито и поддерживают очень теплые отношения с его группой»[459]. Здесь «некоторые коммунисты» также включает «КПСС».

---

[455] 铁托集团为谁效劳 // 人民日报. 15.06.1963. С. 3. [Кому служит титовская группа? // Жэньминь жибао].

[456] 周恩来电贺不结盟国家会议 // 人民日报. 01.09.1961. С. 1. [Чжоу Эньлай направил телеграмму с поздравлением на конференцию стран неприсоединения // Жэньминь жибао].

[457] 毛泽东年谱（第八卷）/ 中共中央党史和文献研究院编. 北京: 中央文献出版社, 2023. С. 171. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VIII / Институт по изучению партийной истории и документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].

[458] Там же. С. 176.

[459] 全世界无产者联合起来反对我们共同的敌人 // 人民日报. 15.12.1962. С. 1. [Пролетарии всех стран, соединяйтесь против наших общих врагов // Жэньминь жибао].

Переход полемики из завуалированной в открытую

После публикации в июле 1963 г. в газете «Правда» «Открытого письма ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского союза» китайско-советская полемика перешла из ее тайной фазы в открытую. В конце августа 1963 г., во время ответной поездки в Югославию Н.С. Хрущева, журнал «Хунци» отметил «необычайную близость между Хрущевым и предателем Тито: они не только обнимаются и целуются: Хрущев с усердием восхваляет "особый путь" группировки Тито, выражая желание "серьезно изучать" ее "опыт"». Редакция считала это свидетельством того, что Хрущев, «вступив в "новый священный союз" вместе с Кеннеди, Тито и Неру, предал советский народ, социализм и народы всего мира»[460]. В дальнейшем, за период с сентября 1963 по июль 1964 г. в газете ЖМЖБ и журнале «Хунци» было опубликовано девять статей, известных как «Девять комментариев», критиковавших ревизионистские действия СССР и Югославии за предательство принципов марксизма.

После снятия Н.С. Хрущева с поста (октябрь 1964 г.)

Отставка Н.С. Хрущева со всех занимаемых им постов не оказала значительного влияния ни на отношения Китая с Югославией, ни на оценку КПК политических курсов КПСС и СКЮ. В ответ на публикацию 14 ноября 1964 г. в 11-м номере журнала «Проблемы мира и социализма» (главный редактор – член ЦК КПСС А.М. Румянцев) статьи с критикой китайского руководства и обвинениями в расколе МКД, 21 ноября 1964 г. китайский журнал «Хунци» опубликовал статью «Как был смещен Хрущев», критиковавшую внутреннюю и внешнюю политику СССР. В ней были перечислены двенадцать основных ошибок Хрущева, а одним из главных его упущений была названа поддержка «предательской клики Тито»[461].

Проведенная в Москве с 1 по 5 марта 1965 г. по инициативе нового советского руководства Консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий было негативно оценена в Пекине. 23 марта сразу в двух главных изданиях ЦК КПК (в газете ЖМЖБ и журнале «Хунци») появилась статья «Оценка мартовского совещания в Москве»[462]. Ее авторы считали, что руководство КПСС проводит политику «ложного антиимпериализма, истинной капитуляции; ложной революционности,

---

[460] 红旗杂志评论员. “新神圣同盟”的结局决不会比“旧神圣同盟”更好 // 红旗. 1963. № 17. С. 35, 37. [Обозреватель журнала «Хунци». Судьба «Нового Священного союза» никогда не будет лучше, чем у «Старого Священного союза» // Хунци].

[461] 赫鲁晓夫是怎样下台的 // 红旗. 1964. № 21–22. С. 1–8. [Как был смещен Хрущев // Хунци].

[462] Данная редакционная статья была подготовлена по решению заседания Секретариата ЦК КПК, состоявшегося 12 марта, под председательством Дэн Сяопина, на котором анализировалось мартовское совещание КПСС. Мао Цзэдун в Ухане выслушал мнения иностранных экспертов и представителей коммунистических партий азиатских стран. См.: *吴冷西.* 十年论战 1956–1966. С. 599–605. [*У Лэнси.* Десять лет полемики (1956–1966 гг.)].

настоящего предательства; ложного единства, подлинного раскола». В статье также подчеркивалось, что Москва придерживается курса на «союз с империализмом против социализма; союз с США против Китая и других революционных стран; союз с реакционными силами различных стран против национально-освободительных движений и революционной борьбы народов; союз с группировкой Тито и разнообразными отступниками против всех братских марксистско-ленинских партий и всех борющихся с империализмом революционных сил»[463]. Критике Пекина подверглись и усилия Москвы по урегулированию отношений с Вашингтоном. В опубликованной 11 ноября 1965 г. совместной статье редакций ЖМЖБ и журнала «Хунци» содержалась резкая критика политики «совместных действий» нового советского руководства с США. Было очевидно, что в ЦК КПК считали, что Москва, пойдя на сотрудничество с США по вьетнамскому вопросу, фактически выступила вместе с белградским руководством (обозначаемым в китайской печати как "титовская группа") в роли «посредника». К тому же, как указывалось в статье, в экономической сфере советская модель реформирования социалистических предприятий на основе общенародной собственности оказалась «заимствованием и развитием опыта» югославской титовской группы, направленным на реставрацию капитализма»[464].

Во второй половине 1960-х гг. противоречия между Пекином и Москвой, Пекином и Белградом сохранялись и в очередной раз отчетливо проявились в ходе XXIII съезда КПСС, проходившего в Москве с 29 марта – 8 апреля 1966 г. Делегации КПК не приняла участия в его работе. Мао Цзэдун, назвав вопрос принципиальным, отказался и от направления на съезд представителей КПК, и от отправки его участникам поздравительной телеграммы[465]. Этим был задан вектор отношения к съезду в Китае: газета ЖМЖБ и журнал «Хунци» не публиковали никаких информационных материалов о его работе, в том числе и о присутствии на съезде делегации СКЮ во главе с А. Ранковичем. Лишь в июле, на третий день после снятия Ранковича с занимаемых им постов на Брионском пленуме ЦК СКЮ, ЖМЖБ опубликовала статью под заголовком «Обострение внутренних разногласий в югославской правящей группировке», изложив в ней историю борьбы за власть внутри СКЮ. Отстранение Ранковича было названо «результатом дальнейшего обострения политического и экономического кризиса в

---

463 人民日报编辑部，红旗杂志编辑部. 评莫斯科三月会议 // 人民日报. 23.03.1965. С. 1. [Редакция «Жэньминь жибао», редакция журнала «Хунци». Оценка мартовского совещания в Москве // Жэньминь жибао].

464 人民日报编辑部，红旗杂志编辑部. 驳苏共新领导的所谓“联合行动” // 人民日报. 11.11.1965. С. 1–3. [Редакция газеты «Жэньминь жибао», редакция журнала «Хунци». Опровержение так называемой политики «совместных действий» нового руководства КПСС // Жэньминь жибао].

465 毛泽东年谱（第八卷）. С. 567. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. VIII].

Югославии». Авторы также выражали уверенность в неизбежном «продолжении борьбы за власть внутри ревизионистской группировки Тито»[466].

1.1.5. Налаживание китайско-югославских отношений: от различий к сотрудничеству

События в Чехословакии в августе 1968 г. совпали с поворотом в китайско-югославских отношениях. К этому времени Мао Цзэдун пришел к выводу, что Югославия, может опасаться советского вторжения и, возможно, заинтересована стать косвенным союзником Китая[467]. Пекин прекратил публичную критику Югославии и предпринял шаги к налаживанию контактов с Белградом, выражая недовольство советским вторжением в Чехословакию и демонстрируя стремление к развитию двусторонней торговли с СФРЮ[468]. С весны 1969 г., в условиях эскалации конфликта на китайско-советской границе, ЖМЖБ прекратила негативное освещение ситуации в Югославии и ее внешней политики, а также критику СКЮ. 28 марта была опубликована статья под заголовком «Югославские рабочие и студенты осуждают вооруженные провокации советского ревизионизма против нашей страны»[469].

В 1970 г. после обмена послами Китай и Югославия в полной мере нормализовали дипломатические отношения, вслед за чем началось и постепенная трансформация восприятия в Китае образа СКЮ – от устоявшегося клейма «ревизионистов» к статусу «борца против гегемонизма». Одновременно с этим в китайском идеологическом дискурсе изменился и образ СССР – из прежнего «попутчика югославского ревизионизма» он превратился в «представителя империализма и выразителя гегемонизма». С этого времени и вплоть до 1977 г. ЖМЖБ прекратила информировать об официальных визитах между СССР и Югославией. Упоминания о них приводились лишь в китайском издании «Справочные новости», в котором по-прежнему продолжали появляться материалы зарубежных СМИ о встречах на высшем уровне первых лиц СССР и Югославии, а также другие материалы.

События «хорватской весны» начала 1970-х гг., жестко урегулированные югославским руководством во главе с Й. Брозом-Тито, квалифицировались в Китае как «националистическое движение». 12 июня 1972 г. в бюллетене «Справочные новости»

---

[466] 南斯拉夫统治集团内讧加剧 // 人民日报. 17.07.1966. С. 5. [Обострение внутренних разногласий в югославской правящей группировки // Жэньминь жибао].

[467] *龚猎夫.* 1977 年铁托访华的台前幕后 // 湘潮(上半月). 2013. № 2. С. 44. [*Гун Лефу*. За кулисами визита президента Югославии Тито в Китай в 1977 г. // Сянчао (первая половина месяца)].

[468] *项佐涛, 向康祺.* 中南关系正常化过程. С. 121. [*Сян Цзотао, Сян Канци.* Процесс нормализации китайско-югославских отношений].

[469] 南斯拉夫工人和学生谴责苏修对我国的武装挑衅 // 人民日报. 28.03.1969. С. 6. [Югославские рабочие и студенты осуждают вооруженные провокации советского ревизионизма против нашей страны // Жэньминь жибао].

были опубликованы фрагменты репортажа московского корреспондента югославской газеты «Политика» М. Маровича под заголовком «Нападки на политику Югославии и президента Тито». Материал освещался решительный протест МИД СФРЮ, направленный посольству СССР в Белграде, в связи с состоявшимися в Москве в мае антиюгославскими выступлениями в ходе публичных лекций для молодежной аудитории с участием югославских эмигрантов-коминформовцев[470].

Результаты нормализации китайско-югославских отношений, начавшейся в 1969 г., выражались в постепенном развитии межгосударственных контактов на различных уровнях, за исключением высшего партийно-государственного, вплоть до 1977–1978 гг. Во время беседы в октябре 1975 г. с Д. Биедич, председателем СИВ СФРЮ, Мао Цзэдун охарактеризовал Тито как «железного человека, <...> не боящегося советского давления»[471].

Кульминацией сближения Югославии и Китая во второй половине 1970-х гг. стал официальный визит в КНР президента СФРЮ Й. Броза-Тито, состоявшийся с 30 августа по 8 сентября 1977 г. и оказавший историческое влияние на последующие взаимоотношения Пекина и Белграда. Для югославской стороны он стал возможным только после завершения китайской «культурной революции» (1966–1976 гг.). В Китае к этому времени Тито перестали называть «ревизионистом», а сам подход к тому, «что такое социализм» претерпел существенные изменения в сравнении с жесткими догматическими схемами предыдущих десятилетий, что нашло отражение и в дипломатии КНР[472].

Ответный визит в Югославию в августе 1978 г. председателя ЦК КПК Хуа Гофэна, ставший первым зарубежным визитом в Европу высшего руководителя Китая за предшествующие 30 лет[473], закрепил контакты на высшем партийном уровне. В ходе переговоров Хуа Гофэн выразил намерение китайской стороны детально изучить передовой югославский опыт. По воспоминаниям бывшего руководителя Отдела международных связей ЦК КПК Чжу Ляна, международная реакция на этот визит была очень бурной, звучали высказывания, что китайский лидер побывал в "мягком подбрюшье" Советского союза и вынудил его нервничать. Напротив, в европейских столицах, Вашингтоне и Токио «отреагировали на визит весьма позитивно». Чжу Лян,

---

[470] 南报报道: 苏修当局组织一些人作反南斯拉夫报告, 南外交部就此事向苏提出强烈抗议// 参考消息. 12.06.1971. С. 2. [Сообщение югославской газеты: МИД Югославии выразил решительный протест в связи с допущением советскими властями антиюгославских выступлений].

[471] *龚猎夫.* 1977 年铁托访华的台前幕后 // 湘潮(上半月). 2013. № 2. С. 47. [*Гун Лефу.* За кулисами визита президента Югославии Тито в Китай в 1977 г. // Сянчао (первая половина месяца)].

[472] *项佐涛, 向康祺.* 中南关系正常化的过程. С. 130. [*Сян Цзотао, Сян Канци*. Процесс нормализации отношений между Китаем и Югославией].

[473] В Румынию с 16 по 21 августа; в Югославию с 21 по 29 августа 1978 г.

являясь хорошо информированным высокопоставленным деятелем ЦК КПК, далее подчеркнул, что «визит достиг намеченной цели – расширения единого фронта борьбы с гегемонизмом»[474].

В Пекине придавали серьезное значение всем проявлениям полемики между Белградом и Москвой, оперативно освещая их в центральной печати КНР. Так, 14 декабря 1978 г. газета ЖМЖБ перепечатала статью из югославских СМИ под заголовком «Опровержение злонамеренных искажений Советским Союзом китайско-югославских отношений»[475]. После состоявшегося обмена визитами на высшем уровне взгляд КПК на политику СКЮ постепенно становился все более позитивными.

Самым ярким свидетельством пересмотра в Китае роли Й. Броза-Тито стала реакция на смерь этого бессменного лидера Югославии: Хуа Гофэн, председатель ЦК КПК, лично возглавил официальную китайскую партийно-правительственную делегацию, прилетев в Белград одним из первых (6 мая 1980 г.). Он принял участие в траурной церемонии погребения 8 мая, а в подписанном им некрологе Й. Броз-Тито был назван «выдающимся коммунистическим бойцом, неустанно возглавлявшим борьбу угнетенных национальностей и народов»[476].

Практика визитов на высшем уровне, установленная в конце 1970-х гг., получила свое продолжение и в первой половине следующего десятилетия. В 1983–1984 гг. в Югославии побывали генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан и председатель КНР Ли Сяньнянь. Оба китайских лидера подтвердили намерение КНР изучать богатый опыт государственного строительства и реформ в Югославии, дав исключительно высокую комплиментарную оценку наследию югославского лидера Тито и исторической роли СКЮ. Ху Яобан назвал Тито «одним из первопроходцев в установлении новых форм отношений между партиями разных стран», подчеркнув, что ушедший югославский лидер «на пути строительства социалистического отечества использовал много уникальных методов»[477]. В 1984 г. председатель КНР Ли Сяньнянь похвалил «смелость и новаторство югославской компартии, которой удавалось сочетать основные принципы марксизма-ленинизма с реалиями Югославии и создать систему социалистического

---

474 *朱良*. 铁托与华国锋互访: 对改革开放带来启迪的外事活动 // 炎黄春秋. 2008. № 8. С. 10. [*Чжу Лян*. Взаимные визиты Тито и Хуа Гофэна: дипломатическая деятельность, дающая наставление для реформ и открытости // Янхуан Чунцю].

475 南斯拉夫报纸发表评论驳斥苏联对中南关系的恶意歪曲 // 人民日报. 14.12.1978. С. 5. [Югославские газеты выступили с комментариями в опровержение злонамеренные искажения Советским Союзом китайско-югославских отношений // Жэньминь жибао].

476 华国锋同志递交代表团的悼词: 对铁托同志逝世表示最沉重的哀悼 // 人民日报. 08.05.1980. С. 1. [Товарищ Хуа Гофэн представил траурное послание делегации: выражение глубочайших соболезнований по случаю смерти товарища Тито // Жэньминь жибао].

477 胡耀邦在里比契奇举行的欢迎宴会上发表讲话 // 人民日报. 12.05.1983. С. 6. [Ху Яобан выступил на приветственном банкете, организованном Рибичичем// Жэньминь жибао].

самоуправления, обогатившей практику его строительства»[478].

Начавшаяся в 1980-е г. нормализация китайско-советских отношений на межгосударственном уровне также способствовала развитию и подъему в Китае научных исследований югославского опыта развития. До начала проведения Дэн Сяопином политики реформ и открытости Китая и нормализации китайско-югославских отношений китайские научные исследования были в основном сфокусированы на критике югославского ревизионизма и поставлены на службу идеологическим целям, а их результаты, как правило, не выходили за рамки закрытых публикаций, предназначенных «для внутреннего использования» государственно-партийным аппаратом. Вместе с тем в это десятилетие китайские эксперты занялись внимательным изучением политической и экономической систем Югославии в целях учета и использования ее опыта – как положительного, так и отрицательного – при проведении реформы в Китае. На этом фоне, в 1980-е гг., все больше результатов китайских исследований и переводов югославских и западных трудов на эти темы, ранее недоступных общественности, стали издаваться для более широкого круга читателей.

За 1980-х гг. в Китае значительно возросло количество переведенных книг о Югославии, при чем не только с сербскохорватского, но и с других языков. В начале десятилетия данная издательская стратегия реализовывалась в целях углубления понимания достижений и опыта югославской революции и социалистического строительства, а также использования полезных процессов для модернизации страны[479]. В дальнейшем их выпуск стимулировался как общим интересом к Югославии, так и желанием сформировать комплексное представление о всех сторонах жизни югославского общества. В Китае к этому времени сформировалась достаточно большая школа переводчиков с сербскохорватского языка, способных качественно подготовить переводы для издательств, специализирующихся на выпуске общественно-политической литературы. Так, «Народное издательство» выпустило в свет «Избранные сочинения Тито» в 4-х томах[480], для подготовки которых, помимо речей Тито, были использованы соответствующие югославские историко-биографические публикации о Й. Брозе-Тито и обширные материалы периодической печати.

---

[478] 中南友好合作关系正朝着深度和广度发展: 李先念主席在久拉诺维奇主席举行的欢迎宴会上的讲话 // 人民日报. 05.09.1984. С. 4. [Дружеские и кооперативные отношения Китая и Югославии развиваются в направлении глубины и широты: речь председателя Ли Сяньняня на приветственном банкете у председателя Джурановича» // Жэньминь жибао].

[479] 铁托选集一卷出版 // 人民日报. 12.02.1981. С. 4. [Издание первого тома «Избранных трудов Тито» // Жэньминь жибао].

[480] 铁托选集. 四卷本. 北京: 人民出版社, 1980, 1984; 1983; 1982. 440 с; 415 с; 380 с; 511с. [Избранные сочинения Тито. в 4 т. Пекин. Народное издательство].

Особый научный интерес вызвало в КНР и теоретическое наследие других югославских идеологов. В 1981 г. коллектив специалистов под руководством Ли Дайцзюня выполнил перевод книги Э. Карделя «Воспоминания. Борьба за признание и независимость Новой Югославии»[481], одновременно с этим Цю Инцзюэ и Чжоу Синбао осуществили перевод его фундаментального труда „Направления развития политической системы социалистического самоуправления“ (в китайском издании «Демократия и социализм»[482], выполненный с английского издания первоисточника. Наряду с этим в Китае была издана книга Ф. Шетинца, посвященная анализу теоретических взглядов этого словенского и общеюгославского политического деятеля[483]. Позже, в 1986 г., были изданы его избранные произведения[484], а в 1987 г., в отделе изучения зарубежной аграрной экономики Института экономики сельского хозяйства КАОН, была переведена работа «О сельском хозяйстве, деревне и кооперативах»[485].

Наряду с этим были изданы и три всемирно известные произведения югославского диссидента М. Джиласа. В 1981 г. в переводе Чэнь И был переиздан «Новый класс – анализ коммунистической системы»[486], в том же году в переводе Кэ Сюня с английского языка вышла в свет книга «Тито: история изнутри»[487]; а 1989 г. – «Разговоры со Сталиным»[488].

Серьезное внимание уделялось изданию материалов, освещающих различные ключевые аспекты общественно-политического и экономического развития Югославии. В 1981 г. Ван Юци и Жуань Сиху провели отбор и выполнили перевод профильных текстов,

---

481 *爱德华·卡德尔.* 卡德尔回忆录（1944–1957）/ 李代军等 译. 北京: 新华出版社, 1981. 335 с. [*Эдвард Кардель.* Воспоминания Карделя (1944–1957) / Пер. Ли Дайцзюнь [и др.]. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

482 *爱德华·卡德尔.* 民主与社会主义 / 邱应觉、周兴宝 译. 北京: 人民出版社. 1981. 203 с. [*Эдвард Кардель.* Демократия и социализм / Пер. Цю Инцзюэ, Чжоу Синбао. Пекин: Народное издательство].

483 *弗兰茨·舍廷茨.* 卡德尔的思想与著作 / 毛少英 译. 北京: 外语教学与研究出版社. 1986. 209 с. [*Франк Шетинц.* Мысль и деятельность Эдварда Карделя / Пер. Мао Шаоин. Пекин: Издательство преподавания и исследований иностранных языков].

484 *爱德华·卡德尔.* 卡德尔论文选 / 李嘉恩等 译. 北京: 外语教学与研究出版社. 1986. 593 с. [*Эдвард Кардель.* Избранные произведения / Пер. Ли Цзяэнь [др.]. Пекин: Издательство преподавания и исследований иностранных языков].

485 *爱德华·卡德尔.* 论农业、农村与合作社 / 中国社科院农业经济研究所外国农业经济研究室 译. 北京: 农业出版社, 1987. 398 с. [*Эдвард Кардель*. О сельском хозяйстве, деревне и кооперативах / Пер. Отдел изучения зарубежной аграрной экономики Института экономики сельского хозяйства КАОН. Пекин: Сельскохозяйственное издательство].

486 *米洛凡·吉拉斯.* 新阶级（对共产主义制度的分析）/ 陈逸 译. 北京: 中共中央政法委员会理论室. 1981. 284 с. [*Милован Джилас.* Новый класс – анализ коммунистической системы / Пер. Чэнь И. Пекин: Теоретический отдел Политико-юридической комиссии ЦК КПК].

487 *米洛凡·吉拉斯.* 铁托. 内幕故事 / 柯雄 译. 北京: 新华出版社, 1981. 188 с. [*Милован Джилас.* Тито. история изнутри / Пер. Кэ Сюн. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

488 *米洛凡·吉拉斯.* 同斯大林的谈话 / 司徒协 译. 北京: 世界知识出版社, 1989. 147 с. [*Милован Джилас.* Разговоры со Сталиным / Пер. Сыту Се. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

соединив их в сборник «Материалы по национальному вопросу в Югославии»[489]. В 1985 г. Ян Юанькэ перевел книгу М. Поповского «Мир о Тито и югославской революции»[490]. В 1989 г. Ян Юанькэ, Цао Жунфэй, Шао Юньхуань выпустили перевод фундаментальной «Истории СКЮ» С. Стояновича[491].

Важную теоретическую базу для понимания специфики функционирования и системных проблем развития экономической системы и хозяйственного механизма Югославии дали переводы работ Д.В. Марсенич[492], М. Павлович[493], а также монография крупного советского эксперта-югослависта, ведущего сотрудника Института экономики мировой социалистической системы АН СССР Л.В. Тягуненко, ранее опубликованная в Москве издательством «Наука»[494], а выпуск сборника трудов Р. Петковича[495], известного югославского эксперта по международным отношениям, дал достаточно полное представление о ситуации на Балканах второй половины XX в.

В 1980-е гг. китайские издательства продолжили перевод и публикацию книг по истории Югославии. Вслед за изданной в 1976 г. обзорной монографией «Краткая история Югославии» под редакцией С. Клиссолда[496], а в 1977 г. – работой В. Дедиера[497], посвященной советско-югославскому конфликту 1948 г., были переведены и опубликованы важные исследования западных историков: Ф. Синглтона (1980)[498], Д.

---

489 南斯拉夫民族问题资料 / 王攸琪、阮西湖 编译. 北京: 民族出版社, 1981. 169 с. [Материалы по национальному вопросу в Югославии / Сост. и пер. Ван Юци, Жуань Сиху. Пекин: Издательство «Миньцзу»].

490 *米·波波夫斯基.* 世界论铁托和南斯拉夫革命 / 杨元恪 译. 北京: 人民出版社, 1985. 145 с. [*М. Поповский*. Мир о Тито и югославской революции / Пер. Ян Юанькэ. Пекин: Народное издательство].

491 *斯·斯托扬诺维奇.* 南斯拉夫共产主义者联盟历史 / 杨元恪 译. 北京: 人民出版社, 1989. 655 с. [*С. Стоянович.* История Союза коммунистов Югославии / Пер. Ян Юанькэ. Пекин: Народное издательство].

492 *马尔塞尼奇.* 南斯拉夫经济制度 / 朱行巧、汪丽敏、文正林 译. 北京: 人民出版社. 1981. 397 с. [*Марсенић.* Экономическая система Югославии / Пер. Чжу Синцяо, Ван Лиминь, Вэнь Чжэнлинь. Пекин: Народное издательство].

493 *米洛万·巴甫洛维奇.* 南斯拉夫自治经济制度的产生与发展 / 张德修 译. 北京: 北京大学出版社. 1985. 306 с. [*Милован Павлович.* Возникновение и развитие системы самоуправляемого хозяйства в Югославии / Пер. Чжан Дэсю. Пекин: Издательство Пекинского университета].

494 *佳古年科.* 南斯拉夫农业发展 / 阴兆峰、贾稚岩 译. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1983. 131 с. [*Тягуненко.* Развитие сельского хозяйства СФРЮ / Пер. Инь Чжаофэн, Цзя Чжиянь. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство].

495 *兰科·佩特科维奇.* 巴尔干既非“火药桶”又非“和平区” / 石继成、许忆宁 译. 北京: 商务印书馆. 1982. 237 с. [*Р. Петкович.* Балканы – ни «пороховая бочка», ни «зона мира» / Пер. Ши Цзичэн, Сюй Инин. Пекин: Коммерческое издательство].

496 南斯拉夫简史从古代到 1966 年 / 斯蒂芬·克利索德主编, 黑龙江大学英语系翻译组 译. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1976. 448 с. [Краткая история Югославии : от древности до 1966 года / Под ред. С. Клиссолда; пер. Факультет английского языка Хэйлунцзянского университета. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство].

497 *德迪耶尔*. 苏南冲突经历/ 达州 译. 北京: 三联书店. 1977. 485 с. [*Владимир Дедиер.* Опыт советско-югославского конфликта / Пер. Да Чжоу. Пекин: Издательство «Саньлянь»].

498 *弗雷德·辛格尔顿.* 二十世纪的南斯拉夫 / 何伟文 译. 北京: 中国财政经济出版社. 1980. 260 с. [*Фред Синглтон.* Югославия в 20 веке / Пер. Хэ Вэйвэня. Пекин: Издательство Финансы и экономика Китая].

Русиноу (1983) [499].

Наряду с работами западноевропейских и американских авторов издательская программа КНР охватывала и академические труды югославских исследователей, причем издатели с особым интересом относились к общим вопросам истории Югославии и балканских народов. В 1984 г. была переведена и опубликована «История Югославии» И. Божича, С. Чирковича, М. Экмечича и В. Дедиера[500]. Важным событием в этой области историографии стал выход в свет в 1985 и 1986 гг. перевод фундаментальных трудов по истории Югославии Д. Биланджича[501].

Значительный интерес в Китае проявлялся и к переводу зарубежных исследований по истории советско-югославских отношений. В 1980 г. на факультете иностранных языков Хэнаньского педагогического университета был выполнен перевод с английского фундаментального сборника документов и материалов крупнейшего британского специалиста по Югославии, дипломата и историка С. Клисольда (1913–1982) «Советско-югославские отношения (1939–1973)»[502]. Также были изданы мемуарные записи югославского политика В. Мичуновича о его службе на посту посла ФНРЮ в СССР в 1956–1958 гг., вышедшие под заголовком «Московские годы»[503].

Всего же за период с конца 1970-х до начала 1990-х гг. в КНР[504] было опубликовано и переиздано более 2000 аналитических статей по югославской проблематике. Кроме того, китайскими исследователями было переведено с сербскохорватского, русского и английского языков и выпущено около 50 монографий, связанных с Югославией, а также издано свыше 20 оригинальных научных трудов. При этом подавляющее большинство

---

[499] *丹尼森·鲁西诺.* 南斯拉夫的试验 (1948–1974) / 瞿霭堂等 译. 北京: 上海译文出版社. 1983. 486 с. [*Русинов Д.* Югославский эксперимент (1948–1974) / Пер. Цюй Айтан [и др.]. Пекин: Шанхайское переводное издательство].

[500] *伊万·博日奇, 西马·契尔科维奇, 米洛拉德·埃克梅契奇, 弗拉迪米尔·德迪耶尔.* 南斯拉夫史 / 赵乃斌 译. 北京: 商务印书馆. 1984. 861 с. [*И. Божич, С. Чиркович, М. Экмечич, В. Дедиер*. История Югославии / Пер. Чжао Найбинь. Пекин: Коммерческое издательство].

[501] *杜尚·比兰契奇.* 南斯拉夫社会发展的思想和实践 1945–1973 年 / 马军等 译. 北京: 商务印书馆. 1986. 347 с. [*Душан Биланджич*. Идеи и практика общественного развития Югославии, 1945–1973 гг. / Пер. Ма Цзюнь [др.]. Пекин: Коммерческое издательство]; *杜尚·比兰吉奇.* 南斯拉夫社会主义联邦共和国史纲 / 阿丹等 译. 天津: 天津人民出版社. 1985. 754 с. [*Душан Биланджич*. История СФРЮ: основные процессы / Пер. А Дань [др.]. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство].

[502] 南苏关系（1939–1973 年）. 574 с. [Югославско-советские отношения (1939–1973 гг.)].

[503] *韦米科·米丘诺维奇.* 莫斯科岁月 1956–1958 / 达洲、代军、丽敏 译. 北京: 三联书店. 1980. 666 с. [*Велько Мичунович*. Московские годы, 1956–1958 / Пер. Да Чжоу, Дай Цзюнь, Ли Минь. Пекин: Издательство «Саньлянь»].

[504] «Справочные материалы» («参考资料»), «Экономические справочные материалы» («经济研究参考资料»), «Материалы по экономическим вопросам» («经济问题研究资料») – а также в открытых академических журналах, таких как Проблемы СССР и «Восточной Европы» («苏联东欧问题» (1981–1992)), «Советский Союз и Восточная Европа сегодня» («今日苏联东欧» (1983–1992)), «Восточная Европа» («东欧» (1987–1999)), «Экономическая динамика» («经济学动态»), «Современные проблемы социализма» («当代社会主义问题»), «Международный экономический обзор» («国际经济评论»), «Минцзу Ицун» («民族译丛»), «Иностранные экономические материалы» («外国经济参考资料») и др.

этих переводов и авторских изданий пришлось на период до 1985 г., что наглядно фиксирует хронологические рамки наивысшего исследовательского интереса Пекина к югославскому опыту социалистического строительства.

Таким образом, с момента образования КНР в 1949 г. и до самого начала 1990-х гг. динамика китайско-югославских связей демонстрировала значительную зависимость от состояния китайско-советских отношений. На рубеже 1940-х – 1950-х гг. Пекин оказывал почти абсолютную поддержку внешнеполитическому курсу Москвы на югославском направлении. Однако в начале 1960-х гг., по мере осложнения и ухудшения китайско-советских отношений, Югославия была инструментализирована китайским руководством в качестве легальной мишени для идеологической критики Советского Союза, причем уровень и интенсивность нападок детерминировалась масштабами китайско-советского противостояния, однако не выходили за его рамки. В 1970–1980-е гг. отношения между Китаем и СФРЮ динамично улучшались: от настороженно-заинтересованных (в 1969–1971 гг.) до относительно дружественных (с 1977–1978 гг. и далее).

В целом геополитическую конфигурацию всего сорокалетнего периода можно представить в виде неравнобедренного треугольника с вершинами Москва – Белград – Пекин. Длина его сторон изменялась в зависимости от состояния отношений между его вершинами, и прежде всего наличия напряженности между Китаем и СССР. В конце этого периода, на фоне проведения Китаем политики реформ и открытости, Югославия, несмотря на все ее собственные экономические кризисы и возрастание этнополитических противоречий, оказалась для Китая важным объектом изучения, заимствования положительного опыта в строительстве социализма и учета опыта негативного, что продолжалось вплоть до распада СФРЮ в 1991–1992 гг. и начала полноформатного югославского кризиса.

1.2. Внешнеполитические концепции Китая и Балканы после окончания холодной войны

На всех этапах современной истории Китая – с момента образования КНР в 1949 г., начала политики реформ и открытости (1978 г.) и до новой эпохи (2012–2013 гг., 2017 г.) – прогресс китайского государства тесно связывался с основными тенденциями международного развития (данный тезис присутствовал в программных документах КПК и Белых книгах[505]). Принято считать, что мирный подъем/развитие (和平崛起/和平发展)

[505] В 1990-е г. Пресс-канцелярия Государственного совета КНР трижды – в 1995, 1998 и 2000 гг. – публиковала «Белые книги» по вопросам обороны, в которых системно излагались основы

страны (в национальном понимании) отражал китайскую мудрость и нацеленность на международное взаимодействие. С момента принятия «пяти принципов мирного сосуществования» и концепции «трех миров» (при Мао Цзэдуне) до выдвижения идей «мирного подъема Китая», «гармоничного мира» (при Ху Цзиньтао), «мирной дипломатии», «сообщества единой судьбы человечества» (при Си Цзиньпине) китайские общественно-политические и дипломатические концепции сохраняли преемственность и не отклонялись от генеральной линии КПК и ее политики независимой и суверенной страны. Целью принятых внешнеполитических установок в китайском понимании служило содействие справедливому, равноправному, мирному и стабильному международному развитию.

Следует подробнее остановиться на этих трех фундаментальных идеях китайской дипломатии, которых Китай последовательно придерживался после окончания холодной войны: сначала в последние годы нахождения у власти Дэн Сяопина, затем – в годы руководства страной Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, и (с 2012 г.) Си Цзиньпина.

1.2.1. Новый международный политико-экономический порядок Цзян Цзэминя

Внешнеполитические концепции периода руководства Цзян Цзэминя до начала 2000-х гг. представляли собой продолжение и развитие стратегических установок, сформулированных Дэн Сяопином. Данная преемственность во многом была обусловлена оценкой, которую китайское руководством дало распаду социалистической системы в конце 1980-х – начале 1990-х гг., посчитав события 1989 г. в странах Восточной Европы, неожиданными. Данные события получили в Китае название «резкие изменения», они заставили Пекин сфокусировать внимание на вопросах внутренней стабильности и ведении осторожного курса во внешнеполитической сфере. В этих условиях в 1990-е гг. международная стратегия Китая была ориентирована на продвижение многополярности, демократизацию международных отношений и участие в экономической глобализации с целью создания «благоприятного международного климата для проведения реформ, открытости и модернизации страны»[506]. Вместе с тем на фоне резких изменений в Восточной Европе, распада СССР и введения с лета 1989 г. западных санкций против Китая после политических событий в Пекине, руководство КНР, стремясь преодолеть

оборонной политики Китая, а также его оценки международной обстановки и угроз безопасности. Первая «Белая книга» (1995 г.) была сосредоточена преимущественно на проблематике контроля над вооружениями и разоружения; во второй (1998 г.) впервые была более последовательно представлена позиция Китая относительно международной ситуации и его оборонной политики; третья (2000 г.) стала продолжением и углублением предыдущего документа и содержала критический анализ проявлений нового интервенционизма (新干涉主义) в политике, «новой дипломатии канонерок» (新炮舰政策) в военных делах, а также неоколониализма (新殖民主义) в экономической практике, ассоциируемых с ведущими западными странами во главе с США.

[506] Там же. С. 274.

созданную вокруг Китая международную изоляцию, активно развивало дружественные связи и отношения сотрудничества со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования и содействовало формированию нового международного политического и экономического порядка[507]. Таким образом, расширяя внешние связи и корректируя отношения с ведущими державами, Китай последовательно содействовал становлению многополярной модели мирового порядка.

В сентябре 1989 г. Дэн Сяопин во время беседы с ответственными работниками ЦК КПК, характеризуя международную обстановку, предрек неизбежность беспорядков в Восточной Европе и Советском Союзе. Он отметил нарастание нестабильности в социалистических странах и указал на необходимости выжидать и сдержанно наблюдать за развитием событий[508]. В ответ на происходившие в этих регионах вызовы была сформулирована линия поведения, заключавшаяся в трех принципах: необходимости «хладнокровно наблюдать», «укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку» и «сдержанно реагировать»[509], что отражало установку на стратегическую осторожность и уклонение от любой прямой конфронтации с Западом. Дэн Сяопин резюмировал, что с завершением холодной войны вероятно возникновение нового противостояния: «одна холодная война, возможно, завершена, но еще две другие уже начались, одна из них направлена своим острием против всего Юга, то есть стран третьего мира, другая – против социализма». По его мнению, западные государства ведут своего рода «мировую войну без оружия», целью которой является осуществление «мирной эволюции» в социалистических странах[510].

Накануне распада биполярной системы Дэн Сяопин выдвинул идею формирования справедливого и рационального нового международного политико-экономического порядка (国际政治经济新秩序)[511]. В ходе встречи с премьер-министром Индии Радживом Ганди в декабре 1988 г. он отметил: «Общая ситуация в мире меняется, и каждая страна задумывается над тем, какой должна быть новая политика, как установить новый международный порядок». Лидер Китая пояснил: «Сейчас перед миром стоят

---

[507] *唐家璇*. 新中国外交的光辉历程 // 中华人民共和国外交部. [*Тан Цзясюань*. Славный путь дипломатии нового Китая // МИД КНР]. 12. 1999. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200012/t20001220_7950084.shtml (дата обращения. 01.04.2026).

[508] *Дэн Сяопин*. Избранное Т. III (1982–1992). С. 402–403.

[509] Там же. С. 404.

[510] Там же. С. 433.

[511] В апреле 1974 г. Дэн Сяопин возглавил китайскую делегацию на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где в своем выступлении четко поставил вопрос о формировании нового международного экономического порядка и всесторонне изложил шесть основных положений китайской позиции по данному вопросу.

одновременно две задачи: установление на международной арене нового политического и нового экономического порядка»[512]. 3 марте 1990 г. в беседе с ответственными работниками ЦК КПК Дэн Сяопин снова вернулся к оценке международной обстановки, подчеркнув: «Старая архитектоника сейчас рушится, но процесс этот на самом деле не подошел к концу, новая архитектоника пока не сложилась». «Тому положению, когда все монополизировано США и СССР, наступает конец. Какой бы ни стала архитектоника мира в дальнейшем – трехполюсной, четырехполюсной или пятиполюсной, – СССР все равно останется одним из полюсов независимо от того, насколько он ослабеет или если даже потеряет несколько своих союзных республик»[513].

По мнению Дэн Сяопина, внешняя политика Китая имела две особенности: первая из них была борьба против гегемонизма и силовой политики, защита мира во всем мире; вторая – желание установления нового международного политико-экономического порядка. На практике это предполагало развитие отношений со всеми государствами вне зависимости от идеологических различий[514]. В июле 1990 г. во время встречи с бывшим премьер-министром Канады П. Трюдо Дэн заявил: «Несмотря на то, что в Восточной Европе и Советском Союзе возникли проблемы, а западная "семерка" ввела против нас санкции, наш курс остается все тем же: мы будем по-прежнему иметь дело с Советским Союзом, налаживая с ним отношения; мы будем по-прежнему иметь дело с США и налаживать отношения с ними; мы будем по-прежнему иметь дело с Японией и странами Европы и налаживать отношения с ними»[515].

В 1990-е гг. названные Дэн Сяопином идеи нашли отражение в отношениях между Пекином и Москвой. Официальные контакты с Россией начали развиваться еще в последний месяц существования СССР. В последующее десятилетие приверженность обеих сторон принципу многополярности была записана в совместных коммюнике и декларациях по итогам визитов на высшем уровне[516]. Во время официального визита в Советский Союза (15–18 мая 1991 г.) и переговоров с президентом СССР М.С. Горбачевым Цзян Цзэминь в выступлении по центральному советскому телевидению 17 мая заявил, что «Китаю необходима мирная международная обстановка». Он также подчеркнул, что «Китай вместе с СССР и всеми странами мира прилагает неустанные

---

[512] *Дэн Сяопин.* Избранное Т. III (1982–1992). С. 356.
[513] Там же. С. 443.
[514] Там же. С. 443–444.
[515] Там же. С. 450–451.
[516] В российских академических кругах эта тема многополярности была поднята в Институте Европы РАН в 1993 г. См..: *Сорокин К.Э.* Россия и многополярность: время обнимать, и время уклоняться от объятий // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 7–26; *Он же.* Ядерное оружие в эпоху геополитической многополярности // Там же. 1995. № 4. С. 18.

усилия по созданию справедливого и разумного нового международного порядка»[517]. В совместном заявлении по итогам визита стороны выступили за «установление нового справедливого международного политического и экономического порядка», основанного на принципах «взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, а также мирного сосуществования». Был сделан акцент на праве каждого государства самостоятельно выбирать свою социальную систему, идеологию и путь развития, а также на необходимости решения международных споров исключительно мирными средствами[518]. В совместной китайско-российской декларации от 3 сентября 1994 г. Китай и Россия взаимно признали друг друга «в качестве держав, являющихся важным фактором поддержания мира и стабильности в условиях формирующейся многополюсной международной системы», а также выступили против «проявления экспансии, гегемонизма, политики силы и создания противостоящих блоков – политических, военных, экономических».[519] В апреле 1996 г. в ходе визита Б.Н. Ельцина в Китай стороны отметили ускорение тенденции к многополярности, подчеркнули приоритет переговорных методов урегулирования конфликтов и выступили против гегемонизма и политики силы[520].

Избранный в начале 1990-х гг. Москвой и Пекином курс в двусторонних отношениях добрососедского сотрудничества получил дальнейшее развитие во второй половине 1990-х гг. В апреле 1997 г. лидеры КНР и РФ подписали «Китайско-российскую совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка», в которой были зафиксированы совпадающие позиции Москвы и Пекина по ключевым вопросам глобального развития[521]. В последующем официальные оценки, высказывавшиеся обеими сторонами, подчеркивали, что их двустороннее сотрудничество способствует продвижению многополярности и формированию справедливого международного порядка[522]. Этот курс получил дальнейшее развитие в июле 2000 г. во

---

[517] 走向21世纪的中国 // 人民日报. 18.05.1991. С. 1. [Китай на пути в XXI век // Жэньминь жибао]; 江泽民在苏联中央电视台发表讲话 // 人民日报. 19.05.1991. С. 6. [Выступление Цзян Цзэминя по Центральному телевидению СССР // Жэньминь жибао].

[518] Совместное советско-китайское коммюнике // Вестник министерства иностранных дел СССР. 1991. 15 июня. № 11(93). С. 8–9.

[519] Совместная российско-китайская декларация // Дипломатический вестник. 1994. Сентябрь. № 17–18. С. 18.

[520] Совместная российско-китайская декларация // Дипломатический вестник. 1996. Май. № 5. С. 18–19.

[521] Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Дипломатический вестник. 1997. Май. № 5. С. 19–21.

[522] 一次意义重大影响深远的访问 // 人民日报. 27.04.1997. С. 2. [Визит, имеющий важное и долговременное значение // Жэньминь жибао].

время визита в Китай В.В. Путина, в ходе которого стороны подписали «Пекинскую декларацию». В документе подчеркивалась ответственность Китая и России за совместное содействие укреплению центральной роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах, прежде всего в сфере поддержания мира и безопасности, а также за продвижение мира к многополярности[523].

Цзян Цзэминь, сохраняя верность внешнеполитическим установкам Дэн Сяопина, развил идеи последнего о формировании международного политико-экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования. И в докладах на прошедших после завершения холодной войны партийных съездах, и в соответствующих выступлениях китайского руководства между партийными форумами, неоднократно подчеркивалась идея многополярности как ключевой тенденции развития системы международных отношений. В докладе XIV съезду КПК (12–18 октября 1992 г.) Цзян Цзэминь впервые выдвинул положение о том, что распад СССР ознаменовал конец биполярного мироустройства и вступление мира в «период развития многополярности». Одновременно китайское руководство сформулировало базовые подходы к формированию нового современного мирового устройства, высказываясь в пользу «установления мирного, стабильного, справедливого и разумного мирового порядка, основанного на принципах взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды и мирного сосуществования»[524]. 13 июля 1995 г. в ходе визита в Германию председатель КНР Цзян Цзэминь вновь отметил: «Современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав заправляли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется»[525].

Этот тезис был развит в докладе XV съезду КПК (12–18 сентября 1997 г). В нем отмечалось, что тенденция к многополярности продолжает усиливаться, сопровождаясь процессами перестройки и перераспределения сил в мировой системе, при одновременном подтверждении курса на формирование нового международного порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования[526]. Делая такие заявления, китайское руководство исходило из того, что важными движущими силами формирования многополярного

---

[523] Текст Пекинской декларации Российской федерации и Китайской Народной Республики // МИД России. 19.07.2000. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1639352/ (дата обращения: 31.03.2026).

[524] *Цян Цзэминь.* Избранное. Т. I. С. 277.

[525] *江泽民.* 阔步前进中的中国与世界 // 人民日报. 14.07.1995. С. 1. [*Цян Цзэминь.* Китай и мир в поступательном развитии // Жэньминь жибао].

[526] *Цян Цзэминь.* Избранное. Т. II. С. 54–77.

мирового порядка выступали, как государства (прежде всего Россия и Китай), так и различные региональные, трансконтинентальные и всемирные организации. В Пекине полагали, что именно их взаимодействие способствует ускорению трансформации мирового устройства в направлении многополярности. Высказывание Цзян Цзэминя о том, что развитие такой тенденции способствует «ослаблению и сдерживанию гегемонизма и политики силы, а также помогает созданию справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка»[527] получило широкий отклик среди политологов-международников Китая. Они не только чутко воспринимали эти тезисы о ходе мировых процессов в выступлениях лидеров КПК и КНР, но и сами внимательно изучали и обобщали современные тенденции. Так, в начале 1999 г. в фундаментальном издании «Исследования теории международных отношений в Китае в новый период», подготовленной группой известных исследователей-международников под руководством Лу И, вышла статья профессора Китайского народного университета Фэн Тэцзюня[528] «Международно-стратегическое мышление Дэн Сяопина как целостная научная система». Опираясь на одну из речей Дэн Сяопина в марте 1990 г., Фэн подытожил: сравнение сил на мировой политической арене показывает, что, после распада Советского Союза, «Россия во многом унаследовала его статус, но он значительно снизился. Другие силы не претерпели существенных изменений, но все они адаптируются к новым обстоятельствам в условиях жесткой конкуренции». Фэн Тэцзюнь также отметил наличие «некоторых неопределенных факторов», которые «особенно заметны при анализе положения России, чье точное место в мире в краткосрочной перспективе определить трудно». Дополнительную сложность, по мнению исследователя, составляют неопределенности и проблемы, «связанные с существованием многочисленных противоречий и перегруппировкой различных других сил»[529].

Признавая важность развития международного устройства в сторону многополярности, китайские исследователи полагали, что в 1990-е г. основные процессы на международной арене оказались связаны с взаимодействием «великих держав»[530]. Наиболее влиятельной среди них, обладающей статусом «сверхдержавы», они называют

---

527 Там же. С. 230, 232.

528 *冯特君.* 邓小平国际战略思想是一个科学体系 // 新时期中国国际关系理论研究 / 鲁毅、顾关福等主编. 北京: 时事出版社, 1999. С. 67–76. [*Фэн Тэцзюнь*. Международно-стратегическое мышление Дэн Сяопина как целостная научная система // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период / Под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательств текущих событий].

529 Там же. С. 68.

530 *丁诗传.* 走向新世纪的大国关系 // 新时期中国国际关系理论研究. С. 276–285. [*Дин Шичуань*. Отношения великих держав на рубеже нового века // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период].

США, подчеркивая, что ее действия на мировой арене во многом укладываются в рамки концепции «интервенционализма» [531] . При рассмотрении идеи многополярности эксперты-международники важную роль отводили исламскому миру. По их мнению, «с точки зрения территории, населения, ресурсов и огромного потенциала развития, он способен стать одним из "полюсов" многополярного мира и представляет собой силу, которую невозможно игнорировать». Влиянием исламского фактора китайские политологи-международники объясняли и конфликты «в странах Персидского залива, и на постсоветском пространстве (Азербайджане, Чечне), и в ряде регионов бывшей Югославии (в Боснии и Герцеговине, а также в Косове и Метохии)», указывая, что в исламском мире «в отдельных регионах наблюдается рост противоречий и конфликтов, а также тенденция к определенной "неконтролируемости" процессов»[532].

В отношениях с великими державами в Китае отводилось ключевое место США, признававшимся единственной сверхдержавой мира. Как отмечали российские китаеведы, победа на выборах кандидата Демократической партии Б. Клинтона стал неприятным сюрпризом для Пекина, который рассчитывал на переизбрание Дж. Буша-старшего, принадлежавшего к когорте «старых друзей» Китая. Тем не менее сразу же после президентских выборов в США Цзян Цзэминь провозгласил «курс шестнадцати иероглифов», направленный на улучшение двусторонних отношений Пекина и Вашингтона, основными принципами которого были:

1) углублять доверие;

2) уменьшать проблемы;

3) развивать сотрудничество;

4) избегать конфронтации.

Стремясь укрепить свои внутриполитические позиции после избрания в марте 1993 г. председателем КНР, Цзян Цзэминь, нуждался в установлении доверительных отношений с мировыми лидерами. Такую возможность Цзян увидел в инаугурации Б. Клинтона, инициировав серию визитов в США, что к концу десятилетия стало регулярной практикой в двусторонних отношениях. В свою очередь администрация Клинтона, несмотря на жесткую предвыборную риторику о нарушении прав человека в КНР, была вынуждена считаться со стремительно растущим влиянием Китая на экономическую ситуацию в

---

[531] *刘金质.* 冷战后美国的干涉主义 // 新时期中国国际关系理论研究. С. 387–400. [*Лю Цзиньчжи.* Интервенционализм США после завершения холодной войны // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период].

[532] *肖宪.* 展望 21 世纪的伊斯兰世界 // 新时期中国国际关系理论研究. С. 416, 412. [*Сяо Сянь*. Перспективы исламского мира в XXI веке // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период].

США. В результате в двусторонних отношениях Вашингтона и Пекина гуманитарная проблематика, особенно болезненная после июня 1989 г., оказалась вытесненной финансово-экономической повесткой: в середине 1990-х гг. объем китайского импорта из США превысил 10 млрд. долларов, а американский импорт из КНР за это десятилетие вырос более чем в пять раз, достигнув, к концу 1990-х гг. до уровня 100 млрд. долларов. На этом фоне в конце 1990-х гг. в Белом доме все больше предпочитали говорить об экономической либерализации в Китае, главными вехами которой виделись согласие Пекина на вступление в ВТО и замена ежегодной процедуры режима наибольшего благоприятствования (РНБ) законом о нормальных торговых отношениях на постоянной основе. Достигнутая к концу 1990-х гг. экономическая взаимозависимость обусловила достаточно высокую устойчивость отношений США и КНР к периодически возникавшим кризисам. К их числу относились посещение главой администрации Тайваня Ли Дэнхуэем Корнуэльского университета в 1995 г. и "выбор главы администрации" на Тайване в 1996 г., проходившие под прикрытием двух авианосных групп ВМС США.

Геополитическая напряженность не помешала обмену визитами на высшем уровне между Б. Клинтоном и Цзян Цзэминем в 1997–1998 гг. В совместном заявлении, подписанном ими в ходе визита Цзян Цзэминя (октябрь 1997 г.), провозглашалась решимость сторон строить отношения «конструктивного стратегического партнерства» (constructive strategic partnership), их институциональной основой декларировались принципы трех совместных коммюнике, а основным содержанием – расширение сотрудничества по глобальным проблемам. Во время ответного визита Б. Клинтона в Китай было сделано заявление о нацеленности двусторонних отношений на долгосрочную перспективу и в XXI в. Характерно, что саммиты лидеров были поддержаны контактами на остальных уровнях, в том числе и в военной сфере. Во время визита в США министра обороны КНР Чи Хаотяня (декабрь 1996 г.) было принято решение о расширении сотрудничества военных ведомств двух стран, а во время «встречи в верхах» 1997 г. было принято решение о создании механизма двусторонних консультаций по вопросам обороны (Defense Consultative Talks). Первое заседание было проведено уже в декабре 1997 г. во время посещения Вашингтона главой ГШ НОАК Сюн Гуанкаем. С 1998 г. начали проходить встречи между представителями оборонных ведомств, предусмотренные Соглашением о консультациях по вопросам военно-морской деятельности[533].

---

[533] См. подробнее: *Тимофеев О.А.* Китайско-американские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. IX. Реформы и модернизация (1976–2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 605–611.

Тревожные тенденции конца десятилетия 1990-х – расширение НАТО на восток, косовский кризис 1998–1999 гг. и азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. – вынудили Пекин трансформировать возникшие у него опасения в официальные аналитические оценки. В самые первые годы XXI в. опасения не исчезли, однако получили более сбалансированное теоретическое осмысление. В докладе Цзян Цзэминя XVI съезду КПК (ноябрь 2002 г.) отмечалось: «в международной обстановке происходят глубокие перемены. Зигзагообразно идет развитие тенденции к многополярности мира и экономической глобализации. <…> Развитие тенденции к мировой мультиполяризации и глобализации экономики создало шансы и благоприятные условия для мира на Земле и ее развития». В этом же докладе Цзян Цзэминь подробно изложил позицию Китая по вопросу формирования справедливого и рационального международного политико-экономического порядка. Китайский лидер отметил, что в политических отношениях все страны должны уважать друг друга и проводить консультации, не навязывая свою волю другим. При этом, по его мнению, в экономическом взаимодействии странам важно – стимулировать друг друга и сообща развиваться, не углубляя разрыва между богатыми и бедными. Те же подходы были определены и в сфере культуры: учиться друг у друга и вместе идти к процветанию, не вытеснять другие национальные культуры. Похожего подхода, по мнению Цзян Цзэминя, следовало придерживаться также и в области безопасности – доверять друг другу, сообща оберегая ее, стремиться к новому пониманию безопасности, что подразумевает взаимное доверие и выгоду, равенство и сотрудничество, решение споров путем диалога, не прибегая к оружию и к угрозам его применения. «Мы выступаем против гегемонизма и силовой политики во всех их формах»[534].

Положение о том, что мир и развитие являются двумя ключевыми темами современности, стало базовой оценкой международной обстановки руководством Китая и исходной точкой формирования его внешней политики, направленной на создание благоприятной международной среды для модернизации страны. В целях обеспечения внутреннего экономического развития с конца 1990-х гг. Китай постепенно выстраивал всеобъемлющую и многоуровневую систему открытости внешнему миру. Пекин, выступая против всех видов гегемонизма и политики силы, начал принимать активное участие в создании механизмов глобального управления, продвигая разработанную им концепцию мироустройства. Во второй половине десятилетия 1990-х гг. Цзян Цзэминь

[534] Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // Кит. информационный интернет-центр. 2002. 19 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm (дата обращения: 11.01.2025).

неоднократно подчеркивал важность формирования нового международного порядка как одной из ключевых тем внешнеполитической концепции. Этот тезис прозвучал в его выступлении на торжественном заседании, посвященном 50-летию учреждения ООН (октябрь 1995 г.), а затем в апреле 1997 г. – в выступлении в Государственной думе РФ в Москве. Особое развитие данная тема получила в ходе европейского турне китайского лидера по Италии, Швейцарии и Австрии с 20 по 30 марта 1999 г. Выступая в Риме, Вене и Берне, он сформулировал базовые принципы становления новой архитектуры международных отношений. Цзян Цзэминь призвал проявлять взаимное уважение и строго соблюдать суверенитет и территориальную целостность государств, отказаться от агрессии и вмешательства во внутренние дела, а также подчеркнул необходимость решать любые международные споры исключительно мирным путем. В числе других принципов были названы также преодоление стереотипов мышления времен холодной войны, неприемлемость любых видов силового воздействия и строгое соблюдение принципа равенства государств: все государства, независимо от размера их территории, уровня их экономического благосостояния и других параметров национальной мощи, признаются суверенными членами мирового сообщества и располагают в нем равными правами на участие в международных делах. Особо подчеркивалась важность уважения национальной специфики каждого государства, поиск общего при сохранении различий и обоюдной выгоды и совместного развития.

Практическим подтверждением этих тезисов стала реакция Пекина на косовский кризис. 25 марта 1999 г. на конференции по разоружению в Женеве Цзян Цзэминь заявил, что военные удары по Косову и Югославии являются новым проявлением гегемонизма и политики силы [535] . Китайский лидер подчеркнул: «менталитет холодной войны по-прежнему живет, гегемонизм и политика силы то и дело дают о себе знать. Наблюдается тенденция к усилению военных союзов, свирепствует новая политика канонерок, региональные конфликты вспыхивают то здесь, то там. Позавчера были нанесены воздушные удары и совершена вооруженная интервенция в Косово и другие районы Югославии <…> нарушенные нормы международных отношений, не благоприятствуют миру в Балканском регионе»[536].

7 сентября 2000 г. на Саммите тысячелетия ООН в Нью-Йорке Цзян Цзэминь в развитие своих идей выдвинул четыре принципа, которыми должны руководствоваться пять постоянных членов СБ ООН:

---

[535] 江泽民论有中国特色社会主义. С. 541–542. [О социализме с китайской спецификой: Сб. высказываний по темам Цзян Цзэминя].

[536] *Цян Цзэминь*. Избранное Т. II. С. 364–365.

1) взаимное уважение и равноправные отношения стран;

2) расширение консенсуса и стремление к общему при сохранении различий;

3) укрепление контактов и координации;

4) учет общих интересов и содействие сотрудничеству[537].

Наряду с этим лидер Китая особо подчеркнул необходимость поддержания авторитета СБ ООН, отмечая, что «любые действия, предпринимаемые в обход Совета Безопасности и основанные на одностороннем подходе, являются опасными и противоречат воле всех государств-членов»[538].

В том же году пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу по национальной обороне, в которой констатировался резкий рост нестабильности и неопределенности после военной агрессии НАТО против СРЮ в обход СБ ООН. Авторы документа подчеркивали, что соотношение сил на международной арене остается серьезно несбалансированным, а старый, «несправедливый и нерациональный международный политико-экономический порядок не претерпел коренных изменений». По мнению китайских аналитиков, это наглядно проявилось в ряде тревожных взаимосвязанных тенденций, среди которых особого упоминания заслуживают две: во-первых, «гегемонизм и политика силы продолжают существовать и получают новые формы развития» в политической, экономической сферах и в области военной безопасности; во-вторых, отдельные великие державы проводят курс так называемого «нового интервенционизма», «новой политики канонерок» и неоэкономического колониализма. Создатели Белой книги резюмировали, что подобные действия наносят серьезный ущерб суверенитету, независимости и развитию многих государств, представляют прямую угрозу глобальной безопасности. Помимо этого, авторы документа считали, в процессе урегулирования глобальных и региональных проблем серьезным вызовам подвергаются роль и авторитет ООН, ее устав и общепризнанные нормы международных отношений, что выражается в участившихся случаях применения силы или угрозе ее применения. В сложившейся ситуации, отмечалось в Белой книге, «некоторые государства, прикрываясь лозунгами гуманизма и прав человека <…>, обойдя СБ ООН, осуществили военные удары против СРЮ, что оказало серьезное негативное воздействие на международную обстановку и систему международных отношений в

---

[537] 联合国安理会五常任理事国首脑举行历史性首脑会晤 // 新华网. [Главы пяти постоянных членов СБ ООН провели исторический саммит // Синьхуаван]. 2000. 8 сентября. URL: http://news.2008.sina.com.cn/china/2000-09-08/125043.html (дата обращения: 14.12.2024).

[538] 江泽民论有中国特色社会主义. С. 543. [О социализме с китайской спецификой].

целом»[539].

Косовская война и натовская бомбардировка посольства КНР в Белграде вызвали в Китае широкую дискуссию[540] о развитии международной обстановки, поставив под сомнение сохранение прежних тенденции, начавших складываться после окончания холодной войны: действительно ли формула «мир и развитие» сохраняет статус лейтмотива эпохи. Так, характерные опасения в китайских научных кругах были сформулированы уже в № 7 журнала «Мировая экономика и международные отношения» за 1999 г.: с «практической точки зрения после резких изменений в странах Центральной и Восточной Европы и распада Советского Союза американский гегемонизм не только не пошел на спад, но и, напротив, получил дальнейшее отягощенное развитие. <...> Особенно примечательно, что некоторые западные страны во главе с США сегодня демонстрируют тенденцию к сочетанию холодной и горячей войны; агрессия НАТО против СРЮ как суверенного государства является наглядным тому подтверждением»[541]. Вместе с тем существовали и иные оценки. В специальном выпуске журнала «Изучение международных проблем» за сентябрь 1999 г., главной темой которого стало обсуждение «Международной обстановки после косовской войны», директор Китайского института международных проблем Ян Чэнсюй в предисловии писал: «Косовская война еще раз показала, что процесс многополяризации идет не гладко, а носит длительный, сложный и извилистый характер. Тем не менее многополярность все же является тенденцией мирового развития; хотя Соединенные Штаты, опираясь на свое силовое превосходство, на некоторое время затруднили этот процесс, они не в состоянии остановить его развитие»[542].

Дискуссии, развернувшиеся в научном сообществе, однако, не изменили принципиальной оценки китайским руководством характера международной обстановки и направления развития международного порядка. Они были официально подтверждены в коммюнике Центрального совещания по экономической работе, проведенного Политбюро

---

[539] 2000 年中国的国防 // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Национальная оборона Китая в 2000 г. (Белая книга) // Пресс-канцелярия Государственного совета КНР]. 16.10.2000. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2000n/202207/t20220704_129887.html (дата обращения: 14.12.2024)

[540] Подробнее см. *何方*. 论和平与发展时代. 北京: 世界知识出版社, 2000. С. 3–15. [*Хэ Фан*. О эпохе мира и развития. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[541] *王金存*. 世界进入了“和平与发展的时代”了吗？— 学习邓小平“和平与发展思想”的几点思考 // 世界经济与政治. 1999. № 7. С. 64. [*Ван Цзиньцунь*. Вступил ли мир в «эпоху мира и развития»? – Некоторые размышления по поводу изучения концепции Дэн Сяопина о мире и развитии // Мировая экономика и политика].

[542] *杨成绪*. 前言 // 国际问题研究 «科索沃战争后的国际形势». 09.1999. С. 1. [*Ян Чэнсюй*. Предисловие // Изучение международных проблем. Спецвыпуск «Международная обстановка после косовской войны»].

ЦК КПК 15–17 ноября 1999 г. в Пекине при самом непосредственном участии Цзян Цзэминя. В документе были определены те же тенденции, которые констатировались в предыдущих аналитических оценках: «продолжает развиваться тенденция к многополярности мира, международная обстановка в целом стремится все еще к разрядке, мир и развитие остаются лейтмотивом времени». При этом подчеркивалось, что данный стратегический вывод, «сделан ЦК партии на основе научного анализа противоречий современного мира и всесторонней оценки изменений в соотношении сил мира и факторов войны»[543].

1.2.2. Концепция «гармоничного мира» периода правления Ху Цзиньтао (2000–2013 гг.)

В начале XXI в. в высказываниях китайского руководства о понимании им международного развития большее внимание стало уделяться таким тенденциям развития мира, как углубление экономической глобализации и многополярности, ускорение научно-технического прогресса, расширение глобального и регионального сотрудничества и все более возрастающая взаимозависимость государств. В это же время в разных частях мира продолжались локальные конфликты, социально-экономическое неравенство усугублялось из-за увеличивающегося разрыва между Югом и Севером. Серьезным вызовом для международной безопасности стал рост угроз терроризма и экстремизма, а также продолжающаяся практика гегемонизма и политики силы. Наряду с этим обострились торговые споры и конфликты на межцивилизационной почве.

Ответом на эти глобальные тренды, а также на появление и распространение в США и Японии концепции «китайской угрозы» стало заявление председателя КНР Ху Цзиньтао в декабре 2003 г. Китайский лидер подчеркнул, что Пекин будет продолжать идти по пути мирного подъема, выстраивая отношения равноправного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами, опираясь на «пять принципов мирного сосуществования», а сформулированная Дэн Сяопином в начале 1980-х гг. одна из трех ключевых китайских внешнеполитических формул – «противодействие гегемонизму и защита мира во всем мире» – в новых международных условиях эволюционировала в концепцию «защиты мира во всем мире и содействия всеобщему процветанию»[544].

Важное значение для Китая имело стратегическое партнерство с Россией. В совместной декларации двух государств, подписанной в октябре 2004 г., впервые прозвучал призыв к строительству гармоничного мира: «Стороны выразили готовность

---

[543] *Цян Цзэминь.* Избранное. Т. II. С. 489–490.

[544] *任晓.* 中国国际关系学史. 北京: 商务印书馆, 2022. С. 302. [*Жэнь Сяо.* История китайской науки о международных отношениях. Пекин: Коммерческое издательство].

совместно с другими странами прилагать неустанные усилия по строительству развивающегося и гармоничного мира, формированию нового справедливого, рационального международного политического и экономического миропорядка»[545]. 1 июля 2005 г. в Совместную декларацию РФ и КНР о международном порядке в XXI в. была включена формулировка о «строительстве развитого и гармоничного мира»[546]. В том же году правительство КНР опубликовало принципиально новую Белую книгу «Мирный путь развития Китая». В этом документе Пекин впервые изложил свою новую глобальную внешнеполитическую стратегию, в которой особое внимание обращалось на необходимость установления «гармоничной международной системы». Новая архитектура мира «должна быть демократической, не конфликтной, справедливой, инклюзивной», – заявлялось в Белой книге[547].

Термин «гармоничный мир» был подробно раскрыт на совещании канцелярии Комиссии ЦК КПК по иностранным делам в 2006 г., в ходе которого его формирование было названо одной из важных целей внешней политики Китая. Данная идея претерпела изменения на шестом пленуме ЦК КПК 16-го созыва. В ходе работы пленума была выдвинута инициатива по продвижению концепции совместного международного процветания. Вскоре после этого в докладе 17-му съезду КПК в октябре 2007 г. первоначальные предложения были подтверждены. В них говорилось, что народы всех стран общими усилиями должны способствовать созданию гармоничного мира.

Особенностью подобных китайских инициатив стало понимание необходимости перестраивания не только КНР, но и системы глобального управления в целом. Эта идея была продолжением политики независимого и мирного развития, которой придерживался Пекин, а также дальнейшим утверждением концепции формирования нового международного политико-экономического порядка. Идея гармонии в традиционном понимании китайской философии нашла отражение в стремлении Китая к эволюции страны при достижении всеобщего благоденствия.

Занятость глобальными вопросами и задачами не снизило внимания Пекина к поддержанию связей с государствами постъюгославского пространства. Среди этих стран Сербия была в числе приоритетных партнеров. По приглашению председателя КНР

---

[545] Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 14 октября 2004 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/2053 (дата обращения: 14.12.2024).

[546] Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30 июня 2005 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3660 (дата обращения: 14.12.2024).

[547] 中国的和平发展道路 // 中华人民共和国中央人民政府. [Путь мирного развития Китая // Центральное народное правительство КНР]. 2005. 22 декабря. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2005-12/22/content_2615756.htm (дата обращения: 14.12.2024).

Ху Цзиньтао президент Республики Сербия Борис Тадич посетил Китай с государственным визитом 19–25 августа 2009 г. В ходе визита стороны подписали Совместное заявление КНР и РС об установлении стратегического партнерства. В документе китайская сторона вновь подтвердила свое уважение к суверенитету и территориальной целостности Сербии и подчеркнула, что диалог и переговоры являются наиболее приемлемым способом урегулирования косовского вопроса[548].

Данный визит ознаменовал начало нового этапа в развитии китайско-сербских отношений, особенно после 2012 г. Стороны заявили о намерении развивать двусторонние связи на основе принципов взаимного уважения, равноправия и невмешательства во внутренние дела, поддерживать право друг друга самостоятельно выбирать пути внутреннего развития и внешнеполитического курса, а также оказывать взаимную поддержку по вопросам, затрагивающим ключевые интересы и важнейшие озабоченности двух государств.

1.2.3. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» Си Цзиньпина

Положение о том, что мир переживает «изменения, невиданные за последние сто лет», стало одним из ключевых тезисов КПК при оценке международной обстановки. В условиях серьезной трансформации системы глобального управления обостряются такие деструктивные явления как гегемонизм, политика силы, неоинтервенционизм, протекционизм и унилатерализм, а также продолжают нарастать традиционные и новые вызовы и угрозы безопасности. Ответом на эти тенденции стала концепция «сообщества единой судьбы человечества», предложенная председателем КНР Си Цзиньпином 23 марта 2013 г. в его выступлении перед студентами университета МГИМО в Москве. В своей речи китайский лидер стремился дать ответ на вопросы, «что произошло с миром?» и «что нам делать дальше?»: «Люди живут в глобальной деревне, в одном времени и пространстве, где пересекаются история и реальность. Все больше и больше это становится сообществом единой судьбы»[549].

Выдвинутая Си Цзиньпином идея развивалась и дополнялась с течением времени. 18 января 2017 г., выступая в Женеве он подробно изложил суть данной концепции: «придерживаться диалога и консультаций, способствовать сохранению долгосрочного мира на планете; совместно создавать и пользоваться общественными благами,

---

[548] 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于建立战略伙伴关系的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об установлении отношений стратегического партнерства // МИД КНР]. 20.08.2009. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200908/t20090821_9867911.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

[549] 习近平外交演讲集(第一卷). 北京: 中央文献出版社, 2022. С. 2. [Собрание выступлений Си Цзиньпина в области дипломатии. Т. 1. Пекин: Центральное литературное издательство].

стремиться к обеспечению всеобщей международной безопасности; руководствоваться интересами сотрудничества и всеобщей выгоды, способствовать совместному процветанию всех стран мира; использовать практики обменов и взаимного обучения, стимулировать формирование открытого и инклюзивного мира; продвигать принципы зеленого и низкоуглеродного развития, содействовать созданию чистого и прекрасного мира»[550]. В целях формирования «сообщества единой судьбы человечества» Китай последовательно разрабатывает необходимый инструментарий для реализации данной идеи. В частности, этому способствуют Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, инициатива «Пояс и путь» и три глобальные инициативы Си Цзиньпина (по развитию, безопасности и цивилизационного взаимодействия).

После окончания холодной войны начались глубокие изменения международного политико-экономического порядка. В 1990-е гг., в первое десятилетие «постхолодного» мира, в политической сфере произошел резкий переход от двухполюсного мироустройства к однополярному господству США. В течение первых десяти лет XXI в. имело место утверждение модели «одна сверхдержава – несколько сильных держав, многосторонний симбиоз». В экономике по мере создания Всемирной торговой организации расширялась экономическая глобализация. Подъем таких стран, как Россия, Китай, Бразилия, Индия, ЮАР, вызвал изменения баланса экономического порядка. Вместе с тем мир столкнулся с неопределенностью и нестабильностью, яркой особенностью которой стало развитие модели «четырех дефицитов» (дефицит мира, развития, безопасности и управления), вновь подняли голову односторонность (унилатерализм), протекционизм, гегемонизм и политика силы.

Все эти годы отношения Пекина и Белграда успешно развивались в тени глобальных инициатив Китая, получив дальнейшее развитие, чему в немалой степени способствовал отход Белграда от односторонней прозападной ориентации первого десятилетия XXI столетия и переход к многовекторной дипломатии. Официальный визит в Китай президента Сербии Т. Николича имел место в августе 2013 г., всего через несколько месяцев после того, как Си Цзиньпин официально вступил в должность председателя КНР (14 марта 2013 г.). В ходе переговоров Си Цзиньпин заявил, что Китай уважает суверенитет и территориальную целостность Сербии, понимает обоснованные озабоченности Белграда по косовскому вопросу и высоко оценивает усилия сербской

---

[550] 习近平主席在联合国日内瓦总部的演讲(全文) // 中华人民共和国外交部. [Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве (полный текст) // МИД КНР]. 19.01.2017. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/sgwyh_682446/zyjh_682456/201701/t20170119_9385070.shtml (дата обращения: 14.12.2024).

стороны по его политическому урегулированию[551]. Эта позиция была закреплена в Совместном заявлении КНР и РС об углублении стратегического партнерства, подписанном по итогам визита[552].

В июне 2016 г. Си Цзиньпин посетил Сербию с государственным визитом. По итогам переговоров было опубликовано Совместное заявление КНР и РС об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, что ознаменовало дальнейшее повышение уровня двусторонних отношений. Китай вновь подтвердил свою поддержку суверенитета и территориальной целостности Сербии, положительно оценил усилия Белграда по поиску политического решения косовской проблемы и подчеркнул необходимость урегулирования в соответствии с целями и принципами Устава ООН, на основе строгого соблюдения Резолюции 1244 СБ ООН и посредством диалога и переговоров, направленных на достижение взаимоприемлемого решения[553].

Новый этап развития двусторонних отношений был связан с государственным визитом Си Цзиньпина в Сербию 7–8 мая 2024 г., состоявшимся по приглашению президента Сербии Александра Вучича. По итогам визита стороны подписали Совместное заявление КНР и РС об углублении и повышении уровня всеобъемлющего стратегического партнерства и формировании Сообщества единой судьбы Китая и Сербии в новую эпоху. В документе подчеркивалось, что стороны выступают против навязывания какого-либо решения вопроса об окончательном статусе Косова. Согласно заявлению, урегулирование должно осуществляться в рамках Резолюции 1244 СБ ООН посредством диалога и консультаций между заинтересованными сторонами с целью достижения взаимоприемлемого решения. Особо подчеркивалось, что суверенитет, независимость и территориальная целостность Сербии должны пользоваться полным уважением. Китай выразил поддержку усилиям Белграда по поиску компромиссного решения в диалоге с временными институтами самоуправления в Приштине, призвал к выполнению всех соглашений, достигнутых в рамках белградско-приштинского диалога, а также к

---

[551] *吴乐珺, 庞兴雷.* 习近平同塞尔维亚总统尼日利奇会谈 // 人民日报. 27.08.2013. С. 1. [*У Лэцзюнь, Пан Синлэй.* Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Сербии Николичем // Жэньминь жибао].

[552] 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于深化战略伙伴关系的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об углублении стратегического партнерства // МИД КНР]. 26.08.2013. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1207_679654/201308/t20130826_9347528.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

[553] 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于建立全面战略伙伴关系的联合声明(全文) // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства // МИД КНР]. 19.06.2016. URL:https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201606/t20160619_7947679.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

эффективной защите религиозного и культурного наследия региона. Особое внимание было уделено вопросу создания Сообщества сербских муниципалитетов как одного из ключевых положений Брюссельского соглашения 2013 г., реализация которого, по мнению сторон, является необходимой[554]. Во время совместной встречи с журналистами Си Цзиньпин вновь подтвердил поддержку Китая курсу Сербии на проведение независимой политики и развитие страны в соответствии с ее национальными особенностями, а также усилиям Белграда по защите государственного суверенитета и территориальной целостности[555]. В опубликованной накануне визита авторской статье в сербских СМИ председатель КНР также подчеркнул поддержку Сербии в вопросах защиты ее суверенитета и территориальной целостности, выступил против вмешательства внешних сил во внутренние дела страны и отметил особое значение исторической дружбы между китайским и сербским народами[556].

Поддержка Сербии со стороны Китая проявлялась не только в косовском вопросе, но и в других чувствительных для Белграда международно-политических сюжетах. Так, в мае 2024 г. Китай проголосовал против принятой ГА ООН резолюции об учреждении Международного дня памяти жертв геноцида в Сребренице[557].

Очередным подтверждением высокого уровня политического доверия стал государственный визит президента Сербии Александра Вучича в Китай 24–28 мая 2026 г. По итогам переговоров стороны подписали Совместное заявление КНР и РС о дальнейшем продвижении процесса формирования Сообщества единой судьбы Китая и Сербии в новую эпоху. В документе китайская сторона вновь подтвердила свое неприятие любых попыток навязывания решения вопроса о статусе Косова и Метохии. Было

---

554 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于深化和提升全面战略伙伴关系、构建新时代中塞命运共同体的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об углублении и повышении уровня всеобъемлющего стратегического партнерства и формировании китайско-сербского сообщества единой судьбы в новую эпоху // МИД КНР]. 09.05.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1207_679654/202405/t20240509_11301439.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

555 习近平同塞尔维亚总统武契奇共同会见记者 // 中华人民共和国外交部. [Си Цзиньпин и президент Сербии Вучич совместно встретились с журналистами // МИД КНР]. 08.05.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202405/t20240508_11301368.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

556 习近平在塞尔维亚媒体发表署名文章 // 中华人民共和国外交部. [Статья Си Цзиньпина, опубликованная в сербских средствах массовой информации под его именем // МИД КНР]. 07.05.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1209_679652/202405/t20240507_11300593.shtml (дата обращения: 03.06.2026).

557 常驻联合国代表傅聪大使在联大表决“斯雷布雷尼察种族灭绝国际日”决议草案前的解释性发言 // 中华人民共和国外交部. [Разъяснительное выступление Постоянного представителя КНР при ООН посла Фу Цуна перед голосованием Генеральной Ассамблеи ООН по проекту резолюции «Международный день памяти геноцида в Сребренице» // МИД КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zwbd_673032/wjzs/202405/t20240524_11310999.shtml (дата обращения: 03.06.2026).

отмечено, что урегулирование должно осуществляться исключительно в рамках Резолюции 1244 СБ ООН посредством диалога и консультаций между сторонами. Китай заявил о поддержке усилий Сербии по поиску компромиссного решения в диалоге с временными институтами в Приштине, призвал к выполнению достигнутых соглашений и обеспечению защиты религиозного и культурного наследия в Косове и Метохии. Особо подчеркивалось, что создание Сообщества сербских муниципалитетов, предусмотренное Брюссельским соглашением 2013 г., должно быть реализовано в полном объеме.[558]

Общий анализ реакции Китая на процесс трансформации системы международных отношений после холодной войны второй половины XX столетия позволяет выделить пять основных ключевых положений, определяющих современную внешнеполитическую стратегию Пекина.

Во-первых, китайские общественно-политические идеи о мире оказались конкретным результатом «китаизации» как марксизма-ленинизма, так и философских идей и культурных традиций современной цивилизации.

Во-вторых, концепция «пяти принципов мирного сосуществования» (выдвинутая при Мао Цзэдуне) включила в себя основополагающие нормы международных отношений Китая; независимость и самостоятельность стали базой китайской дипломатии, а интересы народа – ее стержнем.

В-третьих, создание благоприятной внутренней и внешней среды, акцент на развитии, реализация мечты о великом возрождении китайской нации – это и отправная точка, и конечная цель внешней политики Пекина.

В-четвертых, в мировой экономике КНР завершила переход от адаптации к существующим условиям к интеграции с международным сообществом и далее к формированию собственного взгляда на систему глобального управления. Если раньше Китай использовал бесконфликтную обстановку для собственного подъема, то в последние годы он все активнее формирует внутреннюю и внешнюю среду для мирного развития.

В-пятых, неразрывная диалектическая связь Китая как государства с окружающим миром воплощается в максиме «Ты во мне, и я в тебе» (你中有我, 我中有你). Такое понимание отражает идею глубокой глобальной взаимозависимости и способствует созданию открытой экономики. Китай исходит из того, что глобальный прогресс

---

[558] 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于持续推进构建新时代中塞命运共同体的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия о дальнейшем продвижении строительства китайско-сербского сообщества единой судьбы в новую эпоху // МИД КНР]. 26.05.2026. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202605/t20260525_11917435.shtml (дата обращения: 03.06.2026).

возможен только в случае сопряжения интересов всех государств между собой, исключая любые формы политического или экономического отторжения.

Очевидно, что, с самого начала 1990-х гг. в условиях трансформации системы международных отношений в сторону многополярности китайская дипломатия действовала с нарастающей активностью, постепенно смещая акцент с внешнеполитических установок Дэн Сяопина из «28 иероглифов» [559] на принцип «добиваться конкретных результатов», «активно действовать», что нашло отражение в формировании курса дипломатии великой державы с китайской спецификой.

1.3. Эксперты КНР о причинах распада второй Югославии

История Югославии в XX в., страны со сложной судьбой и многонациональной культурой, начавшись в 1918 г. с возникновения Первой Королевской Югославии (до 1929 г. официально именовавшейся Королевством сербов, хорватов и словенцев), продолжилась Второй социалистической Югославии – ФНРЮ, образовавшейся в 1945 г. (с 1962 – СФРЮ) до окончательного ее распада. В период после окончания холодной войны, наряду с переменами в странах Восточной Европы в 1989 г., она стала важным символом изменений в геополитической структуре. Ее историческая трансформация глубоко повлияла не только на политическую ситуацию на Балканском полуострове и в Европе в целом, но и на международный порядок, экономическое развитие и внешнюю политику. Распад Югославии стал результатом взаимодействия вмешательства внешних сил, геополитической реорганизацией и внутренних структурных проблем страны. После смерти Й. Броза-Тито в мае 1980 г., Югославия постепенно погрузилась в серьезный политический, экономический и межэтнический кризис. Ее внутренние противоречия постепенно обострялись. На сегодняшний день территория бывшей Югославии все еще находится в процессе продолжающегося дробления, и ее будущее сохраняет достаточно значительные элементы неопределенности.

Опыт строительства социализма в Югославии и ее последующий распад оказали значительное влияние на построение социалистического общества в Китае и вызвали широкий интерес в китайских академических кругах. Еще в конце 1970-х гг., на раннем этапе китайской политики реформ и открытости, Дэн Сяопин высоко оценил уникальный опыт и ценность Югославии в строительстве и реформировании социалистической

[559] «хладнокровно наблюдать» (冷静观察); «укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку» (稳住阵脚); «сдержанно реагировать» (沉着应付); «Оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения» (韬光养晦); «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды» (善于守拙); «никогда не претендовать на лидерство» (绝不当头); «активно действовать» (有所作为).

системы и заявил о намерении Китая глубоко его изучить и перенять. В 1980-х гг. китайские наблюдатели обратились к изучению политической, экономической системы СФРЮ, а также начали изучать углублявшийся в стране кризис. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. процесс дезинтеграции СФРЮ и сопутствующий ему системный кризис становятся предметом пристального научного анализа в китайской академической среде.

1.3.1. Первые оценки распада Югославии (1991–1995 гг.)

По сравнению с европейскими и американскими академическими кругами в Китае масштабы и условия исследований дезинтеграции и распада Югославии долгое время оставались достаточно ограниченными, а объем публикаций – относительно небольшим. Поиск по ключевому словосочетанию «распад Югославии» (南斯拉夫解体), проведенный в национальной базе CNKI выдал всего 63 соответствующих статьи. Среди них более 50 работ содержат в названии ключевые слова «распад Югославии», «распад югославской федерации» и «югославский кризис» и т.д. Основной массив этих статей был опубликован в таких ведущих периодических китайских журналах, как «Исследования России Восточной Европы и Центральной Азии» [560], «Мировая экономика и политика», «Международный форум», «Изучение России» [561], «Международное экономическое обозрение», «Исследования истории партии КПК», «Современный мир и социализм», «Знания о мире», «Изучение марксизма»[562] и др.

Анализ данных публикаций показывает, что в китайской академической среде ключевой причиной дезинтеграции СФРЮ было принято считать просчеты в национальной политике, проявившиеся из-за недостаточного понимания глубины и недооценки сложности национального вопроса в Югославии, следствием чего стало противопоставление интересов отдельных национальностей общегосударственным интересам: абсолютизировался принцип «равных возможностей» для всех национальностей независимо от их численности, применялся оказавший существенное деструктивное влияние так называемый «принцип ротации власти» между национальностями.

В отношении национальной политики китайские ученые обычно исследовали причины распада бывшей Югославии на двух уровнях – историческом и актуальном.

---

[560] Современное название носит с 2003 г. Прежние названия: «Вопросы СССР и Восточной Европы» (1981–1993), «Исследования Восточной Европы и Центральной Азии» (1993–2003).

[561] Современное название носит с 2001 г. Прежние названия: «Сегодняшние СССР и Восточная Европа» (1982–1995); «Сегодняшние Восточная Европа и Центральная Азия» (1995–2001).

[562] Современное название носит с 1994 г. Прежние названия: «Исследования истории международного коммунистического движения» (1980–1994).

Первый охватывает ретроспективу и особенности исторического развития народов Югославии, их взаимосвязи, языковые, религиозные и культурные различия, а также противоречия, возникшие в результате господства внешних сил. Актуально-практический уровень фокусируется на срезе конкретно-исторической реальности и концентрируется на системных ошибках руководства Югославии при реализации национальной политики.

Цзинь Гу, специалист по международным вопросам, в 1992 г. опубликовала статью о дезинтеграции Югославии, ставшую классической в китайской политологии. Она первой в китайской историографии предложила свою классификацию причин распада страны. По ее мнению, ключевым фактором стала ошибочная политика руководства страны в решении национального вопроса, во многом детерминированная недостатками федеративного устройства. Анализируя исторические особенности формирования народов Югославии, Цзинь Гу констатировала, что из-за нахождения под длительным господством империй у югославских народов было слабо развито сознание необходимости создания единого многонационального государства. Это и обусловило низкую общенациональную сплоченность при высоком потенциале центробежных сил и сепаратистских настроений. Исследователь выделила три проблемных аспекта в национальной теории и политике руководства второй Югославии:

- проблему интерпретации «права на самоопределение» для «титульных» и «нетитульных» народов;
- внедрение «права вето» для восьми крупнейших народов;
- вопрос «элементов конфедерации» в федеративном устройстве и проблема «федерализации» СКЮ[563].

Исследователь пришла к выводу, что «руководители бывшей Югославии допустили значительные ошибки в своем подходе к национальному вопросу и соответствующей практике, а при реализации самоуправления односторонний акцент был сделан на децентрализации власти и федерализации партии, в результате чего игнорировалась даже необходимая степень централизации, а руководящая роль СКЮ оказалась ослаблена. Все это привело к порочному раздуванию всех видов национализма, распространению этнических конфликтов и войн, а в итоге – к распаду федерации»[564].

В 1993 г. преподаватель Китайской академии современных международных отношений Сун Кецинь, занимавшийся процессом распада СФРЮ, опубликовал результаты своих наблюдений во влиятельном журнале «Исследования Восточной

---

[563] *金谷*. 南斯拉夫联邦的解体与民族问题 // 国际问题研究. 1992. № 3. С. 21–22. [*Цзинь Гу.* Распад югославской федерации и национальный вопрос // Исследования международных проблем].

[564] Там же. С. 19.

Европы и Центральной Азии». В выводах своего исследования он подчеркнул, что распад Югославии не стал случайным явлением, а оказался обусловлен национализмом как фундаментальным фактором этого процесса. Применяя методы системного анализа, китайский ученый выстраивает универсальную политологическую модель, в рамках которой выделил две определяющие силы, действовавшие в федерации – центробежные (дезинтеграционные) и центростремительные (интеграционные), которые влияли на разделение и объединение народов Югославии. Центробежные факторы в СФРЮ Сун Кецинь трактовал как историческую константу, полагая, что они оказывали долгосрочное воздействие, тогда как потенциал центростремительных сил, формирующихся в определенных исторических условиях, изначально носил переменный и конъюнктурный характер. На основании этого Сун сделал вывод, что в условиях резкой дестабилизации политической обстановки в начале 1990-х гг. интеграционные силы значительно ослабли, а «национальный партикуляризм» и сепаратистские тенденции резко усилились, что в конечном итоге привело к распаду СФРЮ[565].

В 1994 г. Хао Шиюань (в то время заместитель директора Института этнологии КАОН) предложил иную концепцию объяснения югославской катастрофы. Он полагал, что национальные проблемы в стране возникли из-за «отклонения на практике от марксистской теории наций и социалистического принципа национального равенства». Он показал, что «подъем коммунистического движения способствовал пробуждению национального самосознания и стимулировал широкое национально-освободительное движение, тогда как его упадок привел к обострению межнациональных противоречий и формированию националистических движений, характеризовавшихся стремлением к национальному отделению». По мнению Хао, проблема заключалась не в самой марксистской теории, а в отклонении от нее на практике, когда негативные последствия управленческих ошибок были сознательно использованы деструктивными силами для дискредитации марксизма. Хао Шиюань писал: «спад коммунистического движения приводит к национальным конфликтам и формированию националистических движений, заряженных национальным сепаратизмом. А такая закономерность движения, – по его мнению, – как раз продемонстрировала решающее значение марксистской теории наций и коммунистического движения для человеческого понимания и овладения закономерностями развития самих наций, а также правильного подхода к решению национальных вопросов». Хао Шиюань был уверен в том, что «отход от основных

---

[565] *孙恪勤.* 凝聚与离散，两种力量的较量 — 南斯拉夫联邦解体原因再探讨 // 东欧中亚研究. 1993. № 3. С. 13–18, 7. [*Сун Кецинь.* Сплоченность и разобщенность, борьба двух сил – Еще раз об изучении причин распада СФРЮ // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

принципов марксистской теории наций и отказ от социалистического принципа национального равенства привели к негативным последствиям, которые и были использованы для очернения и критики самого марксизма – вот коренная причина разгула национализма в бывшем СССР и многонациональных странах Восточной Европы»[566].

Мнение о том, что национализм являлся ключевым фактором в распаде Югославии, а его распространение было обусловлено множественными политическими и экономическими дисбалансами, разделяли большинство исследователей. В 1992 г., в статье «Об уроках СКЮ в решении национального вопроса», подготовленной доцентом Шаньдунского университета Фэн Шаоцзюнем и преподавателем Цзянсиского педагогического университета Чжань Чжэньжунем, отмечалось, что именно теоретические и практические ошибки СКЮ в решении национального вопроса и привели к распаду государства. Исследователи систематизировали основные факторы этого процесса, выделив следующие параметры:

1) идеологический аспект – длительное игнорирование национального вопроса в теоретической мысли СКЮ.

2) управленческий фактор – узконационалистические взгляды ключевых руководителей СКЮ, включая Й. Броза-Тито и Э. Карделя, способствовали росту сепаратистских тенденций (унитаризма и национального сепаратизма;

3) институциональный механизм – чрезмерная децентрализация федеральной власти привела к усилению местничества, регионализма и национализма;

4) экономический фактор – глубокие межрегиональные экономические диспропорции послужили экономической основой для возрождения национализма в менее развитых регионах[567].

Также в 1992 г. свой взгляд на причины распада Югославии сформулировал Ли Синсин, специалист по истории Балкан, в статье с метафоричным заголовком «"Восьмивесельная лодка без рулевого" в волнах национализма: как распалась бывшая Югославия», опубликованной в научно-популярном издании «Знания о мире». Емкий образ, придуманный исследователем, напрямую отсылал к институциональной структуре поздней СФРЮ (6 республик и 2 автономных края) и к институциональному параличу центральной власти после смерти Й. Броза-Тито. Исследователь перенес фокус анализа на ошибки, допущенные в вопросах национальной политики и приведшие к распаду бывшей

---

[566] 南斯拉夫联邦解体中的民族危机. С. 1–4. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ].

[567] *冯绍君, 詹真荣.* 论南共联盟在处理民族问题上的教训 // 当代世界社会主义问题. 1992. № 2. С. 55–59. [*Фэн Шаоцзюнь, Чжань Чжэньжун.* Об уроках СКЮ в решении национального вопроса // Проблемы социализма в современном мире].

Югославии. По его мнению, просчеты Белграда сводились к двум аспектам: к чрезмерному акценту на национальной самобытности (индивидуальности) республик при полном игнорировании исторически существовавшей общности между нациями; и в неверных действиях по урегулированию соотношений между классовым и национальным вопросами[568].

В 1993 г. сотрудники Института Азиатско-Тихоокеанского региона КАОН[569] Ван Цзисин и Сунь Чанцзю, исследуя причины этнического кризиса в Югославии, пришли к выводу, что национальные противоречия в стране пронизывали все ключевые сферы (политическую, экономическую и идеологическую), а международная обстановка выступила катализатором их обострения. Исследователи видели фундаментальную причину начала гражданской войны в структурных диспропорциях в экономическом развитии СФРЮ. Оба историка считали, что стремление к национальной независимости стало для югославских народов направлением поиска выхода из затянувшегося кризиса. Несмотря на то, что обретение независимости породило новые проблемы, на тот момент этнополитические элиты некоторых народов видели в ее достижении способ радикального изменения прежнего положения[570]. «Если бы все остались на борту судна, последствия могли бы быть катастрофическими – и лодка, и люди погибли бы. Поэтому всеми был использован самый опасный, но последний способ спасения – каждый надел свой спасательный жилет и прыгнул в штормовые волны, чтобы плыть своим путем»[571].

Корреспондент агентства «Синьхуа» Ван Сэнь в своей статье, опубликованной в влиятельном журнале «Мировая экономика и политика», назвал распад СФРЮ закономерным внутренним «расколом», спровоцированным неразрешимыми межнациональными противоречиями, как одним из наиболее важных факторов[572].

Некоторые исследователи полагали, что крах СКЮ и распад СФРЮ, которые на Западе зачастую рассматривались как «последний оплот социализма», были неизбежны, учитывая мощное влияние начавшейся в тот период смены общественного строя в странах Восточной Европы. Во второй половине 1989 г. в конституции республик СФРЮ начали вноситься изменения, многие положения которых противоречили федеральной

---

[568] *李行星.* 民族主义浪涛中的“无舵手八人划艇”: 前南斯拉夫是怎样解体的 // 世界知识. 1992. № 18. С. 10–12 [*Ли Синсин.* "Восьмивесельная лодка без рулевого" в волнах национализм: как распалась бывшая Югославия // Знания о мире].

[569] Институт был переименован в «Институт АТР и глобальной стратегии» с 2011 г.

[570] *王继鑫, 孙长久.* 南斯拉夫民族危机根源探析 // 史学集刊. 1993. № 2. С. 49–54. [*Ван Цзисинь, Сунь Чанцзю.* Истоки национального кризиса в Югославии // Сборник исторических исследовани].

[571] Там же. С. 53–54.

[572] *王森.* 南斯拉夫的分裂与内战 // 世界经济与政治. 1992. № 11. С. 46–51. [*Ван Сэнь*. Раскол Югославии и гражданская война // Мировая экономика и политика].

конституции. В октябре того же года 23-й пленум ЦК СКЮ 13-го созыва принял «Программу реформы политической системы», в которой партия отказывалась от своей монополии и принимала переход к многопартийной системе, что резко обострило внутренние разногласия и сделало проблему федерализации СКЮ еще более очевидной[573].

Анализируя этот процесс, китайские исследователи пришли к выводу, что еще одной фундаментальной причиной распада Югославии стала утрата централизованного и единого партийного руководства. Претворение в жизнь марксисткой «теории отмирания государства» оказалось преждевременным и сопровождалось резкими метаниями из одной политической крайности в другую. Чрезмерный акцент на децентрализации, абсолютизация веры в демократию, равенство и совещания оказались несоразмерными уровню производительных сил и не учитывали экономическое развитие, что в итоге и привело к глубокому системному расколу в государстве.

Ряд китайских ученых видели распад СФРЮ как последствие применения в Югославии модели социалистического самоуправления. Значительный вклад в исследования политических реформ в Югославии внес Чжао Найбинь, сотрудник ИВЕЦА КАОН, который первым после 27 апреля 1992 опубликовал выводы своих исследований в статье «Причины и уроки провала системы югославского социалистического самоуправления», обратив внимание на утопический характер югославской модели самоуправления. Он считал, что во взаимосвязи между межнациональными противоречиями, конфликтами и системой социалистического самоуправления, межнациональные противоречия и конфликты являются наиболее прямой и глубокой причиной распада СФРЮ и краха системы социалистического самоуправления. Чжао Найбинь, изучив особенности развития СКЮ, видел его историю как трансформацию из авангарда рабочего класса в федералистскую партию с националистическим уклоном, назвал это превращение фундаментальной предпосылкой распада югославского государства и краха системы социалистического самоуправления. Не менее важную причину исследователь видел в теоретических заблуждениях, заложенных в самой концепции югославского социалистического самоуправления[574].

Гипотеза Чжао Найбиня получила дальнейшее развитие в исследованиях Ян Иньцзы из Пекинского университета. Исследователь внесла существенное уточнение в концептуализацию данного феномена, охарактеризовав политику СКЮ не как системный «левацкий курс», а как дихотомию теоретического догматизма и скованности левыми

---

573 *马细谱.* 南斯拉夫通史. С. 307. [*Ma Cuny.* Общая история Югославии].

574 *赵乃斌.* 南斯拉夫社会主义自治制度失败的原因和教训 // 东欧中亚研究. 1992. № 4. С. 7. [*Чжао Найбинь*. Причины и уроки провала системы Югославского социалистического самоуправления // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

идеологемами на практике[575]. Наряду с этим Ян Иньцзы перечислила просчеты СКЮ в теории и практике национальной политики, видя в них не менее важные причины распада страны:

1) недооценку долгосрочного и сложного характера национального вопроса, который руководство страны упрощенно отождествляло с проявлениями «классовой борьбы»;

2) отсутствие подлинного уважения к историческому и реальному положению отдельных народов, что вылилось в ослабление РС и политическое ущемление сербского народа, усугубившее отчуждение между сербами и другими народами;

3) отказ СКЮ от принципа демократического централизма[576].

Некоторые китайские исследователи, основываясь на изучении экономических реформ в Югославии, пришли к выводу, что экономические проблемы в СФРЮ не только выступили непосредственным катализатором, но и оказались глубинной структурной причиной ее распада. Как в 1993 г. отмечал Сюй Ваньмин, сотрудник ИВЕЦА КАОН, несмотря на наличие глубоких национальных, исторических и культурных предпосылок, именно политико-экономические процессы последних двух десятилетий сыграли решающую роль. Сюй обратил особое внимание на системный характер кризисных явлений десятилетия 1980-х гг.: долговой кризис, экономический застой, инфляция, рост безработицы и другие хозяйственные проблемы. По мнению эксперта, синергия этих экономических явлений спровоцировала всеобъемлющий кризис, который в конечном итоге привел к распаду государства. Таким образом, именно институционализированная в СФРЮ система объединенного труда и экономический национализм республик стали глубинными корнями раскола[577].

Существенный вклад в понимание механизмов дезинтеграции внес Ян Цилай, который в своей статье в 1994 г. выделил причинно-следственную цепочку экономических факторов, приведших к распаду СФРЮ:

1) кризис модели самоуправления: внутренние противоречия экономической системы самоуправления Югославии привели к быстрому прекращению экономического

---

575 *杨荫滋.* “左”倾错误与南斯拉夫自治制度的失败 // 当代世界社会主义问题. 1992. № 4. С. 59–62. [*Ян Иньцзы.* "Левацкие" ошибки и провал системы самоуправления в Югославии // Проблемы социализма в современном мире].

576 *杨荫滋.* 论南共联盟在民族问题上的教训 // 国际政治研究. 1994. № 1. С. 33–37. [*Ян Иньцзы.* О уроках политики Союза коммунистов Югославии в национальном вопросе // Исследования международной политики].

577 *许万明.* 前南斯拉夫解体的经济根源 // 当代世界社会主义问题. 1993. № 1. С. 66–69. [*Сюй Ванмин.* Экономические причины распада бывшей Югославии // Проблемы социализма в современном мире].

роста;

2) институциональный паралич: отставание политической реформы от экономических потребностей вызвало хаос в экономике;

3) рост экономического национализма: расширение экономического самоуправления республик привело к распространению сепаратизма;

4) трансформация конфликта: экономические конфликты между республиками переросли в межэтнические противоречия;

5) финальный коллапс: экономический хаос в конечном итоге привел к политическому расколу[578].

В начале 1990-х гг. сразу несколько китайских исследователей практически одновременно пришли к выводу, что распад Югославии стал следствием совокупного воздействия нескольких факторов: политических, экономических, этнонациональных и международных. Так, Ли Мин в статье 1993 г. в числе ключевых причин распада перечислил: недостатки югославской системы самоуправления, федерализация СКЮ, серьезные просчеты в национальной политике, экономические трудности, приведшие к утрате доверия народных масс к социализму и единой федеративной системе, вмешательство и влияние внешних сил[579].

Почти одновременно с Ли Мином преподаватель Тунхуаского педагогического института Тэн Хуньянь в статье «Краткий анализ особенностей исторического развития Югославии: с обсуждением причин его распада» (1993) пришел к выводу, что важными внутренними факторами, способствовавшими распаду Югославии, являлись благоприятное географическое положение, богатые природные ресурсы, история внешних вторжений, а также сложные этнические, культурные и религиозные различия[580].

К числу экспертов, разделявших «комплексный подход» к распаду СФРЮ, следует отнести сотрудника Института международных проблем компании «Шоуган» Се Юши, чья статья «Причины и уроки провала общественного самоуправления в Югославии» была опубликована в 1993 г. Специфика его интерпретации заключалась в том, что основную причину краха Югославии он видел в несовершенстве системы самоуправления. По его мнению, экономический кризис и распад федерации обусловили:

1) несовершенство системы самоуправления и невозможность полной реализации

---

[578] *杨启来.* 试析南斯拉夫分裂的经济动因 // 国际展望. 1994. № 18. С. 7–8. [*Ян Цилай.* Попытка анализ экономических факторов дезинтеграции Югославии // Международное обозрение].

[579] *李明.* 试析南斯拉夫解体的原因 // 科学社会主义. 1993. № 3. С. 74–77. [*Ли Мин.* Попытка анализ распада Югославии // Научный социализм].

[580] *滕红岩.* 浅析南斯拉夫国家历史发展特点 — 兼论其分裂原因 // 东欧中亚研究. 1993. № 4. С. 39–44. [*Тэн Хунъянь.* Краткий анализ особенностей исторического развития Югославии – с обсуждением причин его распада // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

принципа самоуправления на практике;

2) отсутствие новых прорывов в реформах, тормозивших развитие общественного производства, в сочетании с ошибочной экономической политикой, что привело к серьезным негативным социальным последствиям.

При этом этнонациональный фактор Се Юши рассматривал как вторичный: влияние национализма безусловно сыграло свою роль, однако он лишь ускорил неизбежный крах социальной системы и дезинтеграцию федерации, почва для которых уже была подготовлена экономическим базисом[581].

Также к многофакторному направлению объяснения причин распада СФРЮ нужно отнести и взгляды Цай Вэньцинь (1995). По его мнению, распад Югославии стал результатом взаимодействия политических, экономических, исторических, религиозных и международных факторов. Ученый выстроил четкую иерархию причин кризиса. Непосредственную причину распада СФРЮ он видел в усилении этнических противоречий и конфликтов, тогда как глубинные причины усматривал в накопленной вражде и этническом разделении, вызванном длительным иностранным господством. Важными факторами, по его мнению, стали недостаточное социально-экономическое развитие и распад СКЮ, которые привели к утрате сплоченности среди народов Югославии. Внешние факторы, как последствия революций в Восточной Европе в 1989 г. и вмешательство западных стран, по мнению Цай Вэньциня, также оказали значительное влияние на дезинтеграцию югославского государства[582].

В статье 1995 г. выявить «суть» югославских проблем попыталась Кань Яошань. Причину проблем исследователь увидела в структурных перекосах государственного устройства СФРЮ**,** которые были заложены еще Й. Брозом-Тито и со временем лишили систему устойчивости: экономическое неравенство республик, политика абсолютного равенства наций, чрезмерная централизация власти во время правления Тито, а также в распространении национализма и неуместном вмешательстве в дела региона западных государств[583].

К числу экспертов, также объяснявших распад Югославии «множеством причин» с некоторой оговоркой, следует отнести Чжай Юньжуй, автора статьи «Происхождение и развитие межэтнической гражданской войны в Югославии». В ней автор обратил

---

581 *谢有实*. 南斯拉夫社会自治失败的原因和教训 // 世界经济. 1993. № 9. С. 63–67. [*Се Юши*. Причины и уроки провала общественного самоуправления в Югославии // Мировая экономика].

582 *蔡文钦*. 前南斯拉夫解体探源 // 自贡师范高等专科学校. 1995. № 1. С. 16–19. [*Цай Вэньцинь*. Изучение причин бывшей Югославии // Вестник Цзыгунского педагогического колледжа].

583 *阚耀珊*. 前南斯拉夫问题的症结、隐患和前景 // 世界经济与政治. 1993. № 6. С. 54–57. [*Кань Яошань*. Суть проблемы, скрытые опасности и перспективы развития ситуации в бывшей Югославии // Мировая экономика и политика].

внимание на сложный национальный состав, исторические обиды, политические ошибки СКЮ, экономический кризис, длившийся с начала 1980-х гг. Ключевыми факторами, ставшими катализаторами межнациональной войны в Югославии исследователь назвала также влияние политической ситуации в Советском Союзе и Восточной Европе[584].

Ряд экспертов объясняли распад СФРЮ комплексом причин, акцентируя внимание на внешних факторах – воздействии преобразований в восточноевропейских странах и вмешательстве внешних сил. Так, преподаватель Шаньсийского университета Сунь Кэцинь[585] основными причинами распада Югославии считал «внутренние факторы (в том числе обострение отношений между основными этническими группами и влияние политического и экономического кризиса конца 1980-х гг.)». Однако международные факторы, по его мнению, сыграли не менее важную роль в развитии югославского кризиса и серьезно ускорили дезинтеграцию. В подтверждение своих выводов автор проанализировал не только основные стратегии вмешательства западных стран в югославский кризис, но и его конкретные методы и формы, повлиявшие на распад Югославии[586].

1.3.2. Период после Дейтона и кризис в Косове (1996–1999 гг.)

Если в статьях и книгах 1992–1995 гг. сформировались основные позиции и взгляды на распад СФРЮ, то в период 1996–1999 гг. выходившие публикации в основном добавляли дополнительные аргументы в пользу уже сложившихся в 1992–1995 гг. объяснений распада и предшествующей ему дезинтеграции СФРЮ, либо предлагали новые ее интерпретации. Примерно с 1995 г. руководство КНР стало называть бывшую «Восточную Европу» Центрально-Восточной Европой. Эта перемена показала, что «руководство Китая прошло период оценки влияния резких изменений в Центральной и Восточной Европе и перешло к реалистичному восприятию новой международной обстановки»[587]. Руководство Китая рассматривало события в Восточной Европе и распад Советского Союза как серьезное поражение МКД, а также как значительный вызов для китайской политики реформ и открытости. В целях минимизации возможных рисков для внутренней стабильности Китая партийно-государственные институты инициировали

---

584 *翟云瑞.* 南斯拉夫民族间内战的由来和发展 // 东欧中亚研究. 1995. № 3. С. 57–61. [*Чжай Юньжуй.* Происхождение и развитие межэтнической гражданской войны в Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

585 Дипломат посольства КНР в Германии (2009–2013).

586 *孙恪勤.* 南斯拉夫联邦危机与解体过程中的国际因素 // 东欧中亚研究. 1994. № 4. С. 84–89. [*Сунь Кэцинь.* Международные факторы в процессе кризиса и распада Югославской федерации // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

587 *朱晓中.* 中国中东欧研究的几个问题 // 国际政治研究. 2016. № 5. С. 51–52. [Ч*жу Сяочжун.* Некоторые вопросы китайских исследований Центральной и Восточной Европы // Исследования международной политики].

углубленное изучение данной проблематики. Вместе с тем, в тот период результаты исследований наиболее чувствительных аспектов трансформации бывших социалистических государств Восточной Европы не могли свободно публиковаться в Китае. Подобные цензурные ограничения вынудили часть исследователей прекратить дальнейшее изучение восточно-европейской проблематики, а некоторых – переключиться на осмысление причин распада Югославии, что способствовало расширению исследований данного вопроса[588].

До кризиса в Косове в 1998–1999 гг. китайские эксперты были сосредоточены на анализе проблем политической системы в период распада Югославии, уделяя особое внимание причинам неудач социалистических реформ, ошибкам при проведении реформы политической системы, а также обобщению уроков распада бывшей Югославии. Ярким событием стала дискуссия, развернувшаяся между Ху Аньган[589] и Чжу Синцяо в 1996 г. В статье «Уроки и выводы из распада бывшей Югославии» Ху Аньган представил результаты исследования, в ходе которого он рассмотрел процесс перехода бывшей Югославии от децентрализации к распаду с точки зрения налогово-бюджетной системы. По его мнению, чрезмерная децентрализация финансово-налоговой системы бывшей Югославии, неспособность федерального центра сократить региональные различия в уровне развития республик привела к усилению центробежных тенденций, что и является серьезным уроком. Исследователь обращал внимание, что «необходимо правильно понимать и решать противоречия между центром и субъектами федерации, между развитыми и отсталыми регионами». В выводах автор подчеркнул, что «финансовая мощь центра и способность к макроэкономическому регулированию служат важными предпосылками для сокращения региональных различий»[590].

Не все выдвинутые Ху Аньганом положения нашли понимание среди китайских экспертов. Публично их сформулировал, подчеркнув несогласие с некоторыми выводами своего оппонента, Чжу Синцяо[591], исследователь из Института мировой экономики и политики КАОН. Он исходил из посылки, что бывшая Югославия не является лучшим объектом для сравнительного исследования с Китаем. Исследователь подчеркивал, что трудно объяснить корни распада и дезинтеграции бывшей Югославии только с точки зрения налогово-бюджетной системы. Основную причину дезинтеграции и распада

---

588 Там же.

589 Ху Аньган (胡鞍钢), директор Центра китайских исследований Университета Цинхуа. Области исследований: экономика, государственное управление и изучение национальных условий.

590 *胡鞍钢.* 前南斯拉夫分裂的教训与启示 // 国际经济评论. 1996. № Z1. С. 41–43. [*Ху Аньган.* Уроки и выводы из распада бывшей Югославии // Международное экономическое обозрение].

591 С 1971–1974 гг. работал в посольстве КНР в Югославии.

бывшей Югославии он видел в национальных противоречиях и конфликтах. Автор утверждал, что национальные противоречия в бывшей Югославии в действительности сводились к затяжному противостоянию между двумя ведущими республиками – Сербией и Хорватией, а в основе их конфликта он видел национальную вражду, накопленную за долгую историю. Она не была вызвана, по мнению Чжу Синцяо, экономическими противоречиями и, следовательно, не могла быть решена путем укрепления финансовой мощи федерального центра[592].

На протяжении второй половины 1990-х гг. китайские исследователи продолжали всесторонний анализ факторов, действие которых привело к распаду Югославии. В двух своих публикациях 1997 и 1999 гг. всесторонний анализ вопроса представила доцент Синьзянского педагогического университета Лэй Линь. Главную ошибку политической системы Югославии исследователь видела в том, что запущенные процессы экономической дестабилизации, политический регионализм и обострение межнациональных противоречий в конечном итоге привели к всеобъемлющему государственному кризису и распаду федерации. Лэй Линь полагала, что изъяны политической системы Югославии в основном сводились к двум аспектам: во-первых, к чрезмерной аморфности федеративной системы и неэффективности консенсусного механизма принятия решений; во-вторых, к ослаблению власти федерального центра и концентрации полномочий на уровне республик, что привело к формированию деструктивной системы регионального централизма. Во второй статье автор обратила внимание на дополнительные причины провала социалистических реформ и краха Югославии, среди которых важное место уделялось преждевременному выдвижению теории «отмирания государств», виртуализации (институциональной размытости и фиктивности) общественной собственности, замене планирования и рынка договорной экономикой[593]. Главная ошибка политической системы Югославии, по ее мнению, заключалась в том, что «в процессе преодоления традиционной модели

---

[592] *朱行巧.* 也谈前南斯拉夫分裂的教训和启示: 与胡鞍钢博士商榷 // 国际经济评论 1996. № (Z6). С. 53–55. [*Чжу Синцяо*. К вопросу об уроках и выводах из распада бывшей Югославии: дискуссия с доктором Ху Аньганом // Международное экономическое обозрение].

[593] *雷琳.* 南斯拉夫社会主义改革失败探源 // 新疆师范大学学报(哲学社会科学版). 1997. № 4. С. 37–43, 95–96. [*Лэй Линь.* Изучение причин провала социалистической реформы Югославии // Вестник Синьцзянского педагогического университета (серия: философия и общественные науки)]; *雷琳.* 政体问题与南斯拉夫的解体 // 当代世界与社会主义. 1997. № 3. С. 64–65. [*Лэй Линь.* Вопрос политического строя и распад Югославии // Современный мир и социализм]; *雷琳.* 理论设计的超阶段: 南斯拉夫社会主义改革失败探源之二 // 新疆师范大学学报(哲学社会科学版) . 1999. № 3. С. 39–44. [*Лэй Линь.* Сверхэтапность теоретического проектирования: вторично изучение причин провала социалистических реформ Югославии // Вестник Синьцзянского педагогического университета (серия философских и социальных наук)].

централизованного управления произошел переход из одной крайности в другую: чрезмерное значение придавалось децентрализации, демократическим принципам, равенству и согласованию позиций, которым отводилось неоправданно большое место, не соответствовавшее уровню экономического развития, качеству населения и состоянию социалистического строительства».

В том же ключе трактовал распад Чэнь Хуашань (1996), считавший, что в самоуправляемой экономической системе Югославии существовал ряд глубоких, по сути, неразрешимых противоречий. Прежде всего они проявлялись в противоречии между общественной собственностью на средства производства и коллективным либо групповым присвоением результатов труда и доходов. Это, в свою очередь, приводило к неэффективности макроэкономического регулирования, неспособности рыночных механизмов выполнять свою функцию, хаотичности в принятии экономических решений в хозяйственной жизни, а также к несоответствию между опережающей стратегией экономического развития и системой экономического управления и проводимой политикой. Кроме того, специфические национальные условия страны, дезорганизация управления предприятиями, слабая политическая дисциплина и искаженный партийный стиль работы усугубляли экономический, политический, этнический и социальный кризис[594].

Сформировавшиеся к этому периоду концептуальные подходы к объяснению распада Югославии в последующих работах китайских исследователей зачастую повторялись. В 1998 г. Лю Хунчао, возвращаясь к анализу экономических, политических и исторических аспектов распада Югославии, выделил три общепризнанные в научных кругах причины: во-первых, существенные различия в уровнях экономического развития федеративных республик, выражавшиеся в неравномерности экономического роста между субъектами федерации; во-вторых, введение многопартийной системы, результатом которого стала утрата коммунистической партией руководящей роли, что способствовало росту национализма и лишило федеративное государство объединяющего центра; в-третьих, исторические национальные обиды и современная этническая сегрегация выступали катализатором межнациональной розни и сепаратистских тенденций[595].

В связи с эскалацией косовского кризиса национальный вопрос вновь стал одним из приоритетных направлений для китайских исследователей. Анализируя исторические корни косовского кризиса и вмешательство великих держав, китайские исследователи

---

[594] *陈华山.* 试析原南斯拉“自治”经济体制最终失败的原因 // 东欧中亚研究. 1996. № 4. С. 21–27, 69. [*Чэнь Хуашань.* Анализ причин неудачи экономической системы "самоуправления" бывшей Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

[595] *刘洪潮.* 波黑战争风云. С. 4–6. [*Лю Хунчао.* Вихрь войны в БиГ].

обратились к проблемам национализма и сепаратизма в бывшей Югославии, рассматривая их сквозь призму права на самоопределение, государственного суверенитета и национального равенства. Это дало возможность обобщить социокультурные истоки и уроки национального вопроса в этой стране.

Сделав попытку рассмотреть распад СФРЮ в контексте обсуждения проблемы этнического равенства Юнь Лай и Чжан Цзин (1999) в своей статье «Распад Югославии и косовский кризис» пришли к выводу, что в югославской практике «[значительно] большее внимание уделялось этническому равенству, но недостаточно национально-государственному единству при чрезмерном акценте на противостоянии великосербству. Вместе с тем югославские власти недостаточно эффективно противостояли "узкому национализму"; а большее значение придавалось правам республик, тогда как вопросам концентрации власти и единства федерации уделялось недостаточное внимание»[596].

Сходную позицию высказал и сотрудник Института Центральной Азии Синьцзянской академии общественных наук Пань Чжипин (1999). Исследователь пришел к выводу, что концепция национального равенства носила относительный, а не абсолютный характер. Ученый обращал внимание на важность достижения оптимального баланса между формальным и фактическим равенством, полагая, что любые крайности в этом вопросе ведут к дестабилизации межнациональных отношений. На примере Югославии и СССР Пань Чжипин показал, каким образом радикальный национализм и отсутствие сбалансированного подхода к национальному вопросу привели к ослаблению центростремительных сил и последующему распаду обоих федеративных государств[597].

В 1999 г. к проблеме распада Югославии вновь обратились ведущие китайские эксперты, активно изучавшие проблемы региона в предшествующий период. Тема распада СФРЮ стала частью фундаментальных монографий Хао Шиюаня и Ма Сипу, посвященных более широким сюжетам. Хао Шиюань, в то время директор Института этнологии КАОН, увязывал крах СФРЮ с общими ошибками в процессе социалистического строительства. По его мнению, произошедшее стало не просто следствием межнациональных конфликтов, а неизбежным результатом ошибочной генеральной линии социалистического развития. Исследователь указывал, что в желании доказать отсутствие «ревизионизма», руководство СФРЮ избрало более радикальный

---

[596] *云来, 张静.* 南斯拉夫解体与科索沃危机 // 北方民族. 1999. № 2. С. 119. [*Юн Лай, Чжан Цзин*. Распад Югославии и косовский кризис // Северный Минзу].

[597] *潘志平.* 民族平等：理想、空想和现实：从前南斯拉夫解体谈起 // 世界民族. 1999. № 3. С. 1–10. [*Пань Чжипин.* Национальное равенство: идеал, утопия и реальность: начиная с распада бывшей Югославии // Нация мира].

путь социализма в сравнении с СССР, догматически применяя марксистско-ленинскую теорию. Ошибочно полагая, что страна уже вступила в стадию «отмирания государства», федеративное руководство последовательно расширяло децентрализацию власти, что, по мнению Хао Шиюаня, и привело к переходу контроля над общефедеральными органами управления к национальным республикам и чрезмерному суверенитету республиканских элит, что, с одной стороны, искусственно подавляло сербский фактор, а с другой – игнорировало сепаратистские тенденции других народов[598]. «Если причины неудачи решения национального вопроса в СССР заключались в том, что под формальной оболочкой федерализма фактически осуществлялась высокоцентрализованная система управления, сопровождавшаяся проявлениями великодержавного шовинизма, то причины неудачи решения национального вопроса в Югославии состояли в том, что под тем же лозунгом федерализма происходило постепенное ослабление принципа демократического централизма партии, что вело к "конфедерализации" государственной власти и догматическому стремлению к "абсолютному равенству" народов. В первом случае это способствовало усилению великодержавного национализма, во втором – потворствовало местному национализму. Критикуя крайности советской централизованной модели социализма, Югославия, в свою очередь, впала в противоположную крайность – чрезмерную децентрализацию. Обе модели социалистического развития, оторванные от национально-исторических условий, в конечном итоге привели к сходному результату – распаду СССР и распаду Югославии»[599].

События 1990-х гг. позволили известному специалисту по балканским проблемам Ма Сипу представить более взвешенную оценку распада Югославии. По его мнению, смерть авторитетного лидера СФРЮ Й. Броза-Тито стала одной из важных причин югославского распада: послевоенное ускоренное развитие и национальное единство югославской федерации опирались на три ключевых фактора – сильное руководство, правящую партию и единую армию, однако после смерти Тито в 1980 г. все три стабилизирующих элемента фактически утратили свое консолидирующее значение. Ма Сипу полагал, что, хотя указанные три внутренних фактора заложили основу распада Югославии, вмешательство внешних сил существенно осложнило и затянуло кризис[600]. «Острые межнациональные противоречия, экономический кризис, изъяны федеративного системы и просчеты в деятельности СКЮ – все это сыграло свою роль, однако решающим фактором в конечном счете оказалась позиция западных держав – США и стран

---

[598] *郝时远.* 帝国霸权… 1999. С. 224–309. [*Хао Шиюань*. Имперская гегемония…].
[599] Там же. С. 278.
[600] *马细谱.* 巴尔干纷争. С. 312–328. [*Ма Сипу.* Балканские раздоры].

Европы»[601].

Последующее обострение косовской проблемы Ма Сипу объяснил тем, что наряду с внешними давлением и албанским национальным сепаратизмом, одной из причин конфликта стала и политика великосербского национализма, проводившаяся в Косове руководством СРЮ. Именно эта политика Белграда предоставила внешним силам удобный предлог для прямого вмешательства[602]. Кроме того, эксперт подробно реконструировал процесс распада Югославской федерации, выделив четыре его этапа его финальной стадии:

1) отказ республик соблюдать Конституцию СФРЮ;

2) саботаж решений федерального центра со стороны республиканских властей, превративший децентрализацию в выход из федерации и сепаратизм;

3) провозглашение республиками и автономными краями национального суверенитета на основе результатов проведенных общенародных референдумов, и их фактический выход из состава федерации;

4) выдвижение взаимных претензий относительно «исторических прав», «территориальной принадлежности», «прав национальных меньшинств», что привело к политическим и дипломатическим спорам, к обострению и интернационализации национальных вопросов[603].

Наряду с этим Ма Сипу выделил четыре просчета СКЮ в области национальной политики:

1) крайняя терминологическая размытость выдвинутого понятия «народ»;

2) признание мусульман как отдельного народа;

3) одностороннее толкование и декларативное осуществление принципа национального равноправия;

4) умаление политической роли и геополитического значения Сербии в рамках федерации[604].

1.3.3. Постмилошевичевский период (2000–2012 гг.)

Аналитические направления исследований, сформировавшиеся после косовского кризиса, в течение десятилетия масштабных трансформаций, развернувшихся в СРЮ после смены режима Милошевича, позволили китайским исследователям систематизировать подходы к изучению распада Югославии. В результате в китайской историографии была выстроена многомерная модель, в основе которой вычленяются

---

[601] Там же. С. 322.
[602] Там же. С. 459.
[603] Там же. С. 322.
[604] Там же. С. 309–311.

четыре ключевых исследовательских измерения.

Сторонники первого, рассматривая распад Югославии, исходили из приоритета исторических факторов. Исследователи, подходившие к вопросу в этой парадигме, видели в крахе государства продукт длительной исторической эволюции межэтнических противоречий и исторических обид. Другая часть аналитиков, выбирая фокусом исследования институционального устройства югославской федерации и его проблемы, указывали на разрыв между социалистической системой самоуправления и реальными национальными условиям. Исследователи третьего направления основополагающими считали проблемы федеративной структуры и деструктивное влияние институциональных изменений на эффективность политики власти в национальном вопросе в процессе федерализации. Сторонники четвертого направления, этнонационалистического, объясняли крах СФРЮ сквозь призму национализма, где значение особого центробежного триггера отводилось "великосербскому шовинизму".

Эксперты, исследовавшие процессы дезинтеграции Югославии в начале 1990-х гг., в этот период вновь обратились к их осмыслению, но уже на новом витке знаний, обогатившемся событиями, последовавшими за распадом государства. Наиболее активно данные исследования велись в ИРВЕЦ КАОН и Институте всеобщей истории КАОН, Шанхайском института международных исследований, Китайского народного университета и Института международных отношений Пекинского университета и др. Традиционно значительное место в объяснении причин распада югославской федерации исследователи продолжали отводить этническим конфликтам, рассматривая их как закономерное историческое наследие, а не случайное побочное явление, проявившееся в процессе модернизации. Эксперт-югославист ИВЕЦА КАОН Ван Лиминь[605] (2000) указывала, что османское завоевание, деспотическое правление Сербского королевства, межэтническое насилие во время Второй мировой войны и системные просчеты реформ Тито усилили этническую ненависть и привели к распаду Югославии[606]. В том же году более широкий подход к объяснению истоков гражданской войны и нестабильности на постъюгославском пространстве в 1990-е гг. представил Ван Сюйхэ, полковник, сотрудник Военной академии НОАК, в монографии «На Балканах вновь подожгли бочку с

[605] Ван Лимин (р. 1938) – в октябре 1958 г. окончила философский факультет Белградского университета (в ФНРЮ). С октября 1958 по сентябрь 1978 г. работала в Комитете по внешним культурным связям Китая. С октября 1978 по декабрь 1980 г. – в Институте СССР и Восточной Европы при Международном отделе ЦК КПК. С января 1981 г. – в Институте СССР и Восточной Европы (ныне Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии) КАОН.

[606] *汪丽敏*. 前南斯拉夫的民族问题 // 东欧中亚研究. 2000. № 2. С. 23–30. [*Ван Лиминь.* Национальные вопросы в бывшей Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

порохом» (2000). Автор доказал, что ключевые деструктивные факторы были укоренены в длительном иностранном господстве, глубоких исторических обидах между этническими группами и серьезных ошибках в строительстве СКЮ[607].

В предисловии к коллективной монографии «Перемены в Югославии» (2002) эксперт Чжао Найбинь назвал причиной краха югославской модели социалистического самоуправления «отклонения», возникшие в ходе ее практического воплощения, и сформулировал пять уроков распада СФРЮ:

1) опасность «нового догматизма», выразившаяся в критическом разрыве между теорией социализма и жизненными реалиями социалистического самоуправления;

2) некоторые основополагающие принципы и политика системы социалистического самоуправления были направлены не на выявление, а на сокрытие объективно существовавших межэтнических конфликтов, что вступало в противоречие с объективными законами общественного развития, а этническая напряженность не получала эффективного урегулирования;

3) главным инструментом предотвращения национал-шовинизма и узкого национализма является правильная политика;

4) ключом к преодолению неравномерности развития регионов является их внутренний потенциал (принцип саморазвития экономических субъектов);

5) партийное строительство должно гибко адаптироваться, чтобы иметь возможность отвечать требованиям развития современного социалистического общества[608].

Сотрудник Шанхайской АОН Юй Цзяньхуа в монографии «Национализм, государственное устройство и интернационализация: исследование национального вопроса в Югославии» (2004), подготовленной на основе его докторской диссертации (под руководством Фэн Шаолэя), впервые исследовал корни национального вопроса в Югославии сквозь призму развития федерализма. Ученый доказал, что эскалация национального вопроса во второй Югославии была вызвана не самим выбором федеративной структуры, сделанным КПЮ, а специфическим характером «федерализации» в рамках системы социалистического самоуправления. Данная модель подразумевала избыточную децентрализацию и догматический акцент на абсолютном равенстве народов. Именно эта ошибка в институциональных преобразованиях стала катализатором обострения национального вопроса, что в сочетании с политическим и

---

607 *汪徐和.* 复燃的巴尔干火药桶. С. 1–32. [*Ван Сюйхэ.* На Балканах вновь подожгли бочку с порохом].

608 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 3–4. [Перемены в Югославии].

экономическим кризисом привело к распаду югославской федерации[609].

Логичным продолжением китайских исследований, посвященных распаду второй Югославии, стал анализ произошедшего в 2006 г. относительно бескровного отделения Черногории от Государственного союза Сербии и Черногории и одностороннего провозглашения независимости Косова в 2008 г. Включение этих событий в область исследования позволило китайским ученым рассматривать их как финальный этап единого процесса дезинтеграции СРЮ до Сербии и послужило дополнительной возможностью верифицировать сложившиеся теоретические модели, глубже проанализировать соотношение внутренних и внешних факторов в исторической динамике распада, прежде всего обращая специальное внимание на проблемы политической системы (ослабление авторитета партийного центра, демократизацию межэтнической политики, многопартийную систему) и национальный вопрос.

Концепция «великосербства» как причины распада второй Югославии

Сторонники теории, рассматривающей великосербский шовинизм в качестве ключевой причины распада СФРЮ, к настоящему времени малочисленны. В 2006 г. крупнейший политолог, историк и профессор Китайского народного университета Гао Фан [610] первым указал на то, что «великодержавный шовинизм» – политика «великосербства» – был важнейшей внутренней причиной распада Югославии и начала гражданских войн. В нем исследователь видел причину усиления в федерации тенденций к национальному сепаратизму и расколу, к обострению межнациональных противоречий, а также источник конфликтов и ненависти между сербским и другими народами. Исследователь утверждал, что «самой большой политической ошибкой Милошевича в решении национальных вопросов в стране было то, что на протяжении 16 лет своей политической карьеры он постоянно пропагандировал и продвигал национализм и великосербские взгляды, что в итоге не только привело к разрушению югославской федерации, но и стало причиной кровавой трагедии для албанцев, хорватов и мусульман». Сопоставляя национальную политику Й. Броза-Тито и С. Милошевича, Гао Фан констатировал, что «если подавление Тито великосербства и не являлось наилучшим способом решения национального вопроса, то Милошевич, бросившись в другую крайность и всячески раздувая великосербство, тем самым питал сепаратизм и

---

[609] *余建华.* 民族主义、国家结构与国际化: 南斯拉夫民族问题研究. 北京: 民族出版社, 2004. С. 183. [*Юй Цзяньхуа.* Национализм, государственное устройство и интернационализация: исследование национального вопроса в Югославии. Пекин: Издательство Миньцзу].

[610] 高放 (Гао Фан, 1927–2018) – один из основоположников изучения истории международного коммунистического движения и научного социализма в Китае, известный марксистский теоретик, политолог и специалист по истории международного коммунистического движения.

центробежные тенденции, – а это и вовсе являлось наихудшей политикой, лишь обострявшей межнациональные противоречия»[611].

Несмотря на широкий спектр существующих интерпретаций причин распада, в китайской историографии доминирует подход, признающий комплексный характер распада СФРЮ. В 2008 г. свою концепцию распада югославской федерации выдвинул Чжу Сяочжун, главный сотрудник ИРВЕЦА КАОН. Исследователь пришел к выводу, что основными причинами распада СФРЮ стали недостатки ее политической системы, трудности экономического развития и обострение долгое время игнорируемых межнациональных проблем. При этом в конфедерализации СКЮ и введении многопартийной системы эксперт видел важные катализаторы разрушения государственности. Исследователь подчеркивал, что «если распад Югославской федерации и Государственного союза Сербии и Черногории был обусловлен преимущественно внутренними факторами, то одностороннее провозглашение независимости Косова в значительно большей мере стало результатом целенаправленного внешнего продвижения со стороны Запада во главе с США»[612].

Вслед за Чжу Сяочжуном созвучные тезисы в рамках концепцией приоритета внутренних факторов высказывал и Вэнь Сигуй, занимавший в 1997–2000 гг. пост посла КНР в БиГ. В 2009 г. в своем интервью дипломат выделил три ключевых фактора фатальных изменений, приведших к распаду Югославии: идеализация и абсолютизация системы самоуправления за время правления Й. Броза-Тито, экономический кризис спровоцировавший политический кризис, и национальные противоречия, ставшие в итоге непреодолимой проблемой СФРЮ[613].

Увеличение исторической дистанции и появившиеся за эти годы дополнительные источниковые данные позволили экспертам, исследовавшим балканскую проблематику ранее, вновь вернуться к ее оценке. В 2010 г. Ма Сипу, представил обновленную классификацию причин распада Югославии, разделив их на внутренние и внешние факторы. Опытный эксперт подчеркивал, что хотя внутренние деструктивные процессы (потеря политического контроля, экономический спад и обострение национальных

---

611 *高放.* 大民族主义是南斯拉夫分崩离析的重要内因: 我对米洛舍维奇的盖棺之论 // 探索. 2006. № 6. С. 57–64. [*Гао Фан.* великонациональный шовинизм является основными внутренними причинами распада Югославии: мои окончательные выводы о Милошевиче // Исследование].

612 *朱晓中.* 从南斯拉夫联邦到塞尔维亚: 析南斯拉夫的不断“裂变” // 当代世界. 2008. № 4. С. 19–22. [*Чжу Сяочжун.* От Югославской федерации до Сербии: анализ постоянного "раскола" Югославии // Современный мир].

613 *徐鹏堂.* 南斯拉夫解体的原因及南共盟执政失败的教训（下）: 访中国前驻波黑大使温西贵 // 中共党史研究. 2009. № 3. С. 90–98. [*Сюй Пэнтан.* Причины распада Югославии и уроки провала правления СКЮ (Часть 2): интервью с бывшим послом Китая в БиГ Вэнь Сигуем // Исследования партийной истории КПК].

противоречий) он продолжал считать основными, при определенных условиях, критическое значение приобретало влияние извне, к которому Ма относил перемены в Восточной Европе и СССР, а также навязанную Западом стратегию «мирной эволюции» социалистического строя. «В конце 1980-х гг. социальные противоречия и экономический кризис в югославской федерации резко обострились. На фоне международной обстановки, характеризовавшейся резкими изменениями в восточноевропейских социалистических странах и вмешательством западных великих держав, национальный вопрос в Югославии был политизирован и интернационализирован враждебными силами внутри страны и за рубежом. Кризис в федерации усугубился, республики одна за другой стали выходить из ее состава, вспыхнули конфликты и войны как между республиками, так и в районах смешанного проживания народов, что в конечном счете привело к распаду югославской федерации»[614].

Тема югославского распада продолжала занимать и других исследователей. В начале 1990-х гг. три социалистических федеративных государства – Советский Союз, Югославия и Чехословакия – распались на ряд суверенных республик. Был ли распад случайным или исторически неизбежным? Какие факторы повлияли на формирование и развитие социалистического федерализма, в чем заключались причины распада, – эти вопросы легли в основу статьи профессора Кун Ханьбина «Социалистические федеративные государства: формирование, противоречия и распад» (2012). Ее автор, заведующий центром по изучению Центрально-Восточной Европы Института международных отношений Пекинского университета, показал, что югославская федеративная система с самого начала содержала значительные внутренние противоречия. Создание Югославии в значительной степени было результатом действия центробежных сил, а важным внешним условием этого процесса стал упадок государств, великих империй прошлого, которые в терминологии С. Хантигтона являлись носителями католической и исламской цивилизаций. Автор также отметил, что важными движущими силами формирования единого югославского государства был внешний фактор – экспансия царской России на Балканы, и внутренний фактор – распространение панславизма, а не внутреннее единство населявших эту территорию различных этнических групп. Принадлежность к разным культурам, влияние соперничавших великих держав и груз взаимных исторических обид ослабляли гражданскую идентификацию различных этнических групп с единым государством в рамках федеративной системы. Кроме того, Югославия, декларируя федеративное устройство, на практике выстроила высокоцентрализованную политическую властную вертикаль. Сочетание однопартийной

[614] *马细谱.* 南斯拉夫兴亡. С. 366. [*Ma Cuny.* Подъем и падение Югославии].

политической монополии с доминированием одной нации лишь усилило центробежные тенденции других наций, что в конечном итоге привело к нежизнеспособности федеративной системы и ее распаду. Профессор Кун констатировал, что хотя федеративное устройство, созданное в Советском Союзе, Югославии и Чехословакии, изначально было призвано обеспечить институциональные гарантии равенства основных национальностей, эти механизмы имели три существенных недостатка: «во-первых, равенство между крупными национальностями маскировало неравенство между крупными и малыми народами; во-вторых, равенство между однородными этносами скрывало неравенство между разнородными группами; в-третьих, декларируемое национальное равенство скрывало глубокие разломы между различными национальностями». Автор считал, что общая причина распада трех социалистических федеративных государств заключалась во внутреннем противоречии между унифицированной политической системой (однопартийным монополизмом) и сложной государственной структурой (федерализмом). При этом, правящая партия, в борьбе за единообразие политической системы и идеологии в своем федеративном государстве, отрицала существование национальных особенностей своих членов и пыталась их нивелировать. Поэтому любые попытки подчеркивать национальные особенности квалифицировались как проявления национализма, что наносило ущерб как устойчивости политической системы, так и прочности государственных структур. Кун Ханьбин пришел к выводу, что коллапс данных государств стал закономерным следствием радикальных изменений их политических систем[615].

Проблематика общих причин распада Советского Союза и Югославии получила освещение в китайской науке еще в середине 1990-х гг. Лю Гуйхуа в статье 1995 г., когда война в Боснии еще продолжалась, выделил четыре общих фактора: во-первых, догматизм в теоретической сфере; во-вторых, просчеты в проведении экономических реформ, ослабивших позиции правящих коммунистических партий; в-третьих, ошибки национальной политики, спровоцировавшие эскалацию межэтнических противоречий; в-четвертых, влияние навязываемой западными странами стратегии «мирной эволюции». Данная статья заложила основу для последующего анализа механизма взаимодействия

[615] *孔寒冰.* 社会主义联邦制国家: 形成、纠结与解体 // 江西师范大学学报（哲学社会科学版）. 2012. № 45 (01). С. 28. [*Кун Ханьбин.* Социалистические федеративные государства: формирование, противоречия и распад // Вестник Цзянсиского педагогического университета (серия: философия и общественные науки)].

внутренних и внешних факторов[616]. С позиций сравнительно-исторического анализа тематику распада федераций исследовал Чжан Цзяньхуа, профессор Пекинского педагогического университета. Сравнивая федеративные модели Советского Союза, Югославии и США, исследователь пришел к выводу, что ключевой причиной распада первых двух стала неспособность обеспечить баланс между укреплением центральной власти и оптимальным соотношением «централизации – децентрализации». Профессор Чжан пояснял, что «в федеративных государствах установление центральной власти представляет собой проблему, в которой параллельно действуют тенденции к централизации и децентрализации. Советский Союз и Югославия в течение долгого времени не осознали этого должным образом: в Советском Союзе преобладала исключительно централизация, в то время как в Югославии доминировала исключительно децентрализация, что в итоге привело к ослаблению центральной власти и распаду государств»[617].

1.3.4. Период с 2012 г. по настоящее время

Интерес китайских исследователей к распаду Югославии не угас с началом второго десятилетия XXI в. При описании и объяснении распада СФРЮ эксперты стали переосмысливать не только события кризиса, но и систематизировать накопленный ранее опыт анализа проблематики. В 2012 г. в журнале «Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы» вышла статья «Обзор отечественных исследований о причинах распада Югославии», в которой Гу Яхун обобщила результаты исследований китайских ученых о причинах распада Югославии и выделила шесть ключевых подходов – теорию комплексных причин, экономических, политических, этнонациональных причин, идеологических и международных[618].

Распад Югославии также вызвал значительный интерес и рефлексию со стороны китайских дипломатов. В 2013 г. бывший временный поверенный в делах КНР в Югославии и посол в Черногории Ли Маньчан опубликовал монографию под названием

---

[616] *刘桂华.* 对苏联、南斯拉夫解体的共因的探析 // 零陵师专学报. 1995. № 4. С. 84–88. [*Лю Гуйхуа.* Анализ общих причин распада СССР и Югославии // Вестник Линлинского педагогического института].

[617] *张建华.* 比较史学视野下的苏联和南斯拉夫的解体: 苏联、南斯拉夫与美国联邦制的比较 // 改革开放与理论创新: 第二届北京中青年社科理论人才“百人工程”学者论坛文集. 北京: 北京师范大学历史学院. 2008. С. 401–415. [*Чжан Цзяньхуа.* Распад СССР и Югославии в сравнительно-исторической перспективе: сопоставление с федеративной системой США // Реформы и теоретические инновации: материалы Второго форума молодых ученых «Программа ста талантов». Пекин: Исторический факультет Пекинского педагогического университета].

[618] *谷亚红.* 南斯拉夫解体根源国内研究述评 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2012. № 2. С. 89–90. [*Гу Яхун.* Обзор отечественных исследований о причинах распада Югославии // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы].

«Многопартийная система и распад Югославии»[619], вышедшую под грифом «для служебного пользования», в которой обобщил свой многолетний опыт работы и исследований по Югославии. Сфокусировав свое внимание на историческом развитии и кризисных процессах, Ли Маньчан пришел к выводу, что «внешней формой распада Югославии выступал национализм, тогда как его сущностной причиной стала многопартийная система, которая подорвала, а затем разрушила это некогда сильное социалистическое государство». Автор также отметил, что в ходе вооруженных конфликтов и распада Югославии чрезвычайно «важную» роль сыграли страны Запада, а «в определенной степени их влияние было даже решающим». По его мнению, стратегия западных стран в югославском кризисе заключалась в преднамеренной «интернационализации внутреннего кризиса», то есть в «целенаправленном, планомерном и организованном расширении и выведении внутренних противоречий Югославии на международный уровень». Данная тактика лишила Белград способности самостоятельно урегулировать свои внутренние проблемы и позволило западным великим державам подчинить себе ход всего процесса[620].

Наряду с этим, китайское экспертное сообщество продолжило писать о дезинтеграции. Также в 2013 г. вышла еще одна работа Ма Сипу, посвященная анализу успехов и просчетов СКЮ в управлении государством. Исследователь исходил из того, что именно «отказ от руководящей роли партии привел к распаду СКЮ и полному разрушению югославской федерации». Историк систематизировал допущенные СКЮ ошибки в национальной политике, выделив пять ключевых аспектов: просчеты в теоретической концепции национального вопроса, транслируемые СКЮ и федеральным правительством; одностороннее понимание и декларативное воплощение принципа абсолютного равенства между национальностями, нереалистичные механизмы «равных возможностей» и «ротации власти» для всех национальностей независимо от их размера; искусственное умаление статуса и роли Сербии в Федерации и постоянное расширение прав ее автономных краев (Косово и Воеводина), закрепленное в конституции Югославии 1974 г.; неспособность центра своевременно сдерживать и подавлять различные проявления национализма; недооценка СКЮ долгосрочности, сложности и повторяемости национального вопроса[621].

---

619 *李满长*. 多党制与南斯拉夫分裂. 北京: 人民出版社, 2013. 329 с. [*Ли Маньчан.* Многопартийная система и распад Югославии. Пекин: Народное издательство].

620 Там же. С. 3–4.

621 *马细谱*. 试析南共联盟执政的成功与失误: 南斯拉夫解体原因之一 // 马克思主义研究. 2013. № 1. С. 133. *[Ма Сипу*. Попытка анализа успехов и промахов управления СКЮ: одна из причин распада Югославии // Изучение марксизма].

В дальнейшем Ма Сипу дополнил список причин дезинтеграции СФРЮ, включив в них внешнее влияние и подчеркнув роль грубого вмешательства западных держав в распад Югославии[622].

Характерной особенностью развития историографии распада Югославии в последние годы стало появление в Китае страновых монографий, посвященных истории государств, возникших после распада СФРЮ. Данные исследования отражают вклад китайских политологов и историков в анализ процессов обретения независимости странами постъюгославского пространства. Ярким примером такого подхода служит монография «Общая история Косова» (2016) Чэнь Чжицяна, историка, профессора Нанькайского университета. В исследовании утверждалось, что в эпоху Й. Броза-Тито общий курс на социалистическое развитие, отстаивание принципов национального равноправия и самоуправления, а также стремление восстановить межнациональное согласие был в целом правильным. Однако, по мнению автора, с точки зрения долгосрочного исторического развития, национальная политика Тито оказалась неудачной. Стремясь интегрировать албанское население, Тито, руководствуясь принципом национального самоопределения и самоуправления, одновременно подавлял великосербские настроения и активно проводил политику поддержки и развития албанской общины, рассчитывая тем самым добиться лояльности Косова к федеральному правительству. Историк доказал, что национальная политика Тито стала результатом несоответствия идеалистических устремлений и реально имевшихся ограниченных ресурсов и возможностей, способствовала росту албанского национализма в Косове и стимулировала сепаратистские амбиции радикальных националистов. Автор также подчеркивал, что колебания в политике ярко отражают неспособность КПЮ разрешить застарелые межэтнические противоречия, усугубленные многовековым иностранным правлением[623]. Чэнь Чжицян констатировал, что «Распад югославской федерации стал катализатором обострения сербских национальных противоречий и началом тупикового пути решения косовского вопроса»[624]. Автор резюмирует, что «косовская проблема возникла в результате резких политических изменений в бывшей Югославии, продолжительной ошибочной национальной политики, и является продуктом геополитического соперничества великих держав на Балканах в постхолодновоенный

---

622 *马细谱.* 南斯拉夫联邦解体原因再探析 // 世界社会主义研究. 2022. № 7. С. 63. [*Ма Сипу.* Еще раз об изучении причин распада югославской федерации // Исследования мирового социализма].
623 *陈志强.* 科索沃通史. 北京: 中国社会科学出版社, 2016. С. 2–3. [*Чэнь Чжицян.* Общая история Косова. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
624 Там же. С. 5.

период»[625].

Научная монография «Босния и Герцеговина» (2017) сотрудника Института мировой истории КАОН Гэ Синьшэна излагает краткую историю БиГ с середины XX века до наших дней. Автор также размышляет о предпосылках, причинах и протекании процесса обретения независимости БиГ, а также рассказывает о вмешательстве международных организаций и западных держав в события, связанные с ее независимостью. Причины стремительной эскалации вооруженного конфликта в БиГ и превращения его в полномасштабную гражданскую войну автор видит во взаимодействии множества факторов, среди которых в первую очередь называет исторически накопленные обиды и противоречия, а также актуальные конфликты. Автор выделяет как внутренние, так и внешние причины противостояния. Непосредственным катализатором гражданской войны послужило, по мнению Гэ Синьшэна, провозглашение независимости БиГ, в то время как фундаментальной причиной возникновения конфликта оставались этнические и религиозные противоречия[626].

Причины распада Югославии носят многомерный и многоуровневый характер. Примечательно, что данная проблематика привлекала внимание не только специалистов по региону Юго-Восточной Европы, но и ученых смежного профиля – исследователей международных отношений, историков холодной войны, этнологов, экономистов и специалистов по проблемам глобализации. В китайской историографии этот вопрос получил обстоятельную разработку, однако полного консенсуса мнений по сей день не достигнуто. Югославский кризис был обусловлен переплетением внутренних и внешних факторов, исторических предпосылок и актуальных противоречий современности. В опубликованных китайских исследованиях расстановка акцентов при анализе причин распада существенно различается: одни авторы выдвигали на первый план этнический фактор и историческую специфику; другие сосредотачивались на политических и экономических детерминантах; третьи акцентировали внимание на просчетах правящей партии; четвертые усматривают главную причину в навязанной Западом стратегии «мирной эволюции»; пятые связывали распад прежде всего с великосербским курсом С. Милошевича. Тем не менее в китайском научном сообществе сформировался определенный консенсус: распад Югославии был обусловлен в первую очередь внутренними факторами, однако внешние факторы также сыграли в этом процессе существенную, а порой и ключевую роль.

---

625 Там же. С. 24.

626 *葛新生.* 波斯尼亚和黑塞哥维那. 北京: 社会科学文献出版社, 2017. С. 90. [*Гэ Синьшэн.* Босния и Герцеговина. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].

Интерес китайской академической науки к проблеме распада Югославии не случаен – он обусловлен глубокими историческими и практическими причинами. Югославия и Китай являлись социалистическими многонациональными государствами, между которыми существовала важная историческая связь. В конце 1970-х – начале 1980-х гг., в период начала китайских реформ и политики открытости, югославская модель социалистического самоуправления, опыт рыночных преобразований и курс на открытость внешнему миру служили для Китая важными концептуальными ориентирами, чей опыт необходимо было изучить, и, возможно, заимствовать. Именно на этом фоне траектория движения Югославии от расцвета к системному краху не могла не вызвать глубокого осмысления со стороны китайских ученых и руководства страны. Как могло случиться, что государство, некогда считавшееся успешным примером социалистического строительства, пришло к полному краху? Ответ на этот вопрос имел для Китая огромное значение, выходившее далеко за рамки академического интереса. Изучение распада Югославии китайскими исследователями представляло собой не просто ретроспективный анализ исторических событий, а целенаправленное осмысление актуальных вызовов: как извлечь уроки из югославского опыта социалистического строительства и не повторить допущенных ошибок – этот вопрос стал одним из центральных как для научного сообщества, так и для политического руководства Китая.

***

В годы холодной войны позиция Китая в отношении Югославии в значительной мере определялась действиями Москвы на Балканах и состоянием китайско-советских отношений, а по мере того, как менялась динамика советско-китайского взаимодействия – от тесного союзничества к открытому противостоянию – менялся и китайский взгляд на югославский вопрос.

Собственный китайский опыт взаимоотношений с Москвой и Белградом, перевод на китайский с сербохорватского и английского работ, посвященных разнообразным аспектам истории Югославии, одновременное появление в Китае собственных исследований, посвященных югославской проблематике, постепенно сформировали понимание специфики национальных и исторических связей между СССР и Югославией, русским и югославскими народами. В 1940–1950-е гг. КПК полностью поддерживала позицию ВКП(б)/КПСС по югославскому вопросу. Но уже в 1960-е гг., на фоне ухудшения советско-китайских отношений, Югославия рассматривалась Пекином преимущественно сквозь призму идеологической критики «советского ревизионизма», и эта установка по-прежнему не выходила за рамки общего советско-китайского противостояния. В 1970–1980-е гг. отношения между Китаем и Югославией заметно

улучшились, в результате чего сложилась своеобразная треугольная конфигурация: при сохранявшейся напряженности между Китаем и СССР, а также между СССР и Югославией, китайско-югославские отношения оставались относительно дружественными. Именно в этот период, на фоне политики реформ и открытости, Югославия стала для Китая важным объектом изучения и заимствования опыта социалистического строительства, что продолжалось вплоть до распада югославского государства.

После начала политики реформ и открытости, а также на фоне нормализации отношений как с Югославией, так и с Советским Союзом, Китай постепенно отходил от идеологически ориентированной внешнеполитической парадигмы. В китайском понимании целью новых внешнеполитических установок стало содействие формированию справедливого, равноправного, мирного и стабильного международного порядка. Уже в 1980-е гг. Дэн Сяопин выдвинул концепцию создания «справедливого и рационального международного политико-экономического порядка». С конца 1990-х гг. Китай начал последовательно выстраивать всеобъемлющую и многоуровневую систему открытости внешнему миру. Выступая против всех форм гегемонизма и политики силы, Пекин активизировал участие в формировании механизмов глобального управления, продвигая собственное видение международного устройства.

В оценке причин распада Югославии большинство китайских исследователей сходятся во мнении, что он стал результатом совокупного воздействия этнополитических, институциональных, экономических и внешних факторов. В зависимости от аналитического ракурса ученые по-разному определяют их относительную значимость. Вместе с тем показательно, что в рамках китайской исследовательской традиции, сформированной в условиях социалистического государства и при доминировании курса на экономическое развитие, особое внимание уделяется вопросам партийного руководства и социально-экономической политики как ключевым переменным политической стабильности. Национальный вопрос также занимает приоритетное место в китайской ориентации, что обусловлено многонациональным характером самого Китая и наличием таких проблемных зон, как Тайвань, Тибет и Синьцзян. В последние годы, по мере рассекречивания архивных материалов, часть китайских исследователей все активнее обращается к анализу внешних факторов распада Югославии, однако в китайском сообществе по данному вопросу пока не сложилось устойчивого консенсуса.

ГЛАВА 2. Усилия СССР/РФ в югославском кризисе в первой половине 1990-х гг. в китайском зеркале

В 1991 г. началась следующая фаза югославского кризиса, продлившаяся до декабря 1995 г. Начался новый этап в длительной и болезненной дезинтеграции – официальный распад многонационального югославского государства. Югославские республики одна за другой, сначала Словения и Хорватия (обе 25 июня 1991 г.), затем Македония (8 сентября 1991 г.) и за ними – Босния и Герцеговина (5 апреля 1992 г.), объявили о независимости по результатам соответствующих референдумов. Начавшиеся после этого вооруженные конфликты, разнообразные по своей длительности и интенсивности, продолжались до 1995 г. Это были: «Десятидневная война» в Словении, военные действия в Хорватии, названные гражданской войной в Белграде и отечественной войной в Загребе, а также война в Боснии как наиболее длительная и ожесточенная за все эти годы. В Третьей Югославии (СРЮ / Сербии и Черногории, с 1992 г.) происходила непростая трансформация правящего режима под контролем С. Милошевича, начатая еще осенью 1987 г. Все годы десятилетия 1990-х гг. оппозиционные партии и их лидеры пытались то бросить вызов, то протянуть его режиму руку помощи. С посредническими миссиями и усилиями по урегулированию в эти годы выступали самые разные акторы: великие державы, миротворческие силы ООН, различные посреднические миссии государственных и общественных деятелей. Против СРЮ международным сообществом были введены суровые санкции и установлена зона ограничения полетов. Наиболее сложным оказалось урегулирование в БиГ, где марафонский процесс мирного урегулирования прерывался жестокими инцидентами, в результате которых международное сообщество, как правило, обвиняло сербов. В 1994 г. там произошло новое ужесточение конфликта при одновременном обострении противостояния между великими державами относительно подходов и мер по урегулированию югокризиса. Под давлением прежде всего США Белград был вынужден пойти на значительные уступки и оказать давление на боснийских сербов. В 1994–1995 гг. США присвоили себе главную роль в урегулировании ситуации в бывшей Югославии: самолеты НАТО многократно наносили удары по позициям боснийских сербов. Вашингтон выдвинул план урегулирования из семи пунктов, а также покровительствовал Загребу в военных операциях против сербских регионов в Хорватии. Под угрозой создания мусульманско-хорватской федерации и разностороннего давления сербы в БиГ в итоге пошли на уступки. Этот период закончился достижением в США дейтонских договоренностей и их подписанием в декабре 1995 г. в Париже. В соседней Хорватии ее правительство и представители сербских районов подписали «Эрдутское соглашение»,

что предусматривало завершение вооруженного противостояния в этой республике. К концу 1995 г. гражданские войны на территории исчезнувшей СФРЮ закончились.

Период (1991–1995) охватывает два этапа, связанные с рассмотрением политики Москвы в югокризисе (действий СССР и России), а также развития ситуации в СФРЮ в последний год ее существования и государствах на постъюгославских землях после ее распада (СРЮ, Хорватии, Боснии и Герцеговине и остальных), необходимо дать определения некоторым ключевым понятиям. В китайской академической науке для описания событий 1991–1995 гг. на территориях бывшей Югославии обычно используются термины «югославский кризис», «распад Югославии», «бывший югославский кризис» и «постъюгославское пространство». Югославский кризис относится к череде политических, экономических и этнических проблем, проявившихся в яркой форме после смерти Й. Броза-Тито (в мае 1980 г.), последствия которых ощущаются до сих пор. Хотя Югославия как страна больше не существует, кризисный процесс, спровоцированный ее распадом, еще не завершен. «Распад Югославии» в узком смысле относится к процессу дезинтеграции СФРЮ в результате конфликтов и потрясений, вызванных политическим и этническим кризисом в Югославии, начиная с 1991 г. Этот процесс завершился образованием СРЮ 27 апреля 1992 г. В широком смысле временной промежуток, подразумеваемый под этим понятием, может быть продлен до 3 июня 2006 г., когда Черногория обрела независимость. «Бывший югославский кризис» больше акцентирует временной аспект, то есть серию событий, последовавших за распадом СФРЮ. «Постъюгославское пространство» делает упор на географический аспект, подразумевая совокупность событий, происходивших на территории бывшей Югославии.

Изменения в мировой политической ситуации после окончания холодной войны оказали серьезное влияние на внешнее окружение Китая и его внешние связи. После «политических потрясений» в Пекине в 1989 г. Китай подвергся санкциям и изоляции со стороны США и других развитых стран. Для преодоления такой ситуации руководство КНР выдвинуло два принципа своего внешнеполитического курса: первый – «хладнокровно наблюдать», второй – «оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения». В то же время китайское руководство сформулировало общее видение международной обстановки: биполярная структура, сложившаяся в период холодной войны, завершила свое существование, международные силы переживают процесс перераспределения и реорганизации, а мир движется в направлении многополярности. Это понимание стало важной идейной основой для переосмысления внешнеполитической стратегии Китая после завершения холодной войны. Противодействие гегемонизму и политике силы было закреплено как одно из ключевых направлений китайской

дипломатии. Как отмечалось в докладе, с которым выступил Цзян Цзэминь на XIV съезде КПК в 1992 г., «гегемонизм и политика силы остаются главным препятствием на пути решения проблем мира и развития». В этих условиях Китай подчеркивал необходимость решительно выступать против гегемонизма, политики силы и агрессии, а при урегулировании международных вопросов – строго придерживаться Устава ООН и общепризнанных норм международных отношений, следовать принципам объективности и справедливости. Одновременно Китай выдвинул идею построения «миропорядка, основанного на мире, стабильности, справедливости и разумности», базирующегося на пяти принципах мирного сосуществования[627]. Примечательно, что в отчете о работе правительства, зачитанного премьером Госсовета Ли Пэном на 5-й сессии ВСНП VII созыва в марте 1992 г., в качестве трех событий, оказавших существенное влияние на процесс формирования многополярного мира, были выделены война в Персидском заливе, гражданская война в Югославии и распад Советского Союза[628]. В последующем отчете о работе правительства, представленном Ли Пэном на 1-й сессии ВСНП VIII созыва в марте 1993 г., подчеркивалось, что «вооруженные конфликты в бывшей Югославии и других регионах мира должны быть урегулированы на основе мирных переговоров и справедливых политических решений»[629]. Все эти высказывания свидетельствовали о внимательном отношении Китая к процессам перераспределения сил на международной арене и, в частности, к развитию обстановки в регионе бывшей Югославии.

В Центральной и Юго-Восточной Европе Китай стремился поддерживать и развивать дружественные отношения сотрудничества на основе пяти принципов мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела и уважения выбора народов разных стран. Этих установок Пекин придерживался и в проведении политики в отношении югокризиса, следуя в то же время принципу «оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения». Китай в своей внешней политике стремился преодолеть дипломатическую изоляцию путем признания новых независимых государств и установления с ними дипломатических отношений в подходящий момент. КНР действовала, «стремясь к установлению и развитию дружественных отношений со всеми странами, включая стабилизацию и улучшение отношений с развитыми странами, такими

---

627 *Цзян Цзэминь*. Избранное. Т. I. С. 275–279.

628 政府工作报告 / 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1992 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 40. [Отчет о работе правительства / Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1992 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

629 政府工作报告 / 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报 (1993 年卷). С. 95. [Отчет о работе правительства / Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1993 г.].

как США»[630]. Однако «с момента распада Югославии и начала вооруженных конфликтов на ее территории контакты Китая с новообразованными государствами на территории бывшей Югославии, включая двусторонние контакты с СРЮ, были весьма ограниченными и очень редкими»[631].

В сложных для Китая внешнеполитических условиях в этот период народная дипломатия стала для него важным каналом в развитии международных связей и в расширении внешнеполитического пространства. Сотрудничество Китая с новыми государствами на бывшем югославском пространстве в основном осуществлялось через неофициальную народную дипломатию. 27 апреля 1992 г. Китай признал Словению и Хорватию, а 12 мая установил с ними официальные дипломатические отношения. Официальный Пекин поддержала усилия Словении и Хорватии по вступлению в ООН и другие международные организации[632]. В феврале и октябре того же года Ассоциация народной дипломатии Китая (АНДК) пригласила представителей Словении и Хорватии с визитами в Китай для укрепления двусторонних связей. В дальнейшем отношения Китая со Словенией и Хорватией продолжали поступательно развиваться, включая визиты президента Хорватии Франьо Туджмана (6–10 июня 1993 г.), премьер-министра Хорватии Никицы Валентича (9–13 января 1995 г.) и премьер-министра Словении Алойза Петерле (1 июня 1995 г.), и президента Словении Янеза Дрновшека (13–17 февраля 1995 г.) в Китай.

Осенью 1994 г. китайская дипломатия действовала более энергично. Пекин занял особую позицию 21 октября 1994 г. при принятии Четвертым комитетом 49-й сессии ГА ООН резолюции «Положение на оккупированных территориях Хорватии». Представитель КНР при голосовании воздержался, заявив, что его страна последовательно выступает за уважение суверенитета, территориальной целостности и существующих границ Хорватии. Вместе с тем им были сделаны оговорки в отношении используемой в резолюции формулировки «оккупированные территории». По мнению Пекина, данное определение не соответствовало формулировкам, содержащимся в предыдущих резолюциях СБ ООН,

---

630 *朱军*. 中华人民共和国对外关系史概论（1949–2000）. 北京: 北京大学出版社, 2022. С. 307. [*Чжу Цзюнь*. Очерк истории внешних отношений КНР (1949–2000). Пекин: Издательство Пекинского университета].

631 *杨元恪, 迟令军*. 被国际社会封锁的国度: 访问南斯拉夫印象记 // 政党与当代世界. 1994. № 1. С. 43. [*Ян Юанько, Чи Линцзюнь*. Страна, изолированная международным сообществом: впечатления от поездки в Югославию // Политическая партия и современный мир].

632 中华人民共和国和斯洛文尼亚共和国建交联合公报; 中华人民共和国和克罗地亚共和国建交公报 // 中华人民共和国国务院公报. [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Словении об установлении дипломатических отношений; Коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Хорватии об установлении дипломатических отношений // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 20. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199220.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

что вызывало юридические сомнения и могло повлечь негативные политические последствия[633].

В отношении БиГ правительство Китая, выступив в качестве соавтора, поддержало вступление БиГ в ООН, что «фактически означало признание БиГ»[634]. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 3 апреля 1995 г. В июне 1992 г. АНДК пригласила министра иностранных дел БиГ Х. Силайджича с неофициальным визитом в Китай. 25 июня представитель МИД Китая объявил, что Китай признает БиГ в подходящее время. В октябре того же года Китайского общество Красного Креста (КОКК) предоставило населению БиГ гуманитарную помощь в размере $ 50 000 через Международный комитет Красного Креста. 16 апреля 1994 г. президент БиГ А. Изетбегович направил письмо председателю КНР Цзян Цзэминю, в котором обратил внимание китайской стороны на развитие ситуации в районе Горажде[635]. 16–17 марта 1995 г., по приглашению АНДК, премьер-министр БиГ Харис Силайджич посетил Китай с официальным визитом. 30 ноября 1995 г. посол Китая в Хорватии Се Сицинь официально побывал в Сараеве, став первым китайским дипломатом, посетившим БиГ после распада СФРЮ[636]. Он встретился с президентом БиГ А. Изетбегович. Во время встречи президент БиГ впервые прокомментировал политику Китая в отношении бывшей Югославии. Он высоко оценил «сбалансированную и конструктивную позицию» Китая в отношении боснийского кризиса и выразил признательность за поддержку суверенитета и территориальной целостности БиГ. Изетбегович также выразил надежду, что Китай и впредь будет играть важную роль, используя его влияние для содействия окончательному урегулированию боснийской проблемы[637].

В первой половине 1990-х гг. Китай также с некоторой задержкой установил отношения и с Македонией. В декабре 1992 г. по приглашению АНДК Китай с неофициальным визитом посетил заместитель главы МИД и специальный представитель президента Македонии Ристо Никовски. 12 октября 1993 г. Китай и Македония установили дипломатические отношения на уровне послов. Относительно спора о названии Македонии Китай предпочитал не высказываться, выражая надежду, что

---

633 中国外交概览 1995 / 中华人民共和国外交部政策研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1995. С. 346–347. [Обзор внешней политики Китая. 1995 / Сост. Отдел политических исследований МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

634 *葛新生.* 波斯尼亚和黑塞哥维那. С. 180. [*Гэ Синьшэн*. Босния и Герцеговина].

635 中国外交概览 1995. С. 343. [Обзор внешней политики Китая. 1995].

636 *胡锡进.* 波黑战地采访手记. С. 66. [*Ху Сицзинь.* Заметки о войне в БиГ].

637 *汪亚平, 胡锡进.* 波黑总统赞扬我对前南问题立场表示重视同中国发展关系 // 人民日报. 02.12.1995. С. 3. [*Ван Япин, Ху Сизинь.* Президент БиГ высоко оценил позицию Китая по бывшей Югославии и заявил о важности развития отношений с Китаем // Жэньминь жибао].

стороны урегулируют его посредством диалога и консультаций.

2.1. Оценки политики Москвы официальными лицами и СМИ КНР

После распада СФРЮ и эскалации вооруженных конфликтов на ее территории Китай пристально следил за развитием событий в регионе. Руководство КНР неоднократно излагало свою принципиальную позицию, призывая к мирному урегулированию разногласий, выступая против силовых действий и односторонних санкций, вместе с тем поддерживая международные инициативы, способствующие мирному разрешению конфликтов. Как отмечалось на страницах официального издания МИД КНР в 1992 г., китайская сторона выражала надежду, что «все заинтересованные стороны в Югославии как можно скорее прекратят конфликт и гражданскую войну, надлежащим образом урегулируют споры посредством мирных консультаций, а помощь международного сообщества создаст условия для самостоятельного решения проблем самой Югославией»[638].

Китайские СМИ, включая агентство Синьхуа, «Жэньминь Жибао» [639], Международное радио Китая (МРК) и «Гуанмин Жибао», непрерывно освещали кризис и конфликты в бывшей Югославии. Согласно мемуарам Ху Сицзиня[640] о войне в Боснии, в 1993 г. в Белграде работали 5 китайских постоянных корреспондентов: три из агентства Синьхуа, один – из ЖМЖБ и один от Международного радио Китая. Из них только Лю Чэнмин и Лю Юй (оба от агентства Синьхуа) в сентябре 1992 г. освещали события в Боснии, находясь на территории, контролируемой сербами[641]. Начиная с лета 1993 г. китайские корреспонденты неоднократно выезжали в зону боевых действий в БиГ для подготовки репортажей с места событий. Они провели серию интервью с ключевыми участниками конфликта и международными представителями, включая Р. Караджича, Р. Младича, А. Изетбеговича, а также специального представителя Генерального секретаря ООН по бывшей Югославии Я. Акаси. К моменту завершения боснийской

---

[638] 中国外交概览 1992 / 中华人民共和国外交部外交史研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1992. С. 250. [Обзор внешней политики Китая. 1992 / Сост. Отдел истории дипломатии МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

[639] Поиск по выпускам газеты за 1993 г. выдал 423 публикации, связанные с Боснией, из них 49 касались России. Кроме того, при поиске в рубриках «Обзоры», «Комментарии» и «Анализ новостей» в ЖМЖБ с 1991 по 1995 г. было найдено около сотни статей, главным образом освещавших развитие югославского кризиса, вмешательство и посреднические усилия международного сообщества, а также обзор и анализ позиций и действий таких крупных стран, как США и Россия.

[640] Ху Сицзинь – одна из самых влиятельных и неоднозначных фигур в современном медиапространстве КНР. Российским и западным политологам он известен прежде всего как многолетний главный редактор газеты «Хуаньцю шибао». С 1993 по 1996 гг. был специального корреспондента «Жэньминь жибао» в СРЮ.

[641] *胡锡进.* 波黑战地采访手记. С. 12. [*Ху Сицзинь.* Заметки о войне в БиГ].

войны китайские корреспонденты около сорока раз выезжали в Боснию для проведения полевых интервью[642], что позволило китайской прессе сформировать относительно детальную и объективную картину динамики кризиса, а также изучить позиции его основных участников.

В официальном медийном и дипломатическом дискурсе КНР позиция Советского Союза по югославскому вопросу в 1991 г. характеризовалась как курс на поддержку государственного единства, неприятие внешнего вмешательства, приоритет внутреннего политического урегулирования и отказ от интернационализации югославского кризиса. Из анализа материалов о двустороннем экономическом сотрудничестве, официальных дипломатических заявлениях и многосторонних контактах видно, что Китай рассматривал СССР как одного из важных внешних акторов, выступавших за сохранение территориальной целостности СФРЮ и поддержание региональной стабильности. При этом оценка данной позиции формировалась преимущественно через прямое цитирование советских официальных заявлений, а не посредством развернутых редакционных комментариев.

В сфере двусторонних экономических отношений ЖМЖБ подчеркивала, что Советский Союз и Югославия в течение длительного периода сохраняли тесные торгово-экономические связи. Подписание в начале 1991 г. советско-югославского торгового соглашения трактовалось Пекином как естественное продолжение традиционного сотрудничества между двумя государствами, развивающегося вне зависимости от осложнения внутриполитических процессов в Югославии[643].

В политическом плане китайская пресса уделяла особое внимание официальным заявлениям советского руководства. 19 марта 1991 г. ЖМЖБ подробно процитировала заявление официального представителя МИД СССР В.А. Чуркина, в котором подчеркивалось, что Москва «выступает за сохранение территориальной целостности, неприкосновенности границ и государственного единства Югославии», а также что «не должно быть никакого внешнего вмешательства и недопустима интернационализация внутренних дел Югославии»[644].

В начале апреля 1991 г. в ходе визита министра иностранных дел СССР в Югославию китайская пресса вновь акцентировала внимание на преемственности советского политического курса. В публикации отмечалось, что «советско-югославские

---

[642] Там же. С. 142.

[643] 南苏两国签署今年贸易协定 // 人民日报. 16.01.1991. С. 6. [Югославия и Советский Союз подписали торговое соглашение на текущий год // Жэньминь жибао].

[644] 苏外交部发言人说苏联支持南斯拉夫国家统一 // 人民日报. 21.03.1991. С. 6. [Представитель МИД СССР заявил о поддержке Советским Союзом государственного единства Югославии].

отношения характеризуются взаимным доверием и пониманием, а их стабильность является важным фактором стабильности в Европе и в мире», а также подчеркивалось, что СССР поддерживает Югославию как «процветающее и единое государство» и выступает за дальнейшее развитие сотрудничества[645].

После провозглашения независимости Словении и Хорватии китайская сторона выступила в поддержку сохранения стабильности и государственного единства Югославии, подчеркивая необходимость мирного урегулирования возникших разногласий путем диалога и переговоров. 29 июня 1991 г. официальный представитель МИД КНР, в ответ на просьбу журналистов прокомментировать провозглашение независимости Хорватии и Словении, указал на обеспокоенность китайской стороны развитием ситуации в Югославии, выразив надежду на сохранение ее стабильности и целостности[646]. Этот подход во многом совпадал с позицией СССР на начальном этапе югославского кризиса.

И в дальнейшем в китайских СМИ этот курс находил последовательное отражение в публикациях, посвященных как двусторонним, так и многосторонним контактам по поводу югославского кризиса. В частности, газета ЖМЖБ сообщала о встрече, состоявшейся 6 июля, представителя президента СССР и первого заместителя министра иностранных дел Ю.А. Квицинского с председателем СИВ СФРЮ А. Марковичем. Советский дипломат передал послание президента М.С. Горбачева и заявил о безусловной поддержке Советским Союзом единства и территориальной целостности Югославии, подчеркнув, что «будущее Югославии должно определяться народами самой Югославии» [647]. Аналогичный подход был зафиксирован и в материалах о советско-американских переговорах на высшем уровне. При анализе их итогов ЖМЖБ обратила внимание на совместное заявление лидеров СССР и США, в котором подчеркивалась необходимость решения югославского вопроса народами Югославии – «путем мирных переговоров и конструктивного диалога», а также выражалась поддержка усилиям государств – участников СБСЕ и ЕЭС по содействию в урегулировании кризиса[648].

В августе 1991 г. при освещении визита в Москву председателя СИВ СФРЮ

---

[645] *严正*. 苏联外长访问南斯拉夫 // 人民日报. 10.04.1991. С. 6. [*Янь Чжэн*. Визит министра иностранных дел СССР в Югославию // Жэньминь жибао].

[646] 外交部发言人 1991 年 6 月 29 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (29 июня 1991 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1991. № 24. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1991/gwyb199124.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

[647] 苏联特使访南 // 人民日报. 08.07.1991. С. 7. [Визит специального представителя СССР в Югославию // Жэньминь жибао].

[648] 苏美首脑莫斯科会晤结束 // 人民日报. 02.08.1991. С. 6. [Завершилась московская встреча руководителей СССР и США // Жэньминь жибао].

А. Марковича ЖМЖБ вновь обратила внимание на позицию советского руководства, согласно которой республики Югославии должны «без постороннего вмешательства договориться о новых отношениях между собой и новом характере государственности»[649]. Аналогичным образом китайская пресса отметила результаты состоявшихся 15 октября в Москве по приглашению М.С. Горбачева переговоров между президентами Сербии С. Милошевичем и Хорватии Ф. Туджманом[650], завершившихся подписанием совместного коммюнике о прекращении огня.

Осенью 1991 г. на полях 46-й сессии ГА ООН министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь провел двусторонние встречи с министрами иностранных дел Советского Союза и Югославии, что явилось частью дипломатических усилий Китая по мирному урегулированию балканского конфликта. В ходе беседы с союзным секретарем по иностранным делам СФРЮ Б. Лончаром также состоялся обмен мнениями по ключевым аспектам югославского кризиса.

25 сентября 1991 г. представители Китай и СССР проголосовали за резолюцию 713 СБ ООН о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию. Член Госсовета и министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь заявил, что его страна проголосовал за резолюцию на основании того, что «это обсуждение Советом Безопасности проходит в особых условиях при согласии, четко высказанном югославским правительством». Целью принятия этой резолюции, по мнению министра, стало желание «помочь остановить внутренний вооруженный конфликт и восстановить мир в Югославии в кратчайшие сроки». Цянь также подчеркнул, что последовательная позиция китайского правительства заключалась в том, что «внутренние дела страны должны решаться самим народом этой страны. Согласно соответствующим положениям Устава ООН, включая Совет Безопасности, следует воздерживаться от вмешательства в внутренние дела любого государства-члена»[651]. В тот же день Цянь Цичэнь выступил на 46-й сессии ГА ООН, призвав к формированию нового мирного, стабильного, справедливого и рационального международного порядка. Он также выразил обеспокоенность развитием ситуации в Югославии и обратился к югославским народам с призывом «мирным путем урегулировать противоречия между собой, не допустить эскалации конфликта и вернуть

---

649 南斯拉夫总理访问苏联 // 人民日报. 04.08.1991. С. 6. [Премьер-министр Югославии посетил Советский Союз // Жэньминь жибао].

650 南两共和国总统达成停火协议 // 人民日报. 17.10.1991. С. 6. [Президенты двух республик Югославии договорились о прекращении огня].

651 Предварительный стенографический отчет о три тысячи девятом заседании. S/PV.3009 // СОД ООН. 25 сентября 1991 г. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3009&i=S/PV.3009_6104905 (дата обращения: 09.09.2025).

Югославию на путь мирного развития»[652].

23 ноября премьер Госсовета КНР Ли Пэн провел встречу с членом Президиума Югославии Б. Йовичем, в ходе которой стороны обменялись мнениями о ситуации в Югославии, состоянии двусторонних отношений и актуальных международных вопросах. Ли Пэн вновь подтвердил позицию Пекина, подчеркнув: «Китайское правительство неизменно придерживается принципа, согласно которому внутренние дела каждой страны должны решаться ее народом. Для урегулирования нынешнего конфликта в Югославии необходима помощь международного сообщества, но это содействие должно строго основываться на принципе невмешательства во внутренние дела и способствовать скорейшему прекращению конфликта и восстановлению мира ради создания условий для самостоятельного решения проблем югославскими народами»[653]. Эта позиция была позитивно воспринята в Югославии. В тот же день белградская газета «Политика» опубликовала статью, в которой высоко оценивалась китайская внешняя политика, и отмечалось, что «Китай никогда не вмешивался и не станет вмешиваться во внутренние дела Югославии, включая ее текущий и будущий государственные режимы. Китай выступает против использования политического давления, экономической блокады и шантажа при урегулировании международных споров»[654]. 27 ноября 1991 г. на заседании СБ ООН была принята резолюция 721, которую поддержал и Китай. При этом постоянный представитель КНР при ООН назвал этот шаг «специальной мерой, принятой в особых обстоятельствах, которая не должна создавать прецедент на будущее»[655].

27 апреля 1992 г. после образования СРЮ Китай заявил, что посол, аккредитованный ранее в СФРЮ, назначается послом КНР в СРЮ[656]. Отношения Китая с новым югославским государством характеризовались в Пекине как «нормальные и дружественные»[657]. Несмотря на то, что взаимодействие между Китаем и Югославией в

---

[652] United Nations General Assembly. Provisional Verbatim Record of the 8th Meeting. A/46/PV.8 // СОД ООН. 25 сентября 1991 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n91/612/41/pdf/n9161241.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

[653] 中国外交概览 1992. С. 251. [Обзор внешней политики Китая. 1992].

[654] 南斯拉«政治报»载文赞扬中国外交政策和改革开放成就 // 人民日报. 24.11.1991. С. 6. [Газета «Политика» Югославии опубликовала статью, высоко оценивающую внешнюю политику Китая и достижения политики реформ и открытости // Жэньминь жибао].

[655] *刘火荣.* 我国代表谈向南派维持和平部队问题 // 人民日报. 29.11.1991. С. 6. [*Лю Хожун.* Представитель КНР высказался по вопросу направления миротворческих сил в Югославию // Жэньминь жибао].

[656] 外交部发言人 1992 年 4 月 30 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (30 апреля 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 13. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199213.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[657] 世界知识年鉴 1993–1994 / 沈允熬主编. 北京: 世界知识出版社, 1994. С. 517. [Ежегодник «Знания о мире». 1993–1994 / Ред. Шэнь Юнао. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

этот период осуществлялось Пекином с учетом всеобъемлющих санкций ООН против СРЮ, стороны сохранили свойственный им в течение последних лет дружественный и доверительный характер отношений, регулярно обменивались мнениями по вопросам югославского кризиса и другим актуальным проблемам. В частности, 14–16 сентября 1992 г. по приглашению китайского правительства премьер-министр СРЮ М. Панич посетил КНР с рабочим визитом. На пресс-конференции в белградском аэропорту югославский лидер выразил надежду на «поддержку и помощь Китая в установлении мира и прекращении введенных против Югославии санкций»[658]. 14 сентября на встрече с М. Паничем премьер Госсовета КНР Ли Пэн изложил официальную позицию Пекина, состоящую из четырех пунктов по урегулированию югославского кризиса:

1) «призыв к немедленному прекращению огня сторонами и скорейшему урегулированию споров путем переговоров»;

2) «поддержка усилий международного сообщества, благоприятствующих справедливому, разумному и мирному разрешению югославского кризиса»;

3) по вопросу международно-правового правопреемства бывшей Югославии – «надежда на то, что новые независимые государства в ходе дружественных консультаций найдут решение, удовлетворяющее всех»;

4) «безусловное уважение выбора народов бывшей Югославии и готовность Пекина развивать дружественное сотрудничество со всеми новыми независимыми государствами региона на основе пяти принципов мирного сосуществования»[659].

Распад Советского Союза и провозглашение суверенной Российской Федерации кардинально изменили геополитическую оптику Москвы. В 1992 г. внешнеполитический курс РФ характеризовался выраженной прозападной ориентацией, поскольку Кремль рассчитывал, посредством укрепления сотрудничества с Западом, выйти на уровень стратегического партнерства или союзнических отношений, что предполагало также отказ от принципов паритета в сфере ядерного разоружения и интеграцию России «в сообщество демократических государств с рыночной экономикой»[660]. На балканском направлении российская дипломатия в эти месяцы действовала несамостоятельно и непоследовательно, демонстрируя высокую солидарность с позицией Запада. Москва 27

---

658 *严正.* 南总理帕尼奇启程访华 // 人民日报. 14.09.1992. С. 6. [*Янь Чжэн.* Премьер-министр Югославии Панич отправился с визитом в Китай // Жэньминь жибао].

659 中国外交概览 1993 / 中华人民共和国外交部外交史研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1993. С. 284–285. [Обзор внешней политики Китая. 1993 / Сост. Отдел истории дипломатии МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

660 Выступление А.В. Козырева 30 января // Дипломатический вестник. 1992. 29 февраля-15 марта. № 4–5. С. 40.

апреля 1992 г. признала независимость БиГ[661], а 22 мая поддержала ее вступление в ООН. В конце того же месяца Россия присоединилась к санкциям против СРЮ, возложив на Белград ответственность за разжигание межнациональных конфликтов в целях сохранения целостности Югославии и применение силы. В то же время РФ поддержала претензии СРЮ на правопреемство социалистической Югославии и сохранение за ней места в ООН и других международных организациях и выступила против приема СРЮ в эти организации на общих основаниях.

Китай и Россия придерживались близких, либо даже во многом совпадающих позиций по ряду ключевых аспектов югославского вопроса. Вместе с тем между ними существовали и принципиальные тактические расхождения. В частности, Китай признал независимость Словении и Хорватии только в день провозглашения СРЮ (27 апреля 1992 г.), тогда как Россия пошла на этот шаг раньше, еще в феврале 1992 г. Стороны занимали противоположные позиции в отношении введения санкций против СРЮ, которые Китай последовательно отказывался поддерживать. Накануне рассмотрения в СБ ООН проекта резолюции о введении санкций против СРЮ в МИД КНР официально заявили, что в Пекине не рассматривается возможность присоединения к этим мерам. Представитель КНР при ООН отметил, что «положение в бывшей Югославии является весьма сложным, а источник конфликта весьма многогранным <...>. Санкции могут привести к дальнейшему ухудшению положения и создать серьезные трудности, которые могут повлиять на жизнь людей в этом регионе и экономику соседних государств»[662].

Между позициями Китая и России при голосовании по резолюциям СБ ООН, касающимся Югославии, существовали принципиальные различия. Так, 13 августа СБ ООН рассмотрел проект резолюции 770, предложенный Россией, США и рядом других государств, призывавший к принятию, в координации с ООН, «всех необходимых мер» для обеспечения беспрепятственной доставки гуманитарной помощи в Сараево и другие районы БиГ. Россия поддержала возможность применения «всех необходимых мер», включавшую вероятность применения силового инструментария. Постоянный представитель РФ при ООН Ю.М. Воронцов в своем выступлении подчеркнул, что при наличии достоверной информации международное сообщество должно быть готово принимать жесткие меры в отношении любых нарушителей норм международного гуманитарного права, независимо от их принадлежности.

---

[661] США признали эту республику 7 апреля 1992 г., тогда же установив с ней официальные дипломатические отношения. Первый посол США в БиГ Виктор Якович официально приступил к исполнению обязанностей в Сараево 26 июня 1993 г. Дипломатические отношения РФ и БиГ были установлены 26 декабря 1996 г.

[662] Предварительный стенографический отчет о три тысячи восемьдесят втором заседании. S/PV.3082 // ООН. 30 мая 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3082 (дата обращения. 09.09.2025).

В отличие от Москвы, китайская делегация представила принципиальные возражения по четырем ключевым пунктам.

Во-первых, Пекин выступил против санкционирования применения военной силы, полагая, что именно вооруженные столкновения препятствуют оказанию гуманитарной помощи, а расширение масштаба боевых действий лишь усугубит ситуацию.

Во-вторых, Китай подчеркивал приоритет немедленного прекращения огня и политического урегулирования путем диалога и переговоров.

В-третьих, широкие полномочия, предоставляемые резолюцией некоторым государствам, рассматривались как фактический «карт-бланш», способный привести к утрате контроля над ситуацией и подрыву авторитета ООН.

В-четвертых, указывалось на отсутствие в проекте резолюции положений о мандате Сил ООН по охране (СООНО), что в условиях возможных военных действий создавало угрозу безопасности персонала ООН и затрудняло выполнение его первоначальных задач. Тем самым китайская позиция отражала сдержанное отношение к курсу России и западных государств, ориентированному на расширение силового компонента международного вмешательства на Балканах[663].

На следующий день официальный представитель МИД КНР, оценивая принятое решение, отметил, что «применение военных средств может лишь затруднить осуществление гуманитарной помощи и дополнительно осложнить ее формы и механизмы»[664].

14 сентября 1992 г. СБ ООН одобрил расширение мандата СООНО в БиГ, но Китай воздержался при голосовании. Постоянный представитель КНР при ООН Ли Даоюй подчеркнул, что Китай не может согласиться с тем, что «обсуждаемая резолюция увязывает расширение мандата СООНО с осуществлением резолюции 770 СБ <...>, расширение мандата СООНО не получило ясно выраженного согласия вовлеченных сторон в БиГ и резолюция не предусматривает каких-либо периодических докладов Совету по осуществлению мандата миссии»[665]. Напротив, Россия, выступавшая одним из соавторов проекта резолюции, проголосовала за его принятие.

19 сентября 1992 г. СБ ООН принял проект резолюции 777 по вопросу о месте СРЮ

---

[663] Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто шестом заседании. S/PV.3106 // ООН. 13 августа 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3106 (дата обращения. 11.01.2026).

[664] 外交部发言人 1992 年 8 月 14 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (14 августа 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 31. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199231.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[665] Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто четырнадцатом заседании. S/PV.3114 // ООН. 14 сентября 1992. URL: https://docs.un.org/S/PV.3114 (дата обращения. 09.09.2025).

в ООН. Российская сторона проголосовала за принятие данного документа, в то время как китайская делегация воздержалась. В статье «Спор о месте Югославии в ООН», опубликованной в еженедельнике «Ляован», исследователь Сюй Куньмин отмечал, что государства по-разному интерпретировали данный проект резолюции. В частности, СРЮ и Россия исходили из того, что новая югославская федерация не исключалась из ООН, а лишь временно лишалась возможности участвовать в работе ГА при сохранении деятельности ее постоянного представительства в ООН[666]. Позицию Китая по данному вопросу выразил Ли Даоюй, постоянный представитель при ООН, со своей стороны, подчеркнув, что «все республики бывшей Югославии должны быть членами ООН и ни одна из них не должна быть исключена <…>. Изоляция какого-либо участника конфликта не будет способствовать урегулированию проблемы». По его словам, «принятие резолюции не означает исключения Югославии из ООН. Табличка с надписью "Югославия" будет оставлена в зале заседаний ГА. СРЮ будет и далее участвовать в работе органов ООН за исключением ГА, а также продолжит распространять свои документы в организации. Эти меры представляются нам лишь как переходные»[667]. 24 сентября в ходе пресс-конференции официальный представитель МИД КНР подтвердил ту же позицию. Показательно, что в рабочем докладе Постоянного комитета ВСНП за 1992 г., подготовленном китайской делегацией по итогам участия в конференции Межпарламентского союза, подход был аналогичным. В документе указывалось, что при обсуждении вопросов, связанных с деятельностью Межпарламентского союза, рассматривалась проблема членства Югославии, и по итогам консультаций было принято решение сохранить за ней статус полноправного члена организации[668].

9 октября 1992 г. СБ ООН принял резолюцию 781 о создании бесполетной зоны над территорией БиГ, соавторами которой выступила группа из восьми государств, включая Россию и США. По своему содержанию резолюция допускала возможность последующего применения военной силы, что предопределило позицию Китая, воздержавшегося при голосовании. В разъяснительном заявлении перед голосованием заместитель постоянного представителя КНР при ООН Цзинь Юнцзянь отметил, что

---

666 *徐坤明.* 南斯拉夫联合国席位之争 // 瞭望周刊. 1992. № 41. С. 44. [*Сюй Куньмин.* Спор о месте Югославии в ООН // Еженедельник «Ляован»].

667 Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто шестнадцатом заседании. S/PV.3116 // ООН. 19 сентября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3116 (дата обращения. 11.01.2026).

668 关于出席各国议会联盟第八十八届大会的工作报告（书面） // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1992 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 421. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 88-й сессии Межпарламентского союза / Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1992 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

«проект резолюции под шифром S/24636 несет в себе содержание, аналогичное содержанию резолюции 770 (1992) СБ, которая санкционирует применение силы, и что, в частности, возможность применения силы в будущем подразумевается и в других пунктах этого документа» [669]. 8 октября официальный представитель МИД КНР в ходе пресс-конференции подтвердил приверженность Китая линии, согласно которой дальнейшие шаги международного сообщества должны быть направлены прежде всего на обеспечение эффективного гуманитарного содействия БиГ и на создание условий для политического урегулирования кризиса в бывшей Югославии[670].

Россия поддержала резолюцию СБ ООН 787 от 16 ноября 1992 г., предусматривавшую дальнейшее ужесточение санкций, введенных ранее резолюцией 757, тогда как Китай воздержался при этом голосовании. В своем выступлении китайская делегация вновь высказалась против применения санкционных мер, полагая, что они способны лишь привести к дальнейшей эскалации конфликта и привести к серьезным гуманитарным последствиям. Китай также выразил свое несогласие с включением в проект резолюции положений, касающихся доклада специального докладчика по правам человека, указав, что рассмотрение вопросов прав человека выходит за рамки компетенции СБ[671].

Следует отметить, что в этот период дипломатическая активность и официальная позиция России по балканской проблематике не получили в китайских СМИ всестороннего освещения. Китайские обозреватели сфокусировали внимание на визите в Белград в середине августа российской парламентской делегации во главе с председателем Комитета Верховного совета по международным делам и внешнеэкономическим связям Е.А. Амбарцумовым. В китайских СМИ акцентировался традиционно тесный характер политических, экономических, религиозных и этнокультурных связей между Россией и Сербией, отмечалось, что представители российского парламента выступали против силового решения югославского кризиса (в отличие от МИД РФ) и высказывались за формирование союзнических отношений между

---

[669] Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто двадцать втором заседании. S/PV.3122 // ООН. 9 октября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3122 (дата обращения. 10.01.2026).

[670] 外交部发言人 1992 年 10 月 8 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (8 октября 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 31. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199231.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[671] Предварительный стенографический отчет о три тысячи тридцать седьмом заседании. S/PV.3137 // ООН. 16 ноября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3137 (дата обращения. 10.01.2026).

Москвой и Белградом[672].

В 1993–1994 гг. Пекин и Белград продолжили поддерживать дружественные отношения вопреки санкционному давлению на Югославию, регулярно обмениваясь мнениями по вопросам югославского кризиса и другим актуальным проблемам. 28 июля 1993 г. член Госсовета КНР и министр обороны Чи Хаотянь провел переговоры в Пхеньяне с начальником Генштаба югославской армии Ж. Паничем; 2–3 сентября 1993 г. Китай посетил премьер-министр СРЮ Р. Контич; в сентябре того же года в Китае с рабочим визитом побывал глава МИД СРЮ В. Йованович; в ноябре 1993 г. в Пекине побывал мэр Белграда С. Грудин по дороге домой после участия во Второй международной конференции по водным ресурсам в Шанхае; 17 февраля 1994 г. председатель правительства СРЮ Р. Контич провел в Нью-Йорке встречу с постоянным представителем Китая при ООН Ли Чжаосином для обсуждения возможных путях дальнейшего развития ситуации в бывшей Югославии.

Важной вехой в дипломатических контактах СРЮ и КНР стал визит в Белград с 25 по 28 октября 1994 г. заместителя руководителя МИД КНР Дай Бинго. В ходе встречи он подчеркнул, что «развитие и поддержание дружественных отношений со странами бывшей Югославии на основе принципов мирного сосуществования является неизменным курсом китайского правительства». Он также выразил «надежду на скорейшее восстановление мира в регионе, подтвердил готовность и впредь вносить конструктивный вклад в справедливое и разумное урегулирование югославского кризиса». Высокопоставленный дипломат КНР также напомнил, что «Китай последовательно выступает против применения санкций и других принудительных мер, с пониманием относится к требованиям Югославии об их отмене и поддерживает их». В рамках данного визита также сообщалось, что правительство КНР приняло решение оказать СРЮ гуманитарную помощь в виде материальных поставок на сумму 500 тыс. юаней[673].

Югославская проблематика нашла отражение в письменных отчетах китайской делегации ВСНП по итогам ее участия в сессиях Межпарламентского союза в 1993–1994 гг. В отчете за 1993 г. отмечалось, что в ходе общих дебатов по глобальным вопросам делегации парламентариев западных стран сосредоточили внимание на ситуации в БиГ, выражая обеспокоенность вооруженным конфликтом, нарушениями прав человека и его

---

[672] *谭东白.* 波黑危机宜于谈判解决 // 瞭望周刊. 1992. № 34. С. 43. [*Тан Дунбай*. Боснийский кризис целесообразно урегулировать путем переговоров // Еженедельник «Ляован»].

[673] 中国外交概览 1995. С. 340-341. [Обзор внешней политики Китая. 1995].

возможными последствиями для безопасности в Европе[674]. Авторы доклада за 1994 г. обратили внимание на ожидания качественного «прорыва» в деятельности Миротворческих сил ООН в регионе. Также в документе была отражена критика со стороны ряда малых и средних западных государств существующего международного порядка, в котором доминирует один сверхдержавный центр или узкая группа экономически развитых стран[675].

В условиях трансформации международной системы и переосмысления Россией своих внешнеполитических приоритетов в начале 1990-х гг. особое значение приобрели поиски новых приоритетных направлений российской дипломатии. С конца 1992 г. Россия начала корректировать свою внешнюю политику, постепенно активизируя внешнеполитическую деятельность. Данные процессы затронули не только балканское направление, но и выразились в укреплении отношений со странами СНГ, а также в реализации стратегии «поворот на Восток», ключевым элементом которой стало сближение с Китаем. Именно в этом контексте прошла первая встреча руководителей Китая и России в декабре 1992 г., ознаменовав открытие «нового этапа добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами». Стороны подчеркнули, что различия в социальных системах и идеологии не будут препятствовать нормальному развитию межгосударственных отношений, и заявили о взаимном восприятии друг друга как «дружественных государств»[676]. По воспоминаниям тогдашнего директора протокольного департамента МИД КНР и первого посла Китая в Словении Лу Пэйсиня, президент России Б.Н. Ельцин во время переговоров особо подчеркнул, что «российская внешнеполитическая концепция претерпела существенные коррективы, а развитие российско-китайских отношений рассматривается Москвой как одно из приоритетных направлений внешней политики РФ»[677].

---

[674] 关于出席各国议会联盟第八十九届大会的工作报告（书面） // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1993 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 319. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 89-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1993 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

[675] 全国人大代表团出席各国议会联盟第九十一届大会的书面工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1994 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 221. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 91-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1994 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

[676] Визит Б.Н. Ельцина в КНР; Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республики // Дипломатический вестник. 1993. Январь. № 1–2. С. 11, 13.

[677] *鲁培新*. 我见证了叶利钦首次访华 // 澎湃 [*Лу Пэйсинь*. Я был свидетелем первого визита Ельцина в Китай // Пэнпай]. 31.10.2022. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_20540322 (дата обращения: 14.01.2026).

Утверждение в апреле 1993 г. «Концепции внешней политики РФ»[678] зафиксировало официальный поворот во внешнеполитическом курсе страны, определив в качестве его фундамента российские национальные интересы. Кремль заявил о стремлении к сотрудничеству на принципах равноправия и взаимной выгоды и выступил за урегулирование международных споров и конфликтов политическими и дипломатическими средствами. Однако приоритет в системе внешнеполитических отношений России по-прежнему отдавался Западу, а ключевыми направлениями оставались партнерство с Европой и стратегический союз с США.

Возросшая активность российской внешней политики на балканском направлении получила заметное отражение в китайском общественном и медийном дискурсе. ЖМЖБ подробно освещала основные дипломатические усилия России в этом регионе, формируя у своих читателей целостное представление о роли Москвы в боснийском урегулировании. Основное внимание в публикациях было уделено следующим аспектам: дипломатическому посредничеству России с целью побудить боснийских сербов к подписанию мирного соглашения; официальной позиции и инициативам российской стороны; сотрудничеству и разногласиям между Россией и США по боснийскому вопросу; а также линии поведения России в рамках ООН и других международных организаций.

На уровне практических политических шагов Россия последовательно поддерживала мирный план Вэнса – Оуэна и стремилась использовать свое традиционное влияние на Балканах для продвижения политико-дипломатического урегулирования боснийского конфликта. В телефонном разговоре с президентом США Б. Клинтоном 10 февраля 1993 г. президент России Б.Н. Ельцин заявил: «Я лично полностью поддерживаю план Вэнса – Оуэна. Это два выдающихся деятеля, один из которых – американец. Мы, безусловно, будем оказывать давление на сербскую сторону. В план Вэнса – Оуэна могут быть внесены определенные изменения, однако в целом я не вижу ему альтернативы <…>. Мы сделаем все возможное, чтобы использовать наше влияние для убеждения сербской стороны»[679].

20 февраля 1993 г. в ЖМЖБ был опубликован аналитический материал «План урегулирования боснийского конфликта и реакции сторон». В публикации отмечалось, что поддержка Россией плана Вэнса – Оуэна объяснялась тем, что он, по оценке китайского обозревателя, отражал принцип равенства и учета интересов всех сторон

---

[678] Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (январь 1993 г.). 23 с.

[679] Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. February 10, 1993. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101332 (дата обращения: 24.11.2025).

конфликта[680]. 2 марта того же года в обзорной статье «До и после плана воздушного сброса США», посвященной американской акции по воздушной доставке гуманитарной помощи в мусульманские районы Боснии, было отмечено, что данный шаг стал очередной важной инициативой США по боснийскому вопросу после объявления 10 февраля американского плана из шести пунктов по урегулированию конфликта в БиГ. Автор статьи обратил внимание на то, что Россия поддержала и приняла участие в данной акции, несмотря на резко негативную реакцию со стороны боснийских сербов[681].

Американо-российские дипломатические усилия по урегулированию конфликта на Балканах не привели к ожидаемым результатам, поскольку парламент боснийских сербов отверг мирный план Вэнса – Оуэна. В этих условиях 17 апреля 1993 г. СБ ООН принял резолюцию 820 об ужесточении санкций против СРЮ, при голосовании по которой Китай и Россия воздержались. Российская сторона в принципе допускала возможность расширения санкционного режима, но принятие данной резолюции на тот момент считала «совершенно несвоевременным». Поясняя позицию российского МИД, специальный представитель президента России В.И. Чуркин подчеркнул, что «проводя именно так свою линию, мы будем действовать, исходя из коренных интересов международного сообщества». Дипломат особо отметил, что «у России тоже есть свои внешнеполитические приоритеты, и она не должна и не будет вступать в конфронтацию с международным сообществом из-за того, что никак не могут определиться и прийти к согласию по границам провинций в БиГ»[682]. В то же время акценты в позиции КНР были расставлены иначе. Ее представитель указал на «невозможность добиться прочного урегулирования конфликтов и споров посредством оказания давления извне или введения таких принудительных мер, как санкции»[683].

28 апреля – Совет Безопасности, а 29 апреля Генассамблея ООН приняли резолюции о приостановлении членства СРЮ в Экономическом и Социальном Совете. При голосовании по данным документам Китай и Россия снова воздержались. Китайский представитель вновь подтвердил неизменность позиции КНР, подчеркнув, что «всем республикам бывшей Югославии должны быть предоставлены их собственные места в ООН и во всех организациях ее системы, и ни одна республика не должна быть исключена

---

680 *慈汝岭*. 解决波黑冲突方案及各方反应 // 人民日报. 20.02.1993. С. 6. [*Цы Жулин*. План урегулирования боснийского конфликта и реакции сторон // Жэньминь Жибао].

681 *慈汝岭*. 美国实施空投计划前后 // 人民日报. 02.03.1993. С. 6. [*Цы Жулин*. До и после США воздушного сброса грузов // Жэньминь Жибао].

682 Пресс-конференция специального представителя президента РФ В.И. Чуркина (19 апреля 1993 г.) // Дипломатический вестник. 1993. Май. № 9–10. С. 21, 24.

683 Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсотом заседании. S/PV.3200 // ООН. 18 апреля 1993 г. URL: https://docs.un.org/zh/S/PV.3200 (дата обращения. 09.09.2025).

из этого процесса». Российская сторона мотивировала свою позицию тем, что Белград уже предпринял конкретные шаги по оказанию соответствующего конструктивного воздействия на руководство боснийских сербов с целью принятия ими мирного плана[684].

В подходе к урегулированию войны в Боснии Россия, с одной стороны, поддерживала ужесточение санкций против СРЮ и боснийских сербов, а с другой – последовательно выступала против силового сценария решения конфликта, что явилось одним из ключевых источников разногласий между Россией и США. После того, как 26 апреля 1993 г. Скупщина Республики Сербской отклонила план Вэнса – Оуэна, президент России Б.Н. Ельцин на следующий день выступил с резким заявлением, почеркнув, что «Российская Федерация не будет покровительствовать тем, кто противопоставляет себя мировому сообществу»[685]. В китайской прессе это заявление интерпретировалось как жесткое предупреждение, адресованное сербской стороне.

Вслед за этим, 1 мая США приступили к проработке сценариев возможного применения военной силы с целью прекращения боснийской войны. В стремлении заручиться поддержкой Кремля 5 мая государственный секретарь США провел в Москве переговоры с Б.Н. Ельциным и А.В. Козыревым. В данном контексте еженедельник «Ляован» опубликовал статью «США консультируются с Европой и Россией по вопросу военного вмешательства», в которой анализировались позиции сторон по вопросу интервенции. Китайский аналитик подчеркивал, что Россия по-прежнему отдавала предпочтение политическому урегулированию боснийского кризиса и не выразила однозначной поддержки американскому плану, ограничившись согласием на возможное применение более жестких мер давления на боснийских сербов с целью побудить их принять план Вэнса – Оуэна. По мнению обозревателя, даже при одновременном оказании давления на Белград и Пале готовность России поддержать американский вариант оставалась ограниченной, поскольку «этническая, историческая и религиозная близость» между русскими и сербами объективно сужала пространство для такого маневра российской дипломатии[686].

В период подготовки и проведения 15–16 мая 1993 г. референдума в РС Россия активизировала дипломатические усилия и выдвинула собственную инициативу по

---

[684] Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсот четвертом заседании. S/PV.3204 // ООН. 28 апреля 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3204 (дата обращения. 09.09.2025).

[685] Письмо постоянного представителя РФ [в ООН] от 29 апреля 1993 года на имя генерального секретаря ООН. S/25699 // СОД ООН. 29 апреля 1993 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n93/246/24/img/n9324624.pdf (дата обращения. 09.09.2025).

[686] *吴志强*. 美同欧俄磋商军事干预 // 瞭望周刊. 1993. № 20. С. 43. [*У Чжицян*. США консультируются с Европой и Россией по вопросу военного вмешательства // Еженедельник «Ляован»].

поэтапному осуществлению плана Вэнса – Оуэна. В то же время китайская дипломатия приветствовала его подписание лидером боснийских сербов Р. Караджичем и выражала надежду на скорейшее достижение мира в БиГ[687]. 6 мая 1993 г. официальный представитель МИД КНР, комментируя отказ Скупщины РС в БиГ утвердить предложенный план и возможность эскалации боевых действий, подчеркнул, что «Китай выступает за мирное разрешение споров. Мы надеемся, что любые внешние усилия будут способствовать скорейшему политическому урегулированию боснийского вопроса путем мирных переговоров между сторонами»[688].

В опубликованной 22 мая в ЖМЖБ статье «Сербский референдум и российский план» Ху Сицзинь охарактеризовал российскую инициативу как ставшую «наиболее заметной» среди предложенных на тот момент вариантов урегулирования. Поскольку российский план получил положительный отклик со стороны стран ЕС, но встретил сопротивление Вашингтона, Ху Сицзинь проанализировал принципиальные различия между российским и американским подходами: российский предполагал поэтапную реализацию плана Вэнса – Оуэна без учета позиции боснийских сербов, делая акцент на развертывании значительного контингента сухопутных сил (по оценкам – от 40 до 70 тыс. человек), задачей которых было не прямое противостояние сербским вооруженным соединениям, а постепенное расширение мирных пространств на основе шести существующих «зон безопасности»; американский – исходил из применения ограниченных авиаударов и снятия эмбарго на поставки оружия мусульманской стороне с целью принудить боснийских сербов к капитуляции и подписанию мирного соглашения; направление сухопутных войск допускалось лишь после вступления такого соглашения в силу[689].

22 мая министры иностранных дел США, РФ, Франции, Великобритании и Испании объявили о принятии «плана совместных действий», что вызвало значительный интерес китайских СМИ. В комментарии, опубликованном в ЖМЖБ, данный план был охарактеризован как результат взаимных уступок пяти государств. Поскольку США в ходе согласования документа пошли на компромисс с «европейскими союзниками», временно отказавшись от ранее выдвигавшихся предложений о нанесении авиационных ударов по позициям боснийских сербов и об отмене эмбарго на поставки вооружений

---

687 外交部发言人发表谈话 // 人民日报. 04.05.1993. С. 4. [Заявление представителя МИД // Жэньминь жибао].

688 外交部发言人答记者问 // 人民日报. 07.05.1993. С. 4. [Ответ представителя МИД на вопросы журналистов // Жэньминь жибао].

689 *胡锡进*. 塞族公决与俄罗斯方案 // 人民日报.22.05.1993. С. 6. [*Ху Сицзинь.* Сербский референдум и российский план // Жэньминь Жибао].

мусульманской стороне. Оценивая роль России, автор комментария ограничился указанием на то, что в «плане совместных действий» нашли отражение отдельные положения ранее выдвинутого Москвой плана из четырех пунктов, не придавая при этом особого значения российскому влиянию на формирование общего политического курса документа[690].

Единогласное голосование в СБ ООН 22 февраля и 25 мая 1993 г по резолюциям 808 и 827 об учреждении МТБЮ при соавторстве РФ свидетельствовало о ее активном участии в формировании нового институционального механизма судебного урегулирования последствий югославского конфликта. Китайская сторона, в свою очередь, заняла более сдержанную позицию в отношении правовой легитимности создания трибунала. Постоянный представитель КНР при ООН Ли Чжаосин заявил, что политическая позиция Китая не должна рассматриваться как поддержка избранного правового подхода. Он указал на необходимость избегать создания прецедентов, способных привести к злоупотреблению положениями главы VII Устава ООН, и заявил, что учреждение международного трибунала, по мнению китайской стороны, целесообразно осуществлять на договорной основе, что позволило бы обеспечить этому органу более прочную юридическую основу и эффективное функционирование[691].

Предпринимавшиеся со второй половины апреля 1993 г. попытки непостоянных членов СБ ООН из числа участников Движения неприсоединения, мусульманских государств и целого ряда других стран предложить проекты резолюций о снятии эмбарго в отношении боснийских мусульман не имели успеха из-за глубоких разногласий между членами СБ ООН. В ходе состоявшегося 29 июня 1993 г. заседания резолюция не была принята: проект не набрал нужного количества голосов, поскольку только 6 стран, входящих на тот момент в СБ, высказались «за», а девять стран, включая Китай и Россию (постоянных членов СБ), воздержались[692]. Разъясняя позицию КНР его представитель выразил понимание «тревоги и озабоченности, проявленных неприсоединившимися и

---

[690] *胡锡进*. 欧美五国波黑“联合行动计划”初析 // 人民日报. 29.05.1993. С. 6. [*Ху Сицзинь*. Первоначальный анализ «Программы совместных действии» в Боснии // Жэньминь Жибао].

[691] Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсот семнадцатом заседании. S/PV.3217 // ООН. 25 мая 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3217 (дата обращения. 09.09.2025).

[692] В итоге в тот день на рассмотрение членов Совета был представлен документ S/25997 с текстом проекта резолюции, инициаторами которого стали пять государств (Кабо-Верде, Джибути, Марокко, Пакистан и Венесуэл), а соавторами текста проекта также подключились Афганистан, Алжир, Коморские Острова, Египет, Эстония, Латвия, Малазия, Сенегал, САР и Турция. См: Албания, Алжир, Афганистан, Венесуэла, Джибути, Египет, Индонезия, Иордания, Иран (Исламская Республика), Кабо-Верде, Коморские Острова, Латвия, Ливийская Арабская Джамахирия, Малайзия, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Сенегал, Сирийская Арабская Республика, Тунис, Турция и Эстония: проект резолюции. S/25997 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/169240?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 22.02.2026).

мусульманскими государствами относительно судьбы Республики БиГ». Он подчеркнул, что Китай поддерживает «незамедлительное прекращение военных действий, полное уважение и гарантию независимости, единства и территориальной целостности Республики БиГ». Именно «исходя из последовательной принципиальной позиции поиска мирных средств политического урегулирования конфликта в БиГ с помощью переговоров, китайская делегация воздержалась при голосовании по проекту резолюции»[693].

Китай придавал большое значение взглядам исламских стран на ситуацию в БиГ. 20 августа 1993 г. заместитель председателя Госсовета КНР и министр иностранных дел Цянь Цичэнь принял в Пекине делегацию министров Организации Исламской конференции (ОИК), подчеркнув приверженность Китая независимой и мирной внешней политике, а также его неизменную позицию в пользу урегулирования международных споров, включая боснийский конфликт, исключительно политико-дипломатическими средствами – через диалог и переговоры. Он подтвердил необходимость уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности БиГ. Со своей стороны, представители ОИК изложили коллективную позицию исламских государств по боснийскому вопросу и выразили надежду на более активную и ответственную роль международного сообщества, прежде всего СБ ООН, в рамках положений Устава ООН[694].

Отказ СРЮ допустить долгосрочное присутствие миссии СБСЕ в Косове, Санджаке и Воеводине привел к принятию СБ ООН 9 августа 1993 г. резолюции 855, при голосовании по которой Китай воздержался. В пояснительном заявлении представитель КНР отметил, что «вопрос Косова является внутренним делом СРЮ», и указал на необходимость строгого соблюдения основополагающих принципов Устава ООН и международного права, включая уважение суверенитета, политической независимости и территориальной целостности СРЮ. Китайская сторона также заявила, что любое внешнее вмешательство или давление не способствует поиску адекватного решения, а, напротив, лишь усложняет ситуацию[695].

В период конфликта в бывшей Югославии СБ ООН неоднократно возвращался к вопросу создания зон безопасности, в результате чего было принято несколько

---

[693] Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести сорок седьмом заседании. S/PV.3247 // СОД ООН. 29 июня 1993 г. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3247&i=S/PV.3247_5400152 (дата обращения. 09.09.2025).

[694] 钱其琛会见伊斯兰会议组织代表团时说中国将为公正合理解决波黑危机尽力 // 人民日报. 21.08.1993. С. 4. [Цянь Цичэнь заявил о готовности Китая приложить усилия для справедливого и рационального урегулирования боснийского кризиса на встрече с делегацией Организации Исламской конференции // Жэньминь жибао].

[695] Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести шестьдесят втором заседании. S/PV.3262 // ООН. 9 августа 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3262 (дата обращения. 09.09.2025).

документов, направленных на обеспечение стабильности и безопасности в регионе: резолюции 819 и 824 зафиксировали объявление Сараева и еще пяти анклавов зонами безопасности; резолюция 836 санкционировала применение силы миротворцами ООН в целях самообороны; резолюция 844 предусматривала численное увеличение миротворческого контингента ООН в БиГ и др. Китай проголосовал за резолюцию 836, предложенную Францией, Россией, Великобританией, США и Испанией. Как заявил представитель КНР при ООН Ли Чжаосин, «руководствуясь соображениями гуманитарного характера, делегация Китая отдала свой голос» в ее поддержку. Ли также предупредил, что «такие шаги, как включение в эту резолюцию ссылки на главу VII Устава ООН с целью санкционирования использования силы, а также предусматриваемая резолюцией возможность осуществления в БиГ дальнейших мер военного характера, могут вместо того, чтобы способствовать усилиям по поиску путей установления в БиГ прочного мира, привести к еще большему обострению сложившейся ситуации и оказать отрицательное воздействие на мирный процесс»[696].

Изученные материалы китайской прессы свидетельствуют, что в этот период она позиционировала Россию как активного участника боснийского урегулирования, стремящегося к политическому разрешению конфликта и одновременно взаимодействующего с западными державами, хотя и не без определенных разногласий. В целом в оценках китайской прессы позиция России по боснийскому вопросу представлялась как компромиссный курс между жесткими военно-силовыми подходами Запада и ориентацией на сербскую позицию. Такая политика, как отмечалось в публикациях, была обусловлена, с одной стороны, стремлением России действовать в рамках солидарной ответственности великой державы перед международным сообществом, а с другой – сохранявшимися традиционными историческими связями с сербским народом, которые объективно ограничивали пространство для более решительной поддержки западных инициатив.

В 1994 г. Россия, по мнению китайских обозревателей, занимала в боснийском урегулировании достаточно активную позицию и играла важную роль в этом процессе. В конце января 1994 г. Москва выступила с новой инициативой урегулирования в БиГ[697]. В феврале благодаря активным усилиям Кремля и скоординированным действиям спецпредставителя президента В.И. Чуркина удалось предотвратить эскалацию кризиса вокруг Сараева. В ответ на дипломатическое обращение Москвы руководство боснийских

---

[696] Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести двадцать восьмом заседании. S/PV.3228 // ООН. 4 июня 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3228 (дата обращения. 09.09.2025).

[697] Из брифинга специального представителя президента РФ, заместителя министра иностранных дел РФ В.И. Чуркина 25 января 1994 г. // Дипломатический вестник. 1994. Февраль. № 3/4. С. 37.

сербов согласилось отвести тяжелое вооружение от столицы. Россия также обязалась разместить свой собственный миротворческий батальон в Сараеве на линии соприкосновения сербских и мусульманских сил[698]. 7 февраля 1994 г. представитель МИД КНР, комментируя взрыв в Сараеве на рынке «Меркале» 4 февраля, отметил: «коренное решение конфликта в БиГ лежит в политическом урегулировании. Мы призываем стороны немедленно прекратить все враждебные действия и через серьезные переговоры найти должное решение разногласий, чтобы народ БиГ мог избавиться от страданий, которые приносит ему война»[699].

В феврале 1994 г. кризисная обстановка, сложившаяся вокруг Сараева в связи с ультиматумом НАТО, вызвала пристальное внимание китайских СМИ. 22 февраля президент Республики Сербской Р. Караджич в интервью китайским журналистам, заявил, что так называемый ультиматум НАТО представляет собой «позорную практику навязывания политики силы и демонстрации военного превосходства со стороны западных держав по отношению к малым народам». 24 февраля китайские корреспонденты в Белграде взяли интервью у командира батальона российских миротворческих сил – полковника Виктора[700]. Офицер сообщил, что «основными задачами российского контингента являлись контроль за не выведенным сербскими силами тяжелым вооружением, а также наблюдение за соблюдением режима прекращения огня между сербскими и мусульманскими формированиями». При этом он особо подчеркнул, что «размещение российских войск на стороне сербов не означает политической поддержки одной из сторон конфликта»[701].

Созвучную оценку высказал сотрудник информационного ведомства боснийских сербов Зоран в беседе с китайскими журналистами. Он отметил, что «российские миротворческие силы на протяжении года выполняли задачи в Хорватии, демонстрируя взвешенную и нейтральную позицию». По его оценке, «размещение российского батальона на границе соприкосновения сербских и мусульманских сил способствовало созданию условий для продвижения мирного процесса»[702].

---

[698] Заявление МИД Российской Федерации 17 февраля // Дипломатический вестник. 1994. Март. № 5/6. С. 45.

[699] 外交部发言人答记者问 // 人民日报. 08.02.1994. С. 4. [Ответ представителя МИД на вопросы журналистов // Жэньминь жибао].

[700] Именно так указано в статье. По всей вероятности это командир первого российского пехотного батальона (554-й отдельный пехотный батальон ООН, впоследствии развернутого в «Русбат») в составе миротворческих войск ООН в Югославии полковник ВДВ В.Н. Логинов.

[701] *杨成明, 江亚平.* 来自波黑的报道: 萨拉热窝无炮声 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 10. С. 44. [*Ян Чэнмин, Цзян Япин.* Репортажи из Боснии и Герцеговины: в Сараево – без артиллерийского огня // Еженедельник «Ляован»].

[702] Там же.

Корреспондент ЖМЖБ в Белграде Ху Сицзинь описывал, как боснийские сербы встречали российский миротворческий батальон: «Чувства сербов к России крайне сложны – Москва многократно предавала их в ходе войны. Но в тот день все обиды были смыты братской привязанностью, и русские вновь стали для них спасителями. Когда их бронетехника проезжала через Пале, город превратился в бурлящее море. Тысячи мужчин, женщин и детей вышли на улицы; дети забирались на бронетехнику, девушки бросали цветы и посылали воздушные поцелуи сквозь слезы. Некоторые российские солдаты были глубоко тронуты увиденным: несмотря на то что они носили синие каски, бронетехника была окрашена в белый цвет и нужно было демонстрировать нейтралитет, они поднимали руки и показывали характерные для сербов жесты победы»[703].

В февральских публикациях в китайских СМИ о событиях в Боснии аналитики в целом сходились во мнении, что Россия сыграла важную роль в урегулировании данного кризиса. 23 и 24 февраля 1994 г. в ЖМЖБ были опубликованы два аналитических материала – «Корректировка политики США в отношении БиГ»[704] и «Россия активно участвует в урегулировании боснийского конфликта», – авторы которых обратили внимание на произошедшие заметные изменения в позициях Москвы и Вашингтона по боснийскому вопросу. В частности, Люй Яньсун обращал внимание, что дипломатическая инициатива президента Б.Н. Ельцина по выходу из тупика боснийского кризиса прагматично учитывала ключевые требования ультиматума НАТО и одновременно обеспечивала сербской стороне гарантии безопасности, благодаря чему была принята руководством Пале. Российское посредничество по оценке китайского журналиста, позволило преодолеть опасное тупиковое противостояние между боснийскими сербами и НАТО.

Причины активной позиции России объяснялись китайскими обозревателями тремя факторами:

- Москва исходила из необходимости политического урегулирования конфликта, полагая, что авиаудары лишь обострят военное противостояние и подорвут переговорный процесс;
- Воздушные удары по Боснии могли стать первым случаем применения сил НАТО за пределами зоны ответственности альянса, что в условиях формирования нового европейского порядка после окончания холодной войны рассматривалось Кремлем как стратегически неблагоприятный фактор.

---

[703] *胡锡进*. 波黑战地采访手记. С. 47–48. [*Ху Сицзинь.* Заметки о войне в БиГ].

[704] *鲍世绍*. 美国调整波黑政策 // 人民日报. 23.02.1994. С. 6. [*Бао Шишао.* Корректировка политики США в отношении БиГ // Жэньминь Жибао].

• Необходимостью сохранения геополитического влияния, так как отказ от поддержки сербов (Белграда и Пале) в кризисной ситуации неизбежно привел бы к ослаблению позиции России на Балканах[705].

В СМИ Китая прозвучала высокая оценка успешного посредничества Москвы. Китайские обозреватели подчеркивали, что данный дипломатический маневр позволил: во-первых, остановить авиаудары НАТО и предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта; во-вторых, создать условия для фиксации и последующего отвода тяжелого вооружения боснийских сербов под защитой российских сил, вызывавших доверие у руководства в Пале; в-третьих, облегчить положение тех стран-членов НАТО, которые опасались негативных последствий бомбардировок; и, в-четвертых, повысить международный статус России и ее влияние в регионе[706].

После подписания мусульманами и хорватами в Вашингтоне 18 марта 1994 г. соглашения об объединении хорватской Герцег-Босны и мусульманской части Боснии в Федерацию БиГ делегация боснийских сербов, побывав в Москве, договорилась об открытии аэропорта в городе Тузла под российским контролем[707]. В статье Ху Сицзиня «Новые тенденции в мирном урегулировании кризиса в БиГ» отмечалось, что это соглашение придало новый импульс мирному процессу и в значительной степени устранило угрозу повторения «сараевского сценария» вокруг аэропорта Тузлы, предотвращая возможность новой эскалации кризиса[708]. Между тем А. Изетбегович и Р. Караджич дали интервью корреспондентам ЖМЖБ и МРК. А. Изетбегович высказался против контроля аэропорта российскими войсками, считая, что нет необходимости увеличивать численность миротворцев в Боснии. Тогда как Караджич подчеркнул, что аэропорт должен использоваться исключительно для доставки гуманитарной помощи и что «необходимо присутствие российских миротворцев и сербских наблюдателей»[709].

При освещении этих событий китайские СМИ отмечали, что твердая позиция России

---

[705] *吕岩松*. 俄罗斯积极参与调解波黑冲突 // 人民日报. 24.02.1994. С. 6. [*Люй Яньсун*. Россия активно участвует в урегулировании боснийского конфликта // Жэньминь Жибао].

[706] *刘升*. 说“不”的不仅日本 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 10. С. 41. [*Лю Шэн*. Не только Япония говорит «нет» // Еженедельник «Ляован»].

[707] Пребывание Р. Караджича в Москве 28 февраля – 3 марта // Дипломатический вестник. 1994. Март. № 5/6. С. 24.

[708] *胡锡进*. 和平解决波黑危机的新动向 //人民日报. 06.03.1994. С. 6. [*Ху Сицзинь*. Новые тенденции в мирном урегулировании кризиса в БиГ // Жэньминь Жибао].

[709] *胡锡进, 李坚*. 伊泽特贝戈维奇接受中国记者采访时说穆克联邦协议向塞族开放 // 人民日报. 06.03.1994. С. 6. [*Ху Сицзин, Ли Цзянь*. Изетбегович в интервью китайским корреспондентам заявил, что Мусульмано-хорватское федеративное соглашение открыто для сербов // Жэньминь Жибао]; *胡锡进, 李坚*. 卡拉季奇对本报和中国国际电台记者说塞族支持萨市生活正常化 // 人民日报. 07.03.1994. С. 6. [*Ху Сицзин, Ли Цзянь*. Караджич в интервью корреспондентам ЖМЖБ и МРК заявил, что сербы поддерживают нормализацию жизни в Сараево // Жэньминь Жибао].

и ее дипломатические усилия в БиГ оказывали существенное влияние на динамику отношений между Россией и США. Обозреватели ЖМЖБ и еженедельника «Ляован» акцентировали внимание на вовлеченности и активное вмешательство Москвы в боснийскую проблему, а также на заметное ужесточение российской позиции в диалоге с Вашингтоном. Данную тенденцию китайские аналитики связывали с результатами выборов в российскую Госдуму первого созыва, состоявшихся 12 декабря 1993 г. Китайские обозреватели сходились во мнении, что активное включение Российской федерации в решение боснийского вопроса отражало ее стремление перехватить инициативу в политическом урегулировании боснийского кризиса и восстановить свой статус великой державы[710].

По инициативе России в конце марта 1994 г. правительство Хорватии в Загребе и руководство Республики Сербская Краина достигли соглашения о прекращении огня. Наряду с этим Москва продолжила активные действия в Боснии и, как свидетельствуют новейшие достижения российской историографии, «переключить внимание российской дипломатии на хорватское направление не удалось»[711]. 31 марта СБ ООН принял резолюцию 908, предусматривавшую расширение мандата СООНО на территории бывшей Югославии. Китай и Россия проголосовали за принятие этого документа, но их согласие с документом сопровождалось оговорками принципиального характера. Представитель КНР Чэнь Цзянь подчеркнул, что Пекин «не приветствует ни использование силы, ни угрозу ее применения, равно как и обращение к Главе VII Устава ООН для использования силы в миротворческих операциях СООНО», в связи с чем у китайской стороны имелись возражения против ссылки на положения этой главы в тексте резолюции. В отношении распространения непосредственной воздушной поддержки на территорию Республики Хорватии, китайский представитель специально напомнил о необходимости для СБ подходить к данному вопросу с максимальной осмотрительностью. Полномочный представитель России В.В. Сидоров, в свою очередь, акцентировал внимание на необходимости того, чтобы любые действия в рамках расширенного мандата СООНО осуществлялись «под руководством Совета Безопасности и при условии тесной

---

[710] *鲍世绍.* 蜜月已过, 婚姻尚存: 变化中的美俄关系 // 人民日报. 22.03.1994. С. 6. [*Бао Шишао*. Медовый месяц прошел, брак сохраняется: меняющиеся американо-российские отношения // Жэньминь Жибао]; *谭东白.* 美俄战略伙伴关系出现麻烦 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 11. С. 44–45. [*Тан Донбай.* В стратегическом партнерстве США и России возникли трудности // Еженедельник «Ляован»]; *王崇杰.* 俄罗斯重整大国地位 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 13. С. 62. [*Ван Чунцзе.* Россия восстанавливает статус великой державы // Еженедельник Ляован]; *何大隆.* 美国“重新认识”俄罗斯 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 15. С. 40–41. [*Хэ Далун*. США «заново открывают» Россию // Еженедельник «Ляован»].

[711] *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). С. 283.

координации с Генеральным секретарем ООН и командованием СООНО»[712].

Вскоре в центре внимания международного сообщества вновь оказался конфликт вокруг мусульманского анклава Горажде. 10 и 11 апреля авиация НАТО дважды нанесла удары по позициям боснийских сербов в районе Горажде «в целях защиты персонала СООНО», сделав это без предварительных консультаций с Россией. Ответная реакция России оказалась вербальной и неожиданно активной: президент России, МИД и председатель Госдумы РФ выступили с заявлениями, в которых обвинили США и НАТО в отсутствии права односторонне принимать решения о применении силы.

Китайские СМИ характеризовали реакцию России на военные действия НАТО как «резко раздраженную», «крайне недовольную» и «чрезвычайно обеспокоенную». Было отмечено, что президент Б.Н. Ельцин провел телефонный разговор с президентом США Б. Клинтоном, в ходе которого указал на недопустимость односторонних решений о нанесении авиаударов. 14 апреля министр иностранных дел России А.В. Козырев, воспользовавшись пресс-конференцией по итогам встречи с главой МИД Республики Корея Хан Сын Чжу, заявил, что в связи с авиаударами НАТО по сербским позициям Россия решила пересмотреть планы подписания 21 апреля в Брюсселе соглашения о присоединении к программе «Партнерство ради мира». Директор Департамента информации и печати МИД РФ С.В. Карасин подчеркнул, что уведомление России о нанесении ударов уже постфактум является «подходом к младшему партнеру», тогда как Россия никогда не была готова мириться с подобной ролью. Министр обороны РФ П.С. Грачев также заявил, что авиаудары НАТО заставили его пересмотреть отношение к участию России в программе «Партнерство ради мира». Китайские СМИ не оставили без внимания визит А. Козырева в Белград и заявление президента России от 19 апреля по боснийскому вопросу. Автор еженедельника «Ляован» Тан Дунбай в публикации «Уроки авиаударов по Горажде» указывал, что одним из последствий стало дальнейшее обострение отношений между великими державами[713].

Китайские аналитики сходились во мнении, что одной из целей проведенной военной операции НАТО было ослабление влияния России на Балканах, вследствие чего политическое значение этих авиаударов существенно превышало их военный результат. Акция Североатлантического союза рассматривалась в КНР как двухвекторный сигнал: с одной стороны, как попытка «бомбардировками стимулировать переговоры», вынуждая сербскую сторону к территориальным уступкам; с другой, – и как демонстрация Москве,

---

[712] СБ ООН. Сорок девятый год. 3356-е заседание. 31 марта 1994 г. S/PV.3356 // ООН. 31 марта 1994 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3356 (дата обращения. 05.01.2026).

[713] *谭东白*. 空袭戈拉日代的启示 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 18. С. 46. [*Тан Дунбай.* Уроки авиаударов по Горажде // Еженедельник «Ляован»].

что Вашингтон и Брюссель намерены и в дальнейшем сохранять доминирующее влияние на развитие ситуации в Боснии[714].

Освещая данные события и заявления, ЖМЖБ зафиксировала расхождения в позициях Министерства обороны и МИД России по данному вопросу. В аналитическом материале ЖМЖБ от 1 мая 1994 г. указывалось, что министр А.В. Козырев охарактеризовал наступление боснийских сербов на Горажде как «безответственное», тогда как министр обороны П.С. Грачев заявлял, что инициатива по эскалации исходила от мусульманской стороны, а возложение всей ответственности на сербов являлось несправедливым. Ультиматум, выдвинутый НАТО 22 апреля сербской стороне, Козырев расценивал как «адекватную реакцию» Запада, тогда как Грачев подчеркивал, что урегулирование боснийского конфликта невозможно без полного отказа от авиаударов. Кроме того, китайские журналисты детально зафиксировали межведомственные разногласия: если на Смоленской площади в Москве заявили о намерении вывести российский миротворческий контингент из Боснии, то министр обороны публично возразил против данного шага, отметив, что он лучше осведомлен о положении дел на линии фронта и что вывод российских миротворцев в данный момент является «несвоевременным». Анализируя эти нюансы, автор статьи пришел к выводу о наличии глубоких внутренних противоречий между ключевыми акторами балканской политики России, что, по его мнению, порождало состояние неопределенности при выборе модели ее отношений с Западом[715].

Во второй половине 1994 г. Контактная группа по урегулированию в БиГ (КГ) стала играть лидирующую роль в действиях мирового сообщества на постъюгославском пространстве. Россия, как равноправный участник КГ практически играла роль инструмента принуждения сербской стороны к принятию разработанных Западом мер. Как отмечает Е.Ю. Гуськова: «во время работы КГ Москва продолжала выполнять вверенную ей роль давления на сербов, буквально вытягивая из них уступки, идя даже на обман в своих обещаниях»[716].

После мая 1994 г. освещение позиции Москвы по боснийскому вопросу китайские СМИ заметно сократили, довольствуясь, в основном, сообщениями о ключевых дипломатических шагах и официальных высказываниях представителей России.

---

[714] *徐坤明.* 北约空袭: 波黑再次成为世人瞩目的热点 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 17. С. 8. [*Сюй Куньмин.* Авиаудары НАТО: Босния вновь стала центром внимания мировой общественности // Еженедельник «Ляован»]; *古平.* 空袭有损和平进程 // 人民日报. 13.04.1994. С. 6. [*Гу Пин*. Авиаудары наносят ущерб мирному процессу // Жэньминь жибао].

[715] *东篱.* 各抒己见 // 人民日报. 01.05.1994. С. 3. [*Дун Ли.* Мнения разделились // Жэньминь жибао].

[716] *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). С. 304.

Специальные аналитические публикации, посвященные российской внешнеполитической «активности», практически отсутствовали.

13 мая в Женеве состоялась встреча представителей «тройки» ЕС с министрами иностранных дел России, Великобритании, США и Франции, в ходе которой была выработана концепция территориального компромисса, предусматривавшая предоставление 51% территории мусульманско-хорватскому образованию и 49% – сербской стороне. Параллельно Сенат США принял резолюцию о снятии эмбарго на поставки оружия мусульманам БиГ. В качестве ответной меры Госдума РФ выступила с заявлением о возможности пересмотра режима экономических санкций в отношении СРЮ.

После заключения 8 июня в Женеве соглашения о прекращении огня сроком на один месяц между тремя противоборствующими сторонами боснийского конфликта, Палата представителей Конгресса США потребовала от администрации Б. Клинтона в одностороннем порядке отменить эмбарго на поставки оружия. В ходе встречи, состоявшейся 14 июня, с лидером боснийских сербов Р. Караджичем, министр иностранных дел РФ А.В. Козырев подчеркнул, что Москва не намерена добиваться односторонней отмены международных санкций против СРЮ. Министр добавил, что действия одной или двух великих держав в обход международных механизмов способны привести к расширению масштабов войны, а попытки американских законодательных органов снять эмбарго для мусульманской стороны лишь усугубляют политическую нестабильность. А.В. Козырев заявил, что Россия не поддержит боснийских сербов в случае выбора ими военного пути, однако при принятии ими международного мирного плана Москва готова оказать им существенную политическую и иную поддержку. При этом министр подтвердил готовность РФ добиваться постепенной отмены санкций при условии ориентации сербской стороны на мирное урегулирование[717].

ЖМЖБ 17 июня зафиксировала наличие серьезных расхождений между США, с одной стороны, и ЕС и Россией – с другой, по вопросу о снятии эмбарго на поставки оружия БиГ[718].

Во время встречи 5 июля 1994 г. в Женеве Контактная группа одобрила подготовленные ею карты территориального размежевания (51% территории отводился ФБиГ, а 49% – сербскому образованию) и рекомендовала сторонам конфликта дать ответ на эти предложения в двухнедельный срок. Министр А.В. Козырев назвал этот план

---

[717] 科济列夫说俄不单方面取消对南制裁 // 人民日报. 16.06.1994. С. 6. [Козырев заявил, что Россия не намерена в одностороннем порядке снимать санкции с Югославии // Жэньминь жибао].

[718] *易之.* 令人费解的举动 // 人民日报. 17.06.1994. С. 6. [*И Чжи.* Непонятный шаг // Жэньминь жибао].

«мирным ультиматумом», направленным на принуждение сторон к миру[719]. В китайской прессе он получил название «мирный план пяти держав» (五国和平计划). В публикациях также отмечалось, что позиции госсекретаря США У. Кристофера и главы МИД РФ А.В. Козырева совпадали в стремлении побудить боснийских сербов к уступкам. В условиях отказа сербской стороны дать позитивный ответ на выдвинутый КГ ультиматум 25 июля в Москве состоялось заседание КГ на уровне экспертов[720].

26 июля министр обороны РФ П.С. Грачев и представитель МИД В.И. Чуркин прибыли в Белград, где передали послание президента Б.Н. Ельцина С. Милошевичу и Р. Караджичу. Глава военного ведомства публично заявил о неприятии Россией идеи замены сил ООН натовскими контингентами в БиГ, и подчеркнул, что данная позиция отражает прямую директиву президента РФ. Китайские СМИ интерпретировали данный визит как попытку обсудить с сербским руководством отношение руководства Пале к «мирному плану» и принудить боснийских сербов к его принятию[721].

Китайские СМИ тщательно следили за действиями российской дипломатии. 2 августа ЖМЖБ сообщила о визите главы МИД РФ в Белград. Уже само название публикации – «Козырев проинформировал югославскую сторону о результатах встречи министров иностранных дел пяти государств; президент Сербии призвал боснийских сербов принять план КГ» – указывало на тесную связь этого визита с изменением позиции С. Милошевича по боснийскому вопросу. В материале, в частности, приводились заверения Козырева, о том, что снятие санкций с СРЮ станет возможным сразу после того, как боснийские сербы примут план КГ и отведут войска на согласованные позиции. В материале также фиксировались готовность великих держав предоставить международные гарантии будущих границ между РС БиГ и Мусульманско-хорватской федерацией, а также право Бани-Луки вступать в конфедеративные отношения с Белградом[722].

Вскоре после упомянутых консультаций правительство Югославии приняло решение о разрыве политических и экономических отношений с боснийскими сербами. Российский МИД охарактеризовало данный шаг как «практические меры по оказанию

---

[719] Выступление А.В. Козырева на пресс-конференции по итогам встречи в Женеве 5 июля // Дипломатический вестник. 1994. Август. № 15/16. С. 8.

[720] 五国联络小组举行会议 // 人民日报. 27.07.1994. С. 6. [Контактная группы провела заседание // Жэньминь жибао].

[721] 俄国防部长赴南调解 // 人民日报. 28.07.1994. С. 6. [Министр обороны России отправился в Югославию для урегулирования // Жэньминь жибао].

[722] 科济列夫向南通报 5 国外长会晤内容，塞总统呼吁波黑塞族接受 5 国方案 // 人民日报. 02.08.1994. С. 6. [Козырев проинформировал югославскую сторону о результатах встречи министров иностранных дел пяти государств, президент Сербии призвал боснийских сербов принять план КГ // Жэньминь жибао].

эффективного давления на Пале». Специальный корреспондент еженедельника «Ляован» Ян Чэнмин, освещая сложившуюся ситуацию, отметил, что «жесткая позиция югославского руководства была напрямую связана с изменением подхода России к развитию боснийского кризиса, продиктованным ее собственными интересами, и с последующим использованием Москвой дипломатического давления на сербскую сторону»[723].

Ослабление санкций в отношении Югославии, предложенное Россией и западными державами, преследовало цель побудить Белград к усилению политического давления на лидеров боснийских сербов. С данной стратегией было связано принятие СБ ООН 23 сентября трех резолюции: 941 (осуждение нарушений международного гуманитарного права); 942 (ужесточения санкций против боснийских сербов) и 943 (приостановление части санкций в отношении Югославии сроком на 100 дней).

Россия проголосовала за все три резолюции. Китай поддержал резолюции 941 и 943, а при голосовании по резолюции 942 – воздержался. Выступая в прениях, представитель КНР Хэ Яфэй отметил, что «международное сообщество должно поощрять любые усилия, направленные на достижение мира, прилагаемые всеми заинтересованными сторонами, включая СРЮ <…>. В принципе мы не поддерживаем использование санкций или принудительных мер для урегулирования конфликта в бывшей Югославии, потому что опыт показывает, что это не поможет решить проблему». В свою очередь представитель РФ при ООН С.В. Лавров, подчеркнул, что принятая резолюция о частичном ослаблении санкций в отношении СРЮ посылает четкий сигнал о том, что «Совет <…> готов адекватно реагировать на изменение позиций сторон и поощрить тех, кто практическими делами способствует достижению мира». Цель принятия резолюции об ужесточении санкций против боснийских сербов, по словам российского дипломата, заключалась в том, чтобы «добиться осознания ими безальтернативности политического решения»[724].

Положение в Боснии вновь осложнилось в октябре 1994 г. Очередная эскалация не была оставлена без внимания китайскими обозревателями: На страницах еженедельника «Ляован» внешнеполитическая линия Москвы характеризовалась следующим образом: «Несмотря на то, что в июле 1994 г. Россия совместно с США, Великобританией, Францией и Германией предложила мирный план в рамках КГ и оказывала давление на СРЮ и боснийских сербов с целью его реализации, она решительно выступала против односторонней отмены Вашингтоном эмбарго на поставки оружия БиГ и выражала

---

[723] *杨成明*. 波黑塞族处境困难 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 33. С. 43. [*Ян Чэнмин*. Трудное положение боснийских сербов // Еженедельник «Ляован»].

[724] СБ ООН. Сорок девятый год. 3428-е заседание. 23 сентября 1994 г. S/PV.3428 // ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/PV.3428 (дата обращения. 05.01.2026).

серьезное недовольство стремлением США расширить масштабы авиаударов по позициям боснийских сербов». Китайский корреспондент отмечал, что очередной виток эскалации отчетливо проявил противоречия между ведущими мировыми державами и в определенной мере сблизил позиции России, Великобритании и Франции в совместном противостоянии односторонним инициативам США. Автор также обратил внимание на нюансы соперничества Москвы и Вашингтона в боснийском вопросе, напомнив, что «Россия выступает традиционным союзником боснийских сербов. Несмотря на то, что ее государственная мощь сегодня уже не та, что прежде, российское руководство в каждый переломный момент кризиса в Боснии действует активно, стремясь защитить собственные стратегические интересы на Балканах и не допустить доминирования США в этом регионе»[725].

В декабре 1994 г. аналитики ЖМЖБ Хуан Цин в статье «"Позор Европы" и другие»[726] и Дин Ган в публикации «Тень "холодного мира" нависает над ОБСЕ»[727] подвергли жесткой критике несогласованность подходов США и Европы, а также констатировали отсутствие эффективного взаимодействия между великими державами. Чуть позже, в конце декабря, обозреватели ЖМЖБ в статьях Ху Сицзиня «Боснийский кризис: от обострения к ослаблению напряженности»[728] и Лю Яньсуна «Россия стремится восстановить статус великой державы»[729] подвели итоги года. Китайские обозреватели отметили временное снижение остроты боснийского кризиса, связав это с дипломатическими усилиями Москвы, направленными на возвращение статуса великой державы.

В 1995 г. отношения Китая с государствами, образовавшимися после распада СФРЮ, и с Россией развивались стабильно. К этому времени Пекин полностью сформировал свою позицию в отношении событий на постъюгославском пространстве.

Наиболее полно позиция Пекина в отношении кризиса на постъюгославском пространстве была изложена весной 1995 г. вице-премьером Госсовета, министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем во время визита в Белград. 10 апреля, выступая на совместном заседании комитетов по внешней политике обеих палат Скупщины СРЮ,

---

725 *谭东白.* 比哈奇危机使大国矛盾表面化 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 51. С. 46. [*Тан Дунбай.* Кризис в Бихаче выявил противоречия великих держав // Еженедельник «Ляован»].

726 *黄晴.* “欧洲的耻辱”及其他 // 人民日报. 05.12.1994. С. 6. [*Хуан Цин*. "Позор Европы" и другие // Жэньминь Жибао].

727 *丁刚.* “冷和平”阴影笼罩欧安会 // 人民日报. 08.12.1994. С. 6. [*Дин Ган.* Тень "холодного мира" нависает над ОБСЕ // Жэньминь Жибао].

728 *胡锡进.* 波黑危机：从激化到缓和 // 人民日报. 28.12.1994. С. 7. [*Ху Сицзинь*. Боснийский кризис: от обострения к ослаблению напряженности // Жэньминь Жибао].

729 *吕岩松.* 俄谋求恢复大国地位 // 人民日报. 30.12.1994. С. 7. [*Лю Яньсуна.* Россия стремится восстановить статус великой державы // Жэньминь Жибао].

глава китайской дипломатии сформулировал пять фундаментальных принципов урегулирования конфликта:

1) разногласия и споры должны и могут быть урегулированы только мирными средствами;

2) после того, как пять новых государств, образовавшихся на пространстве бывшей Югославии, стали независимыми государствами, их суверенитет и территориальная целостность должны уважаться, их границы не должны меняться, тем более с применением силы;

3) законные права меньшинств должны быть полностью защищены и уважаемы <...>;

4) признание недопустимости введения санкций в отношении какой-либо страны в международных отношениях;

5) строгое соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела других стран.

По словам дипломата, «международное сообщество должно «в духе уважения прошлого, реалистичного взгляда на настоящее и устремленности в будущее» искать мирное, справедливое и разумное решение проблемы бывшей Югославии»[730].

Летом 1995 г. в ходе европейского турне (с посещением Венгрии и Германии) председатель КНР Цзян Цзэминь 10 июля в Будапеште изложил пять принципов развития долгосрочных дружественных и взаимовыгодных отношений сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы:

1) уважение выбора народов всех стран и невмешательство во внутренние дела других государств;

2) развитие дружественных отношений сотрудничества со всеми странами на равноправной основе, с опорой на пять принципов мирного сосуществования. Различия в социальных системах, идеологиях и ценностях не должны становиться препятствием для развития межгосударственных отношений;

3) отсутствие фундаментальных конфликтов интересов между Китаем и странами ЦВЕ. Развитие отношений Китая со странами этого региона не направлено против третьих стран и полностью основано на целях достижения общего процветания, содействия миру и стабильности в Европе и мире;

4) расширение торгово-экономического сотрудничества Китая с странами ЦВЕ на основе принципов равенства и взаимной выгоды, стимулирование взаимовыгодного экономического развития ради роста благосостояния народов всех вовлеченных в него

---

[730] 中国外交: 1996 年版 / 中华人民共和国外交部政策研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1996. С. 343–344. [Дипломатия Китая. 1996 / Сост. Отдел политических исследований МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

государств;

5) искреннее стремление к стабильности в регионе ЦВЕ, мирному сосуществованию народов всех стран, содействие мирному разрешению любых споров, уважение и поддержка желания стран региона укреплять региональное сотрудничество[731].

В 1995 г. США по-прежнему играли доминирующую роль в процессе боснийского урегулирования, в следствие чего руководство Пале под нарастающим военным давлением со стороны НАТО оказались вынуждено принять условия мирного соглашения. Одновременно с этим интенсивность российской дипломатии на данном направлении заметно снизилась.

В первой половине 1995 г. СМИ Китая преимущественно акцентировали внимание на принципиальной позиции России, выступавшей за политическо-дипломатическое урегулирование югославского кризиса, полное снятие санкций с Югославии и против применения «двойных стандартов» в международных делах. При этом в материалах подчеркивалось, что Москва одновременно оказывала давление на Белград, стремясь повлиять на его позицию. В конце мая – начале июня 1995 г. авиационные удары НАТО по позициям боснийских сербов[732], а также учреждение Сил быстрого реагирования (СБР), по оценкам китайских обозревателей, поставили Россию в затруднительное положение. Стратегия НАТО, как указывалось в комментарии ЖМЖБ от 1 июня, заключалась в том, чтобы, «признавая политический характер урегулирования боснийского конфликта, одновременно усилить военное давление на боснийских сербов, а через посредничество России добиться признания Белградом независимости БиГ, изолировать боснийских сербов и тем самым вынудить их к сотрудничеству с КГ»[733].

В статье Ху Сицзиня «Россия оказалась в затруднительном положении по боснийскому вопросу», опубликованной в ЖМЖБ 7 июня 1995 г., констатировалось, что учреждение СБР поставило Москву перед сложным выбором: с одной стороны, поддержка решений Запада означала усиление военного давления на Баню-Луку и дальнейшее ослабление позиций РФ в боснийском урегулировании; с другой – противодействие этим шагам (включая возможное использование права вето в СБ ООН) угрожало риском прямой конфронтации с Западом и противоречило общим интересам

---

[731] 江泽民主席在匈牙利全面阐述中国与中东欧国家发展关系五原则 // 人民日报. 12.07.1995. С. 1. [Председатель Цзян Цзэминь в Венгрии всесторонне изложил пять принципов развития отношений Китая со странами Центральной и Восточной Европы // Жэньминь жибао].

[732] В ответ на авиаудары НАТО по сербским складам боеприпасов в окрестностях Сараево 25-26 мая 1995 г., руководство Пале предприняло жесткие контрмеры: несколько сотен миротворцев ООН были захвачены сербами в заложники.

[733] *姚立, 王冬梅.* 欲有为而难有为 — 北约外长磋商波黑局势 // 人民日报. 01.06.1995. С. 6. [*Яо Ли, Ван Дунмэй.* Желание действовать, но трудно что-либо предпринять – министры иностранных дел НАТО обсуждают ситуацию в Боснии и Герцеговине // Жэньминь жибао].

России. Китайский обозреватель обратил внимание на то, что в условиях эскалации кризиса, вызванного захватом миротворцев в заложники в ответ на авиаудары НАТО, Москва оказалась не способна предпринять эффективные посреднические шаги. В результате позиции российской дипломатии в процессе мирного урегулирования в Боснии оказались под угрозой, а влияние России в КГ по сравнению с предыдущим годом существенно снизилось[734].

Перед голосованием по резолюции 998 Совбеза ООН от 16 июня[735], принятой при двух воздержавшихся членах – России и КНР, постоянный представитель КНР в ООН Цинь Хуасунь подчеркнул, что «операция ООН по поддержанию мира, как следует из названия, проводится с целью поддержания мира, а не ведения боевых действий <...>». Дипломат указал на то, что учреждение СБР преследует принудительные цели и де-факто изменяет нейтральный миротворческий статус СООНО. «Как только эти силы будут задействованы, они непременно станут стороной в конфликте, лишая тем самым СООНО их статуса миротворческих сил». С.В. Лавров объяснил отказ России поддержать резолюцию тем, что в документе не учтены пожелания Москвы о предоставлении строгих гарантий невовлечения СБР в военные действия против одной из противоборствующих сторон конфликта[736].

Дальнейшее развитие событий в БиГ и международные усилия по их урегулированию в июле 1995 г. по-прежнему регулярно освещались на страницах китайских газет и журналов. Обозреватели не оставили без внимания наступление сербских сил на Сребреницу и Жепу в июле, проведение международной конференции по БиГ в Лондоне 21 июля, встречу министра иностранных дел России А.В. Козырева с президентом СРЮ С. Милошевичем, а также контакты по телефону между лидерами России и США. В публикациях подчеркивалось, что Москва последовательно выступала против применения силы НАТО, настаивала на политико-дипломатическом урегулировании конфликтов и поддерживала отмену введенных ранее санкций против Югославии. Китайские аналитики обратили внимание и на намерение генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали передать полномочия по принятию решений о нанесении авиаударов по сербским позициям непосредственно представителям НАТО и командованию СООНО. Сообщая об этом, аналитик ЖМЖБ отметил, что «Россия не была

---

[734] *胡锡进.* 俄在波黑问题上处境两难 // 人民日报. 07.06.1995. С. 6. [*Ху Сицзинь.* Россия оказалась в затруднительном положении по боснийскому вопросу // Жэньминь жибао].

[735] Этим документов СБ ООН учредил силы быстрого реагирования численностью до 12 500 человек в составе Сил ООН по охране в БиГ после нападений на них и общего ухудшения ситуации.

[736] СБ ООН. Пятидесятый год. 3543-е заседание. 16 июня 1995 г. S/PV. 3543 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3543 (дата обращения. 24.12.2025).

заинтересована в полном переходе контроля над авиаударами к НАТО»[737]. По мнению китайских СМИ, только военный потенциал России и ее статус постоянного члена СБ ООН были причиной того, что «НАТО не смог полностью игнорировать российскую позицию»[738]. Авторы публикаций отметили и заявление[739] МИД России от 31 июля, в котором подчеркивалось, что возможное применение силы в Боснии допустимо лишь в рамках принятых резолюций СБ ООН при соблюдении всех определенных в них процедур[740].

12 июля 1995 г. была принята резолюция 1004 СБ ООН, которую поддержали и Россия, и Китай. Представители обоих государств, обосновывая свою позицию, заявили, что силы ООН не могут и не должны предпринимать действий, которые превратили бы их в сторону в конфликте. При этом в выступлении представителя РФ было прозвучало решительное осуждение действий армии боснийских сербов в Сребренице «в нарушение решений СБ по безопасным районам[741] в БиГ», тогда как китайская сторона высказалась более сдержанно, не прибегая к адресному обвинению какой-либо из сторон конфликта. В то же время Китай вновь повторил оговорки в отношении недопустимости осуществления принудительных действий со ссылкой на главу VII Устава ООН[742].

Осуществленная 5 августа руководством Хорватией при молчаливом согласии и поддержке США и других западных держав широкомасштабная военная операция под кодовым названием «Буря» вызвала резкую реакцию со стороны России. Москва настаивала на вынесении вопроса о действиях Загреба против населения Сербской Краины на рассмотрение СБ ООН и настоятельно требовала принятия текста резолюции с жестким осуждением действий хорватских вооруженных сил[743]. В аналитическом материале «Наблюдая сквозь пороховой дым за соперничеством великих держав» Тань Дунбай отметил, что столь жесткая реакция Москвы на операцию «Буря» в Хорватии была продиктована соображениями историко-культурной идентичности (общие корни и

---

[737] *许世铨, 何洪泽.* 加利缘何放弃双钥匙 // 人民日报. 29.07.1995. С. 3. [*Сюй Шицюань, Хэ Хунцзэ*. Почему Гали отказался от системы двойного ключа // Жэньминь жибао].

[738] *张宝祥.* 北约实施空袭有难题 // 人民日报. 29.07.1995. С. 3. [*Чжан Баосян*. НАТО столкнулось с трудностями в вопросе проведения авиаударов // Жэньминь жибао].

[739] Заявление представителя МИД РФ // Дипломатический вестник. 1995. Август. № 8. С. 52.

[740] *胡锡进.* 克冲突双方同意谈判, 克塞族出动飞机轰炸克军, 俄反对北约空袭波黑塞族 // 人民日报. 02.08. 1995. С. 6. [*Ху Сицзинь.* Стороны конфликта в Хорватии согласились на переговоры; хорватские сербы задействовали авиацию для бомбардировки хорватских войск; Россия выступила против авиаударов НАТО по боснийским сербам // Жэньминь жибао].

[741] В китайском, английском и французском языках данный термин соответственно передается как «安全区», «safe areas» и «zones de sécurité».

[742] СБ ООН. Пятидесятый год. 3553-е заседание. 12 июля 1995 г. S/PV.3553 // ООН. 12 июля 1995 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3553 (дата обращения. 01.01.2026).

[743] *李君.* “风暴”席卷克拉伊纳 // 世界知识. 1995. № 17. С. 21. [*Ли Цзюнь.* Операция «Буря» охватила Краину // Знания о мире].

общая с сербами православная вера), стремлением сохранить свое традиционное влияние в регионе. Именно поэтому, явно выражая сочувствие сербской стороне и оказывая ей поддержку, Россия наиболее жестко отреагировала на наступление хорватских войск в сербской Краине в конце июля и начале августа. В качестве доказательства данного тезиса Тань привел ряд шагов, российской стороны, среди которых решение Госдумы РФ об одностороннем выходе РФ из режима международных санкций против СРЮ и ее требование к российскому правительству ввести экономические санкции против Хорватии. Аналитик подчеркивал, что подобными действиями Россия продемонстрировала свое намерение открыто противостоять политике двойных стандартов США и ООН, которые склонялись в пользу противоположной стороны конфликта. Автор делал вывод, что в ходе данного кризиса Россия продемонстрировала твердость позиции на балканском треке и свою готовность к дипломатическому противостоянию США[744].

Инициатива президента РФ Б.Н. Ельцина от 6 августа о проведении в Москве экстренной встречи с участием С. Милошевича и Ф. Туджмана свидетельствовала о стремлении России предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта. Однако отказ хорватского президента, опиравшегося на поддержку США, от участия в переговорах в Москве при посредничестве российского лидера нивелировал его усилия. Китайские обозреватели мотивы данного отказа подробно не анализировали, однако подчеркивали его политическое значение. В публикациях отмечалось, что нежелание Ф. Туджмана прибыть в Москву свидетельствует о высокой вероятности продолжения военных действий Хорватии против хорватских сербов в Сербской Краине[745]. При освещении состоявшихся в Москве переговоров Б.Н. Ельцина с С. Милошевичем ЖМЖБ последовательно акцентировала внимание на заявлении российского президента о необходимости полной отмены санкций против СРЮ, а также на предложении проведения расширенного саммита с участием лидеров стран – членов КГ и сторон-участниц в балканском противостоянии. Как язвительно комментировали при этом ситуацию российские СМИ, «похоже, единственным неизменным пунктом в позиции Москвы остается требование снять санкции с Белграда»[746].

Сразу после начала хорватской операции «Буря» Кремль выступил с экстренной инициативой, целью которой было спасение сербов от полного разгрома, – планом из пяти

---

[744] *谭东白*. 透过硝烟看大国角逐 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 34. С. 7. [*Тань Дунбай.* Наблюдая сквозь пороховой дым за соперничество великих держав // Еженедельник «Ляо Ван»].

[745] *杨成明*. 前南地区局势更趋复杂 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 34. С. 42. [*Ян Чэнмин*. Обстановка в регионе бывшей Югославии становится еще более сложной // Еженедельник «Ляован»].

[746] *Ботов А.* Югославская синусоида // Коммерсантъ. 11.08.1995. URL: https://www.kommersant.ru/doc/114939 (дата обращения: 26.12.2025).

пунктов[747], вдохновителем которого также был президент Б.Н. Ельцин. Однако китайская пресса данной мирной инициативе Ельцина практически не уделила внимания. Вместо этого в центре медийного освещения оказалось переговоры министра А.В. Козырева с помощником президента США по национальной безопасности Э. Лейком, состоявшиеся 13 августа 1995 г. в Сочи. Китайская пресса рассматривала данную встречу как попытку Москвы и Вашингтона оценить перспективы координации усилий по урегулированию кризиса на постъюгославском пространстве. Анализу сочинских консультаций и выдвинутого Вашингтоном нового плана урегулирования боснийского конфликта была посвящена статья «Новая ситуация – новый план», опубликованная в ЖМЖБ 22 августа. По мнению аналитиков, «реакция Москвы носила осторожный и сдержанный характер, сочетая в себе элементы как поддержки, так и критики американских предложений»[748].

Вслед за этим эпицентр балканского кризиса вновь переместился в Боснию. Как отмечалось в российской историографии, «планирование операции НАТО "Намеренная сила" завершилось в кратчайшие сроки, и все посвященные ожидали лишь повода для ее начала»[749]. Трагический взрыв на рынке Маркале в Сараево 28 августа – «спланированная акция»[750], по версии Белграда и Москвы, – стал поводом для начала массированных бомбовых ударов авиации НАТО и СБР по позициям боснийских сербов.

Официальная позиция Китая в отношении нанесения воздушных ударов НАТО по позициям боснийских сербов, озвученная представителем МИД КНР в ходе брифинга 31 августа, ограничивалась выражением обеспокоенности гибелью мирного населения и осуждением массированных авиаударов НАТО по объектам боснийских сербов, при одновременном подтверждении принципиального неприятия силовых методов урегулирования конфликта[751]. После того как министры иностранных дел БиГ, Хорватии и СРЮ достигли в Женеве принципиального соглашения, постоянный представитель Китая при ООН Ван Сюэсянь напомнил о необходимости уважения международным сообществом суверенитета, территориальной целостности и политической независимости Республики БиГ, а также потребовал немедленного прекращения авиаударов

---

[747] Балканский кризис: говорят участники. Сб. воспоминаний / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 2016. С. 158–163.

[748] *何刚.* 新局面, 新方案（国际论坛）// 人民日报. 22.08.1995. С. 6. [*Хэ Ган*. Новая ситуация – новый план (Международный форум) // Жэньминь жибао].

[749] *Безрученко В.И.* Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Политическая, военная и дипломатическая история. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 524.

[750] *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). С. 395.

[751] 就北约对波黑实施空中打击外交部发言人答记者问 // 人民日报. 01.09.1995. С. 4. [Ответ представителя МИД на вопросы журналистов по поводу осуществления НАТО воздушных ударов по БиГ // Жэньминь жибао].

Североатлантического альянса[752]. 12 сентября официальный представитель МИД КНР Чэнь Цзянь, комментируя расширения масштабов бомбардировок сербских позиций в Боснии, подчеркнул, что их продолжение «может привести к серьезным последствиям и нанести ущерб мирному процессу БиГ»[753]. По сообщениям информационных агентств, в тот же день министр иностранных дел РС БиГ направил письма правительствам России и Китая, призвав обе страны предпринять неотложные дипломатические и политические шаги с целью побудить НАТО прекратить бомбардировки позиций боснийских сербов[754]. Спустя два дня официальный представитель МИД КНР вновь осудил военные операции НАТО, назвав их проявлением политики силы: «нынешние действия НАТО превращают его в одну из сторон конфликта и создают угрозу мирному процессу в БиГ <…>. Единственным путем урегулирования боснийского вопроса остаются мирные переговоры. <…> Мы призываем СБ ООН серьезно и эффективно осуществлять свои полномочия и положить конец злоупотреблению НАТО силой»[755].

Опубликованные за этот период редакционные и аналитические материалы китайских обозревателей носили значительно более критический характер по сравнению с официальным выражением позиции МИД КНР. Так в статье «Двусторонний подход», опубликованной в ЖМЖБ 5 сентября, утверждалось, что второй взрыв на рынке Маркале был использован США в качестве повода для начала авиаударов НАТО по позициям боснийских сербов. По мнению китайского аналитика, эти «тщательно спланированные США» авиаудары преследовали цель принудить сербскую сторону к переговорам, и нивелировать ее военное преимущество. В материале также было указывалось, что мирная инициатива президента Б.Н. Ельцина о проведении встречи лидеров ведущих держав с участниками югославского конфликта создавала определенные трудности для американских посреднических усилий[756].

Китайские СМИ последовательно акцентировали внимание на политической

---

[752] СБ ООН. Пятидесятый год. 3575-е заседание. 8 сентября 1995 г. S/PV.3575 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3575&i=S/PV.3575_1014325 (дата обращения: 28.12.2025).

[753] 外交部发言人答记者问：北约扩大空袭波黑塞族不利和平进程 // 人民日报. 13.09.1995. С. 4. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов: расширение НАТО воздушных ударов по позициям боснийских сербов не способствует мирному урегулированию // Жэньминь жибао].

[754] 波黑塞族呼吁俄中制止北约轰炸 // 人民日报. 14.09.1995. С. 6. [Боснийские сербы обратились к России и Китаю с призывом остановить бомбардировки НАТО // Жэньминь жибао].

[755] 外交部发言人 1995 年 9 月 14 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление представителя МИД от 14 сентября 1995 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1995. № 23. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1995/gwyb199523.pdf (дата обращения: 28.12.2025).

[756] *严正.* 双管齐下（国际论坛）// 人民日报. 05.09.1995. С. 6. [*Янь Чжэн.* Двусторонний подход (Международный форум) // Жэньминь жибао].

позиции Москвы, выступавшей против авиаударов, одновременно фиксируя внутреннюю противоречивость ее подхода. Ссылаясь на официальные заявления Б.Н. Ельцина от 30 августа, китайские обозреватели отмечали, что российский президент, с одной стороны, осудил обстрел сербами Сараево, а с другой – подверг жесткой критике бомбардировки НАТО. В целом ряде публикаций высказывалось мнение, что несмотря на осуждение массированных авиаударов по позициям боснийских сербов, Москва не пойдет на резкое обострение отношений с Западом: как Россия, так и Сербия находились в сложном внутреннем политико-экономическом положении и объективно нуждались в западной помощи, особенно из-за стремления Белграда добиться снятия экономических санкций. В интерпретации китайской печати именно эти обстоятельства существенно ограничивали возможности Москвы оказывать сдерживающее влияние на действия НАТО[757].

Наряду с анализом официальных заявлений президента РФ, МИД, Министерства обороны и Государственной думы России, китайская печать детально отслеживала и внешнеполитические шаги Кремля. Особое внимание китайские обозреватели уделили встрече Б.Н. Ельцина с канцлером ФРГ Г. Колем, состоявшейся 2–3 сентября 1995 г., в ходе которой стороны обменялись мнениями по состоянию боснийского урегулирования. В обзоре газеты ЖМЖБ от 6 сентября подчеркивалось, что российские инициативы, включавшие призывы к созыву международной конференции и отмене санкций против Югославии, – показатель стремления Москвы сохранить свое влияние, тогда как разногласия между Россией и Германией фактически отражали более глубинный конфликт между Россией и НАТО[758]. Китайская пресса также обращала внимание на то, что, несмотря на формальные заявления о поддержке российской роли, США на практике игнорировали многие инициативы Москвы[759].

По мнению китайских наблюдателей, бомбардировки НАТО негативно повлияли на отношения между Россией и Западом. Специальный корреспондент еженедельника «Ляовань» Чэнь Чжи отмечал, что они привели к нарастанию напряженности в отношениях между НАТО и Россией. По его мнению, под влиянием этих событий позиция Москвы претерпела заметную эволюцию: от первоначального «внимания и обеспокоенности» – к «нарастанию недовольства», а затем и к «решительному протесту» против действий НАТО. Автор подчеркивал, что одной из причин ужесточения

---

[757] *张宝祥.* 北约为何再次动武 // 人民日报. 02.09.1995. С. 3. [*Чжан Баосян.* Почему НАТО снова применяет силу // Жэньминь жибао]; *李君.* 北约大打出手 // 世界知识. 1995. 19. С. 4 [*Ли Цзюнь.* НАТО вступает в активные действия // Знания о мире].

[758] *许恒声.* 俄德在波黑问题上仍有分歧 // 人民日报. 06.09.1995. С. 6. [*Сюй Хэншэн*. Россия и Германия все еще расходятся по вопросу Боснии // Жэньминь жибао].

[759] *周锡生.* 美国直接干预波黑冲突 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 40. С. 41–42. [*Чжоу Сишэн.* Прямое вмешательство США в конфликт в Боснии // Еженедельник «Ляован»].

российской позиции в отношении расширения НАТО стали именно масштабные авиаудары по боснийским сербам. Эти действия, по его оценке, усилили в Москве ощущение того, что «НАТО проводит военные операции без должного учета российских возможностей, интересов и международного статуса. Особое раздражение у российской стороны вызвали секретные договоренности, зафиксированные в меморандуме между НАТО и ООН по Боснии, достигнутые в обход России и Китая как постоянных членов СБ ООН»[760].

На фоне возобновления Альянсом бомбардировок позиций боснийских сербов в начале сентября 1995 г. в Пекине была опубликована аналитическая статья московского корреспондента еженедельника «Ляован» Хуан Хуэйчжу, главной темой стала проблема балансирования между «конфликтом и сотрудничеством» во взаимоотношениях России и Запада по боснийскому вопросу. Автор подчеркивал, что «урегулирование боснийского конфликта неизменно являлось одним из приоритетов московской дипломатии». Согласно оценкам китайского обозревателя, «Москва последовательно выступала за политическое урегулирование конфликта под эгидой ООН, против внешнего вооруженного вмешательства в конфликт, за равное отношение ко всем его участникам и за отмену санкций против Белграда». Вместе с тем в публикации констатировалось, что отношения России с США и НАТО переживали глубокий кризис, вызванный широкомасштабными бомбардировками сербских позиций силами НАТО, и по мнению автора статьи, главная причина, вызвавшая на этот раз недовольство Москвы, заключалась, во-первых, «в стремлении США и НАТО использовать возможность урегулирования югославского кризиса для укрепления господствующих позиций в регионе и в европейских делах в целом, игнорируя традиционные интересы России на Балканах»; во-вторых, внутренними политическими факторами. Аналитик обращал внимание на то, что «несмотря на то, что Россия была одним из пяти постоянных членов СБ ООН и участником КГ, она фактически оказалась оттесненной на периферию процесса принятия решений по урегулированию кризиса, это нанесло удар по национальному самолюбию и престижу России». К тому же «предвзятая поддержка Альянсом мусульман и хорватов, а также и стремление фактически разгромить сербскую сторону спровоцировали резкий рост недовольства внутри России», усиливала критику внешнего курса правительства со стороны Государственной думы и общественного мнения, что приобретало особенную остроту в условиях приближавшихся парламентских выборов. Вместе с тем, по мнению автора, несмотря на всю жесткость риторики, Москва была не готова к открытому

[760] *陈赞*. 北约与俄罗斯关系趋于紧张 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 40. С. 43. [*Чэнь Чжи.* Отношения НАТО и России становятся напряженными // Еженедельник «Ляован»].

противостоянию с Западом. США и их союзники, в свою очередь, принимая во внимание ядерный статус России и нестабильность ее внутренней ситуации, стремились избегать окончательного разрыва связей и были вынуждены в определенной мере учитывать российскую позицию. Эти обстоятельства способствовали тому, что «после периода интенсивного конфликта Россия и Запад вновь вернулись к дипломатическому взаимодействию с целью сгладить разногласия». В статье также отмечалось, что после того, как Б.Н. Ельцин отклонил ряд решений Госдумы, российская дипломатия добилась ограниченных результатов, включая приостановку хорватских военных действий в северо-западной Боснии и принятие СБ ООН резолюции с призывом к прекращению огня по инициативе России[761].

20 сентября в ЖМЖБ вышла еще одна статья, посвященная анализу реакции России на военную операцию НАТО в Боснии. Как отмечали ее авторы – Лю Ган и Лю Яньсун, – действия российской стороны отличались «решительностью» и «прагматизмом». Подобную реакцию авторы объясняли угрозой потери традиционного влияния России на Балканах, прежде всего в контексте исторически тесных связей с сербами. Россия рассматривалась как «важный внешний актор» в урегулировании боснийского конфликта и как последовательный противник ударов авиации НАТО по позициям боснийских сербов. По мнению обозревателей, решительное неприятие Москвой авиаударов альянса свидетельствовало о сохранении преемственности балканской политики России и стремлением защитить традиционные геополитические интересы страны. Важным тезисом статьи стало замечание о том, что действия НАТО в Боснии развернулись параллельно с переосмыслением российским руководством отношений с Западом. Одновременно указывалось, что несмотря на остроту текущих противоречий, Россия и западные государства были в равной степени заинтересованы в том, чтобы боснийский кризис не привел к подрыву их партнерских отношений[762].

Корреспондент агентства «Синьхуа» Цзюй Мэнцзюнь в статье «Затруднения и перспективы российской дипломатии», опубликованной в еженедельнике «Ляован», указывал, что бомбардировки НАТО позиций боснийских сербов «нанесли ущерб геополитическим интересам России, ослабив ее позиции и влияние в Центральной и Восточной Европе». По его оценке, действия западных держав существенно ограничили возможности России влиять на развитие ситуации на постъюгославском пространстве. По

---

761 *黄慧珠.* 俄与西方在波黑问题上的冲突与合作 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 40. С. 44. [*Хуан Хуйчжу*. Конфликты и сотрудничество России с Западом по боснийскому вопросу // Еженедельник «Ляован»].

762 *刘刚, 吕岩松.* 波黑: 大国关系的一面镜子（述评） // 人民日报. 20.09.1995. С. 6. [*Лю Ган, Лю Яньсун.* Босния: зеркало отношений великих держав (обзор) // Жэньминь жибао].

мнению Цзюя, несмотря на «формальное участие России в процессе урегулирования югославского кризиса, фактически она оказалась вытесненной на периферию принятия ключевых решений: как в ООН, так и в действиях КГ влияние России на решение югославской проблемы по сравнению с предыдущим годом (1994) заметно снизилось». В то же время, по мнению корреспондента, «из соображений национальной безопасности, экономических интересов и стремления сохранить статус великой державы Россия в отношениях с Западом продолжит придерживаться преимущественно прагматичного курса»[763].

2–3 октября 1995 г. по приглашению правительства РФ с рабочим визитом в Москве находился премьер-министр БиГ Х. Силайджич, получивший в ходе переговоров от российской стороны одобрение на возобновление поставок природного газа в Сараево. МИД РФ рассматривал данный шаг как меру, имеющую «важное значение для нормализации положения в Сараево» и способную стать «конкретным и весомым вкладом России в достижение договоренности о незамедлительном и повсеместном прекращении огня в БиГ»[764]. Примечательно, что возобновление поставок газа не освещалось в китайских СМИ напрямую, но эксперты усматривали в этом событии один из косвенных сигналов недовольства Москвы односторонними действиями США и НАТО в Боснии[765].

Серьезные разногласия между Москвой и Вашингтоном существовали и по вопросу формирования многонациональных сил в БиГ. прежде всего вопрос касался командования контингентом миротворцев, его численности, распределения финансовых обязательств и стало предметом переговоров 8 октября между министрами обороны России и США П.С. Грачевым и У. Перри в Женеве. 24 октября, выступая на сессии ГА ООН, президент Б.Н. Ельцин заявил, что участие России в многонациональных силах возможно лишь при условии их размещения «под четким мандатом СБ ООН»[766]. На следующий день, 25 октября, в ходе личной встречи президенты России и США договорились о передаче дальнейшего обсуждения данного вопроса на уровень министров обороны двух стран. 27 октября Москва и Вашингтон пришли к соглашению о создании «специального многонационального оперативного контингента». Китайские СМИ внимательно отслеживали развитие ситуации вокруг формирования миротворческого контингента, не

---

[763] *俱孟军.* 俄罗斯外交的困惑和走向 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 41. С. 43–45. [*Цюй Мэнцзюнь.* Затруднения и перспективы российской дипломатии // Еженедельник «Ляован»].

[764] Визит Х. Силайджича в Москву // Дипломатический вестник. 1995. Ноябрь. № 11. С. 13.

[765] *李君.* 波黑和平跌宕起伏 // 世界知识. 1995. № 21. С. 14. [*Ли Цзюнь.* Мир в Боснии и Герцеговине: взлеты и падения // Знания о мире].

[766] Выступление президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на специальном торжественном заседании генеральной ассамблеи по случаю пятидесятой годовщины ООН // Дипломатический вестник. 1995. Ноябрь. № 11. С. 55.

раз подчеркивая, что данная проблема затрагивает жизненно важные интересы как России, так и Америки. В специально посвященном этому вопросу аналитическом материале журнала «Знания о мире» взаимная жесткость позиций обеих сторон объяснялась несколькими факторами, ключевым среди которых эксперт признавал расширение НАТО на восток. Вопрос командования многонациональными миротворческими силами, разъяснял автор статьи, напрямую был связан с контролем над ходом мирного процесса в БиГ, который, в свою очередь, тесно увязывался с перспективами расширения НАТО на восток; Россия же стремилась воспрепятствовать возможному созданию США военной базы на Балканах[767]. Интерес китайских СМИ к этой теме сохранялся и в последующие недели до конца 1995 г. В предновогодней анализе, подводящем итоги года, московские корреспонденты газеты ЖМЖБ отмечали, что попытки России добиться равноправного участия в урегулировании боснийского кризиса успехом не увенчались, а результаты дипломатических усилий Москвы в вопросе многонациональных миротворческих сил, по их мнению, оказались скромными. Обозреватели отметили, что Россия, фактически, ограничилась «вспомогательной ролью» в данном процессе[768].

Комментарии в китайских СМИ о скромной роли России в интернациональном миротворческом контингенте в Боснии отражали общую оценку китайских аналитиков относительно снижения роли Москвы в боснийском урегулировании в связи с дейтонскими договоренностями. Об этом писалось без обиняков: «в Дейтоне всем правили американцы – они разработали цели, способы их достижения, расписали сценарий и руководили политическим спектаклем»[769].

Дейтонские соглашения как заключительная фаза боснийской войны привлекли пристальное внимание китайских СМИ. Но роль и дипломатические действия России, а также ее реакция на события, освещались ограниченно. В информационных сообщениях сообщалось о заявлении президента РФ от 21 ноября по поводу достижения мирного соглашения по БиГ, а также о позиции Москвы после приостановления действия санкций СБ ООН против СРЮ. В аналитических материалах участие России в дейтонском процессе, как правило, не становилось предметом самостоятельного изучения.

Военная операция НАТО в БиГ, особенно авиационные удары по позициям боснийских сербов в сентябре 1995 г., выступила важным катализатором дальнейшего

---

[767] *李君.* 波黑多国部队指挥权之争 // 世界知识. 1995. № 22. С. 17. [*Ли Цзюнь*. Борьба за командование многонациональными силами в Боснии // Знания о мире].

[768] *许宏治, 刘刚.* 俄罗斯: 进入新的发展阶段 // 人民日报. 23.12.1995. С. 3. [*Сюй Хунчжи, Лю Ган.* Россия: переход к новому этапу развития // Жэньминь жибао].

[769] *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. С. 432.

сближения позиций Китая и России по многим международным вопросам, а также интенсифицировала их совместные усилия по продвижению идеи многополярного мира[770]. К 1994 г. между Китаем и Россией сложились новые отношения конструктивного партнерства. В «Совместной российско-китайской декларации 1994 года» отмечалось: в сфере международных отношений обе страны стали «рассматривать друг друга в качестве держав, являющихся важным фактором поддержания мира и стабильности в условиях формирующейся многополярной международной системы», укрепляя «взаимодействие в международных делах, включая сотрудничество в решении глобальных вопросов», выступая против «проявлений экспансии, гегемонизма, политики силы и создания противостоящих блоков – политических, военных и экономических». Декларация закрепляла приверженность сторон «решению спорных проблем путем мирных переговоров, диалога и консультаций, на основе норм международного права, в духе взаимопонимания и взаимных уступок, отказа от применения силы и угрозы силой». Несмотря на различия в подходах по отдельным вопросам, стороны неоднократно подчеркивали широкое совпадение или близость позиций по основным проблемам современности. 14 августа 1995 г. президент РФ Б.Н. Ельцин направил председателю КНР Цзян Цзэминю послание, посвященное урегулированию ситуации в бывшей Югославии. 9 сентября в ответном послании Цзян Цзэминя выразил признательность за информирование о развитии обстановки в регионе и отметил, что позиции Китая и России по югославскому вопросу не только во многом совпадают, но и уже опираются на сложившийся опыт конструктивного взаимодействия. Он выразил готовность китайской стороны к дальнейшему углублению такого сотрудничества, особо отметив, что укрепление координации и взаимодействия между Китаем и Россией по международным делам имеет важное значение не только для дальнейшего развития их конструктивного партнерства, но и для поддержания и укрепления мира и стабильности в мире[771].

Десятью днями позже (21–23 сентября 1995 г.) состоялся визит в Россию вице-премьера Госсовета, министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. В рамках визита в Сочи прошла его встреча с Б.Н. Ельциным, переговоры с В.С. Черномырдиным и А.В. Козыревым. Как сообщали источники, основной целью визита была предметная подготовка к предстоящей третьей китайско-российской встрече в верхах, и в ее ходе стороны достигли понимания по всем обсуждавшимся вопросам[772]. В частности,

---

[770] Подробнее см. Совместная российско-китайская декларация // Дипломатический вестник. 1994. Октябрь. № 17–18. С. 17–19.

[771] 中国外交: 1996 年版. С. 268. [Внешняя политика Китая. 1996].

[772] 钱其琛副总理抵俄访问 // 人民日报. 23.09.1995. С. 3. [Вице-премьер Цянь Цичэнь прибыл в Россию с визитом // Жэньминь Жибао]; 俄总理会见钱副总理 // 人民日报. 24.09.1995. С. 2.

отмечалось дальнейшее сближение позиций Москвы и Пекина по многим международным вопросам, что свидетельствовало о переходе двустороннего взаимодействия на качественно новый уровень. Китай и Россия сходным образом оценивали современный мир как систему, не сводимую к однополярной или биполярной модели, а как многополярную и разнообразную структуру, требующую равноправного сотрудничества всех членов международного сообщества, прежде всего постоянных членов СБ ООН. В ходе обмена мнениями относительно совершенствования механизма деятельности ООН стороны акцентировали внимание на недопущении дисбаланса в ее работе[773].

26 сентября Цян Цичэнь, выступая в Нью-Йорке на юбилейном заседании СБ ООН, приуроченном к 50-летию основания организации, изложил официальную позицию Китая относительно критериев эффективности СБ, которая, по мнению исследователей, была согласована с российскими партнерами. Центральным элементом его выступления стал призыв к «строгому соблюдению положений Устава ООН и норм, регулирующих международные отношения» как «в сфере превентивной дипломатии и развертывании контингентов по поддержанию мира, так и в постконфликтном миротворческом процессе <...>». «Практика установления санкций, использования военной силы или даже расширения войны, с тем чтобы ее остановить, не способствует урегулированию. Даже наоборот, она лишь усложняет ситуацию и углубляет трудности достижения урегулирования в будущем». Министр Цян также подчеркнул, что ни операции ООН в Сомали, ни в БиГ не увенчались успехом. Министр иностранных дел РФ А.В. Козырев в своем выступлении на той же конференции затронул проблему взаимосвязи миротворческих миссий с политико-дипломатическими усилиями: «попытки монополизировать решение международных проблем одним или группой государств, делать ставку не столько на укрепление ООН, сколько на военные союзы, могут оказаться опасными для целостности мира и работы СБ»[774].

В рамках выступления второго дня заседаний юбилейной сессии Цянь Цичэнь сформулировал пять принципов, исходя из которых руководство КНР определяло свой подход к обеспечению эффективности миротворческой деятельности ООН и укреплению ее роли в смежных областях, таких как превентивная дипломатия:

[Премьер-министр России встретился с вице-премьером Цянь Цичэнем // Жэньминь Жибао]; 中俄外长举行会谈安排叶利钦今秋访华事宜 // 人民日报. 24.09.1995. С. 2. [Главы МИД Китая и России провели переговоры по подготовке к намеченному на осень нынешнего года визиту Ельцина в КНР // Жэньминь Жибао].

[773] Визит Цянь Цичэня в Россию // Дипломатический вестник. 1995. Октябрь. № 10. С. 13–14.

[774] СБ ООН. Пятидесятый год. 3583-е заседание. 26 сентября 1995 г. S/PV.3583 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/188871?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 11.11.2025).

1) безусловное следование целям и принципам Устава ООН, прежде всего уважения суверенитета государств и невмешательства во внутренние дела других стран;

2) безальтернативность урегулирования споров мирными политико-дипломатическими средствами, такими, как посредничество, добрые услуги или переговоры, вместо неоправданного задействования принудительных мер. Глава МИД Китая особо подчеркнул, что даже при проведении гуманитарных операций не следует прибегать к военным средствам;

3) отказ от политики "двойных стандартов" и навязывания воли и цели одной или нескольких стран из числа членов СБ. По мнению Китая, не допустимо позволять отдельным государствам осуществлять вооруженную интервенцию от имени ООН;

4) строгое следование в миротворческих операциях приверженности таким принципам, которые продемонстрировали свою эффективность, как, например, получение предварительного согласия заинтересованных сторон, соблюдение строгого нейтралитета и неприменение силы, за исключением случаев самообороны;

5) следование прагматичному подходу, предполагающему соизмерять масштабы операции со реальными возможностями организации. Операции по поддержанию мира необходимо развертывать только тогда, когда созрели условия, а при их проведении международный контингент при любых обстоятельствах обязан воздерживаться от превращения в одну из сторон конфликта, что означало бы отклонение от главной цели такой операции[775].

Очевидны параллели с процессом миротворчества на постъюгославском пространстве. В этом контексте совместное заявление министров иностранных дел пяти постоянных членов СБ ООН от 27 сентября 1995 г. подчеркивало недопустимость разрешения боснийского конфликта военными средствами.

Наметившийся к концу 1995 г. китайско-российский консенсус относительно форм и методов урегулирования боснийского кризиса, зафиксированный на заседаниях ГА в Нью-Йорке, получил свое развитие и далее. После успешного завершения конференции в Дейтоне, 22–24 ноября 1995 г. специальный представитель президента РФ, заместитель министра иностранных дел А.Н. Панов посетил Пекин для консультации с заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Гуанде. В ходе переговоров стороны обменялись мнениями по вопросам урегулирования ситуации в бывшей Югославии, а также обсудили

---

[775] ГА ООН. Пятидесятая сессия. 8-е заседание. 27 сентября 1995 г. A/50/PV.8 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/189784?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 11.11. 2025).

проблематику подготовки взаимных визитов руководителей двух государств[776].

Особого внимания заслуживает доклад за октябрь 1995 г., подготовленный по итогам участия китайской делегации в 94-й конференции Межпарламентского союза. В нем была дана развернутая оценка различий в подходах западноевропейских государств и России к преодолению боснийского кризиса. В частности, отмечалось, что «европейские страны в целом уделяли значительное внимание развитию ситуации в Боснии, государства Западной Европы оправдывали нанесение авиаударов НАТО по сербским позициям, видя в военном вмешательстве важный инструмент урегулирования конфликта и достижения мира. Россия, напротив, подвергала действия НАТО жесткой критике. Москва исходила из того, что силовые акции не способствуют разрешению кризиса, а лишь ведут к его дальнейшему усложнению»[777].

После заключения 21 ноября 1995 г. в Дейтоне всеобъемлющего мирного соглашения между СРЮ, Хорватией и БиГ представитель МИД КНР выступил 23 ноября с официальным заявлением. Подписание мирного договора, подчеркнул он, соответствует фундаментальным интересам народов региона бывшей Югославии и способствует миру и стабильности в Европе и во всем мире». Дипломат также заверил, что Китай «стремится на основе пяти принципов мирного сосуществования беспристрастно поддерживать и развивать дружественные отношения сотрудничества со всеми странами бывшей Югославии и будет вместе с международным сообществом продолжать прилагать усилия для мирного урегулирования проблем бывшей Югославии»[778].

Договоренности в Дейтоне придали позитивную динамику ситуации на постъюгославском пространстве. 22 ноября 1995 г. СБ ООН принял резолюцию 1021 об отмене эмбарго на поставки оружия в отношении республик бывшей Югославии и резолюцию 1022 об отмене экономических санкций. Представитель КНР проголосовал за обе резолюции, напомнив, что «Китай никогда не одобрял оказание санкционного давления на постъюгославском пространстве и выступает за скорейшую отмену санкций в СРЮ». Он также подчеркнул, что «огромные усилия, предпринятые СРЮ в интересах продвижения боснийского мирного процесса, должны получить справедливое признание

---

776 中国外交: 1996 年版. С. 270–271. [Дипломатия Китая. 1996].

777 全国人大代表团出席各国议会联盟第九十四届大会的书面工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1995 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 456. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 94-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1995 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

778 外交部发言人发表谈话: 中国欢迎前南三方签署波黑和平协议 // 人民日报. 23.11.1995. С. 1. [Заявление представителя МИД: Китай приветствует подписание мирного соглашения в Боснии тремя сторонами бывшей Югославии // Жэньминь жибао].

международным сообществом». Китайский дипломат обратил особое внимание, что «крайне неуместно увязывать отмену санкций в отношении СРЮ с проведением выборов в БиГ». При этом китайский представитель был категоричен: «подобная практика является неслыханной. Мы считаем, что это создаст плохой прецедент и поэтому выражаем наши серьезные оговорки, которые просим занести в протокол. Мы также считаем необходимым рассмотреть вопрос в отношении статуса СРЮ в ООН после того, как все стороны подписали Мирное соглашение»[779].

После официального подписания Дейтонских соглашений, состоявшегося в Париже 18 декабря 1995 г., президент СРЮ Зоран Лилич по приглашению китайского руководства посетил КНР с официальным визитом. В ходе поездки председатель КНР Цзян Цзэминь, премьер Госсовета Ли Пэн и вице-премьер Госсовета Цянь Цичэнь провели с югославским лидером встречи и беседы, зафиксировавшими общие стратегические приоритеты двух сторон. Цзян Цзэминь заявил о готовности Китая «развивать многоуровневое, многоканальное и многоформатное торгово-экономическое сотрудничество с СРЮ на основе равенства и взаимной выгоды»[780]. Ли Пэн, характеризуя ситуацию в регионе бывшей Югославии, подтвердил уважение Китаем «выбора югославского народа» и выразил уверенность в том, что «подписание мирных соглашений открывает новые перспективы для развития двусторонних отношений <…>. Китайское правительство будет поддерживать законные права СРЮ как суверенного государства, в том числе в рамках ООН и других международных организаций»[781]. Цянь Цичэнь отметил, что хотя «в настоящее время действие санкций против СРЮ приостановлено, этого недостаточно. Санкции нанесли серьезный ущерб не только Югославии, но и соседним странам, и настало время полностью их снять. Отмена санкций не должна увязываться с другими вопросами»[782].

В первой половине 1990-х гг. позиция Китая в отношении югославского кризиса характеризовалась осторожностью и сдержанностью. Китай придерживался нейтральной линии по отношению к сторонам конфликта и государствам бывшей Югославии. В официальных заявлениях подчеркивалось неприятие вооруженного вмешательства извне, односторонних действий и введения санкций. В рамках работы международных

---

779 СБ ООН. Пятидесятый год. 3595-е заседание. S/PV.3595 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3595&i=S/PV.3595_6969661 (дата обращения. 09.09.2025).

780 中国外交: 1996 年版. С. 342–343. [Дипломатия Китая. 1996].

781 *吕岩松*. 李鹏会见南联盟总统 // 人民日报. 19.12.1995. С. 1. [*Лю Яньсун*. Встреча Ли Пэна с президентом СРЮ // Жэньминь жибао].

782 *冯秀菊*. 钱其琛同利利奇总统会见 // 人民日报. 20.12.1995. С. 4. [*Фэн Сюцзюй*. Встреча Цянь Цичэня с президентом Лиличем // Жэньминь жибао].

организаций китайская дипломатия занимала выжидательную позицию при обсуждении и принятии резолюций по югославскому вопросу, стремясь избежать создания политических прецедентов.

В 1991–1995 гг. китайские средства массовой информации осуществляли систематическое и последовательное освещение дипломатических действий и позиций России на Балканах. С точки зрения жанра и источников, публикации, как правило, основывались на пересказе заявлений и выступлений представителей МИД и Министерства обороны РФ, парламента, правящих и оппозиционных партий, а также высшего политического руководства страны. В количественном отношении до 1993 г. аналитические материалы встречались сравнительно редко, а оценка российской внешней политики носила ограниченный характер. Начиная с 1993 г., по мере активизации внешнеполитического курса России, внимание китайских СМИ к ее позиции и действиям на Балканах заметно усилилось, достигнув пика в 1994 г., после чего в 1995 г. объем публикаций вновь сократился.

Материалы китайских обозревателей и аналитиков отражали как корректировку и эволюцию российского внешнеполитического курса в первые годы после окончания холодной войны, так и процессы внутренней политической дифференциации и соперничества в самой России. Однако в целом существовавшие противоречия и расхождения, – в том числе между парламентом, правительством и президентом, – не оказывали определяющего влияния на оценку китайскими СМИ общего внешнеполитического курса России. Напротив, они рассматривались как составные элементы внешнеполитического механизма, а деятельность оппозиции и парламентские дискуссии – как факторы, способствовавшие формированию более сбалансированной и самостоятельной внешней политики.

В нарративе китайских СМИ Россия последовательно представлялась государством, обладающим на Балканах значительным историческим влиянием и конкретными национальными интересами. Исходя из этого понимания, российская дипломатическая активность по балканской проблематике анализировалась преимущественно в контексте трансформации постбиполярного международного порядка, а также взаимодействия между Россией, США и Европой. В этом смысле китайские СМИ в целом исходили из того, что роль России в процессе урегулирования балканских конфликтов в значительной степени зависела от состояния российско-американских отношений, от потребности России во внешней поддержке в условиях системной трансформации, а также от относительного снижения совокупной государственной мощи.

В рамках указанных структурных ограничений Россия, с одной стороны, стремилась

сохранить свои традиционные интересы в регионе, а с другой – была вынуждена искать компромисс между символическим поддержанием статуса великой державы и необходимостью участия в международном сотрудничестве. При этом китайские СМИ отмечали, что в отдельные периоды, прежде всего в 1994 г., Россия играла конструктивную и значимую роль, оказав заметное влияние на процесс урегулирования боснийского конфликта. В то же время в китайском медиадискурсе постепенно закреплялось представление о динамике российской внешней политики как о последовательности переходов от относительно пассивной позиции к более активной, а затем вновь к сдержанной линии поведения.

2.2. Отражение политики Москвы в китайских наблюдениях за Балканами

Развал СФРЮ и крах югославской модели социалистической системы были восприняты Китаем довольно болезненно. В Китае внимательно следили за последующими событиями, прежде всего вооруженными конфликтами, на территории бывшей СФРЮ. Значительная удаленность региона от Китая и отсутствие у КНР в то время серьезных экономических и других интересов способствовали тому, что взгляд из Китая на события был более непредвзятым и объективным, чем это могло быть при его непосредственной вовлеченности в регион. Соответствующими были и взгляды официальных лиц Китая на постъюгославские события: при голосовании в ООН его представитель чаще всего воздерживался, а власти КНР в своих заявлениях, как правило, вели себя сдержанно и непредвзято[783].

Выдержанная позиция руководства Китая и пристальное внимание национальных СМИ к событиям в балканском регионе выдвигали высокие требования к академическим статьям китайских экспертов, как облегчая, так и осложняя выполнение экспертным сообществом этой задачи. В эти годы экспертное сообщество Китая доводило свое мнение преимущественно через статьи в информационных изданиях по международным делам и через аналитические публикации в специализированных научных журналах по международным проблемам.

На рубеже 1991–1992 гг. югославский кризис претерпел трансформацию. Вялотекущую дезинтеграцию югославской федерации сменил стремительный и болезненный распад в результате активизации сепаратистских сил, взявших верх в Словении и Хорватии. В это же время Россия довольно органично стала рассматриваться

[783] В данном разделе диссертации использованы материалы статьи: *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным материалам первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125.

как преемница СССР[784]. Это очевидно на примере фундаментальной статьи «Югославский кризис и мирные усилия ООН» сотрудника Института мировой экономики и политики Чжан Чжэньпина. В ней Чжан Чжэньпин, оценивая (уже ретроспективно) реакцию Советского Союза на разгоравшиеся в 1991 г. конфликты в СФРЮ, заметил, что из-за внутренних проблем и ослабления его позиций, влияние и роль СССР уже не были прежними и он не мог оказать существенного воздействия на югославскую ситуацию, приняв решение «не вмешиваться напрямую». Автор дал характеристику позиции России в югославском кризисе, отметив, что после распада СССР она заняла «сдержанную позицию, дистанцируясь от конфликтов». Такое изменение, названное экспертом «принципиальным», по его мнению, произошло «в результате снижения государственной мощи и неспособности вмешиваться в конфликты в других странах после утраты Россией статуса сверхдержавы»[785].

Почти сразу другие эксперты дополнили эти оценки Чжан Чжэньпина, считая, что позиция Москвы стала зависеть от интересов и действий стран Запада. В середине 1992 г. в журнале Китайской академии современных международных отношений в статье «Особенность и тенденция отношений между Россией и США» Ли Чжунчэн констатировал, что «статус и роль России ни в коей мере не сравнимы с бывшим Советским Союзом <...>. Какое-то время Россия в определенной степени будет вынуждена полагаться на США для сохранения своего "статуса великой державы" (кавычки автора Ли Чжунчэна – Я. Л.) в мире и соответствующей ему роли». Эксперт указал, что «по ряду важных международных и региональных проблем, включая и санкции против Югославии, Россия следует за Вашингтоном». «В настоящее время и на долгие годы, – уверенно предсказал Ли, – России «придется играть исключительно роль партнера низкого уровня»[786].

Оценки места и роли России в югославском кризисе не менялись на протяжении всего 1992 г. Лишь в последние его месяцы экспертное сообщество внесло незначительные коррективы. Во время ситуационного семинара «Особенности международной ситуации в 1992 г.: взаимоотношения между великими державами и их перспективы», проведенного Китайской академией международных проблем и

---

[784] Подробнее см.: *李勇, 陈熙玮.* 利益不同反应不一: 欧洲对南局势的态度 // 世界知识. 1991. № 15. С. 10–11. [*Ли Юн, Чэнь Сивэй*. Разные интересы, разные реакции: позиции европейских стран по югославскому кризису // Знания о мире]; *水川.* 苏联支持南斯拉夫统一 // 世界知识. 1991. № 17. С. 9. [*Шуй Чуань*. Советский Союз поддерживает единство Югославии // Знания о мире].

[785] *张振平.* 南斯拉夫危机与联合国的和平努力 // 世界经济与政治. 1992. № 5. С. 61–62. [*Чжан Чжэньпин.* Югославский кризис и мирные усилия ООН // Мировая экономика и политика].

[786] *李忠诚.* 俄美关系的特点及趋势 // 现代国际关系. 1992. № 5. С. 4. [*Ли Чжунчэн.* Особенность и тенденция отношений между Россией и США // Современные международные отношения].

собравшего более тридцати ведущих экспертов по международным отношениям из расположенных в Пекине университетов, научных институтов и исследовательских центров, был озвучен тезис о «произошедших тонких изменениях в российско-американских отношениях: Россия начала дистанцироваться от США в разрешении югославского конфликта»[787].

Отмеченная тенденция нашла отражение в последующих статьях, количество которых увеличилось в 1993–1995 гг. Значительная часть таких статей вышла в научных журналах в связи с военно-политическими событиями в БиГ, получившими в китайской историографии несколько наименований: «гражданская война», «боснийский конфликт», «боснийский вопрос», «боснийский кризис». В большинстве таких публикаций акцент был смещен на анализ действий Москвы в связи с противоречивым взаимодействием и возраставшим несогласием в самой России с деятельностью ведущих стран Запада и согласованного с ними поведения российской дипломатии. Вместе с тем частым явлением в эти годы стали статьи, непосредственно посвященные описанию российских действий в связи с попытками предотвратить эскалацию военных действий. В статьях, посвященных ярким событиям боснийской войны, как правило, имелись несколько фрагментов, связанных с действиями России. Постоянным явлением стала появление статей, которые были специально посвящены российской политике.

Летом 1993 г. в издаваемом Центром по изучению мира и развития в Пекине журнале «Мир и развитие» вышла статья «Проблема БиГ и политика России», подготовленная совместными усилиями опытных сотрудников двух институтов КАОН: известного исследователя международных отношений Института мировой экономики и политики Гао Хэна и эксперта-югослависта Института Восточной Европы и Центральной Азии Ван Лиминь. Авторы акцентировали внимание на интересах России (назвав ее «новой державой», а затем «мировой державой» со «стратегическими интересами») в боснийском вопросе. Для раскрытия своих идей эксперты описали довольно сложную взаимозависимость, указав, что «БиГ является близким соседом России» и «ситуация в ней тесно связана с Россией», напомнив, что она уделяла значительное внимание боснийскому вопросу с момента его возникновения. По мнению экспертов, «эволюция российской политики, оказывая решающее влияние на развитие ситуации в Боснии». Причины этого эксперты видели в том, что «боснийский вопрос затрагивает экономические, политические и связанные с безопасностью интересы России» и она, «как

---

[787] *王瑞.* «1992 年国际形势特点和大国关系及其前景»讨论纪要 // 国际问题研究. 1993. № 2. С. 53. [*Ван Жуй.* Резюме семинара «Особенности международной ситуации в 1992 году: взаимоотношения между великими державами и их перспективы» // Изучение международных проблем].

мировая держава, не может не осознавать, что ее выгоды и потери в боснийском регионе напрямую влияют на стратегическое положение и стратегические интересы <...>, не может оставаться в стороне от боснийского региона, поскольку это касается стабильности внутренних межнациональных отношений в самой России»[788]. Угрозу России, при нерешенном боснийском вопросе или его осложнении, эксперты видели в появлении массового потока беженцев, которые могут попасть в Россию, что еще больше осложнило бы в ней положение и поэтому Россия «для собственного выживания и развития, а также для поддержания отношений с пятью странами Центральной Азии и государствами Южного Кавказа, где проживает 55 миллионов мусульман, необходимо иметь собственную позицию и в отношении положения боснийских мусульман». Делая акцент на необходимости «стабилизации внутренней ситуации в России, восстановлении и наращивании ее совокупной мощи государства», авторы считали, что это «позволит исправить ее однобокую политику и установить новые отношения с бывшими югославскими республиками и странами Восточной Европы, сохраняя определенную дистанцию от Запада». Особенностью подхода экспертов стало упоминание о традиционных связях Сербии и России, из-за которых парламент России, выступавший в поддержку Сербии, стал, по их мнению, серьезным сдерживающим фактором для прозападных действий российского правительства. Заключительная часть статьи содержала оптимистичный прогноз о том, что «ни великие державы, ни соседние страны не хотят дальнейшего расширения военных действий в регионе, и политика России как новой державы будет направлена на урегулирование ситуации и стабилизацию обстановки в БиГ»[789].

В середине 1993 г. на ту же тему прозвучало еще одно весомое суждение. В издаваемом Китайской академией современных международных отношений журнале «Современные международные отношения» была опубликована статья «Политика России в отношении БиГ» сотрудника Отдела международных связей Центра политических исследований ЦК КПК Тянь Юнсяна. В ней автор проанализировал результаты влияния событий в БиГ на интересы России и перечислил причины корректировки политики Москвы в отношении боснийской войны. В начальный период считал он, «после обретения независимости Россия под грузом ограничений, связанных с ее внутренними проблемами, была не в состоянии активно участвовать в международных делах» и следовала политике невмешательства, изменяя этому принципу только при голосовании

---

[788] *高恒, 汪丽敏.* 波黑问题和俄罗斯的政策 // 和平与发展. 1993. № 3. С. 29. [*Гао Хэн, Ван Лиминь.* Проблемы БиГ и политика России // Мир и развитие].

[789] Там же. С. 30

по вопросам в отношении конфликта в БиГ. Россия в основном придерживалась резолюций СБ ООН и «занимала позицию, сходную с западной». При этом Москва, как постоянный член СБ ООН «не выдвигала собственных особых предложений»[790], хотя и имела для этого все возможности. Лишь с начала 1993 г., считал Тянь Юнсян, стало заметным стремление Москвы «самостоятельно влиять на поиски мира в БиГ»[791]. Эксперт выделил три особенности ее позиции, по его оценке, подтверждавшие это: «неоднократное направление высокопоставленных дипломатов с посредническими миссиями в соответствующие страны», «попытки оттянуть эскалацию в БиГ США с участием военных сил», а также «стремление к проведению "сбалансированной политики" по отношению ко всем трем сторонам конфликта»[792]. Эти новые проявления позиции России Тянь Юнсян объяснил несколькими причинами: «1) Балканы всегда были регионом, вызывающим озабоченность у России, имеющей там свои собственные интересы и стратегию; 2) использование Москвой боснийского кризиса как "козыря" для повышения своего статуса в восприятии Запада». Третью причину эксперт вывел за рамки региона, увязав ее с интересами России в ближнем зарубежье, обозначив как «стремление не допустить проникновения влияния мусульманского мира на Балканы и, тем самым, общего его влияния на безопасность российского ближнего зарубежья»[793]. Последний тезис был созвучен некоторым образом незадолго до этого опубликованной статьи сотрудников КАОН Гао Хэна и Ван Лиминя. Но несмотря на созвучность тезисов эксперт ЦК КПК Тянь Юнсян расценил влияние России на события в БиГ как незначительное и воздержался от упоминания России как «великой державы», ограничившись использованием термина «внешняя сила», полагая при этом, что хотя «Москва и может сыграть определенную роль в боснийском вопросе <…>, ее влияние, как внешней силы, ограничено»[794].

Описание и характеристика действий России на балканском направлении содержались в нескольких статьях, освещавших общую ситуацию на постъюгославском пространстве. Так, профессор Дипломатической академии Цянь Чуньюань уделил основное внимание началу прямого вмешательства США в боснийский конфликт. Анализируя воздушные операции по организации поставок гуманитарной помощи американскими ВВС в марте 1993 г., он обратил внимание на то, что, «несмотря на

---

790 *田永祥*. 俄罗斯对波黑的政策 // 现代国际关系. 1993. № 7. С. 27. [*Тянь Юнсян*. Политика России в отношении БиГ // Современные международные отношения].

791 Там же.

792 Там же.

793 Там же. С. 28.

794 Там же.

зависимость российского правительства от всесторонней поддержки Запада», Россия, «в силу исторических и этнических обстоятельств, не хотела, чтобы сербы серьезно пострадали»[795]. Эксперт был уверен, что «Россия была уже давно недовольна тем, что страны ЕС взяли на себя урегулирование всех дел в бывшей Югославии, поддерживая мусульман и хорватов против сербов», поскольку «российские политические и общественные круги призывали отменить санкции против СРЮ и Республики Сербской». По мнению Цянь Чуньюаня, имевшее место в России «усиление призывов к более жесткой позиции в отношении Запада по вопросу бывшей Югославии» тревожило Вашингтон, «вызывая опасения, что неверное решение балканской проблемы может привести «к возрождению в России настроений времен холодной войны». С другой стороны, по утверждению эксперта, в Вашингтоне считали, что именно «проведение твердого курса в отношении БиГ окажет влияние на Россию, сделает ее "партнером", а не противником Вашингтона в решении конфликта в БиГ, и побудит к участию в коллективных действиях Запада»[796]. В подтверждение этого тезиса автор, рассматривая план Вэнса – Оуэна (январь 1993 г.), обратил внимание на важное значение его поддержки в Москве, что прозвучало 9 марта в заявлении спецпредставителя президента РФ по урегулированию боснийского конфликта, заместителя главы МИД РФ В.И. Чуркина: «Та сторона в Боснии и Герцеговине, которая не примет план, будет нести ответственность за последствия» [797] . Негативную реакцию российской общественности на эти слова Цянь Чуньюань объяснил тем, что они были восприняты в России как «скрытого предупреждения сербским лидерам»[798].

Важное значение для экспертного сообщества Китая имел выход во второй половине 1993 г. фундаментальных исследований о распаде СФРЮ и последующих за этим событиях, подготовленных китайскими югославистами. Внешнеполитических сюжетов среди проанализированных в них основных проблем почти не было, тем не менее, эти исследования стали содержательной основой для унификации понимания событий этого периода. Важное значение имела в экспертном сообществе вышедшая в Институте этнологии КАОН коллективная монография «Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ», редактором которой выступил заместитель директора института Хао Шиюань. Эксперт не ограничился включением в состав авторов сотрудников своего

---

[795] *钱春元*. 美国直接干预波黑 // 世界知识. 1993. № 7. С. 4. [*Цянь Чуньюань.* Прямое вмешательство США в БиГ // Знания о мире].

[796] Там же. С. 3.

[797] Подробнее см.: Пресс-конференция специального представителя Президента РФ на переговорах по бывшей Югославии, заместителя министра иностранных дел РФ В.И. Чуркина, 9 марта 1993 // Дипломатический вестник. 1993. Апрель. № 7–8. С. 43–44.

[798] *钱春元*. 美国直接干预波黑… С. 3. [*Цянь Чуньюань*. Прямое вмешательство США в БиГ…].

института, но сумел собрать очень представительный научно-творческий коллектив из числа ведущих в те годы экспертов-югославистов Китая. Среди них были: Ли Цзяэнь[799], Сюй Куньмин, Ян Дачжоу, Чжао Цзиньюань[800], Ван Лиминь и др. В заключительной главе сборника «Распад Югославии и интернационализация этнических проблем» Хао Шиюань реалистично оценил всю сложность кризиса в БиГ и возможные шаги по его решению. Влиятельный эксперт исключил возможность полного сохранения территориальной целостности БиГ, как того желали мусульманские власти, но он также полагал, что республика не может быть разделена на три совершенно независимых государства. Наиболее жизнеспособным решением он назвал создание в границах БиГ автономных районов или автономных республик на этнической основе с формированием объединенного правительства. Крупный ученый и влиятельный администратор понимал, что реализация такого плана потребует территориальных уступок со стороны проживающих в БиГ сербов и хорватов, и оказания на них международного давления для предоставления мусульманам территории, пропорциональной их численности. По мнению Хао Шиюаня, предложенные им методы и модель разрешения кризиса в БиГ могли быть применимы и в других конфликтных случаях в балканском регионе, что позволило бы избежать «эффекта домино» с участием различных этнических групп в Косове, Черногории и Македонии[801].

Хотя все главы сборника были посвящены главным образом внутренним проблемам, некоторые авторы затрагивали в их текстах и внешнеполитические сюжеты. Сотрудник Института США КАОН Ян Дачжоу (глава 3 «Этнические конфликты в Боснии и Герцеговине») обратил внимание на «подпитывающую роль стран Запада в разжигании гражданской войны в БиГ». Опытный эксперт-югославист отметил, что страны Запада, наращивая поддержку мусульманам и хорватам, оказывая давление на сербов посредством ужесточавшейся критики Республики Сербской и ЮНА, способствовали эскалации конфликта[802]. В упомянутой главе Хао Шиюаня, помимо внутриполитических сюжетов и описания желательной модели урегулирования, автор коснулся и внешнеполитического аспекта македонского вопроса на Балканах. Он напомнил, что признание Россией независимости Македонии привело к обмену колкостями между

---

[799] Ли Цзяэнь (р. 1928) – профессор Китайского народного университета (КНУ), опытный переводчик, член Китайской ассоциации переводчиков. Занимал должность заведующего отделом Советского Союза и Восточной Европы в Институте международных отношений КНУ.

[800] Чжао Цзиньюань (р. 1937) – сотрудник Института этнологии АОН Китая. С февраля 1979 г. занимал должность зам. заведующего Отдела мировых этносов этого института.

[801] 南斯拉夫联邦解体中的民族危机. С. 224–226. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ].

[802] Там же. С. 74.

Афинами и Москвой. Со ссылкой на позицию Греции, которая, как отметил автор, «рассматривала этот российский шаг как свидетельство стремления великих держав (РФ и США) вмешаться в балканский кризис», этим фактически уравняв роль Вашингтона и Москвы на Балканах в этом вопросе[803].

Динамичные события в Боснии в первые месяцы 1994 г. привели к тому, что китайские эксперты начали пристальнее следить за российскими действиями там. Значимым стал вышедший в начале февраля номер журнала «Знания о мире», в котором были помещены сразу две статьи в связи с ультиматумом НАТО боснийским сербам. В первой из них, «Ситуация в БиГ после авианалета», обращение президента России к боснийским сербам с призывом вывести тяжелое вооружение, трактовалось как сделанное с намерением предоставить их лидеру, Р. Караджичу, возможность «сохранить лицо». Позиция Москвы расценивалась как выступление на стороне Запада, но размещение российских миротворцев в Сараеве автор назвал «в определенной степени изменением соотношения сил в регионе» и «помощью сербам в оказании политического давления на мусульман», укрепив таким образом у сербов «ощущение безопасности»[804]. В другой статье в том же номере («Соперничество великих держав в связи с ультиматумом»), написанной сотрудником Фонда китайских международных стратегических исследований Чжан Чантаем, было высоко оценено участие военных частей России в составе миротворческой миссии ООН в Боснии. Эксперт расценил этот шаг как реакцию Москвы на ультиматум НАТО боснийским сербам: «В решающий момент Россия сыграла особую роль». «Мастерский ход» российской дипломатии, – по его словам, – позволил Москве достичь трех целей: «1) Россия одновременно и усилила вес ультиматума НАТО, и успокоила сербов, позволив всем сторонам сохранить лицо; 2) успешными посредническими действиями Россия сорвала попытку Запада силой решить боснийский вопрос, тем самым укрепив собственные переговорные позиции в пользу его политического решения в будущем; 3) увеличила свой вес на Западе, заставив его в дальнейшем серьезнее воспринимать ее международное положение и особую роль». Чжан Чантай, подводя общий итог, отметил, что Россия, «остановив бомбардировки НАТО в Боснии, помешала намерениям альянса продвинуть зону его безопасности на восток и защитила свои стратегические интересы на Балканах»[805].

К этому времени среди китайских экспертов прочно закрепилось определение

---

[803] Там же. С. 215.

[804] *怀新.* 空袭危机后的波黑局势 // 世界知识. 1994. № 6. С. 4. [*Хуай Синь.* Ситуация в БиГ после авианалета // Знания о мире].

[805] *张昌泰*. 最后通牒背后的大国角逐 // 世界知识. 1994. № 6. С. 3. [*Чжан Чантай.* Соперничество великих держан в связи с ультиматумом // Знания о мире].

России как «великой державы», имеющей стратегические интересы и готовой их защищать. Так, в журнале «Мир и развитие» вышла объемная статья Ян Шухэн, сотрудницы Института мировой экономики и политики КАОН, «Соперничество Европы, Америки и России в БиГ». В ней автор, влиятельный эксперт, использовала в отношении России определение «великая держава», и обратила внимание на «постепенный переход России от согласованных действий с Западом к проведению независимой внешней политики». Противоречия между Россией и Западом, особенно между Россией и США, по ее мнению, проявились в трех особенностях позиции Москвы: выступлении против ударов авиации НАТО по позициям сербов; несогласии с тем, чтобы ультиматум альянса в отношении сербских позиций вокруг Сараева был распространен на другие районы Боснии; а также противостоянии намерениям США в одностороннем порядке, без учета мнения остальных государств-членов СБ ООН, снять эмбарго на поставки вооружений в БиГ, так как на деле это означало бы поставки его мусульманскому правительству в Сараеве[806]. Кроме того, эксперт отметила, что последствиями противостояния России ультиматуму НАТО стали заметные изменения в ее общем внешнеполитическом курсе. По мнению Ян Шухэн, Москва, «по сравнению с предыдущим периодом, уделяла больше внимания защите своих национальных интересов, расценивая независимый характер ее действий как дипломатию великой державы»[807]. Сходные оценки отношения Москвы к первым авиаударам НАТО по позициям боснийских сербов разделяли и другие эксперты, считавшие поездки в регион высокопоставленных дипломатов России «перехватом инициативы в боснийском вопросе»[808]. Эти тенденция сохранилась и в дальнейшем. Разрешение «кризиса вокруг Горажде» в апреле 1994 г. с участием России получило высокую оценку китайских ученых, а ее отношение к плану КГ[809] в июле 1994 г. было оценено как попытка умелого посредничества Москвы: «вместо предоставления полной поддержки сербам, с одной стороны, отговорить Запад от их наказания, а с другой – убедить СРЮ и боснийских сербов принять план». Российская позиция, по их мнению, отличалась от западной. Отдавая должное учету «этнических, религиозных и исторических факторов» в действиях России, эксперты полагали, что интерес к боснийскому вопросу стал для Москвы «одним из немногих способов оказаться в концерте великих держав Запада». Эксперт выражал уверенность, что Россия «в этом

---

[806] *杨淑珩.* 欧、美、俄在波黑的角逐 // 和平与发展. 1994. № 3. С. 31. [Ян Шухэн. Соперничество Европы, Америки и России в БиГ // Мир и развитие].

[807] Там же. С. 32.

[808] *张昌泰, 萧泽贤.* 美俄欧围绕波黑… // 世界知识. 1994. № 11. С. 10. [*Чжан Чантай, Сяо Цзэсиань.* США, Россия, Европа окружают БиГ… // Знания о мире].

[809] Подробнее о плане Контактной группы см: Югославия в XX веке: Очерки…, С. 828; *Безрученко В.И.* Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. С. 584–596.

вопросе никогда не будет слепо следовать за Западом и не допустит, чтобы он сокрушил сербов»[810]. Через некоторое время, в еще одной статье, вышедшей в том же журнале и посвященной той же теме, – «Босния и Герцеговина: обострение конфликтов, соперничество великих держав и перспектива кризиса», – Ши И напомнил, что Россия «с самого начала выражала сильное недовольство политикой в боснийском конфликте Запада, особенно США, поддерживавших мусульман и оказывавших давление на сербов». Ши И был верен этим оценкам, увеличив количество примеров самостоятельных шагов России в общих действиях великих держав по урегулированию кризиса. Эксперт обратил внимание также на тройственную природу фундаментальных целей российской политики в БиГ: «стремление сохранить статус великой державы за счет активного участия в боснийских делах; поддержка традиционного влияния и присутствия на Балканах; а также решительное противодействие превращению Запада и НАТО в доминирующую силу решения боснийского вопроса и проблем европейской безопасности в целом»[811].

Сходные оценки были даны и в опубликованной тогда же Сюй Куньмином статье «Соперничество великих держав в конфликте в БиГ». В характеристике позиции России опытный эксперт ушел дальше коллег. По его мнению, Москва «рассматривала территорию бывшей Югославии как сферу ее влияния в силу исторических, религиозных и геополитических факторов». В боснийском вопросе она противостояла Западу, поддерживая сербов, несмотря не то, что ранее из-за внутриполитической нестабильности и экономических трудностей, искала с Западом только компромиссы. Эксперт полагал, что «после стабилизации внутренней ситуации в стране и в связи с корректировкой внешней политики, Россия включалась в боснийские дела как великая держава, стремясь восстановить утраченный статус и защитить свои интересы на Балканах»[812]. Ее позиция, считал Сюй Куньмин, вызвала недовольство Запада, особенно Вашингтона, который в борьбе за влияние на Балканах не желал, чтобы России получила преимущество в решении боснийского вопроса, и нарастил прямое вмешательство в Боснии. Действия России, позволившие найти выход из ситуации, созданное ультиматумом НАТО, эксперт назвал ее успехом, так как ей удалось убедить сербов вывести тяжелое вооружение из зоны вокруг Сараева и этим серьезно укрепить авторитет российской дипломатии, что,

---

[810] *史翼.* 十字路口的波黑局势 // 国际展望. 1994. № 16. С. 8. [*Ши И.* Боснийская ситуация на перепутье // Международное обозрение].

[811] *史翼.* 波黑: 冲突的激化、大国的角逐与危机的前景 // 国际展望. 1994. № 24. С. 4. [*Ши И.* Босния и Герцеговина: Обострение конфликтов, соперничество великих держав и перспектива кризиса // Международное обозрение].

[812] *徐坤明.* 波黑背后的大国明争暗斗 // 时事(«时事报告»中学生版). 1994. № 3. С. 24. [*Сюй Куньмин.* Соперничество великих держав в конфликте в БиГ // Текущие события: Доклад Текущих событий (версия: школьник)].

собственно, и вызвало недовольство США. Сюй Куньмин посчитал, что воздушные удары НАТО по позициям войск РС стали «очевидной демонстрацией США и НАТО своей решающей роли в боснийском вопросе». Активность Запада без консультаций с Москвой вызвала негативную реакцию Ельцина[813] и Козырева[814] их возможный отказ подписать с НАТО программу «Партнерство во имя мира», а также заявление пресс-службы МИД РФ (Карасина), что Россия никогда не согласится на роль младшего партнера)[815].

Эти оценки разделяли другие авторы, публиковавшиеся в фундаментальных экспертных академических изданиях (статья Шу Сянди «Почему Россия противится военным действиям НАТО против боснийских сербов» в журнале Китайской академии современных международных отношений, а также профессора Китайского народного университета Чан Чжэна «Анализ влияния России сквозь призму боснийского кризиса» в журнале Института мировой экономики и политики КАОН). Шу Сянди объяснила противостояние России вооруженным действиям НАТО против боснийских сербов дипломатической стратегией Москвы, и в традиционной для научной культуры китайских экспертов манере предложила объяснение из четырех пунктов: «1) Россия стремилась восстановить статус и роль, присущие великой державе; 2) на Балканах были затронуты ее важные экономические и стратегические интересы; 3) Россия выступала против продвижения зоны ответственности НАТО на восток; 4) Президенту Б.Н. Ельцину требовалось заручиться народной поддержкой и укрепить свои позиции внутри страны»[816]. Чан Чжэн подробно описал действия российской дипломатии во время «сараевского кризиса» (февраль 1994 г.). Эксперт полагал, что «любая недооценка роли России была бы неправильной, а ограничить ее роль невозможно», так как Россия «оказывает не только скрытое влияние на своих соседей, но и открыто, непосредственным образом воздействует на них, как на близкие страны, так и на отдаленные государства, как в решении

---

[813] Имеется ввиду высказывание Б.Н. Ельицна в ходе телефонного разговора с президентом США Б. Клинтоном 11 апреля 1994 г. Подробнее см. *Kozyrev A.* Fire Bird. The Elusive Fate of Russian Democracy. Pittsburg, University of Pittsburg Press, 2019. P. 263. Известна также фраза «Те, кто принял решение о воздушных ударах, должны нести за это ответственность» во время визита Ельцина в Испанию (11–13 апреля).

[814] Russia may not sign up for NATO plan // UPI. 14.04.1994. URL: https://www.upi.com/Archives/1994/04/14/Russia-may-not-sign-up-for-NATO-plan/8288766296000/ (дата обращения: 09.08.2026).

[815] *徐坤明.* 北约空袭, 波黑再次成为世人瞩目的热点 // 瞭望新闻周刊. 1994. № 17. С. 8–9. [*Сюй Куньмин.* Воздушные удары НАТО: Босния вновь стала горячей точкой внимания мира // Еженедельник «Ляован»].

[816] *殳祥娣.* 俄罗斯为何反对北约对波黑塞族动武 // 现代国际关系. 1994. № 3. С. 30–31. [*Шу Сянди*. Почему Россия противится военным действиям НАТО против боснийских сербов // Современные международные отношения].

боснийского кризиса»[817]. Недавние действия Москвы были названы «победой российской дипломатии», добытой за счет ее «той государственной мощи, на которую опирались Чуркин и Ельцин». Эксперт пояснил, что термин «государственная мощь» – это «не ее экономика, а устрашающая военная сила, позволяющая России оказывать значительное влияние»[818]. В унисон с этим объяснением прозвучало и мнение сотрудника агентства «Синьхуа» и спецкорреспондента еженедельника «Ляован» в Москве (до этого его редактор) Тан Сюшаня, высказанное в своей статье «Босния: Россия больше не статист», опубликованной в журнале «Знания о мире», в которой эксперт считал, что быстрая реакция России на сараевский кризис привела в результате к «переходу от односторонней ориентации к самостоятельной дипломатии», а это, в свою очередь, не только способствовало ослаблению напряженности в Сараеве и создало определенные условия для дальнейшего политического урегулирования в Боснии, но и повысило статус и роль России на международной арене. Данное обстоятельство эксперт назвал даже более важным, чем все остальное[819].

Стремление России к более самостоятельным действиям в урегулировании боснийского кризиса в 1994 г. оставалось в центре внимания китайских исследователей и в 1995 г. Авторы продолжили дополнять аргументы и характеристики действий Москвы, изложенные экспертным сообществом в предыдущие годы. В статье Ли Цзюнь «Россия и боснийские конфликты» действия Москвы были названы «активным и заметным вмешательством» в результате изменения «прежней невыразительной позиции». Эту перемену эксперт назвал «крупным дипломатическим шагом России после холодной войны, демонстрирующим ее намерение как великой державы непосредственно включаться в события в "горячих точках" планеты». Среди конкретных примеров он привел не только активные и неожиданные действия России в первые месяцы 1994 г., но и ветирование ею в СБ ООН в декабре предложения Запада об ужесточении санкций против СРЮ. Ли Цзюнь назвал событие отражением стремления Москвы к сохранению традиционных связей с государствами бывшей Югославии, направленного в первую очередь на защиту собственных интересов, и стремления восстановить статус и роль великой державы на международной арене и нарушить монополию западных держав на

---

817 *畅征.* 从波黑危机看俄罗斯的影响力 // 世界经济与政治. 1994. № 6. С. 45. [*Чан Чжэн.* Анализ влияния России сквозь призму боснийского кризиса // Мировая экономика и политика].

818 Там же. С. 61.

819 *唐秀山.* 波黑: 俄罗斯不再是“配角”// 世界知识. 1994. № 6. С. 8. [*Тан Сюшань.* Босния: Россия больше не «статист» // Знания о мире].

решение боснийской проблемы[820]. Со ссылкой на международное общественное мнение эксперт утверждал, что серия мер, предпринятых Россией в 1994 г., достигла сразу трех целей: заставила западные державы учитывать позицию и роль России в некоторых вопросах в мире; значительно повысила ее престиж среди сербов, став началом восстановления традиционного положения и влияния России на Балканах; а также, на первых порах содействовала улучшению имиджа России внутри страны, сдерживая критику оппозицией действий Кремля в Боснии[821].

Сходным образом, что и Ли Цзюнь, интерпретировал действия России автор пространной статьи «Дипломатия великих держав и кризис в БиГ» Сюн Фэйюнь, сотрудник ИВЕЦА КАОН. Эксперт продолжил наметившуюся среди китайских экспертов в 1994 г. линию ретроспективного обзора действий России в боснийском конфликте. Начав с самых первых его стадий, зачастую синтезируя оценки предыдущих авторов, Сюн Фэйюнь обобщил их, но в более резкой и развернутой форме, чем его предшественники. Он уже не ограничился описанием действий России в связи с боснийским кризисом, но увязал их с общим внешнеполитическим курсом Москвы. Автор считал важным отметить, что Россия «лишь отстаивала свою роль великой державы, а не стремилась к прямому конфликту с Западом». Последствия таких действий казались эксперту неоднозначными: «Дипломатическое соперничество России с Западом, особенно с США, – по его мнению, – усилило сложность и непредсказуемость ситуации в БиГ»[822]. Хотя автор и повторил тезис о «традиционных связях с сербами», из-за которых Россия «не могла от них дистанцироваться», он считал, что набор причин, по которым дипломатическая деятельность России на первоначальном этапе кризиса оказалась малорезультативной и ограничивалась, в основном, поддержкой инициативы Запада, был тем же: серьезные внутриполитические и экономические проблемы в первые годы после распада СССР; «стремление угодить Западу в обмен на его экономическую помощь». Сюн Фейюнь солидаризовался и с утверждением, что «по мере осложнения и интернационализации ситуации в БиГ и затягивания принятия решений, политика России претерпела заметные изменения, от пассивного, реактивного и бессильного созерцания к занятию активной позиции, более частом проявлении отличных от западных взглядов». Сюн Фейюнь, назвал более раннюю дату (конец мая 1993 г.), когда, как он считал, произошло «реальное энергичного вмешательства России в боснийские дела», имея в виду

---

820 *李君*. 俄罗斯和波黑冲突 // 世界知识. 1995. № 1. С. 18. [*Ли Цзюнь*. Россия и боснийские конфликты // Знания о мире].

821 Там же. С. 18–19.

822 *熊飞云*. 大国外交与波黑危机 // 东欧中亚研究. 1995. № 3. С. 72. [*Сюн Фейюнь*. Дипломатия великих держав и кризис в БиГ // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

предложения по «Программе совместных действий» и по созданию «зон безопасности». В анализе событий 1994 г. эксперт расширил круг упоминаемых им российских политиков, приводя высказывания председателя правительства РФ В.С. Черномырдина, высказавшегося против авиаударов, и за решения конфликта путем переговоров; президента Б.Н. Ельцина, заявлявшего о недопустимости «попыток некоторых» исключить Москву из процесса решения боснийской проблемы, так как «Россия этого не допустит»; министра обороны П.А. Грачева, считавшего авиаудар по позициям сербов лишь обострениям военных конфликтов. По мнению Сюн Фейюня, причинами активизации действий Москвы стала не только реакция на попытки западных стран во главе с США игнорировать мнение России при решении боснийского вопроса, но и ее «неизбежное стремление занять активную позицию в силу понимания собственных интересов». Такой подход, полагал Сюн Фэйюнь, «повысил чувство гордости и престиж России, восстановив представление о ней как о независимой и самостоятельной в международных делах»[823]. Сюн Фэйюнь выявил две цели «активного вмешательства России в боснийский вопрос: <…> стремление защитить свои традиционные интересы на Балканах, поддерживая Сербию, и желание продемонстрировать Западу свой статус великой державы, заняв более жесткую позицию в результате более независимых действий российской дипломатии, что могло бы заставить западные страны пересмотреть всю их политику в целом в отношении России»[824].

К середине 1990-х гг. китайские исследователи все чаще интерпретировали позицию России в регионе при помощи терминов «конкуренция» или «соперничество великих держав». Впрочем, признавая активизацию действий России, некоторые авторы обращали внимание на пренебрежительное отношение к этим действиям со стороны западных стран. Так, в издании Института современного социализма Шаньдунского университета Ли Чанцзю, как и ранее его коллеги, перечислив российские инициативы в Боснии за последние годы, указал, что они «редко воспринимались серьезно западными странами». Как пример эксперт привел приглашение Ельциным лидеров Сербии и Хорватии в Москву для встречи, когда под давлением США и Германии Тужман отказался приехать, сорвав план президента России. Еще одним примером эксперт назвал реакцию России на первые бомбардировки НАТО сербских позиций в Боснии, указав, что Москва тогда ограничилась вербальной критикой при минимуме практических действий[825].

---

[823] Там же. С. 69.

[824] Там же. С. 72.

[825] 李长久. 波黑问题背后的大国斗争 // 当代世界社会主义问题. 1995. № 4. С. 22. [*Ли Чанцзю.* Соперничество великих держав вокруг боснийского вопроса // Проблемы социализма в современном мире].

Стремление показать более широкий контекст действий России на Балканах нашло отражение в середине 1995 г. и в Китайском институте международных проблем при МИД КНР, отразившись в статье «Сложности боснийской проблемы» в журнале «Изучение международных проблем». Ее автор, тогда еще начинающий дипломат Ху Чжаомин[826], назвал Россию «с дипломатической точки зрения крупнейшим бенефициаром боснийской войны», считая, что она «впервые после распада Советского Союза получила возможность выступить на международной арене в роли великой державы». Включение российского представителя в состав КГ, по мнению Ху Чжаомина, «свидетельствовало о признании Западом особой роли и интересов России в БиГ». Действия Москвы на Балканах автор назвал «успешной двойственной политикой»: Россия и помогала православным сербам, ее единоверцам, и усиливала поддержку Ирану, Сирии и даже Ираку, чтобы «развеять опасения исламского мира относительно ее политики на Балканах». Таким образом, по мнению Ху Чжаомина, Россия «эффективно использовала противоречия между США и крупными западноевропейскими державами по боснийскому вопросу, добившись и значительных политических выгод»[827].

Тема соперничества великих держав с участием России продолжала оставаться в центре внимания китайских исследователей и на завершающей стадии событий в БиГ. События на постъюгославском пространстве в конце лета 1995 г. и реакция на них России были отражены лишь в одной статье, которая вышла в начале ноября этого года под заголовком «Новые особенности борьбы между США, Европой и Россией за влияние в Европе на примере боснийского вопроса» в журнале «Современный мир» одноименного исследовательского центра при Отделе международных связей ЦК КПК. Хотя в самой статье, в отличие от публиковавшихся в Китае до этого, и не было упоминаний о России как о великой державе, ее заголовок свидетельствовал именно об этом. Автор этого материала, Ся Фанлинь, оценивал события на Балканах в европейском контексте. По его мнению, «в начале сентября военные и дипломатические победы США в боснийском вопросе ознаменовали начало нового этапа в борьбе между США, Европой и Россией за доминирование в Европе»[828]. Сделанные им выводы о выдвижении США в этой борьбе на первый план как признание важности предыдущей деятельности России на боснийском направлении. Среди сделанных экспертами выводов было и о том, что Россия «заняла

---

[826] В 2017–2019 гг. – посол КНР в Хорватии.

[827] *胡兆明.* 波黑问题的症结 // 国际问题研究. 1995. № 3. С. 48. [*Ху Чжаомин.* Сложность боснийской проблемы // Изучение международных проблем].

[828] *夏方林.* 从波黑问题看美欧俄争夺欧洲的新特点 // 当代世界. 1995. № 11. С. 9. [*Ся Фанлинь.* Новые особенности борьбы между США, Европой и Россией за влияние в Европе на примере боснийского вопроса // Современный мир].

жесткую позицию, вмешиваясь в события и оказывая противодействие США». Авиаудары в сентябре 1995 г. эксперт назвал «прямым вызовом интересам России на Балканах и угрозой стратегической безопасности ее южного фланга»[829]. По этой причине, считал он, Россия отреагировала резко, заняв жесткую позицию и приняв ряд мер для противодействия США. К числу этих мер эксперт отнес подписанный Ельциным указ о помощи РФ СРЮ, в котором была подчеркнута необходимость решения боснийского вопроса с участием европейцев и несогласие с диктатом США. Второй мерой Ся Фанлинь назвал направление делегации Госдумы РФ в БиГ для расследования «серьезного ущерба местным жителям, нанесенного бомбардировками НАТО». Третьей мерой в статье была названа решение о «временной приостановке проведения совместных российско-американских военных учений и отмене визита в США заместителя министра обороны РФ. К четвертой мере было отнесено утверждение президентом России Б.Н. Ельциным «Стратегического курса РФ в отношении стран СНГ»). По мнению эксперта, эти меры стали показателем намерения Москвы превратить страны СНГ и членов ДКБ в оборонительный союз с едиными военно-политическими целями и акцентом на важности надежной защиты внешних границ СНГ. Пятой российской мерой Ся Фанлинь назвал заявление о пересмотре отношений с НАТО, чем было выражено «несогласия с игнорированием мнения России при формировании механизмов европейской безопасности и расширением НАТО в восточном направлении», а также высказана точка зрения на то, что расширение НАТО на восток «приведет к возрождению двух военных блоков и может вызвать военный конфликт в Европе»[830].

Реакция экспертного сообщества Китая на переговоры в Дейтоне, достигнутые там соглашения и их подписание в Париже из-за закрытости первых стадий этого процесса и скоротечности событий была отражена главным образом в журналистских статьях, появившихся в те дни и не нашла в фундаментальных научных изданиях. 22 ноября в журнале «Знания о мире» опубликована статья Ли Юаня «Дейтон: США накрыли стол переговоров». Автор отметил, что они были «предложены, спланированы и проведены США, которые впервые отстранили своих европейских союзников и в обход ООН взяли на себя ведущую роль в разрешении боснийского конфликта»[831]. Вслед за этим Ли Цзюнь в статье «Мир начинается с Дейтона?» (вновь в журнале «Знания о мире») отметив, что «Дейтонское соглашение было достигнуто на фоне «значительных изменений внутренних и внешних факторов, влиявших на всех трех участников событий в БиГ <…> и в

---

[829] Там же. С. 11.
[830] Там же.
[831] *理苑.* 代顿: 美国摆下谈判桌 // 世界知识. 1995. № 23. С. 20–21. [*Ли Юань.* Дейтон: США накрыли стол переговоров // Знания о мире].

значительной степени является результатом сочетания кнута и пряника со стороны США»[832]. Автор был убежден в том, что соглашение «имеет сильный оттенок внешнего навязывания, его основа довольно хрупкая...многие положения соглашения трудно реализовать, и есть сомнения в том, сможет ли оно нормально работать»[833]. Более основательный анализ нашел отражение в статье «Дейтонские мирные соглашения и перспективы ситуации в БиГ» в журнале «Международное обозрение». Его автор Чжан Яо, рассмотрев внутренние и внешние факторы, приведшие к соглашению, обратил внимание на то, что двумя внешними факторами стали «уступчивая политика президента Сербии Милошевича и активное вмешательство США». Эксперт, оценивая перспективы мира в регионе, выделил «три ключевых фактора влияния на мирный процесс в БиГ», одним из которых он, без конкретного упоминания какого-либо из государств, назвал внешнеполитический курс великих держав в отношении региона[834].

2.3. Политика Москвы в оценках экспертов Китая после 1995 г.

При оценке политики России на Балканах китайские исследователи широко опираются на западные теории международных отношений и мировой политики, демонстрируя при этом плюрализм исследовательских методов. Доминирующей парадигмой выступает реализм. Эксперты преимущественно используют такие подходы, как геополитический анализ, изучение конкуренции великих держав (особенно отношений Россия – НАТО и Россия – США), военной силы и противоборства альянсов. Для глубокого анализа движущих сил внешней политики России, процесса принятия решений, ее геополитических интересов и стратегического взаимодействия с Западом, исследователи широко применяют уровневый анализ (level of analysis). На макроуровне (системном) рассматриваются изменения в глобальном миропорядке; на мезоуровне (государственном) анализируются внутриполитические процессы, экономические реформы и социальная трансформация в России; на микроуровне (индивидуальном) учитывается влияние личностных факторов лидеров (таких как Ельцин, Козырев). Междисциплинарные исследования представляют собой еще один важный путь: часть исследователей, сочетая историю, этнологию и политологию, прослеживает исторические связи России с югославскими народами и на этой основе дает оценку ее современной политике с геополитических позиций. Теория игр также используется для

---

832 *李君.* 和平从代顿起步 // 世界知识. 1995. № 24. С. 23–24. [*Ли Цзюнь.* Мир начинается с Дейтона // Знания о мире].

833 Там же. С. 25.

834 *张耀.* «代顿和平协议»和波黑局势展望 // 国际展望. 1995. № 24. С. 4. [*Чжан Яо.* «Дейтонские мирные соглашения» и перспективы ситуации в БиГ // Международное обозрение].

анализа стратегического взаимодействия великих держав в регионе, особенно соперничества России, США и Европы в восточноевропейском «центральном поясе». Кроме того, мировоззрение и методология марксизма (диалектический и исторический материализм), как важный инструмент китайских экспертов для анализа ключевых проблем, также применяется для осмысления и объяснения российской стратегии безопасности и внешнеполитических отношений в данном регионе.[835]

Этап оценок во второй половине 1990-х гг.

Завершение боснийской войны и введение внешнего управления в БиГ стали тем хронологическим рубежом, позволившим китайским экспертов оценивать события первой половины 1990-х гг. как завершенный процесс. Это дало возможность перейти к его осмыслению в условиях постоянно удлиняющейся временной дистанции. Особенностью восприятия стало то, что политологические работы все больше стали появляться вместо статей историков. Роли великих держав, в том числе и России, как и во время самой войны, продолжали оставаться в центре внимания китайских экспертов.

В Китае продолжали изучение темы взаимодействия великих держав в кризисных очагах планеты, и в связи с этим делали акцент на необходимости изучения истории действий России на Балканах в первой половине 1990-х гг. во взаимодействии с ведущими государствами Запада. Так, один из авторов ежегодника «Международное положение», издаваемого Шанхайским институтом международных проблем, в выпуске 1996 в статье «Важный переворот боснийской ситуации» Чжан Яо дал оценку событий 1995 г., и отметил различия в позициях Запада и России, которая «склонялась на сторону сербов в боснийском вопросе. Вместе с тем ее внимание отвлекали внутренние дела (проблема Чечни и выборы в Госдуму). По мнению автора, «ослабленная национальная мощь России» по сравнению с прежним временем (СССР), не позволяла ей предпринять решительные шаги по вмешательству в боснийскую политику США и их западных союзников, <…> хотя Б.Н. Ельцин и высказал острое недовольство массированными ударами НАТО, мирный процесс в Боснии все же пошел по американскому сценарию»[836].

В том же ключе была написана тогда же (1996 г.) статья профессором Сюйжоуского педагогического университета Чэнь Чжуаньцзинем. По его словам, «отличие балканской политики России, как великой европейской державы, от подходов Запада» было

---

[835] В данном разделе диссертации использованы материалы статьи: *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 217–249.

[836] *张耀.* 波黑局势的重要转折 // 国际形势年鉴 1996 / 上海国际问题研究所. 上海: 上海教育出版社, 1996. С. 102. *[Чжан Яо.* Важный переворот боснийской ситуации // Ежегодник Международное положение 1996 / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай: Шанхайское издательство образования].

обусловлено ее «стратегическими интересами на Балканах», ее «историческими связями с Сербией и другими югославскими государствами». Это предопределило поддержку сербов и склонность Москвы урегулировать конфликт «методами дипломатии и невоенными средствами». По мнению Чэня, Россия не могла остаться безучастной к боснийскому вопросу, что и предопределило активизацию ее действий после 1993 г., с основной целью «возвращения на международную арену и восстановление статуса великой державы для чего она воспользовалась вмешательством в боснийский кризис». Совершенный Москвой внешнеполитический поворот, по его мнению, был напрямую скоррелирован с процессом ее «постепенной внутренней стабилизации». Чэнь также отметил важную роль России в мирных переговорах в Боснии: содействие разработке «Плана совместных действий» (май 1994 г.) и «плана Контактной группы» (июль 1994 г.), что подтвердило ее «особую роль и статус великой державы». Чэнь обратил внимание на то, что, Запад, хотя и принимал во внимание влияние России, отказался предоставить ей ведущую роль в урегулировании конфликта. К такому выводу автор пришел в результате анализа таких ключевых событий 1994 г., как инициирование США создания Мусульманско-хорватской федерации (март 1994 г.), авиаудары НАТО по позициям боснийских сербов (апрель 1994 г.) и фактический отказ Вашингтона соблюдать эмбарго на поставки вооружений боснийским мусульманам (ноябрь 1994 г.). Все это, как считал Чэнь, существенно ослабило российские позиции в регионе. Основным желанием российской политики в Боснии, считал автор, оказалось стремление выступать «не оппонентом, но равноправным партнером Запада в урегулировании конфликта». Однако в условиях жесткой бескомпромиссной политики США российское влияние оказалось ограниченным[837].

Первой попыткой конкретно-исторического изучения в Китае итогов кризиса в Боснии стала статья «Анализ гражданской войны в БиГ» в журнале «Мировая история» эксперта-балканиста Ма Сипу. Россия, считал он, «использовала этот конфликт для возвращения на Балканы с целью восстановления влияния и роли, которыми в этом регионе обладал СССР». По утверждению Ма, «для Москвы, утратившей прежнее значение на Ближнем Востоке, потеря влияния на Балканах означала бы потерю всего региона Центральной и Восточной Европы». Он также считал, что действия России в Боснии имели значение и для ее внутренней политики, а среди успехов Москвы он назвал ее действия в критические моменты, во время двух крупномасштабных воздушных ударов

---

[837] *陈传金.* 冷战后地区冲突国际化的典型 — 试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. 1996. № 6. С. 14. [*Чэнь Чжуаньцзинь.* Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ взаимосвязи между боснийской проблемой и дипломатией великих держав // Международное обозрение].

НАТО по сербским позициям (февраль 1994 г. и сентябрь 1995 г.), когда вмешательство России приводило к деэскалации ситуации[838].

Взаимодействие великих держав (США, ЕС и России) в кризисных очагах (был использован термин «горячие точки») планеты на примере Боснии рассматривалось в двух статьях (1996 и 1997 гг.) сотрудника Института мировой экономики и политики КАОН Чжу Синьцяо. Незначительную активность Москвы в самом начале событий в Боснии эксперт объяснила сложным состоянием российской экономике и общим хаосом. Распад СССР и роспуск Организации Варшавского договора, внутриполитическая нестабильность и ухудшение экономической ситуации, по ее мнению, «на некоторое время погрузили страну в состояние оцепенения в ее внешнеполитической ориентации» после завершения холодной войны. По мнению Чжу, «снижение совокупной мощи государства России привело к слабости и пассивности ее дипломатии при решении кризисов, что вызвало сильное недовольство в стране и рост национализма (В.В. Жириновский), критику в парламенте внешней политики Кремля и появление требований отставки главы МИД Козырева. Эта критика, по мнению эксперта, побудила Б.Н. Ельцина вносить коррективы во внешнеполитический курс, усилить дипломатическое наступление в вопросах бывшей Югославии. Чжу считала, что «Балканский регион всегда был важным полем битвы России с европейскими державами и США за сферы влияния». Россия «поддерживала территориальные претензии Сербии, чтобы противостоять проникновению и экспансии евро-американских сил на восток». Чжу Синьцяо считала, что просербская позиция России проявилась в призывах к смягчению и отмене международных санкций против СРЮ; в резкой реакции на воздушные удары НАТО по сербским позициям в БиГ, в активном участии в разработке мирного плана в рамках КГ; в введении напряженных переговоров совместно с представителями США, ЕС и других стран по вопросу контролируемых сербами районов в Хорватии при стремлении защитить интересы сербского населения в обоих случаях. К этим фактам, приводившимся ранее экспертами в статьях первой половины 1990-х гг., Чжу Синьцяо добавила новые: напомнила о личной инициатив, президента Ельцина, пригласившего в Москву Милошевича и Туджмана, в то время как госсекретарь США Р. Холбрук готовил почву для переговоров в Дейтоне. Эксперт назвала это желанием Ельцина «взять ведущую роль в разрешении кризиса на постъюгославском пространстве». При этом эксперт считала, что Сербия «использовала Россию для смягчения, оказываемого на нее сильного

---

[838] *马细谱.* 波黑内战透析 // 世界历史. 1996. № 03. С. 114–115. [*Ma Cuny.* Анализ гражданской войны в БиГ // Мировая история].

международного давления»[839]. Анализируя ситуацию в Боснии летом 1995 г., в частности военные действия НАТО против позиций боснийских сербов, эксперт пришла к выводу, что Россия ограничилась лишь политическими заявлениями и тем самым фактически проявила «молчаливое согласие». Впрочем, Чжу не считала итог дейтонских переговоров результатом усилий исключительно США, тактично указав, что «Россия и ЕС сыграли их партии, оказав влияние, соизмеримое с их возможностями в соответствующих сферах»[840]. При описании событий после Дейтона эксперт указала, что Россия вступила в жесткое противостояние с США в связи с командованием многонациональными силами по поддержанию мира в БиГ. По ее мнению, хотя «большинство этих действий были безуспешны, они показали миру решимость Москвы к борьбе, подтвердив, что на мировой арене она остается важной силой, которой нельзя пренебрегать». Автор считала, что действия российской дипломатии побудили страны Запада скорректировать их политику в отношении Москвы: «интересы и достоинство России как великой державы были ими признаны»[841].

Особенностью китайской научной мысли второй половины 1990-х гг. стало появление работ с оценкой событий в России в первой половине десятилетия. Как и в первой половине 1990-х гг., в них особое внимание уделялось характеристике международного статуса России, а также анализу ее политики на Балканах. В 1997 г. в своей монографии «Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г.» исследователь-международник Фэн Шаолэй утверждал, что действия России зависят существенным образом от ее «геополитических интересов»[842] и взаимодействия с ближним зарубежьем. Фэн считал, что «диапазон стратегических колебаний России во внешней политике предопределил ее положение в трансформирующейся системе международных отношений, представляя собой не фиксированную точку, а некоторый диапазон в пространстве»[843]. С учетом этого роль России в боснийском кризисе ученый оценил как «сложную и многогранную», считая, что Москва занимала «деликатное» место в боснийском конфликте, поддерживала давние исторические связи с Сербией и боснийскими сербами, «имея с ними не только общий язык и письменность, но и, с середины XIX века, действительно выступая защитницей славянских народов от

---

[839] *朱行巧.* 从世界热点 — 前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. 1996. № 10. С. 26. [*Чжу Синцяо.* Взгляд на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса на постсоветском пространстве и войны в БиГ // Мировая экономика и политика].

[840] Там же. С. 27.

[841] Там же. С. 26.

[842] *冯绍雷.* 制度变迁与对外关系. С. 1. [*Фэн Шаолэй.* Системные изменения и внешние связи].

[843] Там же. С. 8.

угнетения европейских держав»[844]. Фэн Шаолэй придавал исключительное значение усилиям российской дипломатии в феврале 1994 г., когда «благодаря ее активному посредничеству лидеры боснийских сербов приняли предложение о размещении в Сараеве российских миротворческих сил и о выводе тяжелого вооружения». По его мнению, они нарушили «западный план силового решения боснийского вопроса и укрепили позиции России при решении последующих балканских проблем». Фэн назвал посреднические усилия России ее дипломатическим успехом: она «усилила значимость ультиматума НАТО и одновременно успокоила сербов, позволив всем сторонам сохранить лицо». Он считал, что Москва «в некоторой степени временно остановила продвижение НАТО на восток», что явилось ее «дипломатическим успехом» и «добавило еще один краеугольный камень в ее внешнеполитическую стратегию поворота к жесткой позиции»[845]. Тем не менее автор указал на ограниченность этих успехов, напомнив, что «роль России в боснийском конфликте не следует чрезмерно преувеличивать, а тем более распространять на остальные регионы в мире»: несмотря на тесные отношения боснийских сербов с Москвой и ее настойчивость, сербы все же отказались принять мирный план в июле 1994 г. Соответствующим был и общий вывод Фэн Шаолэя: Россия «активно стремилась восстановить ее традиционное влияние на Балканах», но, с другой стороны, ее ограниченное сотрудничество с Западом по боснийскому вопросу и по поводу бомбардировки НАТО сербов в августе 1995 г. продемонстрировали «бессилие и беспомощность» России и «подчиненность партнеру». Эта «слабость», по мнению Фэна, привела к недовольству внутри страны и отставке министра иностранных дел Козырева. Рассуждения об усилиях России в боснийском кризисе ученый завершил общим выводом о том, что они отразили изменения в соотношения сил между Вашингтоном и Москвой после холодной войны, когда «США за счет активного вмешательства и даже применения силы, укрепили завоеванные в холодной войне позиции лидера»[846].

Среди других работ обобщающего характера китайских экспертов была коллективная монография «Новая Россия: политика, экономика, дипломатия» подготовленная под редакцией опытных историков Сюэ Цзюньду и Лу Наньцюаня. Политика России на постъюгославском пространстве в этой работе рассматривалась с учетом изменений внешнеполитической стратегии России и ее отношений с США. Автор соответствующей главы (сотрудник Института Восточной Европы и Центральной Азии КАОН Ни Сяоцюань) считал, что в начале 1990-х гг. Россия, стремясь получить

---

844 Там же. С. 510–511.
845 Там же. С. 511.
846 Там же. С. 512–513.

поддержку Запада, «во многих конкретных вопросах внутренней и внешней политики безоговорочно следовала за США», включая участие в санкциях против Югославии, что «нанесло России значительный политический и экономический ущерб»[847]. Ни считал, что первая корректировка действий России была начата уже осенью 1992 г. и длилась до конца 1993 г., затронув как отношения с США, так и действия на Балканах. Эксперт был уверен, что события в регионе затрагивали «важные российские геополитические и экономические интересы» и Москва постепенно отошла от единой с США и другими государствами Запада антисербской позиции», стала проводить политику «противодействия применению силы и жестких экономических санкций против Сербии». Тем не менее он констатировал «ограниченность» этой корректировки, так как в большинстве ключевых международных вопросов российско-американские противоречия сохранялись в рамках «общей согласованной позиции» по поддержке давления на боснийских сербов и установлению бесполетной зоны в Боснии[848]. В дальнейшем (1994–1995 гг.), по мнению Ни, Россия стремилась к формированию «зрелого стратегического партнерства» с Западом, но на практике эта ее теоретическая концепция столкнулась с вызовами в ходе боснийского кризиса в такие моменты, как выдвижение НАТО ультиматума боснийским сербам и проведение бомбардировки сербских позиций около Горажде. Эксперт отметил, что «военные действия под руководством США вызвали единодушное резкое осуждение со стороны и официальных лиц, и всех политических сил в России». Автор назвал это «первым противостоянием России с США и их западными союзниками по крупному международному вопросу», полагая, что суть проявившихся противоречий заключалась в стремлении России «восстановить статус великой державы и защитить национальные интересы», добиваясь роли «равноправного партнера США в европейских и мировых делах», тогда как Вашингтон был нацелен на «закрепление и расширение результатов холодной войны», не допуская «возрождения России как сверхдержавы, угрожающей их безопасности»[849].

Близкая точка зрения была представлена в коллективной монографии «Россия и современный мир» (1998), подготовленной сотрудниками этого же института под совместной редакцией Ли Цзинцзе и Чжэн Юя. В предисловии, написанном Ли, было подчеркнуто, что на начальном этапе становления независимой Россия находилась в «особом историческом переходном периоде», и ее внешняя политика «напрямую зависела от потребностей внутреннего развития и результатов борьбы между различными

---

[847] 新俄罗斯: 政治、经济、外交. С. 344. [Новая Россия: политика, экономика, дипломатия].
[848] Там же. С. 346–347.
[849] Там же. С. 350.

политическими силами в стране»[850]. Этот тезис был развернут в 11-й главе «Россия и Восточная Европа» данного сборника, автор которой (сотрудник этого же института, Цзян И) считал, что среди стран Восточной Европы бывшая Югославия, являясь, для России «в начале ее независимости наиболее активной дипломатической ареной» и, предоставила Москве значительные возможности для «реализации уникальной роли»[851]. Усилия в решении югославского вопроса, как считал эксперт, не только отражали «динамику изменений во внешней политике России после обретения независимости», но и продемонстрировали реальность «изменений в балансе соотношения сил в ее внутренней политике».

Цзян И полагал, что на начальном этапе (в 1992 г.) Россия следовала внешнеполитическому курсу «сближения с Западом» и отказалась от традиционного советского «противодействия внешнему вмешательству во внутренние дела Югославии и сохранению ее территориальной целостности», признав независимость независимости Словении, Хорватии и Боснии, и поддержала 30 мая введение СБ ООН санкций против СРЮ, мотивировав это «ответственностью великой державы за поддержание международного правопорядка», что, однако, спровоцировало жесткие обвинения парламента в адрес правительства «в потворстве Западу, утрате традиционных друзей». Автор также акцентировал внимание на прозвучавшее тогда предупреждение с левого политического фланга, что «отношение Запада к СРЮ [сегодня – Я. Л.] будет политикой в отношении России завтра». Особое внимание автор уделил победе Милошевича на выборах 1992 г., потребовавшей от России «изменить отношение к правительству Социалистической партии и подходить к Югославии без излишних фантазий». В результате системного анализа заявлений российской дипломатии и действий Москвы, автор выявил «двойную траекторию» стратегии России: «сохраняя согласие с международным сообществом, продолжая оказывать давление на сербов, избегая конфронтации с Западом и мусульманским миром и не потворствуя слепо интересам сербов»[852]. К этим шагам автор отнес поддержку РФ резолюции 816 СБ ООН о бесполетной зоне (март 1993 г.); предложение порядка действий для принуждения сторон к выполнению плана Вэнса – Оуэна (май 1993 г.), а также неоднократные высказывания предупреждения руководителя МИД РФ. Тогда как в 1994 г. Россия начала «обращать внимание и защищать свои интересы и традиционное влияние», демонстрируя «роль великой державы» при решении спорных вопросов бывшей Югославии (в феврале –

[850] 俄罗斯与当代世界. С. 2. [Россия и современный мир].
[851] Там же. С. 362.
[852] Там же. С. 363.

выступление против снятия эмбарго на поставки оружия мусульманам, в апреле – негативная реакция на авиаудары НАТО по Горажде и пауза с подписанием программы «Партнерство ради мира»; в августе – (после принятия СРЮ мирного плана) требование немедленного ослабления санкций в отношении Белграда; в декабре – вето на резолюцию об усилении эмбарго против сербов в Хорватии). Эта линия была продолжена в 1995 г. (возобновлением военное сотрудничества с СРЮ, предоставление Белграду гуманитарную помощи и осуждение авиаударов НАТО в Боснии (август) и использования Боснии в качестве «испытательного полигона в стремлении к мировому господству»[853].

Драматические события на Балканах в 1999 г. (резкое обострение положения в Косове и бомбардировки НАТО СРЮ) привели к росту внимания в Китае к Балканам. Экспертное сообщество КНР было готово дать ответ на возникавшие вопросы и удовлетворить общественный интерес.

В апреле 1999 г. была опубликована коллективная монография «Перемены в Югославии», подготовленная под руководством Чжао Найбиня, эксперта-балканиста ИВЕЦА КАОН, основной смысл которой заключался в подведении итогов событий и процессов, происходивших после развала СФРЮ в 1990-е гг. Действия России на постъюгославском пространстве не были в фокусе изложения, и авторы дали оценку только ее некоторым шагам во время боснийской войны («кризис ультиматума», 1994), отметив, что Россия была «приходящей в упадок великой державой» с богатым опытом борьбы и стратегического планирования. Она одержала «значительную дипломатическую победу» в борьбе за свое положение в мире «без единого выстрела, без угроз кому-либо, без риска для жизни военнослужащих, не потратив ни одного рубля» и заставила Запад считаться с ней при решении международных проблем. Эта победа, сделали вывод члены рабочей группы, ослабила недовольство народа Ельциным, отразила политическое давление со стороны крайних националистов и изменила имидж подчиненности Западу президента России, укрепив положение действующего президента[854].

В том же году вклад в изучение политики России на постъюгославском пространстве внес Хао Шиюань, директор Института этнологии КАОН и к тому времени уже авторитетный исследователь этнических конфликтов в распавшейся Югославии. В ноябре 1999 г. была опубликована его книга «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб», ставшая первым в Китае комплексным исследованием изменений на постъюгославском пространстве, включая войну в Боснии (10-я глава). Хао отверг

---

[853] Там же. С. 364–365.

[854] 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌主编. 北京: 中国社会科学院东欧中亚研究所. 1999. С. 226–227. [Перемены в Югославии / Под ред. Чжао Найбиня. Пекин: Институт Восточной Европы и Центральной Азии].

«теорию столкновения цивилизаций» Хантингтона применительно к БиГ, указав, что не во всем нужно видеть мощную силу национализма и религии в жестокой войне между тремя сторонами. По его мнению, эти события оказались замаскированным «политическим конфликтом», став «столкновением балканской политики великих держав» [855]. Поддержка Западом Словении и Хорватии, по его замечанию, была направлена на достижение «полного превосходства капиталистической идеологии над социалистической на Балканском полуострове»[856]. Позицию Москвы Хао описал при помощи формулировки Г. Киссинджера: «в России национализм на протяжении долгой истории всегда был неотделим от религиозного чувства миссии и имперского оттенка»[857]. Тем не менее, по мнению Хао, «давние стратегические потребности России на Балканском полуострове превзошли тщеславие "спасителя" как центра православия», потому что «соседние страны стремятся извлечь выгоду из ослабления имперского центра, тогда как сама империя, находящаяся в упадке, пытается восстановить свое могущество среди окружающих государств» [858]. Хао считал, что поддержка Югославии Россией была обусловлена преимущественно геополитическими и стратегическими соображениями, а не идеологическими причинами. Россия желала, чтобы Югославия, как «единственное не прозападное государство в Восточной Европе, сохранила свою жизнеспособность и быть союзницей России в противодействии расширению НАТО на восток»[859].

В ноябре 1999 г. свет увидела книга Ма Сипу «Балканские раздоры» – еще одна монография обобщающего характера, в которой автор уделил внимание выявлению причин культурных и религиозных корней конфликтов в регионе, а также рассмотрел действия внешних сил в борьбе за влияние на Балканах. Опытный эксперт дал объяснения стратегических интересов и действий в регионе держав, находящихся вне Балкан, используя категории геополитики. В 9-й главе («Противостояние великих держав на Балканах») Ма назвал «расширение сферы влияния и борьбу за гегемонию единственной целью великих держав на Балканах»[860]. В рамках этой парадигмы автор подверг анализу традиционные интересы Москвы в регионе, подытожив: «Россия всегда рассматривает Балканы как ключевой регион для своей национальной безопасности», а целью ее политики в этом регионе издавна является «обретение выхода к Черному и Средиземному

---

[855] *郝时远.* 帝国霸权… 1999. С. 319. [*Хао Шиюань.* Имперская гегемония…].
[856] Там же. С. 320.
[857] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Научно-издательский центр Ладомир, 1997. С. 744.
[858] Там же. С.755, 742.
[859] *郝时远.* 帝国霸权… 1999. С. 321. [*Хао Шиюань*. Имперская гегемония…].
[860] *马细谱.* 巴尔干纷争. С. 261. [*Ма Сипу.* Балканские раздоры].

морям»[861]. В начале 1990-х гг. Россия из-за сложной внутренней ситуации «фактически была вытеснена западными державами с Балкан» и только с 1994 г. получила право голоса по боснийскому вопросу. Основными инструментами действий Москвы в решении югославского кризиса исследователь назвал «использование ООН и ее Совета Безопасности». При этом Москва выступала за «мирное разрешение югославского кризиса, установление стратегического партнерства с США, сдерживание расширения НАТО на Балканский регион и стремилась сохранить свое влияние в Сербии». Ма отметил, что возвращение России на Балканы «способствует как укреплению ее статуса великой державы, так и поддержанию баланса влияния внешних сил на Балканах и установлению стабильности в регионе»[862].

Этап оценок 2000–2015 гг.

Начало 2000-х гг. для китайского экспертного сообщества в области истории международных отношений стало временем продолжения публичного всестороннего осмысления событий в России и ее внешней политики прошлого десятилетия. Завершение периода правления Ельцина позволило китайским экспертам начать основательный, всесторонний и порой нелицеприятный разбор событий прошедшего десятилетия и результатов правления первого президента России. Существенной темой изучения стали и действия России на заключительных этапах распада СФРЮ и в первой половине «горячей фазы» югославского кризиса 1990-х гг.

Основную роль в изучении России в Китае продолжал играть Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН, переименованный в 2002 г.[863] в Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии. Были подведены итоги событий, и периодически публиковались весомые монографии, в которых определенное место отводилось сюжетам 1990-х гг.

В 2000 г. по инициативе руководства КАОН была создана исследовательская группа «по югославскому вопросу», полем специализации которой стало изучение президентских выборов в СРЮ, завершившихся сменой режима С. Милошевича. На основе собранных группой материалов был подготовлен и ряд открытых публикаций, в том числе статья Сюй Чжисина «Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность» (2001). Политолог обобщил стратегические факторы и особенности поведения России, считая, что ее политика в отношении Югославии в 1990-е г. определялась четырьмя факторами: «1) противодействие расширению НАТО на

---

[861] Там же. С. 263–264.
[862] Там же. С. 266.
[863] С 1999 г. по 2004 г. его директором являлся Ли Цзинцзе.

Восточную Европу и обеспечение статуса России как великой державы в Европе; 2) противодействие вмешательству НАТО в суверенитет многонациональных государств под предлогом принципа "права человека выше суверенитета"; 3) ослабление государственной мощи России, ограничивавшее потенциал ее внешнеполитической деятельности; 4) приоритет отношений с Западом над отношениями с Югославией». По мнению Сюй, противоречивость этих факторов определяла особенности поведения Москвы на югославском направлении ее внешней политики: «поддержка Россией Югославии в основном сводилась к оказанию поддержке ее в политической и моральной сферах. При обострении противостояния с Западом Россия шла ему на уступки; суть которых заключалась в жертвовании интересами Третьей Югославии ради реализации размена интересов с Западом»[864].

Как и многие авторы до него Сюй Чжисинь разделял действия России на четыре этапа, уточнив их границы и основное содержание каждого. Так, первый этап, когда Россия следовала в фарватере Запада, основываясь на своем видении соотношения сил на международной арене и субъективной оценке собственных отношений с Западом, длился большую часть 1992 г. Началом второго этапа эксперт назвал осень 1992 г., когда в связи с вмешательством НАТО в югославский кризис и критикой одностороннего подхода альянса к участникам конфликта, Россия начала корректировать ее действия и отходить от единой с западными державами позиции противостояния Сербии по югославскому вопросу. Типичным примером действий России в это время автор назвал публичное заявление Ельцина 25 января 1993 г. Третий этап, по мнению Сюй, начался в феврале 1994 г., когда НАТО без уведомления России выдвинула ультиматум боснийским сербам, что ознаменовало «завершение медового месяца» в ее отношениях с Западом. Шаги Москвы в этот период Сюй Чжисинь назвал «первым случаем прямого противостояния России и Запада по вопросу международных конфликтных ситуаций после обретения Россией независимости». России удалось заблокировать проект резолюции ОБСЕ, квалифицирующей сербов как «агрессоров». Четвертый этап, по мнению Сюй, пришелся на вторую половину 1995 г., когда в расчете на политическую поддержку Запада в переизбрании Ельцина в 1996 г., Москва «продемонстрировала значительное смягчение своей позиции по югославскому вопросу». Автор обратил внимание и на сдержанную реакцию официальной Москвы в связи с бомбардировками НАТО в августе 1995 г. (она ограничилась критикой «выхода за рамки мандата ООН», а потом без раздумий признало

---

[864] *许志新.* 俄罗斯对南斯拉夫政策：历史与现实 // 东欧中亚研究. 2001. № 5. С. 18. [*Сюй Чжисинь.* Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

Дейтонские соглашения, присоединившись к их реализации)[865]. Параллельно эксперт объяснил мотивы российской власти двойственной логикой: стремлением восстановить символический престиж через демонстрацию «победы» на фоне общего стратегического поражения, и вместе с тем – стремлением утверждения своего геополитического присутствия для последующего торга с Западом на более выгодных условия[866].

Сюй Чжисинь стал самым востребованным экспертом по политике России в это время, опубликовав еще несколько научных текстов. В 2003 г. в двухтомной монографии «Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия», подготовленной в ИРВЕЦА КАОН, Сюй Чжисинь (во второй главе II тома) коренной проблемой «прозападной дипломатии» Козырева назвал «неверную оценку национальных интересов России». Автор констатировал, что стремление министра к партнерству с Западом с перерастанием в союзные отношения за счет односторонних уступок нанесло ущерб российским интересам и усугубило внутренний политический раскол[867]. Эксперт, придерживаясь выработанной им ранее, концепции четырех этапов политики России в югославском кризисе, отметил, что она была противоречивой, с значительными уступками Западу, отражая специфику большой геополитической игры, в которой малые страны служили объектом манипуляций крупных игроков[868]. А во многом повторяя в остальном основные положения его статьи 2001 г. Сюй добавил к ним тезис: «Россия является мировой державой и, более того, европейской великой державой»[869]. Позже (в 2004 г.), с небольшими изменениями этот текст был использован в 12-й главе («Югославия во внешнеполитической стратегии России») книги «Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича», опубликованной по итогам исследований работы группы, созданной еще автор был убежден, что начиная с середины 1990-х гг. «позиция России по поддержке Югославии в основном оставалась неизменной»[870].

Чжао Найбинь и Ван Лиминь, несмотря на широкую распространенность их взглядов, не были монополистами по этой теме. В 2002 г. вышло повторное (дополненное) издание коллективного труда «Перемены в Югославии», в котором были усилены комплиментарные оценки действий России (выполняла обязанности члена КГ, «активно и творчески участвовала в процессе решения боснийской проблемы, <…> смело

---

865 Там же. С. 19.
866 Там же. С. 21.
867 俄罗斯十年: 政治、经济、外交. С. 670, 679. [Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия].
868 Там же. С. 712–721.
869 Там же. С. 717.
870 强人弱势: 米洛舍维奇的下台和入狱. С. 269. [Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича].

противостояла позиции Запада» и такой политикой постепенно оттенила собственную роль в решении крупных международных проблем, «изменила свой имидж», «повысила свой международный статус» и «защитила свои интересы на Балканах»)[871]. Объяснение действий России в начале 1990-х гг. было у авторов традиционным: «иллюзии относительно Запада во главе с США, под влиянием которых она охотно выступала в качестве партнера Запада на Балканах и не стремилась к поиску собственных интересов»[872].

В начале первого десятилетия 2000-х гг. в Китае было продолжено осмысление произошедших в России серьезных трансформационных процессов (они подверглись пристальному и, порой, нелицеприятному рассмотрению), продолженное экспертами по России, затронувших и сферу российской внешней политики, существенной частью которых оказались действия Кремля на постъюгославском пространстве в первой половине 1990-х гг.

В появившейся в эти годы литературе прежние сюжеты действий России на Балканах не только повторялись, но получили более детальное освещение, чем ранее. Новые тезисы появились сразу в двух книгах. Одной из них стал трехтомник «Россия в эпоху Ельцина», подготовленный в ИВЕЦА КАОН. Третий том «Дипломатия» (2001) вышел под редакцией Сюэ Гана и Цзян И. При описании «взаимодействия и соперничества» России и США в горячих точках планеты кратко были затронуты противоречия между ними во время войны в Боснии. Сюэ Ган (автор первой главы этой книги) полагал, что «российское руководство полностью приняло западные нормы поведения, и правила игры в решении международных вопросов, сохраняя согласованность с Западом, чтобы получить политическое доверие и экономическую помощь от западных стран»[873]. Со ссылкой на общественное мнение того времени Сюэ Ган указывал, что участие России в санкциях против Ирака, Ливии и Югославии не только нанесло ущерб «имиджу России в странах третьего мира, приведя к потере традиционных союзников и многих традиционных позиций и приобретенных ранее интересов», но и привело к значительным экономическим потерям для России[874]. По оценке Цзян И, автора 9-й главы («Культура и механизмы принятия решений дипломатии России»), «политика атлантизма не только не позволила России войти в клуб западных держав, но и не позволила преодолеть глубоко укоренившиеся западные опасения в отношении России, а ее результатом стала утрата Россией статуса независимой великой

---

871 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 388. [Перемены в Югославии].
872 Там же. С. 388.
873 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）. С. 12. [Россия в эпоху Ельцина. Т. Дипломатия].
874 Там же. С. 16.

державы». Такая политика, считал Цзян И, способствовала тому, что «подталкивало националистические силы к восприятию внешнего мира с недоверием и отстраненностью»[875]. По мнению автора 11-й главы Ван Сяоцюаня, в отношении войны в Боснии Россия в начале обретения своей независимости заняла позицию «стороннего наблюдателя»[876] (дословно: «стоять в стороне со скрещенными руками». Поворотным в российской политике на Балканах стал 1993 год, когда Россия начала «отходить от единой с западными державами позиции противодействия Сербии» [877] , приступив к «использованию противоречия между западными странами для предотвращения военных действий США против сербов». Россия неоднократно направляла высокопоставленных должностных лиц для посредничества, стремясь «оказать влияние на налаживание мирного процесса в БиГ»[878]. При этом автор обратил внимание на влияние общественного мнения и заявлений депутатов Госдумы на такие действия МИД. Дипломатические усилия России в Боснии в 1994–1995 гг. были рассмотрены в этом труде в разделе «Стремление к статусу равноправной великой державы». Авторы полагали, что успешное разрешение Россией «кризиса ультиматума» стало «успешной дипломатической акцией, показавшей роль великой державы»[879].

Ярким явлением китайской историографии этого периода стало появление «Очерков истории российской дипломатии» (2002) сотрудника Дипломатической академии Китая Линь Цзюня. Опытный эксперт Ли Цзюнь написал большую часть текстов, но для написания двух разделов главы «Внешняя политика Б.Н. Ельцина» был привлечен эксперт Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь. В третьем разделе главы (его писал Линь Цзюнь) были рассмотрены геополитические доктрины, воздействовавшие на формирование внешней политики России (атлантизм, неоевразийство и радикальный национализм). Общей тенденцией во внешней политики России эксперт назвал «переход от иллюзий к реальности, от акцента на идеологии к акценту на национальный интерес»[880]. Внешнюю политику России в начале 1990-х гг. он называл «однобокой дипломатией», основанной на «субъективном восприятии соотношения сил на международной арене в те годы и отношений с Западом», когда российская дипломатия, придерживаясь «концепции атлантизма», полностью сдвинулась в сторону Запада, «отказываясь от собственных интересов в ключевых международных

---

875 Там же. С. 263.
876 Там же. С. 310.
877 Там же. С. 25.
878 Там же. С. 310.
879 Там же. С. 38.
880 *林军.* 俄罗斯外交史稿. С. 474. [*Линь Цзюнь.* Очерки истории российской дипломатии].

вопросах, безоговорочно потакая Западу». Относительно конфликтов в бывшей Югославии Россия, по мысли Фэна, «отказалась от своих традиционных позиций в данном регионе». Вместе с тем он не считал позицию Москвы монолитной и привел ряд примеров несогласия российского экспертного сообщества с проводившимся в то время МИД РФ во главе с Козыревым курсом (письмо сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН с осуждением участия России в международных санкциях против Сербии, что «не соответствует долгосрочным интересам России»). Другими примерами несогласия автор назвал выступления в СМИ, с приведением из них пространных цитат, академика П.В. Волобуева, политолога А.М. Миграняна. Автор отметил, что слепое следование России западному курсу в международных вопросах (включая поддержку санкций против Югославии) привело к «постепенному сокращению влияния России на мировые политические, экономические и в сфере безопасности процессы», а также нанесло значительный экономический ущерб[881]. Политика России в Боснии была названа историческим воплощением и практическим подтверждением эволюции ее внешнеполитической стратегии.

Еще одним весомым исследованием, результаты которого были опубликованы, стала книга «Россия и европейская безопасность» (2001), написанная сотрудником ИВЕЦА Лу Цихуа. Ее автор выразила уверенность в том, что Россия по-прежнему остается «великой державой Европы и мира», оказывая «чрезвычайно важное влияние» на будущее развитие архитектуры европейской безопасности[882]. Она считала, что «развитие ситуации на Балканах, особенно эволюция ситуации в бывшей Югославии, сыграло важную роль в процессе переосмысления Россией своих национальных интересов и внешнеполитического курса»[883]. В то же время автор отметила, ориентация политики России на Балканах будет особенно влиять на отношения между Россией и Западом. Особое внимание автором было уделено роли министра Козырева. По ее мнению, на первых порах он «пытался изменить традиционную роль России как защитницы славянских народов на Балканах», однако под давлением внутриполитических обстоятельств (включая критику со стороны таких политиков, как Е.А. Амбарцумов, О.Г. Румянцев и В.В. Жириновский) министр был вынужден скорректировать прозападную позицию и начал активно отстаивать интересы сербов, так как «нападки на югославскую политику, проводимую Козыревым, были частью острой борьбы между МИД и Верховным советом в сфере внешней политики». По мнению автора,

---

881 Там же. С. 477, 481, 486, 484.

882 *陆齐华.* 俄罗斯和欧洲安全. С. 2. [*Лу Цихуа.* Россия и европейская безопасность].

883 Там же. С. 179.

«националистическая риторика Козырева стала признаком смещения центра политических сил России в сторону национализма», а «корректировка российской политики в отношении Югославии отражала изменения во внешней политике в целом». Тем не менее эксперт полагала, что целью Козырева всегда был поиск «среднего пути» в напряженной международной обстановке, «избегая прямой конфронтации с Западом по боснийскому вопросу» [884] . При этом основными целями российской политики в отношении конфликтов на территории бывшей Югославии были: 1) предотвращение дипломатической изоляции России и недопущение открытого разрыва с Западом; 2) ослабление давления со стороны националистических и просербских группировок в Госдуме; 3) обеспечение значимой роли России в играх на Балканах; 4) противодействие попыткам НАТО принимать решения без учета позиции России; 5) сохранение ООН в качестве ключевой международной платформы для обсуждения и реализации политики в отношении бывшей Югославии; 6) недопущение дальнейшей эскалации и распространения конфликта[885].

В очередной раз тема политики России в Боснии получила отражение в тексте «Отношения России со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы» Чэнь Шипина, как главы коллективной монографии «Отношения России с великими державами и соседями» (2005) под редакцией Фэн Шаолэя и опытного политолога Сян Ланьсинь, почетного профессора Фуданьского. Автор выделил два ключевых фактора, которые, по его мнению, существенно влияли на поведения России во время кризиса бывшей Югославии: 1) традиционные исторические и культурные связи России с Сербией; 2) падение государственной мощи России. В развитие и конкретизацию концепции Фэн Шаолэя о маятниковом движении России, Чэнь полагал, что именно «взаимодействие этих двух факторов приводило к частым колебаниям и непоследовательности позиции России по вопросу бывшей Югославии, а также проявляло противоречия и вызывала разногласия между населением страны и лицами, принимающими решения по вопросам внешней политики»[886]. На основании этого Чэн выявил основные причины коррекции российской политики в отношении бывшей Югославии, обратив внимание на «стремление России в первые годы после обретения независимости продемонстрировать международному сообществу свое отличие от Советского Союза», поэтому «проамериканская внешнеполитическая ориентация, а также внутренняя нестабильность и ослабление страны привели к тому, что Россия не имела ни возможности, ни намерения оказывать

---

[884] Там же. С. 183–186.
[885] Там же. С. 186.
[886] 俄罗斯与大国及周边关系. С. 256. [Отношения России с великими державами и соседями].

существенное влияние на югославский вопрос»[887]. Чэнь Шипин отметил, что лишь с 1994 г. позиция России по боснийскому вопросу стала более жесткой: просербские настроения в Госдуме во время войны в БиГ привели к тому, что Москва предприняла ряд действий для распространения своего влияния в урегулировании кризиса, но «из-за ослабления государственной мощи» ее фактическое влияние на дела бывшей Югославии оставалось «весьма ограниченным» и в конечном итоге Россия была вынуждена принять мирный план (июль 1994 г.), который серьезно ущемлял интересы боснийских сербов. Это повторилось и в случае авиаударов НАТО в августе 1995 г., когда «Россия не только не возразила, но, напротив, дала понять США о готовности к дальнейшим согласованным действиям»[888].

И в дальнейшем тема политики России в югославском кризисе продолжала привлекать внимание авторов в Китае. В монографии «После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности» (2005) сотрудник ИРВЕЦА Лю Фэнхуа считал, что «политике России в отношении Югославии не хватало последовательности», а российские дипломаты действовали по схеме: сначала протест, затем уступки, когда их заявления и действия часто «противоречили друг другу»[889]. Описав взаимоотношения России и НАТО, автор пришел к выводу, что «НАТО добилось больших успехов, а Россия – меньших; НАТО занимало доминирующую позицию, в то время как Россия играла лишь вспомогательную роль. НАТО получило от ООН часть миротворческих полномочий, успешно расширив на Балканский полуостров свои миротворческие возможности за пределы зоны своей внешнеполитического курса и отсутствия целенаправленной внешней ответственности, но и эффективно вытеснило воздействие России в этой традиционной сфере ее влияния. Россия же, вследствие радикальной политики, нанесла ущерб отношениям со своим традиционным партнером в регионе – Сербией, утратив его и усугубив ситуацию Балканском полуострове давлением мусульман и католиков на православных христиан, тем самым нанеся ущерб собственным интересам. По мнению автора, поддержка Россией передачи миротворческих полномочий от ООН к НАТО стала первым шагом ее невыгодного положение в будущей системе европейской безопасности»[890].

Тема России в Боснии также была отражена в первом разделе («Война в Боснии и российско-американские отношения») 9-й главы значимой коллективной монографии «Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР

---

[887] Там же. С. 257.
[888] Там же. С. 257–258.
[889] *柳丰华.* “铁幕消失之后”… С. 68–69. [*Лю Фэнхуа.* «После исчезновения железного занавеса»…].
[890] Там же. С. 70.

(1991–2005)» (2006) влиятельного эксперта ИРВЕЦА Чжэн Юй. В ней указывалось, что несмотря на сокращение влияния России по сравнению с СССР, в начале 1990-х гг. она «остается великой державой с глобальным влиянием и собственными уникальными интересами», и «ее участие в разрешении конфликтов в регионах нарастало по мере восстановления государственной мощи»[891]. Чжэн считал, что признание Россией независимости БиГ и возложение на Республику Сербскую «основной ответственности» за развязывание конфликта наглядно демонстрировало «следование правительства Ельцина за политикой Америки по боснийскому вопросу». Автор отметил особенность действий Ельцина, который, реагируя на противодействие оппозиции внутри России, «проводил в отношении сербов БиГ и Республики Сербия политику пристрастного отношения, на основе кровных связей, религии и исторических отношений между его страной и сербами на территории Югославии»[892]. В то же время автор обратил внимание на то, что в 1993 г. подход правительства Ельцина к югославской и боснийской проблеме на деле оказался «сотрудничеством» с западной коалицией под руководством США. Чжэн также напомнил, что накануне всероссийского референдума весной 1993 г. Ельцин в послании к президенту США Клинтону настоятельно призывал его воздержаться от шагов, которые могли бы негативно повлиять на благоприятный для Ельцина результат голосования. Чжэн Юй напомнил, как после завершения референдума, 27 апреля, Ельцин выступил с угрозами в адрес боснийских сербов, требуя прекращения военных действий. Эксперт назвал это стремлением Ельцина «соответствовать западной позиции ради получения политической и экономической поддержки»[893]. Эксперт указал, что Москва заняла жесткую позицию в апреле 1994 г. с целью «умиротворения оппозиции внутри России»[894], считая важным учитывать в боснийской проблематике «разногласия и противоречья между правительством РФ, Госдумой, МИД и иными ведомствами». По мнению автора, хотя Россия не могла напрямую влиять на развитие ситуации в БиГ, она, начиная со второй половины 1994 г., вела длительную дипломатическую борьбу с США за отмену антиюгославских экономических санкций и предотвращение введения новых ограничительных мер на площадке ООН[895]. Чжэн высказался и о позиции России относительно бомбардировок боснийских сербов силами НАТО в сентябре 1995 г., указав, что Россия не пошла дальше устных возражений, что было обусловлено не «экономическими трудностями», а «ограничениями, наложенными на ее политику

[891] 既非盟友，也非敌人．下卷. С. 720. [Ни союзники, ни враги. Т. 2].
[892] Там же. С. 725–726.
[893] Там же. С. 729–730.
[894] Там же. С. 731.
[895] Там же. С. 733.

сложными внутренними и внешними факторами». Он считал, что России нужно было принимать в расчет и позиции мусульманского населения самой России, а также позицию Украины, поддержавшей Хорватию, и исламских государств. Наиболее важным, по мнению автора, стало то, что в условиях полномасштабного вмешательства НАТО и США в боснийский вопрос затягивание с его решением не приносило пользы ни Республике Сербия, ни боснийским сербам, и не соответствовало интересам России[896]. Рассмотрение событий через призму российско-американских отношений помогло автору прийти к выводу, что в начале 1992 г. «в вопросах межэтнического конфликта в БиГ, не имеющей общей границы с Россией, а также отношений с Югославией Россия не имела собственных соображений и следовала в фарватере политики Запад». Он напомнил, что до декабря 1994 г. «защита» Россией интересов Югославии и боснийских сербов обосновывалась преимущественно «традиционными связями кровного родства, исторической и культурной общности», а не на «стратегическом видении новой архитектуры безопасности на европейском континенте». В югославском и боснийском вопросах Россия «держалась курса на сотрудничество с США», но после заявления НАТО о намерении реализовать план расширения на Восток она приступила к «переоценке югославского и боснийского вопросов в контексте будущей конфигурации европейской безопасности и механизмов ее функционирования». Российская сторона приступила к постепенной корректировке стратегии, задействуя потенциал «международного общественного мнения» и механизмы ООН для ограничения действий НАТО, избегая при этом эскалации боснийской проблемы до уровня «кризиса в российско-американских отношениях», сохранения формального сотрудничества с США[897]. Расхождения между Россией и США по вопросам европейской безопасности стали отражением «фундаментальных различий в концептуальном видении архитектуры европейской безопасности после завершения холодной войны и дивергенцию интересов» двух стран. Несмотря на то, что противоречие сторон в безопасности носило менее острый характер по сравнению с проблематикой расширения НАТО, его наличие «способствовало формированию у Москвы четкого осознания дихотомии ее национальных интересов России и Запада», что послужило катализатором «переосмысления» стратегии первоначального прозападного внешнеполитического курса и признания «несбалансированности» такого подхода[898].

Большинство из указанных экспертов продолжали считать Россию великой

---

[896] Там же. С. 736.
[897] Там же. С. 739–740.
[898] Там же. С. 741.

державой. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе в этот период такая оценка не была всеобъемлющей: встречались и ее оттенки, и иные мнения. В проведенном журналом «Знания о мире» в 2007 г. экспертном опросе, ряд сотрудников КАОН и Партийной школы ЦК КПК (Лу Наньцюань и Ван Лицзю, Цуо Фэнжун) придерживались мнения, что, несмотря на утрату статуса сверхдержавы, Россия безусловно остается мировой, но не сильнейшей мировой державой, сохранив свои преимущества лишь в военной сфере, ресурсообеспеченности, науке, технологиях и в тяжелой промышленности[899]. Наряду с этим существовало мнение (профессор Китайского народного университета Чэнь Синьмин), что из-за внутриполитических и экономических проблем Россия опустилась до «статуса державы второго порядка» или «большой региональной державы»[900].

Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. интерес экспертов по России к истории ельцинского периода, а соответственно и к темам российского участия в событиях боснийской войны и югославского кризиса заметно снизился. Вместе с тем китайские югослависты продолжали осмысление уроков югославской истории. В 2009 г. появилась монография Ма Сипу «Взлет и падение Югославии», в которой автором четко указано, что активное участие России в разрешении кризисов на территории бывшей Югославии было частью ее дипломатической стратегии по возвращению на международную арену и восстановлению статуса великой державы, а также отражением ее соперничества в регионе с державами Запада[901]. А в 2010 г. свет увидела обзорная (начиная с первой балканской войны) монография «Столетие бурных событий на Балканах» известного историка Цзинь Чжунъюаня (Фуданьский университет). Автор предложил более позитивную интерпретацию роли России в регионе, акцентируя внимание на ее внутриполитических и экономических факторах как ключевых детерминантах в советский и постсоветский периоды. В отношении событий 1990-х гг., историк считал, что Россия сыграла «определенную роль в процессе мирного урегулирования в БиГ, достигнув своих целей»[902]. В прогностической части работы Цзинь Чжунъюаня, в которой утверждается, что Россия «не намерена так просто уступить ее позиции на Балканах и будет продолжать играть значимую роль в регионе»[903].

Современный этап (2016 – настоящее время)

---

[899] *左凤荣, 陆南泉, 王俪久*. 关于叶利钦的 60 个疑问 // 世界知识. 2007. № 10. С. 49. [*Цуо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю.* Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире].

[900] *陈新明.* 十八世纪以来俄罗斯对外政策（下卷）. С. 795. [*Чэнь Синьмин.* Внешняя политика России с XVIII века. Т. 2].

[901] *马细谱.* 南斯拉夫兴亡. С. 398–400. [*Ма Сипу.* Подъем и падение Югославии].

[902] *金重远.* 百年风云巴尔干. С. 151. [*Цзинь Чжунъюань*. Столетие бурных событий на Балканах].

[903] Там же. С. 158.

Сложно объяснить причины, по которым интерес исследователей к действиям России в регионе в первой половине 1990-х гг. вновь активизировался после 2016 г. Тем не менее этот всплеск позволяет выделить этот период в новый, современный этап. Развитие Китаем инициатив «Один пояс, один путь» (2013) и «Сотрудничество между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы» (2012) сохранило интерес и к недавней истории региона, в том числе к действиям и политике России на постъюгославском пространстве. Примером сохранения интереса к России и ее действиям на Балканах явилась статья (2016 г.) «Геополитические интересы России на Балканах», подготовленная Чжу Сяочжуном, сотрудником ИРВЕЦА. Эксперт, вернувшись к теме через 20 лет после событий, рассмотрел комплекс инструментов российского влияния на Балканах, изучив как экономические интересы России в регионе, так и трансформацию ее действий под углом геополитики. Введение Чжу этих тем (геополитика и экономические интересы) позволило говорить уже о геоэкономическом подходе к рассмотрению роли России в регионе, утверждать, что Россия рассматривает Балканы как «неотъемлемую часть своего исторического и национального сознания, как составляющую российских интересов». Российские политические цели, по мнению эксперта, заключаются в «ограничении влияния США и НАТО на Балканах, расширении и усилении своего присутствия». Чжу выделил и описал три стратегических инструмента России на Балканах: «использование балканских кризисов, применение энергетического рычага для расширения экономического влияния, стимулирования религиозных и историко-культурных связей со странами Балкан». По его мнению, Россия «полностью использовала кризисы, вызванные распадом Югославии, <…> с целью помешать странам Запада реализовать эффективную политику в югославском кризисе, ослабить способность Европы и США к решать балканские конфликты и повысить престиж России». По мнению эксперта, особенность действий российской дипломатии заключалась в «выстраивание регионального взаимодействия в рамках "цивилизационного или национального разграничения" при опоре на «православную идентичность или панславизм»[904].

В 2018 г. была опубликована книга старшего преподавателя Университета КАОН Ли Ти «Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики» (2018), преобразованная автором из ее докторской диссертации (под руководством Чжу Сяочжуна) на тему «Историческая эволюция политики России в отношении Балкан». Монография описывает эволюцию политики России в регионе с конца XVII века до наших дней. Ли, как это указано и во введении, придерживается тезиса о постоянном

[904] *朱晓中.* 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益. С. 7–8. [*Чжу Сяочжун.* Геополитические интересы России на Балканах].

влиянии на формирование российской политики «панславизма и идеи великодержавия в русской национальной культуре»[905]. В главе «Политика России на Балканах в период Ельцина», название которой было созвучно с монографиями, которые публиковали китайские авторы в начале 2000-х, Ли Ти уделила основное внимание именно войне в БиГ. В целях анализа изменений в действиях России автор изучила влияние действий НАТО на политику России, а также рассмотрела противостояние между Москвой и Брюсселем в ряде кризисов. По ее мнению, именно вмешательство НАТО в проблемы бывшей Югославии, в конечном итоге, побудило Москву отказаться от ее прозападной «однобокой» балканской политики как «наносящей непосредственный ущерб стратегическим интересам России»[906]. Со ссылкой на взгляды Джеймса Хедли (James Headley) Ли также сделала вывод, что подавление США великодержавного сознания России оказалось контрпродуктивный, и спровоцировав «его усиленное проявление». В подтверждение Ли Ти привела позицию России по вопросу о признании независимости Македонии в 1992 г., ставшем, по ее мнению, самостоятельным шагом Москвы, без синхронизации с Западом. Она признала Македонию до того, как это сделал ЕС. Ли трактовала этот шаг как проявление Россией ее великодержавного статуса[907]. Под влиянием «идеи великодержавности» произошло и подключение России к боснийской проблеме, для того чтобы не только «защитить интересы Сербии как своего союзника», но и «сохранить собственное великодержавное достоинство»[908]. Примером этого, по ее мнею (и вновь со ссылкой на Хедли), стало и поведение Москвы в феврале 1994 г. в ходе успешного решения Москвой «кризиса ультиматума», когда международное сообщество убедилось в том, что Россия, во-первых, имеет особые интересы на Балканах; во-вторых, по-прежнему является одной из основных сил в Европе; в-третьих, играя «роль посредника в конфликте в БиГ, еще больше укрепляет свой статус великой державы». Разница в мощи Россией и НАТО не позволяла Москве «стремиться к максимально возможной защите собственных интересов для поддержания достоинства великой державы только при сохранении согласованности с Западом»[909]. Поэтому «проводившаяся Россией однобокая внешняя политика» оказалась отражением «возможностей ее дипломатии и стратегических намерений» соответствующего периода эпохи Ельцина, когда «первоочередной задачей России было восстановление экономики», а внешняя политика служила «проведению внутренних экономических реформ». Именно этими

---

905 *李提.* 俄罗斯与巴尔干. С. 004. [*Ли Ти.* Россия и Балканы].
906 Там же. С. 100.
907 Там же. С. 103–104.
908 Там же. С. 104.
909 Там же. С. 105.

рассуждениями Ли Ти обосновала вывод о сложности «полного отрицать разумность односторонней политики России ельцинской эпохи»[910].

Еще одной текущего периода китайской историографии стало появление в 2020–2021 гг. обобщающих трудов историка-балканиста Ма Сипу, ставших логичным завершением его предыдущих исследований («Современная история Балкан» (2021) и «Общая история Югославии» [911] (2020)). Маститый исследователь в чеканных формулировках указал, что одним из последствий распада СССР стало снижение роли России на международной арене и она «фактически была отстранена западными державами от Балканского региона»[912].

Геополитическое противостояние России и НАТО, приведшее к российско-украинскому конфликту, побудило китайских исследователей по-новому осмыслить балканский кризис 1990-х гг. и политику России в этом регионе. В этом контексте, спустя 25 лет, Хао Шиюань переиздал свою книгу 1999 г. «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб». В новом издании автор сохранил исходные тезисы, однако в предисловии отметил, что в ходе косовской войны Россия «с минимальным участием стала важной опорой для Югославии». По его мнению, в условиях украинского кризиса Сербия представляет собой не только «остров» в процессе «европеизации» и «натоизации» Балкан, но и «опорный пункт» российской геополитики в Европе[913]. В том же году вышли в свет и другие значимые труды китайских экспертов. ИРВЕЦА КАОН опубликовал многотомное исследование «Россия. Тридцать лет (1991–2021)» [914] (главный редактор Сунь Чжуанчжи). В томе «Дипломатия» (под редакцией Лю Фэнхуа) повторены прежние данные. Кроме Пекина выходили книги и в Шанхае в трехтомной монографии Фэн Шаолэя «Кризис и порядок»[915]. Во всех этих работах политика и действия России на постъюгославском пространстве по-прежнему неизменно рассматриваются как важный аспект ее внешнеполитической стратегии.

Проведенный анализ оценок китайских исследователей внешней политики России в

---

910 Там же. С. 95.

911 *马细谱.* 南斯拉夫通史. [*Ma Cuny*. Общая история Югославии].

912 *马细谱.* 巴尔干近现代史. 下卷. С. 754. [*Ma Cuny.* Новая и новейшая история Балкан: Т. 2].

913 *郝时远.* 帝国霸权与巴尔干“火药桶”: 从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京. 社会科学文献出版社，2024. С. 006. [*Хао Шиюань.* Имперская гегемония и балканский «пороховой погреб»: интерпретация реальности Косова на основе истории Югославии. Пенкин: Издательство литературы по общественным наукам].

914 俄罗斯三十年: 1991–2021. 外交卷 / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. С. 9. [Россия. Тридцать лет (1991–2021). Т. Дипломатия) / Под ред. Лю Фэнхуа. Пекин: Издательство литературы по общественных наук].

915 *冯绍雷.* 危机与秩序 (上): 全球转型下的俄罗斯对外关系. 上海: 上海人民出版社, 2024. С. 152–153. [*Фэн Шаолэй*. Кризис и порядок: внешние связи России в условиях глобальной трансформации. Шанхай: Шанхайское народное издательство].

отношении югославского кризиса (1991–1995 гг.) позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, в китайской научной литературе после подписания Дейтонских соглашений отчетливо прослеживается эволюция взглядов на роль России в урегулировании югославского кризиса.

Во-вторых, китайские исследователи единодушно считают, что под двойным влиянием внутриполитической борьбы и давления общественного мнения с 1993 г. политика России в отношении югославского кризиса начала изменяться, хотя эти изменения и не были фундаментальными. Основной характеристикой этой корректировки политики было то, что дипломатическая позиция России постепенно смещалась от идеологической идеализации к более прагматичному курсу, основанному на национальных интересах.

В-третьих, относительно международного положения России после окончания холодной войны среди китайских экспертов существуют разногласия. Преобладающая точка зрения заключается в том, что, несмотря на серьезный упадок после распада СССР, Россия сохранила статус «великой державы», причем некоторые исследователи даже рассматривают ее как «мировую державу». Однако другая часть экспертов придерживается более осторожной оценки, полагая, что Россия 1990-х гг. фактически стала «державой второго ранга» или «региональной державой» с ограниченной сферой влияния, и это ослабление международного положения напрямую привело к тому, что Россия не смогла играть существенную роль, соответствующую ее историческому положению, в региональных конфликтах, таких как война в Боснии.

В-четвертых, в китайском академическом понимании политика и действия России на Балканах, хотя и широко рассматривались как важный признак изменения внешней политики России, долгое время не были основным объектом исследования китайских исследователей. Однако в последние годы возрождение интереса китайского академического сообщества к исследованию балканской политики России тесно связано с реализацией китайской инициативы «Один пояс, один путь» и продвижением стратегии сопряжения «Одного пояса, одного пути» с Евразийским экономическим союзом.

В-пятых, китайские исследователи единодушно признают, что Балканский регион имеет незаменимое геополитическое значение для России, как с точки зрения исторических культурных и религиозных связей, так и с точки зрения национальной безопасности и экономических интересов.

В-шестых, анализ китайскими исследователями политики России на Балканах обычно основывается на трех основных аспектах: во-первых, на традиционных исторических связях России с странами бывшим югославским регионом (особенно с

сербами), включая культурные, религиозные и этнические узы; во-вторых, на геополитических интересах России в регионе; в-третьих, на динамике отношений между Россией и западными странами, что составляет важную основу для анализа китайскими экспертами политики России на Балканах. В этих рамках «панславизм» и «евро-атлантизм» рассматриваются китайскими наблюдателями как ключевые теоретические аспекты для понимания эволюции внешней политики России, представляя две конкурирующие ориентации в российской внешней политике – одна подчеркивает исторические и культурные связи со славянскими народами и православным миром, а другая склоняется к сотрудничеству с Западом. Рост и баланс этих двух течений в значительной степени повлияли на формирование и реализацию политики России на Балканах, поэтому они стали важным теоретическим инструментом для китайских ученых при оценке и анализе дипломатической стратегии России.

***

Комплексный анализ официальной позиции КНР, медиадискурса и академических исследований позволяет сделать вывод о том, что восприятие Китаем балканской политики России в постхолодновоенный период носило системный и внутренне согласованный характер, а не являлось результатом фрагментарных или ситуативных оценок. Данное восприятие формировалось в контексте трансформации международного порядка после окончания холодной войны и эволюции собственных внешнеполитических представлений Китая.

На уровне государственной политики Китай в период югославского кризиса и последующих балканских конфликтов последовательно придерживался линии осторожности и сдержанности. Официальный Пекин исходил из принципов уважения суверенитета и территориальной целостности государств, выступал против внешнего вооруженного вмешательства, односторонних действий и санкционного давления, а в рамках международных организаций стремился избегать создания политико-правовых прецедентов универсального характера. При этом, сохраняя формальный нейтралитет, китайская дипломатия демонстрировала повышенную чувствительность к историческим позициям, объективным интересам и соображениям безопасности России на Балканах. Такая установка не означала безусловной поддержки действий Москвы, но отражала стремление Китая сочетать нормативные принципы с реалистическим пониманием логики поведения крупной державы в условиях системной трансформации.

В медиапространстве КНР образ России как балканского актора формировался преимущественно в рамках фактологического и структурно-объяснительного подхода. Интенсивность внимания китайских СМИ к российской политике на Балканах напрямую

коррелировала с уровнем вовлеченности Москвы в региональные кризисы. В публикациях Россия, как правило, представлялась государством, обладающим значительным историческим влиянием и конкретными национальными интересами в регионе, а ее действия анализировались в контексте постбиполярной перестройки международных отношений, динамики российско-американских связей и относительного ослабления совокупной мощи государства РФ. Внутриполитические разногласия и колебания внешнеполитического курса России не интерпретировались как признак стратегической несостоятельности, а рассматривались как элементы функционирования внешнеполитического механизма государства в переходный период.

В академическом сообществе Китая исследования балканской политики России также продемонстрировали заметную эволюцию. Если в начале 1990-х гг. Россия нередко рассматривалась как вторичный актор, действующий в тени западных держав, прежде всего США, то с 1993 г. в научных работах все более отчетливо проявлялся комплексный подход к анализу ее роли в боснийском урегулировании и балканских конфликтах в целом. Китайские исследователи все чаще обращались к историческим, этноконфессиональным, геополитическим и внутриполитическим факторам, а также к особенностям идентичности России как великой державы. Концепты «панславизма» и «евроатлантическая ориентация» получили распространение в качестве аналитических инструментов для объяснения колебаний и трансформаций российской внешней политики на Балканах.

В целом, на уровне государства, СМИ и научного сообщества в Китае сформировалась устойчивая интерпретационная рамка, в основе которой лежали принцип суверенитета как нормативная основа, структурные ограничения постхолодновоенного порядка как ключ к объяснению поведения России и представление о преемственности ее роли крупной державы в регионе. Эта рамка позволяла избежать как однозначной легитимации российской политики, так и ее редукции к пассивному следованию западной повестке. Российская балканская политика рассматривалась прежде всего как результат адаптации крупной незападной державы к сокращению стратегического пространства и изменению конфигурации международной системы. В условиях углубления китайского присутствия на Балканах, особенно в контексте инициативы «Пояс и путь», данная интерпретационная модель продолжает сохранять аналитическую значимость для китайских исследователей и экспертов.

ГЛАВА 3. Югославский кризис в 1996–2001 гг.: китайские оценки действий России

Во второй половине 1990-х гг. Балканский полуостров представлял собой переплетение мирных процессов и кризисных явлений, порождавших комплексный динамический дисбаланс. Постъюгославское пространство по-прежнему оставалось в центре этих процессов: в рамках новой политической конфигурации обстановка постепенно стабилизировалась и развивалась в направлении к миру, а сотрудничество между государствами демонстрировало устойчивое развитие. В БиГ подписание Дейтонских соглашений хотя и не смогло немедленно устранить межэтнические конфликты и разногласия, тем не менее под контролем международного сообщества в 1996 г. там были успешно проведены первые послевоенные выборы. В 1998 г. в Хорватии после завершения миссии Временной администрации ООН для Восточной Славонии (UNTAES), она была официально включена в состав хорватского государства со столицей в Загребе. В эти годы СРЮ предпринимала активные усилия для снятия международных санкций, стремясь полноценно вернуться в международное сообщество и нормализовать свой международный статус. Возобновление в 1996 г. деятельности Международного форума по Балканам на уровне глав внешнеполитических ведомств ознаменовало новую фазу в региональном сотрудничестве. Контакты между СРЮ и Албанией также начали входить в русло нормализации. Однако обещание придерживаться принципа недопустимости изменения границ БиГ в Югославии[916], данное после окончании гражданской войны в Боснии в 1995 г. и зафиксированное в Дейтонских соглашениях, сделало призрачными надежды на независимость тех албанских радикальных сил в Косове, которые стремились дестабилизировать обстановку в регионе, начиная еще с конца 1960-х гг. Не без значительного влияния внешних сил межэтнические противоречия в Косове и Метохии продолжали усложняться, и долгие годы тлеющий этнический конфликт угрожал масштабной эскалацией и интернационализацией. Экстремистские сепаратисты из радикальных страт албанского населения в расчете на внешнюю поддержку, которую они периодически получали от европейских и американских сил, сформировали так называемую «Армию освобождения Косова» (АОК) и действовали, не гнушаясь насилия и провокаций. В конце февраля 1998 г. накапливавшаяся напряженность вылилась в новый виток этнического противостояния, развитие которого привело к первому масштабному (в отличие от ограниченного в БиГ) применению НАТО

[916] Письмо Постоянного представителя Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/790-S/1995/1999 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/201746?ln=en&v=pdf (дата обращения: 09.09.2025).

военной силы вне зоны своей ответственности в обход СБ ООН.

Окончание войны в Боснии совпало с важными событиями во внутренней и внешней политике России (во внешней – с персональными перестановками в МИД РФ, во главе которого А.В. Козырева сменил Е.М. Примаков). В соответствующих текстах китайских СМИ эта замена связывалась с неудачей проводившегося Козыревым курса «односторонней ориентации на Запад», что не способствовало восстановлению статуса России как великой державы и защите ее национальных интересов. Кроме того, он не стал решительно возражать против планов и заявлений о расширении НАТО на восток, не позволил Москве оказать влияние на результаты боснийского урегулирования и сохранить традиционное влияние в регионе в целом[917]. С приходом в МИД Е.М. Примакова российская внешняя политика стала выстраиваться на основе приоритета национальных интересов, приобретя более активный, прагматичный и сбалансированный характер. Балканы как регион больше не занимали центрального места во внешней политике России. После Дейтона и до косовского кризиса в феврале 1998 г. действия и позиция России на постъюгославском пространстве оказались на периферии внимания китайских СМИ, тогда как вопросы расширения НАТО на восток и реакция на них в Москве неизменно оставались в числе ключевых тем в сюжетах китайских обозревателей, широко освещавших в эти годы поступательное развитие китайско-российских отношений.

С сентября 1994 г., когда стороны договорились о расширении многоуровневых и многопрофильных контактов, прежде всего на высшем уровне, связи между Москвой и Пекином продолжали поступательное развитие. В апреле 1996 г. стороны объявили о развитии «стратегического партнерства, основанного на равенстве и взаимном доверии, ориентированном на XXI век», а в апреле 1997 г. ими была подписана Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, в рамках которой стороны выступили за «построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка», а также против гегемонизма, силовой политики и односторонних действий[918]. Такое стратегическое совпадение подходов предопределило координацию позиций Пекина и Москвы по ключевым вопросам мирового развития. Характерным примером такого взаимодействия стала переписка между руководителями двух государств по югославской

---

[917] *许宏治, 刘刚.* 执行政策失误, 当选杜马议员, 科济列夫被解职 // 人民日报. 12.01.1996. С. 6. [*Сюй Хунчжи, Лю Ган.* За ошибки в реализации политики Козырев утратил пост, избран депутатом Государственной думы // Жэньминь жибао].

[918] Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Дипломатический вестник. 1997. Май. № 5. С. 19.

проблематике, начатая еще завершающей стадии боснийского кризиса[919]. Анализ последующих официальных заявлений обеих сторон свидетельствует о том, что этот диалог был продолжен. Как отмечал Б.Н. Ельцин в Послании Федеральному Собранию РФ в 1999 г., «дальнейшее развитие стратегического партнерства с Китаем отвечает как жизненным интересам народов наших стран, так и задачам обеспечения безопасности для Азии и мира в целом. Это еще раз продемонстрировала российско-китайская солидарность в период косовского кризиса»[920].

Во второй половине 1990-х гг. Китай в целом сохранял стабильные и конструктивные отношения со всеми государствами постъюгославского пространства, последовательно развивая сотрудничество в политической, экономической и иных сферах на принципах взаимного уважения и равноправия. Пекин поддерживал независимость, суверенитет и территориальную целостность новых государств региона, которые, в свою очередь, подтверждали приверженность принципу «одного Китая» и поддерживали восстановление КНР суверенитета над Гонконгом и Макао. В отношении СРЮ акцент в контактах двух стран был сделан на отмене санкций СБ ООН, после которого сотрудничество в различных областях взаимных отношений получило дальнейшее развитие. На международной арене Китай выступал за снятие санкционного режима и возвращение СРЮ в международное сообщество, указывая на ограниченную эффективность санкций и их тяжелые социальные последствия для населения страны. В августе 1996 г. во время официального визита делегации ВСНП в СРЮ (первой поездки китайских парламентариев в СРЮ после ее образования в 1992 г.) югославское руководство выразило заинтересованность в поддержке Китаем возвращения СРЮ в международное сообщество[921].

Важной вехой в развитии связей явился государственный визит президента СРЮ С. Милошевича в Китай в 1997 г., завершившийся подписанием Совместного заявления о развитии дружественных отношений и сотрудничества, в котором стороны подтвердили неприятие применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях и высказались за формирование более справедливого международного политико-экономического порядка, дали положительную оценку усилиям Белграда по укреплению мирного процесса в БиГ, урегулированию кризисов на территории бывшей

---

[919] 中国外交: 1996 年版. С. 268. [Дипломатия Китая. 1996].

[920] Из послания президента Российской Федерации Федеральному собранию: Россия и мир на пороге третьего тысячелетия // Дипломатический вестник. 1999. Апрель. № 4. С. 5.

[921] 全国人大代表团访问摩尔多瓦、南斯拉夫两国情况的书面报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1996 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 567–569. [Письменный отчет о визитах делегации ВСНП в Молдову и СРЮ / Бюллетень Постоянного комитета ВСНП. Т. за 1996 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

Югославии[922]. Как подчеркнул Цзян Цзэминь в ходе переговоров с президентом С. Милошевичем, «по многим важным вопросам мы находим взаимопонимание и оказываем друг другу поддержку». Он также отметил, что «Китай неизменно придает важное значение традиционной дружбе с Югославией и развитию двусторонних отношений. Китайское правительство готово и впредь поддерживать независимость, суверенитет и территориальную целостность Югославии»[923]. В период косовского кризиса и последующей военной агрессии НАТО Пекин и Белград поддерживали регулярные контакты по дипломатическим каналам: китайская позиция основывалась на принципах суверенитета и территориальной целостности СРЮ, трактовке косовской проблемы как внутреннего вопроса югославского государства и неприятии внешнего вмешательства.

В этот период Китай развивал отношения и с другими государствами на пространстве бывшей Югославии. Пекин поддержал послевоенное политическое устройство БиГ и голосовал за соответствующие резолюции СБ ООН. В 1997–1998 гг. официальные Пекин и Сараево завершили процесс оформления двусторонних отношений, создав дипломатические представительства.

Продолжилось развитие китайско-хорватских отношений: стороны нарастили объем сотрудничества в политической, экономической и культурной сферах. Китай последовательно поддерживал процесс мирной реинтеграции восточной Славонии.

Отношения со Словенией отличались стабильностью и регулярными контактами на высшем уровне, включая государственный визит президента Милана Кучана и переговоры по правопреемству договорной базы КНР с бывшей СФРЮ.

Развитие отношений с Македонией носило противоречивый характер: активизация двусторонних контактов имела место в 1996–1998 гг., а в 1999 г. они были прерваны после установления Скопье официальных связей с Тайванем. В ответ Пекин был вынужден наложить вето во время голосования в СБ ООН о продлении мандата миссии ООН в Македонии.

Внешнеполитический курс Пекина, его видение основных тенденций в развитии международных отношений, особенно событий в Косове, предопределили восприятие китайским руководством стратегии и конкретных действий основных акторов мировой политики – прежде всего США, стран Запада, их военно-политического альянса НАТО, а

---

[922] 中华人民共和国和南斯拉夫联盟共和国关于友好合作关系的联合声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Совместное заявление КНР и СРЮ о дружественных отношениях и сотрудничестве // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1997. № 35. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1997/gwyb199735.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[923] 江主席与米洛舍维奇总统会谈 // 人民日报. 14.11.1997. С. 1. [Председатель Цзян провел переговоры с президентом Милошевичем // Жэньминь жибао].

также России.

Китайское правительство, исходя из принципов защиты международного права и Устава ООН, решительно выступило против военного вмешательства НАТО в дела суверенного государства в обход СБ ООН, недвусмысленно выражая поддержку суверенитету и территориальной целостности СРЮ. Вместе с тем Китай продолжал придерживаться стратегического курса Дэн Сяопина из «28 иероглифов», отвечая на агрессию НАТО против СРЮ и бомбардировку посольства Китая в Белграде «в соответствии с законом и последовательно придерживаясь в этой борьбе принципа «обоснованно, выгодно, сдержанно» (有理、有利、有节). Главной целью Китая оставалось стремление «выиграть больше времени, не упустить ни одного шанса и сосредоточить все силы на собственном ускоренном развитии»[924]. Именно эту установку следует принимать во внимание при рассмотрении публичных выступлений руководителей Китая, официальных заявлений МИД КНР и выступлений представителей КНР в ООН.

Авторы различных правительственных заявлений уклонялись от прямых и четких определений характера и статуса АОК, осторожно указывая на деятельность сепаратистских и террористических элементов в регионе. В то же время китайские СМИ были склонны использовать более жесткие формулировки, обычно называя АОК «террористической организацией», «экстремистской организацией», а ее вооруженные отряды – «сепаратистскими вооруженными формированиями» или «незаконными вооруженными группировками».

Освещая испытания, через которые прошла СРЮ в период с февраля 1998 г. по июнь 1999 г., китайские СМИ и исследователи часто использовали такие термины, как «косовский кризис» (科索沃危机), «косовская проблема» (科索沃问题) и «косовская война» (科索沃战争). Вместе с тем содержание первых трех понятий варьируется в зависимости от предмета и исследовательских задач конкретного автора. Авторы XII тома «Истории международных отношений» рассматривают «косовскую войну» как результат эволюции косовского кризиса, истоки которого связываются с долгое время существовавшей в СРЮ национальной проблемой, обусловленной многолетними этнополитическими, религиозными и историческими противоречиями между сербами и албанцами. Поворотным моментом кризиса считается событие в Рачаке. До него конфликт развивался главным образом между албанскими вооруженными формированиями и СРЮ, тогда как после него он приобрел характер вооруженного противостояния между СРЮ и

924 *Цзян Цзэминь*. Избранное. Т. II. С. 377–378.

НАТО[925].

Наиболее четкое разграничение данных понятий предложил Кун Ханьбинь. По его мнению, «косовский вопрос» обозначает национальную проблему Косова, связанную со стремлением албанцев к отделению от Югославии; «косовский кризис» представляет собой кризис, возникший вследствие длительного нерешения этой проблемы; «косовская война» означает прежде всего воздушную операцию НАТО против СРЮ, начавшуюся в марте 1999 г. Вооруженные столкновения между югославскими силами безопасности и АОК, начавшиеся в марте 1998 г., автор рассматривает как составную часть этой войны[926]. Следует отметить, что термин «косовский кризис» в китайской историографии отличается определенной терминологической нестабильностью. В широком смысле им могут обозначаться все сепаратистские выступления в Косове начиная с 1960-х гг. Однако в большинстве исследований под косовским кризисом понимается совокупность вооруженных столкновений и международных событий, связанных с косовским вопросом, происходивших в период с марта 1998 г. по март 1999 г. Напротив, термин «косовская война» используется значительно более последовательно и, как правило, обозначает агрессию НАТО против СРЮ с марта по июнь 1999 г. При этом во втором издании Большой китайской энциклопедии термин «косовская война» трактуется как «война, развязанная с 24 марта по 10 июня 1999 г. странами Североатлантического альянса во главе с США против Югославии по косовской проблеме под предлогом гуманитарного интервенции»[927].

В академическом сообщества Китая оценивали и продолжают оценивать силовое вмешательство НАТО в СРЮ как «агрессию» возглавляемого США Североатлантического альянса против суверенного государства, одной из целей которой явилось дальнейшее сжатие стратегического пространства России и ослабление российского влияния в Европе. Тем не менее в официальных заявлениях Китая данная формулировка использовалась сравнительно редко.

3.1. Восприятие политики России официальными лицами и СМИ КНР (1996–1999 гг.)

Ведущие китайские государственные СМИ, включая газеты «Жэньминь жибао», «Хуаньцю шибао» и «Гуанмин жибао», вели постоянный мониторинг изменений позиции

---

925 国际关系史第十二卷(1990–1999). С. 290, 298. [История международных отношений. Т. 12: 1990–1999 гг.].

926 *孔寒冰*. 科索沃危机的历史根源及大国背景. С. 46–47. [*Кун Ханбин*. Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав].

927 Подробнее см. 中国大百科全书数据库 [База данных «Большая энциклопедия Китая»]. URL: https://h.bkzx.cn (дата обращения: 06.12.2025).

России во время косовского кризиса. Публикации в СМИ наглядно отражают имевшую место многоуровневую корректировку российской политики по данному вопросу: с одной стороны, китайские авторы подробно освещали официальные заявления руководства Кремля и МИД РФ, выступления представителя России в ООН. С другой стороны, они внимательно отслеживали суждения и высказывания российской оппозиции, резолюции Госдумы и комментарии ведущих СМИ, отражавшие внутренние разногласия и противоречивую динамику эволюции политики России по балканскому вопросу. Аналитические статьи основных российских СМИ (и информагентств, и газет), таких как ИТАР-ТАСС, «Известия», и «Независимая газета», активно перепечатывались и комментировались в китайской печати, что дополнительно позволяло китайским обозревателям продемонстрировать осторожный характер балканского курса России и корректировку ее политики в зависимости от ситуации в косовском вопросе. Благодаря такому многомерному освещению китайские СМИ не только всесторонне представляли основные векторы российской политики на Балканах, но и выявляли важные ориентиры для аналитических суждений о роли России в этом регионе.

Правительство Китая оказывало «ограниченную» поддержку СРЮ во время косовского кризиса и агрессивных действий НАТО в СРЮ, основываясь на собственных национальных интересах и нормах международного права. Позиция китайского правительства в отношении косовского кризиса претерпела значительную эволюцию. До начала военной операции НАТО 24 марта 1999 г. китайское руководство делало акцент на внутригосударственном характере конфликта при безоговорочном неприятии силового вмешательства; оно считало косовский вопрос внутренним делом СРЮ, не одобряло угроз НАТО по применению военной силы и выступало против вмешательства альянса, призывая международное сообщество проявить объективность ко всем сторонам конфликта. Однако после начала военной операции сил Североатлантического альянса против СРЮ последовало резкое осуждение военных действий НАТО: китайское правительство охарактеризовало их как проявление «политики канонерок», «гегемонизма», «политики силы», и даже «агрессии».

3.1.1. Позиция КНР и китайско-российское сотрудничество

При формировании собственной политики по косовскому вопросу Пекин последовательно руководствовался принципом действовать «обоснованно, выгодно, сдержанно», стремясь координировать свои шаги с Россией и другими странами. Уже на следующий день после парафирования Дейтонских соглашений 21 ноября 1995 г. на авиабазе США Райт-Паттерсон, 22 ноября, СБ ООН принял резолюцию 1022 о

приостановлении санкций против СРЮ на неограниченный срок[928]. Санкционный режим был окончательно отменен 1 октября 1996 г. резолюцией СБ ООН 1074[929]. Представители КНР и РФ проголосовали за принятие обеих резолюций. Тем не менее из-за сохранявшихся разногласий вокруг югославского вопроса и позиции ведущих западных государств проблема международно-правового статуса СРЮ, в том числе ее полноправное участие в деятельности ООН и других международных организациях, так и не была урегулирована. Вашингтон продолжил проведение в отношении Белграда жесткого курса, не желая нормализации отношений и проводя политику фактической «дипломатической изоляции», препятствуя вступлению СРЮ в ООН, МВФ и Всемирный банк. 23 февраля 1998 г. спецпосланник США по бывшей Югославии Р. Гелбард после встречи с президентом С. Милошевичем в Белграде заявил о позитивной оценке роли руководства Югославии в выполнении Дейтонских соглашений и в развитии мирного процесса в БиГ, пообещав предпринять соответствующие шаги навстречу. Однако вскоре, на фоне резкого обострения ситуации в Косове, Вашингтон объявил об отзыве своих обязательств по смягчению санкционного режима в отношении СРЮ, что вновь ухудшило американо-югославские отношения[930].

Первые высказывания официальных лиц КНР по косовскому вопросу появились только с начала марта 1998 г. 10 марта представитель МИД определенно заявил, что «СРЮ, как суверенное государство, должна пользоваться полным уважением своего суверенитета и территориальной целостности. По мнению Китая, косовский вопрос относится к компетенции Югославии и должен быть урегулирован соответствующими сторонами внутри страны». Он также ясно сформулировал позицию Пекина в отношении голосования в СБ ООН. По его словам, «СБ ООН не должен вмешиваться в косовскую проблему, относящуюся к внутренним делам Югославии»[931]. Это заявление ясно демонстрировало, что Пекин последовательно выступал против давления на Белград,

---

[928] Резолюция 1022 (1995), принятая Советом Безопасности на его 3955-м заседании 22 ноября 1995 г. S/RES/1022 (1995) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1022(1995) (дата обращения: 06.12.2025).

[929] Резолюция 1074 (1996), принятая Советом Безопасности на его 3700-м заседании 1 октября 1996 г. S/RES/1074 (1996) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1074(1996) (дата обращения: 06.12.2025).

[930] *吕岩松*. 美对南政策松动（综述）// 人民日报. 03.03.1998. С. 6. [*Лю Яньсун.* Смягчение политики США в отношении Югославии (обзор) // Жэньминь жибао]; 南总统强调政治解决科索沃问题，美宣布撤回对南缓解制裁承诺 // 人民日报. 07.03.1998. С. 6. [Президент Югославии подчеркнул необходимость политического решения косовского вопроса, США объявили об отзыве обещаний по смягчению санкций // Жэньминь жибао]; *Csongos F.* Yugoslavia: U.S. Moves to Punish Belgrade Over Kosovo // Radio Free Europe. Radio Liberty. March 09, 1998. URL: https://www.rferl.org/a/1088109.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 27.05.2026).

[931] 外交部发言人谈科索沃问题 // 人民日报. 11.03.1998. С. 1. [Представитель МИД высказался о косовской проблеме // Жэньминь Жибао].

являвшегося в этом случае односторонним, считая вмешательство извне, в том числе несбалансированные санкции, не только неэффективным, но и потенциально дестабилизирующим обстановку во всем регионе.

Через два дня китайское руководство ужесточило риторику по проблеме: на пресс-конференции 12 марта во время очередной сессии ВСНП вице-премьер Госсовета и министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь подробно изложил позицию Пекина по косовскому вопросу. При ответе на вопросы корреспондентов югославского и германского информационных агентств, Цянь Цичэнь отметил, что существо и смысл косовской проблемы должны рассматриваться исходя из принципов государственного суверенитета и территориальной целостности. По его словам, «Косово – это часть территории Югославии, вопрос относится к сфере ее суверенных прав и является внутренним делом Югославии. Любые меры, которые международное сообщество могло бы предпринять, должны способствовать миру и стабильности в регионе и в то же время предотвращать вмешательство во внутренние дела суверенного государства». Затрагивая тему возможного эмбарго на поставки вооружений, Цянь Цичэнь отметил, что при избытке оружия в регионе подобная мера «тоже может рассматриваться как один из вариантов». Вместе с тем он подчеркнул, что «одностороннее введение эмбарго только против Югославии не сможет полностью решить проблему». При этом Цян скорректировал прежнюю позицию МИД КНР, заметив, что обсуждение этого вопроса в рамках ООН, по его мнению, «не вполне уместно»[932].

Письмо президента СРЮ С. Милошевича председателю КНР Цзян Цзэминю от 16 марта по косовском вопросу [933] явилось еще одним фактом продуктивного взаимодействия Пекина и Белграда. Во время принятия 31 марта СБ ООН резолюции 1160, вводящей эмбарго на поставки оружия Югославии из-за ситуации в Косове, представитель КНР подчеркнул, что «вопрос о Косове является внутренним делом СРЮ. <...> Вмешательство Совета в урегулирование того или иного спора при отсутствии просьбы со стороны затронутой этим спором страны может создать негативный прецедент и повлечь сложные последствия отрицательного характера <...>». Он особо оговорил, что «проект резолюции не поможет привести стороны к переговорам. В равной мере неуместно как вынесение на рассмотрение Совета разногласий между Организацией по безопасности и

---

[932] 在九届人大一次会议记者招待会上钱其琛谈国际形势和中国对外政策 // 人民日报. 13.03.1998. С. 1. [На пресс-конференции первой сессии ВСНП IX созыва Цянь Цичэнь изложил позицию Китая по международной ситуации и внешней политике КНР // Жэньминь жибао].

[933] 中国外交: 1999 年版 / 中华人民共和国外交部政策研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1999. С. 329–330. [Дипломатия Китая. 1999 / Сост. Отдел политических исследований МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

сотрудничеству в Европе и СРЮ и вопросов о правах человека в Косове, так и увязывание возвращения СРЮ в состав международного сообщества с вопросом о Косове»[934]. 8 июня после вручения верительных грамот президенту СРЮ посол Китая в СРЮ Пань Чжаньлинь провел с президентом С. Милошевичем более чем часовую беседу. В ходе встречи, затрагивая ситуацию в Косове, югославский лидер обратил внимание посла на то, что усиление албанских сепаратистских сил в крае стало возможным благодаря поддержке извне[935]. Сходным образом прошла в Белграде 10 августа встреча с С. Милошевичем заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Пэн Пэйюня. Во время приема Пэн заявил о твердой поддержке Китаем урегулирования косовского вопроса путем политического диалога и подчеркнул, что Китай выступает решительно против любых военных действий или угроз применения силы со стороны внешних акторов против Югославии[936].

В дальнейшем министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань неоднократно подтверждал позицию китайского правительства, сделав это во время встреч с послом Югославии в Китае и в ответах на вопросы журналистов. Министр Тан акцентировал внимание на том, что косовский вопрос должен решаться путем переговоров, мирным путем при уважении суверенитета и территориальной целостности Югославии, а также обеспечении законных прав всех этнических групп в регионе Косово[937]. Тан также со всей определенностью заявил о противодействии Китая военным операциям, направленным против суверенного югославского государства, называя это грубым нарушением Устава ООН и общепризнанных норм международного права[938]. Помимо этого 15 августа глава МИД СРЮ Ж. Йованович направили обращения по косовскому вопросу министру иностранных дел Тан Цзясюаню[939].

При принятии 23 сентября резолюции 1199 СБ ООН по косовскому вопросу Китай воздержался при голосовании и одновременно выразил полную поддержку правительству

---

934 СБ ООН. Пятьдесят третий год. 3868-е заседание. 31 марта 1998 г. S/PV.3868 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3868 (дата обращения: 06.09.2025).

935 *潘占林*. 战火中的外交官. С. 5–8. [*Пань Чжаньлинь*. Дипломат в огне войны].

936 南总统会见我人大代表团 // 人民日报. 12.08.1998. С. 6. [Президент СРЮ встречается с делегацией ВСНП // Жэньминь Жибао].

937 中国外交: 1999 年版. С. 330–331. [Дипломатия Китая. 1999]; 中国外交: 2000 年版 / 中华人民共和国外交部政策研究室编. 北京: 世界知识出版社. 2000. С. 360–361. [Дипломатия Китая. 2000 / Сост. Отдел политических исследований МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].

938 唐家璇外长在九届全国人大二次会议举行的记者招待会上就国际形势和中国外交政策等答记者问 // 人民日报. 08.03.1999. С. 1. [Министр иностранных дел Тан Цзясюань на пресс-конференции второй сессии ВСНП девятого созыва отвечает на вопросы журналистов о международной обстановке и внешней политике Китая // Жэньминь Жибао].

939 中国外交: 1999 年版. С. 330. [Дипломатия Китая. 1999]. До настоящего времени содержание послания остается неизвестным.

Югославии. Представитель Китая Цинь Хуасунь подчеркнул, что «проблема Косова является внутренним делом СРЮ» и «должна и может решаться лишь самим народом Югославии и так, как он сочтет это нужным». Он заявил, что Китай «высоко оценивает позицию правительства СРЮ в отношении урегулирования проблемы Косова при помощи диалога без предварительных условий». Цинь Хуасунь отметил, что «в настоящее время положение в регионе Косово стабилизируется. Отсутствует широкомасштабный вооруженный конфликт и тем более какая-либо его эскалация. Правительство СРЮ также предпринимает ряд позитивных шагов, направленных на то, чтобы поощрить беженцев к возвращению в свои дома и создает условия для оказания гуманитарной помощи». Он призвал международное сообщество проанализировать реальную ситуацию в районе Косово и объективно и беспристрастно оценить позитивные усилия правительства СРЮ. По мнению китайской стороны, положение в районе Косово не создает угрозы международному миру и безопасности[940].

В выступлении министра иностранных дел Китая Тан Цзясюаня на 53-й сессии ГА ООН 23 сентября была проявлена обеспокоенность ситуацией в регионе Югославии и подчеркнута необходимость уважения ее суверенитета и территориальной целостности. Он заявил: «Мы с обеспокоенностью следим за развитием событий в югославском регионе Косово» и выразил надежду, что «заинтересованные стороны придут к решению этой проблемы при помощи политического диалога», в очередной раз напомнив о «необходимости уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии»[941]. Тогда же, используя возможности этого многостороннего форума ООН, Тан Цзясюань провел двустороннюю встречу «на полях ГА» с министром иностранных дел Югославии Живадином Йовановичем[942].

В октябре того же года на фоне угроз авиаударов НАТО по СРЮ представители КНР неоднократно заявляли позицию Китая. 1 октября президент Сербии М. Милутинович, от имени руководства СРЮ и по поручению Милошевича, принял посла Китая в Белграде Пан Чаньлина, обратился с просьбой к высшему руководству Китая постараться убедить западные страны воздержаться от применения силы против Югославии в связи с Косовом[943]. 6 октября официальный представитель МИД КНР заявил, что Китай последовательно выступает против применения или угрозы применения силы в

---

[940] СБ ООН. Пятьдесят третий год. 3930-е заседание. 23 сентября 1998 г. S/PV.3930 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3930 (дата обращения: 30.11.2025).

[941] ГА ООН. Пятьдесят третья сессия, 11-е пленарное заседание, 23 сентября 1998 г. A/53/PV.11 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=A%2F53%2FPV.11&i=A/53/PV.11_8234502 (дата обращения: 30.11.2025).

[942] 中国外交: 1999 年版. С. 330. [Дипломатия Китая. 1999].

[943] *潘占林.* 战火中的外交官. С. 13. [*Пань Чжаньлинь*. Дипломат в огне войны].

международных отношениях, призвал международное сообщество объективно оценить ситуацию в районе Косово, особо оговорив, что уважение суверенитета и территориальной целостности Югославии и прав всех народов является необходимым условием мирного разрешения конфликта. При этом действия международного сообщества должны соответствовать нормам международного права и Уставу ООН. Одновременно с этим заявлением министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань направил личное послание Генеральному секретарю ООН и министрам иностранных дел государств-постоянных членов СБ ООН. Помимо этого, он принял (9 октября) посла СРЮ в Китае, отметив в разговоре неменяющуюся принципиальную позицию КНР, и повторил, что ситуация в районе Косово является внутренним делом Югославии, а угрозы применения силы неприемлемы и могут лишь усугубить ситуацию[944]. 15 октября официальный представитель МИД КНР Тан Гоцян приветствовал положительные сдвиги в ситуации, произошедшие после достижения соглашений между президентом Югославии и спецпредставителем США по Косову, выразив надежду на продолжение конструктивных действий всех сторон для достижения мирного урегулирования[945].

Позиции Китая и России в отношении урегулирования конфликта в Косове во многом совпадали. Представители обоих государств, действуя на платформах международных организаций, прежде всего ООН, а также в формате двусторонних дипломатических контактов, активно взаимодействовали и регулярно обмениваясь информацией о своих взглядах по вопросам косовского кризиса. Летом и осенью 1998 г. Пекин и Москва не раз заявляли о готовности воспользоваться правом вето. 7 и 9 октября министры иностранных дел двух стран по дипломатическим каналам обменялись посланиями по косовскому кризису. Китайский министр, вновь подтвердил принципиальную позицию Пекина, категорически выступающего против силового решения косовской проблемы[946].

Рассмотрение косовского вопроса в СБ ООН 24 октября вновь продемонстрировало неизменную позицию Китая и России в отношении попыток НАТО добиться международной легитимации возможной силовой акции против СРЮ. 25 октября проект резолюции, подготовленный США, Великобританией и рядом других западных стран, все же был принят, но лишь после существенного смягчения ряда его формулировок,

---

[944] 唐家璇会见南斯拉夫驻华大使指出科索沃问题是南内部事务，威胁对南使用武力令人担忧 // 人民日报. 10.10.1998. С. 2. [Тан Цзясюань на встрече с послом СРЮ в КНР заявил, что косовская проблема является внутренним делом Югославии и что угрозы применения силы против Югославии вызывают озабоченность // Жэньминь жибао].

[945] 中国欢迎科索沃局势出现积极事态 // 人民日报. 16.10.1998. С. 4. [Представитель МИД заявил, что Китай приветствует положительные сдвиги в ситуации в Косове // Жэньминь Жибао].

[946] 中国外交: 1999 年版. С. 259. [Дипломатия Китая. 1999].

вызвавших серьезные возражения в Пекине и Москве. Китайский и российский представители в СБ ООН в итоге воздержались от голосования за западный проект. При разъяснении позиции Пекина постпред КНР при ООН Цинь Хуасунь указал, что югославское руководство уже предприняло значительные шаги для политического урегулирования, что требует объективной оценки международного сообщества. Цинь заявил о решительном осуждении попытки принятия решения о возможности применении силы без мандата СБ, расценивая это как вмешательство во внутренние дела суверенного государства и как опасный прецедент, подрывающий авторитет ООН. В это же время в ходе закрытых консультаций китайская делегация в ООН настояла на исключении из текста проекта всех упоминаний о возможности санкционирования применения силы или угрозы ее использования. Поправки были в значительной степени учтены, что позволило Пекину не голосовать против, а воздержаться в ходе голосования[947]. В комментарии МИД Китая 26 октября было в очередной раз отмечено, что первоначальная версия проекта резолюции «не соответствовала реальной обстановке и создавала крайне опасный прецедент в международных отношениях», и, если бы изначально имевшиеся в ней положения о фактической легитимизации силовых действий НАТО не были удалены, то Китай был бы вынужден проголосовать против. Несмотря на то, что итоговый текст все еще содержал неудовлетворительные формулировки, Пекин счел, что в значительно переработанном проекте были учтены его существенные озабоченности[948].

На состоявшейся 26 октября 1998 г. в Пекине встрече председателя Постоянного комитета ВСНП Ли Пэна с председателем Госдумы РФ Г.Н. Селезневым китайский руководитель обратил внимание собеседника на широкий круг общих интересов между двумя странами в международных делах и успешное сотрудничество в политическом урегулировании косовского кризиса. При обсуждении международной обстановки Ли Пэн выразил надежду совместными усилиями способствовать созданию справедливого и рационального нового международного политико-экономического порядка. Он отметил, что «современное мироустройство» постепенно развивается в направлении многополярности, и эта тенденция способствует формированию справедливого и рационального международного политико-экономического порядка, поскольку

---

[947] 因遭到中国和俄罗斯反对安理会未能就科索沃问题通过决议 // 人民日报. 25.10.1998. С. 2. [Из-за возражений Китая и России Совет Безопасности не смог принять резолюцию по косовскому вопросу // Жэньминь жибао]; Резолюция 1203 (1998), принятая Советом Безопасности на 3937-м заседании 24 октября 1998 г. S/RES/1203(1998) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1203%20(1998) (дата обращения: 14.12.2025).

[948] 就安理会通过关于科索沃问题决议草案外交部发言人发表评论 // 人民日报. 26.10.1998. С. 4. [Комментарий представителя МИД КНР в связи с принятием СБ проекта резолюции по косовскому вопросу // Жэньминь Жибао].

многополярность предпочтительнее однополярности»[949].

Прошедшая в Москве 23–25 ноября 1998 г. первая неформальная встреча руководителей Китая и России на высшем уровне ознаменовала собой очередной шаг в развитии неформальных отношений лидеров двух стран. По ее итогам была опубликована совместная декларация «Российско-китайские отношения на пороге XXI века», в которой стороны призвали к формированию «сбалансированного, стабильного, демократического и неконфронтационного нового порядка», особо подчеркнув, что «любые попытки обхода СБ ООН чреваты подрывом существующего механизма поддержания мира, возникновением хаоса в международных делах, установлением примата силы над международным правом». Значительное внимание в декларации уделялось и косовской проблематике. Лидеры КНР и РФ выразили озабоченность развитием ситуации в крае и указали, что «применение любых силовых вариантов может лишь усугубить противостояние в крае». Было отмечено, что взаимоприемлемое урегулирование в Косове должно быть «основано на уважении суверенитета и территориальной целостности СРЮ, соблюдении Устава ООН и общепризнанных принципов международного права, законных прав лиц всех национальностей, проживающих в Косове»[950].

Министр иностранных дел России И.С. Иванов в интервью еженедельнику «Ляован» накануне встречи руководителей Китая и России (это было его первое интервью зарубежному СМИ после вступления в должность) особо отметил, что регулярные контакты между главами внешнеполитических ведомств двух стран обеспечивают механизм постоянного согласования позиций по ключевым международным вопросам. Иванов подчеркнул, что «Россия и Китай, будучи мировыми державами и постоянными членами СБ ООН, несут особую ответственность за поддержание международного мира и безопасности». По его словам, «стабильность в мире и формирование многополярного международного порядка в значительной степени зависят от сотрудничества между Россией и Китаем. Укрепление российско-китайского стратегического партнерства, – по его оценке, – способствует повышению устойчивости международной политической системы и создает условия для смягчения и урегулирования современных международных конфликтов». Говоря о балканской проблематике, И.С. Иванов отметил, что «Россия имеет с балканскими государствами тесные экономические связи, а стабильность в этом регионе и мирное урегулирование конфликтов полностью соответствуют интересам

---

[949] 李鹏与谢列茨尼奥夫会谈 // 人民日报. 27.10.1998. С. 1. [Ли Пэн и Селезнев провели переговоры // Жэньминь Жибао].

[950] Российско-китайские отношения на пороге XXI веке // Дипломатический вестник. 1998. декабря. № 12. С. 8–9.

России»[951].

С января 1999 г. до начала натовской военной операции против СРЮ 24 марта официальная позиция Пекина по косовскому вопросу была последовательно отражена на всех уровнях дипломатической иерархии Китая. 7 января заместитель постпреда КНР при ООН Шэнь Гофан по результатам закрытых консультаций в СБ подтвердил принципиальный подход Пекина, напомнив, что Китай не поддерживает вмешательство СБ ООН в проблему Косова. Впервые официальный представитель КНР отметил, что именно сепаратистские и террористические силы в Косове, пользуясь международным давлением на Белград, подрывают процесс политического урегулирования, препятствуют возвращению беженцев и нормальной работе гуманитарных организаций(人道主义组织). Одновременно с этим был сделан акцент на то, что международное сообщество обязано строго уважать суверенитет и территориальную целостность СРЮ. «Сепаратистские и террористические формирования в косовском регионе СРЮ, используя одностороннее давление, оказываемое международным сообществом на югославское правительство, развернули масштабную вооруженные действия, что привело к угрозе миру и подрыву процесса политического урегулирования в регионе, а также воспрепятствовало возвращению беженцев в места их постоянного проживания и нормальной работе международных гуманитарных организаций»[952].

В самом конце января и весь февраль этот четко очерченный подход Пекина был неоднократно подтвержден в высказываниях официального представителя МИД КНР Чжан Циюэн. В комментарии заявления председателя СБ ООН, сделанного 31 января, она подчеркнула, что косовский вопрос может быть решен только путем диалога при уважении суверенитета СРЮ и законных прав всех этнических общин региона[953]. 21 февраля Пекин прямую высказался против применения военной силы, указав на сохранение серьезных рисков срыва переговоров, несмотря на произошедшие в их ходе

---

951 *李德平.* 俄中两国对维护世界和平与安全负有特殊责任 — 访俄外长伊万诺夫 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 48. С. 54–55. [*Ли Дэпин.* Россия и Китай несут особую ответственность за поддержание мира и безопасности во всем мире – интервью с министром иностранных дел РФ И. Ивановым // Еженедельник «Ляован»].

952 *顾震球.* 我代表在安理会重申中国对科索沃问题立场未变 // 人民日报. 09.01.1999. С. 3. [*Гу Чжэньцю.* Представитель Китая в Совете Безопасности вновь подтвердил неизменность позиции Китая по косовскому вопросу // Жэньминь Жибао].

953 外交部发言人表示中国主张对话解决科索沃问题 // 人民日报. 01.02.1999. С. 4. [Представитель МИД заявил, что Китай выступает за урегулирование косовской проблемы путем диалога» // Жэньминь Жибао].

отдельные сдвиги[954].

Позиция Китая после достижения в Рамбуйе политических соглашений была отражена 24 февраля министром иностранных дел КНР Тан Цзясюанем во время приема им посла СРЮ в Пекине. Министр КНР в очередной раз заявил, что военная акция против суверенного государства является грубым нарушением Устава ООН и международного права и способна привести лишь к дестабилизации обстановки в регионе[955].

После срыва парижских переговоров 21 марта МИД КНР вновь призвал стороны к сдержанности и продолжению поиска политического выхода из кризиса, обратив внимание на недопустимость силовых действий без мандата СБ ООН[956]. Эта позиция официального Пекина была подтверждена на самом высоком уровне, председателем КНР Цзян Цзэминем во время его встреч в Риме с лидерами Италии президентом О. Скалфаро и премьер-министром М. Д'Алема. Лидер Китая обозначил позицию Пекина: Косово – внутренний вопрос СРЮ, подлежащий решению на основе уважения ее суверенитета, территориальной целостности посредством диалога[957].

Начало авиаударов НАТО по СРЮ вызвало решительное осуждение со стороны Китая. Первые заявления об этом были сделаны Цзян Цземинем во время пребывания в Италии 25 марта 1999 г.: «Внутригосударственные вопросы, такие как ситуация в Косове, невозможно разрешить военными средствами. Это лишь усложнит проблему и дестабилизирует обстановку в регионе»[958]. 25 марта МИД КНР опубликовал развернутое заявление, излагающее позицию Китая относительно военных действий НАТО. В нем подчеркивалось, что «косовская проблема является внутренним делом Югославии и должна решаться югославскими сторонами самостоятельно». Правительство Китая призывало «к уважению суверенитета и территориальной целостности Югославии, выступив за мирное разрешение конфликтов при помощи переговоров и против

---

954 外交部发言人指出中国反对对南斯拉夫采取军事行动 // 人民日报. 22.02.1999. С. 1. [Представитель МИД отметил, что Китай выступает против применения военной силы в отношении Югославии].

955 *钱彤、刘云非.* 唐家璇会见南斯拉夫驻华大使阐述中国政府对科索沃问题立场 // 人民日报. 25.02.1999. С. 4. [*Цянь Тун, Лю Юньфэй.* Тан Цзясюань встретился с послом Югославии в КНР и изложил позицию китайского правительства по косовской проблеме» // Жэньминь Жибао].

956 外交部发言人强烈呼吁通过谈判妥善公正解决科索沃问题 // 人民日报. 22.03.1999. С. 1. [Представитель МИД настоятельно призвал к справедливому и надлежащему урегулированию косовской проблемы посредством переговоров» // Жэньминь Жибао].

957 江主席同斯卡尔法罗总统会谈 // 人民日报. 23.03.1999. С. 1. [Председатель КНР Цзян Цзэминь провел переговоры с президентом Италии О. Скальфаро // Жэньминь Жибао]; 江主席会见意总理达莱马双方表示应进一步加强对话与合作 // 人民日报. 24.03.1999. С. 1. [Председатель КНР Цзян Цзэминь встретился с премьер-министром Италии М. Д'Алемой; стороны заявили о необходимости дальнейшего укрепления диалога и сотрудничества // Жэньминь Жибао].

958 江泽民谈科索沃问题 // 人民日报. 25.03.1999. С. 1. [Цзян Цзэминь о косовской проблеме // Жэньминь Жибао].

применения силы или угрозы ее применения в международных делах, за уважение суверенитета и территориальной целостности всех государств, уважение права стран самостоятельно выбирать путь развития, против вмешательства во внутренние дела других стран под любым предлогом и любым способом». В заявлении МИД в очередной раз была дана позиция Пекина: КНР «выступает против действий в обход ООН и решительно требует немедленно прекратить военные нападения на Югославию»[959].

В тот же день в ЖМЖБ появилась статья обозревателя, где военные действия НАТО характеризовалось как «неприкрытая агрессия» и опасный прецедент в истории альянса, нарушающий Устав ООН и действующие нормы международных отношений. В статье также отмечалось, что развитие ситуации в Косове является результатом применения Западом «двойных стандартов» в пользу албанских сепаратистов[960].

26 марта, выступая на Конференции по разоружению в Женеве, Цзян Цзэминь решительно осудил военную операцию НАТО во главе с США, охарактеризовав ее как новую «политику канонерок», а также «проявление гегемонизма и политики силы». Лидер Китая без обиняков заявил, что «военные действия против Косова и других частей Югославии нарушают нормы, регулирующие международные отношения, и наносят ущерб миру в Балканском регионе»[961].

Экстренное заседание СБ ООН по запросу российской делегации и при поддержке председательствующего в том месяце постоянного представителя КНР при ООН Цинь Хуасуня было созвано в Нью-Йорке уже в день начала агрессии НАТО против Югославии. В своем выступлении Цинь Хуасун подверг серьезной критике военные действия НАТО против Югославии, охарактеризовав их как проявление «политики силы»[962]. 26 марта Китай поддержал на голосовании проект резолюции S/1999/328, внесенный Россией, Беларусью и Индией. Представитель КНР подчеркнул, что проект соответствует основным принципам Устава ООН и международного права, и выразил сожаление в связи с тем, что данный проект не был принят СБ ООН[963]. Три дна спустя Цзян Цзэминь, находясь с визитом в Австрии, направил отдельные послания президенту Югославии С.

---

[959] 中华人民共和国外交部声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление МИД КНР // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1999. № 10. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2025/issue_12246/ (дата обращения: 10.06.2026).

[960] 武力干涉，法理不容 // 人民日报. 25.03.1999. С. 1. [Силовое вмешательство юридически недопустимо // Жэньминь Жибао].

[961] Окончательный отчет о восемьсот двадцать втором пленарном заседании. 26 марта 1999 г. CD/PV. 822 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=CD%2FPV.822&i=CD/PV.822_3626117 (дата обращения. 20.09.2025).

[962] СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3988-е заседание. 24 марта 1999 г. S/PV.3988 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3988 (дата обращения: 20.09.2025).

[963] СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3989-е заседание. 26 марта 1999 г. S/PV.3989 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3989 (дата обращения: 20.09.2025).

Милошевичу и президенту США Б. Клинтону. В последнем председатель КНР потребовал немедленного прекращения военного вмешательства НАТО в дела Югославии[964]. Данную позицию Китая подтвердил и премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи на встрече с министром торговли США. Повторив уже изложенную в эти дни позицию Китая в отношении действий НАТО, он призвал к немедленному прекращению военных операций и политическим переговорам как единственному пути разрешения косовского кризиса[965].

Начало натовской военной агрессии против СРЮ привело к формированию в китайском обществе консенсуса, выразившегося в осуждении действий НАТО и поддержке югославского народа. 6 апреля в ЖМЖБ была опубликована статья обозревателя, впервые охарактеризовавшая действия НАТО как «катастрофическое попрание прав человека с позиции силы» и «преступление против человечности»[966]. Вслед за этим различные общественные организации Китая, среди которых были Всекитайскея федерация женщин, Китайская ассоциация за мир и разоружение, Всекитайская федерация профсоюзов и т.д., публиковали в ЖМЖБ статьи в поддержку «справедливой борьбы» югославского народа против бомбардировок НАТО. 4 мая Китайское общество по изучению прав человека опубликовало статью, в которой утверждалось, что концепция «примата права человека над суверенитетом» по своей сути является проявлением «гегемонизма».

Изложенный материал позволяет считать, что еще до бомбардировки посольства КНР в Белграде, и правительство, и общественность КНР, были настроены на поддержку Югославии по косовскому вопросу при любой возможности. По утверждению посла КНР в СРЮ, «присутствие нашего посольства и то, что наши дипломаты остаются на своих постах, также является поддержкой югославского народа»[967]. Заявляя об этом в условиях разрыва дипломатических отношений между СРЮ и США, Белград обратился к Пекину с просьбой представлять его интересы в Вашингтоне. Пекин ответил согласием, однако Госдепартамент США отказался принять данное предложение, мотивируя это тем, что характер китайско-югославских отношений не позволяет считать Китай нейтральным посредником[968].

Бомбардировка НАТО 7 мая посольства КНР в СРЮ вызвала решительный протест и недовольство Китая. В первые несколько дней после этого инцидента (8, 9 и 11 мая) на

---

964 中国外交: 2000 年版. С. 363. [Дипломатия Китая. 2000].

965 *邹春义.* 朱镕基会见美国商务部长 // 人民日报. 30.03.1999. С. 1. [*Цзоу Чуньи.* Чжу Жунцзи встретился с министром торговли США // Жэньминь жибао].

966 强权践踏人权 // 人民日报. 06.04.1999. [Права человека попраны силой // Жэньминь Жибао].

967 *潘占林.* 战火中的外交官. С. 68. [*Пань Чжаньлинь.* Дипломат в огне войны].

968 Там же. С. 63.

совещаниях Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК по вопросу ракетного удара по посольству КНР в Белграде, Цзян Цзэминь со всей определенностью сформулировал базовые позиции Китая в отношении косовской войны. Он охарактеризовал действия НАТО в Югославии как «незаконные» и «агрессивные», отметив необходимость разрешать международные споры исключительно путем мирных переговоров, с уважением суверенитета и территориальной целостности Югославии: «Мы с самого начала категорически выступаем против гегемонистских действий НАТО во главе с США, совершившей вооруженное нападение на СРЮ и попытавшейся навязать свою волю народу этой страны». Лидер КНР заявил о необходимости «эту четкую позицию твердо отстаивать. Мы надеемся, – заявил он, – что СРЮ учитывает законные права и интересы различных национальностей, и в то же время выступаем против вмешательства НАТО во внутренние дела СРЮ, против применения военной силы». Цзян вновь напомнил, что «применение НАТО военной силы против суверенного государства без мандата ООН является незаконной агрессией. Наша позиция неизменна. Международные споры нельзя разрешить войной, их надо разрешать путем мирных переговоров. Это важный принцип, который должен соблюдаться всем международным сообществом». Рассматривая причины удара по китайскому посольству, Цзян Цземинь отметил: «исходя из общей международной ситуации нападение НАТО во главе с США на наше посольство в СРЮ отнюдь не случайно. Наивно относиться к этому никак нельзя. Мы твердо стоим за международную справедливость, поэтому некоторые американцы чувствуют себя крайне неуютно. Они не подают вида, но в тайне смертельно ненавидят нас». Лидер Китая напомнил, что журналисты китайских СМИ в Белграде «правдиво рассказывали о проводимой США политике гегемонизма силы, выступали против американского вмешательства во внутренние дела СРЮ, постоянно сообщали о потерях среди невинного гражданского населения». Именно эта их деятельность вызывала резкую критику и опровержения со стороны США, в которых Китай обвиняли в том, что «его материалы очень односторонни и не учитывают американское мнение». Цзян напомнил, что именно США «совершили вооруженное вторжение в суверенное государство, что уж тут говорить о праве нас обвинять?!»[969].

12 мая 1999 г. во время приема находившегося с визитом в КНР федерального канцлера Германии Г. Шредера, премьер Госсовета Китая Чжу Жунцзи, воспользовавшись случаем, вновь изложил позицию Китая по косовскому вопросу и по ракетным ударом НАТО по китайскому посольству в СРЮ. «Китай всегда рассматривал косовский вопрос как внутреннее дело СРЮ, – заметил он. – Этнические и религиозные противоречия

[969] *Цзян Цзэминь*. Избранное Т. II. С. 374–375.

внутри страны сложны и глубоки, но их можно решать только политическим путем. Китай последовательно выступает за мирное разрешение кризиса в Косове, против применения НАТО силы и предупреждает, что внешнее военное вмешательство не только не помогает решению проблемы, но и усложняет ее. Применение силы крайне опасно». Чжу Жунцзи высказал и уже традиционный тезис об обходе НАТО роли СБ ООН: «НАТО во главе с США без одобрения СБ ООН, в обход Совета, наносит удары по СРЮ, что является грубым нарушением Устава ООН и международного права. Китай с самого начала выступал против таких действий и осуждал их». Чжу Жунцзи напомнил, что за 50 дней жестоких бомбардировок НАТО по СРЮ погибли и были ранены тысячи мирных жителей, сотни тысяч стали беженцами. Эта война, проводимая под предлогом «гуманитарной миссии», привела к крупнейшей гуманитарной катастрофе в послевоенной Европе». Выводы были неутешительными: «Бомбардировки НАТО не только нарастали. Они включали прямой ракетный удар по китайскому посольству, повлекший человеческие жертвы и разрушение здания, что является грубейшим нарушением суверенитета Китая. Правительство и народ Китая выразили глубокое возмущение этим актом насилия». Он напомнил Шредеру, что объяснение о «так называем "случайном попадании" не убедительно для китайской стороны и не воспринимается международной общественностью. Китай требует тщательного расследования инцидента и наказания виновных»[970].

Агрессия НАТО против СРЮ и ракетный удар по посольству Китая в Югославии также послужили катализатором для интенсификации китайско-российского сотрудничества в контексте косовского кризиса. Дипломатическое взаимодействие двух держав проявилось в нескольких ключевых аспектах. В институциональном плане координация осуществлялась через механизмы СБ ООН, когда обе страны, являясь его постоянными членами, заняли согласованную позицию. Это выразилось в совместном голосовании 26 марта за проект резолюции о прекращении военных действий НАТО. Также были интенсифицированы двусторонние дипломатические контакты на высшем уровне. В концептуальном плане позиции сторон базировались на следующих основных положениях: необходимость прекращения бомбардировок НАТО как предварительное условие для политического урегулирования; признание суверенитета Югославии; приоритетная роль ООН в разрешении кризиса.

Поездка в Белград председателя правительства РФ Е.М. Примакова 30 марта получила высокую оценку МИД КНР. Его представитель выразил признательность усилиям российского правительства по мирному урегулированию косовского кризиса.

[970] 聚焦科索沃（上） // 郑刚主编. С. 22. [Фокус на Косово. Т. I. // Под ред. Чжэн Гана].

Высокую оценку в Пекине получило зачитанное в тот же день послание президента России «О положении в стране и основных направлениях политики РФ» [971]. Представитель МИД КНР отметил проявление Россией и Китаем солидарности в косовском вопросе. В состоявшемся 10 мая телефонном разговоре между Цзян Цзэминем и Б.Н. Ельциным военные удары НАТО по Югославии были названы «политикой канонерок» и отмечено, что Китай и Россия, как постоянные члены СБ ООН и влиятельные мировые державы, несут важную ответственность за поддержание справедливости и мира[972].

По поручению Б.Н. Ельцина специальный представитель президента России В.С. Черномырдин 11 мая передал китайскому руководству информацию об усилиях России по политическому урегулированию косовской проблемы. В ходе состоявшихся у него встреч с председателем КНР Цзян Цзэминем, премьером Госсовета Чжу Жунцзи и министром иностранных дел Тан Цзясюанем эти российские инициативы были встречены с пониманием. Цзян заявил, что «Китай и Россия <...> несут общую историческую ответственность за поддержание справедливости и мира» и вновь высоко оценил ясную позицию президента Ельцина по политическому урегулированию косовского кризиса. Премьер Госсовета Чжу также отметил наличие у Китая и России «широкого единства мнений по косовскому вопросу – обе страны с самого начала выступали против применения силы, требовали от НАТО прекращения бомбардировок и политического решения косовского кризиса». Чжу отметил необходимость для обеих стран «продолжать укреплять связи и консультации, что соответствует не только интересам двух стран, но и способствует миру во всем мире»[973].

Возвращение В.С. Черномырдина в Москву и его доклад президенту Ельцину об итогах поездки в Пекин активно освещались в китайских СМИ. Пресса КНР неоднократно отмечала, что «позиции России и Китая по урегулированию югославского кризиса полностью совпадают». В материалах подчеркивалось: обе страны считают, что прекращение бомбардировок НАТО является предпосылкой для политического решения косовской проблемы, а сама формула урегулирования должна получить согласие суверенной Югославии[974]. В Пекине отметили также упомянутый Черномырдиным 24 мая тезис, что «в нынешней ситуации России, Китаю и Индии следует более тесно

---

[971] Послание Президента Российской Федерации от 30.03.1999 г. б/н // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400/page/1 (дата обращения: 19.09.2025).

[972] 聚焦科索沃（上）// 郑刚主编. С. 19. [Фокус на Косово. Т. I // Под ред. Чжэн Гана].

[973] Там же. С. 20, 21.

[974] *刘刚*. 在谴责北约轰炸我使馆及解决南斯拉夫危机上中俄取得一致立场 // 环球时报. 14.05.1999. С. 12. [*Лю Ган.* Китай и Россия достигают единой позиции в осуждении бомбардировки посольства и решении югославского кризиса // Хуаньцю шибао].

координировать свои позиции по продвижению мирного процесса на Балканах»[975].

Официальный визит в Китай 1–3 июня 1999 г. министра иностранных дел России И.С. Иванова по приглашению китайской стороны позволил в ходе консультаций с его коллегой еще основательнее обсудить актуальные международные вопросы. В опубликованном «Совместном коммюнике пекинской встречи» была зафиксирована общая позиция сторон в отношении действий НАТО в Югославии: указано, что они «являются серьезным нарушением Устава ООН и общепризнанных основополагающих норм международного права». Также было отмечено, что «решение обвинителя Международного трибунала по бывшей Югославии подписать обвинительное заключение в отношении высших политических и военных руководителей СРЮ не может восприниматься иначе как акция, мотивированная сугубо политическими соображениями»[976]. Российский министр Иванов был принят Цзян Цзэминем и Чжу Жунцзием, высоко оценившими дипломатические усилия России по урегулированию косовского кризиса. Прозвучавшая в совместном коммюнике тезис о МТБЮ был подтвержден 1 июня 1999 г. в официальном заявлении представителя МИД КНР: обвинения МТБЮ против руководства Югославии названы «политическим заговором» небольшого числа стран НАТО во главе с США» с целью «попытки легитимизировать агрессивную войну НАТО во главе с США против суверенной Югославии, продолжить давление на нее, сорвав усилия по политическому урегулированию косовского кризиса»[977].

Еще один телефонный разговор руководителей Китая и России, состоявшийся 8 июня, был посвящен обмену мнениями о развитии косовского кризиса. Обе стороны подчеркнули важность сохранения авторитета и роли ООН в международных делах и совместно призвали НАТО немедленно прекратить военные действия. Цзян Цзэминь отметил, что военные действия НАТО против Югославии не являются изолированным инцидентом, а затрагивают фундаментальный вопрос о характере будущего международного порядка и направления развития мира в XXI в.[978]. На следующий день в Москве заместитель председателя Центрального военного совета КНР Чжан Ваньянь на встрече с премьер-министром России С.В. Степашиным отметил готовность Китая

---

[975] 俄特使认为须就和解作决断 // 人民日报. 25.05.1999. С. 6. [Российский посланник считает необходимым принять решение о примирении // Жэньминь Жибао].

[976] Визит И.С. Иванова в Китая // Дипломатический вестник. 1999. Июль. № 7. С. 18.

[977] 外交部发言人评前南刑庭起诉南联盟领导人 // 人民日报. 02.06.1999. С. 4. [Представитель МИД комментирует обвинение Международным трибуналом по бывшей Югославии лидеров СРЮ // Жэньминь Жибао].

[978] 就科索沃问题交换意见，江主席与叶利钦总统通话 // 人民日报. 09.06.1999. С. 1. [Председатель Цзян и президент Ельцин обмениваются мнениями по косовскому вопросу // Жэньминь Жибао].

координировать усилия и расширять сотрудничество с Россией в различных сферах, совместно выступать против гегемонизма и политики силы, содействовать дальнейшему движению мира в направлении многополярности и продвигать формирование справедливого и рационального международного политического и экономического порядка[979].

В начале июня наметилась консолидация позиций Китая и России по проекту резолюции о политическом урегулировании косовского вопроса, представленному «Большой восьмеркой» на рассмотрение СБ ООН. Сближение наглядно проявилось по процедурным вопросам: обе страны требовали, чтобы НАТО сначала прекратило бомбардировки, и только после этого Совбез мог бы провести голосование по проекту этого документа. 8 июня постоянный представитель Китая при ООН подчеркнул, что ООН должна играть решающую роль в политическом урегулировании косовской проблемы в Югославии[980]. В тот же день специальный посланник ЕС по косовскому вопросу, президент Финляндии Марти Ахтисаари, находясь с визитом в Пекине, проинформировал председателя КНР Цзян Цзэминя о последних дипломатических усилиях по поиску политического решения. В ходе встречи Цзян Цзэминь изложил позицию Китая относительно складывающейся международной обстановки и подчеркнул необходимость урегулирования кризиса на основе принципов Устава ООН[981].

После принятия 10 июня 1999 г. резолюции 1244 натовские бомбардировки были прекращены, и китайская делегация не стала препятствовать утверждению этого документа, приняв во внимание согласие Белграда с мирным планом, а также тот факт, что итоговый текст подтверждал цели и принципы Устава ООН. Руководитель китайской делегации ограничился осуждением военных ударов США по СРЮ. «По сути теория примата прав человека над суверенитетом, – заметил он, ведет к посягательству на суверенитет других государств и содействует установлению гегемонии под предлогом защиты прав человека, что полностью противоречит целям и принципам Устава ООН»[982].

---

[979] *刘刚.* 俄总理会见张万年 // 人民日报. 10.06.1999. С. 6. [*Лю Ган.* Премьер-министр России встретился с Чжан Ваньнянем // Жэньминь жибао]; *刘刚.* 叶利钦与张万年电话交谈，张万年会见普京与谢尔盖耶夫会谈 // 人民日报. 11.06.1999. С. 6. [*Лю Ган.* Ельцин провел телефонный разговор с Чжан Ваньнянем; Чжан Ваньнянь встретился с Путиным и провел переговоры с Сергеевым // Жэньминь жибао].

[980] *顾震球.* 我代表强调解决科索沃危机，联合国必须发挥决定性作用 // 人民日报. 10.06.1999. С. 6. [*Гу Чжэньцю.* Наш представитель подчеркивает, что ООН должна играть решающую роль в решении косовского кризиса // Жэньминь Жибао].

[981] 江主席会见阿赫蒂萨里总统 // 人民日报. 09.06.1999. С. 1. [Цзян Цзэминь встретился с президентом А. Ахтисаари // Жэньминь жибао].

[982] СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 4011-е заседание. 10 июня 1999 г. S/PV. 4011 // ООН URL: https://docs.un.org/S/PV.4011 (дата обращения: 05.01.2026).

Так как проект резолюции не полностью отражал принципиальную позицию и обоснованные китайскими участниками заседания опасения, делегация КНР 9 июня предложила поправки к проекту резолюции, требуя добавить фразу «памятуя о принципах и целях Устава ООН, включая главную ответственность СБ за поддержание международного мира и безопасности». Пекин также хотел ограничить применение силы международными миротворческими подразделениями без санкции, ссылаясь на Главу VII Устава ООН. Третьим пунктом высказанной позиции в тот день стали возражения против включения МТБЮ в проект резолюции[983].

Близкие позиции Китая и России в косовской войне были, с одной стороны, совместными усилиями по поддержанию справедливости в международном сообществе, а с другой – взаимной стратегической поддержкой друг друга. Основы такого взаимодействия были заложены еще в 1996 г., когда Китай и Россия официально заявили об установлении отношений стратегического партнерства. Косовский кризис послужил мощным катализатором активизации китайско-российского взаимодействия в рамках региональных многосторонних механизмов. В совместном заявлении участников Алматинской встречи (Казахстан, КНР, Кыргызстан, РФ и Таджикистан) от 3 июля 1998 г. была подтверждена приверженность общепризнанным принципам взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, равенства и невмешательства во внутренние дела, а также ориентация на разрешение споров и разногласий между государствами путем дружественных консультаций[984]. Данный подход получил дальнейшее развитие в Бишкекском заявлении глав государств «Шанхайской пятерки» от 25 августа 1999 г., в котором особо подчеркивалось неприятие применения силы или угрозы силой в международных отношениях СБ ООН[985]. По мнению известного китайского политолога Янь Сюэтуна (в тот момент – эксперта Китайского института современных международных отношений), несмотря на солидарный протест Китая и России против военных действий НАТО в Югославии, в их политических шагах сохранялась определенная дистанция. Исследователь указывал: «Китай выступал против нарушения НАТО международных правил невмешательства во внутренние дела только из принципа, в то время как Россия руководствовалась стратегическими интересами,

---

[983] *符福渊, 周德武.* 安理会通过决议前后（通讯）// 人民日报. 12.06.1999. С. 3. [*Фу Фуюань, Чжоу Дэву.* До и после принятия резолюции Совбезом (сообщение) // Жэньминь Жибао].

[984] Письмо постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации и Таджикистана при ООН от 9 июня 1998 года на имя Генерального секретаря. A/52/978 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/257268?ln=en (дата обращения: 19.12.2025).

[985] Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан // Дипломатический вестник. 1999. № 9. Сентябрь. С. 19.

протестуя против того, что НАТО не предоставило России равного статуса в решении вопросов европейской безопасности»[986]. В свою очередь Вашингтон рассматривал Китай и Россию как государства, имеющие особые отношения с Сербией. Во время обсуждения в Палате представителей Конгресса США резолюции «Об объявлении состояния войны между США и правительством СРЮ» один из конгрессменов подчеркнул, что «все страны, связанные с Сербией, могут рассматриваться как потенциальные противники США и, следовательно, втягиваться в балканский конфликт». При этом особую обеспокоенность, по его мнению, вызывало то обстоятельство, что «ввиду особых отношений Китая и России с Сербией США в правовом отношении рисковали оказаться в состоянии войны с двумя крупнейшими ядерными державами»[987].

3.1.2. Осторожная и изменчивая политика России

1998 год представляется возможным определить как начало фазы серьезных разногласий между Москвой и Западом (прежде всего с Вашингтоном) по вопросам косовского кризиса. Россия решительно выступила против введения новых санкций против Югославии, заявив о недопустимости вмешательства внешних сил во внутренние дела этой страны.

Заявление специального представителя США по вопросам Боснии Роберта Гелбарда о готовности Вашингтона при необходимости рассмотреть возможность применения силы в этом крае, прозвучавшее вскоре после обострения ситуации в Косове, было незамедлительно передано в материале корреспондента агентства «Синьхуа» в Вашингтоне 4 марта, опубликованном в ЖМЖБ 6 марта 1998 г.[988]

Первые шаги к интернационализации косовского конфликта были сделаны в ходе заседания КГ[989] 9 марта 1998г. в Лондоне. На следующий день газета «Справочные новости» со ссылкой на агентство Франс Пресс от 8 марта сообщала о проявившихся серьезных разногласиях между членами КГ, прежде всего между представителями России и США. Москва предупредила партнеров по КГ о недопустимости прямого вмешательства

---

986 *阎学通*. 中国外交要面对现实 // 环球时报. 23.07.1999. С. 14. [*Янь Сюэтун*. Китайской дипломатии необходимо смотреть в лицо реальности // Хуаньцю шибао].

987 Declaring State of War Between United States and Government of Federal Republic of Yugoslavia // library of Congress. April 28, 1999. Vol. 145. № 59. URL: https://www.congress.gov/congressional-record/volume-145/issue-59/house-section/article/H2427-1 (дата обращения:19.09.2025).

988 阿尔巴尼亚反对激化冲突, 美国声称必要时军事干预 // 人民日报. 06.03.1998. С. 6. [Албания выступает против эскалации конфликта, США заявляют о возможности военного вмешательства в случае необходимости // Жэньминь жибао].

989 *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. С. 61.

во внутренние дела СРЮ[990]. 11 марта ЖМЖБ отмечала, что Россия высказала многочисленные возражения против принятия совместного заявления, в том числе отказалась поддержать введение новых санкций против Югославии[991]. Как вспоминал Е.М. Примаков: «Запад высказал предложение о введении экономических и иных санкций против СРЮ. У России была особая позиция по ряду положений предлагаемого документа, но временные ограничения на поставки в СРЮ оружия и техники военного назначения она все же поддержала»[992].

Для активизации всего комплекса двусторонних отношений с государствами региона и сохранения активной роли России в ее посреднических усилиях в югославском урегулировании министр иностранных дел России Примаков с 17 по 21 марта 1998 г. совершил рабочую поездку в ряд новых государств-наследниц СФРЮ. Он посетил СРЮ, БиГ, Хорватию и Словению с расчетом на то, что лидеры этих стран, как полагали в Москве, в целом разделяли российский подход к решению косовского вопроса из-за «его взвешенного и недискриминационного характера»[993]. Между тем, как оказалось, это был поверхностный взгляд. В мемуарах Е.М. Примаков писал о том, как прилетев в Белград, убеждал С. Милошевича выступить с инициативой по урегулированию косовского вопроса: отвести югославские воинские подразделения в места их постоянной дислокации, взять на себя ответственность за начало переговоров с лидером косоваров Руговой и дать согласие на приезд наблюдателей ОБСЕ в Косово и Метохию. Тем не менее, по оценке российского премьера, Запад рассматривал косовскую проблему как возможность окончательного демонтажа Югославии при одновременном резком ослаблении Сербии[994]. Поездка Примакова привлекла внимание китайских СМИ. ЖМЖБ посвятила ей два материала своего корреспондента в Белграде Люй Яньсуня. В аналитической статье от 23 марта 1998 г., напомнив, что Россия активно следит за ситуацией в Косове и занимает «уникальную позицию», отличающуюся от США и ведущих европейских стран, особенно в вопросе санкций против СРЮ, он отметил более благожелательное отношение Москвы к Белграду и объяснил это несколькими обстоятельствами. Во-первых, Россия последовательно выступала против независимости Косова, полагая, что одностороннее давление на югославское правительство является несправедливым и одновременно

---

990 六国联络组在科索沃问题上分歧严重 // 参考消息. 10.03.1998. С. 2. [В Контактной группе существуют серьезные разногласия по косовскому вопросу // Справочные новости].

991 前南国际问题联络小组举行会议 // 人民日报. 11.03.1998. С. 6. [Состоялось заседание Контактной группы по международным вопросам бывшей Югославии // Жэньминь Жибао].

992 *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. С. 342–343.

993 Поездка Е.М. Примакова в регион бывшей Югославии // Дипломатический вестник. 1998. № 4. Апрель. С. 7–8.

994 *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. С. 343.

способствует росту сепаратистских настроений среди албанского населения, что не отвечает интересам стабильности в регионе. Во-вторых, использование западными государствами этнического фактора как инструмента давления на Югославию могло создать опасный прецедент, который в будущем может осложнить решение этнополитических проблем в самой России, в том числе и чеченскую. В-третьих, Россия стремилась защитить свои традиционные интересы на Балканах, исходя из необходимости поддержания баланса сил и системы региональной безопасности. По оценке автора материала, поддержка со стороны России являлась ключевым фактором, позволявшим югославскому руководству противостоять внешнему давлению в условиях косовского кризиса. Вместе с этим Янсунь высказал сомнения относительно предложений России предоставить Косову широкую автономию, а также последующих возможных шагов Москвы в этом направлении[995].

В опубликованной в тот же день в еженедельнике «Ляован» статье «Не следует забывать уроки боснийской войны» было отмечено резкое расхождение позиции России по косовскому вопросу с курсом США: Москва выступала против международного вмешательства в косовский вопрос и введения санкций против СРЮ, считая перекладывание Западом всей ответственности на ее правительство необъективным подходом[996].

В последующих материалах ЖМЖБ значительное внимание было отведено принципиальным различиям между российской позицией и политикой США и европейских государств с акцентом на позицию Москвы. Выступая против одностороннего давления на югославское руководство и настаивая на более гибкой линии поведения в отношении Белграда, Россия, по меткому выражению корреспондента, предпочитала давать «морковку вместо палки» (多用«蜜糖»少用«鞭子»). США же, напротив, с момента обострения ситуации в Косове стали занимать все более жесткую позицию: президент Б. Клинтон и государственный секретарь М. Олбрайт не исключали необходимости применения силы против СРЮ и активно продвигали введение целого ряда дополнительных санкций. Эти американские инициативы вели к дальнейшему давлению на Белград и стимулировали принятие СБ ООН решения о введении эмбарго на

---

995 *吕岩松*. 俄外长访问南斯拉夫, 美主张在科索沃问题上对南加大压力 // 人民日报.19.03.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Министр иностранных дел России посетил Югославию. США выступают за усиление давления на Белград по косовскому вопросу // Жэньминь жибао]; *吕岩松*. 俄罗斯关注科索沃（综述） // 人民日报. 23.03.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Россия пристально следит за ситуацией в Косове (обзор) // Жэньминь Жибао].

996 *俱孟军*. 勿忘波黑战争的教训 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 12. С. 41. [*Цзюй Мэнцзюнь.* Не следует забывать уроки боснийской войны // Еженедельник «Ляован»].

поставки вооружений Югославии. Как вспомнил Е.М. Примаков, на заседании в Бонне 25 марта 1998 г. «Госпожа Олбрайт, представлявшая США на Контактной группе, настаивала на принятии резолюции, которая эскалировала давление на Белград и предусматривала применение силовых приемов»[997].

Важное значение для понимания ситуации имел материал корреспондента ЖМЖБ Янь Чжэна, опубликованный 14 апреля 1998 г. и содержавший первый подробный анализ американской стратегии на Балканах. В нем было отмечено, что жесткая линия Вашингтона по отношению к Югославии являлась частью более широкой балканской стратегии США. Американская политика была охарактеризована как направленная на формирование стабильного «пояса безопасности», который должен ослабить российские позиции в регионе, а в перспективе – вытеснить Россию с Балкан и тем самым еще более сузить ее пространство для участия в международной политике[998].

Стремительное ухудшение с мая 1998 г. ситуации в Косове, рост интенсивности вооруженных столкновений повлекли за собой значительное увеличение потоков беженцев. Это сопровождалось ростом активности посреднических усилий специального посланника США Р. Холбрука, содействовавшего проведению 15 мая 1998 г. в Белграде первой очной встречи президента СРЮ С. Милошевича с лидером косовских албанцев И. Руговой. Встреча, по мнению китайских СМИ, стала началом попыток перехода к переговорному формату урегулирования кризиса[999]. Произошедшее в тот же период присоединение России к «Группе семи» / G7, превратившее ее в «Большую восьмерку» также привлекло внимание китайских СМИ. Аналитики КНР детально анализировали роль Москвы в рамках этого многостороннего механизма, фиксируясь в первую очередь на ее участии в поиске дипломатических путей разрешения косовского кризиса. Китайская пресса отмечала новое неоднозначное положение РФ, описывая Россию как страну, которая «зашла в прихожую, но не вошла в комнату» (登堂而未入室). И все же китайские наблюдатели подчеркивали, что Россия добилась значимых результатов, – в итоговых документах, согласованных 17 мая лидерами государств G8 на встрече в Бирмингеме[1000], были учтены предложения Москвы о равномерном давлении на обе

---

997 Свидетельские показания Е.М. Примакова // Говорят свидетели защиты: Суд над Слободаном Милошевичем. М.: Вече, 2005. С. 270.

998 *严正.* 美对南政策透视 — 兼析美国巴尔干战略（新闻分析）// 人民日报. 14.04.1998. С. 6. [*Янь Чжэн.* Взгляд на политику США в отношении Югославии – Анализ балканской стратегии США (анализ новостей) // Жэньминь Жибао].

999 *吕岩松.* 南总统会见阿族领导人 // 人民日报. 18.05.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Встреча президента СРЮ с албанскими лидерами // Жэньминь жибао].

1000 Первая встреча Группы восьми в этом формате прошла в Бирмингеме с 15 по 17 мая 1998 г.

стороны конфликта в Косове[1001].

Значимым событием стала встреча 30 мая Б. Клинтона и И. Руговы, организованная по инициативе президента США в целях демонстрации заинтересованности и вовлеченности Вашингтона в косовский вопрос[1002]. 8 июня Белый дом объявил о введении новых санкций против СРЮ, включавших замораживание всех югославских активов в США и запрет на инвестиции американских компаний в СРЮ. ЕС сделал аналогичные шаги. В опубликованной через два дня в ЖМЖБ статье «США объявляют о новых санкциях против Югославии – Россия заявляет о неотделимости Косова от СРЮ» сообщилось о принципиально отличной позиции России от подходов США. В газете цитировалось выступление Б.Н. Ельцина в Бонне и заявление его пресс-секретаря, в которых подчеркивалось, что Косово является неотъемлемой частью СРЮ. Москва настаивала на том, что в сложившейся ситуации следует оказывать политическое давление на все вовлеченные в конфликт стороны с целью как можно скорее возобновить диалог, а не прибегать к односторонним санкциям или военному давлению[1003].

Значительное поднятие градуса напряженности в регионе произошло в результате заявления НАТО в июне 1998 г. о возможной военной интервенции. В сообщениях этого периода ЖМЖБ подчеркивала решительное противодействие России в рамках СБ ООН подобным планам. Газета вновь отметила уникальную роль России на Балканах, указывая, что ее интересы не могут быть полностью проигнорированы Западом, поскольку в противном случае это подорвет отношения Москвы с НАТО[1004].

Согласно воспоминаниям Е.М. Примакова, в Москве отчетливо осознавали опасность применения военной силы НАТО против Югославии, в связи с чем президент Б.Н. Ельцин направил С. Милошевичу послание о срочном приглашении его в Москву[1005]. 15 июня, накануне прилета Милошевича в Москву, Ельцин во время телефонного разговора с Б. Клинтоном недвусмысленно заявил о намерении оказать давление на югославского лидера, параллельно заметив, что «если будет нанесен удар НАТО по Югославии без санкции СБ ООН, то он будет рассматриваться как удар по

[1001] *刘刚.* 登堂而未入室（综述）— 俄成为八国集团成员 // 人民日报. 21.05.1998. С. 6. [*Лю Ган.* Войти в дом, но не пройти в покои: Россия стала членом Большой восьмерки (обзор) // Жэньминь Жибао].

[1002] *Erlanger S.* Clinton Meets Delegation from Kosovo Seeking Talks // The New York Times. May 30, 1998. URL: https://www.nytimes.com/1998/05/30/world/clinton-meets-delegation-from-kosovo-seeking-talks.html (дата обращения: 22.11.2025).

[1003] 美宣布对南实行新制裁，俄称科索沃与南不可分 // 人民日报. 10.06.1998. С. 6. [США объявляют о новых санкциях против СРЮ, Россия заявляет о неотделимости Косова от СРЮ // Жэньминь Жибао].

[1004] *吕岩松.* 军事干预并非良策 // 人民日报. 16.06.199. С. 8. [*Люй Яньсун.* Военная интервенция – не лучшее решение // Жэньминь Жибао].

[1005] *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. С. 349.

сотрудничеству между Россией и НАТО»[1006]. В ходе состоявшихся 16 июня переговоров Милошевич и Ельцин обсудили весь комплекс вопросов, связанных с косовским урегулированием, и подписали совместное заявление. По мнению российской стороны, это послужило значительным шагом на пути к предотвращению дальнейшей эскалации насилия в Косове и Метохии, а также выводу кризиса в русло мирного политического урегулирования[1007]. Впрочем, как отмечала в своем комментарии газета «Коммерсантъ», переговоры: «не устранили угрозы военного вмешательства НАТО в Косово». В издании указывалось, что югославский лидер «не пошел на серьезные уступки Б. Ельцину, по сути подтолкнув Москву к конфронтации с Западом». ЖМЖБ обошлась без подобных обобщений, лишь сообщив о телефонном разговоре Ельцина и Клинтона 15 июня и о встрече президента России с Милошевичем 16 июня, оставив читателей без аналитического комментария произошедших в Москве событий. В китайской публикации были изложены основные тезисы, российско-югославского заявления, а также приведены оценки и комментарии, сделанные в Албании, правительством США и в отдельных СМИ, в которых подчеркивалось, что Белград не полностью выполнил требования КГ[1008].

В последующий период ЖМЖБ уделяла особое внимание реализации Россией и Югославией положений московского совместного заявления 16 июня. В номерах этой газеты за 25, 28 июня и 7 июля были опубликованы материалы о встрече заместителя министра иностранных дел РФ Н.Н. Афанасьевского со С. Милошевичем, а также о параллельных переговорах Р. Холбрука и с лидером косовских албанцев И. Руговой[1009]. В аналитической статье выпуска ЖМЖБ от 7 июля была дана комплексная характеристика позиций США, ЕС и России по косовскому кризису. В материале подчеркивалось, что расхождения между Россией и Западом по данной проблематике становятся все более очевидными и приобретают конфронтационный характер: «Россия традиционно поддерживает тесные связи с СРЮ и рассматривает участие в урегулировании кризиса как

[1006] Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. June 15, 1998. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101530 (дата обращения: 24.11.2025).

[1007] Визит С. Милошевича в Россию // Дипломатический вестник. 1998. Июль. № 7. С. 4.

[1008] *王城, 陶志彭.* 俄美希望尽快解决危机, 南总统同意与阿族谈判 // 人民日报. 17.06.1998. С. 6. [*Ван Чэн, Тао Чжипэн*. Россия и США выступают за скорейшее урегулирование кризиса; президент СРЮ согласился на переговоры с косовскими албанцами... // Жэньминь жибао]; *吕岩松, 袁炳忠.* 南俄强调政治解决危机, 阿对俄南总统会谈不满 // 人民日报. 18.06.1998. С. 6. [*Люй Яньсун, Юань Бинчжун*. Югославия и Россия подчеркивают необходимость политического урегулирования кризиса; албанская сторона выразила недовольство переговорами между президентами России и Югославии // Жэньминь жибао].

[1009] 南总统会见俄美特使 // 人民日报. 25.06.1998. С. 6. [Встреча президента СРЮ со специальными посланниками России и США // Жэньминь жибао]; 南俄主张通过政治对话解决 // 人民日报. 28.06.1998. С. 3. [СРЮ и Россия выступают за урегулирование путем политического диалога // Жэньминь жибао].

важную возможность укрепить ее международные позиции». Напомнив о недавней встрече в Москве лидеров России и Югославии, автор статьи подытожил: РФ «стала одной из незаменимых сторон в процессе решения косовского кризиса»[1010]. В статье от 10 июня была отмечена «активная челночная дипломатия» спецпредставителей США и РФ между Белградом и Приштиной, наглядно демонстрирующая ведущую роль Вашингтона и Москвы в деятельности КГ по бывшей Югославии. На этом фоне позиция ЕС выглядела значительно менее весомой: Брюссель практически не оказывал существенного воздействия на развитие переговорного процесса. Газета подчеркнула расхождение интересов США и России в отношении Косова, выражавшееся в существенных разногласиях между ними по вопросам сроков вывода югославского спецназа и сил полиции из края, а также допустимости и легитимности контактов международного сообщества с албанскими «незаконными вооруженными формированиями». Тем не менее, по мнению автора заметки, совместная встреча спецпредставителей двух стран с Руговой продемонстрировала готовность Москвы и Вашингтона пойти на взаимные уступки, а наметившееся сближение позиций двух сторон выразилось в их стремлении «совместными усилиями искать политическое решение косовского кризиса»[1011]. Однако в новом телефонном разговоре лидеров России и США 14 августа, Б. Клинтон дал понять собеседнику, что Америка может прибегнуть к военным действиям без санкции СБ ООН, а также указал на необходимость дальнейшего давления на С. Милошевича. По его словам, единственный способ избежать военного решения косовского вопроса заключался в том, чтобы дать Милошевичу совершенно определенно понять, что позиции Москвы и Вашингтона едины: «Только Вы, я и наши два государства способны добиться этого». Б. Ельцин согласился с необходимостью усилить давление на Милошевича, ответив: «Я согласен с тем, что мы должны держать его под контролем постоянно». Вместе с тем российский президент подчеркнул необходимость для Россия и США продолжать сотрудничество и придерживаться сбалансированного курса, стремясь воздействовать на всех участников конфликта и не допустить его разрешения с помощью поспешных военных мер[1012].

[1010] 水火. 科索沃危机的国际干预 // 人民日报. 07.07.1998. С. 6. [*Шуйхо.* Международное вмешательство в косовский кризис // Жэньминь Жибао].

[1011] 俄美代表会见南总统和阿族领导人 // 人民日报. 07.07.1998. С. 6. [Встреча представителей России и США с президентом Югославии и албанскими лидерами // Жэньминь жибао]; *吕岩松*. 新局面, 新对策 (国际论坛) // 人民日报. 10.07.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.*. Новая ситуация – новый план (международная форум) // Жэньминь жибао].

[1012] Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. August 14, 1998. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57569 (дата обращения: 26.11.2025).

В период, когда Россию сотрясали последствия дефолта в виде глубокого политического, экономического и финансового кризиса, президент США Б. Клинтон 1-2 сентября 1998 г. совершил краткий официальный визит в Москву, в ходе которого было подписано совместное заявление о ситуации в Косове. 4 сентября первый заместитель министра иностранных дел России И.С. Иванов по поручению президента РФ посетил Белград. Оба этих события не вызвали заметного отклика в китайской прессе. ЖМЖБ[1013] лишь кратко сообщила о подписании президентами РФ и США трех совместных заявлений, включая документ о ситуации в Косове. Газета процитировала слова президента Б.Н. Ельцина на итоговой пресс-конференции по результатам визита Б. Клинтона: «эта встреча, уже пятнадцатая по счету, еще раз подтвердила, что, когда президенты России и США объединяют свои усилия, им по плечу любая проблема»[1014]. Издание ограничилось лишь передачей официальной информации, не сопроводив ее какими-либо аналитическими комментариями. Выходившая в Пекине газета «Справочные новости», чьей спецификой являлся обзор зарубежной прессы, и вовсе не упомянула о сделанном в Москве заявлении по Косову. Единственным исключением стал еженедельнике «Ляован», в статье которого авторы констатировали, что между Москвой и Вашингтоном сохранились серьезные разногласия как по вопросам расширения НАТО на восток, так и по косовскому кризису[1015].

В ответ на совершенные летом 1998 г. нападения албанских террористов Верховный совет обороны СРЮ разработал план антитеррористической операции Приштинского корпуса, контрнаступление которого продолжалось 65 дней: с 25 июля по 29 сентября 1998 г.[1016] Однако масштабные действия сил безопасности Югославии против албанских террористов вызывали обеспокоенность со стороны международных организаций и жесткую критику в адрес Белграда. 23 сентября 1998 г. СБ ООН принял резолюцию 1199, обязывающую Белград прекратить огонь, вывести подразделения сил безопасности, «используемые для проведения репрессий в отношении гражданского населения, создать условия для осуществления эффективного и постоянного международного наблюдения в Косове Миссией по наблюдению ЕС и дипломатическими представительствами, аккредитованными в СРЮ, включая обеспечение таким наблюдателям доступа и полной

[1013] 俄美总统签署一系列双边文件 // 人民日报. 03.09.1998. С. 6. [Президенты России и США подписали ряд двухсторонних документов // Жэньминь жибао].

[1014] Подписание российско-американских документов // Ельцин Центр. URL: https://yeltsin.ru/archive/audio/64453 (дата обращения: 26.11.2025).

[1015] *施鲁佳*. 处在十字路口的美俄关系 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 37. С. 44. [*Ши Луцзя*. Российско-американские отношения на перепутье // Еженедельник «Ляован»].

[1016] *Гуськова Е.Ю.* Югославия: необъявленная война. С. 104.

свободы передвижения в Косово», и начать переговоры с албанской стороной[1017]. Уже на следующий день после принятия резолюции Генеральный секретарь НАТО Х. Солана заявил, что Советом блока принято решение о переходе к очередной фазе подготовки к возможным силовым действиям альянса в Косове. В аналитической статье ЖМЖБ от 26 сентября корреспондент газеты в Югославии Люй Яньсун сопоставил позиции Югославии, России, Китая и США в отношении резолюции, сделав вывод, что подходы СРЮ, КНР и РФ по данному вопросу расходятся с США и НАТО: в Белграде, Москве и Пекине считали, что косовская проблема является внутренним делом СРЮ и выступали против силового решения конфликта, тогда как США и их союзники по НАТО были уверены, что в случае неисполнения резолюции СБ вмешательство вооруженных сил окажется неизбежным и новой резолюции СБ ООН не потребуется[1018].

В начале октября 1998 г. ситуация в Косове вновь обострилась, и НАТО под руководством США с новой силой возобновило угрозы Белграду нанесения воздушных ударов в случае продолжения боевых действий и невыполнения требований по своевременному выводу войск. 2 октября президент Б.Н. Ельцин сделал заявление о необходимости дипломатического урегулирования вопроса Косова посредством переговоров. В тот же день против силового решения проблемы Косова публично высказался Е.М. Примаков, а Госдума РФ сделала соответствующее заявление. Китайские СМИ, сообщая об этом, отмечали, что Россия, имея традиционные интересы на Балканах, последовательно выступает против чрезмерного вмешательства НАТО и против применения силы в отношении СРЮ. Автор аналитического обзора акцентировал внимание читателей на предположении о том, что в случае чрезмерного роста антинатовской риторики внутри России ее «партнерство» с НАТО может быть подорвано[1019].

Приезд в Белград 4 октября по поручению президента РФ министра иностранных дел И.С. Иванова совместно с министром обороны И.В. Сергеевым и первым заместителем директора СВР А.А. Щербаковым был связан с попыткой Москвы предотвратить возможное начало воздушных ударов НАТО по СРЮ. Представительная российская делегация провела переговоры с С. Милошевичем, которому было передано

[1017] Резолюция 1199 (1998), принятая Советом Безопасности на его 3930-м заседании 23 сентября 1998 г. S/RES/1199 (1998) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1199%20(1998) (дата обращения: 27.11.2025).

[1018] *吕岩松*. 以压促谈难奏效，军事干预有风险 // 人民日报. 26.09.1998. С. 3. [*Люй Яньсун.* Переговоры под давлением вряд ли увенчаются успехом; военное вмешательство чревато рисками // Жэньминь Жибао].

[1019] *吕岩松*. 和平是炸不出来的 // 人民日报. 06.10.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Мир нельзя добиться силой // Жэньминь Жибао].

личное послание президента РФ о необходимости «прекратить [в Косове и Метохии] вооруженные действия, отвести армейские части и подразделения сил безопасности к местам их постоянной дислокации, принять срочные меры по преодолению гуманитарного кризиса и обеспечению условий для возвращения беженцев к своим очагам»[1020]. Российская пресса и общественность расценили эту миссию как сигнал Белграду о том, что «отвести угрозу натовской бомбардировки Россия не в силах, поэтому Москва жестко рекомендует Милошевичу принять решительные меры для радикального выправления ситуации вокруг Косова»[1021]. В отличие от российских изданий ЖМЖБ в своих материалах делала акцент на общем для РФ и СРЮ неприятии внешнего силового вмешательства, а также выделяла те позитивные меры, которые Белград уже предпринял для урегулирования кризиса и деэскалации ситуации. Вместе с тем в той же публикации было отмечено выступление 5 октября Генерального секретаря ООН К. Аннана, информировавшего СБ о неполном выполнении руководством СРЮ требований международного сообщества о прекращении боевых операций в Косове[1022].

Действия российской дипломатии продолжали оставаться в фокусе внимания китайских СМИ. В статье, опубликованной 8 октября в ЖМЖБ, было отмечено, что, «Россия заняла весьма жесткую позицию против применения силы НАТО против СРЮ. Но все же ее взаимодействие с ведущими государствами Запада по косовскому вопросу в целом преобладало над соперничеством». Приоритетной целью визита 4 октября в Белград представительной российской делегации автор назвал желание «убедить югославское руководство пойти на определенные уступки и немедленно предпринять решительные шаги, способные «радикально изменить» ситуацию в Косове и не допустить военного вмешательства НАТО», а основная причина неприятия Россией силовых действий НАТО, по мнению автора, состояла в ее «нежелании видеть дальнейшее расширение сферы деятельности НАТО и стремление ограничить роль этого альянса в формирующейся новой архитектуре европейской безопасности»[1023].

12 октября в статье корреспондента ГМЖБ Сюй Синху был проведен дальнейший

[1020] Двусторонние переговоры // Дипломатический вестник. 1998. Ноябрь. № 11. С. 6.

[1021] *Сысоев Г.* НАТО готово бомбить Югославию, Москва не в силах помочь Белграду // Коммерсантъ. 06.10.1998. № 185. С. 4. URL: https://www.kommersant.ru/doc/206356 (дата обращения: 27.11.2025).

[1022] *顾震球, 杨成明, 刘刚.* 安南向安理会提交报告，南俄反对进行军事干涉 // 人民日报. 07.10.1998. С. 6. [*Гу Чжэньцю, Ян Чэнмин, Лю Ган*. Аннан представил СБ ООН доклад; СРЮ и Россия выступают против военного вмешательства... // Жэньминь жибао]; Доклад генерального секретаря, подготовленный во исполнение резолюций 1160 (1998) и 1199 (1998) Совета Безопасности. S/1998/912 // Цифровая библиотека ООН. 3 октября 1998 г. URL: https://digitallibrary.un.org/record/260978?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 27.11.2025).

[1023] *吕岩松.* 科索沃危机与北约干预 // 人民日报. 08.10.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Косовский кризис и вмешательство НАТО // Жэньминь Жибао].

анализ позиции России по данному вопросу. По его мнению, решительное неприятие Россией военных действий НАТО обусловлено, с одной стороны, стремлением содействовать региональному миру и политическому урегулированию косовского кризиса, а с другой – желанием защитить собственные интересы на Балканах. Он также подчеркнул, что поддержка, оказываемая Россией СРЮ, носит многоуровневый и всеобъемлющий характер, охватывая правительство, военные круги, Госдуму, различные политические партии, общественные организации и СМИ. Кроме этого, он заметил, что позиция России, настаивавшей на урегулирования кризиса политическими средствами, получила поддержку со стороны многих государств, включая некоторые страны-члены НАТО, что, по его мнению, имело решающее значение для окончательного политического урегулирования косовского вопроса[1024].

Следует отметить, что в этот период китайские СМИ, освещая российскую позицию по косовскому вопросу, подчеркивали ее явное расхождение с курсом США и стран НАТО. В публикациях указывалось, что Москва решительно выступает против применения силы без санкции СБ ООН, настаивает на политико-дипломатическом урегулировании и предупреждает, что давление и угрозы со стороны Запада лишь приведут к дальнейшей эскалации напряженности. Особое внимание уделялось высказываниям российских политических деятелей. Так, 8 октября председатель Госдумы Г.Н. Селезнев заявлял о готовности России оказать Югославии «мощную моральную поддержку» и не исключал, что в случае начала боевых действий в рядах югославской армии могут появиться российские добровольцы, добавив, что в случае силовой акции НАТО Дума будет настаивать на прекращении всех контактов с альянсом и на отзыве российского представителя из его штаб-квартиры. Тем не менее в китайских оценках подчеркивалось, что подобные заявления носили преимущественно политико-символический характер, свидетельствуя, скорее, о нежелании Москвы направлять войска на поддержку Белграда. Выступление Селезнева стало важной частью информационного контента и неоднократно цитировалось китайскими СМИ. Китайские аналитики также ссылались на заявление главы МИД РФ И.С. Иванова, отметившего, что даже в случае нанесения НАТО военного удара по СРЮ, от России не будет последует ответа, поскольку речь не идет об агрессии против самой РФ. Оба эти заявления, как считали китайские СМИ, показывали, что российский курс резко контрастирует с позицией США и их союзников: Москва одновременно оказывает Белграду и моральную

[1024] *许杏虎*. 俄反对北约动武 // 光明网. 12.10.1998. [*Сюй Синху*. Россия выступает против применения военной силы НАТО // Гуанминван]. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1998-10/12/GB/17843%5EGM3-1207.HTM (дата обращения. 02.09.2025).

поддержку, и выступает категорически против силового вмешательства в конфликт извне, стремясь предотвратить дальнейшую эскалацию и добиться урегулирования кризиса на основе переговоров.

Роль и вес основных акторов в урегулировании кризиса в Косове были рассмотрены 6 ноября 1998 г. в статье ЖМЖБ «Когда кризис позади». В ней указывалось, что США фактически вели основную игру в решении кризиса, в то время как ЕС была отведена роль «второстепенного игрока». Россия, по мнению автора, несмотря на обладание сильной позицией, фактически оказалась «в оборонительном положении» внутри архитектуры европейской безопасности, в то время как США продолжали наращивать свое влияние. Завершившаяся к тому моменту острая фаза косовского кризиса также показала, что Россия не может мириться с игнорированием ее статуса великой державы и не готова идти на компромиссы в вопросах, затрагивающих ее стратегические интересы[1025].

С начала 1999 г. российская линия поведения в косовском вопросе оставалась постоянной темой в китайском информационном пространстве. В январе 1999 г. корреспондент ЖМЖБ Янь Чжэн цитировал международные мнения, указывая, что Москва в 1998 г. проявляла все более жесткую позицию, но при этом не прекращала контактов с Вашингтоном и Брюсселем, пытаясь балансировать между политикой сопротивления давлению Запада и поиском ограниченных компромиссов с ним[1026].

После событий в селе Рачак 15 января 1999 г. ЖМЖБ развернула интенсивное и систематическое освещение дипломатических усилий России в Косове. В китайской интерпретации Москва предстала как одна из ключевых сил, настаивавших на «политическом решении» и последовательно выступавших против внешнего силового вмешательства. Особое значение, как считали китайские аналитики, имела экстренная поездка в Белград для встречи с С. Милошевичем первого заместителя главы МИД РФ А.А. Авдеева. Ссылаясь на югославские источники, ЖМЖБ сообщала об этой встрече, что стороны подтвердили приверженность урегулированию косовской проблемы исключительно политическими средствами, осудили террористическую деятельность в крае косовских албанцев и потребовали прекращения их поддержки извне. Параллельно с этим ЖМЖБ фиксировала консолидированную позицию, звучавшую на российской политической сцене: заявления Госдумы РФ о недопустимости эскалации конфликта и необходимости его мирного урегулирования, вновь подтвердили неприятие вмешательства НАТО в балканские дела; высказывание министра обороны РФ

[1025] *吕岩松*. 危机后话欧安（国际论坛）// 人民日报. 06.11.1998. С. 6. [*Люй Яньсун.* Когда кризис позади: слово об ОБСЕ (Международный форум) // Жэньминь Жибао].

[1026] *严正*. 较量和斗争还在继续（新闻分析）// 人民日报. 14.01.1999. С. 6. [*Янь Чжэн.* Борьба и противостояние все еще продолжаются (анализ новостей) // Жэньминь Жибао].

И.В. Сергеева о том, что в условиях усложняющейся обстановки одних лишь деклараций о стремлении к миру недостаточно и требуется наращивание политико-дипломатических усилий. При этом особое внимание в китайских публикациях было уделено решению правительства СРЮ приостановить выдворение из страны главы миссии ОБСЕ в Косове У. Уокера. Подчеркивалось, что этот шаг был предпринят по рекомендации главы МИД СРЮ И. Йовановича с учетом пожеланий президента Б.Н. Ельцина и премьер-министра Е.М. Примакова, а также призывов Генерального секретаря ООН К. Аннана. В центре китайского информационного поля находились и российско-американские контакты по косовском вопросу: сообщалось о телефонном разговоре президента Б.Н. Ельцина с госсекретарем США М. Олбрайт, в ходе которого российский президент настаивал на том, чтобы и косовский, и иракский кризисы решались исключительно политическими средствами, а любое применение силы в обход мандата СБ ООН является недопустимым. Последующие переговоры глав внешнеполитических ведомств двух стран, по оценкам китайской прессы, показали, что, несмотря на совпадение позиций в отношении необходимости расследования событий в Рачаке, Москва принципиально отвергла возможность «обмена» экономической помощи на политические уступки, заявив о недопустимости торга национальными интересами[1027].

В феврале – марте во время переговоров по Косову в Рамбуйе (с 6 по 23 февраля и с 15 по 19 марта 1999 г.) СМИ Китая регулярно освещали роль и дипломатические усилия, Москвы, упоминая о ней как важном участнике событий, выступающем за политическое урегулирование кризиса. ЖМЖБ характеризовала переговоры в Рамбуйе как «мир под угрозой силы» и «европейский вариант Дейтона», подвергая критике политику Запада за «двойные стандарты» и опору на военную силу[1028]. В многочисленных сообщениях о позиции Москвы – включая ноты МИД РФ от 1 февраля, выступления директора

[1027] *顾震球, 义高潮.* 俄派副外长赴南紧急调解 // 人民日报. 20.01.1999. С. 6. [*Гу Чжэньцю, И Гаочао.* Российский заместитель министра иностранных дел направлен в Югославию для срочного посредничества // Жэньминь жибао]; *吕岩松, 杨成明, 李德平.* 俄军方强调应避免双重标准 // 人民日报. 21.01.1999. С. 6. [*Люй Яньсун, Ян Чэнмин, Ли Дэпин*. Российские военные подчеркивают необходимость избегать двойных стандартов // Жэньминь жибао]; *吕岩松, 张金海.* 南总统与俄副外长交换看法 // 人民日报. 22.01.1999. С. 6. [*Люй Яньсун, Чжан Цзиньхай.* Президент Югославии и заместитель министра иностранных дел России обменялись мнениями // Жэньминь жибао]; *盛世良.* 俄美主张发展两国关系 // 人民日报. 27.01.1999. С. 6. [*Шэн Шилиан.* Россия и США выступают за развитие двусторонних отношений // Жэньминь жибао]; *盛世良.* 俄美两国外长会谈就科索沃问题发表声明 // 人民日报. 28.01.1999. С. 6. [*Шэн Шилиан.* Переговоры министров иностранных дел России и США по косовскому вопросу: совместное заявление // Жэньминь жибао].

[1028] *严正.* 双重标准, 意在压南（新闻分析）// 人民日报. 30.01.1999. С. 3. [*Янь Чжэн.* Двойные стандарты с целью давления на Югославию(анализ новостей) // Жэньминь Жибао]; *吕岩松.* 不容讲价, 威胁下的和谈！（新闻分析） // 人民日报. 08.02.1999. С. 6. [*Люй Яньсун.* Переговоры под угрозами: никаких уступок быть не может! (анализ новостей)» // Жэньминь Жибао].

Департамента информации и печати МИД В.О. Рахманина 5 и 11 февраля, а также комментарии председателя Правительства РФ Е.М. Примакова, главы МИД РФ И.С. Иванова и его первого заместителя А.А. Авдеева и начальника Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ Л.Г. Ивашова – подчеркивалось, что Россия призывает стороны конфликта принять условия КГ, уважать суверенитет и территориальную целостность СРЮ и решительно выступала против применения силы[1029].

Вместе с тем китайская пресса обратила внимание на заявление КГ, сделанное 29 января в Лондоне, усматривая в нем признаки возможной коррекции российской позиции в отношении допуска силового варианта со стороны НАТО[1030]. Особый акцент был сделан на обмене посланиями между президентами Б.Н. Ельциным и Б. Клинтоном 17 и 20 февраля. По оценке китайских СМИ, обращение Ельцина подтверждало неизменность российской линии на политическое решение кризиса при безусловном уважении суверенитета СРЮ и недопустимости применения силы в обход СБ ООН, тогда как ответ главы Белого дома свидетельствовал о стремлении США сохранить «убедительность угрозы применения силы» (可信的武力威胁) в качестве инструмента давления на Белград. Помимо прочего ЖМЖБ сообщила о состоявшейся 12 марта перед началом второго раунда переговоров в Рамбуйе встречи С. Милошевича с И.С. Ивановым и процитировала заявление министра: Россия выступает против любых военных угроз или применения силы к Югославии и продолжает возражать против ввода иностранных войск в Косово[1031].

За несколько часов до начала военной операции НАТО еженедельник «Ляован» организовал круглый стол с участием экспертов информагентства Синьхуа по международным вопросам. В ходе обсуждения участники обнаружили полное единодушие: применение силы против СРЮ без санкции СБ ООН грубо нарушает Устав ООН и нормы международного права и может повлечь за собой тяжелые последствия. В оценке позиции России участники дискуссии исходили из того, что Москва не сможет

[1029] 俄强调只能靠政治途径解决 // 人民日报. 03.02.1999. С. 6. [Россия подчеркивает, что урегулирование возможно только политическими средствами // Жэньминь Жибао]; 俄呼吁冲突双方本周举行谈判 // 人民日报. 04.02.1999. С. 6. [Россия призывает стороны конфликта провести переговоры уже на этой неделе // Жэньминь Жибао]; 西方继续保持强硬立场, 俄表示绝不对南盟动武 // 人民日报. 08.02.1999. С. 6. [Запад продолжает занимать жесткую позицию, Россия заявляет о категорическом неприятии применения силы против Югославии // Жэньминь Жибао].

[1030] *吕岩松*. 不容讲价, 威胁下的和谈！（新闻分析） // 人民日报. 08.02.1999. С. 6. [*Люй Яньсун.* Переговоры под угрозами: никаких уступок быть не может! (анализ новостей)» // Жэньминь Жибао].

[1031] 南重申不准外国军队进驻, 俄乌白坚决反对军事干预 // 人民日报. 15.03.1999. С. 6. [Югославия вновь подчеркивает недопустимость ввода иностранных войск; Россия, Украина и Белоруссия решительно выступают против военного вмешательства // Жэньминь Жибао].

остаться безучастной к использованию силы против СРЮ и в целом, выступая в поддержку Белграда, будет последовательно отстаивать необходимость политического диалога и мирного урегулирования и решительно возражать против силового сценария НАТО. Резкую реакцию России на начавшиеся события участники обсуждения объяснили как исторически сложившимися связями между двумя славянскими народами, так и тем обстоятельством, что после распада СССР Югославия оставалась для Москвы единственной опорной точкой во всей Центральной и Восточной Европе. Кроме того, важным фактором выступало также и недовольство российской общественности постоянным использованием Западом экономической помощи в качестве инструмента давления на Кремль и вмешательства во внутренние дела России. Также эксперты сделали прогноз относительно ближайших действий России, которая, избегая прямой конфронтации с Западом, даже после начала военных действий НАТО, будет стремиться использовать свое влияние для поиска новых политических путей урегулирования, тем более что геополитическое расширение НАТО на восточном направлении объективно сужает стратегическое пространство России, фактически оставляя для нее в югославском вопросе лишь курс на поддержку Белграда[1032].

Российская дипломатия в ходе косовского кризиса в 1998 г., несмотря на активное противодействие подготовке США и НАТО военной интервенции и заявления Москвы о поддержке СРЮ, не смогла существенно повлиять на развитие ситуации. Россия оставалась важным игроком в вопросах европейской безопасности, однако ее дипломатические усилия не привели ни к изменению стратегии Запада, ни к решающему повороту кризиса в Косове.

После начала вооруженного вмешательства НАТО в Косово китайские СМИ широко освещали и анализировали изменения в политике и позиции России. Особое внимание было уделено реакции Москвы на военную интервенцию НАТО в отношении СРЮ, ее дипломатическим усилиям и противоречивой роли в урегулировании кризиса в Югославии.

За это время Россия предприняла ряд шагов, направленных на выражение резкого протеста против действий НАТО[1033]. Наибольшее внимание в Китае в начале натовской операции привлек так называемый «разворот Примакова над Атлантикой», когда председатель правительства России приостановил свой визит в Вашингтон уже во время полета в США. Это решение премьер-министра президент РФ Ельцин охарактеризовал

[1032] 北约为何要对南联盟动武 // 瞭望新闻周刊. 1999. № 13 С. 48–49. [Зачем НАТО понадобилось применить военную силу против СРЮ // Еженедельник «Ляован»].

[1033] Подробнее см.: Заявление Президента Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1999. Апрель. № 4. С. 13, 17.

как «лишь первый шаг», подчеркнув, что Россия располагает «множеством иных шагов», которые она может предпринять в ответ на решение США, включая, «возможно, и недопустимые меры». Ельцин обратил особое внимание на то, что американская операция против Югославии нанесла серьезный удар по двусторонним отношениям, напоминая, «как тяжело <…> было разворачивать общественное мнение, мнения политиков к Западу, к Соединенным Штатам, но мне удалось. А теперь все потерять… Раз я не смог убедить Президента, значит, впереди у нас очень трудный путь контактов – если они вообще окажутся возможны»[1034]. Главную цель визита Е.М. Примакова в США, сорванного из-за событий 24 марта, китайские СМИ видели в стремлении председателя правительства РФ добиться получения кредита МВФ. Именно поэтому его решение вернуться в Россию вместо продолжения полета в Китае было расценено как особенно значимый политический жест. ХЦШБ охарактеризовала решение Примакова отложить визит в Вашингтон как «беспрецедентное в истории российско-американских отношений важное решение», подчеркивая, что «прерывание визита в США, несомненно, превратило в ничто столь необходимый России международный кредит и оказало серьезное воздействие на двусторонние отношения». ЖМЖБ также отмечала, что данный шаг фактически привел отношения между Москвой и Вашингтоном к наиболее глубоком кризису со времени окончания холодной войны[1035].

Совместную поездку 25 марта 1999 г. в Белград главы МИД РФ И. Иванова и начальника ГШ ВС РФ, первого заместителем министра обороны, генерала армии А.В. Квашнина и проведенную ими совместную пресс-конференцию, китайские СМИ осветили подробно через вопросы, заданные ее участникам их корреспондентами («Синьхуа» и ГМЖБ). Корреспондент агентства «Синьхуа» поинтересовался, какую конкретную помощь Россия намерена оказать сербскому народу в его, по выражению журналиста, «неравной борьбе против самой мощной военной машины современного мира». В свою очередь корреспондент ГМЖБ, напомнив о развороте самолета Примакова как «знаке протеста» против начала военной операции, задал вопрос о противоречивости позиции одновременного осуждения Россией НАТО как агрессора и финансовыми

[1034] Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia. 24 March, 1999 // Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101536 (дата обращения: 12.12. 2025).

[1035] *吕岩松, 王如君, 刘刚, 胡锡进.* 南斯拉夫迎着炸弹走 // 环球时报. 26.03.1999. С. 1. [*Люй Яньсун, Ван Жуцзюнь, Лю Ган, Ху Сицзинь.* Югославия идет навстречу бомбам // Хуаньцю Шибао]; *刘刚.* 俄罗斯对美翻脸 // 人民日报. 26.03.1999. С. 7. [*Лю Ган*. Россия переходит к открытому противостоянию с США // Жэньминь Жибао].

переговорами с западными странами, участвующими в военной операции[1036].

29 марта корреспондент агентства «Синьхуа» обратился к начальнику Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ Л.Г. Ивашову с просьбой подробнее осветить содержание контактов министра обороны РФ И.С. Сергеева с его коллегами из стран СНГ и Китая, а также уточнил перспективу принятия совместных мер [1037] . Ответ российского генерала, будучи лаконичным, оказался ярким и показательным. Он заверил, что в центре внимания предстоящих консультаций окажется ситуация в Косове, а министры обороны сделают необходимые выводы из хода текущих событий, однако, возможно, не станут детально обсуждать потери сторон. Л.Г. Ивашов также выдвинул тезис, ставший впоследствии популярным, что «на встрече фактически будет представлена большая часть человечества», поскольку, как он пояснил, «население стран–членов НАТО, присвоивших себе право говорить от имени всего мирового сообщества, составляет менее 15% населения Земного шара»[1038].

В Китае немедленно отреагировали и на рабочий визит в Белград премьер-министра России Е.М. Примакова, состоявшийся 30 марта 1999 г., с целью дипломатического посредничества. В тот же день в заявлении представителя МИД КНР была дана высокая оценка усилиям российского правительства по мирному разрешению кризиса в Косове. В опубликованной на следующий день статье в ЖМЖБ «Дать миру шанс» положительная оценка посреднических усилий России была подтверждена[1039]. В тот же день Люй Яньсун опубликовал статью «Неудача посредничества, мрачные перспективы», в которой высоко оценил значимость визитов Е.М. Примакова в Белград и Бонн с точки зрения их

[1036] Совместная пресс-конференция министра Иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова и начальника генерального штаба ВС Российской Федерации, первого заместителя министра обороны генерала армии А.В. Квашнина // Дипломатический вестник. 1999. Апрель. № 4. С. 13, 17.

[1037] В мае 1999 г. в Ереване состоялось только заседание Совета министров обороны государств – участников СНГ с участием делегации РФ, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Украины и Таджикистана. По его итогам шесть государств (за исключением Украины и Белоруссии) подтвердили готовность продолжить участие в договоре о коллективной безопасности СНГ. Только 25 августа 1999 г. в Бишкеке имела место встреча глав государств в формате «Шанхайской пятерки» (КНР, РФ, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан). В ее рамках были обсуждены вопросы пограничной безопасности. Первой официальная встреча министров обороны в этом формате прошла 30 марта 2000 г.

[1038] Совместная пресс-конференция министра иностранных дел российской федерации И.С. Иванова, первого заместителя начальника генерального штаба, начальника главного оперативного управления ГШ ВС РФ Ю.Н. Балуевского и начальника главного управления международного военного сотрудничества министра обороны Российской Федерации Л.Г. Ивашова // Дипломатический вестник. 1999. Апрель. № 4. С. 37.

[1039] *古平.* 给和平以机会 // 人民日报. 01.04.1999. С. 6. [*Гу Пин.* Дать шанс миру // Жэньминь Жибао].

возможности повлиять на обострившийся кризис в Косове[1040]. ГМЖБ также отметила, что российское посредничество принесло надежду на мир, однако западные страны не проявили должной искренности в переговорах[1041].

Помимо сообщений о конкретных событиях в ходе агрессии НАТО против СРЮ и усилиях Москвы по смягчению ситуации СМИ Китая уделяли внимание и геополитическими аспектам развернувшихся событий на Балканах. 23 апреля 1999 г. в ЖМЖБ была опубликована статья корреспондента Тан Цзиньсю «Россия перед лицом двойного расширения НАТО», один из абзацев которой следует привести полностью: «Из-за ослабления государственной мощи и снижения военного потенциала Россия не может эффективно противостоять расширению НАТО на восток. Для смягчения неблагоприятных последствий этого процесса она вынуждена заниматься переговорами. Но НАТО, реализовав первый этап расширения, демонстрирует еще большие амбиции: альянс стремится не только продолжить продвижение на восток, но и проводить глобальную интервенционную политику»[1042]. В тот же день ЖМЖБ опубликовала авторскую статью профессора Дипломатической академии Китая Чжоу Цзунаня, в которой эксперт указал, что целью США, использующих НАТО для военной агрессии против Югославии, является «овладение Балканами, как стратегически важным регионом, расчистка пути для расширения НАТО на восток, увеличение сферы влияния США до границ России, возвращение России к положению, которое она занимала до Второй мировой войны, чтобы еще больше ее ослабить»[1043].

Развивая геополитическую тематику конфликта, 24 апреля газета ЖМЖБ опубликовала диалог редакторов этого ежедневного издания ЦК КПК и его корреспондентов, озаглавленный «Когда завершатся авиаудары НАТО». Значительное внимание в этом необычном материале было уделено и России, которая, по словам авторов, «занимает в этой войне особое положение, поскольку имеет важные стратегические интересы на Балканах и поэтому решительно выступает против агрессии НАТО против Югославии. Однако ее ослабленная государственная мощь не позволяет ей вступить в полноценную конфронтацию с Западом». Именно это, по мнению авторов,

---

[1040] *吕岩松*. 调解失败，前景堪忧（新闻分析）// 人民日报. 01.04.1999. С. 6. [*Люй Яньсун*. Неудача посредничества, мрачные перспективы // Жэньминь Жибао].

[1041] *许杏虎*. 俄为北约寻找台阶西方缺乏和谈诚意 // 光明网. [*Сюй Синху*. Россия ищет компромисс для НАТО, у Запада нет искренности в переговорах // Гуанминван]. 01.04.1999. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-04/01/GB/18013%5EGM4-0106.HTM(дата обращения. 02.09.2025).

[1042] *唐进修*. 俄罗斯面对北约双扩 // 人民日报. 23.04.1999. С. 7. [*Тан Цзиньсю*. Россия перед лицом двойного расширения НАТО // Жэньминь Жибао].

[1043] *周尊南*. 新概念，老主义 // 人民日报. 23.04.1999. С. 7. [*Чжоу Цзуньнань*. Новая концепция, старая идеология // Жэньминь Жибао].

является причиной того, что российская дипломатия «часто демонстрирует противоречивое поведение: стремление действовать, но неспособность реализовать свои намерения». Свой беспристрастный анализ авторы подытожили следующим образом: «на данном этапе Россия занимает весьма осторожную позицию и ясно дала понять, что не собирается втягиваться в войну. Если эта принципиальная позиция России не изменится, НАТО вряд ли откажется от военных амбиций»[1044].

28 апреля ГМЖБ опубликовала интервью с профессором Института международных отношений Пекинского университета Е Цзычэном, темой которого стало обсуждение влияния новой стратегической концепции НАТО на ее отношения с Россией. В свой вывод профессор Е включил элементы научного прогнозирования, подчеркнув, что косовская война демонстрирует стремление НАТО сосредоточить усилия на расширении своего влияния в Юго-Восточной Европе, что приведет к дальнейшему сжатию геополитического и стратегического пространства России, и она может утратить свое ключевое значение в обеспечении европейской безопасности и миротворческой деятельности. Е Цзычэн также напомнил, что Североатлантический альянс располагает потенциалом для оказания существенного давления на ситуацию на Кавказе, что может создать прямую угрозу стратегическим интересам России в регионе СНГ. Вернувшись к событиям на Балканах, Е Цзычэн отметил, что в вопросе Косова Россия продолжит отстаивать свою позицию по осуждению агрессии НАТО, что ускорит процесс интеграции СРЮ в союз России и Белоруссии и укрепит российское влияние на Балканах. Профессор Е предсказал, что Россия будет действовать крайне осторожно, избегая возобновления к открытой конфронтации с Западом[1045].

30 апреля в ХЦШБ была опубликована авторская статья Цзян Лэя, критиковавшего военные действия НАТО и напомнившего, что Россия имеет традиционно значительные стратегические и экономические интересы на Балканах. Российскую позицию по косовскому вопросу автор назвал «очень осторожной», так как она ограничивается «символическими» военными действиями, что, по мнению Цзяна, можно было объяснить слабостью российской государственной мощи и необходимостью обращаться к Западу за помощью[1046].

[1044] *张亮, 吕岩松.* 北约空袭何时休 // 人民日报. 24.04.1999. С. 3. [*Чжан Лан, Люй Яньсун.* Когда завершится авиаудары НАТО // Жэньминь Жибао].

[1045] *张晓.* 北约战略新概念的实质及对国际格局的影响 // 光明网. [*Чжан Сяо.* Сущность новой стратегической концепции НАТО и ее влияние на международную обстановку // Гуанминван]. 28.04.1999. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-04/28/GB/18040%5EGM4-2830.HTM (дата обращения. 02.09.2025).

[1046] *姜磊.* 北约穷兵黩武的启示 // 环球时报. 30.04.1999. С. 2. [*Цзян Лэй.* Уроки милитаристских амбиций НАТО // Хуаньцю шибао].

Широкий интерес китайских аналитиков вызвали изменения в политике Кремля в отношении СРЮ, причиной которых стало обострение ситуации вокруг Косова и военная агрессия НАТО. Первой на них обратила внимание газета ХЦШБ. Она отмечала, что с момента прекращения американского визита премьер-министра Е.М. Примакова и разрыва сотрудничества с НАТО Москва начала придерживаться чрезвычайно жесткой позиции, которая привела к усилению напряженности между Россией и Западом и осложнило получение Россией столь необходимых ей западных кредитов. В В.С. Черномырдине же аналитик видел политическую фигуру, способную бескомпромиссно отстаивать жесткий курс Москвы и воплотить в жизнь намерения президента Ельцина, не вызывая при этом подозрений со стороны Запада. Его назначение специальным представителем президента РФ интерпретировалось как знак возможной корректировки российской позиции в отношении косовского кризиса и НАТО[1047].

4 мая ГМЖБ опубликовала статью «Почему Россия пересматривает ядерную стратегию», в которой обращалось внимание на то, что пересмотр ядерной доктрины России был продиктован необходимостью предотвратить рецидив югославского сценария и свести к минимуму экспансию НАТО в традиционной зоне стратегического влияния России. В условиях значительного внешнего долга и тяжелейшей внутренней экономической ситуации Россия была вынуждена вновь подчеркнуть значимость своего ядерного потенциала сдерживания[1048].

В аналитической статье «Трансформация роли России», опубликованной 7 мая собственным корреспондентом ЖМЖБ в Москве Лю Ганом, отмечалось, что заявление президента Б.Н. Ельцина о том, что его страна «ни при каких обстоятельствах не допустит своего вовлечения в войну», означало существенную корректировку позиции Москвы – она была готова выступать в качестве посредника, не принимая сторону ни одного из участников конфликта. Дипломатическое посредничество В.С. Черномырдина, как считал автор, в определенной степени способствовало изменению отношения лидеров западных стран и президента С. Милошевича к урегулированию косовского вопроса. Вместе с тем Лю продолжил, что Запад «намеренно» позволил России проявить дипломатическую активность на Боннской встрече глав внешнеполитических ведомств стран «Большой восьмерки» с целью изолировать Белград и ускорить вывод сербских войск из Косова. В

[1047] *刘刚.* 切尔诺梅尔金（俄总统特使）：又找了份新工作 // 环球时报. 23.04.1999. С. 5. [*Лю Ган.* Черномырдин (специальный посланник президента России): нашел новую работу // Хуаньцю шибао].

[1048] *田晓军.* 俄罗斯缘何重新定位核战略 // 光明网. [*Тянь Сяоцзюнь.* Почему Россия пересматривает ядерную стратегию // Гуанминван]. 04.05.1999. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-05/04/GB/18046%5EGM4-0406.HTM (дата обращения. 02.09.2025).

то же время в статье приводилось мнение экспертов, связавших изменения роли России в ходе урегулирования югославского кризиса с двумя важными аспектами: во-первых, заменой в роли специального представителя президента РФ Е.М. Примакова на В.С. Черномырдина, чьи подходы противоречили позиции представителей жесткой линии в Госдуме РФ и не вызывали подозрений на Западе; во-вторых, со смягчением первоначальной жесткой критической риторики российских официальных лиц в отношении бомбардировок НАТО Югославии, и курс на ослабление значения «славянского братства» и отказ от односторонней поддержки Белграда в его противостоянии военным действиям Брюсселя, с переходом к роли нейтрального «посредника»[1049].

В тот же день специальный военный обозреватель газеты ХЦШБ Хао Гэ представил свою интерпретацию причин перехода России от жесткой к более умеренной позиции. По его мнению, их было четыре:

1) политические – в России отсутствовала атмосфера единства и солидарности;

2) экономические – состояние экономики не позволяло России выделить ресурсы для проведения широкомасштабных военных операций;

3) военные – ее вооруженные силы не обладали потенциалом для полномасштабного военных операций против НАТО;

4) географические – Москва не имела возможности направить войска в Югославию.

Хао закончил статью беспристрастным выводом: в отношениях между Россией и НАТО присутствуют как элементы борьбы, так и компромисса, при этом до сих пор компромисс преобладал над готовностью к борьбе[1050].

Заявление президента Ельцина в его Послании к Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. о недопустимости вовлечения России в косовский конфликт, не прошло без внимания китайских СМИ, равно как и его слова 8 апреля о том, что Россия не будет поставлять вооружения Белграду. Оба эти заявления были интерпретированы как определенное отступление Москвы от ее прежней позиции в косовском вопросе, что в некоторой степени способствовало усилению военного давления НАТО на Югославию.

Позиция России на саммите глав государств и правительств «Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы», проходившем в Сараеве после завершения авиаударов НАТО, также привлекла внимание китайских журналистов. В статье Лю Гана «Изменения в политике России по отношению к СРЮ» обращалось внимание на то, что выступления

[1049] *刘刚.* 俄罗斯角色的变迁 // 人民日报. 07.05.1999. С. 6. [*Лю Ган.* Трансформация роли России // Жэньминь Жибао].

[1050] *浩歌.* 俄罗斯为什么这么软 // 环球时报. 07.05.1999. С. 24. [*Хао Гэ.* Почему позиция России так слаба? // Жэньминь Жибао].

российской делегации и оценки значения саммита в Сараеве (включая заявления представителя МИД, премьер-министра РФ С.В. Степашина и президента РФ Б.Н. Ельцина) отражали стремление России восстановить отношения с Западом после косовской войны. Автор полагал, что активное участие России в реализации «Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы» вновь демонстрирует ее «решимость активно участвовать в международных делах, восстановить образ великой державы и наладить отношения с Западом»[1051].

Одним из важных аспектов освещения российской политики для китайских СМИ стали события, связанные с потенциальным формированием союза между Россией, Белоруссией и Югославией во время косовского кризиса. В середине ноября 1998 г. СРЮ в качестве наблюдателя участвовала в конференции России и Белоруссии в Ярославле, где обсуждалась возможность создания союза между этими тремя славянскими государствами. 18 ноября 1998 г. в статье ЖМЖБ Лю Ган выразил мнение, что сближению трех славянских государств было следствием угрозы применения силы НАТО в отношении Югославии в косовском вопросе и расширяющейся экспансии Альянса[1052].

12 апреля 1999 г. Скупщина СРЮ приняла решение о присоединении к союзу России и Белоруссии, и вопрос о том, одобрит ли заявку Югославии Россия, стал центром внимания СМИ. 20 апреля в своей статье в ГМЖБ собственный корреспондент издания в Москве Ван Сяньцзюй выделил три основных позиции в российском истэблишменте по данному вопросу: безоговорочное одобрение (КПРФ, ЛДПР), решительное противодействие (партия «Демократический выбор России», фракция «Яблоко», лидеры республик с преобладающим мусульманским населением, губернатор Московской области А.С. Тяжлов и др.) и принципиальная поддержка идеи союза при признании несвоевременности ее немедленной практической реализации (министр иностранных дел России И.С. Иванов, начальник Управления Президента РФ по внешней политике С.Э. Приходько, московские газеты и т. д.). Корреспондент сообщал, что 16 апреля Госдума России приняла постановление в поддержку присоединения Югославии к российско-белорусскому союзу. По мнению автора, данный шаг нижней палаты парламента был обусловлен предстоящими в декабре парламентскими выборами и стремлением депутатов учитывать патриотические настроения избирателей. Окончательное же решение о принятии Югославии в состав союза находилось в компетенции президента и правительства, которые, по мнению автора, выражали свою

[1051] *刘刚.* 俄对南政策有变化 // 人民日报. 02.08.1999. С. 6. [*Лю Ган.* Изменения в политике России в отношении СРЮ // Жэньминь Жибао].

[1052] *刘刚.* 北约的东扩与俄白联盟（国际论坛）// 人民日报. 18.11.1998. С. 6. [*Лю Ган.* Расширение НАТО на восток и российско-белорусский союз (Международный форум) // Жэньминь Жибао].

позицию с крайней осторожностью. Таким образом, полагал корреспондент, поддержка Россией СРЮ пока останется неизменной, но в случае наземной операции НАТО в Косове она станет более жесткой, при этом вероятность юридического оформления присоединения Югославии к российско-белорусскому союзу в ближайшее время оценивалась Ван Сяньцзюем как крайне малая[1053].

28 апреля состоялась встреча лидеров России и Белоруссии, в ходе которой обсуждался вопрос о союзе. Анализируя итоги саммита, корреспондент ГМЖБ в Минске Тянь Сяоцзюнь отметил, что публичные выступления президента Ельцина свидетельствуют о подчеркнуто «осторожном» отношении России к вопросу о немедленном присоединении СРЮ к союзу[1054].

После подписания мирного соглашения по Косову 10 июня корреспонденты ЖМЖБ в США опубликовали аналитическую статью под названием «США: победитель или проигравший?». В материале указывалось, что Россия сыграла «уникальную и важную роль» в политическом урегулировании косовской проблемы. Авторы отметили, что затруднительное положение, в котором оказался Вашингтон в этом вопросе, заставило его обратиться за помощью к Москве, в результате чего Россия стала главным посредником, укрепив свой международный статус. Авторы подчеркнули, что подобный итог противоречил долгосрочной политике США в отношении РФ[1055].

Как отметил в своем анализе московский корреспондент МРК Ван Сюэцзянь, Россия по косовскому вопросу заняла прагматичную позицию, придерживаясь, с одной стороны, трех основных принципов (уважение суверенитета и территориальной целостности СРЮ; решение косовского вопроса в рамках СРЮ; ведущая роль ООН), с другой – проявив значительную гибкость, уступив по базовым вопросам, включая согласие на вывод югославских войск из Косова, разрешение на размещение международных миротворческих сил в крае и переговоры об условиях прекращения натовских бомбардировок. После назначения В.С. Черномырдина специальным представителем президента РФ по урегулированию «югославского кризиса» позиция Москвы как посредника стала более четкой. По мнению Ван, ее содействие в принятии СРЮ мирного

[1053] *王宪举.* “俄白南联盟”尚需时日 // 光明网. [*Ван Сяньцзюй.* "Союз России, Беларуси и Югославии" потребует времени // Гуанминван]. 20.04.1999. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-04/20/GB/18032%5EGM4-2015.HTM (дата обращения. 02.09.2025).

[1054] *田晓军.* 俄白联盟“三级跳” // 光明网. [Российско-белорусский союз «трехступенчатый» // Гуанминван]. 03.05.1999. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-05/03/GB/18045%5EGM4-0314.HTM (дата обращения. 02.09.2025).

[1055] *马世琨, 张勇.* 美国: 赢家还是输家（新闻分析） // 人民日报. 11.06.1999. С. 6. [*Ма Шикунь, Чжан Юн.* США: победитель или проигравший? (анализ новостей) // Жэньминь Жибао].

соглашения было основано главным образом на соображениях «национальной безопасности и стратегических интересов». Это стратегическое решение основывалось на объективной оценке Россией кризиса в СРЮ и понимании того, что прямая конфронтация с НАТО не соответствует фундаментальным интересам России[1056].

Внезапный захват 12 июня 1999 г. российскими десантниками-миротворцами аэропорта Приштины привлек внимание во всем мире, в том числе и со стороны СМИ Китая. Они охарактеризовали эту военную операцию как «неожиданный ход» и «внезапную атаку», выражая одобрение такой российской тактике. Наряду с этим китайские журналисты, не ограничившись яркими комплиментарными ремарками, а провели более глубокий анализ этого события с макроскопической точки зрения. Так, 15 июня в ЖМЖБ были опубликованы три аналитические статьи, всесторонне рассматривавшие политику и действия России.

Корреспондент в Бельгии Дин Ган, ссылаясь на мнения западных экспертов-аналитиков, выделил две основные цели российской операции: во-первых, «заручиться поддержкой парламента и военных, реагируя на давление общественного мнения внутри страны»; во-вторых, «использовать захваченный аэропорт как козырь в переговорах с НАТО для создания независимого российского военного командования»[1057].

В статье «Политическое урегулирование по-прежнему будет сложным», подписанной Гу Пином, было обращено внимание на проявление Россией повышенной бдительности в отношении расширения НАТО на восток и его стратегических намерений в Европе. По мнению корреспондента, Россия сыграла важную роль в мирном посредничестве, продемонстрировав влияние и право голоса, что вынудило Вашингтон обратиться к Москве для решения косовского вопроса. Захватом аэропорт Слатина в столице Косова Приштине Москва показала НАТО свою решимость сдерживать альянс и сыграть активную роль в косовском вопросе. Несмотря на существующие трудности в координации действий между НАТО и Россией по этому вопросу данное взаимодействие оставалось критически важным для стабилизации ситуации в регионе[1058].

Корреспонденты ЖМЖБ в США Ма Шикунь и Чжан Юн отметили, что внезапное появление российских войск в Приштине нарушило военные планы США и их союзников. Назвав операцию тщательно спланированной, они отметили, что Россия при помощи

[1056] *王学俭.* 俄罗斯: 只要先停火就行 // 环球时报. 11.06.1999. С. 2. [*Ван Сюэцзянь*. Россия: лишь бы сначала прекратить огонь // Хуаньцю шибао].

[1057] *丁刚.* 俄罗斯缘何先下手（新闻分析） // 人民日报. 15.06.1999. С. 6. [*Дин Ган*. Почему Россия действовала на опережение? (анализ новостей) // Жэньминь Жибао].

[1058] *古平*. 政治解决仍将曲折 // 人民日报. 15.06.1999. С. 6. [*Гу Пин.* Политическое урегулирование по-прежнему будет сложным // Жэньминь Жибао].

этого свершившегося факта оказала давление на НАТО и продемонстрировала свое нежелание подчиняться диктату альянса[1059].

18 июня Ма Шикунь, Чжан Юн и специальный корреспондент ХЦШБ в Югославии Цзинь Сяолэй в совместном репортаже назвали действия Москвы «неожиданным ходом». По их оценке, данная операция была призвана сбалансировать жесткие внутриполитические запросы внутри России, поддержать Белград, а также предупредить НАТО. Кроме того, авторы, ссылаясь на югославские военные источники, сообщила, что целью захвата аэропорта Приштины Россией была защита подземных структур аэропорта, имеющего важное стратегическое значение как для Югославии, так и для всего Балканского региона[1060].

После встречи лидеров «Большой восьмерки» 23 июня 1999 г. Лю Ган представил детальный анализ меняющейся роли России в косовском кризисе. Он отметил, что позиция и роль России во время военной операции НАТО против Югославии претерпела несколько изменений. Процесс трансформации можно проследить через ряд ключевых событий: первоначальную официальную позицию России, заявление Б.Н. Ельцина о недопустимости втягивания России в войну (и назначение Черномырдина спецпредставителем), посредническую роль министров И.С. Иванова и И.Д. Сергеева, операцию по захвату российскими военными аэропорта Приштины и саммит «G8». Лю подчеркнул, что в начале бомбардировок НАТО Россия демонстрировала «жесткую позицию» и «крайнее возмущение». Однако из-за проблем с кредитами и долгами Россия оказалась в сложном положении: с одной стороны, необходимо было поддерживать позицию против военных действий НАТО в Югославии, с другой – нельзя было «портить отношения» с Западом. В этих условиях Россия изменила свою роль: сначала Б.Н. Ельцин назначил В.С. Черномырдина спецпредставителем по урегулированию косовского кризиса, после чего произошло заметное охлаждение риторики «славянского братства», и Россия стала выступать в роли «посредника». Однако дипломатические действия В.С. Черномырдина подверглись критике со стороны военных и Госдумы, после чего на первый план вышли И.С. Иванов и маршал И.Д. Сергеев, занимавшие более жесткую позицию. Захват российскими военными аэропорта в Приштине резко изменил роль России с «посредника» на «прямого участника». Во время саммита «Большой восьмерки» Россия пошла на уступки в вопросе размещения миротворческих сил, согласившись на

1059 *马世琨, 张勇.* 俄军抢滩, 美国无奈（述评）// 人民日报. 15.06.1999. С. 6. [*Ма Шикунь, Чжан Юн.* Российский десант опередил, США в бессильной растерянности (обозрение) // Жэньминь Жибао].

1060 *马世琨, 张勇, 金晓蕾.* 俄罗斯打北约的脸 // 环球时报. 18.06.1999. С. 1. [*Ма Шикунь, Чжан Юн, Цзинь Сяолэй.* Россия дала пощечину НАТО // Хуаньцю шибао].

распределение своих подразделений в зонах ответственности НАТО, что рассматривалось как вынужденный шаг, продиктованный экономическими факторами. В заключение автор цитирует общественное мнение: «Постоянная смена ролей России в урегулировании косовского кризиса показывает, что действия НАТО во главе с США в Косове нарушили интересы России и оскорбили ее достоинство. Россия была вынуждена демонстрировать жесткую позицию в защите национальных и государственных интересов, но каждый раз из-за экономических причин в решающие моменты оказывалась в положении, когда желание есть, а сил не хватает, и была вынуждена отступать. США же шли на определенные уступки России потому, что она все еще оставалась военной державой, с которой нельзя было просто так испортить отношения»[1061].

25 июня специальный корреспондент ХЦШБ в Германии Цзян Цзяньго опубликовал статью под названием «Слабая сильная держава», где глубоко проанализировал противоречивое положение России. В статье отмечалось, что Россия не получила должного статуса в «Большой восьмерке», фактически превратившейся в формат «семь плюс один» или даже «семь плюс половина». Компромиссы России в косовском кризисе проявились в двух аспектах: во-первых, переход от жесткого противостояния с НАТО к совместному с Западом поиску решения; во-вторых, отказ от независимого командования миротворческим контингентом и принятие плана рассредоточенного размещения сил. Автор резюмировал, что Россия продемонстрировала в косовском кризисе одновременно и «силу», и «слабость»: «слабость» проявилась в неспособности самостоятельно решить косовскую и балканскую проблемы, а «сила» – в способности помешать беспрепятственной реализации западных планов. Подобная противоречивость определялась экономическим положением России[1062].

29 июня 1999 г. в ЖМЖБ была опубликована статья, в которой отмечалось, что военные действия НАТО против СРЮ привели российско-американские отношения к самому низкому уровню со времени окончания холодной войны. Однако в статье подчеркивалось, что Россия не стремилась к полному разрыву с Западом во главе с США. Подтверждение своего вывода корреспондент видел в позиции Москвы, которая, решительно осуждая военные действия НАТО, воздерживалась от оказания СРЮ существенной поддержки и не вмешивалась в вооруженный конфликт. После первоначально резких заявлений Россия вскоре предприняла шаги по смягчению отношений с США и другими западными странами. Президент Б.Н. Ельцин назначил

[1061] *刘刚.* 俄罗斯缘何变换角色（新闻分析）// 人民日报. 23.06.1999. С. 6. [*Лю Ган.* Почему Россия меняет роли (анализ новостей) // Жэньминь Жибао].

[1062] *江建国.* 一个虚弱的强国 // 环球时报. 25.06.1999. С. 3. [*Цзян Цзяньго.* Слабая сильная держава // Хуаньцю шибао].

своим специальным представителем для переговоров В.С. Черномырдина, пользующегося доверием Запада. Его активные дипломатические усилия привели к тому, что Белград согласился на совместный мирный план России и семи западных стран, основанный на предложениях Запада. В вопросе миротворческих операций в Косове Россия также пошла на значительные уступки, включая отказ от требования выделения отдельной зоны под ее контроль. Подписание российско-американского соглашения в Хельсинки стало символом фактического признания Россией европейской системы безопасности с опорой на НАТО и при ограниченном участии Москвы. В статье подчеркивалось, что постоянные уступки России в ходе косовского кризиса объясняются, главным образом, слабостью ее экономического потенциала, что не только не позволяет ей противостоять Западу, но и делает ее зависимой от него в ряде ключевых сфер, поскольку Россия чрезвычайно обеспокоена перспективой оказаться исключенной из принятия решений по вопросам, затрагивающим ее жизненные интересы и превратиться во «второстепенного игрока» на европейской и мировой арене. Проведя параллели между противостоянием России и США по вопросу миротворческой миссии в Косове и конфликтом вокруг расширения НАТО, автор статьи отметил, что обе ситуации развивались по схожему сценарию: давление со стороны США вызывало недовольство Москвы; а после протеста России Вашингтон шел на небольшие уступки. В итоге Россия вынуждена была принимать новую реальность, после чего обе стороны приходили к компромиссу. В случае отсутствия в России значительных улучшений в экономической и политической ситуации, полагал автор, подобная модель взаимодействия решения ключевых международных вопросов будет воспроизводиться и в дальнейшем[1063].

2 июля 1999 г. Люй Гуйлин опубликовала в ЖМЖБ аналитическую статью, в которой дала более положительную оценку роли России в косовском кризисе, отметив, что Москва сыграла «уникальную роль», выступив одновременно «партнером Запада по мирному урегулированию» и сохранив при этом престиж великой державы». Действия России в ходе косовской войны Люй разделила на три этапа, связав каждый из них с спецификой российского политического курса.

Первый этап характеризовался посредническими действиями российской дипломатии, когда позиция Москвы в отношении агрессии НАТО сменилась с жесткой на более мягкую. После назначения в апреле В.С. Черномырдина специальным представителем президента РФ вместо Е.М. Примакова позиция Москвы постепенно сместилась «с юга на север» (т.е. от Югославии в сторону сближения с

[1063] *许宏治*. 俄美修复关系（国际论坛）// 人民日报. 29.06.1999. С. 6. [*Сюй Хунчжи.* Восстановление отношений между Россией и США (международный форум) // Жэньминь Жибао].

Североатлантическим альянсом – Я.Л.). Пользуясь постоянными колебаниями Белграда, Москва оказывала на него давление, что в итоге вынудило югославское руководство пойти на значительные уступки.

В ходе второго этапа Россия сумела «искусно» отстоять свои интересы в вопросе о миротворческой миссии. Российские войска, действуя на опережение, сумели занять аэропорт Слатина и обеспечили Москве дополнительные преимущества на переговорах с США, что в конечном итоге позволило закрепить за Россией статус миротворца в регионе.

В течение третьего этапа, сразу после окончания военных действий, Россия действовала активно, предприняв шаги по восстановлению отношений с Западом.

Причины изменений позиции Москвы, по мнению Люй, также было три. Во-первых, на политику Кремля повлияла политическая борьба в самой России. Во-вторых, немаловажную роль сыграло давление Запада, которое сочеталось с элементами поощрения. В-третьих, Москва посчитала, что в тот момент обеспечение сотрудничества с Европой и США соответствовало ее стратегическим интересам, что и предопределило прагматичный, ориентированный на собственные выгоды подход. Заключительным выводом статьи стало прогностическое утверждении Люй, что в будущем российская внешняя политика будет еще больше руководствоваться прагматизмом ради защиты национальных интересов и минимизации стратегических потерь[1064].

Визит в США российского премьер-министра С.В. Степашина также вызвал волну комментариев в китайских СМИ. В статье Ван Жуцзюнь «Восстановление российско-американских отношений – нелегкая задача», вышедшей сразу после возвращения главы правительства в Россию, был сделан вывод, полностью созвучный заголовку статьи. Автор отмечал, что во время косовского кризиса Москва не занимала исключительно конфронтационную позицию в отношении Вашингтона, а выступала в роли «справедливого» посредника между США и СРЮ[1065].

После окончания агрессии НАТО против Югославии китайские СМИ активно анализировали влияние косовской войны на Россию. В частности, в ГМЖБ полагали, что хотя война и подорвала позиции России в постъюгославском регионе, вместе с тем побудила ее к более четкому осознанию ее коренных интересов. Газета подчеркивала, что корректировка Россией ее системы внешней безопасности и принятие новой концепции национальной безопасности были не стремлением к агрессии, а вынужденной реакцией на

[1064] *刘桂玲*. 俄罗斯: 面对现实，调整战略 // 人民日报. 02.07.1999. С. 7. [*Лю Гуйлин*. Россия: смотреть в лицо реальности и корректировать стратегию // Жэньминь Жибао].

[1065] *王如君*. 美俄关系修补不易（国际论坛）// 人民日报. 03.08.1999. С. 6. [*Ван Жуцзюнь*. Восстановление российско-американских отношений – нелегкая задача (Международный форум) // Жэньминь Жибао].

посягательства Запада, который, шаг за шагом, продолжал сужать российское стратегическое пространство[1066].

СМИ Китая, анализируя роль и позицию России в косовском кризисе, детально проследили трансформацию ее дипломатической стратегии, менявшейся от первоначальной жесткой реакции до последующих компромиссов и перехода к посреднической роли. Действия России в косовском вопросе одновременно демонстрировали ее дипломатическое влияние как великой державы и обнажали ее уязвимость в условиях экономических трудностей, политических разногласий и геостратегического давления. Данный дисбаланс стал особенно очевиден после подписания Косовского мирного соглашения, когда российские действия не только подтвердили значимость Москвы в глобальных делах, но и выявили сложные вызовы, с которыми она столкнулась на международной арене. В этом процессе Россия продемонстрировала двойственный дипломатический образ, сочетающий элементы силы и слабости. С одной стороны, Москва отстаивала часть своих национальных интересов, а с другой – была вынуждена идти на компромиссы ради удержания своих стратегических позиций и контроля над отношениями с Западом.

Анализ материалов китайской прессы позволяет сделать ряд выводов, главным из которых является высокая оценка, которую давали действиям России в косовском кризисе китайские СМИ. Руководство Китая высоко оценило занятую Россией позицию и дипломатические усилия России в косовском кризисе. Пекин и Москва поддерживали тесные контакты и координировали свои шаги. Это особенно проявилось после бомбардировки здания посольства КНР в Белграде, когда требования обеих стран о политического разрешении косовского кризиса стали более согласованными, и в некоторых аспектах – синхронными. И хотя китайская общественность оценивала бомбардировки НАТО Югославии как акт агрессии, тем не менее в официальной риторике китайского правительства подобные жесткие формулировках использовались скорее редко.

Помимо изменчивости, важной отличительной особенностью политики России, по мнению китайских СМИ, была и осторожность. Москва сыграла значимую роль в разрешении косовского кризиса, но ее позиция и отношение к нему претерпели множественные изменения. Эти маневры носили подчеркнуто аккуратный характер и были обусловлены внутриполитической ситуацией и экономическим кризисом в стране, а

[1066] *张晓.* 从“全人类共同价值”到人“人权高于主权”// 光明网. [*Чжан Сяо.* От “общих ценностей человечества” к идее, что “права человека превыше суверенитета” // Гуанминван]. 01.02.2000. URL: https://www.gmw.cn/01gmrb/2000-02/01/GB/02%5E18319%5E0%5EGMB4-011.htm (дата обращения. 02.09.2025).

также прагматическим стремлением защитить свои стратегические интересы.

Двойственность, склонность к компромиссу и прагматичность стали отличительными чертами политики России в ходе агрессии НАТО против СРЮ. Проведенный анализ соответствующих материалов китайских СМИ показал, что Россия во время косовского кризиса проявила как твердость позиции крупной державы в защите своих интересов, так и гибкость при готовности к компромиссам под внешним давлением и в условиях внутренних трудностей. Эта двойственность ее позиции проявилась в переходе от первоначально жесткого противодействия действиям НАТО к роли посредника. Готовность же к компромиссам проявилась в уступках по ключевым вопросам с целью смягчения экономических проблем в самой России и восстановления отношений с Западом. В период военной агрессии НАТО прагматизм России проявлялся во всех аспектах действий и на всех уровнях российской дипломатии – от содействия заключению мирного соглашения до участия в миротворческих операциях. Москва со всей очевидностью стремилась сбалансировать свои интересы в регионе и участие в международном давлении в условиях сложной геополитической обстановки. Как отмечают китайские СМИ, косовская война и кризис предоставили России возможность пересмотреть ее национальные интересы и стратегическое положение, а также выявить реальные вызовы, с которыми она сталкивалась в глобальной политике.

Объективный и непредвзятый анализ российских действий на международной арене в связи с косовским кризисом позволил Пекину сформировать рациональный политический курс в отношении событий на Балканах. Китай осуществлял посильную принципиальную поддержку Белграду, гибко взаимодействовал с Москвой в ключевые моменты вплоть до согласования действий в СБ ООН, что позволило Пекину проводить рациональную политику на постъюгославском пространстве в период нарастания косовского кризиса и на этапе его временного купирования к июню 1999 г.

3.2. Взгляды китайских экспертов на политику России в 1996–1999 гг.

До начала масштабного кризиса в 1998–1999 гг. тема Косова занимала незначительное место в общественно-политическом дискурсе Китая. До 1970 гг. по данной теме в китайских СМИ можно было встретить лишь единичные публикации, представлявшие собой ретрансляцию материалов албанских СМИ[1067]. Более серьезный интерес к косовскому вопросу проявился в Китае лишь после нормализации китайско-югославских отношений в 1970-е гг., что отразилось и на характере освещения и

[1067] 南斯拉夫的阿尔巴尼亚人处境悲惨 // 人民日报. 29.10.1958. С. 7. [Тяжелое положение албанцев Югославии // Жэньминь жибао].

восприятии событий в регионе.

Глубокий интерес китайских авторов к этому автономному краю в составе Сербии сформировался в 1981 г. после массовых волнений в регионе. Их причины тогда связывали с курсом «великосербства», ранее инициированным А. Ранковичем, недовольством населения края экономической отсталостью региона, а также с националистическими тенденциями местных властей и подрывной деятельностью соседней НРА[1068].

Именно в этот период косовская проблема оказалась в фокусе повышенного внимания того небольшого числа китайских публицистов и ученых, представителей исследовательских институтов, специализировавшихся на изучении национального вопроса в Югославии. В 1981 г. журнал «Миньцзу и цун» («Переводные исследования по национальному вопросу» 民族译丛) (совр. название «Нации мира» («Шицзе миньцзу» 世界民族) подготовил специальный выпуск, посвященный комплексному рассмотрению национальной политики в Югославии[1069]. В сентябре того же года в Издательстве КАОН вышел сборник материалов первой международной научной конференции, организованной Китайском сообществом по изучению наций мира, в котором Ян Юанькэ, эксперт-югославист Отдела международных связей ЦК КПК, опубликовал аналитический обзор актуального состояния национального вопроса в Югославии и попыток его решения. Для этого же сборника только начинавший свою карьеру специалист по странам Юго-Восточной Европы Ма Сипу подготовил материал о национальных проблемах в Македонии[1070]. Именно эти и некоторые другие материалы, вышедшие в этот период, можно рассматривать как отправную точку роста интереса китайского общества к теме Косова и начала изучения китайскими учеными этнических проблем второй Югославии.

Впрочем, косовская тема не вызывала устойчивого интереса в Китае до 1989 г. Массовые забастовки, развернувшиеся в Косове в 1988 г. – весной 1989 г., вновь привлекли внимание исследователей. Они интерпретировали их также как и события 1968 и 1981 гг., как «контрреволюционные выступления», организованные албанскими националистами с целью создания «Республики Косова» по этническому принципу. Общественно-политические процессы в автономном крае трактовались как притеснение и вытеснение сербского и черногорского населения из Косова, а репрессивные меры югославских властей оценивались как вынужденные.

[1068] *徐坤明*. 南斯拉夫的科索沃事件 // 瞭望. 1981. No. 5. С. 41. [Сюй Куньмин. Югославия: события в Косове // Ляован].

[1069] 民族译丛. 1981. № S1. 80 с. [Миньцзу и цун].

[1070] 世界民族问题初探. 北京: 中国社会科学出版社, 1981. С. 1–21. [Первый шаг в изучении национальных проблем в мире. Пекин: Китайское издательство общественных наук].

К концу 1980-х гг. – началу 1990-х гг., на фоне ухудшения политической и экономической ситуации в СФРЮ косовский конфликт все чаще объяснялся в КНР не как локальное проявление албанского национализма и сепаратизма, а как отражение системного кризиса второй Югославии. Так, Цао Юймин и Чжа Сяолин полагали, что «национальный вопрос в Косове стал серьезным фактором, влияющим на стабильность политического строя и межэтническое единство Югославии»[1071]. К этому моменту в Китае помимо статей публицистов и исследований отечественных специалистов-международников также публиковались переводы работ американских и японских экспертов, взгляды которых заметно отличались от позиции, доминировавшей в китайской научной среде и обществе[1072].

После распада Югославии китайские исследователи начали изучение косовской темы в более широком контексте югославского общенационального кризиса, межэтнических противоречий на постъюгославском пространстве, общей ситуации на Балканах и в Европе. В публиковавшихся статьях внимание уделялось историческим корням, современному состоянию и возможным перспективам развития конфликта в Косове. По мнению китайских авторов, хотя боснийская война не привела к немедленному обострению конфликта в автономном крае, он оставался «бомбой замедленного действия» на Балканах[1073]. Общим в подходах было понимание, что нарастание межэтнических противоречий, очевидное с начала 1980-х гг., стало одной из ключевых причин распада СФРЮ[1074].

В китайской публицистической и научной литературе авторы обращали внимание на «план действий косовских албанцев» – поэтапного (в три шага) достижения независимости: первый – повышение статуса автономного края до уровня республики; второй – провозглашение «Республики Косова» и выход из состава югославской федерации; третий – объединение с Албанией и создание так называемой «Великой

[1071] *曹育明, 扎晓玲.* 南斯拉夫科索沃民族问题述略 // 中国民族. 1989. №. 8. С. 44. [Цао Юймин, Чжа Сяолин. Краткий обзор национального вопроса в Косове (Югославия) // Китайская нация].

[1072] *阿尔希·皮帕, 刘东国.* 南斯拉夫阿尔巴尼亚人的政治形势 — 科索沃问题透视 // 民族译丛. 1991. №. 6. С. 1–9. [*Арши Пиппа, Лю Дунго.* Политическое положение албанцев Югославии: анализ косовского вопроса // Миньцзу и цун]; *柴宜弘, 郑信哲.* 南斯拉夫的民族问题 // 民族译丛. 1991. №. 1. С. 7–15. [*Чай Ихун, Чжэн Синьчжэ.* Национальный вопрос в Югославии // Миньцзу и цун].

[1073] *达洲.* 巴尔干的“定时炸弹” — 科索沃 // 世界知识. 1992. №. 14. С. 10. [*Да Чжоу*. «Бомба замедленного действия» на Балканах – Косово // Знания о мире].

[1074] *刘添才.* 前南斯拉夫民族危机探源 // 今日前苏联东欧. 1993. №. 2. С. 20. [*Лю Тяньцай*. Анализ истоков национального кризиса бывшей Югославии // Сегодняшний бывший СССР и Восточная Европа].

Албании»[1075].

Ответом противников режима Милошевича среди албанского населения Косова на введение в марте 1989 г. новой конституции Сербии (краю вернули название Косово и Метохия, а его права были сокращены с фактически прав республики до автономии) стало создание в крае де-факто параллельной власти албанцев – так называемой «Республики Косова». В период, предшествовавший началу вооруженных столкновений в 1998 г., в регионе фактически сосуществовали два противостоящих политических центра власти. Эта ситуация рассматривалась китайскими экспертами как фактор, способный вызвать «новую гражданскую войну уже в СРЮ, спровоцированную вопросом независимости Косова»[1076].

Именно в этот период был подготовлен и издан в 1993 г. основательный научный коллективный труд под редакцией Хао Шиньюаня «Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ», заложивший научный фундамент последующего освещения и дальнейших исследований ситуации в Косове. Чжао Цзиньюань, автор пятой главы монографии, подробно описал исторические предпосылки и истоки национального кризиса в Косове, политические требования албанцев по превращению автономного края в республику, отношения между Албанией и Косовом, а также связь идеи «Великой Албании» с разнообразными конфликтами между сербским и албанским населением[1077].

Хотя до 1998 г. косовская тема не занимала центрального места в китайских исследованиях, она регулярно становилась объектом академического внимания. Межнациональные противоречия в Косове рассматривались как типичный пример кризиса межнациональных и межэтнических отношений в Югославии, концентрированно отразивший глубинные межэтнические и политические противоречия в стране. Вместе с тем ситуация в Косове в определенной степени демонстрировала причины неудач югославских политических и экономических реформ и в конечном счете причины распада югославского государства.

Начиная с 1990-х гг. до настоящего времени китайские исследователи ведут систематическое изучение генезиса и эволюции политики России в балканском регионе, учитывая в анализе геополитическое значение Балкан, характер отношений между великими державами, основные тренды трансформации международного порядка в

[1075] *王茂中*. 前南斯拉夫地区面临复杂形势 // 国际论坛. 1993. №. 2. С. 12. [*Ван Маочжун*. Регион бывшей Югославии находится в сложной ситуации // Международный форум].

[1076] *赵锦元*. 南斯拉夫的科索沃问题 // 百科知识. 1997. No. 5. С. 13. [*Чжао Цзиньюань*. Косовская проблема Югославии // Энциклопедические знания].

[1077] 南斯拉夫联邦解体中的民族危机. С. 94–112. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ].

период после холодной войны, и достигли важных результатов. В представлении китайских авторов балканская политика России во второй половине 1990-х гг. характеризовалась рядом особенностей, отраженных в понятийных дихотомиях: «противостояние и компромисс», «сдерживание и зависимость», «хладнокровие и осторожность». Эти характеристики явились как признаком постепенного формирования внешнеполитического курса России, так и важным проявлением защиты Россией статуса и достоинства великой державы. Их появление оказалось обусловлено не только традиционными геополитическими связями, но и стало результатом взаимодействия множества факторов, важное значение среди которых имели реальное состояние внутриполитической и экономической ситуации в России и трансформация международного порядка.

Военная операция НАТО против СРЮ незамедлительно привлекла внимание китайского общественного мнения и научного сообщества. Журнал «Мировая экономика и политика» создал специальную рубрику для углубленного освещения данной проблематики. Важным шагом стали организация и проведение научных конференций, посвященные этому вопросу. 25 марта 1999 г. семинар по проблеме Косова был проведен в Институте Восточной Европы и Центральной Азии КАОН[1078]; 2 апреля Институт мировой экономики и политики КАОН совместно с рядом других научно-исследовательский учреждений организовал «Симпозиум об авиаударах НАТО по СРЮ»[1079]; 21 апреля Исследовательский центр международных проблем Академии государственного управления провинции Цзянсу провел научный симпозиум «Косовский кризис и состояние международной безопасности»[1080]; 23 апреля Отдел мирового социализма Института международных отношений Пекинского университета организовал «Симпозиум по косовской проблеме»[1081]; 19 мая Китайское общество по изучению наций мира и Институт этнологии КАОН провели в Пекине «Симпозиум по косовскому

[1078] *左娅.* 中国社会科学院东欧中亚研究所召开科索沃问题研讨会 // 中国社会科学院东欧中亚研究. [*Цзо Я.* Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН провел конференцию по косовской проблеме // Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН]. 13.10.2009 URL: http://euroasia.cssn.cn/cbw/cbw_elsdozyyj/200910/t20091013_1849661.shtml (дата обращения: 09.12.2025).

[1079] *高华.* 北约空袭南联盟研讨会综述 // 世界经济与政治. 1999. № 5. С. 76–78. [*Гао Хуа.* Резюме семинара по бомбардировкам НАТО СРЮ // Мировая экономика и политика].

[1080] *吕磊.* «科索沃危机和国际安全形势»学术研讨会综述 // 世界经济与政治论坛. 1999. № 4. С. 62–63. [*Лю Лэй.* Обзор научного семинара «Косовский кризис и ситуация международной безопасности» // Форум мировой экономики и политики].

[1081] *刘建飞.* 科索沃危机与国际政治走势 — «科索沃问题研讨会»观点述要 // 理论前沿. 1999. № 10. С. 30–31. [*Лю Цзяньфэй.* Кризис в Косове тенденции международной политики: основные идеи «Симпозиума по косовской проблеме» // Теоретический авангард].

кризису»[1082]; 21 мая кафедра международной политики Китайского народного университета организовала конференцию «Косовский кризис и международная стратегия Китая»[1083]; 4 августа Исследовательский центр международного мира и безопасности (国际和平与安全研究中心) при Пекинском университете провел научный симпозиум «Косовская война и международный порядок нового столетия»[1084]. Проведенный библиографический мониторинг и статистические подсчеты выявили, что в 1999 г. в Китае было опубликовано более двадцати монографий, посвященных косовскому кризису.

3.2.1. Интерпретация и оценка позиции России на Балканах (с марта 1998 по март 1999 г.)

Обострение этнических противоречий в Косове в марте 1998 г. привлекло особое внимание в Китае, уже к июлю того же года эксперты перешли к более системному рассмотрению действий и политики России в косовском кризисе. Ученые КНР признавали Балканы важной ареной соперничества великих держав, где Россия обладает особыми стратегическими интересами, однако в то время еще не появилось работ, посвященных всестороннему анализу позиции и политики России именно в отношении происходившего в Косове. В большинстве статей, анализирующих причины косовского кризиса, позиции Москвы рассматривалась в качестве одного из ключевых факторов, определивших характер влияния кризиса на международный порядок, а также обстоятельства и динамику его интернационализации. В этот период китайские ученые единодушно считали, что одной из причин вмешательства США в ситуацию в автономном крае Косово и Метохия стало стремление расчистить препятствия для расширения НАТО за пределы ее текущих границ и обеспечить дальнейшее сужение стратегического пространства России.

На основе анализа отношений между Россией и СРЮ, выступлений российского руководства, заявлений представителей МИД РФ и голосований российских дипломатов в ООН большинство китайских экспертов считало, что на начальном этапе косовского кризиса поддержка Москвой Белграда носила бескомпромиссный характер, в следствие чего Россия оказалась в «острой конфронтации с позицией США». Тем не менее в трактовке отношения России к резолюции 1199 СБ ООН в китайских научных кругах

[1082] *刘泓.* 深思惊醒, 更当自强 — «科索沃危机研讨会»述要 // 世界民族. 1999. № 2. С. 81 [*Лю Хун.* Глубокие размышления пробуждают к самоусилению: обзор «Симпозиума по косовском кризису» // Нации мира].

[1083] 人民大学举办«科索沃危机与中国的国际战略»学术研讨会 // 光明网. [Народный университет проводит научную конференцию «Косовский кризис и международная стратегия Китая» // Гуанминван]. 22.05.1999. https://www.gmw.cn/01gmrb/1999-05/22/GB/18064%5EGM2-2219.HTM (дата обращения: 09.12.2025).

[1084] *刘武通.* «科索沃战争与新世纪国际格局» 学术研讨会论文 // 国际政治研究. 1999. № 4. С. 1–9. [*Лю Утун.* Сбор научной конференции «Косовская война и международный порядок нового века» // Исследования международной политики].

имелись значительные расхождения. Специалист по Восточной Европе Сунь Цзяньжун, анализируя интернационализацию косовской проблемы, считала, что Москва «решительно поддерживает СРЮ»[1085], в то время как Ху Яньсинь[1086] придерживался мнения, что отношение России к косовскому кризису является «противоречивым» (с одной стороны, решительное противодействие применению силы НАТО против СРЮ, с другой – стремление избежать полного разрыва с Западом). Он характеризовал отношение Москвы к расширению НАТО как «демонстрацию силы при внутренней слабости» (外强内虚), и сомневался в способности России предотвратить военные действия НАТО. Подтверждение своего вывода исследователь усматривает в изменении позиции России в ходе обсуждения и голосования по резолюции 1199 СБ ООН (от категорического неприятия применения силы до поддержки резолюции, предусматривавшей давление на СРЮ и возможность применения силы). В обзоре, выполненном сотрудником ИВЕЦА КАОН Цзо Я, были выявлены и рассмотрены противоречия между сербами и албанцами СРЮ, копившиеся на протяжении 1998 г. В своих выводах автор использовала термин «конфронтация» (对峙) для описания отношений России с США и их союзниками в связи с косовским вопросом, отметив, что визит министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова в Белград (16–18 марта 1998 г.) стал демонстрацией поддержки СРЮ, а поездка С. Милошевича в Москву (15 июня 1998 г.) превратила Россию в «важную сторону в урегулировании косовского кризиса». Вместе с тем анализируя последовавшую за этим дискуссию в СБ ООН по проекту резолюции 1199, подготовленному Великобританией и Францией и содержащему требования о прекращении боевых действий и выводе сил безопасности СРЮ из Косова и Метохии, Цзо Я пришла к выводу, что действия западных стран стали еще более «безоглядными и самонадеянными» (有恃无恐)[1087].

Ряд китайских наблюдателей сосредоточился на анализе взаимосвязи внутриполитической обстановки в России и ее внешнеполитических шагов. При этом исследователи стремились не только учитывать влияние геополитических факторов, но и

[1085] *孙建蓉.* 科索沃危机剖析 // 现代国际关系. 1998. № 7. С. 34. [*Сунь Цзяньжун.* Анализ косовского кризиса // Современные международные отношения]; *孙建蓉.* 科索沃冲突双方及国际社会的观点和立场 // 国际资料信息. 1998. № 9. С. 12. [*Сунь Цзяньжун.* Взгляды и позиции сторон косовского конфликта и международного сообщества // Международная информация и материалы].

[1086] *胡延新.* 科索沃会成为“第二个波黑”吗? // 当代世界. 1998. № 11. С. 20. [*Ху Яньсинь.* Станет ли Косово “второй БиГ”? // Современный мир].

[1087] *左娅.* 南联盟: 塞、阿两族矛盾激化的一年 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 1998 / 张森主编. 北京: 当代世界出版社, 2000. С. 198–201. [*Цзо Я.* СРЮ: год обострения сербско-албанских противоречий // Ежегодник Россия и страны Восточной Европы и Центральной Азии / Под ред. Чжань Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].

историческо-культурную близость между Россией и Сербией. В их выводах представлено углубленное изучение мотивов и результативности российской политики в отношении Косова. По мнению Сунь Цзяньжуна, Россия поддержала СРЮ по ряду причин. Ключевой из них выступало стремление следовать исторической традиции защиты и обеспечения национальных интересов России на Балканах. Поддержка Белграда в косовском вопросе рассматривалась как инструмент восстановления баланса сил, нарушенного после утраты Москвой влияния в Юго-Восточной Европе в результате продвижения НАТО на восток, а также как способ восстановления имиджа России как великой державы. Второй причиной, по мнению Сунь, стало столкновение руководства России с собственными сложными этническими проблемами (прежде всего чеченской). Третьей причиной Сунь назвал «санкции исключительно против Югославии», что, по его мнению, не способствовало «стабилизации ситуации на Балканах»[1088]. Сходным образом оценил действия Москвы профессор Института иностранных языков НОАК Чжоу Цзяньпин, считавший, что «жесткая позиция» России в косовском кризисе свидетельствовала о ее стремлении «не только сохранить свою традиционную сферу влияния на Балканском полуострове», но и, что более важно, защитить «родных братьев»[1089].

Ван Чжицзюнь (Нанкинская академия командования сухопутных войск) подчеркивал важность для России четко понимать глубинные причины вмешательства США и ЕС в косовские дела, полагая, что Москва, исходя как из симпатии к Югославии, экономических связей с ней, так и из геополитических соображений и интересов национальной безопасности, не потерпит действий НАТО и это приведет и к дальнейшему обострению ее отношений с Западом, и усложнению косовской проблемы[1090]. Сотрудник ИВЕЦА КАОН Ли Гэнмань, опираясь на подготовленный им обзор внешней политики России в 1998 г. считал, что Москва не только «отстояла статус великой державы на международной арене, но и укрепила его, <...> особенно в вопросах расширения НАТО и в отношении региональных горячих точек ее позиция становилась все более

[1088] *孙建蓉.* 科索沃危机剖析 // 现代国际关系. 1998. № 7. С. 34. [*Сунь Цзяньжун.* Анализ косовского кризиса // Современные международные отношения].

[1089] *周建平.* 前南地区动荡不已的症结初探 — 从波黑冲突到科索沃危机 // 解放军外国语学院学报. 1999. № 2. С. 112–114. [*Чжоу Цзяньпин.* Предварительные исследования причин продолжающихся беспорядков в регионе бывшей Югославии: от боснийского конфликта до косовского кризиса // Вестник Института иностранных языков НОАК].

[1090] *王志军.* 建立国际政治新秩序的阴影 — 科索沃危机政治解决对国际新秩序的影响 // 当代世界. 1998. № 12. С. 28. [*Ван Чжицзюнь.* Тень над созданием нового международного политического порядка: влияние политического решения косовского кризиса на новый международный порядок // Современный мир].

определенной»[1091]. Ли отметил, что позиция России в косовском кризисе привела к обострению российско-американских отношений по двум причинам: с одной стороны, это было обусловлено необходимостью защиты ее коренных политических, военных, экономических и стратегических интересов на Балканах, с другой – стремлением восстановить статус великой державы и заставить считаться с ее мнением в важных международных вопросах [1092] . Си Жуньчан, сотрудник Института современных международных отношений Китая, анализируя особенности политического взаимодействия между великими державами в 1998 г., первым в Китае сравнил позиции и действия КНР, России и НАТО по косовскому вопросу и путям его решения. Он подчеркнул, что тогда Москве и Пекину, решительно противостоявшим в СБ ООН идее применения силы НАТО (Китай исходил из моральных принципов, а Россия главным образом – из собственных интересов), удалось заблокировать военные действия Альянса против Югославии и тем самым предотвратить балканскую войну, которая могла вспыхнуть еще годом ранее[1093].

Заметное обсуждение в исследуемый период развернулось на страницах еженедельника «Ляован», что нашло отражение в ряде соответствующих статей. Се Жун объяснял причины противодействия России военному вмешательству в косовский кризис историей отношений России с Югославией, ее тесными торгово-экономическими связями с СРЮ и необходимостью защиты российских стратегических интересов в балканском регионе. Вместе с тем, хотя исследователь и был уверен, что Москва окажется важной стороной в урегулировании косовского кризиса, он полагал, что из-за снижения государственной мощи она не сможет сыграть решающую роль[1094]. В октябре 1998 г. Шэнь Билянь объясняла, что стратегические соображения России в противодействии силовым сценариям НАТО были продиктованы желанием Москвы «восстановить имидж великой державы, смягчить угрозы ее национальной безопасности из-за расширения НАТО на восток, сохранить влияние в балканском регионе и предотвратить возможное внешнее вмешательство в будущем»[1095].

[1091] *李耕忙*. 1998 年俄罗斯外交综述 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴 / 张森主编. 北京: 当代世界出版社, 2000. С. 49. [*Ли Гэнман*. Обзор внешней политики России в 1998 г. // Ежегодник России и стран Восточной Европы и Центральной Азии/ Под ред. Чжан Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].

[1092] Там же. С. 51.

[1093] *郗润昌*. 1998 年大国政治关系的特点 // 和平与发展. 1999. № 1. С. 13. [*Си Жуньчан.* Особенности политических отношений между великими державами в 1998 г. // Мир и развитие].

[1094] *谢荣*. 科索沃危机深化西方加紧干预步伐 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 27. С. 43. [*Се Жун.* Углубление косовского кризиса и усиление вмешательства Запада // Еженедельник «Ляован»].

[1095] *沈碧莲*. 耐人寻味的科索沃危机 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 43. С. 39–41. [*Шэнь Билянь.* Косовский кризис, заставляющий задуматься// Еженедельник «Ляован»].

Вышеизложенные примеры позволяют охарактеризовать взгляды китайских исследователей на балканскую политику России до начала натовской агрессии против Югославии как консенсусное признание наличия у России особых интересов в балканском регионе. При этом высокая вероятность активного вмешательства НАТО во главе с США в косовский конфликт, по мнению большинства китайских экспертов, вела к тому, что обуславливала необходимость для России занять твердую ответную позицию. Подобная потенциальная готовность Москвы встречала положительные экспертные оценки со стороны китайских исследователей. Тем не менее часть ученых также отмечала сложность и изменчивость российской позиции. Они полагали, что основными побудительными мотивами балканской политики России выступали защита собственных ключевых национальных интересов, регенерация имиджа великой державы, а также стремление к сохранению традиционного влияния в Юго-Восточной Европе. Хотя общие исторические корни и традиционные связи между Россией и Югославией действительно оказали важное воздействие на балканскую политику Москвы, китайские ученые в целом были уверены, что это не являлось основной детерминантой при выборе Москвой политического курса в регионе.

3.2.2. Оценка позиции России на Балканах (с марта 1999 по 2008 г.)

Агрессия, развязанная НАТО против СРЮ в марте 1999 г. в нарушение Устава ООН (и общеупотребительно именуемая в Китае «косовской войной»), стала первой войной вне зоны ответственности Североатлантического альянса за всю историю существования блока и рассматривается как «точка поворота в международных отношениях» и «первый крупный кризис мультилатерализма в международной системе после окончания холодной войны»[1096]. Эти действия НАТО обычно рассматриваются китайскими экспертами как проявление «нового интервенционизма» Североатлантического блока, а также как важный шаг Вашингтона в ускорении продвижения стратегии глобального господства США на рубеже XX и XXI вв. и яркий маркер нового развития их гегемонизма[1097]. Заместитель главного редактора агентства «Синьхуа» Ма Шэнжун полагал, что в российско-американских отношениях после окончания холодной войны Вашингтон по отношению к России придерживался политики, направленной на «ослабление, сдерживание и предупреждение»[1098] (削弱、遏制和防范), а целью военных действий США весной 1999 г. было «полное вытеснение российского влияния из восточноевропейских

[1096] *Hughes J.* Russia and the Secession of Kosovo: Power, Norms and the Failure of Multilateralism // Europe – Asia Studies. 2013. Vol. 65. No.6. P. 992.

[1097] *钟和*. 美国推行霸权主义的种种表现 // 科学社会主义. 1999. № 3. С. 16–20. [*Чжун Хэ*. Различные проявления гегемонизма, проводимого США // Научный социализм].

[1098] *马胜荣*. 科索沃: 点燃的火药桶. С. 153. [*Ма Шэнжун*. Косово: подожженная бочка пороха].

посткоммунистических стран»[1099].

Заместитель заведующего отделом международной стратегии Института мировой экономики и политики КАОН Тан Жэньмо выделил ряд факторов, предопределивших, по его мнению, роль России как государства, способного в случае угрозы агрессии НАТО против СРЮ остановить гегемонистские действия Североатлантического альянса на Балканах: во-первых, несмотря на экономический спад Россия оставалась в военном отношении великой державой, сохраняющей влияние на европейские и мировые дела; во-вторых, Россия имела опыт противостояния НАТО; в-третьих, Россия имела стратегические интересы на Балканах, которые по-прежнему оставались сферой ее влияния, а СРЮ фактически была единственным союзником Москвы в бывшей советской сфере влияния в Европе[1100]. Исследователь-югославист Чи Линцзюнь трактовал поддержку Белграда Москвой как последнюю возможность для России защитить свои традиционные интересы в Европе и «достоинство великой державы»[1101]. Эксперт-балканист Ма Сипу подчеркнул, что возвращение России в регион «способствует как усилению ее статуса великой державы, так и поддержанию баланса влияния внешних сил на Балканах и стабильности в регионе»[1102].

Почти все эксперты-международники разделяли мнение о том, что Россия сыграла важную роль в урегулировании косовского кризиса, хотя они также признавали, что подходы российской дипломатии не были статичны и претерпевали значительные изменения. Вместе с тем при оценке мотивов, характера и эффективности конкретных политических действий Москвы на различных этапах косовского кризиса китайские ученые-международники существенно расходились во мнениях.

В подавляющем числе случаев позиция Москвы на начальном этапе агрессии НАТО характеризовалась как «жесткая» и «противоречивая», а в последующем, по мере развития ситуации, отмечалось, что российские подходы постепенно эволюционировали в сторону компромисса и уступок, в результате чего Москва выступила в роли посредника в урегулировании. При этом для ее политики была характерна ярко выраженная «двойственность», проявлявшаяся в «колебаниях», «компромиссности» и «непоследовательности». Данной позиции придерживались исследователи из экспертных институтов и центров системы КАОН, специалисты по международным отношениям из высших учебных заведений и соответствующих подразделений в редакциях

1099 Там же. С. 157.

1100 单极世界的阴霾. С. 210. [Туман однополярного мира].

1101 *迟令军, 周荣国, 傅大刚, 赵磊.* 科索沃启示录. С. 68–69. [*Чи Линцзюнь, Чжоу Ронго, Фу Даган, Чжао Лэй*. Апокалипсис Косова].

1102 *马细谱.* 巴尔干纷争. С. 266. [*Ма Сипу.* Балканские раздоры].

национальных СМИ. Чжу Гожун, эксперт по России Китайского общества международной стратегии[1103], констатировал, что в начальный период агрессии НАТО против СРЮ «эскалация военных действий не отвечала интересам России. По этой причине ее дипломатия стремилась сочетать жесткость позиции с сохранением пространства для маневра», избегая шагов, которые могли бы втянуть Москву в прямое военное противостояние с возглавляемым Вашингтоном блоком НАТО. В развитие этой точки зрения, Тан Жэньмо добавил, что для предотвращения воздушных ударов НАТО по СРЮ Россия «приложила максимальные усилия в политической, дипломатической и военной сферах»[1104], но не сумела воспрепятствовать действиям НАТО. Он также упомянул, что позиция Москвы обращала на себя внимание «двойственностью» – сочетанием «резкого осуждения и компромиссных уступок»: она, с одной стороны, резко осуждала «американский гегемонизм и экспансионизм», а с другой – «в критические моменты зачастую шла на компромиссы и уступки»[1105]. Аналогичное суждение о противоречивости российской политики вынес и сотрудник Шанхайской академии общественных наук Ван Чжипин, считавший, что защита интересов и безопасности «братских славянских народов» являлась «обязанностью» Москвы. «В косовском кризисе, – писал он, Россия должна была выступать защитницей интересов и безопасности славянских народов, не располагая при этом достаточными силами для выполнения соответствующих обязательств. Под мощным давлением внутри страны она была вынуждена предпринимать конкретные действия по поддержке Югославии, но в то же время опасалась, что реакцией Запада на это станет прекращение экономической помощи»[1106]. Сфокусировав внимание на целях занятой Россией жесткой позиции и ее действиях в начальный период «косовской войны», Пань Найгун продемонстрировал, что ключевая задача Москвы состояла в обеспечении за собой роли наиболее авторитетного посредника в процессе возобновления мирных переговоров между конфликтующими сторонами. Подобная стратегия диктовалась необходимостью защиты ее собственных интересов и влияния в балканском регионе[1107]. Схожее мнение высказывал и бывший заместитель руководителя агентства Синьхуа Гао Цюфу в своей книге о мировом порядке

[1103] 科索沃危机北约将如何收场 // 瞭望新闻周刊. 1999. № 15. С. 53. [Как завершится косовский кризис для НАТО // Еженедельник «Ляован»].

[1104] 单极世界的阴霾. С. 223. [Туман однополярного мира].

[1105] Там же. С. 229.

[1106] *王志平.* 科索沃危机与大国关系调整 // 国际观察. 1999. № 3. С. 3. [*Ван Чжипин.* Косовский кризис и корректировка отношений между великими державами // Международное обозрение].

[1107] *潘乃巩.* 俄罗斯会否在科索沃问题上与美国和北约迎头相撞? // 国际展望. 1999. № 7. С. 6–9. [*Пань Найгун.* Столкнется ли Россия с США и НАТО по косовскому вопросу? // Международное обозрение].

после агрессии НАТО против Югославии, вышедшей в 1999 г., но все еще не потерявшей актуальности: «столь жесткая реакция России на действия НАТО была первой после распада Советского Союза», а ее целью – было «обретение права голоса в европейских вопросах»[1108].

После завершения событий 1999 г. выработанная оценка действий России среди экспертов Китая не претерпела серьезных изменений. Значительное внимание этой теме было уделено в исследованиях сотрудников профильного научно-исследовательского центра КАОН Лю Фэнхуа, Ву Дахуэй и Лу Цихуа. В их работах позиция России определялась как непоследовательная и колеблющаяся. Лу Цихуа считал, что «жесткая позиция, занятая Россией в начальный период, имела в основном показушный характер и не смогла оказать сдерживающего влияния на действия НАТО, поэтому стратегию пришлось корректировать»[1109]. Лю Фэнхуа считал, что реакция России на авиаудары НАТО по Югославии была «бурной», однако ее балканская политика отличалась отсутствием «последовательности», действиями по принципу «сначала – протестовать, потом – уступить»[1110]. По мнению исследователя, назначение Б.Н. Ельциным В.С. Черномырдина специальным представителем, ослабление роли министра И.С. Иванова, отставка Е.М. Примакова были направлены на изменение роли Москвы – от противника действий НАТО к посреднику между НАТО и Югославией[1111]. Характеристика эксперта Ву Дахуэя, данная российским действиям весны – начала лета 1999 г., была более глубокой и отличалась большим количеством нюансов. По его мнению, внешнеполитический курс России в период «косовской войны» демонстрировал значительные поэтапные «колебания»: в начале военных действий Москва проявила себя твердым сторонником Югославии, однако в связи с изменением обстановки Россия превратилась в посредника между Югославией и НАТО, сыграв ключевую роль в возвращении урегулирования косовского кризиса в рамки ООН[1112].

Китайские эксперты выделяли в политике России в отношении конфликта в Косове и ее реакции на агрессию НАТО и авиаудары по СРЮ, целью которых, по их мнению, было наказание режима Милошевича, три этапа, акцентируя внимание на двух основных ее трансформациях: довольно быстрый переход от позиции резкой критики действий НАТО во главе с США в фазу поиска компромисса, а затем и к роли посредника между

1108 *高秋福.* 烟消云散: 科索沃战争与世界格局. 北京: 新华出版社, 1999. С. 253. [*Гао Цюфу.* Рассеявшийся дым: косовская война и мировой порядок. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

1109 *陆齐华.* 俄罗斯和欧洲安全. С. 190. [*Лу Цихуа.* Россия и европейская безопасность].

1110 *柳丰华.* “铁幕消失之后”… С. 83. [*Лю Фэнхуа.* «После исчезновения железного занавеса»…].

1111 Там же. С. 83.

1112 既非盟友, 也非敌人. 下卷. С. 752. [Ни союзники, ни враги. Т. 2].

НАТО и режимом С. Милошевича в Белграде. Китайские авторы по-разному определяли и продолжают определять конкретные временные рамки и знаковые события этих изменений в политике Москвы. В материале журнала «Современный мир и социализм» (1999 № 3) ведущие эксперты КНР по российской проблематике представили обзор эволюции позиции России в 1999 г., отметив, что «в начальный период косовской войны обострение российско-американских противоречий достигло своего пика с момента окончания холодной войны, вместе с тем, еще до завершения кризиса Россия начала корректировать свою политику, стремясь решить вопрос путем сотрудничества, а не противостояния НАТО»[1113]. Подробно раскрывая тему, Тан Жэньмо выделил три этапа российской политики в косовском конфликте: первый – стремление России, выступая в качестве великой державы, действовать совместно с НАТО, оставаясь при этом и оппонентом стремления блока доминировать в процессе урегулирования косовского кризиса; второй этап – компромиссы и уступки; третий этап – исполнение роли посредника. Автор дал высокую оценку российской позиции на третьем этапе, считая, что роль посредника являлась оптимальным позиционированием России в урегулировании конфликта, соответствовала ее национальным условиям и интересам и могла быть принята как НАТО, так и СРЮ[1114].

Под другим углом анализировал эту проблему эксперт по международным отношениям Вань Чэнцай. Он назвал российскую позицию весной и в начале июня 1999 г. «решительным противодействием применению силы и отстаиванием политического урегулирования» и также выделил три ее фазы: первая – решительные действия; вторая – смягчение позиции в расчете на обещание МВФ предоставить Москве новые займы, что выразилось, с одной стороны, в назначении В.С. Черномырдина специальным посланником для участия в урегулировании кризиса, а с другой – в четком заявлении о невмешательстве в военные действия; третья фаза – марш-бросок десантников на Приштину. Автор высоко оценил эту военную операцию, обратив внимание на ее «далекоидущее политическое значение»[1115]. Еще более детальный анализ событий провел Ву Дахуэй, который полагал, что прекращение в связи с бомбардировками НАТО визита Е.М. Примакова в США стало знаковым событием, показавшим Россию принципиальным союзником СРЮ в начальный период войны; тогда как выступление президента Б.Н.

[1113] *冯绍雷, 卿文辉, 范军.* 热话题与冷思考（十一） — 关于全球性与民族性的对话 // 当代世界与社会主义. 1999. № 3. С. 7–8. [*Фэн Шаолэй, Цин Вэньхуэй, Фань Цзюнь.* Горячие темы и холодные размышления (XI): диалог о глобальном и национальном // Современный мир и социализм].

[1114] 单极世界的阴霾. С. 225–238. [Туман однополярного мира].

[1115] 科索沃能否实现持久和平 // 瞭望新闻周刊. 1999. № 25. С. 9–10. [Может ли Косово достичь прочного мира //Еженедельник «Ляован»].

Ельцина 6 апреля ознаменовало трансформацию позиции Москвы из сторонника СРЮ в посредника между ней и НАТО. Захват российскими военными 12 июня аэродрома Слатина, – по его мнению, – стал символом превращения России из посредника в активного миротворца в регионе Косово[1116]. К аналогичным выводам пришел и Чэнь Хайянь, отмечая, что авиаудары НАТО по СРЮ вызвали «решительное противодействие» России. Вместе с тем в условиях ее ограниченных возможностей Москва постепенно перешла к курсу «компромисса», начав играть роль участника событий, «лавирующего между сторонами» (左右逢源). Знаковым проявлением этого стали заявление президента Ельцина о невовлеченности России в балканский конфликт, а также назначение Черномырдина специальным посланником президента РФ[1117].

Анализ различных точек зрения китайских авторов позволяет выделить комплекс факторов, определивших противоречивость позиции России в косовском кризисе, и учитывает ее генезис под воздействием как внешнеполитических императивов, так и внутренних ограничений, отражавших политико-экономическую ситуации в РФ. Тан Жэньмо отнес к числу таких детерминант следующие: 1) нестабильность внутриполитической ситуации, осложнившей «формирование единой государственной воли и стабильного внутри- и внешнеполитического курса»; 2) серьезный экономический кризис, лишивший Москву возможностей противостояния НАТО; 3) невозможность для российских вооруженных сил противостоять НАТО; 4) отсутствие у России ясной и стабильной внешнеполитической стратегии, что стало причиной «слепоты, необязательности и колебаниям ее внешней политики и привело к состоянию пассивности ее дипломатии»[1118].

Серьезное внимание уделили китайские исследователи и анализу внешнеполитических мотивов действий России. Пань Найгун объяснил решительное противодействие Москвы НАТО в начальный период агрессии НАТО против СРЮ целым рядом факторов, среди которых: важность геополитических и экономических интересов России на Балканах; ее стремление снизить темпы расширения НАТО на восток; необходимость воспрепятствовать реализации «новой стратегической концепции» Североатлантического союза и США для избежания создания опасного прецедента;

[1116] 既非盟友，也非敌人. 下卷. С. 752–761. [Ни союзники, ни враги. Т. 2].

[1117] *陈海燕.* 浅论科索沃危机对大国关系的影响 // 山东教育学院学报. 2000. № 1. С. 3–7. [*Чэнь Хайянь.* Краткий анализ влияния косовского кризиса на отношения великих держав // Вестник Шаньдунского педагогического института].

[1118] 单极世界的阴霾. С. 229–233. [Туман однополярного мира].

задачи внутренней политики; традиционные связи России с Сербией[1119]. В анализ этих факторов еще больше углубился Лю Фэнхуа, уверенный в том, что решительное противодействие России воздушным ударам НАТО по СРЮ было обусловлено: во-первых, опасениями реализации «югославского сценария» в самой России; во-вторых, неприятием Москвой замыслов постепенного расширения НАТО к российским границам; в-третьих, наличием у России собственных интересов на Балканах[1120]. На двойственный характер российской политики в тот момент обратил внимание и Кун Тяньпин, который отметил, что действия Москвы на Балканах были ориентированы прежде всего на защиту своих собственных интересов, а ее роль в урегулировании кризиса имела двойственный характер: во время посреднических действий, с одной стороны, представляя Белграду позицию НАТО, она оказывала на него давление, с другой, – представляя СРЮ перед Брюсселем и Вашингтоном, вела переговоры с ними. По мнению Куна, такое поведение России свидетельствовало о ее нежелании «позволить ее отношениям с Югославией повлиять на отношения [России] с развитыми странами Запада», и при этом Москва не координировала своей политики на Балканах с политикой режима С. Милошевича[1121].

Считая очевидными явные противоречия в российской политике 1990-х гг. после распада СРЮ, научный сотрудник ИВЕЦА КАОН Сюй Чжисинь обратил внимание на значительную изменчивость позиции России при сохранении базовой установки на противостояние Западу. По его мнению, политика Москвы в отношении Югославии в 1990-е гг. определялась влиянием на нее четырех факторов: 1) стремлением не допустить экспансии НАТО на всю Восточную Европу и обеспечить себе статус великой европейской державы; 2) противодействием попыткам НАТО нарушать суверенитет многонациональных государств под предлогом «приоритета прав человека над суверенитетом»; 3) снижением интенсивности внешнеполитических действий России из-за упадка ее государственной мощи; 4) приоритетом отношений с Западом над отношениями с Югославией. Противоречивое сочетание этих факторов, как был уверен Сюй, определило характерные особенности российской политики: поддержка Белграда оставалась преимущественно на политическо-дипломатическом и моральном уровнях, а в случаях угрозы обострений из-за этого отношений с Западом, Москва шла на компромиссы, суть которых заключалась в принесении в жертву интересов Югославии,

---

[1119] *潘乃巩.* 俄罗斯会否在科索沃问题上与美国和北约迎头相撞? // 国际展望. 1999. № 7. С. 6–8. [*Пань Найгун.* Столкнется ли Россия с США и НАТО по косовскому вопросу? // Международное обозрение].

[1120] *柳丰华.* “铁幕消失之后”… С. 82–83. [*Лю Фэнхуа.* «После исчезновения железного занавеса»…].

[1121] 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 384. [Перемены в Югославии].

если это не наносило ущерба интересам России[1122].

Учет истории взаимоотношений России с государствами Балканского полуострова, прежде всего с Сербией и Югославией, как правило, являлся неотъемлемой частью представлений экспертов-международников Китая о действиях российской дипломатии в регионе. Китайские наблюдатели обращали внимание на отсутствие между Россией и Югославией исторически укорененного «естественного союза». При этом они рассматривали линию поведения в международных делах каждого из государств, как выстраиваемую прежде всего исходя из национальных интересов и внутриполитической конъюнктуры. Кун Ханьбин уверенно отказывал Югославии в статусе традиционного союзника России, считая, что Москва «не пойдет на полный разрыв с Западом из-за СРЮ» [1123]. Аналогичные аргументы он выдвигал и по поводу российско-белорусско-югославского союза. Исследователь считал, что именно особые отношения сотрудничества России со странами Запада предопределили невозможность вступления СРЮ в российско-белорусский союз. Активная позиция Госдумы РФ по данному вопросу, подчеркивал эксперт, была направлена не на поддержку Югославии, а на использование кризиса в регионе как инструмента в своей политической борьбе с Б.Н. Ельциным [1124]. Похожей точки зрения придерживался и доцент Университета национальной обороны Ли Дагуан, считавший, что Россия и Сербия вряд ли являются «естественными союзниками», а поддержка Москвой Белграда обусловлена не стремлением «защитить справедливость» и даже не «рациональными геополитическими соображениями», а желанием сохранить «имидж и престиж великой славянской державы»[1125]. Подобным же образом описал действия Москвы на постъюгославском пространстве и Гао Цюфу. Он был уверен в том, что Россия как государство, «обладавшее собственными геополитическими интересами», оценивала действия НАТО против Сербии исходя из «прагматизма», а не из соображений «православного братства» и «славянского единства»[1126].

Подводя итоги приведенного выше изучения аналитических материалов, можно сказать, что в этот период во взглядах китайских наблюдателей проявилось три различных подхода к оценке позиции России в отношении ситуации в Косове и агрессивных

[1122] *许志新*. 俄罗斯对南斯拉夫政策. С. 18–23. [*Сюй Чжисинь.* Югославия во внешнеполитической стратегии России].

[1123] *孔寒冰.* 科索沃危机的历史根源及大国背景. С. 175. [*Кон Ханбин.* Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав].

[1124] Там же. С. 186.

[1125] *李大光, 李莉, 赵广辉, 黄锦明.* 散不尽的硝烟. С. 105–106. [*Ли Дагуан, Ли Ли, Чжао Гуанхуэй, Хуан Цзиньмини*. Нескончаемый дым пороха].

[1126] *高秋福.* 烟消云散. С. 226. [*Гао Цюфу.* Рассеявшийся дым].

действий НАТО против Югославии: позитивный, негативный и диалектический.

Китайские наблюдатели, положительно оценивавшие действия России в период косовского кризиса и ее противодействие НАТО в разрешении конфликта посредством военного давления на СРЮ, обращали особое внимание на шаги Москвы по урегулированию кризиса на платформе ООН. В частности, Кун Ханьбин и Гуань Гуйхай, охарактеризовавшие Россию как «заметного актора второго порядка» в косовском кризисе, отмечали «твердую, но гибкую» позицию российского руководства, проявившуюся в трех ключевых аспектах: невовлечении в конфликт между НАТО и СРЮ, сохранении экономических связей с Западом и активном дипломатическом посредничестве в политическом урегулировании ситуации[1127]. Оба автора также считали, что окончание «косовской войны» стало возможным благодаря российскому дипломатическому посредничеству, побудившему всех акторов событий пойти на взаимные уступки. При этом захват российскими миротворцами аэропорта Слатина в результате марш-броска из Боснии эксперты оценили как шаг, выполнивший две важные задачи: демонстрации статуса и роли России, и для нейтрализации критики недовольных компромиссами и уступками В.С. Черномырдина со стороны ультранационалистов и военных кругов в самой России[1128]. Не лишена самобытности точка зрения эксперта по России Ай Пина, считавшего, что после начала 24 марта военных действий НАТО против СРЮ Россия продемонстрировала «беспрецедентно сильную реакцию» в военном, политическом и дипломатическом смыслах. Дипломатические усилия Москвы способствовали смягчению кризиса и позволили в основном достичь таких стратегических целей, как обеспечение территориальной целостности и суверенитета СРЮ; возвращение процесса урегулирования кризиса на платформе и принципах ООН, а также гарантированное участие России в окончательном разрешении кризиса [1129]. По мнению автора, дипломатические усилия Москвы сыграли позитивную роль в смягчении регионального конфликта и укреплении авторитета ООН в урегулировании кризисов[1130]. Во многом схожей позиции в отношении роли России придерживался Ма Сипу, который охарактеризовал ее действия как «важный фактор в разрешении косовского кризиса». Россия, напоминал Ма, «определенно поддерживала СРЮ, решительно выступала против вооруженного вмешательства и стала важным фактором в разрешении косовского

[1127] *孔寒冰.* 科索沃危机的历史根源及其大国背景 // 国际政治研究. 1999. № 3. С. 42. [*Кун Ханьбин.* Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав // Исследования международной политики].

[1128] *孔寒冰, 关贵海.* 叶利钦执政年代. С. 475–476. [*Кун Ханьбин, Гуань Гуйхай.* Борис Ельцин и его эпоха].

[1129] 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）. С. 63–64. [Россия в эпоху Ельцина. Т. Дипломатия].

[1130] Там же. С. 70.

кризиса». По его мнению, «жесткая позиция России способствовала восстановлению ее имиджа на Балканах, компенсации понесенных потерь в боснийском вопросе и сохранению статуса великой державы»[1131]. Аналогичный подход, хотя и в менее развернутом виде, прослеживается в работах доцента Пекинского университета иностранных языков Ке Цзин, которая считала важным, что «при посредничестве России косовский вопрос вновь вернулся в юрисдикцию ООН»[1132].

Комплиментарные оценки действий России, хотя и преобладали во взглядах китайских авторов, но не были единственными. Некоторые исследователи, углубленно изучавшие ситуацию на Балканах, достаточно негативно характеризовали подходы и действия Москвы во время агрессии НАТО против СРЮ. В частности, Чэнь Шипин назвал политику России в «косовской войне» «внешне сильной, но внутренне слабой», считая ее действиями государства, «попавшего в затруднительное положение и испытавшего унижение». По мнению автора, именно это и вынудило Москву взять на себя «роль международного посредника». При этом исследователь положительно отозвался о посреднической роли В.С. Черномырдина, благодаря действиям которого конфликтующие стороны подписали мирное соглашение, а косовский кризис получил политическое разрешение. Наряду с этим Чэнь уделил особое внимание значению занятия российским десантом аэропорта Приштины, что, как он считал, «обеспечило России инициативу в переговорах с США по вопросам миротворчества»[1133]. Примерно в том же ключе охарактеризовал действия России сотрудник ИВЕЦА КАОН Кун Тяньпин, считавший Россию «ослабевшей великой державой», которая не в состоянии действовать эффективно в балканском регионе. По его мнению, балканская политика Москвы была сосредоточена на своих собственных интересах, а ее роль в урегулировании кризиса имела двойственный характер: с одной стороны, Россия оказала содействие НАТО в давлении на Белград, с другой – представляла его в переговорах с НАТО. Подобное поведение Москвы, как объяснял эксперт, подтверждало ее нежелание допустить, «чтобы отношения с Югославией повлияли на отношения с развитыми странами Запада»[1134]. Вывод, сделанный наблюдателем, вытекает из его рассуждений: «если судить по косовской войне, Россия выступает посредником между НАТО и Югославией, исходя из собственных интересов и пытаясь что-то предпринять, но безуспешно»[1135]. Сотрудник ИВЕЦА КАОН

[1131] *马细谱.* 巴尔干纷争. С. 457. [*Ma Cuny.* Балканские раздоры].

[1132] *柯静.* 科索沃的历史、现状及未来走向 // 国际论坛. 2006. № 6. С. 68. [*Кэ Цзин.* История, текущее состояние и будущие тенденции Косова // Международный форум].

[1133] 俄罗斯与大国及周边关系. С. 258. [Отношения России с крупными державами и соседями].

[1134] 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 384. [Перемены в Югославии].

[1135] Там же. С. 384.

Цзо Я полагал, что предпринятые перемещения ВМФ России в Средиземном море во время действий НАТО против СРЮ явились «политическим жестом», в то время как усилия российской дипломатии из-за серьезных разногласий с западными странами «не дали никаких результатов»[1136]. Столь же бескомпромиссными были и оценки Гао Цюфу, утверждавшего, что Россия оказалась на вторых ролях в международных делах, не сумев «эффективно использовать свои ограниченные ресурсы для защиты национальных интересов»[1137] в косовском конфликте. Не менее критично эксперт оценил и внешнюю политику России, считая, что Москва не сумела выступить с независимой дипломатической инициативой для достижения компромисса, вместо этого демонстрируя дипломатические шатания. Россия, как считал наблюдатель, «перескочила от одной крайности к другой: от почти полного единства позиций с Милошевичем к принятию ультиматума НАТО, подтверждающего его полную победу»[1138]. Давая оценку операции российского десанта по занятию аэродрома Слатина, эксперт заметил, что она позволила Москве в подходящее время и в подходящем месте с минимальными затратами добиться значительной политико-дипломатической победы[1139], которая, хотя и была весьма «искусной», представляла собой для Запада лишь «блеф» (虚张声势), направленный на обслуживание внутриполитической борьбы в самой России. Сотрудник ИРВЕЦА КАОН Лю Фэнхуа полагал, что в косовском кризисе «Россия из-за ослабления собственной государственной мощи оказалась неспособной противостоять НАТО, что привело к отсутствию последовательности в ее политике по отношению к СРЮ и фактическому исполнению роли "посланника" НАТО. В результате Россия потеряла Сербию – единственного партнера на Балканах, что привело к почти полному исчезновению ее влияния в этом регионе, а НАТО там укрепило и расширило свои геополитические преимущества»[1140].

Диалектическая оценка роли России в событиях 1999 г., оказалась наименее популярной среди китайских наблюдателей. Тем не менее, она была достаточно развернуто представлена частью экспертов, убежденных в том, что в ходе косовского конфликта Россия, с одной стороны сыграла определенную роль в урегулировании, но с другой – понесла существенные дипломатические и имиджевые потери. По мнению Лу Цихуа, Москва сыграла роль важного посредника на Балканах и оказала определенное

[1136] *左娅.* 错综复杂的科索沃问题 // 东欧中亚研究. 1999. № 3. С. 59–63. [*Цзо Я.* Сложная и запутанная косовская проблема // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

[1137] *高秋福.* 烟消云散. С. 226. [*Гао Цюфу*. Рассеивающийся дым].

[1138] Там же. 228.

[1139] Там же. 234.

[1140] *柳丰华.* “铁幕消失之后”… С. 84. [*Лю Фэнхуа.* «После исчезновения железного занавеса»…].

влияние на урегулирование ситуации. Вместе с тем исследователь обратила внимание на то, что хотя деятельность российской дипломатии в течение «косовской войны» и принесла некоторые результаты в краткосрочной перспективе, в долгосрочной перспективе «потери превысили приобретения». Среди позитивных итогов российской дипломатической деятельности эксперт выделила уникальную роль и определенное сохранение престижа великой державы, возвращение косовского кризиса в рамки СБ ООН, сохранение в определенной мере, суверенитета и территориальной целостности СРЮ, а также, обеспечение военно-политического присутствия в Косове. Неудачи же, по ее мнению, заключались в нанесении серьезного ущерба отношениям с Белградом, значительном сужении стратегического пространства России в Восточной Европе и дальнейшем ослаблении относительно равноправного партнерского статуса в отношениях с США и другими западными странами[1141]. По ее мнению, дипломатия России отличалась «слабостью, двойственностью и эгоизмом»: стремлением противостоять США и другим странам НАТО при нежелании портить с ними отношения; желанием поддержать СРЮ при одновременном давлении на нее от имени Североатлантического альянса; попытками сдержать действия НАТО и быстро прекратить бомбардировки СРЮ при одновременном стремлении продемонстрировать роль великой державы и «получить дипломатические дивиденды»[1142]. Лу также отметила, что во время этих событий Россия последовательно сыграла три роли: «союзника» Югославии, «посредника» между воюющими сторонами и «лоббиста» (说客) НАТО[1143]. Оценивая значения действий России, близкую позицию высказывал и доцент Университета национальной обороны НОАК Ху Сыюань. Рассматривая изменения в мире, которые, как он считал, имели стратегический характер, исследователь аргументировал тезис о том, что военные действия НАТО против СРЮ подтвердили переход России на положение «второразрядной державы». Одновременно с этим он отметил, что Россия по-прежнему остается «могущественной державой» и «одним из полюсов многополярного международного устройства мира»[1144].

Сотрудник Исследовательского центра мировой стратегии Нанкинского института международных отношений Цзян Вэймин, как и большинство китайских наблюдателей, обращал внимание на дилемму России в косовском конфликте. По его мнению, несмотря на первоначальную жесткую политическую реакцию, Россия, в виду ограниченности

1141 *陆齐华.* 俄罗斯和欧洲安全. С. 191–193. [*Лу Цихуа*. Россия и европейская безопасность].
1142 Там же. С. 193.
1143 Там же. С. 189.
1144 *胡思远.* 从科索沃战争看世界战略格局的新变化 // 国际政治研究. 1999. № 4. С. 16. [Ху Сыюань. Новые изменения в мировой стратегической обстановке в свете косовской войны // Исследования международной политики].

государственной мощи и экономического потенциала, могла проводить лишь «осторожную, но жесткую» политику, пытаясь компенсировать негативные последствия своего состояния наступательными политико-дипломатическими действиями. Для описания реакции России в косовском конфликте Цзян воспользовался термином «двойственность», определяя его как «жесткую риторику при осторожных действиях». Данная линия реализовывалась преимущественно умеренными политическими средствами: отзывом военных представителей при штаб-квартире НАТО, прекращением контактов, предложениями о созыве экстренного заседания СБ. Отправка к зоне военных действий разведывательных кораблей российских ВМФ и проведение военных учений, по мнению эксперта, носили исключительно демонстративный характер. Исследователь подчеркивал, что президент Ельцин при этом сохранил «разум и трезвость», отказавшись от применения более радикальных мер, способных поставить Россию на грань войны (таких как снятие эмбарго на поставки оружия, направление добровольцев, размещение тактического ядерного оружия в Беларуси или заключение союза с Югославией). По мере эскалации воздушных ударов НАТО по СРЮ позиция России смягчилась, в результате чего Москва выступила в роли «честного брокера» (诚实掮客). Цзян Вэймин считал, что стратегия России была направлена не на конфронтацию и устрашение, а на сохранение достоинства великой державы и избежание изоляции в противостоянии с Западом. Определяя причины осторожной позиции России, он выделил три основные: приоритет национальных интересов, огромные военно-экономические риски, мощное давление со стороны НАТО и США. Считая, что косовская проблема отражает как снижение мощи России, так и растущую зрелость ее дипломатии в отношениях с Западом, эксперт уточнял: «Россия не стала подвергать опасности свои национальные интересы ради исключительно геостратегических соображений, но и не осталась безразлична к агрессивным действиям Запада, несмотря на серьезную зависимость ее экономики от него, и не оставила их без ответа»[1145].

Опытный наблюдатель, сотрудник Китайского института международных проблем Ся Ишань, считал, что в косовском кризисе «у России были и приобретения, и потери. Потери носили стратегический характер, приобретения – тактический: потери были более существенными, приобретения – в значительной мере поверхностными»[1146]. Эксперт

[1145] *江伟民.* “谨慎而强硬”: 解析俄罗斯在科索沃冲突中的困境 // 世界经济与政治. 1999. № 7. С. 26–31, 46. [*Цзян Вэйминь.* “Осторожная, но жесткая”: анализ дилеммы России в Косовском конфликте // Мировая экономика и политика].

[1146] *夏义善.* 科索沃战争及其国际影响 // 国际形势年鉴 2000. 上海: 上海教育出版社, 2000. С. 45. [*Ся Ишань.* Косовская война и ее международные последствия // Ежегодник международной обстановки. 2000. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство].

полагал, что развязывание Вашингтоном «косовской войны» в значительной степени было направлено против РФ, поэтому «поражение СРЮ в определенном смысле было и поражением России». Ся Ишань считал, что агрессия НАТО против СРЮ (он также называл ее «косовской войной») значительно ослабила позиции и влияние России на Балканах, обусловив переход всех бывших восточноевропейских и некогда союзных Москве государств на сторону НАТО. Среди тактических побед России исследователь выделил, во-первых, неожиданный захват аэропорта Приштины российским десантом, оговорившись при этом, что он не изменил ситуации доминирования НАТО в косовском вопросе; во-вторых, получение Россией обещания списать задолженности в ходе саммита «Большой восьмерки» в Кельне (18–20 июня 1999 г.) с участием президента РФ Б.Н. Ельцина. По мнению Ся Ишань, стратегические неудачи России выразились в том, что после «косовской войны» Москва оказалась в невыгодном геополитическом положении в Восточной Европе, в Закавказье и Центральной Азии. Преобладание просчетов над достижениями в «косовской войне» автор объяснял серьезной экономической зависимостью России от Запада, которая ограничивала возможности ее дипломатии и привела к «слабости, компромиссности и колебаниям»[1147]. Аналогичные аргументы использовал Цзун Ци, считавший, что, хотя Россия в косовском кризисе сыграла «особую роль» и способствовала возвращению ситуации «на путь мирного разрешения», ход кризиса тем не менее показал, что ее «международный статус заметно ослаб». Это оказало «глубокое влияние» на внутреннюю ситуацию в России и ее отношения с НАТО. Кроме того, Цзун считал, что назначение В.С. Черномырдина специальным представителем президента РФ и освобождение Е.М. Примакова с поста главы правительства РФ были направлены на «предотвращение усиления позиций левых сил» и поддержку правого крыла в целях укрепления власти[1148].

Особого внимания заслуживает оценка российской внешней политики, данная Ван Ичжоу, исследователем Института мировой экономики и политики КАОН. Первоочередной задачей любого государства, по мнению автора, является урегулирование внутренней ситуации в стране, поскольку отставание или спад в экономике оказывает прямое воздействие на ее положение и влияние на международной арене. По мнению Ван Ичжоу, изменчивость российской внешней политики была обусловлена не недостатком профессиональных качеств дипломатов, а частыми изменениями и неопределенностью внутриполитического курса российской власти. Очевидным примером он назвал

[1147] Там же. С. 45.

[1148] *宗旗.* 科索沃危机对俄罗斯的影响 // 国际展望. 1999. № 13. С. 8. [*Цзун Ци.* Влияние косовского кризиса на Россию // Международное обозрение].

беспомощность Москвы перед лицом бомбардировок НАТО Югославии. Он также подчеркнул, что подобная беспомощность была вызвана не отсутствием у министерства обороны РФ воли или способности к сопротивлению, а ограничениями, вызванными экономическими трудностями страны, так как в тот период Министерство финансов России остро нуждалось в получении займов от МВФ и опасалось, что вовлечение в военные действия на Балканах приведет к коллапсу и без того хрупкой национальной экономики. Ван Ичжоу считал необходимым запомнить этот урок[1149].

Выпущенный по итогам 1999 г. «Ежегодник России, Восточной Европы и Центральной Азии» ИВЕЦА КАОН не содержал отдельного материала об авиаударах НАТО по Югославии, но в предисловии к изданию редактор выпуска Чжан Сэнь дал оценку российской позиции, констатировав, что перед лицом стратегического наступления Запада Москва фактически бездействовала. Вместе с тем было высказано предположение, что «Россия не станет бесконечно позволять западным странам делать рядом с ней все, что тем заблагорассудится»[1150].

В опубликованной в этом же выпуске ежегодника статье «Обзор российской внешней политики за 1999 г.» Ни Сяоцюань уделил значительное место действиям России на Балканах, оперируя терминами «агрессия НАТО», «югославский кризис» (дважды), «балканский конфликт», «косовский вопрос» (вместо «косовский кризис» и «косовская война»). По его мнению, курс России в отношении Запада в 1999 г. выстраивался с учетом «защиты национальных интересов и ухода от конфронтации». Подтверждение этому Ни Сяоцюань увидел в том, что после резкой первоначальной реакции российского руководства на агрессию НАТО 24 марта из Москвы вскоре последовали заявления о том, что Россия не станет поставлять Белграду оружие и не будет вовлечена в балканский конфликт. Другим подтверждением изменения курса Москвы, по мнению автора, стало назначение в середине апреля В.С. Черномырдина спецпосланником по урегулированию ситуации вокруг СРЮ. Исследователь считал, что именно в этот период Россия «начала исполнять роль посредника», а ее политика в урегулировании югославского кризиса и вопросов миротворческой операции в Косове отличалась «гибкостью».

Оценивая весь 1999 г. в целом, Ни Сяоцюань исходил из тезиса, что «хотя Россия и занимала жесткую позицию по отношению к странам Запада, особенно к США, она по-прежнему старалась избегать конфронтации с ними». Эксперт считал, что благодаря

[1149] *王逸舟.* 树立世纪之交的国家安全观 // 瞭望新闻周刊. 1999. № 37. С. 23–24. [*Ван Ичжоу.* Установление концепции национальной безопасности на рубеже веков // Еженедельник «Ляован»].

[1150] 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 1999 / 张森主编. 北京: 当代世界出版社, 2001. С. 3. [Ежегодник России, стран Восточной Европе и Центральной Азии. 1999 / Под ред. Чжан Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].

"гибкой позиции" России в урегулировании югославского кризиса и ее участию в миротворческой операции в Косове в конце июня «семерка западных стран» выразила готовность помочь России избавиться от экономического кризиса и согласилась сократить взятый на себя Россией долг бывшего Советского Союза, что нашло отражение в поездке главы правительства РФ С.В. Степашина в США в июле 1999 г. «с целью разморозить российско-американские отношения, охладевшие из-за югославского кризиса»[1151].

Отношения России с НАТО, ЕС и США во время военных действий НАТО против СРЮ стали важным объектом анализа китайских исследователей международных проблем. Профессор Института международных отношений Пекинского университета Е Цзычэн при рассмотрении новой стратегии НАТО и динамики российско-американских отношений пришел к выводу, что столкнувшись с двойной стратегией НАТО по отношению к России, сочетающей как давление на нее, так и привлечение к совместным действиям, Москва в ответ аналогично проводила в отношении НАТО «двойную стратегию решительного противодействия и дифференцированных компромиссов»[1152]. Профессор Е Цзычэн также уточнил, что по косовскому вопросу позиция России состояла в «противодействии вторжению НАТО в СРЮ, <...> и защите собственного политического влияния на Балканском полуострове», но при этом действия она предпринимала «осмотрительно»[1153]. Он также отметил, что выступления президента Б.Н. Ельцина и В.С. Черномырдина свидетельствовали о значительных изменениях в позиции России по косовскому кризису – «Россия превратилась из сторонника СРЮ в посредника». Эксперт также предполагал, что в дальнейшем «роль России в Европе будет ослаблена, но она по-прежнему останется влиятельным полюсом в Европе и мире»[1154]. Профессор Е был не одинок в своих выводах. Сотрудник Института Европы КАОН Ван Чжэньхуа также полагал, что «косовская война» способствовала «перерастанию имевшихся противоречий и конфликтов между Россией, США и НАТО в открытую враждебность и конфронтацию»[1155].

Приведенные результаты размышлений китайских экспертов демонстрируют

[1151] *倪孝铨.* 1999 年俄罗斯外交综述 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 1999. С. 36-37. [*Ни Сяоцюань.* Обзор российской внешней политики за 1999 год // Ежегодник России, стран Восточной Европе и Центральной Азии. 1999].

[1152] *叶自成.* 北约新战略对国际政治格局的影响 // 中国特色社会主义研究. 1999. № 3. С. 41. [*Е Цзычэн.* Влияние новой стратегии НАТО на международную политическую структуру // Исследования социализма с китайской спецификой].

[1153] Там же.

[1154] Там же. С. 42.

[1155] *王振华.* 从科索沃危机和北约战略新概念看欧洲安全 // 世界经济与政治论坛. 1999. № 4. С. 45. [*Ван Чжэньхуа.* Европейская безопасность в свете косовского кризиса и новой стратегической концепции НАТО // Форум мировой экономики и политики].

эволюцию научного понимания роли России в косовском конфликте. Основной тезис, признаваемый всеми исследователями, состоит в том, что события косовского кризиса 1999 г. стали поворотным моментом в российской внешней политике, обнажившим фундаментальное противоречие между великодержавными амбициями России и ее реальными возможностями в условиях экономической слабости и зависимости от Запада. Это привело к формированию специфической модели внешнеполитического поведения – «ограниченного противостояния», характеризующегося жесткой риторикой при осторожных действиях на практике и стремлением сохранить статус великой державы исполнением роли дипломатического посредника в условиях ограниченных ресурсов влияния.

3.2.3. Оценка позиции России на Балканах (с 2008 г. по настоящее время)

Одностороннее провозглашение независимости Косова вновь привлекло внимание китайских наблюдателей к балканской политике России, заставив обратиться к ретроспективному анализу ее роли в косовском кризисе конца 1990-х гг. Представители китайского экспертного сообщества задействовали широкий спектр методологических подходов, включая геополитические (в частности «столкновение цивилизаций») и теорию игр, что существенно расширило диапазон их оценок, сделав их более плюралистическими. Часть исследователей считает, что Россия, ослабленная в результате упадка ее комплексной государственной мощи, проявила слабость, а ее влияние было настолько ограниченным, что она даже казалась униженной. Другая группа наблюдателей признает за Россией «активную роль» и «ключевое значение» как стойкого сторонника Сербии. При этом некоторые из них фокусируют внимание на учете стратегических намерений и игровых стратегиях России, утверждая, что ключевыми целями политики Кремля были противостояние западному давлению и защита статуса великой державы.

Большинство экспертов согласны в том, что после распада СССР Россия в ходе косовского кризиса проявляла стратегическую пассивность вследствие упадка государственной мощи. Именно к такому выводу пришел Лю Цзокуй, сотрудник Института Европы КАОН, полагая, что реакция Кремля на распад Югославии «демонстрировала слабость» из-за снижения государственной мощи России[1156]. Чжан Цзянь, научный сотрудник Института Европы Китайской академии современных международных отношений, также считал, что из-за упадка государственной мощи Россия в период агрессии НАТО против СРЮ (эксперт, как и большинство его коллег

[1156] *刘作奎.* 欧盟对科索沃政策评析 — 欧盟东扩进程中的“例外” // 欧洲研究. 2008. № 3. С. 58. [*Лю Цзокуй.* Оценка и анализ политики ЕС по отношению к Косову – “исключение” в процессе расширения ЕС на восток // Европейские исследования].

использовал дефиницию «косовская война») не сумела ни защитить свою союзницу Сербию, ни отстоять собственные геополитические интересы, и в результате «оказалась дипломатически унижена Западом» [1157]. Чэнь Чжицян, профессор исторического факультета Нанкайского университета, пришел к выводу, что «влияние России в соперничестве великих держав на Балканах было весьма ограниченным, а причиной этому послужило то, что ее государственная мощь после распада СССР еще не восстановилась»[1158]. Примечательно, что Чэнь усматривает стратегические намерения России по активному вмешательству в косовский вопрос в следующем: недопущение вытеснения РФ западными державами из Балканского региона; демонстрация в ходе урегулирования косовского конфликта своего образа как оппонента США на международной арене с целью восстановления позиций сильной державы в Европе; актуализация религиозных, культурных и исторических связей с Сербией, оказывающих определенное влияние на позицию России в войне[1159]. Эксперт У Вэньчэн, сотрудник Исследовательской базы по международному обмену и управлению внешними связями Пекина (北京对外交流与外事管理研究基地), оценивая отношения НАТО и России, полагал, что Москва в ответ на бомбардировки своей союзницы СРЮ Североатлантическим блоком ограничилась лишь выражением недовольства и протеста, не предприняв существенных мер противодействия или сопротивления. У Вэньчэн отмечал, что на позднем этапе кризиса Москва фактически присоединилась к давлению Вашингтона на Белград. Эксперт подчеркивал, что Россия, реагируя на бомбардировки НАТО, «испытывала глубокое возмущение, но воздерживалась от чрезмерной реакции и не желала рисковать сотрудничеством с НАТО»[1160]. По мнению У Вэньчэна, «косовский кризис завершился полной победой НАТО»[1161].

Ряд китайских экспертов, возвращаясь к событиям на Балканах в конце 1990-х гг., полагает, что Россия в то время действовала активно. Вместе с тем в их работах прослеживаются дивергентные подходы к оценке мотивов и результатов реализации российской внешнеполитической стратегии. Так, постдокторант ИРВЕЦА КАОН Сюй Ган

[1157] *张健.* 科索沃“独立”问题探析 // 现代国际关系. 2008. № 3. С. 15–21. [*Чжан Цзянь.* Анализ проблемы “независимости” Косова // Современные международные отношения].

[1158] *陈志强.* 当代科索沃问题的国际政治因素 // 史学集刊. 2010. № 3. С. 95. [*Чэнь Чжицян.* Международно-политические факторы современной косовской проблемы // Сборник исторических исследований].

[1159] Там же. С. 96.

[1160] *吴文成.* 从科索沃战争到乌克兰危机: 北约东扩与俄罗斯的“战略觉醒” // 俄罗斯东欧中亚研究. 2022. № 3. С. 19. [*У Вэньчэн.* От косовской войны к украинскому кризису: расширение НАТО и "стратегическое пробуждение" России // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии].

[1161] Там же. С. 20.

считает, что «Россия в большинстве случаев выступала сторонником Сербии», и подчеркивает, что ее «весомую роль»[1162] в косовском кризисе. Кун Ханьбин упоминает, что «среди великих держав Россия является единственной страной, открыто поддерживающей Сербию и выступающей против независимости Косова. С другой стороны, Сербия представляет собой последний "плацдарм" России на Балканском полуострове». Однако исследователь одновременно обращает внимание на прагматический характер политики Кремля: «Россия в первую очередь учитывает собственные интересы и потери, при отсутствии издержек или их незначительности может демонстрировать жесткую позицию, но не будет вступать в конфликт с Западом из-за поддержки Сербии, которая уже сама начала склоняться к Западу. Поддержка Сербии и противодействие независимости Косова представляют собой лишь разменную монету в торге с Западом»[1163]. Ма Сипу полагал, что по вопросам косовского и македонского кризисов Россия сумела перехватить дипломатическую инициативу. Исследователь подчеркивал, что возвращение России в Балканский регион «способствует как укреплению ее статуса великой державы, так и обеспечению баланса внешних сил на Балканском полуострове и содействию стабильности в данном регионе»[1164]. Чэнь Сюаньшэн считал что позиция России по противодействию военным действиям НАТО была вполне определенной, тем не менее, Москва в косовском кризисе и оказывала «сдерживающее воздействие» (牵制的作用) на применение Альянсом военной силы, она не смогла предотвратить бомбардировки[1165]. Профессор исторического факультета Фуданьского университета Цзинь Чжунъюань, основываясь на русскоязычных источниках, отмечал, что внешняя политика России в период «косовской войны» «выдержала испытание и в основном сохранила свои прежние позиции»[1166].

Тезис об исторической общности России и Балкан является одной из аксиом китайской балканистики. Специалист по балканской проблематике ИРВЕЦА КАОН Чжу Сяочжун считал, что «история Балкан является неотъемлемой частью российской истории и российского национального самосознания, составной частью российских интересов». Эксперт с уверенностью утверждал, что все годы после окончания холодной войны

[1162] *徐刚.* 塞尔维亚与科索沃谈判: 背景、进程与展望 // 俄罗斯研究. 2013. № 5. С. 186. [*Сюй Ган.* Переговоры между Сербией и Косовом: предыстория, процесс и перспективы // Изучение России].

[1163] *孔凡君.* 科索沃独立的历史过程及其后果 // 北京大学国际关系学院. [*Кун Фаньцзюнь.* Исторический процесс независимости Косова и его последствия // Институт международных отношений Пекинского университета.] 30.08.2013. URL: https://www.sis.pku.edu.cn/teachers/kongfanjun/kongfanjun_doc/1310882.htm (дата обращения. 02.09.2025).

[1164] *马细谱.* 巴尔干近现代史. 下卷. С. 754. [*Ма Сипу.* Новая и новейшая история Балкан. Т. 2].

[1165] *陈宣圣.* 风云变幻看北约. 北京: 世界知识出版社, 2009. С. 167–171. [*Чэнь Сюаньшэн.* НАТО в вихре перемен. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

[1166] *金重远.* 百年风云巴尔干. С. 155. [*Цзинь Чжунъюань.* Столетие бурных событий на Балканах].

балканская политика России преследовала цели «ограничить влияние США и НАТО на Балканах при расширении и укреплении там российского присутствия». Для этого Россия прибегала к следующим стратегическим инструментам в регионе: вмешательству в кризисные ситуации в регионе для нивелирования успехов политики западных стран; ослаблению способности ЕС и США к единоличному урегулированию балканских конфликтов с целью повышения российского престижа; опоре на религиозные и исторические связи; а также к использованию дефицита легитимности ЕС[1167].

Начало «косовской войны» ознаменовало провал внешнеполитического курса Е.М. Примакова. Ли Бо отмечал, что бомбардировки НАТО по СРЮ подорвали позиции Москвы в ее традиционной сфере влияния, поэтому позиция Кремля по косовскому вопросу была «беспрецедентно жесткой». Автор одновременно подчеркнул, что развязывание НАТО «косовской войны» ознаменовало полный крах нереалистичной дипломатии «проведения красных линий» («标定界限»外交) России, что вынудило Москву перейти к более реалистичному внешнеполитическому курсу, то есть исходить из реальных параметров государственной мощи, сузить диапазон целей, сосредоточить усилия на защите тех жизненно важных интересов, которые страна действительно способна отстоять, и больше не растрачивать скудные дипломатические ресурсы на декларативное поддержание статуса России как великой державы[1168].

Доктор Пекинского педагогического университета Ли Син проанализировал российско-американские взаимодействия в контексте косовского кризиса с позиций «теории игр». Он пришел к выводу, созвучному с мнениями коллег: «российско-американское противостояние в косовском регионе представляет собой «игру», основанную на принципе давления и противодействия давлению (контрдавление). США стремились прежде всего сократить стратегическое пространство России, в то время как Москва решительно противодействовала американскому давлению. Косово стало лишь одной из партий в этой стратегической игре между Россией и США»[1169]. На основе проведенного анализа Ли Син охарактеризовал российскую стратегию в связи с Косовом как курс, нацеленный на «противодействие американскому давлению, неприятие независимости Косова и поддержку права Сербии на сохранение государственного суверенитета». Согласно его выводам, российская политика в данном направлении реализовывалась по трем основным векторам:

[1167] *朱晓中.* 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益. С. 7–8. [*Чжу Сяочжун.* Геополитические интересы России на Балканах].

[1168] *李渤.* 俄罗斯政治与外交. 北京: 时事出版社, 2008. С. 171. [*Ли Бо*. Российская политика и дипломатия. Пекин: Издательство текущих событий].

[1169] *李兴.* 亚欧中心地带. С. 156. [*Ли Син.* Евразийская центральная зона].

1) препятствование монополизации косовского вопроса со стороны возглавляемого США блока НАТО;

2) настойчивое требование рассмотрения косовской проблемы исключительно в рамках структур ООН;

3) предоставление дипломатической поддержки СКЮ[1170].

В заключение автор подчеркнул, что косовская проблема оказывала значительное влияние на российско-американские отношения, однако это воздействие не являлось системным и фундаментальным для двустороннего взаимовоздействия[1171].

В контексте российско-украинского кризиса академик КАОН Хао Шиюань подробно исследовал исторические взаимосвязи между Россией и Сербией, и выдвинул тезис о том, что созданная НАТО в 1999 г. «косовская модель» послужила прецедентом для последующего украинского кризиса. По мнению Хао, данная модель отражает стратегический выбор России в борьбе с расширением НАТО на восток[1172]. Хао Шиюань считал, что способ разрешения нынешнего украинского кризиса неизбежно окажет новое глубокое влияние и на косовскую проблему Сербии[1173]. Действия России в ходе косовского кризиса академик Хао охарактеризовал как стремление к «минимизации военного вмешательства» и планомерному превращению Кремля в наиболее мощную опору Югославской федерации. По мнению исследователя, эта стратегия сыграла ключевую роль в противодействии созданной НАТО «косовской модели» урегулирования[1174]. В своем прогнозе Хао Шиюань предсказывал, что начавшийся с создания «косовской модели» в 1999 г. процесс расширения НАТО завершится после формирования «украинской модели». Автор особо подчеркивал место Сербии в этой исторической поворотной точке, указывая на то, что она занимает двойственное положение: с одной стороны, Белград создает необходимые условия для вступления в ЕС, с другой – закладывает основу для потенциального применения элементов «украинской модели» после завершения кризиса на Украине. По мнению академика Хао, это должно привести к решению косовского вопроса на основе принципов Устава ООН с применением подхода «равного отношения ко всем» участникам событий[1175].

В том же году коллективом авторов ИРВЕЦА КАОН был издан трехтомный труд

[1170] Там же. С. 159–162.
[1171] Там же. С. 167.
[1172] *郝时远.* 帝国霸权… 2024. С. 003 [*Хао Шиюань.* Имперская гегемония…].
[1173] Там же. С. 001–013.
[1174] Там же. С. 006.
[1175] Там же. С. 013.

«Россия за тридцать лет (1991–2021)»[1176], в задачи которого входило глубокое осмысление и систематизация ключевых тенденций в формировании российской идентичности. В его III томе, посвященном внешней политике, авторами представлен комплексный обзор эволюции внешнеполитического курса РФ с 1991 г. Анализируя десятилетие 1990-х гг., авторы исследований отмечают, что во времена президенства Б.Н. Ельцина российская внешняя политика претерпела трансформацию от прозападной ориентации к концепции многополярности системы международных отношений, а основной целью внешнеполитической стратегии РФ в тот период было «сохранение статуса великой державы при одновременном содействии экономическому возрождению страны и институциональному строительству». В качестве иллюстрации авторы привели конфликт в БиГ, подчеркнув, что поддержка Москвой курса Запада и участие в давлении на боснийских сербов отражали ее стремление к интегрированию в существовавшую тогда архитектуру европейской безопасности и желание укрепить взаимодействие с Вашингтоном и Брюсселем. Данные шаги рассматриваются авторами как один из ключевых внешнеполитических факторов, определивших прозападный курс России в начале 1990-х гг. В то же время в издании подчеркивается, что противодействие России применению силы НАТО против СРЮ в конце 1990-х гг. стало одним из первых практических проявлений политики многополярности. Объясняя изменения в позиции РФ в период косовского кризиса, авторы указывают на ее существенную эволюцию: «от решительного противника военной операции НАТО Москва перешла к роли посредника между НАТО и Белградом». Завершение конфликта, по мнению экспертов, привело к «потери Россией своего единственного союзника на Балканах – Сербии, и одновременно способствовало усилению геополитических позиций НАТО в регионе»[1177].

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

Политика России на Балканах продолжает постоянно находиться в фокусе внимания китайских наблюдателей, оставаясь важной научной проблемой. По мере постепенной, хотя и достаточно условной, стабилизации косовской ситуации, интерес китайских экспертов-международников к изучению политической позиции России в косовском кризисе второй половины 1990-х гг. несколько снизился, особенно в сравнении с его всплеском публикационной активности в 1999–2000 гг. Тем не менее проведенный анализ

[1176] С 1991 г. этот институт ИРВЕЦ КАОН, несмотря на его переименование, с периодичностью в десять лет публикует фундаментальные академические труды, посвященные всестороннему анализу политики и экономики России, а также ее внешней политики. Последний выпуск в соответствии с этой традицией вышел в свет в 2024 г.

[1177] 俄罗斯三十年: 1991–2021. 外交卷. С. 7, 9, 105. [Россия за тридцать лет (1991–2021). Т. Дипломатия].

выявил тенденцию к переходу от одностороннего геополитического рассмотрения событий к многомерному комплексному анализу. Китайские ученые солидарны в том, что Россия сыграла важную роль в урегулировании косовского кризиса конца 1990-х гг., и констатируют динамику ее позиции по мере активизации дипломатических усилий. Вместе с этим китайские эксперты существенно расходятся в оценке мотивов, характера и эффективности конкретных политических шагов Москвы на различных этапах косовского кризиса, особенно периода агрессии НАТО против СРЮ. В китайском академическом дискурсе, посвященном анализу событий «косовской войны» и российских действий в косовском кризисе, центральное место принадлежит Институту России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН. Большое внимание этой теме также уделяли Пекинский университет, Восточно-китайский педагогический университет, Институт мировой экономики и политики КАОН, Институт Европы КАОН, Китайский институт международных проблем, экспертные оценки которых, параллельно с материалами СМИ составляют фундаментальную основу оценок в Китае событий югославского кризиса на всех его этапах десятилетия 1990-х гг., включая и все события в связи с Косовом.

Понимание того, что Россия обладает важными геополитическими интересами на Балкана неизменно выступает в качестве базовой предпосылки при анализе и вынесении оценок китайскими наблюдателями российской политики. В Китае в целом признают, что Россия сыграла важную роль в разрешении косовского кризиса, однако наблюдаются значительные расхождения в оценке позиции, которую Россия занимала на разных этапах «косовской войны», ее политических действий, причин ее изменения и эффективности проводимой Москвой стратегии. Факторы, влияющие на оценку китайскими наблюдателями российской позиции, разнообразны. При этом ключевым критерием признаются не традиционные связи России с Югославией, а ее реальные потребности, продиктованные российскими национальными интересами, общим состоянием государства и ее отношениями со странами Европы и с США.

Китайские наблюдатели в целом единодушны в том, что балканская политика России характеризуется такими чертами, как «противостояние и компромисс», «сдерживание и зависимость», «хладнокровие и осторожность», «жесткость и гибкость», «колебания и непоследовательность». Эти характеристики считаются как признаком возрастающей (с начала 1990-х гг.) зрелости российской внешней политики, так и существенным проявлением стремления поддерживать статус России как великой державы. Тогда как формирование этих особенностей основано как на традиционных геополитических связях, так и является результатом взаимодействия множественных факторов: реального состояния внутренней политики и экономики РФ, а также эволюции

глобального международного порядка и его составляющих.

Эксперты-международники КНР, исследующие балканскую политику России в «косовской войне» в конце 1990-х гг. указывают, что внешнеполитическая позиция Москвы в этот период претерпела значительные изменения. Большинство аналитиков сходятся во мнении, что она представляла собой последовательную логическую эволюцию по пути «противник – сторонник компромисса – посредник». В рамках данной модели статус «противника» означал поддержку СРЮ и осуждение действий НАТО, «сторонник компромисса» – роль участника, который оказывал давление на официальный Белград, позиция «посредника» означала переход к статусу так называемого «нейтрального участника» между сторонами конфликта, содействующего прекращению боевых действий. Данная внутренняя динамика эволюции послужила для экспертного сообщества Китая важным ориентиром не только при анализе и оценке балканской стратегии РФ, но и, преимущественно, при осмыслении общих подходов Москвы к мировым делам.

Вместе с тем следует учитывать значительные расхождения в экспертной среде КНР при оценке причин, характера и эффективности конкретных политических действий России на различных этапах косовского кризиса и агрессии НАТО. В целом оценки китайских исследователей можно разделить на три категории:

- положительная оценка российской позиции, сторонники которой полагают, что Россия сыграла уникальную и важную роль в разрешении косовского кризиса и сумела достичь своих стратегических целей;
- негативная оценка позиции Москвы, представители которой считают, что Россия была пассивным наблюдателем, ее жесткая позиция представляла собой политическую позу, а дипломатическая деятельность в связи с Косовом потерпела неудачу;
- диалектический подход, сторонники которого признают, что Москва, с одной стороны, во время агрессии НАТО внесла конструктивный вклад в мирный процесс, а с другой – понесла имиджевые и геополитические потери.

3.3. Восприятие в Китае политики России в 2000–2001 гг.

6 октября 2000 г., в условиях внутренней дезинтеграции и внешней изоляции СРЮ произошла смена президентской власти: пост президента СРЮ занял лидер Демократической партии Сербии В. Коштуница, сменив С. Милошевича. В Китае данный политический перелом привлек значительное внимание как на правительственном, так и на академическом уровнях.

В период президентских выборов в Югославии официальный представитель МИД

КНР подчеркивал обеспокоенность Пекина развитием событий в СРЮ и призывал все политические силы исходить из интересов народа и решать внутренние проблемы мирным путем, избегая конфронтации. Китай последовательно подтверждал свою приверженность принципу невмешательства во внутренние дела и уважения к выбору югославского народа, и выражал уверенность в его способности самостоятельно справиться с возникающими проблемами и трудностями[1178]. После победы В. Коштуница получил из Пекина поздравительную телеграмму[1179] от председателя КНР Цзян Цзэминя и заверения МИД КНР, что «изменения во внутриполитической ситуации не окажут негативного влияния на развитие двусторонних отношений»[1180].

Для Китая по-прежнему важным оставался косовский вопрос, по которому Пекин и Москва продолжали занимать схожие позиции. Обе стороны исходили из необходимости строгого соблюдения Устава ООН, защиты суверенитета и территориальной целостности Югославии и выполнения резолюции СБ ООН № 1244. В декабре 1999 г. в совместной декларации по итогам неформальной встречи в Пекине Б.Н. Ельцина и Цзян Цзэминя оба лидера выразили серьезную озабоченность попытками отделения Косова от СРЮ, подчеркнув, что все стороны конфликта обязаны неукоснительно выполнять положения резолюции и обеспечивать права всех народов края[1181].

Китай и Россия последовательно координировали свои действия в СБ ООН и на последующих этапах косовского кризиса. Так, в мае 2000 г. постоянные представители обеих стран совместно с коллегами из восьми государств подготовили доклад о ситуации в Косове, в котором выражалась серьезная озабоченность ненадлежащей реализацией резолюция 1244[1182]. В годовщину принятия данного документа китайская пресса опубликовала заявление МИД России, вновь подчеркивающее необходимость ее

[1178] 外交部发言人 2000 年 10 月 6 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление официального представителя МИД КНР от 6 октября 2000 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 34. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60518.htm (дата обращения: 16.05.2026).

[1179] 江泽民主席致电祝贺科什图尼察当选南联盟总统 // 中华人民共和国国务院公报. [Председатель Цзян Цзэминь направил поздравительную телеграмму Воиславу Коштунице в связи с избранием на пост президента СРЮ // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 34. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60533.htm (дата обращения: 16.06.2026).

[1180] 外交部发言人 2000 年 10 月 6 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление официального представителя МИД КНР от 6 октября 2000 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2001. № 2. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_61056.htm (дата обращения: 16.05.2026).

[1181] 中俄联合声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Китайско-российское совместное заявление // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 04. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60581.htm (дата обращения: 16.05.2026).

[1182] *谢戎彬.* 战后一年科索沃（综述）// 人民日报. 09.06.2000. С. 6. [Се Жунбинь. Косово спустя год после завершения войны (обзор) // Жэньминь Жибао].

неукоснительного и полного выполнения[1183]. В июне 2000 г. Пекин и Москва выразили сожаление в связи с решением СБ ООН не предоставить делегации СРЮ возможность выступить на дебатах по ситуации на Балканах[1184].

Развитие политической ситуации в Югославии стало предметом пристального внимания со стороны китайских наблюдателей. По окончании президентских выборов в СРЮ в Китае по инициативе руководства КАОН была создана профильная рабочая группа по изучению электорального процесса в СРЮ и выборов, завершившихся сменой режима Милошевича. К 2004 г., на основе собранных материалов группа подготовила коллективную монографию[1185], девятая глава которой, «Трансформация российской политики», подробно описывала политику и позицию России в отношении произошедшей смены президентской власти в СРЮ. Подготовившие ее Сюй Чжижинь и Ли Яцзюнь отметили, что «Россия оставалась последней европейской державой, сохранявшей дружеские отношения с Югославией; при этом противостояние НАТО превращало Югославию в единственное государство в Восточной Европе и на Балканах, с помощью которой Россия могла защищать свои интересы»[1186]. Эксперты полагали, что российское руководство ошиблось, рассчитывая на то, что С. Милошевич вновь сможет одержать победу на президентских выборах. В результате этого просчета Москва упустила возможность своевременно отреагировать на вмешательство западных стран в югославские выборы[1187].

Первая официальная реакция России на выборы была озвучена министром иностранных дел И.С. Ивановым в ходе его ответов на вопросы журналистов: «Россия решительно поддерживает право югославского народа свободно выражать свою волю без вмешательства извне». Данная формулировка фактически означала поддержку С. Милошевича, однако само заявление было сделано лишь в день голосования (24 сентября), что свидетельствует о недостаточной подготовленности российской дипломатии. Как отмечали авторы, переговоры В.В. Путина с канцлером ФРГ Г. Шредером (25 сентября), сообщение МИД России (26 сентября) и последующие комментарии И.С. Иванова (27 сентября) также демонстрировали, что официальная

[1183] 俄外交部就科索沃问题发表声明，对安理会决议没有得到执行表示不安 // 人民日报. 10.06.2000. С. 5. [Заявление МИД России по косовскому вопросу, выразив обеспокоенность невыполнением резолюции Совета Безопасности // Жэньминь Жибао].

[1184] 中俄对阻止南代表发言深表遗憾 // 人民日报. 26.06.2000. С. 6. [Китай и Россия выразили глубокое сожаление в связи с воспрепятствованием выступлению представителя Югославии // Жэньминь Жибао].

[1185] 强人弱势: 米洛舍维奇的下台和入狱. С. 269. [Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича].

[1186] Там же. С. 183.

[1187] Там же.

позиция Москвы в тот период оставалась ориентированной на поддержку и защиту С. Милошевича[1188]. Вместе с тем, по их мнению, итоги выборов поставили Россию в сложное положение. Сюй и Ли констатировали, что в сложившихся условиях Кремль столкнулся с тройной угрозой: «если Россия не изменит свой курс и продолжит поддерживать Милошевича, она рискует полностью потерять свое влияние и позиции в Югославии; если Милошевич попытается силой удержать власть, Россия – независимо от того, будет ли она его поддерживать или выступит против – окажется перед дилеммой и может вступить в острое противостояние с Западом; если же Москва поддержит В. Коштуницу, это будет равносильно признанию провала ее стратегии, что вновь создаст впечатление следования за Западом и нанесет серьезный ущерб международной репутации, создаваемой В.В. Путиным системе управления, и вызовет жесткую критику внутри страны»[1189]. Опираясь на сообщения ИТАР-ТАСС, китайские эксперты пришли к выводу о начале изменения политики Москвы. В сделанном ими прогнозе они предположили, что: «правительство России откажется от поддержки С. Милошевича и перейдет к политике, основанной на уважении воли югославского народа и поддержании стабильности». Смену ориентиров члены экспертной группы усматривали, прежде всего, в серии скоординированных шагов Москвы, среди которых: поручение президента РФ В.В. Путина курирующим балканское направление дипломатам МИД России В.А. Чижову и А.А. Толкачу передать В. Коштунице и С. Милошевичу предложение о проведении встреч в Москве (29 сентября); выступление В.В. Путина (30 сентября); направление соответствующих сигналов из Москвы западным партнерам[1190] и заявление председателя Комитета Госдумы по международным делам Д.О. Рогозина (30 сентября).

Комплексный анализ выступления секретаря Совета безопасности РФ С.Б. Иванова 1 октября в сочетании с официальным заявлением на следующий день президента РФ В.В. Путина (2 октября) позволил экспертам прийти к выводу, что «для России не столь важно, кто станет президентом: ключевое – законность, <…> уважение воли народа и соблюдение нормы международного права противодействия внешнему вмешательству, при обеспечении преемственности политики». По мнению аналитиков, фактическая цель России состояла в том, чтобы незаметно преодолеть «политический кризис, вызванный

[1188] Там же. С. 184–185.

[1189] Там же. С. 186–187.

[1190] В частности, авторы сослались на сообщение агентства Reuters от 1 октября 2000 г. о заявлении представителя Германии в тот день о том, что канцлер Д. Шредер и президент В.В. Путин 30 сентября согласовали общую позицию: «победа кандидата от оппозиции В. Коштуницы на президентских выборах отражает стремление народа Сербии к демократическим переменам» и на цитату AFP 2 октября 2000 г. госсекретаря США М. Олбрайт во время визита во Францию о «поддержании тесного контакта с Россией, которая считает кандидата от оппозиции В. Коштуницу победителем президентских выборов в Югославии» (Там же).

поддержкой Милошевича, и сохранить позиции и влияние в Югославии». Наблюдатели также отметили, во время визита В.В. Путина в Индию российский подход оставался неизменным. Неудача Москвы с приглашением В. Коштуницы и С. Милошевича на переговоры привела к завершению трансформации российской политики: от поддержки одной стороны к постепенному переходу к нейтралитету, что позволило ей «преодолеть кризисное положение»[1191]. Кроме того, опираясь на материалы информационного агентства ИТАР-ТАСС китайские эксперты внимательно наблюдали за дальнейшими шагами Москвы в те дни (заявление В.В. Путина 5 октября вечером в аэропорту и срочное совещание, проведенное им ночью, на котором было решено направить в Белград министра И.С. Иванова с письмом от В.В. Путина В. Коштунице). Китайские наблюдатели считали, что это совещание показало: во-первых, что Россия больше не надеется на проведение трехсторонней встречи в Москве и второй тур выборов в СРЮ; во-вторых, российский лидер решил вести прямой диалог с В. Коштуницей; в-третьих, в Кремле все еще сохранялись колебания по поводу того, как действовать в отношении к С. Милошевичу. Эксперты указывали, что письмо В.В. Путина не содержало официального признания победы В. Коштуницы, а миссия С.И. Иванова имела две цели: во-первых, показать готовность признания победы В. Коштуницы и таким образом лучше защитить интересы России на Балканах; во-вторых, добиться более благоприятных условий для Милошевича и обеспечения его безопасности[1192]. При этом авторы подчеркнули, что усилия России по обеспечению гарантий для С. Милошевича после его ухода с поста не увенчались успехом[1193].

Участники экспертной группы проанализировали также и позиции российских парламентских партий, указав, что «поведение Госдумы во время выборов в СРЮ оказалось достаточно точным отражением общественного мнения в России». При этом позиция нижней палаты парламента в сравнении с более осторожным курсом правительства характеризовалась ими как «очень выразительная, реагирующая быстро и откровенно». Эксперты также отметили, что в начале электорального противостояния в СРЮ все партии Госдумы проявляли «спокойное и справедливое отношение к ситуации» и стремились к координации действий с российским правительством[1194]. Однако последующая «прагматичная, беспристрастная и осторожная» политика В.В. Путина

[1191] 强人弱势：米洛舍维奇的下台和入狱. С. 189, 191. [Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича].
[1192] Там же. С. 194.
[1193] Там же. С. 197.
[1194] Там же. С. 199.

вызвала раскол в парламенте и критику[1195]. Выводы экспертной группы, отраженные в заключении книги, подчеркивали, что первоначальная поддержка С. Милошевича имела определенные негативные последствия для двусторонних отношений Москвы и Белграда, но благодаря неизменной позиции России относительно невмешательства во внутренние дела Югославии и своевременной корректировки политики, а также заинтересованности самой Югославии в российской поддержке, взаимоотношения двух стран серьезно не пострадали[1196].

Первые шаги В.В. Путина в отношении Югославии и на балканском направлении находились в фокусе внимания многих китайских исследователей. Подробно данные сюжеты нашли отражение в коллективной монографии Цзян И, Сюй Чжисиня и др. «Возрождение былой мощи: внешнеполитическая стратегия Путина». В книге детально проанализирована эволюция курса России в период президентских выборов в СРЮ осенью 2000 г. Авторы выделили четыре этапа этой трансформации:

- первый (24–28 сентября): признание легитимности первого тура выборов, фактическая поддержка С. Милошевича при сохранении определенной свободы маневра;
- второй (30 сентября – 2 октября): начало корректировки позиции России, сопровождавшейся признаками косвенного признания победы В. Коштуницы, при одновременном стремлении сохранить преемственность курса и дистанцироваться от Запада;
- третий (3–5 октября): активные, но безрезультатные попытки пригласить обоих кандидатов в президенты на встречу в Москву;
- четвертый (6–7 октября): миссия И.С. Иванова в Белграде, сыгравшая важную роль в мирном разрешении напряженной электоральной кампании и обеспечении плавной передачи власти[1197].

Помимо этого, эксперты рассмотрели баланс геополитических приобретений и потерь России сквозь призму ее национальных интересов. По их мнению, отставка С. Милошевича и возвращение СРЮ в международное сообщество были выгодны для России. Посреднические действия Кремля в ходе урегулирования югославского электорального кризиса смогли предотвратить кровопролитие в СРЮ, что в определенной мере укрепило ее международный имидж и дало возможность показать себя ответственной державой. Аналитики констатировали, что президент Путин и российское

[1195] Там же. С. 202.
[1196] Там же. С. 183–211.
[1197] *蒋毅, 许志新, 吴伟, 李勇慧*. 重振大国雄风：普京的外交战略. 北京：世界知识出版社, С. 279–290. [*Цзян И, Сюй Чжисиня, У Вэй, Ли Юнхуэй*. Возрождение былой мощи: внешнеполитическая стратегия Путина. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

правительство выдержали это внешнеполитическое испытание, что способствовало росту их авторитета внутри страны. Китайские наблюдатели оценили и потери: во-первых, на международной арене Москва потерпела тактическую неудачу, поскольку итоговый результат югославских выборов соответствовал стратегическим интересам Запада, а не России; во-вторых, череда поражений Сербии последних лет означало, что в дальнейшем Россия столкнется с прямым давлением со стороны Запада в вопросах защиты собственных национальных интересов[1198].

После отстранения С. Милошевича от власти западные страны во главе с США, используя экономическую помощь и финансовые обещания в качестве элемента давления, последовательно принуждали Белград согласиться на выдачу бывшего президента МТБЮ в Гааге. Сам факт его экстрадиции вызвал широкий резонанс как в китайских СМИ, так и в экспертных кругах КНР, и нередко характеризовался как опасный прецедент в истории современных международных отношений. Позиция и роль России в этих событиях освещались китайскими государственными СМИ – агентством «Синьхуа» и газетой «Жэньминь жибао» – лишь фрагментарно, преимущественно постфактум, то есть уже после ареста и выдачи С. Милошевича.

31 марта 2001 г. сербская полиция, предъявив С. Милошевичу обвинения в коррупции и злоупотреблении служебным положением, окружила его резиденцию, а 1 апреля он был официально арестован. В сообщении агентства «Синьхуа» от 31 марта приводилось заявление российских официальных лиц, в котором подчеркивалось, что «вопрос Милошевича является внутренним делом СРЮ и должен решаться самой югославской стороной; Москва внимательно следит за ситуацией в СРЮ». Одновременно в материале цитировались сообщения информационных агентств: «Интерфакс» указывал, что «в Москве надеются, что этот вопрос будет решаться без какого-либо давления извне, строго в соответствии с законностью и демократическими процедурами, и выражают надежду, что он не вызовет дестабилизации обстановки в СРЮ», а ИТАР-ТАСС привело заявление вице-спикера Госдумы В.П. Лукина: «Если Милошевичу предъявлены обвинения, он должен предстать перед судом, но суд должен проходить в СРЮ, а не в результате его передачи Гаагскому трибуналу[1199]. 3 апреля корреспондент ЖМЖБ в Белграде Се Жунбинь опубликовал статью «До и после ареста Милошевича», в которой процитировал заявление официального представителя МИД РФ А.В. Яковенко, что «арест

[1198] Там же. С. 290–293.

[1199] *杨成明.* 米氏又成热山芋 // 新华社每日电讯. 01.04.2001. С. 1. [*Ян Чэнмин.* Милошевич вновь стал «горячей картофелиной» // Ежедневный телеграф агентства Синьхуа].

является внутренним делом СРЮ, и оказание какого-либо внешнего давления на югославское руководство не способствует стабильности на Балканах»[1200].

После передачи С. Милошевича МТБЮ позиция России вновь привлекла внимание китайских СМИ. Отражение в них нашло обращение 28 июня Госдумы России к руководству СРЮ (об этом на следующий день сообщило агентство «Синьхуа»)[1201]. 30 июня газета «Ежедневный телеграф» (этого же агентства) привела слова председателя Госдумы РФ Г.Н. Селезнева в связи с выдачей С. Милошевича. В сообщении говорилось, что депутаты Госдумы и лидеры российских партий считают, что это событие «повлечет за собой серьезные последствия для СРЮ»[1202]. В тот же день корреспондент ЖМЖБ в Москве Сунь Чжаньлинь в статье «Лидеры Госдумы и партий России выступили с осуждением выдачи Милошевича» изложил реакцию российской стороны, сообщив о высказываниях первого вице-спикера Госдумы Л.К. Слиски, председателя ЦК КПРФ Г.А. Зюганова, лидера партии «Союз правых сил» Б.Е. Немцова, руководителя депутатской группы «Народный депутат» Г.Н. Райкова, лидера ЛДПР В.В. Жириновского и других.[1203]

В экспертных кругах Китая позиция России не привлекла широкого внимания. В августе журнал «Международное обозрение» опубликовал статью Вэнь Цзэ, в которой С. Милошевич был назван «узником гегемонии», а из российской реакции автор цитировал лишь выражение сдержанного «недовольства» президента В.В. Путина: «Привела ли выдача Милошевича к достижению этих целей? Я сомневаюсь в этом»[1204]. В опубликованной чуть позже книге «Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича» была приведена публикация ЖМЖБ от 30 июня, с комментарием, что позиция России кардинально отличалась от «единодушного одобрения выдачи со стороны Запада». В книге также цитировалась оценка главы МИД России И.С. Иванова, указавшего, что передача бывшего югославского лидера МТБЮ «не добавляет стабильности Югославии, а все происходящее вокруг Милошевича подтверждает, что в среде демократических сил нарастают противоречия. Это несомненно играет на руку

[1200] *谢戎彬.* 米洛舍维奇被捕前后 // 人民日报. 03.04.2001. С. 3. [*Се Жунбинь.* До и после ареста Милошевича // Жэньминь жибао].

[1201] *杨成明, 谢荣.* 引渡米氏是否违宪法 // 新华社每日电讯. 29.06.2001. С. 6. [*Ян Чэнмин, Се Жун.* Противоречит ли выдача Милошевича конституции // Ежедневный телеграф агентства Синьхуа].

[1202] *杨成明.* 米氏被引渡到海牙 // 新华社每日电讯. 30.06.2001. С. 6. [*Ян Чэнмин.* Милошевич экстрадирован в Гаагу // Ежедневный телеграф агентства Синьхуа].

[1203] *孙占林.* 俄国家杜马和各党派领导人发表谈话谴责引渡米洛舍维奇 // 人民日报. 30.06.2001. С. 3. [*Сунь Чжаньлинь.* Лидеры Госдумы и политических партий России выступили с осуждением выдачи Милошевича // Жэньминь Жибао].

[1204] *闻则.* 米洛舍维奇：霸权的囚徒 // 国际展望. 2001. № 16. С. 14–17, 95. [Вэнь Цзэ. Милошевич: узник гегемонизма // Международное обозрение].

сепаратистам в Косове и Черногории, выступающим за выход из югославской федерации, и скорее всего, они не преминут этим воспользоваться»[1205].

События в Македонии

События в Северной Македонии 2001 г., которые в китайской историографии называются «кризис в Македонии» или «македонская война», являются завершающей фазой югославского кризиса 1991–2001 гг. и также были объектом пристального внимания исследователей из КНР. При этом в работах китайских аналитиков македонский кризис определяется не только как внутренний межэтнический конфликт, но и как внешнее проявление паналбанского национализма, а также как продолжение кризиса в Косове.

Тот факт, что Македония не спешила среди первых отказаться от СФРЮ, а в ноябре 1991 г., провозгласив суверенитет, стала единственным государством бывшей Югославии, вышедшим из ее состава мирным путем, выделял ее для Китая на фоне остальных постъюгославских государств. 12 октября 1993 г. в Нью-Йорке на уровне послов была подписана декларация об установлении дипломатических отношений между КНР и Македонией. Однако, в дальнейшем, на фоне гражданской войны в Боснии и противостояния сербов в Хорватии, события в Македонии оказалось на самой периферии внимания в Китае. Тем не менее стратегическая значимость ее географического положения в самом центре Балканского полуострова не вызывала сомнений у китайских наблюдателей, а политика России в македонском вопросе в начале 1990-х, проводившаяся с учетом интересов Греции и Болгарии, привлекала внимание в КНР на экспертном уровне[1206]. Вместе с тем серьезных научных наработок по этим вопросам в Китае не было.

После провозглашения Македонией независимости государственное управление сосредоточилось в руках этнического большинства – македонцев, в то время как албанцы – вторая по численности этническая группа – постепенно оказались в положении маргинализированной общины[1207]. Активные действия албанских националистов и боевиков в соседнем сербском крае Косово и Метохия послужили моделью и для экстремистских кругов среди албанского населения Македонии. Электоральный кризис в СРЮ, приведший к свержению режима С. Милошевича, дестабилизировал и без того

[1205] 强人弱势：米洛舍维奇的下台和入狱. С. 308–309. [Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича].

[1206] 南斯拉夫联邦解体中的民族危. С. 215. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ].

[1207] *孔田平.* 马其顿内战是如何结束的？// 苏东剧变之后：对 119 个问题的思考（下）/ 陆南泉、左凤荣、潘德礼、孔田平主编. 北京：新华出版社. 2012. С. 1578. [Кун Таньпин. Как завершилась македонская война? // Размышления о 119 вопросах после восточноевропейских изменений. Т III / Под ред. Лу Наньцюаня, Цзо Фэнжуна, Пань Дэли, Кун Тяньпина. Пекин: Издательство «Синьхуа»].

хрупкую внутреннюю ситуацию в Македонии [1208], сыграв роль катализатора радикализации требований македонских албанцев. Они добивались расширения своих прав и официального признания их общины в качестве одного из государствообразующих народов республики.

Развитие отношений Китая с Македонией имело противоречивый характер: активизация двусторонних контактов имела место в 1996–1998 гг., однако в 1999 г. они были прерваны. Причиной кризиса конца 1990-х гг. стало стремление правоцентристского правительства Македонии во главе с премьер-министром Л. Георгиевским получить дополнительные финансовые вливания в экономику путем установления дипломатических отношений с Тайванем 27 января 1999 г. Такой шаг Скопье был воспринят Пекином как нарушение договоренностей 1993 г., и 9 февраля Китай заявил о разрыве отношений с Македонией[1209]. Вслед за этим, 25 февраля 1999 г. представитель КНР в СБ ООН проголосовал против проекта резолюции о продлении мандата СПРООН[1210] в Македонии. Вывод миротворческого контингента с северной границы Македонии стал одной из главных причин, способствовавших последующей эскалации конфликта и началу вооруженного противостояния[1211].

Поводом перехода тлеющего конфликта в его активную фазу стало подписание в феврале 2001 г. президентами Македонии Б. Трайковским и СРЮ В. Коштуницей соглашения о государственной границе [1212], вызвавшее резкое недовольство среди косовских албанцев, заявивших, что ни Белград, ни Сербия не имеют права определять границы между Косовом и Македонией. В результате вооруженные формирования косовских (АОК) и македонских албанцев (Освободительная Национальная Армия, ОНА) объединились в так называемую «Национально-освободительную армию», развязав

[1208] *Callagher T.* The Balkans in the New Millennium, in the Shadow of War and Peace. Routledge. 2005. P. 95.

[1209] 中国外交: 2000 年版. С. 371–374. [Дипломатия Китая. 2000].

[1210] В ноябре 1992 г. Македония обратилась в ООН с просьбой разместить на своей северной границе силы миротворцев, и после одобрения запроса в 1993 г. на ее территорию была направлена миссия UNPREDEP, состоявшая из военнослужащих США и скандинавских стран. Срок действия мандата данной миссии продлевался Советом Безопасности ООН каждые шесть месяцев.

[1211] *陈巧*. 北马其顿国家认同建构研究. 中国社会科学院大学. 2024. С. 57–58. [*Чэнь Цяо.* Исследования строительства национальной идентичности Северной Македонии. Университет Китайской академии общественных наук].

[1212] Соглашение о делимитации границы между Республикой Македонией и Союзной Республикой Югославией // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-56-60?ysclid=mcw6aj5g5g59972819 (дата обращения: 16.05.2026).

военный конфликт в районе города Тетово. Это привело к затяжному вооруженному противостоянию и общеполитическому кризису в республике[1213].

Македонские власти в процессе урегулирования межэтнических противоречий были вынуждены предоставить албанскому меньшинству широкие конституционные полномочия. В мае 2001 г. под давлением ЕС и НАТО парламент Македонии принял решение о формировании правительства национального единства[1214]. В июле 2001 г. Вашингтон и Брюссель предложили проект урегулирования македонского кризиса, предполагавший достаточно широкие уступки албанской стороне. 13 августа македонские и албанские политические партии подписали «Охридское соглашение», предусматривающее расширение прав албанцев в Македонии. После этого национально-освободительная армия объявила о прекращении огня, а НАТО начало операцию «Богатый урожай» («Operation Essential Harvest»)[1215] по разоружению боевиков албанской стороны конфликта. Об окончании натовской операции было объявлено 26 сентября, а 27 сентября ОНА была формально распущена. В тот же день Североатлантический альянс начал новую операцию под названием – «Янтарная лисица» («Amber Fox») [1216], целью которой была защита международных наблюдателей и дальнейшее содействие стабилизации обстановки в регионе. Несмотря на достигнутые договоренности, часть радикально настроенных албанцев отказалась признать условия соглашения и создала новую вооруженную группировку под названием «Национальная армия», которая продолжила нападения на македонские силы. Только начиная с ноября 2001 г., после принятия парламентом поправок в Конституцию республики, закрепивших расширенные права албанского населения, ситуация в стране начала постепенно стабилизироваться.

На протяжении этой фазы македонского кризиса китайские СМИ, прежде всего ЖМЖБ и агентство «Синьхуа», используя информацию корреспондентов, аккредитованных в Белграде, Москве и Нью-Йорке (при ООН), опубликовали серию

[1213] *马细谱.* 巴尔干近现代史. 下卷. С. 877. [*Ma Cuny.* Новая и новейшая история на Балканах]; 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 161. [Перемены в Югославии. Т. 2]; 马其顿将成为下一个热点吗 // 参考消息. 18.02.2001. [Станет ли Македония следующей горячей точкой?» // Справочные новости]; *谢戎彬.* 马其顿局势堪忧//人民日报. 23.03.2001. С. 3. [*Се Жунбинь.* Ситуация в Македонии вызывает обеспокоенность // Жэньминь жибао]; *谢戎彬.* 战火中的泰托沃 // 人民日报. 02.04.2001. С. 3. [*Се Жунбинь.* Тетово в огне войны // Жэньминь жибао].

[1214] *Сысоев Г.* Македония оказалась на пороге национального единства // Коммерсантъ. 11.05.2001. № 79. С. 10. URL: https://www.kommersant.ru/doc/264295 (дата обращения: 16.05.2026).

[1215] Operation Essential Harvest launched // NATO. 22 Aug. 2001. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_18585.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 16.05.2026).

[1216] Peace support operations in North Macedonia (2001–2003) // NATO Press Release. 19 May. 2001. URL:https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/peace-support-operations-in-north-macedonia-2001-2003 (дата обращения: 16.05.2026).

материалов, посвященных развитию ситуации в Македонии. Количество публикаций, касающихся позиции России по македонскому вопросу, среди них оказалось сравнительно невелико. Впервые позиция Москвы была упомянута китайской прессой в феврале 1999 г. в связи с голосованием в СБ ООН по проекту резолюции о продлении мандата СПРООН в Македонии. ЖМЖБ от 26 февраля лишь кратко пересказала позицию России, не добавив ни комментария, ни анализа[1217]. Однако на следующий день, в статье «Начало и конец миротворческой миссии»[1218], ЖМЖБ, в отчете о предлагавшихся в текст резолюции поправках, впервые сослалась на официальное заявление представителя РФ. Представитель России выразил «сожаление, что эти поправки не нашли должного отражения в окончательном тексте проекта, который не в полной мере учитывает принципиальную важность переориентации СПРООН на контроль за соблюдением военного эмбарго», подчеркнув, что в сложившихся условиях российская делегация «не сможет поддержать проект резолюции»[1219]. Таким образом, цитирование аргументов российской позиции китайской стороной было направлено на усиление ее собственной аргументации и придание дополнительной легитимности решению КНР голосовать против продления мандата СПРООН.

Публикации китайских СМИ в контексте македонского кризиса в основном носили фактологический характер, при этом освещение позиции России было ограниченным и эпизодическим. Впервые российская дипломатическая активность в контексте Македонских событий была отражена в сообщениях о визите главы МИД РФ И.С. Иванова в Белград с посланием президента В. Путина 19 марта 2001 г., адресованным президенту СРЮ В. Коштунице. В нем подчеркивалось, что: «только решительные политические и, если надо, силовые действия международного сообщества способны предотвратить разрастание конфликта на все Балканы»[1220]. В материалах китайской прессы 21 марта именно данные тезисы были процитированы и проинтерпретированы как призыв Москвы к прекращению вооруженного конфликта на македонско-югославской границе[1221]. Затем, 23 марта был опубликован репортаж корреспондента ЖМЖБ,

---

[1217] *顾震球.* 中国反对驻马其顿维和部队延期 // 人民日报. 26.02.1999. С. 6. [*Гу Чжэньцю.* Китай против продления мандата миротворцев в Македонии // Жэньминь жиба].

[1218] *符福渊, 周德武.* 维和有始有终（通讯） // 人民日报. 27.02.1999. С.4. [*Фу Фуюань, Чжоу Дэву*. Миротворчество: от начала до конца (корреспонденция) // Жэньминь жибао].

[1219] СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3982-е заседание. 25 февраля 1999 г. S/PV. 3982 // ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/PV.3982 (дата обращения: 16.05.2026).

[1220] Владимир Путин направил послание Президенту СРЮ Воиславу Коштунице // Президент России. 2001, 19 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/40702 (дата обращения: 16.05.2026).

[1221] *谢美华, 谢戎彬.* 安南谴责阿族极端分子滋事，普京要求制止马南边境冲突 // 人民日报. 21.03.2001. С. 3. [*Се Мэйхуа, Се Жунбинь.* Аннан осудил провокации экстремистов-албанцев,

освещавший интервью президента РФ Путина главным редакторам четырех российских газет: «Известий» (М. Кожокин), «Комсомольской правды» (В. Сунгоркин), «Московского комсомольца» (П. Гусев), «Труда» (А. Потапов). В нем сообщалось о необходимости «разоружать так называемую освободительную армию Косова» и «обеспечить территориальную целостность Югославии и Македонии»[1222]. В тот же день, в ходе визита в Швецию В.В. Путин провел в Стокгольме консультации с главами государств ЕС по вопросам Чечни, Косова и Македонии. Лидер России, провел некоторые параллели[1223], сравнив действия российских вооруженных сил в Чечне и международного сообщества на границе Македонии, что и нашло отражение в материале ЖМЖБ от 2 апреля под заголовком «Потепление отношений между ЕС и Россией»[1224]. Позиция Москвы по ситуации в регионе стала предметом анализа обозревателей ЖМЖБ в статье от 16 мая. Аналитики утверждали, что одной из главных целей укрепления контроля НАТО над Балканами является «вытеснение России из ее традиционного стратегического пространства», Авторы были уверены, что «ограниченная дестабилизация региона отвечает интересам НАТО», поскольку позволяет легитимировать постоянное военное присутствие альянса на Балканах[1225].

К июню 2001 г. китайские СМИ зафиксировали сближение позиций США и России по ситуации в Македонии. В статье от 20 июня цитировались слова президента США Дж. Буша, сказанные им 18 июня: «мы можем сотрудничать с русскими, поскольку у нас есть общий интерес – стабильная Македония. Разделенная Македония, в которой победят экстремисты, приведет к дестабилизации всего Балканского региона». Китайская пресса интерпретировала это заявление как фактическую поддержку США инициативы президента РФ Путина о необходимости перекрытия границы между автономным краем Сербии Косово и Македонией для пресечения поставок оружия албанским боевикам[1226]. В более широкой аналитической перспективе китайские наблюдатели отмечали, что такие

Путин потребовал предотвратить конфликты на македонско-югославской границе. // Жэньминь жибао].

[1222] Интервью главным редакторам газет «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Труд» // Президент России. 2001. 22 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21207 (дата обращения: 16.05.2026).

[1223] Пресс-конференция по итогам участия в саммите глав государств Европейского союза // Президент России. 2001. 23 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21210 (дата обращения: 16.05.2026).

[1224] *刘仲华.* 欧盟与俄罗斯关系升温 // 人民日报. 02.04.2001. С. 7. [*Лю Чжунхуа.* Улучшение отношений между ЕС и Россией // Жэньминь жибао].

[1225] *谢戎彬.* 巴尔干和平难求// 人民日报. 16.05.2001. С. 3. [*Се Жунбинь.* Мира на Балканах трудно достичь]. // Жэньминь жибао].

[1226] *谭卫兵, 王洪起, 郭亚冬.* 美俄对马其顿问题意见一致 // 人民日报. 20.06.2001. С. 3. [*Тань Вэйбин, Ван Хунци, Го Ядун.* США и Россия едины во взглядах на македонский вопрос. // Жэньминь жибао].

шаги, как операция НАТО «Богатый урожай» и реализация мирных соглашений, преследовали цель институционализации военного присутствия НАТО в Македонии и закрепления контроля над всеми Балканами[1227].

Анализ македонского кризиса 2001 г. в китайской экспертной среде преимущественно был сосредоточен на учете соотношения роли ООН, ЕС и НАТО в усилиях по урегулированию положения, а позиция и действия России в значительной степени оставались вне поля внимания китайских аналитиков международных процессов. Так, Кун Тяньпин прямо указал на «ограниченную роль СБ ООН и определяющее значение ЕС в разрешении конфликта», почеркнув, что «реальным лидером мирного процесса в Македонии стали ЕС и НАТО – первый формировал политический процесс с опорой на мягкую силу, второй вмешивался с позиций жесткой силы»[1228]. Роль России в данном контексте вовсе не рассматривалась. Аналогичную позицию занимал Лю Цзокуэй. Исследователь подчеркивал ведущую роль ЕС, который «с самого начала [кризиса] играл роль координатора реагирования Запада на конфликт»[1229]. Также и в коллективной монографии под редакцией Чжао Найбина и Ван Лиминь[1230], несмотря на подробный анализ процесса обретения независимости Македонией и ее отношений с США и ЕС, российский фактор фактически не учитывался, что можно считать структурным пробелом как в оценках китайских наблюдателей процессов на международной сцене, так и в соответствующих академических исследованиях.

В публикациях китайских академических исследователей наблюдается очевидна резкая дифференциация оценок роли России в македонском кризисе. Ма Сипу в ряде его работ подчеркивает активную роль Москвы, которая, по его мнению, в условиях нарастающей «натоизации Балкан», стремилась укрепить политический диалог с государствами региона, восстановить традиционные экономические связи и активизировать сотрудничество в сфере культуры. Данные шаги, как заявлял исследователь, позволили Москве «завоевать инициативу» в вопросах Косова и Македонии и реализовать стратегию «возвращения на Балканы»[1231], что не только укрепило статус России как великой державы, но и способствовало «сохранению баланса

[1227] *公晓燕.* 北约到底想“收获”什么？// 环球军事. 2001. № 18. С. 19. [*Гун Сяоянь.* Что именно хочет "пожать" НАТО? // Хуаньцю Цзюньши].

[1228] *孔田平.* 马其顿内战是如何结束的？С. 1582–1583. [*Кун Таньпин.* Как завершилась македонская война?].

[1229] *刘作奎.* 国家建构的“欧洲方式”: 欧盟对西巴尔干政策研究 (1991–2014). 北京: 社会科学文献出版社, 2015. С. 140. [*Лю Цзокуэй.* «Европейский способ» построения государства: исследования политики ЕС в отношении Западных Балкан (1991–2014). Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].

[1230] 南斯拉夫的变迁. 2002. С. 159–166. [Перемены в Югославии].

[1231] *马细谱.* 南斯拉夫通史. С. 322. [*Ма Сипу*. Общая история Югославии].

внешних сил и укреплению региональной стабильности»[1232]. В свою очередь Ли Ти проинтерпретировала позицию России более сдержанно, назвав ее подход «стратегически компромиссным». Исследователь дала систематизированную оценку основным положениям российской позиции в ходе македонского кризиса, среди которых несколько опорных тезисов: квалифицирование вооруженных албанских формирований как террористических организаций; необходимость межэтнического диалога в рамках конституционного порядка; признание македонского вопроса внутренним делом суверенного македонского государства и нежелательность вмешательства международного сообщества; указание на косовский кризис как корневую причину событий в Македонии[1233]. При этом операцию НАТО «Богатый урожай» Ли назвала согласованной с Россией, поскольку после проведенных консультаций с западными странами, Москва воздержалась от возражений против данной миссии[1234].

Внимание в Китае к позиции и внешнеполитическим действиям России в период македонского конфликта и президентских выборов в СРЮ оказалось значительно меньшим в сравнении с интересом к роли Москвы в событиях югославского кризиса в 1990-х гг. Средства массовой информации фокусировались преимущественно на фиксации ключевых шагов Москвы и заявлениях российского руководства, сопровождая их экспертными комментариями. В свою очередь, балканисты и представители академического сообщества провели довольно глубокий анализ российской политики в ходе электорального кризиса в СРЮ, однако данные исследования носили преимущественно закрытый специализированный характер, а в публичное пространство попадали отдельные статьи и реже – монографии с соответствующими разделами. При этом китайское научное сообщество в целом преобладала позитивная оценка балканской стратегии России на рубеже веков. Аналитики констатировали, что прагматичный и гибкий курс первых лет президентства В.В. Путина отвечал национально-государственным интересам России и способствовал укреплению международных позиций Москвы.

***

Анализ позиции Китая в отношении балканской политики России в период 1996–2001 гг. показывает, что на стыке государственного политического курса, медиадискурса и академических исследований в КНР сформировалась относительно устойчивая и внутренне согласованная интерпретационная модель. В отличие от первой половины 1990-х гг., когда внимание китайских аналитиков было сосредоточено

[1232] Там же. С. 322.
[1233] *李提.* 俄罗斯与巴尔干. С.114. [*Ли Ти.* Россия и Балканы].
[1234] Там же. С. 115.

преимущественно на процессе распада Югославии, этнических конфликтах, гражданских войнах на постъюгославском пространстве и общей трансформации внешней политики РФ, во второй половине десятилетия основной доминантой экспертного восприятии стал косовский кризис как концентрированное проявление противоречий постбиполярного международного порядка и системных ограничений российской внешнеполитической деятельности.

На государственном уровне в Китае в целом положительно оценивали подходы и дипломатические усилия России во время кризиса в Косове, рассматривая РФ как важного участника политического урегулирования. Официальный Пекин исходил из принципов уважения суверенитета и территориальной целостности государств, выступал против силового вмешательства НАТО без согласия СБ ООН, настаивал на необходимости политико-дипломатического решения конфликта. После бомбардировки здания посольства КНР в СРЮ авиацией НАТО 7 мая 1999 г. позиции Китая и России по ряду ключевых вопросов урегулирования косовской проблемы заметно сблизились, что выразилось в тесной координации некоторых шагов и интенсификации двусторонних консультаций. Вместе с тем китайское руководство проявляло определенную осторожность: риторика официальных лиц КНР оставалась сдержанной, исключала юридически жесткие формулировки, и не предполагала безусловной поддержки всех инициатив российской стороны.

В медиапространстве КНР российская политика в период косовского кризиса, включая и этап военной агрессии НАТО против СРЮ, предстала в виде амбивалентного дипломатического образа, сочетающего элементы силы и уязвимости. Китайские СМИ последовательно фиксировали эволюцию позиции России от жесткого противостояния действиям НАТО к поиску компромиссов и выполнению посреднических функций между режимом С. Милошевича и Североатлантическим альянсом. С одной стороны, подчеркивалась способность России, несмотря на неблагоприятные условия, сохранять влияние и участвовать в формировании механизмов урегулирования, включая заключение мирных соглашений и развертывание миротворческих миссий. С другой стороны, внимание СМИ Китая акцентировалось на внутренних экономических трудностях России, политических разногласиях в верхних эшелонах власти и геостратегическом давлении с Запада, которые существенно ограничивали свободу маневра российской дипломатии и вынуждали Москву идти на уступки ради сохранения стратегических позиций и поддержания равноправных рабочих отношений с Западом. В целом в медиадискурсе КНР прослеживалось стремление избегать однозначных оценок, при этом действия России с

преимущественно интерпретировались через призму структурных ограничений и баланса интересов.

В экспертной среде КНР, в том числе в экспертном гуманитарном сообществе балканская политика России в период 1996–2001 гг. рассматривалась как важная и самостоятельная исследовательская проблема, хотя по мере стабилизации ситуации вокруг Косова интенсивность внимания к ней несколько снизилась. Ведущую роль в изучении данной тематики играли профильные научные институты системы КАОН, а также соответствующие центры – структурные подразделения университетов и аналитические организации, специализирующиеся на изучении международных отношений и влияющие на общественное мнение в Китае. Китайские эксперты в целом признавали значимую роль России в урегулировании косовского кризиса и отмечали существенные изменения ее внешнеполитической позиции в ходе конфликта.

Вместе с тем оценки мотивов, характера и эффективности конкретных действий России существенно различались. В экспертном сообществе широкое распространение получил тезис о динамической логичной эволюции российской позиции по схеме «противник – сторонник компромисса – посредник», которая рассматривалась как ключ к пониманию динамики дипломатии Кремля. Причины данной эволюции объяснялись аналитиками не традиционными историко-культурными связями России с Югославией, а прагматическими соображениями ее национально-государственных интересов, состоянием внутренней политико-экономической системы и характером ее отношений с США, ЕС и отдельными европейскими державами. В методологическом плане китайские эксперты все чаще прибегали к многомерному подходу, сочетая геополитический анализ с исследованием факторов идентичности, стратегической культуры и статуса России как великой державы. В результате китайские академические нарративы наделяют балканскую политику России в отношении югославского кризиса такими взаимодополняющими, но противоречивыми, а порой и бинарными чертами, как противостояние и компромисс, жесткость и гибкость, сдержанность и зависимость, осторожность и прагматизм. Эти характеристики интерпретируются не столько как проявление слабости, сколько как отражение процесса адаптации российской внешней политики к изменяющимся международным условиям и стремлению сохранить статус и достоинство великой державы в условиях сокращения стратегического пространства между НАТО и РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в диссертационном исследовании комплексный анализ позиций КНР в отношении политики России в период югославского кризиса (1991–2001 гг.) позволяет утверждать, что балканские события стали для Пекина важнейшим полигоном для концептуального переосмысления роли Москвы и выработки собственной стратегии противодействия однополярному доминированию Запада. Изучение данной проблематики в плоскости официальной дипломатии, медиадискурса и академической аналитики позволило детально раскрыть специфику китайского восприятия роли, геополитического потенциала и реальных возможностей России на Балканах в постбиполярный период.

В ходе исследования установлено, что в Китае в 1990-е гг. сформировалась относительно устойчивая и внутренне согласованная адекватная интерпретационная модель оценки балканской политики России. Баланс данной модели обеспечивался, с одной стороны, приверженностью нормативным принципам китайской внешней политики – уважению суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательству во внутренние дела, приоритету мирного урегулирования конфликтов и центральной роли ООН. С другой стороны, ее фундаментом выступал структурный анализ международных отношений, прежде всего трансформации мирового порядка после окончания холодной войны и динамики взаимодействия между Россией и Западом.

1. Позиция Китая в отношении югославского кризиса 1990-х гг. отличалась последовательностью и преемственностью. В подходе к государствам бывшей Югославии китайская дипломатия руководствовалась стратегией «оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения». Китай стремился поддерживать и развивать дружественные отношения и сотрудничество с республиками бывшей Югославии на основе пяти принципов мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела и уважения выбора народов. Вместе с тем политические и экономические связи Китая с СРЮ были заметно более тесными по сравнению с другими государствами, образовавшимися на постъюгославском пространстве, что предопределило особую чувствительность китайской стороны к внешнему давлению на Белград. Как следствие, противодействие гегемонизму и политике силы стало одним из ключевых направлений китайской дипломатии, основанном на требовании строго придерживаться при урегулировании международных вопросов Устава ООН и общепризнанных норм международных отношений, следовать принципам объективности и справедливости. Таким образом, в период гражданской войны в Боснии Китай выступал против применения силы и односторонних санкций, настаивал на принципе невмешательства во внутренние дела, одновременно поддерживая международные усилия, направленные на мирное урегулирование конфликта. Особую

настороженность Пекин проявлял к резолюциям СБ ООН, принятым на основании главы VII Устава, опасаясь их использования в качестве юридического обоснования для принудительных мер и внешнего вмешательства.

2. Бомбардировки НАТО СРЮ в 1999 г. были однозначно квалифицированы Китаем как акт агрессии и грубое нарушение международного права. При этом реакция Пекина на бомбардировки Югославии силами НАТО и грубое нарушение международного права сочетала жесткую нормативную оценку с прагматической сдержанностью, соответствовавшей стратегическому курсу на концентрацию ресурсов на внутреннем развитии. Китай, исходя из принципов защиты международного права и Устава ООН, решительно выступил против военного вмешательства НАТО в дела суверенного государства в обход СБ ООН, четко выразив поддержку суверенитету и территориальной целостности СРЮ, и настаивал на урегулировании конфликтов исключительно политико-дипломатическими средствами. Вместе с тем Пекин продолжал придерживаться стратегического курса «хладнокровно наблюдать, крепить позиции, уверенно справляться со сложностями, скрывать свои возможности и держаться в тени, никогда не стремиться к лидерству, но делать конкретные дела». На агрессию НАТО против СРЮ и бомбардировку китайского посольства в Белграде КНР отвечала в соответствии с законом, руководствуясь в этой борьбе принципами правоты, выгоды и умеренности. Главной целью было выиграть время, использовать любую возможность и сосредоточить все силы на ускоренном внутреннем развитии. Китайская сторона подчеркивала, что операции НАТО нарушает нормы международного права и подрывают основы международных отношений. Принципиальной линией оставалось урегулирование кризиса в рамках ООН и неприятие вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств под лозунгами «нового интервенционизма» и «превосходства прав человека над суверенитетом». В сущности, в китайской интерпретации войны в Боснии и агрессии НАТО против СРЮ рассматривались как кризисы различной природы: первый – как многосторонний и интернационализированный конфликт, второй – как внутреннее дело СРЮ, поскольку Косово являлось частью Республики Сербия.

3. Традиционно дружественные отношения между Россией и Сербией являлись ключевым фактором, определявшим оценку российской балканской политики в китайском дискурсе. При этом динамика советско-югославских отношений в условиях биполярной системы не оказала существенного влияния на восприятие в Китае политики России на Балканах в 1990-е гг. Китайская аналитика исходила из того, что политика России в условиях югославского кризиса являлась частью более широкой трансформации ее внешнеполитического курса и отражала поиск нового места в международной системе

после распада СССР. Российская активность на Балканах рассматривалась Пекином как сочетание стремления к восстановлению статуса великой державы, намерения сохранить традиционные сферы влияния и необходимости учитывать серьезные внутренние и внешние ограничения. Такой глубокий прагматизм китайской аналитики 1990-х гг. стал результатом серьезной эволюции советско-китайских отношений (конец 1940-х – 1980-е гг.), в рамках которой политика Китая в отношении Югославии и его оценка советской политики на Балканах во многом зависели от состояния двусторонних отношений с СССР. В первые годы существования КНР КПК полностью поддерживал позицию КПСС по югославскому вопросу и в делах на Балканах действовала в тесном согласии с СССР. Однако, с обострением идеологических разногласий в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и разрывом союзнических отношений с СССР Китай перешел к внешнеполитической линии «антиимпериализма и антиревизионизма», рассматривая Югославию как объект критики «советского ревизионизма». После советско-китайской полемики Китай оценивал КПСС и СКЮ как представителей «современного ревизионизма» и подвергал их критике. После «Пражской весны» 1968 г. отношения между Китаем и Югославией постепенно смягчились, при дальнейшем ухудшении китайско-советских отношений Китай прекратил открытую критику Югославии, а стороны укрепляли связи через визиты на высоком уровне. Югославия при этом стала важным объектом заимствования опыта в процессе реформ и открытости Китая. В дальнейшем китайская публичная дискуссия больше не касалась советской политики в отношении Югославии, а сообщения в СМИ по этому вопросу значительно сократились.

4. Китайские исследователи и СМИ подчеркивали, что политика России в отношении кризиса на постъюгославском пространстве являлась частью внешней политики России, которая постоянно адаптировалась под влиянием меняющейся внешней ситуации и переосмысления национальных интересов. В китайском дискурсе отмечалось, что данная политика сочетала в себе черты зависимости, компромисса, противостояния и независимости. Ее главной целью Пекин видел использование кризиса в Югославии для возвращения России на международную арену, поддержания традиционных связей на Балканах, восстановления статуса великой державы. Однако из-за острой нехватки у России экономических и военных ресурсов для достижения целей политики, поддержка бывшей Югославии со стороны Москвы в основном ограничивалась политико-дипломатическим и моральным уровнями. В результате во многих вопросах в конечном итоге Кремль был вынужден идти на уступки, даже жертвуя интересами сербов на пространстве бывшей Югославии для достижения компромисса с Западом. Тем не менее, как констатировали в КНР, активно вмешиваясь в югославский кризис, Россия

продемонстрировала свою решимость и потенциал для восстановления статуса великой державы, в определенной степени уравновешивая доминирующие позиции США и Европы.

5. Китайские исследования российской политики на постъюгославском пространстве демонстрируют комплексный подход к ее интерпретации. Китайские исследователи рассматривают политику России не как результат воздействия какого-либо отдельного фактора, а как следствие взаимодействия исторических, внутренних и внешних условий. Анализ российской балканской политики основывается на пяти основных аспектах: во-первых, на исторически сложившихся связях России со странами бывшего югославского пространства, прежде всего с Сербией, основанных на культурной, религиозной и исторической близости, и их влиянии на восприятие Москвой своего положения и интересов на Балканах; во-вторых, на геополитических интересах России в регионе; в-третьих, на динамике отношений между Россией и западными странами; в-четвертых, на уровне совокупной мощи государства России, определявшей возможности реализации ее внешнеполитического курса на международное арене; в-пятых, на анализе внутриполитической ситуации в России и ее воздействия на формирование внешнеполитического курса. Одновременно китайские исследователи обращаются к таким категориям международных отношений, как стратегические интересы, национальная безопасность, сферы влияния, баланс сил, соперничество великих держав и структура международной системы. Это позволяет им интерпретировать российскую политику на Балканах как результат взаимодействия внутренних условий развития России и изменений в международной системе, а не как следствие действия какого-либо отдельного фактора. При этом «панславизм» и «евро-атлантизм» рассматривались китайским экспертным сообществом как ключевые конкурирующие теоретические ориентации, определявшие эволюцию внешней политики России. Если первая подчеркивает исторические и культурные связи со славянскими народами и православным миром, вторая ориентирована на интеграцию с западным обществом. Борьба и баланс этих двух течений в значительной степени предопределили контуры политики России на Балканах и стали важным теоретическим инструментом для китайских ученых при оценке и анализе дипломатической стратегии России. Показательно, что, анализируя полярные подходы – «прозападный» курс А. Козырева и «многополярной» дипломатии Е. Примакова китайские исследователи, несмотря на различия в внешнеполитических подходах и практике, в целом сходились во мнении, что их основная цель была единой: защита национальных интересов России и восстановление ее международного статуса.

6. В китайском экспертном сообществе нет единого мнения относительно

международного статуса России после окончания холодной войны. Большинство считает, что, несмотря на глубокий системный кризис после распада СССР, Россия сохранила статус «великой державы», а некоторые даже определяют ее как «мировую державу». Другая группа исследователей придерживается более осторожных оценок, считая Россию 1990-х гг. региональной державой или державой второго ранга с ограниченной сферой влияния. По их мнению, такое ослабление позиций на международной арене лишило Москву возможности играть в региональных конфликтах (в частности, во время войны в Боснии) роль, сопоставимую с ее прежним историческим весом. Другая часть ученых придерживается более осторожной позиции, полагая, что Россия 1990-х гг. фактически стала «державой второго ранга» или «региональной державой» с ограниченной сферой влияния. По их мнению, такое ослабление позиций России на международной арене лишило Москву возможности играть в региональных конфликтах (в частности, в войне в Боснии) значимую роль сопоставимую с ее прежним историческим весом.

7. Анализ материалов китайских СМИ и исследований позволяет выделить несколько этапов формирования и развития представлений в Китае о политике России в отношении кризиса на постъюгославском пространстве. Первый этап (1991–1995 гг.) характеризовался формированием первоначальных представлений о югославском кризисе и позиции России. В этот период китайские исследователи и СМИ начали систематически анализировать причины распада Югославии, развитие кризиса и внешнеполитические действия России. Второй этап (1995–1999 гг.) был связан с углублением внимания к российской политике на Балканах. Завершение войны в БиГ, а особенно развитие косовского кризиса и агрессия НАТО против СРЮ, способствовали расширению интереса китайских исследователей и СМИ к дипломатическим инициативам России и ее роли в урегулировании югославского кризиса. Третий этап (1999–2012 гг.) характеризовался снижением непосредственного внимания китайских исследователей и СМИ к политике России в отношении кризиса. Проблематика российской политики на Балканах постепенно рассматривалась преимущественно в более широком контексте анализа внешней политики России, ее международного положения и отношений с ведущими мировыми державами. Четвертый этап (с 2012 г. по настоящее время) связан с возобновлением интереса к данной проблематике в условиях развития сотрудничества Китая со странами Центральной и Восточной Европы, а также реализации инициативы «Пояс и путь». Изменение роли региона в системе внешних связей Китая способствовало возвращению внимания китайских исследователей к вопросам российской политики на Балканах и ее влияния на региональную безопасность и международные отношения.

8. Китайские СМИ в 1991–1995 гг. последовательно и всесторонне освещали

события на Балканах, детально анализируя ключевые дипломатическим шаги и позиции СССР/России. При этом в медиадискурсе Китая доминировала тенденция интерпретировать происходящее сквозь призму интересов сербов и Белграда. Такой ракурс способствовал формированию образа России прежде всего как «традиционного союзника» Сербии и как силы, совместно противостоящей давлению со стороны Запада. Вплоть до 1991 г. в представлении китайских официальных СМИ и дипломатического дискурса позиция Советского Союза по югославскому вопросу четко обозначалась как курс на сохранение государственного единства СФРЮ, неприятие внешнего вмешательства, приоритет внутреннего политического урегулирования и отказ от интернационализации югославского кризиса. Китай рассматривал СССР как ключевого внешнего актора, выступавшего за сохранение территориальной целостности Югославии и региональной стабильности. После распада СССР китайские публикации фиксировали не только эволюцию балканского курса новой России в первые годы после окончания холодной войны, но и процессы внутриполитической дифференциации и соперничества в самой России. Однако в целом существовавшие в Москве противоречия – в том числе между парламентом, правительством и президентом – не оказывали определяющего влияния на оценку китайскими СМИ общего внешнеполитического курса России. Напротив, внутриполитические разногласия воспринимались как элементы внешнеполитического механизма РФ, где активность оппозиции и парламентские дискуссии выступали факторами, способствовавшие формированию более сбалансированного и самостоятельного курса. В нарративе китайских СМИ Россия последовательно позиционировалась как государство, обладающее на Балканах значительным историческим влиянием и легитимными национальными интересами. Исходя из этого понимания, российская дипломатическая активность по балканской проблематике анализировалась преимущественно в контексте трансформации постбиполярного международного порядка и треугольника отношений Россия – США – Европа. Китайские СМИ подчеркивали, что роль России в процессе урегулирования балканских конфликтов в значительной степени зависела от состояния ее диалога с Вашингтоном, от потребности во внешней поддержке в условиях системной трансформации, а также от относительного снижения совокупной государственной мощи. В целом в китайском медиадискурсе закрепилось представление о российской внешней политике на Балканах как о волнообразном процессе – последовательности переходов от пассивного наблюдения к активным действиям и последующему возвращению к сдержанной линии. В рамках указанных структурных ограничений Россия, с одной стороны, стремилась удержать традиционные позиции в регионе, а с другой – была

вынуждена искать компромисс между символическим поддержанием статуса великой державы и необходимостью участия в международном сотрудничестве. При этом китайские СМИ отмечали, что в отдельные периоды, прежде всего в 1994 г., Россия играла конструктивную и значимую роль, оказав заметное влияние на процесс урегулирования боснийского конфликта.

9. Анализируя роль и позицию России в косовском кризисе, китайские СМИ зафиксировали существенную трансформацию ее дипломатической стратегии. Пройдя путь от первоначальной жесткой реакции до последующих компромиссов и посреднической роли, действия России в вопросе Косова одновременно продемонстрировали ее потенциал великой державы и обнаружили ее уязвимость перед лицом экономических трудностей, политических разногласий и геостратегического давления Запада. Подписание косовского мирного соглашения, по оценкам прессы КНР, не только подтвердило значимость РФ в глобальной политике, но и высветило масштабные вызовы, стоящие перед страной на международной арене. В китайском медиадискурсе сформировался двойственный образ российской дипломатии, сочетавший элементы силы и слабости. С одной стороны, Москве удалось отстоять часть своих национальных интересов, с другой – она была вынуждена идти на уступки для сохранения стратегического положения и контроля над характером отношений с Западом.

10. Китайские исследования российской политики на Балканах демонстрируют методологическое многообразие, сочетающее марксистскую традицию с заимствованием элементов западного реализма. В центре их внимания находятся как глобальные процессы – соперничество великих держав, трансформация мирового порядка, – так и внутриполитические факторы развития России. Вместе с тем, несмотря на стремление к комплексному анализу, в китайских работах не всегда в полной мере отражены реальные масштабы и специфик дипломатической активности России в ходе боснийского и косовского кризисов. Это свидетельствует о том, что китайская интерпретация российской балканской политики, оставаясь достаточно глубокой и многогранной, все же сохраняет некоторую дистанцированность от событий в регионе. Югославский кризис, особенно агрессия НАТО против Югославии, послужил мощным катализатором сближения двух стран. Стороны перешли к глубокой координации своих внешнеполитических шагов, выработав единую платформу противодействия однополярному доминированию. Именно на фоне югославских событий Москва и Пекин открыто заявили о совместном стремлении к многополярному миру и к формированию более справедливого, равноправного и рационального международного порядка, жестко отвергнув концепцию гуманитарных интервенций и силовое давление со стороны ведомого США Североатлантического

альянса.

Следует отметить, что исследования в Китае российской балканской политики, особенно анализ политики России в регионе в 1990-е гг., имеют значение не только для углубления китайско-российский отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху, развития академических обменов и гуманитарного сотрудничества между двумя странами, но и обладают значительной практической ценностью. Изучение опыта и ограничений российской политики на Балканах позволило китайским исследователям сделать вывод о важности сохранения внутренней политической стабильности, общественной сплоченности и последовательного укрепления совокупной мощи государства как необходимых условий для реализации эффективной внешней политики. При взаимодействии с внешним миром необходимо учитывать взаимосвязь между геополитическими противоречиями и экономическим, культурным и гуманитарным сотрудничеством, обеспечивая их разграничение и не допуская, чтобы политические конфликты препятствовали долгосрочному развитию международного взаимодействия. Вместе с тем проведенный анализ выявил определенные ограничения китайских оценок российской политики в отношении югославского кризиса. Китайские исследования в основном основывались на опубликованных материалах и вторичных источниках, тогда как комплексное использование российских архивных документов для переосмысления балканской политики России 1990-х гг. еще не получило широкого распространения. Кроме того, в ряде вопросов оценки китайских исследователей не полностью совпадали с преобладающими подходами российской научной литературы, в частности при рассмотрении роли отдельных политических деятелей, таких как А.В. Козырев и Б.Н. Ельцин, в определении внешнеполитического курса России.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в российской историографии исследование данной проблематики в настоящее время находится на начальном этапе. В связи с тем, что значительная часть архивных материалов Китая, России и Сербии еще не введена в научный оборот, многие аспекты взаимодействия между Китаем и Россией, а также между Китаем и Сербией в период балканского кризиса 1990-х гг., включая формы, механизмы и конкретное содержание сотрудничества, требуют дальнейшего изучения. Проведенное исследование, опираясь на доступные источники и научные работы, позволило систематизировать основные этапы развития китайско-советских (китайско-российских) отношений по югославской проблематике, раскрыть особенности восприятия в Китае российской политики на Балканах и расширить представление о международном измерении югославского кризиса. Полученные результаты могут служить основой для

дальнейших исследований данной проблематики, особенно с учетом введения в научный оборот новых архивных материалов.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

АНДК – Ассоциация народной дипломатии Китая

АНО – Автономная некоммерческая организация

АОК – Армия освобождения Косова

АРС – Армия Республики Сербской

б/н – Без номера

БиГ – Босния и Герцеговина

ВВС – Военно-воздушные силы

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВМС – Военно-морские силы

ВМФ – Военно-морской флот

ВПШ – Высшая партийная школа

ВСНП – Всекитайское собрание народных представителей

ВТО – Всемирная торговая организация

ВШЭ – Высшая школа экономики

ГА – Генеральная Ассамблея (ООН)

ГД – Государственная Дума (РФ)

ГМЖБ – Гуанмин жибао

ГШ ВС – Генеральный штаб Вооруженных сил

ГШ НОАК – Генеральный штаб Народно-освободительной армии Китая

ДКБ – Договор о коллективной безопасности

ЕС – Европейский союз

ЕЭС – Европейское экономическое сообщество

ЖМЖБ – Жэньминь жибао

ИВЕЦА – Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН

ИВИ – Институт всеобщей истории РАН

ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений РАН

ИМЭПИ – Институт международных экономических и политических исследований РАН

ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам РАН

ИРВЕЦА – Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН

ИСК – Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН

ИСл – Институт славяноведения РАН

КАОН – Китайская академия общественных наук

КГ – Контактная группа

КНР – Китайская Народная Республика

КОКК – Китайское общество Красного Креста

КПК – Коммунистическая партия Китая

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КПЮ – Коммунистическая партия Югославии

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

МВФ – Международный валютный фонд

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений

МГОУ – Московский государственный областной университет

МГУ – Московский государственный университет

МИД – Министерство иностранных дел

МКД – Международное коммунистическое движение

МО – Министерство обороны

МОНФ – Московский общественный научный фонд

МРК – Международное радио Китая

МТБЮ – Международный трибунал по бывшей Югославии

НАТО – Организация Североатлантического договора

НОАК – Народно-освободительная армия Китая

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОИК – Организация Исламской конференции

ОНА – Освободительная Национальная Армия

ООН – Организация Объединенных Наций

РАН – Российская академия наук

РИА – Российское информационное агентство

РНБ – Режим наибольшего благоприятствования

РНФ – Российский научный фонд

РОССПЭН – Российская политическая энциклопедия

РС – Республика Сербия

РС– Республика Сербская (БиГ)

РСК – Республика Сербская Краина

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

РЦИРЗ – Центр Республики Сербской по исследованию войны, расследованию военных преступлений и поиску пропавших без вести

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

СБР – Силы быстрого реагирования

СБСЕ – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе

СВО – Специальная военная операция

СВР – Служба внешней разведки РФ

СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии

СИВ– Союз исполнительного веча

СКЮ – Союз коммунистов Югославии

СМИ – Средство массовой информации

СНГ – Содружество Независимых Государств

СОД / ODS – Система официальной документации ООН / Official Document System of the United Nations

СООНО – Силы ООН по охране

СПРООН – Силы превентивного развертывания ООН

СРЮ – Союзная Республика Югославия

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия

США – Соединенные Штаты Америки

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

ФБиГ – Федерация Боснии и Герцеговины

ФНРЮ – Федеративная Народная Республика Югославия

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ФСБ – Федеральная Служба Безопасности РФ

ХЦШБ – Хуаньцю шибао

ЦК – Центральный комитет

ЦЮВЕ – Центральная и Юго-Восточная Европа

Шанхайская АОН – Шанхайская Академия общественных наук

ЮНА – Югославская народная армия

CNKI – China National Knowledge Infrastructure

ISAC – International and Security Affairs Centre

UNPREDEP – United Nations Preventive Deployment Force

UNTAES – United Nations Transitional Administration for Eastern Slavonia, Baranja and Western Sirmium

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

I. Опубликованные документы и материалы

1. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М.: Индрик, Т. 1. (1878–1997). М., 2006; Т. 2. (1998–1999). М., 2007; Т. 3. (2000–2005). М., 2008; Т. 4. (2006–2010). М., 2011. 312 с.; 384 с.; 376 с.; 512 с.
2. В огне балканской войны: Сборник документов и материалов о «воздушной войне» НАТО против Югославии с 24 марта по 10 июня 1999 г. / Под ред. Ю.П. Савельева. СПб.: Сев. звезда, 2002. 512 с.
3. В Политбюро ЦК КПСС: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М.: Горбачев-Фонд, 2008. 800 с.
4. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1 (1946–1964); Т. 2 (1964–1980). М., 2014; 2017. 880 с.; 944 с.
5. Дэн Сяопин. Избранное. Т. III (1982–1992). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 1994. 537 с.
6. Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 951 с.
7. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2, 3. М.: Индрик, 2000. 496 с.; 288 с.
8. Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноября 1957 г.): документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина; сост.: Л.А. Величанская (отв. сост.), А.С. Стыкалин // Документы и материалы встречи и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М.: РОССПЭН, 2013. 621 с.
9. Цзян Цзэминь. Избранное. Т. I–II. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 2010; 2012. 769 с.; 691 с.
10. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. Москва: Экспертинформ, 1992. 372 с.
11. Югославия на пороге 2000 года. Документы, факты, свидетельства, мнения. М.: РИА Новости, 1999. 240 с.
12. Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2 / Сост., отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Славянская летопись. 1993. 503 с.
13. 俄罗斯解密档案选编: 中苏关系. 第一卷；第七卷；第八卷 / 沈志华主编. 上海: 东方出版中心, 2015. 461 с.; 431 с.; 449 с. [Избранные рассекреченные документы России по китайско-советским отношениям. Т. I; Т. VII; Т. VIII / Под ред. Шэнь Чжихуа. Шанхай: Восточный издательский центр].
14. 关于 1957 年 1 月周恩来出访苏、波、匈三国的档案文献 // 冷战国际史研究. 7 / 李丹慧主编. 北京: 世界知识出版社, 2008. С. 359–360. [Избранное документы о поездке Чжоу Эньлая в СССР, Польшу и Венгрию в январе 1957 г. // Изучение истории холодной войны. Т. VII / Под ред. Ли Даньхуй. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

15. 江泽民论有中国特色社会主义（专题摘编）. 北京: 中央文献出版社, 2002. 753 с. [О социализме с китайской спецификой: Сб. высказываний по темам Цзян Цзэминя. Пекин: Центральное литературное издательство].
16. 江泽民文选（第一卷）. 北京: 人民出版社, 2006. 660 с. [Избранные произведения Цзян Цзэминя. Пекин: Народное издательство].
17. 解密外交文献: 中华人民共和国建交档案 （1949–1955）/ 廉正保, 王景堂编著. 北京: 人民画报出版社, 2006. С. 573. [Рассекреченные дипломатические документы: архив установления дипломатических отношений КНР (1949–1955) / Сост. Лян Чжэнбао, Ван Цзиньтан. Пекин: Издательство Жэньминь хуабао].
18. 刘少奇. 论国际主义与民族主义. 1948. 75 с. [Лю Шаоци. Об интернационализме и национализме].
19. 刘少奇. 中国共产党中央委员会向第八届全国代表大会第二次会议的工作报告. 北京: 人民出版社, 1958. 88 с. [Лю Шаоци. Отчетный доклад о работе ЦК КПК 2-й сессии VIII всекитайского съезда партии. Пекин: Народное издательство].
20. 毛泽东年谱（第五卷）;（第六卷）;（第八卷） / 中共中央党史和文献研究院编. 北京: 中央文献出版社, 2023. 643 с.; 659 с.; 632 с. [Биографическая хроника Мао Цзэдуна. Т. V; Т. VI; Т. VIII / Институт по изучению партийной истории и документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].
21. 毛泽东外交文选 / 中华人民共和国外交部、中共中央文献教研室. 北京: 中央文献出版社、世界知识出版社, 1994. 658 с. [Сборник материалов о дипломатической деятельности Мао Цзэдуна / Министерство иностранных дел КНР, Отдел документации ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство, Издательство «Знания о мире»].
22. 毛泽东文集（第七卷）/ 中共中央文献研究室编. 北京: 中央文献出版社, 1997. 465 с. [Произведения Мао Цзэдуна. Т. VII / Центр по изучению документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].
23. 毛泽东选集（第四卷）. 北京: 人民出版社, 1991. 395 с. [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. IV. Пекин: Народное издательство].
24. 毛泽东选集（第五卷）. 北京: 人民出版社, 1977. 500 с. [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. V. Пекин: Народное издательство].
25. 南苏关系(1939–1973): 文件与批注 / 斯芬劳·克利蒙德. 北京: 人民出版社, 1980. 574 с. [Югославско-советские отношения (1939–1973 гг.): документы и комментарии / Стивен Клиссолд (Stephen Clissold). Пекин: Народное издательство].
26. 铁托在普拉多的演说及有关评论. 北京: 世界知识出版社, 1957. 274 с. [Выступление Тито в Пуле и соответствующие комментарии. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
27. 习近平外交演讲集（第一卷）. 北京: 中央文献出版社, 2022. 544 с. [Собрание выступлений Си Цзиньпина в области дипломатии. Т. 1. Пекин: Центральное литературное издательство].
28. 张闻天年谱（下）/ 张培森主编. 北京: 中共党史出版社, 2010. 936 с. [Биографическая хроника Чжан Вэньтяня. Т. II / Под ред. Чжан Пэйсэня. Пекин: Издательство партийной истории КПК].
29. 周恩来年谱 1949–1976（中卷）/ 中共中央文献研究室编. 北京: 中央文献出版社, 1997.

750 с. [Биографическая хроник Чжоу Эньлая (1949–1976 гг.) Т. II / Сост. Центр по изучению документации при ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство].

II. Официальные документы и материалы

30. Вестник министерства иностранных дел СССР. 1990–1991.
31. Владимир Путин направил послание Президенту СРЮ Воиславу Коштунице // Президент России. 2001. 19 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/40702 (дата обращения: 16.05.2026).
32. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК // Кит. информационный интернет-центр. 2002. 19 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm (дата обращения: 11.01.2025).
33. Дипломатический вестник 1992–2001.
34. Подписание российско-американских документов // Ельцин Центр. URL: https://yeltsin.ru/archive/audio/64453 (дата обращения: 26.11.2025).
35. Послание Президента Российской Федерации от 30.03.1999 г. б/н // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400/page/1 (дата обращения: 19.09.2025).
36. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 14 октября 2004 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/2053 (дата обращения: 14.12.2024).
37. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. 30 июня 2005 г. // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3660 (дата обращения: 14.12.2024).
38. Текст Пекинской декларации Российской федерации и Китайской Народной Республики // МИД России. 19.07.2000. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/1639352/ (Дата обращения: 31.03.2026).
39. 2000 年中国的国防 // 中华人民共和国国务院新闻办公室. [Национальная оборона Китая в 2000 году (Белая книга) // Пресс-канцелярия Государственного совета КНР]. 16.10.2000. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2000n/202207/t20220704_129887.html (дата обращения: 14.12.2024).
40. 常驻联合国代表傅聪大使在联大表决“斯雷布雷尼察种族灭绝国际日”决议草案前的解释性发言 // 中华人民共和国外交部. [Разъяснительное выступление Постоянного представителя КНР при ООН посла Фу Цуна перед голосованием Генеральной Ассамблеи ООН по проекту резолюции «Международный день памяти геноцида в Сребренице» // МИД КНР]. URL: https://www.mfa.gov.cn/zwbd_673032/wjzs/202405/t20240524_11310999.shtml (дата обращения: 03.06.2026).
41. 关于出席各国议会联盟第八十八届大会的工作报告（书面） // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1992 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 420–422. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 88-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1992 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].
42. 关于出席各国议会联盟第八十九届大会的工作报告（书面） // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1993 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 318–320.

[Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 89-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1993 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].

43. 江泽民主席致电祝贺科什图尼察当选南联盟总统 // 中华人民共和国国务院公报. [Председатель Цзян Цзэминь направил поздравительную телеграмму Воиславу Коштунице в связи с избранием на пост президента СРЮ // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 34. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60533.htm (дата обращения: 16.06.2026).
44. 全国人大代表团出席各国议会联盟第九十四届大会的书面工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1995 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 455–457. [Письменный отчет о работеделегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 94-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1995 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].
45. 全国人大代表团出席各国议会联盟第九十一届大会的书面工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1994 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 220–222. [Письменный отчет о работе делегации Всекитайского собрания народных представителей по участию в 91-й сессии Межпарламентского союза // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1994 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].
46. 全国人大代表团访问摩尔多瓦、南斯拉夫两国情况的书面报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1996 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 567–569. [Письменный отчет о визитах делегации ВСНП в Молдову и СРЮ / Бюллетень Постоянного комитета ВСНП. Т. за 1996 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].
47. 习近平在塞尔维亚媒体发表署名文章 // 中华人民共和国外交部. [Статья Си Цзиньпина, опубликованная в сербских средствах массовой информации под его именем // МИД КНР]. 07.05.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1209_679652/202405/t20240507_11300593.shtml (дата обращения: 03.06.2026).
48. 政府工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1992 年卷）. 北京: 中国法治出版社, 2004. С. 30–42. [Отчет о работе правительства // Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР. Т. за 1992 г. Пекин: Китайское юридическое издательство].
49. 政府工作报告 // 中华人民共和国全国人民代表大会常务委员会公报（1993 年卷）. 北京: 中国法制出版社, 2004. С. 82–96. [Отчет о работе правительства / Бюллетень Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Т. за 1993 г. Пекин: Китайское правовое издательство].
50. 中俄联合声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Китайско-российское совместное заявление // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 04. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60581.htm (дата обращения: 16.05.2026).
51. 中共八大关于莫斯科举行的各国共产党和工人党代表会议决议 // CNTV. [Резолюция VIII съезда КПК о совещании представителей коммунистических и рабочих партий,

состоявшемся в Москве // CNTV]. 12.08.2012. URL: https://news.cntv.cn/china/20120831/105245.shtml (дата обращения. 28.04.2026).

52. 中国代表团出席联合国有关会议发言汇编（1999 年）/ 中国联合国协会编. 北京: 世界知识出版社. 2000. 322 с. [Сборник выступлений китайской делегации на конференциях ООН 1999 г. / Сост. Китайская ассоциация ООН. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
53. 中国的和平发展道路 // 中华人民共和国中央人民政府. [Путь мирного развития Китая // Центральное народное правительство КНР]. 2005. 22 декабря. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2005-12/22/content_2615756.htm (дата обращения: 14.12.2024).
54. 中国外交: 1996; 1998; 1999; 2000 年版 / 中华人民共和国外交部政策研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1996; 1998; 1999; 2000. 795 с.; 976 с.; 819 с.; 859 с. [Дипломатия Китая: 1996; 1998; 1999; 2000 / Сост. Отдел политических исследований МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
55. 中国外交概览 1992; 1993; 1995 / 中华人民共和国外交部外交史研究室编. 北京: 世界知识出版社, 1992; 1993; 1995. 516 с.; 592 с.; 722 с. [Обзор внешней политики Китая. 1992; 1993; 1995 / Сост. Отдел истории дипломатии МИД КНР. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
56. 中华人民共和国和南斯拉夫联盟共和国关于友好合作关系的联合声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Совместное заявление КНР и СРЮ о дружественных отношениях и сотрудничестве // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1997. № 35. С. 1533-1534. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1997/gwyb199735.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
57. 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于持续推进构建新时代中塞命运共同体的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия о дальнейшем продвижении строительства китайско-сербского сообщества единой судьбы в новую эпоху // МИД КНР]. 26.05.2026. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202605/t20260525_11917435.shtml (дата обращения: 03.06.2026).
58. 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于建立全面战略伙伴关系的联合声明（全文） // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства // МИД КНР]. 19.06.2016. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201606/t20160619_7947679.shtml (дата обращения: 10.06.2026).
59. 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于建立战略伙伴关系的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об установлении отношений стратегического партнерства // МИД КНР]. 20.08.2009. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200908/t20090821_9867911.shtml (дата обращения: 10.06.2026).
60. 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于深化和提升全面战略伙伴关系、构建新时代中塞命运共同体的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об углублении и повышении уровня всеобъемлющего стратегического партнерства и формировании

китайско-сербского сообщества единой судьбы в новую эпоху // МИД КНР]. 09.05.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1207_679654/202405/t20240509_11301439.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

61. 中华人民共和国和塞尔维亚共和国关于深化战略伙伴关系的联合声明 // 中华人民共和国外交部. [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Сербия об углублении стратегического партнерства // МИД КНР]. 26.08.2013. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679642/1207_679654/201308/t20130826_9347528.shtml (дата обращения: 10.06.2026).
62. 中华人民共和国和斯洛文尼亚共和国建交联合公报；中华人民共和国和克罗地亚共和国建交公报 // 中华人民共和国国务院公报. [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Словении об установлении дипломатических отношений; Коммюнике Китайской Народной Республики и Республики Хорватии об установлении дипломатических отношений // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 20. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199220.pdf (дата обращения: 09.01.2026).
63. Cable, Amembassy Beijing 010155 to RUECH/Secretary of State, October 29, 1999. Subject: U/S Pickering's October 28 Lunch with Chinese Vice Foreign Minister Yang Jiechi: International Issues and More on Taiwan // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/18250-national-security-archive-doc-26-cable-amembassy (дата обращения: 19.09.2025).
64. Declaring State of War Between United States and Government of Federal Republic of Yugoslavia // library of Congress. April 28, 1999. Vol. 145. № 59. URL: https://www.congress.gov/congressional-record/volume-145/issue-59/house-section/article/H2427-1 (дата обращения:19.09.2025).
65. Developments in the Balkans: Hearings before the Committee on International Relations, House of Representatives, One Hundred Sixth Congress, Second Session, April 11 and July 19, 2000. Serial No. 106–169. Washington: U.S. Government Printing Office, 2000 // library of Congress. URL: https://www.congress.gov/106/chrg/CHRG-106hhrg68286/CHRG-106hhrg68286.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
66. H.J. Res. 44 «Declaring a State of War Between the United States and the Government of the Federal Republic of Yugoslavia» Vol. 145. No. 59 (April 28, 1999). P. H2427 // library of Congress. URL: https://www.congress.gov/106/crec/1999/04/28/145/59/CREC-1999-04-28-pt1-PgH2427.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
67. Memorandum of Conversation between Secretary Christopher and Foreign Minister Kozyrev. Apr 26, 1995. // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/27171-doc-17-memorandum-conversation-between-secretary-christopher-and-foreign-minister (дата обращения: 19.09.2025).
68. Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. February 10, 1993. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101332 (дата обращения: 24.11.2025).
69. Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. June 15, 1998. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101530 (дата обращения: 24.11.2025).
70. Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. 24 March, 1999. URL:

https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/101536 (дата обращения: 12.12.2025).
71. Memorandum of Telephone Conversation – President Boris Yeltsin of Russia // Clinton Digital Library. August 14, 1998. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57569 (дата обращения: 26.11.2025).
72. Memorandum to Sec. Albright, APNSA Berger, OVP Fuerth from Strobe Talbott, Trip Report No. 2 (from Moscow) // National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/32240-document-17-memorandum-sec-albright-apnsa-berger-ovp-fuerth-strobe-talbott-trip (дата обращения: 19.09.2025).
73. S. Hrg. 106-265. The War in Kosovo and a Postwar Analysis: Hearings Before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Sixth Congress, First Session, April 20, September 28 and October 6, 1999. Washington: U.S. Government Printing Office, 2000. URL: https://www.congress.gov/106/chrg/CHRG-106shrg57452/CHRG-106shrg57452.pdf (дата обращения: 19.09.2025).
74. The Crisis in Kosovo. Hearings Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate one Hundred Fifth Congress Second Session. May 6 and June 24, 1998. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-105shrg49265/pdf/CHRG-105shrg49265.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

III. Выступления, заявления, интервью

75. Интервью главным редакторам газет «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Труд» // Президент России. 2001.22 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21207 (дата обращения: 16.05.2026).
76. Пресс-конференция по итогам участия в саммите глав государств Европейского союза // Президент России. 2001. 23 марта. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21210 (дата обращения: 16.05.2026).
77. *李德平*. 俄中两国对维护世界和平与安全负有特殊责任 — 访俄外长伊万诺夫 // 瞭望新闻周刊. 1998. № 48. С. 54–55. [*Ли Дэпин*. Россия и Китай несут особую ответственность за поддержание мира и безопасности во всем мире – интервью с министром иностранных дел РФ И. Ивановым // Еженедельник «Ляован»].
78. *唐家璇*. 新中国外交的光辉历程 // 中华人民共和国外交部. [*Тан Цзясюань*. Славный путь дипломатии нового Китая // МИД КНР]. 12.1999. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/200012/t20001220_7950084.shtml (дата обращения. 01.04.2026).
79. 外交部发言人 1991 年 6 月 29 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (29 июня 1991 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1991. № 24. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1991/gwyb199124.pdf (дата обращения: 11.01.2025).
80. 外交部发言人 1992 年 10 月 8 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (8 октября 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 31. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199231.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
81. 外交部发言人 1992 年 4 月 30 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (30 апреля 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 13. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199213.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

82. 外交部发言人 1992 年 8 月 14 日答记者问 // 中华人民共和国国务院公报. [Ответ официального представителя МИД на вопросы журналистов (14 августа 1992 г.) // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1992. № 31. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1992/gwyb199231.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
83. 外交部发言人 1995 年 9 月 14 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报 [Заявление представителя МИД от 14 сентября 1995 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1995. № 23. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1995/gwyb199523.pdf (дата обращения: 28.12.2025).
84. 外交部发言人 2000 年 10 月 6 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление официального представителя МИД КНР от 6 октября 2000 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 2. URL:https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60518.htm (дата обращения: 16.05.2026).
85. 外交部发言人 2000 年 10 月 6 日发表谈话 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление официального представителя МИД КНР от 6 октября 2000 г. // Бюллетень Государственного совета КНР]. 2000. № 34. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60518.htm (дата обращения: 16.05.2026).
86. 习近平同塞尔维亚总统武契奇共同会见记者 // 中华人民共和国外交部. [Си Цзиньпин и президент Сербии Вучич совместно встретились с журналистами // МИД КНР]. 09.05.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202405/t20240508_11301368.shtml (дата обращения: 10.06.2026).
87. 习近平主席在联合国日内瓦总部的演讲(全文) // 中华人民共和国外交部 [Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в штаб-квартире ООН в Женеве (полный текст) // МИД КНР]. 19.01.2017. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/sgwyh_682446/zyjh_682456/201701/t20170119_9385070.shtml (дата обращения: 14.12.2024).
88. 中华人民共和国外交部声明 // 中华人民共和国国务院公报. [Заявление МИД КНР // Бюллетень Государственного совета КНР]. 1999. № 10. URL: https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1999/gwyb199910.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

IV. Делопроизводственные источники

89. ГА ООН. Пятьдесят третья сессия, 11-е пленарное заседание, 23 сентября 1998 г. A/53/PV.11 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=A%2F53%2FPV.11&i=A/53/PV.11_8234502 (дата обращения: 30.11.2025).
90. Албания, Алжир, Афганистан, Венесуэла, Джибути, Египет, Индонезия, Иордания, Иран (Исламская Республика), Кабо-Верде, Коморские Острова, Латвия, Ливийская Арабская Джамахирия, Малайзия, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, Сенегал, Сирийская Арабская Республика, Тунис, Турция и Эстония: проект резолюции. S/25997 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/169240?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 22.02.2026).
91. ГА ООН. Пятидесятая сессия. 8-е заседание. 27 сентября 1995 г. A/50/PV.8 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/189784?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 11.11.2025).
92. Доклад генерального секретаря, подготовленный во исполнение резолюций 1160 (1998) и 1199 (1998) Совета Безопасности. S/1998/912 // Цифровая библиотека ООН. 3

октября, 1998. URL: https://digitallibrary.un.org/record/260978?ln=zh_CN&v=pdf (дата обращения: 27.11.2025).

93. Окончательный отчет о восемьсот двадцать втором пленарном заседании. 26 марта 1999 г. CD/PV. 822 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=CD%2FPV.822&i=CD/PV.822_3626117 (дата обращения: 20.09.2025).
94. Письмо постоянного представителя РФ [в ООН] от 29 апреля 1993 года на имя генерального секретаря. S/25699 // СОД ООН. 29 апреля 1993 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n93/246/24/img/n9324624.pdf (дата обращения: 09.09.2025).
95. Письмо Постоянного представителя Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1995 года на имя Генерального секретаря. A/50/790-S/1995/999 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/201746?ln=en&v=pdf (дата обращения: 09.09.2025).
96. Письмо постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации и Таджикистана при Организации Объединенных Наций от 9 июня 1998 года на имя Генерального секретаря. A/52/978 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/257268?ln=en (дата обращения: 19.12.2025).
97. Предварительный стенографический отчет о тысячи двести шестьдесят втором заседании. 9 августа 1993 года. S/PV. 3262 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3262 (дата обращения: 09.09.2025).
98. Предварительный стенографический отчет о три тысячи восемьдесят втором заседании. S/PV.3082 // ООН. 30 мая 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3082 (дата обращения: 09.09.2025).
99. Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести двадцать восьмом заседании. S/PV.3228 // ООН. 4 июня 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3228 (дата обращения. 09.09.2025).
100. Предварительный стенографический отчет о три тысячи девятом заседании. S/PV.3009 // СОД ООН. 25 сентября 1991 г. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3009&i=S/PV.3009_6104905 (дата обращения: 09.09.2025).
101. Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести сорок седьмом заседании. S/PV.3247 // СОД ООН. 29 июня 1993 г. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3247&i=S/PV.3247_5400152 (дата обращения: 09.09.2025).
102. Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсот семнадцатом заседании. S/PV.3217 // ООН. 25 мая 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3217 (дата обращения. 09.09.2025).
103. Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсот четвертом заседании. S/PV.3204 // ООН. 28 апреля 1993 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3204 (дата обращения: 09.09.2025).
104. Предварительный стенографический отчет о три тысячи двухсотом заседании. S/PV.3200 // ООН. 18 апреля 1993 г. URL: https://docs.un.org/zh/S/PV.3200 (дата обращения: 09.09.2025).
105. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто двадцать втором заседании. S/PV.3122 // ООН. 9 октября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3122

(дата обращения: 10.01.2026).
106. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто четырнадцатом заседании. S/PV.3114 // ООН. 14 сентября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3114 (дата обращения: 09.09.2025).
107. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто шестнадцатом заседании. S/PV.3116 // ООН. 19 сентября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3116 (дата обращения: 11.01.2026).
108. Предварительный стенографический отчет о три тысячи сто шестом заседании. S/PV.3106 // ООН. 13 августа 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3106 (дата обращения. 11.01.2026).
109. Предварительный стенографический отчет о три тысячи тридцать седьмом заседании. S/PV.3137 // ООН. 16 ноября 1992 г. URL: https://docs.un.org/S/PV.3137 (дата обращения. 10.01.2026).
110. Резолюция 1022 (1995), принятая Советом Безопасности на его 3955-м заседании 22 ноября 1995 г. S/RES/1022 (1995) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1022(1995) (дата обращения: 06.12.2025).
111. Резолюция 1074 (1995), принятая Советом Безопасности на его 3700-м заседании. 1 октября 1996 г. S/RES/1074 (1996) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1074(1996) (дата обращения: 06.12.2025).
112. Резолюция 1199 (1998), принятая Советом Безопасности на его 3930-м заседании 23 сентября 1998 г. S/RES/1199 (1998) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1199%20(1998) (дата обращения: 27.11.2025).
113. Резолюция 1203 (1998), принятая Советом Безопасности на 3937-м заседании 24 октября 1998 г. S/RES/1203(1998) // ООН. URL: https://docs.un.org/S/RES/1203%20(1998) (дата обращения: 14.12.2025).
114. СБ ООН. Пятидесятый год. 3543-е заседание. 16 июня 1995 г. S/PV.3543 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3543 (дата обращения: 24.12.2025).
115. СБ ООН. Пятидесятый год. 3553-е заседание. 12 июля 1995 г. S/PV.3553 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3553 (дата обращения: 01.01.2026).
116. СБ ООН. Пятидесятый год. 3575-е заседание. 8 сентября 1995 г. S/PV.3575 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3575&i=S/PV.3575_10 14325 (дата обращения: 28.12.2025).
117. СБ ООН. Пятидесятый год. 3583-е заседание. 26 сентября 1995 г. S/PV.3583 // Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/record/188871?ln=zh_CN &v=pdf (дата обращения: 11.11.2025).
118. СБ ООН. Пятьдесят третий год. 3868-е заседание. 31 марта 1998 г. S/PV.3868 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3868 (дата обращения: 09.09.2025).
119. СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3982-е заседание. 25 февраля 1999 г. S/PV. 3982 // ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/PV.3982 (дата обращения: 16.05.2026).
120. СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3988-е заседание. 24 марта 1999 г. S/PV. 3988 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3988 (дата обращения: 20.09.2025).
121. СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 3989-е заседание. 26 марта 1999 г. S/PV. 3989 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3989 (дата обращения: 20.09.2025).
122. СБ ООН. Пятьдесят четвертый год. 4011-е заседание. 10 июня 1999 г. S/PV. 4011 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.4011 (дата обращения: 05.01.2026).

123. СБ ООН. Сорок девятый год. 3356-е заседание. 31 марта 1994 г. S/PV.3356 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3356 (дата обращения: 05.01.2026).
124. СБ ООН. Сорок девятый год. 3428-е заседание. 23 сентября 1994 г. S/PV.3428 // ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/PV.3428 (дата обращения: 05.01.2026).
125. СБ ООН. Пятидесятый год. 3595-е заседание. 22 ноября 1995 г. S/PV.3595 // СОД ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=S%2FPV.3595&i=S/PV.3595_6969661 (дата обращения. 09.09.2025).
126. СБ ООН. Пятьдесят третий год. 3930-е заседание. 23 сентября 1998 г. S/PV.3930 // ООН. URL: https://docs.un.org/S/PV.3930 (дата обращения: 09.09.2025).
127. Соглашение о делимитации границы между Республикой Македонией и Союзной Республикой Югославией // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-56-60?ysclid=mcw6aj5g5g59972819 (дата обращения: 16.05.2026).
128. Operation Essential Harvest launched // NATO. 22 Aug. 2001. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_18585.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 16.05.2026).
129. Peace support operations in North Macedonia (2001-2003) // NATO Press Release. 19 May 2001. URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/peace-support-operations-in-north-macedonia-2001-200 (дата обращения: 16.05.2026).
130. United Nations General Assembly. Provisional Verbatim Record of the 8th Meeting. A/46/PV.8 // СОД ООН. 25 сентября 1991 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n91/612/41/pdf/n9161241.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

V. Мемуарная литература

131. *Адамишин А.Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир, 2016. 460 с.
132. Балканский кризис: говорят участники. Сб. воспоминаний / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 2016. 400 с.
133. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1997. 366 с.
134. Говорят свидетели защиты: Суд над Слободаном Милошевичем. М., 2005. 478 с.
135. Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / Ред.-сост. В.Н. Казимиров. М.: Международные отношения, 2009. 262 с.
136. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. 425 с.
137. *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М., 2000. 428 с.
138. *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.
139. *Козырев А.* Преображение. М.: Международные отношения, 1995. 333 с.
140. *Костиков В.В.* Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. М.: ВАГРИУС, 1997. 350 с.
141. *Котов Ю.* На манжетах мелом. О дипломатических буднях без прикрас. М.: Человек, 2021. 485 с.
142. *Лавров С.* Косово глазами очевидца из группы дипломатических наблюдателей // Международная жизнь. 1999. №. 6. С. 59–67.
143. *Палажченко П.Р.* Взгляд участника переговоров: Югославия в Ново-Огарево и в Кремле летом и осенью 1991 г. // Распад Югославии: тридцать слет спустя: коллективная монография / Отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М., 2024. С. 109–118.

144. *Примаков Е.М.* Восемь месяцев плюс. 2-е изд. М.: Мысль, 2001. 238 с.
145. *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. 448 с.
146. *Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3-13.
147. *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2024. 360 с.
148. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Центрполиграф, 2016. 250 с.
149. *Черномырдин В.С.* Время выбрало нас. М.: Художественная литература, 2011. 250 с.
150. *Чуркин В.И.* Трудности перевода. Воспоминания. М.: ОЛМА, 2020. 440 с.
151. *龚猎夫.* 1977 年铁托访华的台前幕后 // 湘潮(上半月). 2013. № 2. С. 44–47. [*Гун Лефу.* За кулисами визита президента Югославии Тито в Китай в 1977 г. // Сянчао (первая половина месяца)].
152. *顾玉龙.* 我在北约机翼下追逐巡航导弹. 合肥: 安徽文艺出版社, 2002. 429 с. [*Гу Юйлун.* В погоне за крылатыми ракетами под крылом самолета НАТО. Хэфэй: Аньхойское издательство литературы и искусства].
153. *胡锡进.* 波黑战地采访手记. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1997. 294 с. [*Ху Сицзинь.* Заметки о войне в БиГ. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство].
154. 灰皮书: 回忆与研究 / 郑异凡主编. 桂林: 漓江出版社, 2015. 466 с. [Серые книги: воспоминания и исследования /под ред. Чжэн Ифаня. Гуйлинь: Лицзянское издательство].
155. *李满长.* 多党制与南斯拉夫分裂. 北京: 人民出版社, 2013. 329 с. [*Ли Маньчан.* Многопартийная система и распад Югославии. Пекин: Народное издательство].
156. *鲁培新.* 我见证了叶利钦首次访华 // 澎湃 [*Лу Пэйсинь.* Я был свидетелем первого визита Ельцина в Китай // Пэнпай]. 31.10.2022. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_20540322 (дата обращения: 14.01.2026).
157. *吕岩松.* 我亲历中国使馆被炸: 来自南斯拉夫的战地报告. 北京: 人民日报出版社, 1999. 227 с. [*Люй Яньсун.* Я своими глазами видел взрыв китайского посольства: военный репортаж с места событий из Югославии. Пекин. Издательство «Жэньминь жибао»].
158. *潘占林.* 战火中的外交官: 亲历北约炸馆和南联盟战火. 北京: 当代中国出版社, 2006. 261 с. [*Пань Чжаньлинь.* Дипломат в огне войны: личный опыт свидетеля бомбардировки НАТО китайского посольства и войны в СРЮ. Пекин: Издательство «современный Китай»].
159. *秦华孙.* 出使联合国. 北京: 新华出版社, 2010. 265 с. [*Цинь Хуасунь***.** Работа в Организации Объединенных Наций. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
160. *师哲.* 在历史巨人旁边. 北京: 九州出版社, 2015. 614 с. [*Ши Чжэ.* Рядом с гигантом истории. Пекин: Издательств Цзючжоу].
161. *唐家璇.* 劲雨熙风唐家璇外交回忆录. 北京: 世界知识出版社, 2009. 462 с. [*Тан Цзясюань.* Дипломатические мемуары Тан Цзясюаня. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
162. *汪亚平.* 一位中国记者眼里的波黑悲剧. 北京: 时事出版社, 1997. 314 с. [*Ван Япин.* Трагедия Боснии и Герцеговины глазами китайской журналиста. Пекин: Издательство текущих событий].
163. *吴冷西.* 十年论战 1956–1966: 中苏关系回忆录. 北京: 中央文献出版社, 2014. 612 с.

[*У Лэнси.* Десять лет полемики (1956–1966 гг.): Воспоминания о китайско-советских отношениях. Пекин: Центральное литературное издательство].

164. *伍修权*. 回忆与怀念. 北京: 中共中央党校出版社, 1991. 674 с. [*У Сюцюань.* Воспоминания и размышления. Пекин: Издательство Партийной школы ЦК КПК].
165. 伍修权传 / «伍修权传»编写组著. 北京: 当代中国出版社, 2016. 356 с. [Биография У Сюцюаня / Группа авторов «Биографии У Сюцюаня». Пекин: Издательство «Современный Китай»].
166. *徐鹏堂.* 嬗变: 访谈中国前驻东欧八国大使. 北京: 中共党史出版社, 2010. 228 с. [*Сюй Пэнтан.* Трансформация: интервью с бывшими китайскими послами в восьми странах Восточной Европы. Пекин: Издательство партийной истории КПК].
167. *徐晓, 田苗, 高迟.* 未写完的战地日记. 北京: 光明日报出版社, 1999. 368 с. [*Сюй Сяо, Тянь Мяо, Гао Чи.* Незавершенные военные репортажи. Пекин: Издательство «Гуанмин жибао»].
168. *阎明复.* 亲历中苏关系: 中央办公厅翻译组的十年: 1957–1966. 北京: 北京人民大学出版社, 2015. 440 с. [*Ян Минфу.* Личный опыт китайско-советских отношений: десять лет в работе группы переводчиков Канцелярии ЦК КПК. 1957–1966 гг. Пекин: Издательство Пекинского народного университета].
169. 在血与火的战场上 / 高秋福、薛群主编. 北京: 新华出版社, 1999. 432 с. [На поле боя в крови и огне / Под ред. Гао Цюфу, Сюэ Цюня. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
170. 战火中采访: 新华社驻南记者的日日夜夜 / 夏林编著. 北京: 新华出版社, 1999. 232 с. [Интервью в огне войны: дни и ночи корреспондентов Агентства Синьхуа в Югославии / Ред-сост. Ся Линя. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
171. *朱良.* 铁托与华国锋互访: 对改革开放带来启迪的外事活动 // 炎黄春秋. 2008. № 8. С. 8–10. [*Чжу Лян.* Взаимные визиты Тито и Хуа Гофэна: дипломатическая деятельность, дающая наставление для реформ и открытости // Янхуан Чунцю].
172. *Kozyrev* A. The Firebird: The Elusive Fate of Russian Democracy. Pennsylvania: The University of Pittsburgh Press, 2019. 368 с.

VI. Материалы и публикации СМИ

Сборники материалов китайских СМИ

173. 聚焦科索沃（上、下） / 郑刚主编. 北京: 当代世界出版社, 1999. 612 с. [Фокус на Косово. Т. I-II. // Под ред. Чжэн Гана. Пекин: Изд-во «Современный мир»].
174. 科索沃战火特快传真 / 新华社国际部编著. 北京: 改革出版社, 1999. 259 с. [Экспресс-сообщения о войне в Косове / Международный отдел агентства Синьхуа. Пекин: Издательство «Реформа»].
175. 中国愤怒了 — 中国驻南使馆被炸之后 / 高秋福主编. 北京: 新华出版社, 1999. 167 с. [Китай разгневался: после бомбардировки посольства КНР в Югославии / Под ред. Гао Цюфу. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
176. 中国人民不可侮 / 人民日报出版社编, 北京: 人民日报出版社, 1999. 141 с. [Недопустимо унижать народ Китая / Сост. Издательство «Жэньминь жибао». Пекин: Изд-во «Жэньминь жибао»].

Периодические издания

177. Газета «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/archive/publishing/1
178. 光明日报 [Гуанмин жибао] (1998–2001).
179. 环球时报 [Хуаньцю шибао] (1998–2001).
180. 瞭望新闻周刊 [Еженедельник «Ляо Ван»] (1991–2001).
181. 人民日报 [Жэньминь жибао] (1948–2001).
182. 新华社每日电讯 [Ежедневный телеграф агентства Синьхуа].

VII. Интернет-ресурсы

183. МИД России. URL: https://www.mid.ru
184. Сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/en
185. Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/
186. Сайт президента РФ. URL: www.kremlin.ru
187. СОД ООН. URL: https://documents.un.org
188. Цифровая библиотека ООН. URL: https://digitallibrary.un.org/?ln=ru
189. 光明网 [Гуанминван]. URL: https://www.gmw.cn
190. 新华网 [Синьхуаван]. URL: https://www.xinhuanet.com
191. 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Государственного совета КНР]. URL: www.scio.gov.cn
192. 中华人民共和国外交部 [МИД КНР]. URL: https://www.fmprc.gov.cn
193. 中华人民共和国中央人民政府[Центральное народное правительство КНР]. URL: https://www.gov.cn
194. Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us
195. National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/
196. ProQuest Congressional. URL: https://congressional.proquest.com/congressional
197. UPI. URL: https://www.upi.com

ЛИТЕРАТУРА

I. Монографии и сборники

198. Балканский рубеж России. Время собирать камни. М.: Книжный мир, 2018. 121 с.
199. *Батюк В.И.* Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «Холодной войны» / РАН. Ин-т США и Канады. М.: Прометей, 2008. 212 с.
200. *Безрученко В.И.* Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Политическая, военная и дипломатическая история. СПб.: Нестор-История, 2024. 928 с.
201. *Васильева Н.В., Гаврилов В.А.* Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке). М.: Гея итэрум, 2000. 476 с.
202. *Васильева Н.В., Гаврилов В.А., Миркискин В.А*. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах XX веке. М.: Звонница-МГ, 2005. 429 с.
203. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая

реализация / А.В. Бояркина, науч. ред. В.Ф. Печерица. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 342 с.
204. Внешняя политика и безопасность современной России (1991–2002). Хрестоматия в 1 т. / Редкол.: Г.А. Арбатови др., сост. Т. А. Шаклеина. М., 2002. 539 с.
205. Внешняя политика России. 1991–2016: коллективная монография / Шаклеина Т. А., Панов А. Н., Булатов А. С. и др.; ред. А. В. Торкунова. М.: МГИМО, 2017. 538 с.
206. *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. 368 с.
207. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 408 с.
208. *Галенович Ю.М.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактате китайских ученых. М.: Время, 2010. 304 с.
209. *Галенович Ю.М.* Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010. 480 с.
210. *Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 303 с.
211. *Галенович Ю.М.* О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М.: ИДВ РАН, 2009. 85 с.
212. *Галенович Ю.М.* Россия в «китайском зеркале». Трактовка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 411 с.
213. *Грачиков Е.Н.* Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.
214. *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: Индрик, 2013. 310 с.
215. *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). М.:Владимир Даль, 2022. 461 с.
216. *Гуськова Е.Ю.* Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (Хроника событий). М.: ИНИОН РАН, 1998. 156 с.
217. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
218. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса 1990–2000. в 2 т. М.: Владимир Даль, 2026. 1110 с.
219. *Гуськова Е.Ю.* Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона. М., 1998. 66 с.
220. *Гуськова Е.Ю.* Югославия: необъявленная война. СПб.: Владимир Даль, 2020. 511 с.
221. *Гуськова Е.Ю.* Югославский разлом: вчера и сегодня. М.: Индрик, 2023. 544 с.
222. *Джуретич В.* Развал Югославии. Основные течение 1918–2003 гг. М., Кристи инженеринг, 2003. 656 с.
223. *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 610 с.
224. *Задохин А.Г.* Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 416 с.
225. *Кадиевич В.Д.* Контрудар (мой взгляд на развал Югославии) Книга II. М.: Освобожденная Сербия, 2007. 197 с.
226. *Козлов Л.Е.* Общественное мнение и государственная политика России относительно современного югославского кризиса. Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2005. 176 с.

227. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 598 с.
228. *Жириновский В., Моро Г.* Балканская война: локальный инцидент или глобальное геополитическое противостояние? М., 1998. 64 с.
229. *Кузнецов Д.В.* Югославский кризис. Взгляд сквозь призму общественного мнения. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 344 с.
230. *Максакова М.А.* Балканский вектор внешнеэкономических связей России. М.: МГИМО-Университет, 2016. 306 с.
231. *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М.: Старый сад, 1998. 466 с.
232. *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: международные аспекты миротворчества. М., 2001. 375 с.
233. Наши миротворцы на Балканах / Под ред. Е. Гуськовой. М., 2007. 360 с.
234. *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. 262 с.
235. *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М.: Издательство «Индрик», 2012. 176 с.
236. *Никифоров К.В.* От Сербии до Сербии. В поисках модернизации. Конец XIX – начало XXI в. М.: Индрик, 2021. 280 с.
237. *Пономарева Е.Г.* Новые государства на Балканах. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2010. 252 с.
238. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А..* Края дуги нестабильности: Балканы – Центральная Азия. М.: Восток-Запад, 2010. 240 с.
239. *Пономарева Е.Г.* Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО-Университет, 2007. 235 с.
240. *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века очерки. М., 2006. 246 с.
241. *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы: монография. М.: ИДВРАН, 2013. 240 с.
242. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.
243. *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис, Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX в. М.: МОНФ, 2000. 495 с.
244. Россия и США после «холодной войны» / Отв. ред. В.А. Кременюк. М., 1999. 141 с.
245. Сербия о себе / Под ред. М. Йовановича. М., 2005. 510 с.
246. Славянский мир: проблемы истории и современность / Отв. ред. А. В. Карасев. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. 136 с.
247. Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. 688 с.
248. Центральная и Юго-Восточная Европа: конец XX – начало XXI вв. М.: Нестор-История, 2015. 480 с.
249. *Энтина Е.Г.* Международный контекст Евроинтеграции западных Балкан. Доклады Института Европы / Е. Г. Энтина. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 130 с.
250. *陈新明.* 十八世纪以来俄罗斯对外政策(下卷). 北京: 中共中央党校出版社, 2012. 891 с. [*Чэнь Синьмин*. Внешняя политика России с XVIII века. Т. 2. Пекин. Издательство

Партийной школы ЦК КПК].

251. *陈宣圣*. 风云变幻看北约. 北京: 世界知识出版社, 2009. 275 с. [*Чэнь Сюаньшэн*. НАТО в вихре перемен. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
252. *陈志强*. 科索沃通史. 北京: 中国社会科学出版社, 2016. 438 с. [*Чэнь Чжицян*. Общая история Косова. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
253. *程鸿彬*. 聚焦科索沃. 武汉: 长江文艺出版社, 1999. 203 с. [*Чэн Хунбинь*. Фокус на Косово. Ухань: Издательство литературы и искусства «Янцзы»].
254. *迟令军, 周荣国, 傅大刚, 赵磊*. 科索沃启示录. 北京: 中国致公出版社, 1999. 239 с. [*Чи Линцзюнь, Чжоу Ронго, Фу Даган, Чжао Лэй*. Апокалипсис Косова. Пекин: Изд-во «Чжигун»].
255. *褚绍唐*等. 列强争夺巴尔干. 上海: 复旦大学政治系、历史系, 1980. 160 с. [*Чу Шаотан* [и др.]. Борьба великих держав за Балканы. Шанхай: Факультеты политологии и истории Фуданьского университета].
256. 单极世界的阴霾: 科索沃危机的警示 / 王逸舟主编. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. 424 с. [Туман однополярного мира: предупреждение косовском кризисе / Под ред. Ван Ичжоу. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].
257. 俄罗斯东欧中亚国家的对外关系 / 郑羽主编. 北京: 中国社会科学出版社, 2007. 267 с. [Внешняя политика России, стран Восточной Европы и Центральной Азии / под ред. Чжэн Юя. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
258. 俄罗斯三十年: 1991–2021. 外交卷 / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. 420 с. [Россия за тридцать лет (1991–2021). Т. Дипломатия / Под ред. Лю Фэнхуа. Пекин: Издательство литературы по общественных наук].
259. 俄罗斯十年: 政治、经济、外交（下卷） / 潘德礼, 许志新主编. 北京: 世界知识出版社, 2003. 614 с. [Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия. Т. 2 / Под ред. Пан Дели, Сюй Чжисиня. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
260. 俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社, 2005. 391 с. [Отношения России с крупными державами и соседями / Ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай: Издательство Шанхайского народного университета].
261. 俄罗斯与当代世界 / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998. 454 с. [Россия и современный мир / Под ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юй. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
262. *冯绍雷*. 危机与秩序（上）: 全球转型下的俄罗斯对外关系. 上海: 上海人民出版社, 2024. 323 с. [*Фэн Шаолэй*. Кризис и порядок. Т. I: внешние связи России в условиях глобальных трансформаций. Шанхай: Шанхайское народное издательство].
263. *冯绍雷*. 制度变迁与对外关系: 1992 年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. 570 с. [*Фэн Шаолэй*. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай: Шанхайское народное издательство].
264. *高秋福*. 烟消云散: 科索沃战争与世界格局. 北京: 新华出版社, 1999. 406 с. [*Гао Цюфу*. Рассеявшийся дым: косовская война и мировой порядок. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
265. *葛新生*. 波斯尼亚和黑塞哥维那. 北京: 社会科学文献出版社, 2017. 224 с. [*Гэ Синьшэн*. Босния и Герцеговина. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].

266. 国际关系史（战后卷）/ 方连庆、王炳元、刘金质主编. 北京: 北京大学出版社, 2006. 1169 с. [История международных отношений (том послевоенного периода) / Под ред. Фан Ляньцин, Ван Бинъюань, Лю Цзиньчжи. Пекин: Изд-во Пекинского университета].
267. 国际关系史第十二卷 （1990–1999）/ 方连庆、刘金质主编. 北京: 世界知识出版社. 2006. 737 с. [История международных отношений. Т. 12: 1990–1999 гг. / Под ред. Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
268. *韩显阳.* 阴影里的逐杀: 美英情报机构是如何颠覆南斯拉夫的. 北京: 当代世界出版社, 2003. 450 с. [*Хань Сяньян*. Убийство в тени: как разведывательные службы США и Великобритании проводили подрывную работу против Югославии. Пекин: Издательство «Современный мир»].
269. *郝时远.* 帝国霸权与巴尔干“火药桶”: 从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999; 2024. 499 с.; 516 с. *[Хао Шиюань*. Имперская гегемония и балканский «пороховой погреб»: интерпретация реальности Косова на основе истории Югославии. Пенкин: Издательство литературы по общественным наукам].
270. *何春桥, 兰文萱.* 军事专家眼中的科索沃战争. 北京: 中国社会科学出版社, 1999. 199 с. [*Хэ Чуньцяо, Лань Вэньсюань.* Косовская война глазами военных экспертов. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
271. *胡凡.* 兔鹰之争: 国防大学军事教官评南联盟战争. 北京: 专利文献出版社, 1999. 262 с. [*Ху Фань.* Битва орла и кролика: военные инструктора оборонного университета о войне в СРЮ. Пекин: Издательство патентной литературы].
272. 既非盟友, 也非敌人. 下卷: 苏联解体后的俄美关系: 1991–2005 / 郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 2006. С. 517–1021. [Ни союзники, ни враги. Т. 2.: Российско-американские отношения после распада СССР (1991-2005) / Под ред. Чжэн Юя. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
273. *蒋毅, 许志新, 吴伟, 李勇慧.* 重振大国雄风: 普京的外交战略. 北京: 世界知识出版社, С. 279–290. [*Цзян И, Сюй Чжисиня, У Вэй, Ли Юнхуэй*. Возрождение былой мощи: внешнеполитическая стратегия Путина. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
274. *金重远.* 百年风云巴尔干. 上海: 复旦大学出版社, 2010. 393 с. [*Цзинь Чжунъюань*. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай: Издательство Фуданьского университета].
275. *孔寒冰, 关贵海.* 叶利钦执政年代. 郑州: 河南文艺出版社, 2000. 543 с. [*Кун Ханьбин, Гуань Гуйхай.* Борис Ельцин и его эпоха. Чжэнчжоу: Хэнаьское издательство литературы и искусства].
276. *孔寒冰.* 科索沃危机的历史根源及大国背景. 成都: 四川人民出版社, 1999. 273 с. [*Кун Ханбин*. Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав. Чэнду: Сычуаньское народное издательство].
277. 旷日持久的波黑内战 / 郝时远主编. 北京: 中央民族大学出版社, 1995. 233 с. [Хао Шиюань. Затянувшаяся гражданская война в БиГ / Под ред. Хао Шиюаня. Пекин: Издательство китайского университета Минзу].
278. *李渤.* 俄罗斯政治与外交. 北京: 时事出版社, 2008. 328 с. [*Ли Бо*. Российская политика и дипломатия. Пекин: Издательство текущих событий].
279. *李大光, 李莉, 赵广辉, 黄锦明*等. 散不尽的硝烟: 科索沃战争回顾与评析. 北京: 国

防大学出版社, 1999. 325 с. [*Ли Дагуан, Ли Ли, Чжао Гуанхуэй, Хуан Цзиньмини.* Нескончаемый дым пороха: обзор и анализ косовской войны. Пекин: Издательство Университета национальной обороны].

280. *李提.* 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探析. 北京: 人民出版社, 2018. 230 с. [*Ли Ти*. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин: Народное издательство].
281. *李兴.* 亚欧中心地带: 俄美欧博弈与中国战略研究. 北京: 北京师范大学出版社, 2013. 487 с. [*Ли Син*. Евразийская центральная зона: игры между Россией, США, Европой и изучение стратегии Китая. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета].
282. *林军.* 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. 524 с. [*Линь Цзюнь*. Очерки истории российской дипломатии. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
283. *刘洪潮.* 波黑战争风云. 北京: 大众文艺出版社, 1998. 125 с. [*Лю Хунчао*. Вихрь войны в БиГ. Пекин. Издательство массовой литературы и искусства].
284. *刘作奎.* 国家建构的“欧洲方式”: 欧盟对西巴尔干政策研究 (1991–2014). 北京: 社会科学文献出版社, 2015. 250 с. [*Лю Цзокуэй*. «Европейский способ» построения государства: исследования политики ЕС в отношении Западных Балкан (1991–2014). Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].
285. *柳丰华.* “铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社, 2005. 380 с. [*Лю Фэнхуа*. «После исчезновения железного занавеса»: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин: Издательство Хуалин].
286. *陆齐华.* 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. 314 с. [*Лу Цихуа*. Россия и европейская безопасность. Пекин: Центральное издательство компиляции и перевода].
287. *马胜荣.* 科索沃: 点燃的火药桶. 北京: 新华出版社, 1999. 174 с. [*Ма Шэнжун*. Косово: подожженная бочка пороха. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
288. *马细谱, 余志和.* 巴尔干百年简史. 北京: 中国青年出版社, 2018. 573 с. [*Ма Сипу, Юй Чжихэ*. Краткая история столетия Балкан. Пекин: Китайское молодежное издательство].
289. *马细谱.* 巴尔干近现代史: 全两卷 北京: 中国社会科学出版社, 2021. 1114 с. [*Ма Сипу*. Новая и новейшая история Балкан: в 2 т. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
290. *马细谱.* 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. 465 с. [*Ма Сипу*. Балканские раздоры. Пекин: Издательство Пекинского университета].
291. *马细谱.* 南斯拉夫通史.上海: 上海社会科学院出版社, 2020. 404 с. [*Ма Сипу*. Общая история Югославии. Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук].
292. *马细谱.* 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社, 2009. 537 с. [*Ма Сипу*. Подъем и падение Югославии. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].
293. *马细谱.* 三个南斯拉夫. 北京: 当代中国出版社, 2021. 112 с. [*Ма Сипу*. Три Югославии. Пекин: Издательство «Современный Китай»].
294. 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌主编. 北京: 中国社会科学院东欧中亚研究所. 1999. 230 с. [Перемены в Югославии / Под ред. Чжао Найбиня. Пекин: Институт Восточной

Европы и Центральной Азии].
295. 南斯拉夫的变迁 // 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. 509 с. Перемены в Югославии // Под ред. Чжао Найбиня. Ван Лиминь. Гуанчжоу: Гуандунское народное издательство].
296. 南斯拉夫简史从古代到 1966 年 / 斯蒂芬·克利索德主编, 黑龙江大学英语系翻译组译. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1976. 448 с. [Краткая история Югославии : от древности до 1966 года / Под ред. С. Клиссолда; пер. Факультет английского языка Хэйлунцзянского университета. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство].
297. 南斯拉夫联邦解体中的民族危机 / 郝时远主编. 成都: 四川人民出版社, 1993. 261 с. [Кризис национальных отношений при распаде СФРЮ / Под ред. Хао Шиюаня. Чэнду: Сычуаньское народное издательство].
298. 南斯拉夫民族问题资料 / 王攸琪、阮西湖 编译. 北京: 民族出版社, 1981. 169 с. [Материалы по национальному вопросу в Югославии / Сост. и пер. Ван Юци, Жуань Сиху. Пекин: Издательство «Миньцзу»].
299. *彭新良.* 火镜头聚焦科索沃. 北京: 当代世界出版社, 1999. 180 с. [*Пэн Синьлян.* Горячие кадры фокусируются на Косово. Пекин: Издательство «Современный мир»].
300. 强人弱势: 米洛舍维奇的下台和入狱 / 邢广程主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2004. 345 с. [Сильный человек в слабой позиции: падение и арест Милошевича / Ред. Син Гуанчэна. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам].
301. *邱斌.* 美国阴谋: 北约激怒中、俄内幕. 长春: 吉林摄影出版社, 1999. 390 с. [*Цю Бинь*. Заговор США: Внутренние тайны конфликта НАТО с Китаем и Россией. Чанчунь: Издательство фотографии провинции Цзилинь].
302. *任晓.* 中国国际关系学史. 北京: 商务印书馆. 2022. 436 с. [*Жэнь Сяо*. История китайской науки о международных отношениях. Пекин: Коммерческое издательство].
303. *石凤军, 柴永忠.* 新世纪的阴云: 科索沃危机透视. 北京: 世界知识出版社, 1999. 179 с. [*Ши Фэнцзюнь, Чай Юнчжун*. Тучи нового века: анализ косовского кризиса. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
304. 世界民族问题初探. 北京: 中国社会科学出版社, 1981. 288 с. [Первый шаг в изучении национальных проблем в мире. Пекин: Китайское издательство общественных наук].
305. *孙云.* 世界末热战. 聚焦科索沃. 北京: 当代世界出版社, 1999. 305 с. [*Сунь Юнь*. Горячая война на исходе века: фокус на Косово. Пекин: Издательство «Современный мир»].
306. *泰然.* 米洛舍维奇. 北京: 世界知识出版社, 1999. 247 с. [*Тай Жань*. Милошевич. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
307. *汪徐和.* 复燃的巴尔干火药桶. 郑州: 中原农民出版社, 2000. 324 с. [*Ван Сюйхэ*. На Балканах вновь подожгли бочку с порохом. Чжэнчжоу: Издательство крестьян Чжунюань].
308. *汪徐和.* 血洗伊甸园: 南斯拉夫内战大曝光. 北京: 时事出版社, 1994. 231 с. [*Ван Сюйхэ.* Кровавая бойня в Эдеме: полное разоблачение гражданской войны в Югославии. Пекин: Издательство текущих событий].
309. *魏坤.* 喋血巴尔干: 南斯拉夫解体与波黑冲突. 北京: 世界知识出版社. 1997. 191 с. [*Вэй Кунь*. Балканы в крови: распад Югославии и боснийский конфликт. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
310. 新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社,

1997. 432 с. [Новая Россия: политика, экономика, дипломатия / Под ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюаня. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук].
311. 新时期国际关系理论研究 / 鲁毅, 顾关福等主编. 北京: 时事出版社, 1999. 422 с. [Исследования теории международных отношений в новый период / под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий].
312. *徐坤明.* 南斯拉夫内战和解体. 北京: 新华出版社, 1993. 109 с. [*Сюй Куньмин*. Гражданская война и распад Югославии. Пекин. Издательство «Синьхуа»].
313. *阎学通.* 中国国家利益分析. 天津: 天津人民出版社, 1996. 328 с. [*Янь Сюэтун*. Анализ национальных интересов Китая. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство].
314. 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）/ 学刚、姜毅主编. 北京: 人民出版社, 2001. 375 с. [Россия в эпоху Ельцина. Т. Дипломатия / Ред. Сюэ Гана, Цзян И. Пекин: Народное издательство].
315. *余建华.* 民族主义、国家结构与国际化: 南斯拉夫民族问题研究. 北京: 民族出版社, 2004. 341 с. [*Юй Цзяньхуа*. Национализм, государственное устройство и интернационализация: исследование национального вопроса в Югославии. Пекин: Издательство Миньцзу].
316. *张历历.* 当代中国外交简史. 上海: 上海人民出版社, 2009. 381 с. [*Чжан Лили*. Краткая история современной внешней политики Китая. Шанхай: Шанхайское народное издательство].
317. 中国当代外交史 / 谢益显主编. 北京: 中国青年出版社, 2009. 562 с. [История современной дипломатии Китая / Под ред. Се Иссяня. Пекин: Китайское молодежное издательство].
318. 中华人民共和国外交史 1949–1956 / 裴坚章主编. 北京: 世界知识出版社, 1994. 421 с. [История внешней политики КНР (1949–1956 гг.) / Под ред. Пэй Цзяньчжана. Пекин: Изд-во «Знания о мире»].
319. *朱金平.* 科索沃战争风云. 北京: 解放军出版社, 2001. 290 с. [*Чжу Цзиньпин*. Бурхь косовской войны. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии].
320. *朱军.* 中华人民共和国对外关系史概论（1949–2000）. 北京: 北京大学出版社, 2022. 380 с. [*Чжу Цзюнь*. Очерк истории внешних отношений КНР (1949–2000). Пекин: Издательство Пекинского университета].
321. *Bakota I., Stopić Z., Njavro M.* Development of Modern Chinese Foreign Policy Thought: The Great Return (Politics and Development of Contemporary China). Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 374 p.
322. *Bjelajac M., Krivokapić-Jović G.* Prilozi iz naučne kritike: srpska istoriografija i svet (uticaj jugoslovenske krize na stranu i domaću istoriografiju). Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011. 240 s.
323. *Gulić M.* Jugoslovenska država 1918-2006. od Prvodecembarskog akta do Majskog referenduma. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2023. 1032 s.
324. *Lopušina M.* KGB protiv Jugoslavije. Evro Bgd. 2001. 360 s.
325. *Mitić M.* Međunarodno pravo u jugoslovenskoj krizi. Beograd, 1996. 466 s.
326. *Nikolić K.* Bosna i Hercegovina: rat koji su mnogi želeli (1992–1995). Knj. 1: U ime smrti (1992). Novi Sad: Akademska knjiga, 2024. 750 s.
327. *Nikolić K.* Bosna i Hercegovina: rat koji su mnogi želeli (1992–1995). Knj. 2: Potraga za

mirom (1993–1994). Novi Sad: Akademska knjiga, 2025. 654 s.
328. *Nikolić K.* Krajina 1991-1995. Zaprešić: Nakladnici Fraktura; Zagreb: Srpsko narodno vijeće, 2023. 721 s.
329. *Nišić S.* Velike sile i Balkan. Beograd: Vojnoizdavacki zavod, 1999. 318 s.
330. *Petković P.* Jugoslavia i svet u postbipolarnoj eri. Beograd, 1998. 398 s.
331. *Vereš V.* Srbija i Rusija – realnost i zablude. Beograd, 2000. 40 s.
332. *Гускова Ј.* Спољна политика Русије у годинама југословенске кризе: (1985–1995) / Јелена Гускова; [превод са руског Сузана Стојковић]. Допуњено изд. на срп. језику. Бања Лука: Центар за друштвено-политичка истраживања; Пале: Институт историјских наука Универзитета у Источном Сарајеву: Бања Лука: Графид, 2023. 398 с.
333. *Гускова Ј.* Спољна политика Русије у годинама Југословенске кризе. Нови Сад: Матица Српска, 2021. 394 с.
334. *Јовановић М.* Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Београд: Православни богословски факултет Универзитета, Институт за теолошка истраживања: Институт за новију историју Србије, 2011. 253 с.
335. *Кршљанин В.* Србија и Русија. Аргументи за нову политику. Шабац: Центар академске речи; Београд: Информатика; Москва: Међународна словенска академија наука, образовања, уметности и културе, 2018. 451 с.
336. *Павловић П.* Србија у међународним односима. Београд, 1997. 228 с.
337. *Пророковић Д.* Геополитика Србије. Положај и перспективе на почетку 21. века. Београд: Гласник, 2012. 796 с.
338. *Стојановић М.* Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Нови Сад : Архив Војводине, 2022. 415 с.
339. *Bechev D.* Rival Power: Russia in Southeast Europe. New Haven: Yale University Press, 2017. 300 p.
340. *Bowker M.* Russian Foreign Policy and the End of the Cold War. Aldershot: Dartmouth, 1997. 297 p.
341. *Callagher T.* The Balkans in the New Millennium, in the Shadow of War and Peace. London: Routledge, 2005. 252 p.
342. *Gibbs D.N.* First Do No Harm: Humanitarian Intervention and the Destruction of Yugoslavia. Nashville: Vanderbilt University Press, 2009. 327 p.
343. *Gow J.* Triumph of the lack of will: International Diplomacy and the Yugoslav War. London: Columbia University Press, 1997. 343 p.
344. *Headley J.* Russia and the Balkans: foreign policy from Yeltsin to Putin. London: Hurst, 2008. 552 p.
345. *Lo B.* Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.
346. *Norris J.* Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo. Westport, Conn.; London: Praeger Publishers, 2005. 360 p.
347. *Qin Yaqing.* A Relational Theory of World Politics. Cambridge University Press. 2018. 414 p.
348. *Woodward S.* Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: The Brookings Institution 1995. 536 p.
349. *Yan Xuetong, Daniel A.* Bell (Editor). Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power.

Princeton University Press. 2013. 320 p.
350. *Yan Xuetong*. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton University Press. 2019. 280 p.
351. *Zhao Tingyang.* Redefining A Philosophy for World Governance. Palgrave Pivot. 2019. 88 p.

II. Важнейшие статьи

На русском языке

352. *Анисимов А.* Дефолт-2 // Обозреватель. 1999. № 12. С. 53–56.
353. *Арбатов А.* Россия: национальная безопасность в 90-х гг. XX века (продолжение) // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8–9. С. 5–18.
354. *Арбатов А.* Россия: национальная безопасность в 90-х гг. XX века // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7. С. 5–15.
355. *Арбатова Н.К.* Мир или перемирие? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 78–85.
356. *Арбатова Н.К.* Отношения России и Запада после косовского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 6. С. 14–24.
357. Балканский кризис и российско-американские отношения (ситуационный анализ) // США – Канада: ЭПИ. 1999. № 10. С. 41–54.
358. *Баранов А., Рашкович-Талович В.* Геополитическое значение России для безопасности на Балканах // Политика Националне Безбедности. 2019. №. 2. С. 189–216.
359. *Барановский В.* Косово. Российские интересы слишком значительны // Международная жизнь. 1999. № 6. С. 34–46.
360. *Батюк В.И.* НАТО и Российская Федерация: Эволюция взаимоотношений // Вестник МГУ. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 1. С. 3–31.
361. *Батюк В.И.* Первые пять лет российско-американских отношений. Межгосударственные и межправительственные соглашения 1992-1996 гг. // США: ЭПИ. № 4. 1997. С. 47–60.
362. *Батюк В.И.* Режимы в российско-американских отношениях // Политические процессы в современном мире: Стратегические измерения. Вестник РУДН. сер. Политология. 2007. № 3. С. 52–56.
363. *Безрученко В.И.* Комиссия Бадинтера 1991–1993 гг. и судьба Югославии // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 78–101.
364. *Богатуров А.Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процесс. 2007. № 1. С. 54–69.
365. *Бокерия С.А., Пеич И.* Россия и Сербия: пути взаимодействия // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 92–102.
366. *Бондарев Н.В.* Россия и Республика Сербская: история отношений, перспективы сотрудничества // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 9–25.
367. *Бузуев В.* Может ли Югославия стать членом СНГ? // Российская газета. 1992. 28 мая. С. 7.
368. *Вахрамеев А.* Международные организации и югославский кризис // Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Язькова и др. М: Апрель-85, 1995. С. 91–104.
369. *Виноградов В.Н.* Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и

новейшая история. 1993. № 4. С. 3–12.
370. *Волков В.К.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.
371. *Волков В.К.* Балканы в системе геополитических интересов России // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 315–328.
372. *Волков В.К.* Балканы в системе геополитических интересов России // Славянский мир: проблемы истории и современность / Отв. ред. А. В. Карасев. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 27–39.
373. *Волков В.К.* Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения // Обозреватель. 1997. № 5–6. С. 39–44.
374. *Волков В.К.* Кризисная зона на Балканах и политика России // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 69–83.
375. *Волков В.К.* Многострадальный регион // Современная Европа. 2004. № 4. С. 75–93.
376. *Волков В.К.* Трагедия Югославии (1991–1995) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 223–271.
377. *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 3–32.
378. *Волков В.К.* Трагедия Югославии // Осмысление истории / Под. общ. ред. Г.Н. Севостьяновой. М., 1996. С. 214–254.
379. *Волков В.К.* Югославия: искать не «врага», а решение // Московские новости. 1993. 21 февраля. № 8. С. 7.
380. *Волобуев П., Тягуненко Л.* России небезразлично принесет ли долгожданный мир на югославскую землю план Вэнса – Оуэна // Правда. 1993. 27 февраля. С.1, 3.
381. *Волобуев П., Тягуненко Л.* Старых друзей не бросают. Не ужесточать, а отменять санкции против Югославии // Правда. 1992. 16 сентября. С. 3
382. *Воробьев А.А*. Геополитические интересы России на Балканах в XX – начале XXI столетий // Вестник славянских культур. 2016. № 3 (41). С. 65–76.
383. *Воронов К.* Европа и Россия после балканской войны 1999 года: драматичные уроки // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 27–35.
384. *Воротников В.В., Габарта А.А.* Государства Западных Балкан в эпоху трансформаций: европейский выбор и российские интересы // Современная Европа. 2021. № 1. С. 62–73.
385. *Галенович Ю.М.* США и Россия в зеркале китайской публицистики // США – Канада: ЭПИ. 1999. № 9. С. 91–96.
386. *Геннадьевна Э.Е., Пророкович Д*. Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии // Международная аналитика. 2022. № 13 (3). С. 94–115.
387. *Гришин О.Е., Кенич Б.* Босния и Герцеговина как объект воздействия мягкой силы США, России и ЕС. // PolitBook. 2017. № 1. С. 49–63.
388. *Гулина Е.В.* Внешнеполитический курс КНР: эволюция и тенденции развития // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. № 5. С.22–31.
389. *Гуськова Е.* Югокризис: сербский выбор // Россия. 1992. 30 декабря. С. 5.
390. *Гуськова Е.Ю*. Андрей Козырев – очень нужная Западу фигура // Свободная мысль. 2021. № 6. С. 161–174.
391. *Гуськова Е.Ю*. Балканский кризис и позиция России // Обозреватель. 1995. № 13. С.

33–37.
392. *Гуськова Е.Ю.* Балканский кризис и политика России // Посткоммунистическая Восточная Европа: новые международные отношения и внешнеполитические ориентиры. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 89–116.
393. *Гуськова Е.Ю.* Балканский кризис, дейтонское соглашение и роль НАТО в Европе // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / Ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИМЭПИ, 1998. С. 220–228.
394. *Гуськова Е.Ю.* Балканский опыт миротворчества в современных условиях // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3. С. 72–88.
395. *Гуськова Е.Ю.* Балканское направление внешней политики России в конце XX и начале XXI века // В сборнике: Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2019 годы. Материалы IX международной научно-практической конференции: в 2-х частях. М., 2019. С. 41–43.
396. *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России на Балканах. Исторические параллели // Великая война и начало нового мира: актуальная повестка для человечества: Материалы международной научно-общественной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. М., 2015. С. 93–99.
397. *Гуськова Е.Ю.* Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Ч. 1. // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 83–100.
398. *Гуськова Е.Ю.* Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть 2. // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 84–101.
399. *Гуськова Е.Ю.* Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: Кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX в. Часть 2. // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 84–101.
400. *Гуськова Е.Ю.* Динамика косовского кризиса и позиция России // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Мос. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 32–66.
401. *Гуськова Е.Ю.* История предательства. К 30-летию антисербских санкций ООН. Записки очевидца // К единству. 2022. № 2. С. 35–37.
402. *Гуськова Е.Ю.* Карасев А.В. Балканская трагедия: 90-е годы XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 292–315.
403. *Гуськова Е.Ю.* Кризис в Косове. история и современность // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. III / Сост. Т.А. Шаклеина. М., 2002. С. 140–169.
404. *Гуськова Е.Ю.* Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 26–51.
405. *Гуськова Е.Ю.* Кризис на Балканах и позиция России // Югославский кризис и Россия: документы, факты, комментарии / Под. общ. ред. Е.Ю. Гуськовой. 1993. С. 40–54.
406. *Гуськова Е.Ю.* Почему Верховный Совет не поддержал санкции // Известия. 1992. 16 июля. С. 6.
407. *Гуськова Е.Ю.* Продолжающийся балканский кризис и политика России // Обозреватель. 1999. № 12. С. 35–39.
408. *Гуськова Е.Ю.* Противостояние Думы и МИД России по Югославии (1994 г.) //

Обозреватель – Observer. 2022. № 2. С. 111–120.
409. *Гуськова Е.Ю.* Россия в годы югославского кризиса не могла поддержать сербов или не хотела? // История. Историки. Источники. 2025. № 3. С. 80–90.
410. *Гуськова Е.Ю.* Русские батальоны в Хорватии, БиГ и Косове как фактор объективности в деятельности миротворческих сил на территории бывшей Югославии // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей / Редколлегия: К.В. Никифоров (отв. редактор). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 364–382.
411. *Гуськова Е.Ю.* Соперничество Запада и России на Балканах в 90-е годы: победило подобострастие // Сербско-российский научный журнал. 2024. № 1–2. С. 15–33.
412. *Гуськова Е.Ю.* СССР-Югославия. Этого могло не случиться // Правда. 1992. 20 июня. С. 5.
413. *Гуськова Е.Ю.* Трагедия на Балканах – наша общая боль // Pro Armenia. 1993. № 42. С. 16–22.
414. *Гуськова Е.Ю.* Трудное урегулирование: как останавливали бомбежки в Югославии в 1999 году // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 76–92.
415. *Гуськова Е.Ю.* Что ждали от России на Балканах в начале 90-х годов? // Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологеме, религиозные, исторические и культурные связи. М.: Инслав, 2011. С. 22–28.
416. *Гуськова Е.Ю*. Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации // Международная жизнь. 2006. № 5. С. 73–85.
417. *Гуськова Е.Ю., Никифоров К.В.* Распад Югославии (90-е годы XX в.) // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 765–870.
418. *Гуськова Е.Ю.* В.К. Волков о современных событиях на Балканах // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2007. С. 19–26.
419. *Давыдов Ю.П.* Проблема Косово в российском внутриполитическом контексте // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Мос. Центр Карнеги. М.: Гендальф. 1999. С. 247–279.
420. *Давыдов Ю.П., Приходько О.В., Смирнов П.Е., Устинова Е.В.* Югославский кризис: интернационализация или интервенция? // США – ЭПИ. 1993. № 8. С. 50–60.
421. *Дорожкин А.Г.* Китайский фактор на переговорах Л.И. Брежнева с И. Б. Тито в 1970-х гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. № 4 (3). С. 26–33.
422. *Дорожкин А.Г.* Китайский фактор на советско-югославских переговорах конца 1960 – х – 1970-х гг. // Сборник научных трудов по материалам междисциплинарной конференции (форума) «Научные исследования и разработки: проблемы развития и приоритетные направления». М., 2020. С. 10–16.
423. *Евтюшин К.А.* Внешняя политика КНР в политической риторике китайских лидеров // Вестник РГГУ. Серия: политология. история. международные отношения. зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 81–91.
424. *Едемский А.Б.* Почему сербы говорят «нет» // Московские новости. 1993. № 20. 16 мая. С. 7.
425. *Елисеева Е.В.* Югославия наказана. Кто следующий? // Учительская газета. М., 1992. 4 авг. С. 19.
426. *Живанов С.* Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее

десятилетие XX в. (1990–1998 гг.) // Россия и Сербия глазами историков двух стран / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб.: Алетейя, 2010. С. 285–308.
427. *Живанов С.* Россия и югославский кризис// Свободная мысль. М., 1996. № 2. С. 37–46.
428. *Замятина Т.* Косовские албанцы взрывают Сербию // Новое время. 1998. № 11. С. 7–9.
429. *Ильин М.В.* Война в Югославии: от жертвоприношения Сербии к самоубийству Запада? // Полис. 1999. № 2. С. 184–187.
430. *Калоева Е.Б.* Балканы как шахматная доска для геополитических игр великих держав // В сборнике: Восточная Европа в современной геополитике: Сб. обзоров и РАН реф.; Редкол.: Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) и др., М.: ИНИОН, 2008. С. 31–55.
431. *Кандель П.* Влияние косовского кризиса на политическую ситуацию в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 37–40.
432. *Кандель П.Е.* Балканские интересы: подлинные и мнимые // Россия на Балканах. Московский Центр Карнеги. М., 1996. С. 9–30.
433. *Кандель П.Е.* Западные Балканы между «старой» и «новой Европой» // Отношения стран вишеградской четверки и России в новых европейских реальностях / Отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИЕ РАН, 2018. С.147–153.
434. *Кандель П.Е.* Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 7–21.
435. *Кандель П.Е.* Россия, Балканы и постсоветское пространство // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. М., 1998. С. 67–79.
436. *Кандель П.Е.* Сможет ли БиГ существовать в «дейтонском формате»? // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1996. № 3–4. С. 24–29.
437. *Кандель П.Е.* Что нам Балканы? Ссора с Европой из-за Югославии как способ свалить правительство России // Новое время. 1992. № 25. С. 32–33.
438. *Кандель П.Е.* Что нового в стратегии ЕС на Западных Балканах? // Современная Европа. 2018. № 5. С. 17–24.
439. *Кандель П.Е.* Экспоненты политической альтернативы на Балканах // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018. С. 128–132.
440. *Каширина Т.В., Каширина А.С., Чернявский И.А.* Дезинтеграционные процессы в регионе Западные Балканы в конце XX века // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4 (26). С. 197–211.
441. *Квашин Ю.Д.* Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 47–53.
442. *Коновалов А.А.* Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 3–14.
443. *Корнилов Г.В.* США и югославский кризис (1991–1997 гг.) // США: ЭПИ. 1998. № 4. С. 67–77.
444. *Косов А.П.* Косовский кризис в повестке российско-американских отношений (1998–1999 гг.) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2021. Т. 34. С. 56–64.
445. *Котов В.* Что может ждать Россию на Балканах? // Россия XXI в. 1996. № 3–4. С. 186–190.
446. *Кременюк В.А.* Россия – США: первые уроки балканского кризиса 1999 г. // США – Канада: ЭПИ. 2000. № 1. С. 5–15.
447. *Кувалдин. В.Б.* Югославский кризис и внешнеполитическая стратегия России //

Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С. 21–25.
448. *Куликова Н.В.* Милованов В.С. Дейтонские соглашения – путь к миру? // Федерализм. 1996. № 3. С. 155–176.
449. *Кургинян С. Бялый Ю.* Анатомия безумия // Россия XXI. 1999. № 1. С. 4–66.
450. *Курылев К.П., Шабловский В.С.* Косовский конфликт (1999–2020): текущее состояние и пути его разрешения // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 112–127.
451. *Ледовский А.* Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна с И.В. Сталиным // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 116–122.
452. *Лобанов М.* Отношения России и Сербии: новое содержание старых форм // Современная Европа. 2014. № 2. С. 91–105.
453. *Лузянин С.* Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 29.11.2011. URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=111788&ysclid=moaa0ewxqx97324770 (дате обращения: 22.04.2026).
454. *Мокрецкий А.Ч., Янь Лэй.* Китайские концепции в области международных отношений: от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2 (89). С. 190–209.
455. *Мальгин А.* Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 94–117.
456. *Мамонов М.В.* «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 28–43.
457. *Маныкин А.С.* Степанова Е. Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков. 1997. № 1. С. 55–63.
458. *Матонин Е.* Санкции приняты. К чему они приведут // Независимая газета. 1992. 3 июня. С. 4.
459. *Мельвиль А.Ю.* Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Открытая политика. 1998. № 6. С. 78–85.
460. *Милованов В., Куликова Н.* Дейтонское соглашение: достижения просчеты, перспективы // Вестник научной информации. 1997. № 3. С. 56–68.
461. *Морозов Ю.В.* Балканы в стратегии России // Современная Европа. 2000. № 3 (3). С. 52–62.
462. *Морозов Ю.В.* Югославский сценарий на постсоветском пространстве // Вызовы безопасности и защита геополитических интересов России. М., 1999. С. 37–38.
463. *Насонова С.А*. Балканский кризис и политика России (1991–1995 гг.) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: Сборник научных трудов, вып. 6. М.: МГОУ. 2008. С. 74–91.
464. *Насонова С.А.* Уроки политики «принуждения к миру на Балканах: 90-е годы XX в. // Наше Отечество. Страницы истории. Сборник научных статей / Отв. ред. Н.Г. Гришина. М., 2016. С. 62–72.
465. *Никифоров К.* Балканская политика России в конце XX – начале XXI вв. // Vecinătăţi şi ziduri: români şi ruşi: (secolete XVI–XXI). Târgovişte / К.В. Никифоров. 2013. С. 177–189.
466. *Никифоров К.* Отношение России к Сербии в конце XX века // Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Белград, 1999. С. 157–167.

467. *Никифоров К.* Российско-сербские отношения во время югославского кризиса / Српско-руско односи од почетка XVIII до краја XX века. Београд, 2011. С. 345–354.
468. *Никифоров К.В.* Россия и новые балканские государства: перспективы взаимоотношений Звенья. Экспертное издание Фонда исторической перспективы. М., 2006. № 1. С. 8–14.
469. *Никифоров Л.А.* Некоторые аспекты решения проблемы Косово // Черноморье – Каспий между большой Европой и большим Ближним Востоком / Под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Язьковой. М., 2006. С. 175–180.
470. *Озлем К.* Сравнительный анализ политики Турции, Российской Федерации и Греции в отношении косовского вопроса (1999–2008 гг.) // Россия, Турция, Греция: возможности диалога на Балканах / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 122–129.
471. *Пастухов В.Б.* Балканский синдром: история болезни // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 176–183.
472. *Печуров С.Л.* «Союзническая сила» агрессора: особенности военной акции против Югославии в 1999 году // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 15–19.
473. *Полухина В.Д.* Искусственный интеллект в анализе внешнеполитических дискурсов: междисциплинарный подход к интерпретации стратегий России, Китая и США // Технологии искусственного интеллекта в гуманитарных научных исследованиях: опыт и перспективы исследования / Отв. ред. Е.В. Байдалова, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2025. С. 142–149.
474. *Пономарева Е.* Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета тельная политика. 2011. № 3. С. 86–95.
475. *Пономарева Е.* Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 86–95.
476. *Пономарева Е.* Трагический юбилей: роль России в косовском кризисе (В.С. Черномырдин. Вызов. М., 2003) // Современное право. 2004. № 5. С. 47–51.
477. *Пономарева Е., Рудов Г.* «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59–73.
478. *Пономарева Е.Г.* Албанский фактор дестабилизации западных Балкан: сценарный подход // Вестник МГИМО–Университета. 2018. № 2 (59). С. 99–124.
479. *Пономарева Е.Г.* Балканская политика Российской Федерации: в поисках потерянного времени? // «25 лет внешней политики России»: сб. материалов X Конвента РАМИ. В 5 т. Т. 1: Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 486–501.
480. *Пономарева Е.Г.* Балканы как зона (дез)интеграции //Развитие и экономика. 2013. № 5. С. 82–95.
481. *Пономарева Е.Г.* Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Обозреватель–Observer. 2014. № 6. С. 83–100.
482. *Пономарева Е.Г.* Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика / De Conspiratione. Сб. монографий. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 331–522.
483. *Пономарева Е.Г.* Узлы и модели балканских этнополитических конфликтов // Пути к миру и безопасности. 2012. № 1 (42). С. 60–75.
484. *Пономарева Е.Г., Димитровска А.* Балканский узел международного терроризма //

Обозреватель–Observer. 2018. № 5 (340). С. 37–51.
485. *Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В.* «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель – Observer. 2015. № 12. С. 38–51.
486. *Пономарева Е.Г., Фролов А.В.* Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО–Университета. 2019. № 2 (65). С.32–56.
487. *Портяков В.Я.* Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 53–61.
488. *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
489. *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: КНР на рубеже веков. статья первая // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. № 2. С. 96–106.
490. *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: КНР на рубеже веков. статья вторая // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. № 4. С. 30–41.
491. *Прохоров А.* Балканские грезы // Европа. 2004. № 6. С. 12–13.
492. *Романенко С.* Судьба Югославии в сознании россиян // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 76–87.
493. *Романенко С., Улунян А.* Балканская политика 90-х годов: в поисках смысла// Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 46–58.
494. *Романенко С.А*. Взгляд историка: советско-югославские отношения и контакты на высшем уровне, 1985–1991 гг. // Распад Югославии: тридцать слет спустя: коллективная монография / Отв. ред. и сост. С.А. Романенко. М., 2024. С. 66–108.
495. *Романенко С.А.* Государства Юго-Восточной Европы и Россия // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под ред. А.А. Языковой. М., 2007. С. 275–340.
496. *Романенко С.А*. Косово: история, характер и динамика конфликта // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелева. СПб.: Алетейя, 2012. С. 14–56.
497. *Романенко С.А.* Нужен новый козырь. Что в этой связи могла бы предложить Россия и чего ждут от нее подлинные друзья в Белграде, Загребе, Сараеве? // Новое время. 1995. № 29. С. 24–25.
498. *Романенко С.А.* Холбрук – блиц // Новое время. 1998. № 21. С. 31–32.
499. *Романенко С.А*. Югославия, Россия и славянская идея: Вторая половина XIX- начало XXI века. М.: Институт права и публичной политики. 2002. С. 441–461, 510–586.
500. *Романенко С.А.* Югославия: от братства и единства к войне и распаду // Очаги Тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 248–291.
501. *Рубинский Ю.И.* Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса / под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Мос. Центр Карнеги. М.: Гендальф. 1999. С. 212–246.
502. *Салмин А.М.* Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. Политические исследования. 1999. № 2. С. 10–31.
503. *Саморуков М.* Иллюзия близости: амбиции и возможности России на Западных Балканах // Московский центр Карнеги. 12.12.2017. URL: https://carnegie.ru/2017/12/12/ru-pub-74975 (дата обращения: 01.06.2026).
504. *Саморуков М.* Противоречия России и ЕС на Балканах. В чем они и можно ли их преодолеть // Московский центр Карнеги. 19.12.2018. URL:

https://carnegieendowment.org/posts/2018/12/can-russia-and-the-eu-overcome-their-differences-in-the-balkans?lang=ru (дата обращения: 01.06.2026).

505. *Самуйлов С.М.* Межнациональные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и политика России. М., 1994. 91 с.
506. *Самуйлов С.М.* После югославской войны: размышления о России, США, Запада в целом // США – Канада: ЭПИ. 2000. № 3. С. 65–83.
507. *Самуйлов С.М.* США, НАТО, Россия и боснийский кризис // США: ЭПИ. 1995. № 7. С.16–30.
508. *Свешников А.А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 93–143.
509. *Семкина Ю.Н.* Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. 2008. № 4. С. 71–81.
510. *Сентябрев А.* Итоги балканской войны и внешняя политика России // Обозреватель. 1999. № 8. С. 26–32.
511. *Симич П.* Гражданская война в Югославии. Причины и следствия // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 74–83.
512. *Смирнова Н., Язькова А.А.* Балканы в российской политике XIX-XX вв. // Европейский альманах. 1997. История. Традиции. Культура. 1998. С. 53–66.
513. *Соколова П.С.* Балканская составляющая европейской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 17–26.
514. *Сорокин К.Э.* Россия и многополярность: время обнимать, и время уклоняться от объятий // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 7–26.
515. *Сорокин К.Э.* Ядерное оружие в эпоху геополитической многополярности // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 18–32.
516. *Степанова Е.* Политика США в отношении косовского конфликта // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф. 1999. С. 158–211.
517. *Тимофеев О.А.* Китайско-американские отношения // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. IX. Реформы и модернизация (1976–2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016. С. 605–611.
518. *Тимофеев П.П.* Россия и Франция на Балканах в 1990–1995 годах // Славяноведение. 2013. № 3. С. 44–59.
519. *Тягуненко Л.В.* Распад федерации – причины и последствия // Межрасовые и межнациональные отношения в странах Европы и Америки. XIX-XX вв. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 172–184.
520. *Тягуненко Л.В., Волобуев П.В.* Уроки дейтонских соглашений // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 84–91.
521. *Тягуненко Л.В.* Причины и последствия распада Югославской и Советской федераций // Вестник научной информации. М., 1996. С. 633–640.
522. *Тягуненко Л.В.* Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 28–45.
523. *Уткин А.И.* За кулисами югославской трагедии окончательность границ и самоопределение // Свободная мысль. 1999. № 2. С. 47–59.
524. *Федоров А.* Новый прагматизм внешней политики России // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 19–24.

525. *Федоров Ю.Е.* Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2. С. 31–49.
526. *Фененко А.* Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 59–73.
527. *Фролов А.В.* Виктор Черномырдин: человек, политик, дипломат // Международная жизнь. 2018. № 5. С. 137–149.
528. *Фролов В.* Что мы делаем в Боснии? // Независимое военное обозрение. 1997. 22–28 февраля. С. 2.
529. *Фролова И.Ю.* Интересы и проблемы Китая на Балканах // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4. С. 61–75.
530. *Худолей К., Колосков Е.* Политика России на Балканах: современное состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 90–98.
531. *Шамаров П.В.* Миротворческая деятельность России на Балканах // Обозреватель. 2019. № 3 (350). С. 33–44.
532. *Шмелев Б.А.* Балканские «горки» // Мир перемен. 2004. № 3. С. 41–53.
533. *Шмелев Б.А.* Политика России по урегулированию косовского кризиса // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелева. СПб.: Алетейя, 2012. С. 207–228.
534. *Шмелев Б.А.* Югославский кризис и Россия // Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Язькова и др. М.: Апрель-85, 1995. С. 79–91.
535. *Энгельгардт Г.Н.* От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 87–97.
536. *Энгельгардт Г.Н.* Республика Сербская по Дейтонским соглашениям // Славяноведение. 1997. № 3. С. 76–84.
537. *Энгельгардт Г.Н.* Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.
538. *Энтина Е., Пивоваренко А., Новакович Д.* Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России. М.: Валдайский клуб, 2018. 28 с.
539. *Энтина Е.Г.* Балканы вчера и завтра: пороха хватит на всех! // Современная Европа. 2015. № 1. С. 37–45.
540. *Энтина Е.Г.* Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 192–208.
541. *Энтина Е.Г., Кирьяков С.* Типология распада СССР и СФРЮ // Судьба России: вектор перемен. Екатеринбург: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2007. С. 179–194.
542. *Языкова А*. На пороге третьего тысячелетия // Балканы: между прошлым и будущим / Редкол.: А.А. Язькова и др. М: Апрель-85, 1995. С. 7–17.
543. *Язькова А.А.* Россия и страны НАТО: поиск путей урегулирования в Косово // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1998. № 7. С. 6–9.
544. *Язькова А.* Балканский кризис: подвластно ли будущее историческому прошлому // Независимая газета. 1992. 14 октября. С. 4.
545. *Язькова А., Каменецкий В.* Санкции были правомерны // Московские новости. 1992. 12 июля. № 28. С. 12.
546. *Язькова А.А.* Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина, Е. Степановой. Мос. Центр

Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 120–157.

547. *Язькова А.А.* Международный кризис по поводу Косово (НАТО – Россия: итоги и уроки взаимодействия) // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1998. № 8. С. 11–14.
548. *Язькова А.А.* Процессы трансформации НАТО и балканские кризисы // Актуальные проблемы Европы. 2004, № 4. С. 135–150.
549. *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 217–249.
550. *Янь Лэй.* Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным материалам первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125.
551. *Янь Лэй.* Китайские ученые о распаде Югославии // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2023. С. 89–95.
552. *Янь Лэй.* Научные китайские издания по международным отношениям и проблемам: от становления к современному состоянию // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 2. С. 99–112.
553. *Янь Лэй.* Турбулентные события на постъюгославском пространстве первой половины 1990-х в "зеркале" реакций государственных деятелей и экспертов КНР // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2024. С. 151–163.
554. *Янь Лэй.* Югославская модель в китайском зеркале (1977–1980 гг.): от сомнения к признанию // Власть. 2025. № 5. С. 257–262.
555. *Янь Лэй.* Второй всекитайский научный форум «Китай и Балканы в условиях глобальных трансформаций» // Славяноведение. 2026. № 5. С. 123–130.

На китайском языке

556. *阿尔希·皮帕, 刘东国.* 南斯拉夫阿尔巴尼亚人的政治形势 — 科索沃问题透视 // 民族译丛. 1991. №. 6. С. 1–9. [*Арши Пиппа, Лю Дунго.* Политическое положение албанцев Югославии: анализ косовского вопроса // Миньцзу и цун].
557. *蔡抗.* 战后南斯拉夫外交政策的演变和不结盟 // 世界经济与政治内参. 1987. № 4. С. 39–45. [*Цай Кан*. Эволюция внешней политики послевоенной Югославии и движение неприсоединения // Мировая экономика и политика: материалы для внутреннего пользования].
558. *蔡文钦.* 前南斯拉夫解体探源 // 自贡师专学报. 1995. № 1. С. 16–19. [*Цай Вэньцинь*. Изучение причин распада бывшей Югославии // Вестник Чжугунского педагогического колледжа].
559. *曹育明, 扎晓玲.* 南斯拉夫科索沃民族问题述略 // 中国民族. 1989. № 8. С. 44. [*Цао Юймин, Чжа Сяолин.* Краткий обзор национального вопроса в Косове (Югославия) // Китайская нация].
560. *柴宜弘, 郑信哲.* 南斯拉夫的民族问题 // 民族译丛. 1991. № 1. С. 7–15. [*Чай Ихун, Чжэн Синьчжэ*. Национальный вопрос в Югославии // Миньцзу и цун].
561. *畅征.* 从波黑危机看俄罗斯的影响力 // 世界经济与政治. 1994. № 6. С. 44–46, 61. [*Чан Чжэн*. Анализ влияния России сквозь призму боснийского кризиса // Мировая

экономика и политика.]

562. *陈传金.* 冷战后地区冲突国际化的典型 — 试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. 1996. № 6. С. 12–15. [*Чэнь Чжуаньцзинь*. Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ взаимосвязи между боснийской проблемой и дипломатией великих держав // Международное обозрение].
563. *陈海燕.* 浅论科索沃危机对大国关系的影响 // 山东教育学院学报. 2000. № 1. С. 3–7. [*Чэнь Хайянь*. Краткий анализ влияния косовского кризиса на отношения великих держав // Вестник Шаньдунского педагогического института].
564. *陈华山.* 试析原南斯拉"自治"经济体制最终失败的原因 // 东欧中亚研究. 1996. № 4. С. 21–27, 69. [*Чэнь Хуашань*. Анализ причин неудачи экономической системы "самоуправления" бывшей Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
565. *陈志强.* 当代科索沃问题的国际政治因素 // 史学集刊. 2010. № 3. С. 91–97. [*Чэнь Чжицян*. Международно-политические факторы современной косовской проблемы // Сборник исторических исследований].
566. *程中原.* 胡乔木与 1957 年«莫斯科宣言» // 北京党史. 2013. С. 8–11. [*Чэн Чжунъюань*. Ху Цяому и Московская декларация 1957 года // История партии Пекина].
567. *达洲.* 巴尔干的"定时炸弹" — 科索沃 // 世界知识. 1992. № 14. С. 10. [*Да Чжоу*. «Бомба замедленного действия» на Балканах – Косово // Знания о мире].
568. *翟云瑞.* 南斯拉夫民族间内战的由来和发展 // 东欧中亚研究. 1995. № 3. С. 37–61. [*Чжай Юньжуй*. Происхождение и развитие межнациональной гражданской войны в Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
569. *丁诗传.* 走向新世纪的大国关系 // 新时期中国国际关系理论研究 / 鲁毅、顾关福等主编. 北京: 时事出版社. 1999. С. 276–285. [*Дин Шичуань*. Отношения великих держав на рубеже нового века // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период / под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий].
570. *冯绍君, 詹真荣.* 论南共联盟在处理民族问题上的教训 // 当代世界社会主义问题 1992. № 2. С. 55–59. [*Фэн Шаоцзюнь, Чжань Чжэньжун*. О уроках СКЮ в решении национального вопроса // Проблемы социализма в современном мире].
571. *冯绍雷, 卿文辉, 范军.* 热话题与冷思考（十一）: 关于全球性与民族性的对话 // 当代世界与社会主义. 1999. № 3. С. 4–14. [*Фэн Шаолэй, Цин Вэньхуэй, Фань Цзюнь*. Горячие темы и холодные размышления (XI): диалог о глобальном и национальном // Современный мир и социализм].
572. *冯绍雷.* 六十年代以来南斯拉夫对外政策的若干特点 // 今日苏联东欧. 1985. № 6. С. 15–19. [*Фэн Шаолэй*. Некоторые особенности внешней политики Югославии с 1960-х гг. // Сегодняшний СССР и Восточная Европа].
573. *冯特君.* 邓小平国际战略思想是一个科学体系 // 新时期中国国际关系理论研究 / 鲁毅、顾关福等主编. 北京: 时事出版社. 1999. С. 67–76. [*Фэн Тэцзюнь*. Международно-стратегическое мышление Дэн Сяопина как целостная научная система // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период / Под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий].

574. *付闪.* 建国前夕毛泽东对民主党派的联合争取政策论析 // 中共中央党史和文献研究院. [*Фу Шань*. Анализ политики Мао Цзэдуна по объединению и привлечению демократических партий накануне основания КНР // Институт истории партии и литературы при ЦК КПК]. 2017. 22 декабря. URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423725-30948261.html (дата обращения: 21.08.2025).
575. *高放.* 大民族主义是南斯拉夫分崩离析的重要内因: 我对米洛舍维奇的盖棺之论 // 探索. 2006. № 6. С. 57–64. [*Гао Фан*. великонациональный шовинизм является основными внутренними причинами распада Югославии: мои окончательные выводы о Милошевиче // Исследование].
576. *高恒, 汪丽敏.* 波黑问题和俄罗斯的政策 // 和平与发展. 1993. № 3. С. 28–30, 2. [*Гао Хэн, Ван Лиминь*. Проблемы БиГ и политика России // Мир и развитие].
577. *高华.* 北约空袭南联盟研讨会综述 // 世界经济与政治. 1999. № 5. С. 76–78. [*Гао Хуа*. Резюме семинара по бомбардировкам НАТО СРЮ // Мировая экономика и политика].
578. *谷亚红.* 南斯拉夫解体根源国内研究述评 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2012. № 2. С. 89–90. [*Гу Яхун*. Обзор отечественных исследований о причинах распада Югославии // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы].
579. *何方.* 论和平与发展时代. 北京: 世界知识出版社, 2000. С. 3–15. [*Хэ Фан*. О эпохе мира и развития. Пекин: Издательство «Знания о мире»].
580. *胡鞍钢.* 前南斯拉夫分裂的教训与启示 // 国际经济评论. 1996. № Z1. С. 41–43. [*Ху Аньган*. Уроки и выводы из распада бывшей Югославии // Международное экономическое обозрение].
581. *胡思远.* 从科索沃战争看世界战略格局的新变化 // 国际政治研究. 1999. № 4. С. 15–21. [*Ху Сыюань*. Новые изменения в мировой стратегической обстановке в свете косовской войны // Исследования международной политики].
582. *胡延新.* 科索沃会成为“第二个波黑”吗？ // 当代世界. 1998. № 11. С. 19–20. [*Ху Яньсинь*. Станет ли Косово "второй БиГ"? // Современный мир].
583. *胡兆明.* 波黑问题的症结 // 国际问题研究. 1995. № 3. С. 46–49. 45. [*Ху Чжаомин*. Сложность боснийской проблемы // Изучение международных проблем].
584. *怀新.* 空袭危机后的波黑局势 // 世界知识. 1994. № 6. С. 4–5. [*Хуай Синь*. Ситуация в БиГ после авианалета // Знания о мире].
585. *江伟民.* “谨慎而强硬”: 解析俄罗斯在科索沃冲突中的困境 // 世界经济与政治. 1999. № 7. С. 27–32, 47. [*Цзян Вэйминь*. "Осторожная, но жесткая": анализ дилеммы России в косовском конфликте // Мировая экономика и политика].
586. *金谷.* 南斯拉夫联邦的解体与民族问题 // 国际问题研究. 1992. № 3. С. 19–23, 29. [*Цзинь Гу*. Распад югославской федерации и национальные вопросы // Исследования международных вопросов].
587. *阚耀珊.* 前南斯拉夫问题的症结、隐患和前景 // 世界经济与政治. 1993. № 6. С. 54–57. [*Кань Яошань*. Суть проблемы, скрытые опасности и перспективы развития ситуации в бывшей Югославии // Мировая экономика и политика].
588. *柯静.* 科索沃的历史、现状及未来走向 // 国际论坛. 2006. № 6. С. 67–71, 79. [*Кэ Цзин*. История, текущее состояние и будущие тенденции Косова // Международный форум].
589. *孔凡君.* 科索沃独立的历史过程及其后果 // 北京大学国际关系学院. [*Кун Фаньцзюнь*.

Исторический процесс независимости Косова и его последствия // Институт международных отношений Пекинского университета]. 30.08.2013. URL: https://www.sis.pku.edu.cn/teachers/kongfanjun/kongfanjun_doc/1310882.htm (дата обращения. 02.09.2025).

590. *孔寒冰*. 科索沃危机的历史根源及其大国背景 // 国际政治研究. 1999. № 3. С. 42. [*Кун Ханьбин*. Исторические корни косовского кризиса и действия великих держав // Исследования международной политики].
591. *孔寒冰*. 社会主义联邦制国家: 形成、纠结与解体 // 江西师范大学学报（哲学社会科学版）. 2012. № 45 (01). С. 22–28. [*Кун Ханьбин*. Социалистические федеративные государства: формирование, противоречия и распад // Вестник Цзянсиского педагогического университета (серия: философия и общественные науки].
592. *孔田平*. 马其顿内战是如何结束的？// 苏东剧变之后: 对 119 个问题的思考（下）/ 陆南泉、左凤荣、潘德礼、孔田平主编. 北京: 新华出版社, 2012. С. 1577–1583. [*Кун Таньпин*. Как завершилась македонская война? // Размышления о 119 вопросах после восточноевропейских изменений. Т. 3 / Под ред. Лу Наньцюаня, Цзо Фэнжуна, Пань Дэли, Кун Тяньпина. Пекин: Издательство «Синьхуа»].
593. *雷琳*. 理论设计的超阶段: 南斯拉夫社会主义改革失败探源之二 // 新疆师范大学学报(哲学社会科学版). 1999. № 3. С. 39–44, 139. [*Лэй Линь*. Сверхэтапность теоретического проектирования: вторично изучение причин провала социалистических реформ Югославии // Вестник Синьцзянского педагогического университета (серия философских и социальных наук].
594. *雷琳*. 南斯拉夫社会主义改革失败探源 // 新疆师范大学学报(哲学社会科学版). 1997. № 4. С. 37–43, 95–96. [*Лэй Линь*. Изучение причин провала социалистической реформы Югославии // Вестник Синьцзянского педагогического университета (серия: философия и общественные науки].
595. *雷琳*. 政体问题与南斯拉夫的解体 // 当代世界与社会主义. 1997. № 3. С. 64–65. [*Лэй Линь*. Вопрос политического строя и распад Югославии // Современный мир и социализм].
596. *李耕忙*. 1998 年俄罗斯外交综述 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴 / 张森主编. 北京: 当代世界出版社. 2000. С. 49–56. [*Ли Гэнман*. Обзор внешней политики России в 1998 г. // Ежегодник России и стран Восточной Европы и Центральной Азии / Под ред. Чжан Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].
597. *李靖宇, 贾文华, 李景峰*. 试析南斯拉夫党和国家对外政策 // 东北师大学报. 1987. № 6. С. 20–25. [*Ли Цзинъюй, Цзя Вэньхуа, Ли Цзиньфэн*. Попытка анализа внешней политики югославской партии и государства // Вестник Северо-Восточного педагогического университета].
598. *李君*. 俄罗斯和波黑冲突 // 世界知识. 1995. № 1. С. 18–19. [*Ли Цзюнь*. Россия и боснийские конфликты // Знания о мире].
599. *李君*. 和平从代顿起步 // 世界知识. 1995. № 24. С. 23–25. [*Ли Цзюнь*. Мир начинается с Дейтона // Знания о мире].
600. *李明*. 试析南斯拉夫解体的原因 // 科学社会主义. 1993. № 3. С. 74–77. [*Ли Мин*. Попытка анализа распада Югославии // Научный социализм].
601. *李行星*. 民族主义浪涛中的“无舵手八人划艇”: 前南斯拉夫是怎样解体的 // 世界知识.

1992. № 18. С. 10–12. [*Ли Синсин*. "Восьмивесельная лодка без рулевого" в волнах национализма: как распалась бывшая Югославия // Знания о мире].

602. *李勇, 陈熙玮.* 利益不同反应不一: 欧洲对南局势的态度 // 世界知识. 1991. № 15. С. 10–11. [*Ли Юн, Чэнь Сивэй*. Разные интересы, разные реакции: позиции европейских стран по югославскому кризису // Знания о мире].
603. *李长久.* 波黑问题背后的大国斗争 // 当代世界社会主义问题. 1995. № 4. С. 22. [*Ли Чанцзю*. Соперничество великих держав вокруг боснийского вопроса // Проблемы социализма в современном мире].
604. *李忠诚.* 俄美关系的特点及趋势 // 现代国际关系. 1992. № 5. С. 3–9, 63. [*Ли Чжунчэн*. Особенность и тенденция отношений между Россией и США // Современные международные отношения].
605. *理苑.* 代顿: 美国摆下谈判桌 // 世界知识. 1995. № 23. С. 20–21. [*Ли Юань*. Дейтон: США накрыли стол переговоров // Знания о мире].
606. *刘桂华.* 对苏联、南斯拉夫解体的共因的探析 // 零陵师专学报. 1995. № 4. С. 84–88. [*Лю Гуйхуа*. Анализ общих причин распада СССР и Югославии // Вестник Линлинского педагогического института].
607. *刘泓.* 深思惊醒, 更当自强 — «科索沃危机研讨会»述要 // 世界民族. 1999. № 2. С. 81. [*Лю Хун*. Глубокие размышления пробуждают к самоусилению: обзор «Симпозиума по косовском кризису» // Нации мира].
608. *刘建飞.* 科索沃危机与国际政治走势 — «科索沃问题研讨会»观点述要 // 理论前沿. 1999. № 10. С. 30–31. [*Лю Цзяньфэй*. Косовский кризис и тенденции международной политики: основные взгляды «Симпозиума по косовской проблеме» // Теоретический авангард].
609. *刘金质.* 冷战后美国的干涉主义 // 新时期中国国际关系理论研究 / 鲁毅、顾关福等主编. 北京: 时事出版社. 1999. С. 387–400. [*Лю Цзиньчжи*. Интервенционализма США после завершения холодной войны // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период / под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий].
610. *刘添才.* 前南斯拉夫民族危机探源 // 今日前苏联东欧. 1993. №. 2. С. 20. [*Лю Тяньцай*. Анализ истоков национального кризиса бывшей Югославии // Сегодняшний бывший СССР и Восточная Европа].
611. *刘武通.* «科索沃战争与新世纪国际格局»学术研讨会论文 // 国际政治研究. 1999. № 4. С. 1–9. [*Лю Утун*. Сбор научной конференции «Косовская война и международный порядок нового века» // Исследования международной политики].
612. *刘作奎.* 欧盟对科索沃政策评析 — 欧盟东扩进程中的“例外” // 欧洲研究. 2008. № 3. С. 47–58, 2. [*Лю Цзокуй*. Оценка и анализ политики ЕС по отношению к Косову – "исключение" в процессе расширения ЕС на восток // Европейские исследования].
613. *吕磊.* «科索沃危机和国际安全形势»学术研讨会综述 // 世界经济与政治论坛. 1999. № 4. С. 62–63. [*Лю Лэй*. Обзор научного семинара «Косовский кризис и ситуация международной безопасности» // Форум мировой экономики и политики].
614. *马细谱.* 波黑内战透析 // 世界历史. 1996. № 03. С. 110–115. [*Ма Сипу*. Анализ гражданской войны в БиГ // Мировая история].
615. *马细谱.* 南斯拉夫联邦解体原因再探析 // 世界社会主义研究. 2022. № 7. С. 59–67,

107. [*Ма Сиу*. Еще раз об изучении причин распада югославской федерации // Исследования мирового социализма].

616. *马细谱*. 试析南共联盟执政的成功与失误：南斯拉夫解体原因之一 // 马克思主义研究. 2013. № 1. С. 128–135, 160. [*Ма Сиу*. Попытка анализа успехов и промахов управления СКЮ: одна из причин распада Югославии // Изучение марксизма].
617. *倪孝铨*. 1999 年俄罗斯外交综述 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 1999 / 张森主编. 北京：当代世界出版社, 2001. С. 36–37. [*Ни Сяоцюань*. Обзор российской внешней политики за 1999 год // Ежегодник России, стран Восточной Европе и Центральной Азии. 1999 / под ред. Чжан Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].
618. *潘乃巩*. 俄罗斯会否在科索沃问题上与美国和北约迎头相撞? // 国际展望. 1999. № 7. С. 6–9. [*Пань Найгун*. Столкнется ли Россия с США и НАТО по косовскому вопросу? // Международное обозрение].
619. *潘志平*. 民族平等：理想、空想和现实 — 从前南斯拉夫解体谈起 // 世界民族. 1999. № 3. С. 1–10. [*Пань Чжипин*. Национальное равенство: идеал, утопия и реальность – начиная с распада бывшей Югославии // Нация мира].
620. *彭裕超, 徐刚*. 中南关系遗产及其对中国与南斯拉夫继承国关系的影响 // 俄罗斯学刊. 2025. № 4. С. 85–107. [*Пэн Юйчао, Сюй Гана*. Наследие китайско-югославских отношений и его влияние на отношения между Китаем и государствами-преемниками Югославии // Академический журнал исследований России].
621. *钱春元*. 美国直接干预波黑 // 世界知识. 1993. № 7. С. 2–4. [*Цянь Чуньюань*. Прямое вмешательство США в Боснию и Герцеговину // Знания о мире].
622. *秦亚青*. 国际政治的关系理论 // 世界经济与政治. 2015. № 2. С. 4–10. [*Цинь Яцин*. Теория отношений в международной политике // Мировая экономика и политика].
623. *沈志华*. 动机判断与史料考证：对毛泽东与斯大林三封往来电报的解析 // 近代史研究. 2019. № 5. С. 106–122, 161. [*Шэнь Чжихуа*. Интерпретация мотивов и источниковедческая проверка: анализ трех телеграмм в переписке Мао Цзэдуна и Сталина // Исследования по новой истории].
624. *沈志华*. 赫鲁晓夫秘密报告的出台及中国的反应 // 马克思主义研究网. [Шэнь Чжихуа. Появление секретного доклада Хрущева и реакция Китая // Новостной портал изучения по Марксизма]. 22.05.2012. URL: http://marxism.cass.cn/zyfzs/202312/t20231213_5710659.shtml (дата обращения: 22.08.2025).
625. *史翼*. 波黑：冲突的激化、大国的角逐与危机的前景 // 国际展望. 1994. № 24. С. 3–5, 1. [*Ши И*. Босния и Герцеговина: Обострение конфликтов, соперничество великих держав и перспектива кризиса // Международное обозрение].
626. *史翼*. 十字路口的波黑局势 // 国际展望. 1994. № 16. С. 6–8. [*Ши И*. Боснийская ситуация на перепутье // Международное обозрение].
627. *殳祥娣*. 俄罗斯为何反对北约对波黑塞族动武 // 现代国际关系. 1994. № 3. С. 30–31. [*Шу Сянди*. Почему Россия противится военным действиям НАТО против боснийских сербов // Современные международные отношения].
628. *水川*. 苏联支持南斯拉夫统一 // 世界知识. 1991. № 17. С. 9. [*Шуй Чуань*. Советский Союз поддерживает единство Югославии // Знания о мире].
629. *孙建蓉*. 科索沃冲突双方及国际社会的观点和立场 // 国际资料信息. 1998. № 9. С. 9-13. [*Сунь Цзяньжун*. Взгляды и позиции сторон косовского конфликта и

международного сообщества // Международная информация и материалы].

630. *孙建蓉.* 科索沃危机剖析 // 现代国际关系. 1998. № 7. С. 33–35. [*Сунь Цзяньжун*. Анализ косовского кризиса // Современные международные отношения].
631. *孙恪勤.* 南斯拉夫联邦危机与解体过程中的国际因素 // 东欧中亚研究. 1994. № 4. С. 84–89. [*Сунь Кэцинь*. Международные факторы в процессе кризиса и распада Югославской федерации // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
632. *孙恪勤.* 凝聚与离散, 两种力量的较量 — 南斯拉夫联邦解体原因再探讨 // 东欧中亚研究. 1993. № 3. С. 13–18, 7. [*Сун Кецинь*. Сплоченность и разобщенность, борьба двух сил – еще раз об изучении причин распада СФРЮ // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
633. *唐秀山.* 波黑: 俄罗斯不再是“配角”// 世界知识. 1994. № 6. С. 7–8. [*Тан Сюшань*. Босния: Россия больше не «статист» // Знания о мире].
634. *滕红岩.* 浅析南斯拉夫国家历史发展特点 — 兼论其分裂原因 // 东欧中亚研究. 1993. № 4. С. 39–44. [*Тэн Хунъянь*. Краткий анализ особенностей исторического развития Югославии – с обсуждением причин его распада // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
635. *田永祥.* 俄罗斯对波黑的政策 // 现代国际关系. 1993. № 7. С. 27–28. [*Тянь Юнсян*. Политика России в отношении БиГ // Современные международные отношения].
636. *汪丽敏.* 前南斯拉夫的民族问题 // 东欧中亚研究. 2000. № 2. С. 23–30. [*Ван Лиминь*. Национальные вопросы в бывшей Югославии // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
637. *王继鑫, 孙长久.* 南斯拉夫民族危机根源探析 // 史学集刊. 1993. № 2. С. 49–54. [*Ван Цзисинь, Сунь Чанцзю*. Истоки национального кризиса в Югославии // Сборник исторических исследований].
638. *王金存.* 世界进入了“和平与发展的时代”了吗？— 学习邓小平“和平与发展思想”的几点思考 // 世界经济与政治. 1999. № 7. С. 62-65, 71. [*Ван Цзиньцунь*. Вступил ли мир в «эпоху мира и развития»? Некоторые размышления по поводу изучения концепции Дэн Сяопина о мире и развитии // Мировая экономика и политика].
639. *王茂中.* 前南斯拉夫地区面临复杂形势 // 国际论坛. 1993. №. 2. С. 10-13. [*Ван Маочжун*. Регион бывшей Югославии находится в сложной ситуации // Международный форум].
640. *王瑞.* «1992 年国际形势特点和大国关系及其前景»讨论纪要 // 国际问题研究. 1993. № 2. С. 53–55. [*Ван Жуй*. Резюме семинара «Особенности международной ситуации в 1992 году: взаимоотношения между великими державами и их перспективы» // Изучение международных проблем].
641. *王森.* 南斯拉夫的分裂与内战 // 世界经济与政治. 1992. № 11. С. 46–51. [*Ван Сэнь*. Раскол Югославии и гражданская война // Мировая экономика и политика].
642. *王叶伟.* 1948 年苏南冲突对中国政局的折射与影响 // 广东党史与文献研究. 2021. № 4. С. 72–84. [*Ван Евэй*. Отражение и влияние советско-югославского конфликта 1948 г. на политическую ситуацию в Китае // Исследования партийной истории и документации в провинции Гуандун].
643. *王振华.* 从科索沃危机和北约战略新概念看欧洲安全 // 世界经济与政治论坛. 1999. № 4. С. 44–46. [*Ван Чжэньхуа*. Европейская безопасность в свете косовского кризиса

и новой стратегической концепции НАТО // Форум мировой экономики и политики].

644. *王志军.* 建立国际政治新秩序的阴影 — 科索沃危机政治解决对国际新秩序的影响 // 当代世界. 1998. № 12. С. 28–29. [*Ван Чжицзюнь*. Тень над созданием нового международного политического порядка: влияние политического решения косовского кризиса на новый международный порядок // Современный мир].

645. *王志平.* 科索沃危机与大国关系调整 // 国际观察. 1999. № 3. С. 1–4. [*Ван Чжипин*. Косовский кризис и корректировка отношений между великими державами // Международное обозрение].

646. *闻则.* 米洛舍维奇: 霸权的囚徒 // 国际展望. 2001. № 16. С. 14–17, 95. [*Вэнь Цзэ*. Милошевич: узник гегемонизма // Международное обозрение].

647. *吴文成.* 从科索沃战争到乌克兰危机: 北约东扩与俄罗斯的“战略觉醒” // 俄罗斯东欧中亚研究. 2022. № 3. С. 1–25, 170. [*У Вэньчэн*. От косовской войны к украинскому кризису: расширение НАТО на восток и "стратегическое пробуждение" России // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии].

648. *郗润昌.* 1998 年大国政治关系的特点 // 和平与发展. 1999. № 1. С. 11–13, 32–56. [*Си Жуньчан*. Особенности политических отношений между великими державами в 1998 г. // Мир и развитие].

649. *夏方林.* 从波黑问题看美欧俄争夺欧洲的新特点 // 当代世界. 1995. № 11. С. 9–11. [*Ся Фанлинь*. Новые особенности борьбы между США, Европой и Россией за влияние в Европе на примере боснийского вопроса // Современный мир].

650. *夏义善.* 科索沃战争及其国际影响 // 国际形势年鉴 2000. 上海: 上海教育出版社, 2000. С. 39–51. [*Ся Ишань*. Косовская война и ее международные последствия // Ежегодник международной обстановки. 2000. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство].

651. *项佐涛, 向康祺.* 中南关系正常化过程 — 基于南斯拉夫解密档案的分析 // 国际政治研究. 2021. № 2. С. 118–134, 8. [*Сян Цзотао, Сян Канци*. Процесс нормализации китайско-югославских отношений: анализ на основе рассекреченных югославских архивов // Исследования международной политики].

652. *肖宪.* 展望 21 世纪的伊斯兰世界 // 新时期中国国际关系理论研究 / 鲁毅、顾关福等主编. 北京: 时事出版社, 1999. С. 409–412. [*Сяо Сянь*. Перспективы исламского мира в XXI веке // Исследования теории международных отношений в Китае в новый период / под ред. Лу И, Гу Гуаньфу и др. Пекин: Издательство текущих событий].

653. *肖宗志.* 试论中国与南斯拉夫关系的演变及成因 // 党史研究与教学. 1999. № 3. С. 31–35. [*Сяо Цзунчжи*. Эволюция китайско-югославских отношений и причины этих изменений // Исследования истории партии и преподавание].

654. *谢有实.* 南斯拉夫社会自治失败的原因和教训 // 世界经济. 1993. № 9. С. 63–67. [*Се Юши*. Причины и уроки провала общественного самоуправления в Югославии // Мировая экономика].

655. *熊飞云.* 大国外交与波黑危机 // 东欧中亚研究. 1995. № 3. С. 66–72, 32. [*Сюн Фейюнь*. Дипломатия великих держав и кризис в БиГ // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].

656. *徐刚.* 从第一南斯拉夫的兴亡看南部斯拉夫人的分与合: 写在第一南斯拉夫建立 100 周年之际 // 中东欧研究. 2018. № 4. С. 130–142, 158. [*Сюй Ган*. Разделение и

интеграция южных славян с точки зрения расцвета и падения Первой Югославии: написано по случаю 100-летия образования Первой Югославии // Исследования Центральной и Восточной Европы].

657. *徐刚.* 塞尔维亚与科索沃谈判：背景、进程与展望 // 俄罗斯研究. 2013. № 5. С. 164–192. [*Сюй Ган*. Переговоры между Сербией и Косовом: предыстория, процесс и перспективы // Изучение России].
658. *徐坤明.* 波黑背后的大国明争暗斗 // 时事（«时事报告»中学生版）. 1994. № 3. С.23–24, 22. [*Сюй Куньмин*. Соперничество великих держав в конфликте в БиГ // Текущие события: Доклад Текущих событий (версия: школьник)].
659. *徐鹏堂.* 南斯拉夫解体的原因及南共盟执政失败的教训（下）：访中国前驻波黑大使温西贵 // 中共党史研究. 2009. № 3. С. 90–98. [*Сюй Пэнтан*. Причины распада Югославии и уроки провала правления СКЮ (Часть 2): интервью с бывшим послом Китая в БиГ Вэнь Сигуем // Исследования партийной истории КПК].
660. *许万明.* 前南斯拉夫解体的经济根源 // 当代世界社会主义问题. 1993. № 1. С. 66–69. [*Сюй Ванмин*. Экономические причины распада бывшей Югославии // Проблемы социализма в современном мире].
661. *许志新.* 俄罗斯对南斯拉夫政策：历史与现实 // 东欧中亚研究. 2001. № 5. С. 18–23, 95-96. [*Сюй Чжисинь*. Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
662. *杨成绪.* 前言 // 国际问题研究«科索沃战争后的国际形势». 09.1999. С. 1. [*Ян Чэнсюй*. Предисловие // Изучение международных проблем. Спецвыпуск «Международная обстановка после косовской войны»].
663. *杨启来.* 试析南斯拉夫分裂的经济动因 // 国际展望. 1994. № 18. С. 7–8. [*Ян Цилай*. Попытка анализа экономических факторов дезинтеграции Югославии // Международное обозрение].
664. *杨淑珩.* 欧、美、俄在波黑的角逐 // 和平与发展. 1994. № 3. С. 29–32. [*Ян Шухэн*. Соперничество Европы, Америки и России в БиГ // Мир и развитие].
665. *杨荫滋.* “左”倾错误与南斯拉夫自治制度的失败 // 当代世界社会主义问题. 1992. № 4. С. 59–62. [*Ян Иньцзы*. "Левацкие" ошибки и провал системы самоуправления в Югославии // Проблемы социализма в современном мире].
666. *杨荫滋.* 论南共联盟在民族问题上的教训 // 国际政治研究. 1994. № 1. С. 33–37. [*Ян Иньцзы*. О уроках политики Союза коммунистов Югославии в национальном вопросе // Исследования международной политики].
667. *杨元恪, 迟令军.* 被国际社会封锁的国度：访问南斯拉夫印象记 // 政党与当代世界. 1994. № 1. С. 41–43. [*Ян Юанько, Чи Линцзюнь*. Страна, изолированная международным сообществом: впечатления от поездки в Югославию // Политическая партия и современный мир].
668. *叶自成.* 北约新战略对国际政治格局的影响 // 中国特色社会主义研究. 1999. № 3. С. 39–42. [*Е Цзычэн*. Влияние новой стратегии НАТО на международную политическую структуру // Исследования социализма с китайской спецификой].
669. *约万·查沃什基.* 失去的联系：1947 年中南间一段不为人知的互动历史 // 冷战国际史. 6 / 华东师范大学国际冷战史研究中心编. 北京：世界知识出版社, 2008. С. 266–277. [*Йован Чавошки*. Утраченные связи: один малоизвестный эпизод взаимодействия

между Китаем и Югославией в 1947 году // Международная история холодной войны. Т. VI / Сост. Центр по изучению международной истории холодной войны Восточно-Китайского педагогического университета. Пекин: Издательство «Знания о мире»].

670. *云来, 张静.* 南斯拉夫解体与科索沃危机 // 北方民族. 1999. № 2. С. 118–122. [*Юн Лай, Чжан Цзин*. Распад Югославии и косовский кризис // Северный Минзу].
671. *张昌泰*, 萧泽贤. 美俄欧围绕波黑… // 世界知识. 1994. № 11. С. 10–11. [*Чжан Чантай, Сяо Цзэсиань*. США, Россия, Европа окружают БиГ… // Знания о мире].
672. *张昌泰.* 最后通牒背后的大国角逐 // 世界知识. 1994. № 6. С. 2–3. [*Чжан Чантай*. Соперничество великих держан в связи с ультиматумом // Знания о мире].
673. *张建华.* 比较史学视野下的苏联和南斯拉夫的解体: 苏联、南斯拉夫与美国联邦制的比较 // 改革开放与理论创新: 第二届北京中青年社科理论人才“百人工程”学者论坛文集. 北京: 北京师范大学历史学院. 2008. С. 401–415. [Чжан Цзяньхуа. Распад СССР и Югославии в сравнительно-исторической перспективе: сопоставление с федеративной системой США // Реформы и теоретические инновации: материалы Второго форума молодых ученых «Программа ста талантов». Пекин: Исторический факультет Пекинского педагогического университета].
674. *张健.* 科索沃“独立”问题探析 // 现代国际关系. 2008. № 3. С. 15–21. [*Чжан Цзянь*. Анализ проблемы "независимости" Косова // Современные международные отношения].
675. *张勉励.* 中国与南斯拉夫建交始末 // 当代中国史研究. 2006. № 3. С. 93–100, 128. [*Чжан Мяньли*. Начало и установление дипломатических отношений между Китаем и Югославией // Исследования новейшей истории Китая].
676. *张耀.* «代顿和平协议»和波黑局势展望 // 国际展望. 1995. № 24. С. 3–5, 1. [*Чжан Яо*. «Дейтонские мирные соглашения» и перспективы ситуации в БиГ // Международное обозрение].
677. *张耀.* 波黑局势的重要转折 // 国际形势年鉴 1996 / 上海国际问题研究所. 上海: 上海教育出版社, 1996. С. 98–115. [*Чжан Яо*. Важный переворот боснийской ситуации // Ежегодник Международное положение 1996 / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай: Шанхайское издательство образования].
678. *张振平.* 南斯拉夫危机与联合国的和平努力 // 世界经济与政治. 1992. № 5. С. 61–65. [*Чжан Чжэньпин*. Югославский кризис мирные усилия ООН // Мировая экономика и политика].
679. *赵锦元.* 南斯拉夫的科索沃问题 // 百科知识. 1997. № 5. С. 13. [*Чжао Цзиньюань*. Косовская проблема Югославии // Энциклопедические знания].
680. *赵乃斌.* 南斯拉夫社会主义自治制度失败的原因和教训 // 东欧中亚研究. 1992. № 4. С. 1–7. [*Чжао Найбинь*. Причины и уроки провала системы югославского социалистического самоуправления // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
681. *钟和.* 美国推行霸权主义的种种表现 // 科学社会主义. 1999. № 3. С. 16–20. [*Чжун Хэ*. Различные проявления гегемонизма, проводимого США // Научный социализм].
682. *周建平.* 前南地区动荡不已的症结初探 — 从波黑冲突到科索沃危机 // 解放军外国语学院学报. 1999. № 2. С. 112–114. [*Чжоу Цзяньпин*. Предварительные исследования

причин продолжающихся беспорядков в регионе бывшей Югославии: от боснийского конфликта до косовского кризиса // Вестник Института иностранных языков НОАК].

683. *朱宁.* 试论俄罗斯对巴尔干地区政策的调整 // 国际研究参考. 2018. № 11. С. 28–36. [*Чжу Нин*. Попытка анализа корректировки политики России в Балканском регионе // Международный научный справочник].
684. *朱晓中.* 从巴尔干到东南欧 — 冷战后巴尔干地缘政治变迁 // 东欧中亚研究. 1998. №3. С. 49–58. [*Чжу Сяочжун*. Геополитические изменения на Балканах после холодной войны от Балкан до Юго-Восточной Европы // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
685. *朱晓中.* 从南斯拉夫联邦到塞尔维亚: 析南斯拉夫的不断“裂变” // 当代世界. 2008. № 4. С. 19–22. [*Чжу Сяочжун*. От Югославской федерации до Сербии: анализ постоянного "раскола" Югославии // Современный мир].
686. *朱晓中.* 从铁板一块到市场细分 — 普京时期俄罗斯对中东欧国家政策 // 俄罗斯中亚东欧研究. 2008. № 3. С. 44–52, 96. [*Чжу Сяочжун*. От листового проката к сегментации рынка – национальная политика России в отношении Центральной и Восточной Европы в путинский период // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европе].
687. *朱晓中.* 大国在中东欧的重新布局 // 当代世界. 2013. № 3. С. 11–13. [*Чжу Сяочжун*. Перераспределение великими державами в Центральной и Восточной Европе // Современный мир].
688. *朱晓中.* 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. 2016. № 4. С. 5–12. [*Чжу Сяочжун*. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России].
689. *朱晓中.* 中国中东欧研究的几个问题 // 国际政治研究. 2016. № 5. С. 47–66. [*Чжу Сяочжун*. Некоторые вопросы китайских исследований Центральной и Восточной Европы // Исследования международной политики].
690. *朱行巧.* 从世界热点 — 前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. 1996. № 10. С. 24–27. [*Чжу Синцяо*. Взгляды на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса в бывшей Югославии и война в БиГ // Мировая экономика и политика].
691. *朱行巧.* 也谈前南斯拉夫分裂的教训和启示: 与胡鞍钢博士商榷 // 国际经济评论. 1996. № (Z6). С. 53–55. [*Чжу Синцяо*. К вопросу об уроках и выводах из распада бывшей Югославии: дискуссия с доктором Ху Аньганом // Международное экономическое обозрение].
692. *宗旗.* 科索沃危机对俄罗斯的影响 // 国际展望. 1999. № 13. С. 8–10. [*Цзун Ци*. Влияние косовского кризиса на Россию // Международное обозрение].
693. *左凤荣, 陆南泉, 王郦久.* 关于叶利钦的 60 个疑问 // 世界知识. 2007. № 10. С. 44–51. [*Цуо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю*. Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире].
694. *左娅.* 错综复杂的科索沃问题 // 东欧中亚研究. 1999. № 3. С. 59–63. [*Цзо Я*. Сложная и запутанная косовская проблема // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии].
695. *左娅.* 南联盟: 塞、阿两族矛盾激化的一年 // 俄罗斯和东欧中亚国家年鉴. 1998 / 张

森主编. 北京: 当代世界出版社, 2000. С. 198–201. [*Цзо Я.* СРЮ: год обострения сербско-албанских противоречий // Ежегодник России и стран Восточной Европы и Центральной Азии. 1998 / Под ред. Чжань Сэня. Пекин: Издательство «Современный мир»].

696. *左娅.* 中国社会科学院东欧中亚研究所召开科索沃问题研讨会 // 中国社会科学院东欧中亚研究所 [*Цзо Я.* Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН провел конференцию по косовской проблеме // Институт Восточной Европы и Центральной Азии КАОН]. 13.10.2009. URL: http://euroasia.cssn.cn/cbw/cbw_elsdozyyj/200910/t20091013_1849661.shtml (дата обращения: 09.12.2025).

На сербохорватском языке

697. *Čavoški J.* Југославија и Азија (1947–1953) // у спољна политика Југославије 1945–1960: зборник радова / ур. Слободан Селинић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2007. С. 526–543.
698. *Dedijer V.* Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina. Rijeka. 1982. S. 14–20.
699. *Đukić S.* Odnosi Srbije sa Rusijom – osvrt na postjugoslovenski (postsovjetski) period // Izazovi spoljne politike Srbije: Zbornik radova / Jelica Minić. Beograd: Fondacija Fridrih Ebert, 2015. S. 31–37.
700. *Janković S.* Osnove za oslanjanje na Rusiju u spoljnoj politici Srbije // Savremeni međunarodni izazovi: Globalna i regionalna perspektiva. Belgrade: Faculty of Political Sciences University of Belgrade, 2008. S. 183–208.
701. *Курјак Ј.* Русија и Балкан између прошлости и реалности // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 79–93.
702. *Petković P.* Русија и САД у југословенској кризи // Међународна политика. 1994. № 1024. 1 марта. С. 16–17.
703. *Petković P.* Улога Русије у југословенској кризи // Међународна политика. 1994. № 1027. 1 августа. С. 1–5.
704. *Petković R.* Jugoslavija i svet u postbipolarnoj eri. Beograd: Međunarodna politika: Službeni list SRJ: Pravni fakultet: Fakultet političkih nauka: Institut ekonomskih nauka. 1998. S. 197–204.
705. *Reljić D.* Rusija i Zapadni Balkan. Beograd: ISAC fond, 2009. 41 s.
706. *Stajić D.P.* Ruska politika na Balkanu // Međunarodni problemi. 1999. №. 3/4. S. 415–417.
707. *Stojanović T.* Ruska dominacija na Balkanu // Љетопис Српског културног друштва "Просвјета". 2016. № 21. S. 128–162.
708. *Stopić Z.* Pisani odnosi s NR Kinom: Što su, kako i kada Kinezi pisali o Jugoslaviji i Hrvatskoj // Historijski zbornik GOD. 2017. №. 1. S. 137–158.
709. *Timofejev A.* Mitovi o Rusiji i dinamika razvoja ruskih spoljnopolitičkih odnosa na Zapadnom Balkanu // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka / Žarko N. Petrović. Beograd. 2010. S. 19–23.
710. *Тодоровић З.* Нова – стара Русија: безбедносни дискурс // Civitas. 2015. № 9. С. 55–77.
711. *Аврамов С.* Руско-српски односи на прагу трећег миленијума // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 133–157.
712. *Бабић Б.* Место економске сарадање на Балкану у европској политици Југославии // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 173–185.

713. *Гајић А.* Руска спољна политика и њени геополитички интереси на Балкану // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 133–153.
714. *Гуськова Ј.* Нова спирала кризе на Косову и позиција Русије (1997–1998) // Глас САНУ. Одељење историјских наука. Књ. 17. CDXXV. Београд, 2015. С. 285–301.
715. *Живанов С.* Русија и агресија НАТО на Србију // Српско-руски односи од почетка XVIII до краја XX века: примљено на IV скупу Одељења историјских наука од 27. априла 2011. године. Београд, 2011. С. 355–377.
716. *Jovanović M.* Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Rusije i Srbije na početku XXI veka / Žarko N. Petrović. Beograd, 2010. S. 11–17.
717. *Крга Б.П.* Безбедност Балкана и Русија // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 155–171.
718. *Курьяк Ј.* Стратешке позиције Русије, Балкан и југословенска криза // Међународни проблеми. 1997. № 1. С. 73–92.
719. *Михајлов М.* Србија призива мрачњачку Русију // Лимес плус. 2005. № 1. С. 67–80.
720. *Пандуревић В.* Балкан и Руска Федерација: геополитички и безбедносни аспекти // Политика националне безбедности. 2019. Vol. 17. № 2. С. 15–48.
721. *Радиновић Р.* Војностратешки аспекти руске политике на Балкану // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 205–219.
722. *Резничек М.* Змајеви апокалипсе: слика Срба у рату у Босни и Херцеговини (1992–1995) на филму // Српске студије. 2025. Vol. 16. С. 294–323.
723. *Самарџић Н.* Руски мит у српској историји // Лимес плус. 2005. № 1. С. 171–180.
724. *Скакун М.* Руско-српска савезништва // Руска политика на Балкану. Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 38–59.
725. *Стојановић С.* Нека питања руске политике на Балкану // Руска политика на Балкану / Ред. Јелица Курјак. Београд, 1999. С. 169–172.
726. *Ћулибрик Ж.* Безбједност Русије у постхладноратвском периоду – улога првог руског предсједника Бориса Јељцина // Србија и стратешка раскршћа: зборник радова научног скупа, Београд, 30 септембар 2016 / Главни уредник Д. Марковић. Београд, 2016. С. 311–322.

На английском языке

727. *Andersen M.* Russia and the former Yugoslavia // Russia and Europe: Conflict or Cooperation? / Mark Webber (eds.). London: Palgrave Macmillan UK, 2000. P. 179–209.
728. *Arbatova N.A.* European Security after the Kosovo Crisis: The Role of Russia // Southeast European and Black Sea Studies. 2001. Vol. 1. № 2. P.64–78.
729. *Averre D.* From Pristina to Tskhinvali: The Legacy of Operation Allied Force in Russia's Relations with West // International Affairs. 2009. Vol. 85. № 3. P. 575–591.
730. *Averre D.* NATO expansion and Russian National Interests // European Security. 1998. Vol. 7. № 1. P. 10–54.
731. *Baev P.* The impact on relations between Russia and Central Europe // The Implications of the Yugoslav Crisis for Western Europe's Foreign Relations / Ed. by Mathias Jopp. European Union Institute for Security Studies. 1994. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp017e.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

732. *Baev P*. The Impact on Relations between Russia and Western Europe // The Implications of the Yugoslav Crisis for Western Europe's Foreign Relations. Chaillot Paper. 1994. № 17. P. 35–49.
733. *Bakota I.* Between Mao and Deng: Did Sino-Yugoslav Rapprochement Come Too late? // China, Yugoslavia, and Socialist Worldmaking: Convergences and Divergences / Edited by Zvonimir Stopić, Jure Ramšak, Zhanjun Liang, and Jože Pirjevec. ZRS Koper, 2023. P. 163–192.
734. *Baranovsky V.* Russia: a Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs. 2000. Vol. 76. № 3. P. 443–458.
735. *Bowker M*. The Wars in Yugoslavia: Russia and the International Community // Europe–Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 7. P. 1245–1261.
736. *Broun A*. Russian Foreign Policy towards Central Europe and the Balkans // The Foreign Policy of the Russian Federation / Roger E. Kanet , Alexander Kozhemiakin (eds.). New York. St. Martin's Press, Inc., 1997. P. 49–77.
737. *Brovkin V*. Discourse on NATO in Russia during the Kosovo War // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 1999. Vol. 7. № 4. P. 544–560.
738. *Brudenell A.M.* Russia's Role in the Kosovo Conflict of 1999 // RUIS. 2008. Vol. 153. № 1. P. 30–34.
739. *Brusadelli F.* A Federal Nightmare: The People's Republic of China and the Breakup of Yugoslavia // Global Perspectives. 2023. Vol. 4. № 1. P. 1–11.
740. *Buckley M*. Russian Foreign Policy and Its Critics // European Security. 2002. Vol. 11. № 4. P. 29–46.
741. *Cavoski J*. Overstepping the Balkan boundaries: The lesser known history of Yugoslavia's early relations with Asian countries (new evidence from Yugoslav / Serbian archives) // Cold War History. 2011. Vol. 11. № 4. P. 557–577.
742. *Cohen L.J*. Russia and the Balkans: pan-Slavism, partnership and power // International Journal. 1994. Vol. 49. № 4. P. 814–845.
743. *Cross S.* Russia and NATO toward the Twenty-First Century: Conflicts and Peacekeeping in Bosnia-Herzegovina and Kosovo // The Journal of Slavic Military Studies. 2002. Vol. 15. № 2. P. 1–58.
744. *Edemskiy A*. Russian policy towards the War of dissolution in ex-Yugoslavia: (Russian Perspectives) // International Perspectives on the Yugoslav Conflict London-New York, 1996. C. 29–51.
745. *Eribo F.* Russian Newspaper Coverage of Somalia and the Former Yugoslavia // A journal of Opinion. 1994. Vol. 22. № 1. P. 30–34.
746. *Gallagher T.* Milošević, Serbia and the West during the Yugoslav Wars, 1991–1995 // The Balkan and the West: Constructing the European other, 1945–2003 / ed. by A. Hammond. Hampshire, 2004. P. 153–168.
747. *Gibas-Krzak D*. The geopolitical importance of the Balkans: A general overview // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. Vol. 33. № 3. P. 460–479.
748. *Glenny M*. Heading off war in the Southern Balkan // Foreign Aff. 1995. Vol. 74. № 3. P. 98–108.
749. *Glenny M.* The Macedonian Question: Still no Answers // Social Research. 1995. Vol 62. № 1. P. 143–160.
750. *Gries H.P*. Tears of Rage: Chinese Nationalist Reactions to the Belgrade Embassy

Bombing // The China Journal. 2001, №. 46. P 25–43.
751. *Guskova Y.* Russia's policy in the Balkans // Eurobalcans. Athens, 1995. № 19. P. 36–45.
752. *Haslam J.* Russia's seat at the table: a place denied or a place delayed? // International Affairs. 1998. Vol. 74. № 1. P. 119–130.
753. *Hughes J.* Russia and the Secession of Kosovo: Power, Norms and the Failure of Multilateralism // Europe – Asia Studies. 2013. Vol. 65. № .6. P. 992–1016.
754. *Israelyan V.* Russia at the crossroads: Don't Tease a Wounded Bear // Washington Quarterly. 1998. № 21 (1). P. 47–65.
755. *Jagiello B.* The Balkan Kettle: Russia's policy towards the Balkans. Security and Defence Quarterly. 2021. Vol. 35. № 3. P. 47–61.
756. *Johnson A.R.* Yugoslavia and the Sino-Soviet Conflict: The Shifting Triangle, 1948–1974? // Studies in Comparative Communism. 1974. Vol. 7. №. 1/2. P. 184–215.
757. *Khan M.* Bosnia-Herzegovina and the Crisis of the Post-Cold War International System // East European Politics and Societies. 1995. № 9 (3). P. 459–498.
758. *Kohen S.* American Policy and Russia's Future; Illusion and Realities // The Nation. 1993. Vol. 256. № 13. P. 54–98.
759. *Kubicek P.* Russian foreign policy and the West // Political Science Quarterly. 1999–2000. Vol. 114. № 4. P. 547–568.
760. *Kukaj A.* The Implications of the 1999 U.S. Bombing of the Chinese Embassy in Belgrade on Contemporary Sino-American Relations: A Theoretical Analysis. 2019. 92 p.
761. *Kurjak J.* Russia's Balkan Strategy. URL: https://iwpr.net/global-voices/russias-balkan-strategy (дата обращения: 06.09.2025).
762. *Levitin O.* Inside Moscow's Kosovo muddle // Survival. 2000. Vol. 42. № 1. P. 130–140.
763. *Li Y.* Between Internationalism and Patriotism: The CPC's Reactions and Responses to the Tito-Stalin Split // China, Yugoslavia, and Socialist Worldmaking: Convergences and Divergences / Edited by Zvonimir Stopić, Jure Ramšak, Zhanjun Liang, and Jože Pirjevec. ZRS Koper, 2023. P. 93–116.
764. *Lynch A.C.* The realism of Russia's foreign policy // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 1. P. 7–31.
765. *Lynch D.* "Walking the Tightrope": the Kosovo Conflict and Russia in European Security, 1998 – August 1999 // European Security. 1999. Vol 8. № 4. P. 57–83.
766. *MacFarlane S.N.* Russia, the West and European security // Survival. 1993. Vol. 35. № 3. P. 3–25.
767. *Malcolm N.* Bosnia and the West: A Study in Failure // The National Interest. 1995. № 39. P. 3–14.
768. *Mandelbaum M.* A Perfect Failure-NATO's War Against Yugoslavia // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 5. P. 2–8.
769. *Marten K.* Reconsidering NATO expansion: a counterfactual analysis of Russia and the West in the 1990s // European Journal of International Security. 2017. Vol. 3. № 2. P. 135–161.
770. *McBride J.* Russia's Influence in the Balkans // Council on Foreign Relations. November 21, 2023. URL: https://www.cfr.org/backgrounders/russias-influence-balkans (дата обращения: 06.09.2025).
771. *McFaul M.* Russia's Many Foreign Policies // Demokratizatsiya. 1999. № 7. P. 393–393.
772. *Mendeloff D.* "Pernicious history" as a cause of national misperceptions: Russia and the

1999 Kosovo war // Cooperation and Conflict. 2008. Vol. 43. № 1. P. 31–56.
773. *Nichol J.* Kosovo Conflict: Russian Responses and Implications for the United States. CRS Report RL30130. Washington, D.C.: Congressional Research Service, Library of Congress, 1999. URL: https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metacrs943/ (дата обращения: 21.07.2026).
774. *Nikiforov K.* Russian Foreign Policy and the Balkans in the 1990s // Balcanica. № 38. 2007. P. 231–241.
775. *Odom W.E.* Russia's Several Seats at the Table // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). 1998. Vol. 74. № 4. P. 809–822.
776. *Panagiotou R.* The Western Balkans between Russia and the European Union: perceptions, reality, and impact on enlargement // Journal of Contemporary European Studies. 2020. Vol. 29. № 2. P. 1–15.
777. *Peter M., Houghton K.A.* Russia and China in Liberal Peacebuilding: Perceptions and Engagement with the Dayton Peace Process in Bosnia and Herzegovina. Edinburgh: PeaceRep, The Peace and Conflict Resolution Evidence Platform, University of Edinburgh, 2024. 43 p. URL: https://peacerep.org/wp-content/uploads/2024/04/China-and-Russia-in-Liberal-Peacebuilding-DIGITAL.pdf (дата обращения: 21.07.2026)
778. *Peter M., Houghton, K.A.* The Dayton peace process: A keyhole into Russian and Chinese engagement with liberal peacebuilding // International Peacekeeping. 2025. № 32(4). С. 865–891.
779. *Perry J.D.* Operation Allied Force: The View from Beijing // Aerospace Power Journal. 2000. Vol. 14. № 2. P. 79–91.
780. *Pirjevec J.* From Comrades to Revisionists and Back: The Vicissitudes of Sino-Yugoslav Relations from the 1930 s to the 1980s // China, Yugoslavia, and Socialist Worldmaking: Convergences and Divergences / Edited by Zvonimir Stopić, Jure Ramšak, Zhanjun Liang, and Jože Pirjevec. ZRS Koper, 2023. P. 21–78.
781. *Ramet S.P.* War in the Balkans // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 4. P. 79–98.
782. *Remington R.A.* Balkan Triangle: Washington, Moscow, and Belgrade // The New Chapter in United States-Russian Relations: Opportunities and Challenges / ed. by Sharyl Cross, Marina A. Oborotova. London: Bloomsbury Academic, 1994. P. 153–168.
783. *Roberts A.* NATO's «Humanitarian War» over Kosovo // Survival. 1999. Vol. 41. № 3. P. 102–123.
784. *Sakaguchi Y., Mayama K.* Significance of the War in Kosovo for China and Russia // NIDS Security Reports. 2002. P. 1–23.
785. *Samokhvalov V.* Russia in the Balkans: Great Power Politics and Local Response // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. № 2. P. 189–210.
786. *Simić P.* Dynamics of the Yugoslav crisis // Security Dialogue. 1995. Vol. 26. № 2. P. 153–172.
787. *Simić P.* Russia and the conflicts in the former Yugoslavia // Southeast European and Black Sea Studies, 2001. Vol. 1. № 3. P. 95–114.
788. *Smaçi E.* A Historical Approach to Russian Foreign Policy in the Balkans (1945–2022) // 7th International Conference on Research in HUMANITIES & SOCIAL SCIENCES. Milan, Italy, 19–21 May 2023. P. 1–11.
789. *Vangeli A.* Global China, (former) Yugoslavia, and socialism // Filozofija i drustvo. 2023. № 34 (4). С. 613–636.

790. *Vangeli A.* Global China and the Quest for Peace in Bosnia and Herzegovina. Edinburgh: PeaceRep, The Peace and Conflict Resolution Evidence Platform, University of Edinburgh, 2024. 31 p. URL: https://peacerep.org/wp-content/uploads/2024/03/Global-China-and-the-Quest-for-Peace-in-Bosnia-and-Herzegovina-DIGITAL.pdf (дата обращения: 21.07.2026).
791. *Walt S.* Two Cheers for Clinton's Foreign Policy // Foreign Affairs. 2000.Vol. 79. № 2. P. 63–79.
792. *Yang J.* Framing the NATO Air Strikes on Kosovo Across Countries: Comparison of Chinese and US Newspaper Coverage//International Communication Gazette. 2003. Vol. 65. № 3. С. 231–249.
793. *Yesson E.* NATO and Russia in Kosovo // The RUSI Journal. 1999. Vol. 144. № 4. P. 20–26.
794. *Zhou Y.* Shared Victimhood: The Reporting by the Chinese Newspaper the People's Daily on the 1999 NATO Bombing of Yugoslavia // Comparative Southeast Studies. 2021. № 70 (2). С. 202–223.

III. Диссертации

795. *Ильина Г.А.* Политика России в югославском кризисе, 1991–1999 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 202 с.
796. *Моро Г.И.* Дезинтеграционные процессы в Балканском регионе в контексте обеспечения безопасности России.: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 174 с.
797. *Никифоров К.* Боснийский кризис и позиция России (1992–1995).: дис. … докт. ист. наук. М., 2000. 316 с.
798. *Никифоров К.В.* Боснийский кризис и позиция России (1992–1995).: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 44 с.
799. *Пономарева Е.Г.* Распад югославской модели федерализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1995. 27 с.
800. *Пономарева Е.Г.* Формирование государственности на постъюгославском пространстве: внутренние и внешние факторы.: дис. … докт. ист. наук. М., 2010. 373 с.
801. *陈巧.* 北马其顿国家认同建构研究. 中国社会科学院大学. 2024. 105 с. [Чэнь Цяо. Исследования строительства национальной идентичности Северной Македонии. Университет Китайской академии общественных наук].
802. *Headley J.* The Russian Federation and the Conflicts in Former Yugoslavia, 1992-1995. School of Slavonic and East European Studies, University of London, 2008. 334 p.